

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ОБРАЗЫ РОССИИ,
ЕЕ РЕГИОНОВ
В ИСТОРИЧЕСКОМ
И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции с международным участием,
посвященной 75-летию Новосибирского государственного
педагогического университета
(17–19 ноября 2010 г.)

Под редакцией *В. А. Зверева*

Новосибирск 2010

УДК 94(47)(082)
ББК 63.3(2)я43
О-234

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета НГПУ

Редакционная коллегия:

В. А. Зверев, доктор исторических наук, профессор (ответственный редактор);
Н. Н. Родигина, доктор исторических наук, профессор;
К. Б. Умбрашко, доктор исторических наук, профессор;
К. Е. Зверева, кандидат исторических наук, доцент;
О. М. Хлытина, кандидат педагогических наук, доцент

Рецензенты:

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института истории Сибирского отделения РАН
А. А. Николаев;
кафедра отечественной истории Новосибирского государственного
педагогического университета

О-234

Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию Новосибирского государственного педагогического университета (17–19 ноября 2010 г.) / под ред. В. А. Зверева. – Новосибирск : Изд. НГПУ, 2010. – 358 с.

ISBN 978-5-85921-803-5

В сборнике помещены тексты выступлений участников конференции, посвященной 75-летию юбилею крупнейшего на востоке России Новосибирского государственного педагогического университета (до 1993 г. – педагогический институт). Материалы отражают результаты научных исследований по истории, культурологии, теории и методике обучения истории, экспериментально-педагогической работы профессоров и преподавателей, аспирантов и соискателей, студентов Института истории, гуманитарного и социального образования НГПУ, а также ученых и преподавателей из вузов и академических учреждений Санкт-Петербурга, Новосибирска, Волгограда, Омска, Барнаула, ряда других городов России и Украины. Большинство работ объединено общей темой: «Образы России и российских регионов как интеллектуальные конструкты, предметы социокультурного дискурса в историческом прошлом и настоящем». Анализируются историография и источники, методология изучения различных аспектов этой темы. Характеризуются символы и места памяти России, Сибири, Кавказа, Урала, Хакасии, Тамбовской и Тульской областей, Притомья, Алтая в культуре и историческом сознании современников; роль образов исторических деятелей и выдающихся событий в конструировании национальной и региональной идентичностей. Образы исторического прошлого России, ее регионов представлены как феномен сознания школьников и студентов, содержательный элемент современного исторического и социально-гуманитарного образования в школе и вузе. Нашли отражение психолого-педагогические основы позиции учителя, актуализирующего образы России в гуманитарном образовании; современные педагогические технологии и методики создания образов прошлого при изучении истории; зарубежный опыт формирования представлений учащейся молодежи о России.

Представленные работы могут быть востребованы специалистами в области российской и всеобщей истории, культурологии, теории и методике обучения истории, а также преподавателями, аспирантами и студентами гуманитарных факультетов вузов.

УДК 94(47)(082)
ББК 63.3(2)я43

ISBN 978-5-85921-803-5

© ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ	7
<i>Белгородская Л. В.</i> Теоретические основы исторической имидженологии	7
<i>Боброва Н. В.</i> Историческая биография как метод формирования образов прошлого нашей страны	10
<i>Виноградов Б. В., Калинин Д. А.</i> К проблеме мифологизированных интеллектуальных конструктов в современном научном кавказоведении	11
<i>Горьковская З. П.</i> Восприятие образа прошлого в контексте категории «картина мира»: аспект сравнительного анализа	15
<i>Дёмин М. А.</i> К вопросу об источниках формирования образа сибирских аборигенов	19
<i>Ерохина Е. А.</i> «Европа» или «Евразия»? Проблема выбора цивилизационных оснований российской идентичности в оценках представителей научного сообщества	23
<i>Ивонина О. И.</i> Образ исторической судьбы России в христианской историософии второй половины XIX – середины XX в.	26
<i>Менциков В. В.</i> Локальный объект в историческом познании	30
<i>Моисеева А. Ю.</i> Мессианство как образ и явление русской культуры	33
<i>Разбегаева Л. П.</i> Образ современного культурно-исторического пространства: ценностный аспект	35
<i>Рыженко В. Г.</i> Коммуникативная и исследовательская роль в конструировании образов Сибири межрегиональных и всероссийских научно-художественных проектов начала XXI в.	40
<i>Самарский А. Н.</i> Классификации ценностей в современной философии образования и теории педагогики	44
<i>Самушкина Е. В.</i> Этноисторические концепции символической элиты Республики Хакасия (конец XX – начало XXI в.)	46
<i>Сизинцева Л. И.</i> Образ места как элемент туристско-рекреационного потенциала региона	50
<i>Стрелова О. Ю.</i> Образы – мифы – фальсификации	54
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОШЛОГО РОССИИ, ЕЕ РЕГИОНОВ	58
<i>Баяндин В. И.</i> Периодические издания дореволюционной России как источник по истории российских армии и флота (вторая половина XIX – начало XX в.)	58
<i>Болонкина Е. В.</i> Исследование особенностей социально-экономического развития Енисейской губернии во второй четверти XIX в. в отечественной историографии (XIX в. – 1980-е гг.)	61
<i>Вепренцева Т. А.</i> Ранние методы описания истории края и их современная значимость (на примере исследований Н. Е. Северного – первого историографа Тульского края)	67
<i>Ветров И. И.</i> Принятие христианства славянами как основание противопоставления России и Польши (на примере исторической концепции Йоахима Лелевеля)	69
<i>Ермолаев М. С.</i> Современная историография торговой деятельности городов Западной Сибири середины XIX – начала XX в.	72
<i>Карнаухов Д. В.</i> Проблема летописных источников хроники Мачея Стрыйковского в отечественной и польской историографии	74
<i>Коновалов С. С.</i> Земство на Урале в отечественной дореволюционной либерально-народнической историографии	77
<i>Красильникова Е. И.</i> Российская некрополистика и первый «Новосибирский некрополь»	80
<i>Прокопьева И. В.</i> Личные источники: теоретический аспект изучения	86
<i>Ромащенко Л. И.</i> Пётр Калнышевский в историографии и художественной литературе	88
<i>Серых А. А.</i> Вопросы национальной идентичности в лекционных курсах русских историков конца XIX – начала XX в.	91
<i>Спесивцева В. А.</i> Источники ренессансной хроники Мачея Стрыйковского (раздел первый первой книги)	93
<i>Скопа В. А.</i> Взаимосвязь статистической науки и практики в системе статистических учреждений Западной Сибири в XIX – начале XX в.: теоретико-методологический анализ	96

<i>Умбрашко К. Б.</i> Методологические и источниковедческие «штудии» русских историков первой половины XIX в.	99
<i>Шитлов И. А.</i> Работы представителей вспомогательного персонала академических экспедиций 40–70-х гг. XVIII в. как источник по истории изучения Сибири	104
<i>Шостакович Б. С.</i> Образ Сибири и ее населения на рубеже XIX–XX столетий в освещении польского наблюдателя-аналитика, политически значимого ксендза Яна Хыличковского	106

СИМВОЛЫ И МЕСТА ПАМЯТИ, ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ, ИХ РОЛЬ В КОНСТРУИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ 111

<i>Адоньева И. Г.</i> Правосознание городского населения Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в.: постановка проблемы	111
<i>Архипов Б. В.</i> Кинообразы и общероссийская идентичность: от «Александра Невского» к «Александрю. Невская битва»	114
<i>Блинова О. В.</i> Социокультурный облик учительства в газетной прессе Западной Сибири конца XIX – начала XX в.	116
<i>Бурик Н. М.</i> Образ священника в дореволюционной прессе Алтая	119
<i>Васильева Е. Б.</i> Персонифицированные символы движения декабристов и проблема поиска национальной идентичности во второй половине XIX в. (опыт анализа двух биографий)	121
<i>Власюк О. А.</i> Образ Кавказа в представлениях русских историков второй половины XIX в.	123
<i>Вольф С. П.</i> «Места памяти» декабристов в источниках личного происхождения	126
<i>Воропаева Т. В.</i> Репрезентации пространства Восточной Пруссии в путевых заметках русских путешественников первой половины XIX в.	129
<i>Давыдов М. Е.</i> Образ СССР в современной западной историографии «холодной войны»	131
<i>Дружинина Ю. В.</i> Образ сельского учительства Западной Сибири начала XX в. в произведениях сибирских писателей	133
<i>Замятин Л. П.</i> Визуальный образ города Новосибирска в фотографиях 1945–1992 гг.	137
<i>Зарипова Д. М.</i> Образ советского ребенка в журнале «Мурзилка» (1946–1953 гг.)	141
<i>Качалова М. С.</i> Образ России в журнальной периодике ФРГ (1980–2000-е гг.)	144
<i>Кикахина Е. А.</i> Польское восстание 1863 г. как «место памяти» в мемуарах Э. К. Пименовой	146
<i>Кимеев В. М., Терентьев В. И.</i> Образы притомских острогов в культурно-историческом сознании современного населения Кемеровской области	148
<i>Кобелева Е. А.</i> Образы «красных» и «белых» политических деятелей в сознании студентов	150
<i>Коршунов В. А.</i> «Дорога – Сибирь!» Образ Сибири и сибирские дороги в XIX в.	153
<i>Котович Л. В.</i> «Мы стоим на пороге своего культурно-экономического развития». Образ деревни будущего в журнале «Сибирская деревня» (1912–1917 гг.)	158
<i>Кузнецова Т. А.</i> Репрезентации Сибири на страницах периодических изданий Русского Географического общества во второй половине XIX – начале XX в.: тематические приоритеты	161
<i>Остапенко С. Н.</i> Форма кубанского казака как фактор формирования исторического сознания у современников	166
<i>Палишева Н. В.</i> Образ русской революции 1917 г. в глазах индийских революционеров	168
<i>Панченко Н. Г.</i> Испания как «другая» Россия в «Письмах об Испании» В. П. Боткина	171
<i>Родигина Н. Н.</i> Кто конструировал образ Сибири? Авторский корпус публикаций о регионе в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.	173
<i>Сабурова Т. А.</i> Образ Александра I и формирование идентичности русского общества первой половины XIX в.	178
<i>Сергеев В. В.</i> Образ Азиатской России в журнале «Нива» на рубеже XIX–XX вв.: подходы к изучению	183
<i>Тимофеева Ю. В.</i> Образ сибирского читателя-крестьянина конца XIX – начала XX в. (по данным об уровне грамотности сельского населения)	185
<i>Чиканова Н. А.</i> Образ Николая II в учебной литературе как отражение исторической памяти потомков	187

<i>Шиловский М. В.</i> Образ Г. Н. Потанина в конструировании сибирской региональной идентичности	190
ЯВЛЕНИЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ, ПРЕДОПРЕДЕЛИВШИЕ СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗОВ РОССИЙСКОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ	193
<i>Александрова Е. А.</i> Строительство переселенческих дорог в Томской губернии начала XX в.	193
<i>Багдасарян А. О.</i> Первая мировая война в военной биографии генерала Н. В. Рузского	196
<i>Глушков С. Е.</i> Здоровье и заболеваемость: факторы влияния на демографическую ситуацию в Западной Сибири конца имперского периода (к постановке проблемы) . . .	199
<i>Давыденко Н. А.</i> Человек, ученый, патриот. Штрихи к портрету томского правительственного агронома И. К. Окулича	203
<i>Зверев В. А.</i> Начальный этап второго демографического перехода в Сибири: опыт моделирования вариантов	207
<i>Караваева Е. В.</i> Деятельность православного духовенства Томской епархии по устройству деревенских яслей-приютов летом 1915 г.	212
<i>Катионов О. Н.</i> Н. А. Радищев и А. П. Чехов – путники Сибири	217
<i>Кротт И. И.</i> «Чужаки» в сельском сообществе. К вопросу о причинах земельных захватов в годы революции и Гражданской войны в Сибири	222
<i>Любимова Г. В.</i> Культ местных святынь в контексте событий локальной истории. Парадоксы народной исторической памяти сельского населения Сибири	227
<i>Матханова Н. П.</i> Книга и чтение в воспоминаниях о детстве (на материалах сибирской мемуаристики XIX в.)	231
<i>Овчинников А. А.</i> Имя на карте Купинского района	234
<i>Пономарёва Е. С.</i> Театр в повседневной жизни сибирского горожанина (на примере Омска 1920–1930-х гг.)	236
<i>Рудакова И. Ф.</i> Судьба спецпереселенческой семьи Третьяковых	238
<i>Хламова А. М.</i> «Штрафная колонизация Сибири». Высшая администрация Российской империи второй половины XIX в. о колонизационном потенциале уголовной ссылки	241
<i>Ляшевская Н. В.</i> Московский университет как «место памяти» русского общества конца XIX – начала XX в.	243
ОБРАЗЫ РОССИИ, ЕЕ РЕГИОНОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ	246
<i>Аристов Ю. С.</i> Образ Сибири: проблемы формирования регионального компонента при введении новых образовательных стандартов	246
<i>Байтуганов В. И.</i> Школа русской традиционной культуры «Васюганье» – системная модель этнического образования и воспитания	249
<i>Бехтенова Е. Ф.</i> Методические пути создания мотивационной основы познавательной деятельности школьников на уроках истории	253
<i>Богданова О. И.</i> Содержание создаваемого на уроках истории образа Петра I – выдающегося труженика	257
<i>Бунина Н. О.</i> Исторические образы России. Методика изучения духовной жизни русского народа в курсе истории Отечества в 10 классе	259
<i>Горностаева Е. Е.</i> Потенциал школьной учебной литературы в процессе культурного самоопределения личности	263
<i>Ивайкина И. П.</i> Проект модели саморазвития гимназиста-старшеклассника в конкретной учебной деятельности на уроках истории	265
<i>Ковешникова О. Т.</i> Гражданское самоопределение личности в образовательном пространстве современного общества	268
<i>Крутова И. В.</i> Школьные курсы истории и обществознания – средство формирования отношения старшеклассников к толерантности как социально значимой ценности . .	270
<i>Кузнецова Ф. С.</i> Образы Сибири и ее народов в школьном курсе истории	274
<i>Лазукова Н. Н., Ван Цзяцзы, Ли Наньнань.</i> Изучение истории России в школах Китая	278
<i>Лейбова Е. К.</i> Исторический анализ произведений художественной литературы: типология познавательных заданий для студентов неисторических факультетов	282

<i>Мацефук Е. А.</i> Этические смысловые конструкты как средство создания образов прошлого в обучении истории	288
<i>Мацкайлова О. А.</i> Технологические основы гуманитарно-ориентированного обучения в системе среднего профессионального образования	291
<i>Пирожков Г. П.</i> О культуролого-краеведческой подготовке специалиста на основе педагогической программы-компендиума «История и культура Тамбовского края»	295
<i>Садовникова О. В.</i> История России в школьных учебных программах Белоруссии	298
<i>Самоходкина Т. В.</i> Аспектные ценностные проблемы как средство реализации целей урока истории	301
<i>Соловьёв В. Д.</i> История России в школьных учебниках Сербии	304
<i>Спирин А. П.</i> Компьютерные технологии как профессиональная ценность учителя истории	306
<i>Трунова Т. А.</i> Возможности использования региональной истории в методической подготовке будущих учителей в свете рекомендаций Совета Европы (из опыта работы)	308
<i>Хлытина О. М.</i> «История вокруг». Варианты организации изучения прошлого на основе источников, хранящихся в семье школьника	311
<i>Чернуха О. А.</i> Профильное образование в современной России: состояние и проблемы	315
<i>Красняков Н. И., Сейит Сертчелик.</i> Форма российского государства и геополитические условия как факторы влияния на присоединение Кавказа во второй половине XVIII – начале XIX в.	318

ОБРАЗЫ ВОЕННОЙ И ПОСЛЕВОЕННОЙ СИБИРИ В МЕМУАРАХ ВЕТЕРАНОВ (НОВЫЕ ЗАПИСИ СТУДЕНТОВ-ИСТОРИКОВ) 324

<i>Власенко Т. П.</i> «Меня господь благословил». Эпизоды жизни с верой при советской власти (из воспоминаний Е. Д. Власенко)	324
<i>Клименко Л. Г.</i> «Работали, как быки». И жизнь, и слезы, и любовь А. С. Баженовой	327
<i>Кравченко Д. В.</i> Судьба немецкой семьи по рассказам бабушки Гильды	330
<i>Макаров М. Н.</i> «Правда – она всегда побеждает». Рассказывает В. М. Наделяева	331
<i>Минина С. Ю.</i> «Каждую крошку – на всех». В. П. Минин о жизненных испытаниях военных лет	333
<i>Пивченко И. В.</i> «Больше вспоминается тяжелого». Л. А. Пивченко о военных годах в Сибири	337
<i>Рехтина Т. Е.</i> Из гитлеровского лагеря в сталинский: судьба моего прадеда на фоне эпохи	339
<i>Сырохватова Ю. А.</i> «Как сейчас помню...». С. П. Сырохватова о детстве в родном Новосибирске	341
<i>Барышникова Е. А.</i> «Немцев выслать – неужели правда?» Из воспоминаний М. С. Мирук	344
<i>Сычёва А. А.</i> «Хорошо было, весело!» Воспоминания Г. П. Почтарь о счастливой молодости	346
<i>Тарасенко О. А.</i> «Бытует такое поверье...». Печальные воспоминания П. С. Кошеутовой	348
<i>Трампольцева О. Г.</i> «Живу одними воспоминаниями». Трагическая судьба М. С. Маловой	351
<i>Франк А. В.</i> «Жизнь своим чередом». Воспоминания А. К. Глущенко о деревенской повседневности	355

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ

УДК 030(Т2-41)(Т2-73) + 1

Л. В. Белгородская

Сибирский федеральный университет (Красноярск)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИМИДЖЕНОЛОГИИ

В условиях формирования открытого информационного пространства политическая и научная коммуникация осуществляется посредством доступных массовому сознанию символов и форм, которые становятся инструментами конструирования национальных и цивилизационных идентичностей. Можно констатировать, что, с одной стороны, образы и имиджи государства, страны, народа устойчивы и ожидаемы, с другой – изменчивы и причудливы. Образ России в наше время волнует миллионы людей – самих россиян, иностранцев, изучающих страну, мало знакомых с ней людей. В последние годы образ страны на Западе претерпел существенные, в том числе и негативные, изменения. Одновременно произошло осознание идеи, что формирование позитивного имиджа страны является ресурсом динамичного развития общества. В Государственной Думе РФ постоянно действует комитет по формированию положительного образа страны за рубежом. Содействие позитивному восприятию России в мире, популяризация русского языка и культуры признаны важнейшей политической задачей. В стране разработана и успешно реализуется программа «Русский мир». С 2005 г. телеканал «Russia Today» круглосуточно вещает на страны Европы, Азии, Америки.

Завершение «холодной войны» привело к расширению научных контактов и обновлению тематики исторических исследований. Проблема «Россия и внешний мир» приобрела важное научное значение в гуманитарном знании. В центре внимания исследователей оказались не только история как таковая, но и современная историческая память, факторы, рождающие искаженный или более адекватный образ истории в общественном сознании, стереотипы и мифологические представления в области истории в соотношении с представлениями научными.

В последние годы в России получило развитие инновационное научное направление – имидженология. Происхождение названия связано с английским словом *image* – образ, отражение, представление. Это комплексная обществоведческая дисциплина, находящаяся на стыке истории, культурологии, социологии, политологии, психологии, изучающая взаимовосприятие народами друг друга, механизмы формирования внешнеполитических стереотипов, причины смены тех или иных этнических характеристик, особенности восприятия образов стран. В процессе становления находится терминология нового направления¹. Автор разделяет позицию тех ученых (И. С. Семененко, В. В. Лапкин, В. И. Пантин), которые полагают, что образ – это информационная модель, опосредующая представления о стране и ее гражданах через доступные обыденному сознанию понятия и суждения. Имидж есть только элемент образа, это знаковая модель с заранее заданными характеристиками, результат сознательного использования технологий манипуляции сознанием. В структуре исторического образа важно вычленять устойчивые структуры и динамическую составляющую. Восприятие страны за ее пределами часто не соответствует реальному положению дел, внешний образ чаще всего не похож на внутренний. Взгляды зарубежных наблюдателей обладают особой зоркостью, они чаще фиксируют внимание на том, на что зачастую не обращают внимания соотечественники. Иностранцы в своих вы-

сказываниях не связаны с цензурой, традициями и внутренними стереотипами страны – объекта анализа. Отраженный взгляд на историю страны позволяет лучше увидеть самое главное в ее истории, оценить своеобразие родной культуры. На пересечении разных дискурсов, на границах культур, в процессе незавершенного диалога проявляются такие значения исторического процесса, которые, вероятно, не могут быть выявлены в ином контексте. Стереотипы взаимовосприятия часто отражают проблемы того общества, к которому принадлежит наблюдатель, и эти проблемы их он отчасти переносит на описываемый объект.

М. М. Бахтин называл ситуацию, при которой субъект – историк, творец научной формы – находится за границами изучаемой системы, внеаходимостью. Именно нахождение вне описываемого мира позволяет увидеть то, что принципиально невозможно, если находишься внутри изучаемого объекта. Восприятие во временной и пространственной внеаходимости отечественной истории может считаться не недостатком, а неоспоримым достоинством англо-американской историографии, открывающим новые грани объекта исследования. Многие современные исследователи подчеркивают, что стереотипы взаимовосприятия чаще отражают проблемы того общества, к которому принадлежит автор публикации, и эти проблемы он отчасти переносит на описываемый объект. В этом смысле образ России предстает в качестве зеркала Запада. В любом случае изучение «взгляда со стороны» во многих отношениях плодотворно для российских ученых.

В настоящее время идет активная работа над межотделенческим проектом Российской академии наук, посвященным изучению истории взаимовосприятия России и Запада в XIX–XX вв. В Институте российской истории РАН с 1992 г. работает группа по исследованию международных связей России, объединившая усилия многих обществоведов из столичных и региональных научных центров. Прошли десятки конференций, опубликовано несколько монографий, вышли в свет сотни статей. Институт российской истории выпустил несколько сборников под названием «Россия и внешний мир», в которых на богатом историческом и этнолингвистическом материале раскрыты, во-первых, вопросы формирования представлений иностранцев о России и русских, во-вторых, показана смена представлений русских людей о зарубежье, в-третьих, проанализированы технологии управления общественным сознанием и механизмы формирования внешнеполитических стереотипов². В условиях глобализации и формирования общего культурного пространства, выработки научного, информационного, образовательного единства обращение отечественной исторической науки к зарубежному россиеведению (в его различных образах) актуально и познавательно. Встает вопрос о профессиональной сопоставимости научного опыта, единстве терминологии мировой исторической науки, совместимости научного мышления, историографического поля и в целом о перспективах научного и культурного диалога. Возникает необходимость преодоления сложившейся оппозиции «мы – они» в научном, психологическом и культурном плане. Перед отечественными специалистами встает целый комплекс проблем, связанный с определением сути образа России, сформированным зарубежным россиеведением³.

Мы поддерживаем предложение А. С. Сенявского и Е. С. Сенявской о введении в научной оборот новых структурных элементов анализа взаимопознания народов – имагем⁴. Авторы изучили глубоко имагему «образ врага». Анализу должны подвергнуться имагемы «образ союзника», «образ партнера» и др. Одной из характерных тенденций развития общественных наук в новейшее время следует признать заметное расширение спектра исследований, постановку новых проблем и стремление к обновлению методологического инструментария. Важной особенностью стал системный подход к объекту исследования, когда междисциплинарные методы приобретают особое значение. Полидисциплинарный подход предполагает поворот историков к психологии, лингвистике, этнологии. Обогащаются методы работы с источниками, исследователи активно работают с текстом, из них выделяется необходимая информация. Лингвистический поворот в современном обществознании ориентирует исследователей на расшифровку языков чужой культуры, ее собственных понятий. Историческая наука мыслит себя как антропологически ориентированная история, в центре которой находится человек, который особым образом воспринимает и описывает окружающий мир. Проблемы «отраженной действительности», исторических образов страны, народа, науки волнуют представителей многих гуманитарных дисциплин⁵.

Изучение «взгляда со стороны» во многих отношениях плодотворно для ученых – для изучения объективного исторического прошлого и для постижения современных тенденций разви-

тия. Информация в отечественных изданиях часто бывает неосознанно искажена этническими стереотипными представлениями, имеющими в основном архаичные корни. Как правильно, на наш взгляд, отмечают многие историки, стереотипы отражают проблемы того общества, к которому принадлежит автор публикации, и эти проблемы он отчасти переносит на описываемый объект. «Расшифровка» текстов, вышедших из-под пера иностранных авторов, – дело сложное и требует использования разных методов ряда гуманитарных наук. В Санкт-Петербурге успешно работает Международная ассоциация исторической психологии под руководством С. Н. Полторака. Свою цель ассоциация видит в объединении усилий ученых, специализирующихся в этой сфере. Под ее эгидой состоялись десятки конференций. В их числе – «Россия, Запад и Восток: история взаимоотношений», ««Наши» и «Чужие» в российском историческом сознании» (2001 г.), ««Я» и «Мы»: история, психология, перспективы» (2002), «Историческая психология, психология, социальная психология: общее и различия» (2004), «Историческая память как социокультурное явление» (2005 г.). В изданных материалах содержится информация о месте зарубежной научно-популярной литературы в познании прошлого⁶.

Историк Е. В. Лаптева показала в монографии и докторской диссертации технологии трансляции многокомпонентного образа России, влияние научно-популярной литературы на массовое историческое сознание граждан США. Автор проанализировала процесс трансформации образа на основе теоретических, методологических, психологических и тематических изменений, произошедших в исторической литературе конца XX в. Можно согласиться с историком в том, что образ России на Западе складывался под влиянием двух видов психологических стереотипов восприятия нашей страны: стереотипов обыденного сознания и стереотипов научного знания. На наш взгляд, приведенная типология научных стереотипов общественного сознания аргументирована недостаточно строго⁷. Выделенные автором стереотипы общественного сознания не учитывают всего многообразия представлений о российском прошлом. Несколько механистичной выглядит попытка отстоять идею наличия в американском россиеведении семи основных стереотипов восприятия прошлого страны и пяти дополнительных, а также четырех стереотипных убеждений. Последние отличаются меньшей, по сравнению со стереотипом, повторяемостью и кратким сроком существования⁸. На наш взгляд, стереотипных представлений о прошлом России гораздо больше, их сложно разделить на основные и дополнительные.

Кроме Москвы и Санкт-Петербурга, исследования по имидженологии в настоящее время успешно ведутся в Волгограде, Красноярске, Новосибирске, Перми, Самаре, Саратове, Томске⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В литературе нет единства в обозначении дисциплины. Используются термины имэджинология, имидженология, имагология.

² См.: Голубев А. В. Россия и мир глазами друг друга: из опыта изучения проблемы // Труды Института российской истории. М., 2008. Вып. 8. С. 400–410.

³ Лаптева Е. В. Американское россиеведение 1970–2000-х гг.: характерные черты социокультурных исследований: дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2005. С. 7.

⁴ Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник РУДН. Сер. История. 2006. № 2 (6). С. 54–72.

⁵ См.: Корзун В. П. Образы исторической науки в отечественной историографии рубежа XIX–XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2002.

⁶ См.: «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании. СПб., 2001; «Я и Мы»: история, психология, перспективы. СПб., 2002.

⁷ Лаптева Е. В. Указ. соч. С. 265.

⁸ Там же. С. 278–279.

⁹ См.: Американская русистика: вехи историографии последних лет: антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000; Могильницкий Б. Г. История исторической мысли: курс лекций. Томск, 2003. Вып. 2.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ КАК МЕТОД ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВ ПРОШЛОГО НАШЕЙ СТРАНЫ

Одним из широко востребованных в последнее время методов формирования исторического сознания в ходе изучения отечественной истории является познание истории через личность, главным образом ее биографию. В студенческой аудитории пользуются успехом спецкурсы «Личность в истории XX в.», «От Рюриковичей к Романовым», «Полководцы России» и т. п. Кроме этого, значительное место в канве лекций по отечественной истории отводится роли исторической личности. «В истории человечества встречаются такие личности, которые, некогда появившись, проходят затем через века, через тысячелетия, через всю доступную нашему умственному взору смену эпох и поколений. Такие люди поистине “вечные спутники” человечества... Речь может идти о политических и государственных деятелях, о представителях науки, культуры, искусства. В этом смысле нет никаких ограничений, никаких условий. Вернее, условие лишь одно: осязаемый вклад, внесенный в развитие человеческого общества, его материального и духовного бытия»¹.

Историческая личность всегда была притягательной для изучения. Однако формационный подход к истории имел свои ограничения, предъявляя к историческому деятелю следующие требования: он должен был проникнуть в глубину объективных исторических законов, своей активной деятельностью выражать насущные потребности эпохи, интересы и надежды передовых общественных сил, уметь связать свою деятельность с деятельностью больших масс людей. Следствие такого подхода – исключение из поля зрения историка-марксиста тех исторических персонажей, которые не «вписывались» в эти нормы. С переходом на цивилизационный подход к истории с его акцентированием внимания на человеческом факторе рамки изучения роли личности в истории значительно расширились. Исторические деятели курса отечественной истории – это древнерусские князья, цари и императоры, соратники правителей и великие полководцы, советские партийные руководители, президенты, лидеры политических партий и крупные деятели науки и культуры.

Несомненно, исторические деятели – это во многом символы эпохи. Во главе всех сколь-нибудь значительных событий стояли те или иные исторические деятели, талантливые или бездарные, выдающиеся или посредственные, прогрессивные или реакционные. Эти люди имели разные характеры, были волевыми или слабовольными, дальновидными либо близорукими. Эти исторические деятели оказывали большее или меньшее влияние на ход, а иногда и исход событий. Биографии этих персоналий органично вплетаются в историческую канву, помогая формировать образ ушедшей эпохи.

Историческая биография активно использовалась в отечественной истории XX в., однако спектр ее применения в настоящее время еще более расширился. Вполне естественно, что наряду с беспристрастной биографической справкой в фокусе биографического исследования нынче оказывается внутренний мир человека, его эмоциональная жизнь, искания ума и духа, отношения с родными и близкими и т. п. При этом наш исторический герой выступает, с одной стороны, как субъект деятельности, с другой стороны, как объект контроля со стороны семейно-родственной группы, формальных и неформальных сообществ. В центр внимания, как правило, попадает нестандартное поведение, выходящее за пределы традиционных норм. При этом возникает необходимость ответить на ключевые вопросы: чем обуславливался выбор решений, каковы были его внутренние мотивы и обоснования, как соотносились массовые стереотипы и реальные действия исторического героя.

В последние десятилетия XX в. методологические поиски в области истории сосредоточились в направлении микроистории, появилась «новая биографическая история». Закономерный поворот интереса историков к конкретному индивиду привел к рождению так называемой «персональной истории», основным исследовательским объектом которой является история одной жизни во всей ее уникальности и полноте². Размышляя над проблематикой и формулируя задачи и принципы такого рода исследований, известный историк Ю. Л. Бессмертный пи-

сал: «... на первом плане нашего поиска – конкретный человек, его индивидуальное поведение, его собственный выбор. Мы исследуем эти сюжеты отнюдь не только потому, что хотим знать, насколько типичны (или нетипичны) поступки этого человека, но ради понимания его как такового, ибо он интересует нас сам по себе. Пусть этот человек окажется из ряда вон выходящим. И в этом случае мы признаем его заслуживающим внимания. Ведь самая его уникальность раскрывает нечто от уникальности его времени»³.

Речь идет о концентрации внимания на частном, индивидуальном, уникальном в конкретных человеческих судьбах, посредством чего выявляется активная роль действующих лиц в истории и определяется тот способ, которым исторический индивид «творит историю». «Новая биографическая история», или персональная история использует в качестве источников самые разные материалы: письма, дневники, мемуары. Лишь используя все многообразие биографий, принадлежащих и крупным историческим фигурам, и неизвестным творцам истории, можно более объективно сформировать образ исторического прошлого нашего Отечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1973. С. 3.

² Ретина Л. П., Зверева В. В., Пармонова М. Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 264.

³ Бессмертный Ю. Л. Метод // Человек в мире чувств: очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени. М., 2000. С. 23.

УДК 94(47)

Б. В. Виноградов, Д. А. Калинин

Славянский-на-Кубани государственный педагогический институт

К ПРОБЛЕМЕ МИФОЛОГИЗИРОВАННЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ КОНСТРУКТОВ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ КАВКАЗОВЕДЕНИИ

Невозможно что-либо изменить в прошлом, которое, по сути, и является нашей общей историей. Однако между не зависящей от наших пожеланий историей и практикой историописания присутствует немалая разница: последняя не исключает субъективированное, преследующее те или иные конкретные цели современное конструирование исторического прошлого в выгодных редакциях. Представляется, что подобное конструирование не равнозначно исторической реконструкции. Тем не менее, в качестве интеллектуальных конструктов можно рассматривать исследование широчайшего спектра проблем зарубежной и отечественной истории. Отдельные регионы российского многонационального государства также стали объектом современного исторического конструирования. Не стал исключением и Северный Кавказ, вхождение которого в состав Российской империи, Советского Союза, постсоветской России было и остается важной составляющей складывания и исторического бытия нашей Родины.

В настоящее время исследование российско-кавказского взаимодействия в XVI–XIX вв. продолжает оставаться чрезвычайно дискуссионной проблемой в научном кавказоведении. За 200 лет развития отечественной кавказоведческой историографии имели место разнообразные, порою отрицающие друг друга оценки характера и особенностей российско-горских взаимоотношений. Эти оценки отражали, с одной стороны, уровень развития исторической науки в тот или иной период времени, а с другой – определенную идеологическую и политическую конъюнктуру, присущую конкретным этапам бытия российского государства, дважды за XX столетие пережившего драматические и болезненные трансформации. В результате чрезвычайно неоднородной динамики развития научного кавказоведения сегодня наличествует ситуация, когда ряд современных трактовок специфики российско-северокавказских взаимоотношений фактически

основывается на тех постулатах советской историографии, идеологическая обусловленность которых не вызывает сомнений у беспристрастных исследователей. Вместе с тем, последние два десятилетия ознаменовались и довольно своеобразными, ранее не встречавшимися оценками как российско-горского взаимодействия, так и характера социально-экономического развития собственно горских этносоциальных сообществ в широком хронологическом диапазоне.

Таким образом, современная историография российско-северокавказских связей насыщена нередко весьма тенденциозными построениями, так или иначе связанными с нынешними интересами национальных элит некоторых субъектов Российской Федерации. Последнее в полной мере предопределило использование некоторых сюжетов российско-горского взаимодействия – в соответствующей трактовке – для воздействия на общественное сознание населения региона. Представляется, что сегодня в общественное сознание вживляются исторические мифы, весьма небезопасные для стабильности на Северном Кавказе и территориальной целостности Российской Федерации.

Одним из таких довольно застарелых исторических мифов является догмат о справедливой народно-освободительной борьбе горцев против колониальной экспансии царской России. «Советское» происхождение данного конструкта не вызывает сомнений. Интересно, однако, другое: если в советское время подобные упрощенные построения были призваны способствовать обоснованию закономерности и прогрессивности революционной трансформации в нашей стране, то в «позднеперестроечный» период и постсоветские 90-е гг. они объективно (а нередко и субъективно) способствовали зарождению и развитию северокавказского сепаратизма.

На первый взгляд, в последние годы произошел отказ «национальных» историков от наиболее радикального и тенденциозного обличения «злодеяний» царских «колонизаторов». Тем не менее, последние же годы ознаменовались выходом в свет изданий, предельно и целенаправленно искажающих характер российско-горского взаимодействия. В наибольшей степени это относится к коллективной монографии «Земля адыгов»¹ и книге И. Я. Куценко «Правда и кривда»².

Однако дело не ограничивается несколькими насквозь тенденциозными, безосновательными, антироссийскими, по сути, писаниями. В ряде значительно более взвешенных исследований явно прослеживается стремление наряду с признанием позитивного опыта российско-горского взаимодействия обвинить именно Россию и только ее в обострении отношений с местными народами в конце XVIII – начале XIX в. И здесь, как по заказу, вновь в ход идут обвинения России в колониальной экспансии, захвате горских земель, неуважении к местному традиционному укладу и т. п. При этом особенности самого горского традиционного уклада, в том числе в части набеговой экспансии, не рассматриваются в качестве возможных причин напряженности между горцами и российскими властями. Обозначенная тенденция наиболее рельефно прослеживается в обобщающем труде «История многовекового содружества»³ и в серии монографий Ш. А. Гапурова⁴.

Получается, таким образом, что горские этносоциальные сообщества были во всем и всегда правыми в контексте складывания и вызревания конфликтогенного потенциала. Между тем, признание в качестве истины давней более чем сомнительной констатации, на наш взгляд, предельно затемняет исследование формирования и бытия российского Северного Кавказа. Ведь тогда история многомерного, порой драматичного российско-горского «совместничества» подменяется заданным, примитивным поиском «правых» и «виноватых» в угоду амбициям современных национальных элит Северокавказского региона.

На наш взгляд, не подлежит сомнению, что специфика российско-горского взаимодействия в XVI–XIX вв. в значительной степени определялась различными уровнями развития субъектов данного взаимодействия. При этом нельзя, видимо, согласиться с мыслью В. Х. Кажарова о цивилизационной несовместимости Северного Кавказа и России⁵. Ведь при таком подходе основное внимание уделяется именно различиям, а не сходствам «двух миров». Там, где присутствуют констатации цивилизационной несовместимости, рано или поздно могут возникнуть соответствующие центробежные тенденции.

Тем не менее, социально-политическое устройство российского централизованного государства, вышедшего в XVIII в. на уровень феодально-абсолютистской монархии, значительно отличалось от характера социально-политической организации горских этнополитических сообществ, которые находились на уровне либо догосударственном, либо полугосударственном. Данное обстоятельство предопределяло объективные сложности в процессе складывания российского Северного Кавказа, так как российские власти и горские сообщества нередко по-разному воспринимали суть и смысл подданнических присяг⁶.

Как бы кому ни хотелось представить формирование российской северокавказской окраины сплошным завоеванием «царских колонизаторов», обойти факты вступления горских народов в Российское государство на протяжении XVI – начала XIX в. практически невозможно. Здесь необходимо сразу отметить, что характер «подданства» горцев по отношению к России весьма значительно отличался от внутривосточного образца, и его дальнейшее исследование является одной из важнейших задач современного кавказоведения. Между тем, ряд современных кавказоведов уже сделал для себя необходимые «открытия», оценив взаимоотношения горцев и России в XVI – середине XVIII в. как союзнические. Согласно с их трактовками, данное «союзничество» было впоследствии в одностороннем порядке нарушено Россией, которая приступила к колониальной экспансии, захвату горских земель, завоеванию Северного Кавказа и т. п. Любопытно, что в советском кавказоведении подобная трактовка характера и динамики развития российско-северокавказских взаимоотношений не представлялась в сколько-нибудь выраженном виде. Следовательно, она является моделью сугубо современного понимания российско-горского взаимодействия. Обозначенная схема «от равноправного сотрудничества к колониальной экспансии России и освободительной борьбе горцев» наиболее последовательно представлена в ряде трудов кабардинских историков⁷, присутствует она и в монографиях Ш. А. Гапурова.

Естественно, что поиск равноправного политического союза между Россией и горскими этносоциальными сообществами практически невозможен без современной корректировки представлений об уровне стадийного развития последних. Следует признать, что проблематика социально-экономического и политического строя горских народов в XVI–XIX вв. остается дискуссионной и требует дальнейших исследований. Однако и здесь присутствуют попытки безосновательного завышения сущностных характеристик социально-политической жизни горских сообществ – применительно к Дагестану⁸, западным адыгам⁹, Кабарде¹⁰.

Признание государственного статуса всех северокавказских горских сообществ XVIII–XIX вв., как нам представляется, немало затрудняет объективное исследование российско-северокавказских взаимоотношений, зато может логично привести к игнорированию исторической легитимности тех международных договоров, которые юридически оформляли пребывание народов региона в составе России (договоры 1774, 1791, 1813, 1829 гг.). А это, кроме прочего, таит в себе немалые угрозы современной стабильности в российском многонациональном государстве.

Итак, современное конструирование равноправных политических союзов горских этнических сообществ с Российским государством в XVI–XVIII вв. органически взаимосвязано с сознательным завышением уровня социально-политического развития горцев. Между тем, при анализе характера российско-горского взаимодействия неизбежно возникают вопросы, которые ставят под большое сомнение концепцию «политических союзов». Так, принятие горцами присяги на подданство России немало отличается от практики заключения межгосударственных военно-политических союзов. Тем более, не может свидетельствовать о равноправном политическом партнерстве взятие от горских народов заложников-аманатов. Не в пользу «союзнической» интерпретации и то, что та же Кабарда в XVIII в. рассматривалась Россией и Османской империей не как субъект, а как объект соответствующих международных соглашений. Это явно просматривается, например, в VI статье Белградского трактата 1739 г., где провозглашается нейтралитет Кабарды по отношению к Турции и России¹¹.

Конечно, не разделяя точку зрения о равноправных военно-политических союзах горцев с Россией, трудно на одном отрицании дать оценку характеру российско-горских взаимоотношений в XVI–XVIII вв. Ведь, как уже отмечалось, применяемый термин «подданство» действительно отличался определенной условностью. В данной связи представляется интересной интерпретация характера российско-кабардинских взаимоотношений К. Ф. Дзамиховым, который, в частности, замечает, что по договору 1557 г. сохранялся суверенитет Кабарды, так как договор имел покровительственный характер и не укладывался в обычный порядок сюзеренитета, принятого на Востоке. Автор утверждает, что договор был наделен атрибутами васалитета, но одновременно акцентирует внимание на том, что в нем отражались взаимные права и обязанности сторон¹². В этом Дзамихов усматривает черты именно «союзных» отношений между Россией и Кабардой по договору 1557 г., который трактуется как «международный договор». Между тем, автор упоминает о «клятвенной присяге» кабардинского посольства и о «жалованной грамоте» ему от российской стороны¹³. На наш взгляд, это не может не свидетельствовать о наличии градации на «старших» и «младших» в российско-кабардинских отношениях того времени.

К. Ф. Дзамихов утверждает, что характер российско-кабардинских взаимоотношений принципиально отличался от сюзеренно-вассальных¹⁴. Здесь, исходя из контекста, напрашивается термин «вассально-союзнические» отношения, который все же выглядит более адекватным реалиям, чем утверждение равноправного военно-политического союза.

Таким образом, использование для обозначения характера российско-горского взаимодействия в XVI–XVIII вв. таких терминов, как «вассально-союзнические отношения», «договорное подданство», «покровительство» более пригодно при исследовании российско-горских отношений, чем словосочетания типа «равноправный военно-политический союз».

Как уже отмечалось, ряд современных кавказоведов связывает одностороннее нарушение Россией «союзнических» отношений с горцами с началом их освободительной борьбы против российской колониальной экспансии. Для обозначения такой «освободительной борьбы» в кавказоведческой историографии продолжает широко использоваться термин «Кавказская война», введенный в научный оборот еще представителями российской дворянской исторической мысли. Поскольку термин «Кавказская война» возник из термина «кавказские войны», отождествление его с «народно-освободительной борьбой» горцев не представляется обоснованным ни с географической, ни с событийной точек зрения. Кроме того, если связывать «Кавказскую войну» с сопротивлением горцев России, возникает проблема чрезвычайной неясности, произвольности определения ее «нижней» хронологической границы, следовательно, и событийно-смыслового наполнения.

Известно, что в недавнем прошлом доминанту «Кавказской войны» некоторые историки, публицисты и полемисты стремились распространить на сущностные характеристики российско-северокавказского взаимодействия XVI–XIX вв. Причем именно Россия выставилась безусловным виновником всех конфликтных ситуаций с горцами. Любые попытки обращения к горскому фактору обострения обстановки в регионе¹⁵ принимались в штыки, а их авторы удостоивались награждения самыми нелестными эпитетами. Заметим, что данная тенденция в полной мере сохраняется среди большей части «национальных» историков и сегодня. Термин «Кавказская война» некоторыми историками «конкретизировался», дополнялся сходными определениями, наподобие «русско-кавказской войны» и т. д.

Известно, что «Кавказская война» – если применять данное неоптимальное определение к российско-горским взаимоотношениям первой половины – середины XIX в. – охватывала не весь Северный Кавказ и, естественно, не распространялась на Южный Кавказ (Закавказье). Здесь лишний раз проступает неадекватность термина. Однако некоторые современные историки стремятся сконструировать единый общекавказский «фронт» борьбы с российской колониальной экспансией. Так, Ш. А. Гапуров говорит о народно-освободительном движении, «в котором и мусульмане, и христиане (осетины и грузины. – Б. В., Д. К.) выступали против российских колониальных порядков»¹⁶. При этом надуманно и тенденциозно объединяются различные по своему характеру, движущим силам, идеологии движения против российской власти на Северном Кавказе и в Грузии.

В конечном итоге, обозначенные нами интерпретации российско-горского взаимодействия сводятся к следующей схеме: «Взаимоотношения сторон долгое время были союзническими, Россия их нарушила, приступив к колониальной экспансии, горцы ответили справедливой народно-освободительной борьбой, частью которой являлись набеги». Данная конструкция предусматривает неременную и обязательную правоту горских народов и, соответственно, неправоту России. Между тем, безудержная идеализация прошлого того или иного народа (в нашем случае – «своих» народов; недаром тот же Ш. А. Гапуров использует слово «северокавказцы» для обозначения общности народов региона) является частью феномена «альтернативной истории»¹⁷. Ведь идеализация прошлого «своего» («своих») народов здесь рельефно проступает в утверждениях о несомненной правоте горцев во всех конфликтных ситуациях, которые имели место на протяжении нескольких столетий.

В современном «национальном» кавказоведении есть и другие примеры «альтернативности». Так, с трибун научных конференций раздаются призывы изучать историю, основываясь на «исторической памяти» народов. Здесь постулат историков-постмодернистов: «Жизнь – это не то, что было, а то, что ты об этом помнишь»¹⁸, начинает действовать в полном объеме. При этом субъективность и избирательность «исторической памяти» народов, возможность управления ею ничуть не смущают поборников «вспоминательной» истории. Чрезвычайно показательно, что те же кавказоведы традиционно заняты обличением «колониальной экспансии» России, «геноцида адыгов», «захвата горских земель» и т. п.

Таким образом, в современном «национальном» кавказоведении по-прежнему присутствует тенденция подмены анализа причин и проявлений северокавказского кризиса XIX в., всего спектра российско-горских взаимоотношений XVI–XIX вв. набором старых и вновь создаваемых наукообразных исторических мифов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Земля адыгов / А. Х. Шеуджен, Г. А. Галкин, А. К. Тхакушинов [и др.]. Майкоп, 2004.
- ² Куценко И. Я. Правда и кривда. Нальчик, 2007.
- ³ История многовекового содружества: к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Нальчик, 2007.
- ⁴ Гапуров Ш. А. 1) Россия и Чечня в первой четверти XIX в. Нальчик, 2003; 2) Северный Кавказ в период «проконсульства» А. П. Ермолова. Нальчик, 2003; Гапуров Ш. А., Абдурахманов Д. Б., Измайлов А. М. Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX в. Нальчик, 2008.
- ⁵ Кажаров В. Х. Столкновение цивилизаций и первые поражения Кабарды в 60–90-х гг. XVIII в. // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. 4. С. 208.
- ⁶ Виноградов Б. В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Славянск-на-Кубани, 2005. С. 54–55.
- ⁷ См., например: Мальбахов Б. К. 1) Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722–1825). Нальчик, 1998; 2) Взаимоотношения Кабарды с Россией: от военно-политического союза к установлению российской администрации: дис. ... д-ра ист. наук. Владикавказ, 1999. Отчасти данная тенденция присутствует в работе: Дзамихов К. Ф. Адыги: веки истории. Нальчик, 2008.
- ⁸ См., например: Алиев Б. Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана, XVIII – первая половина XIX в. Махачкала, 2006. С. 32, 185.
- ⁹ См.: Чирг А. Ю. Политическое развитие западноадыгских княжеств в первой трети XIX в. // Информационно-аналитический вестник. Майкоп, 2007. Вып. 6/7. С. 51–53, 56.
- ¹⁰ Жемухов С. Н. Кабардино-русская война 1810–1812 гг. Нальчик, 2000. С. 19; Кажаров В. Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в. Нальчик, 1997. С. 267.
- ¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1835. Т. 10. № 7900. С. 899–901.
- ¹² Дзамихов К. Ф. Указ. соч. С. 461.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 462.
- ¹⁵ См., например: Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М., 1994.
- ¹⁶ Гапуров Ш. А., Абдурахманов Д. Б., Израйилов А. М. Указ. соч. С. 417–418.
- ¹⁷ Основные этапы всемирной истории / под ред. В. Б. Виноградова, С. Л. Дударева. Армавир, 2009. С. 40.
- ¹⁸ Там же. С. 39.

УДК 94(47) + 1

З. П. Горьковская

Новосибирский государственный педагогический университет

ВОСПРИЯТИЕ ОБРАЗА ПРОШЛОГО В КОНТЕКСТЕ КАТЕГОРИИ «КАРТИНА МИРА»: АСПЕКТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Предмет гуманитарных наук М. М. Бахтин определял как «выразительное и говорящее бытие», способное «вернуть ощущение жизни». Основание для подобного возврата ощущения жизни содержит образ «другого/иного», в контексте исторического времени – образ прошлого. Проблема восприятия образа прошлого равнозначна проблеме его актуализации – востребованности, что, собственно, и создает основания для его интерпретации. Для такой актуализации

есть много возможностей: полидисциплинарные исследования, предлагающие способы идентификации человека во времени; методологические подходы, ориентированные на факт наделенности события смыслом и его адресованности другому. Одной из возможностей является и выделение новых категорий познания. В их числе – категория «картина мира» как типологическая модель эпохи, культуры, социальной группы.

Категориальные системы в гуманитарных науках являются предельно общими понятиями, отражающими связь реальной действительности с ее восприятием и познанием. Они используются как инструменты анализа «жизненного смысла», заключенного в сознании человека, его системы жизненных ориентиров и восприятий. Категория «картина мира» введена создателями школы «Анналов». Историк А. Я. Гуревич пишет о том, что в начале 1960-х гг. возобновилась история ментальностей (намеченная в трудах Л. Февра и М. Блока в 1930-е гг.), но «вскоре же история ментальностей стала менять свой познавательный статус и перерастать в историческую антропологию, нацеленную на реконструкцию картин мира»¹.

Эвристический потенциал категории «картина мира» достаточно оценен в исторической науке. В теоретических подходах, таких, например, как школа «Анналов», культурно-семиотический подход, антропологически ориентированная история, выделяется два параметра, характеризующие данную категорию: 1) содержание сознания, проявляющееся через систему представлений – знаний о мире, то, что называют «реальным сознанием»²; 2) эмоционально-чувственная система человеческих жизненных ориентаций, или «живой опыт» в его вербальном и невербальном воплощении.

Исследователи обращают внимание на многообразие и неисчерпаемость «картины мира», реконструкция которой усиливает точку зрения субъектов исторического процесса, усиливает «образ другого». Значимым признается то, что значимо для участников и авторов событий. Диалог с человеком из прошедшего времени предполагает наличие собственной системы ценностных ориентиров и других аспектов сознания и эмоциональных реакций, отражающих знание жизни и отношение к ней. Выделение категории «картина мира» позволяет изучать механизмы ориентации – адаптации в мире субъекта истории, способы конструирования идентичности, а также осуществлять сравнение несинхронных исторических потоков, включающих себя и другого. Такой уровень развития жизни общества в гуманитарных науках обозначают также и термином «ментальность». Но ментальность, в сравнении с картиной мира, например, по мнению Ж. Ле Гоффа, ограничена сферой автоматических форм сознания и поведения.

Согласимся с мнением А. Я. Гуревича конца 90-х гг. XX в. о том, что вышеизложенные суждения «ныне могут показаться достаточно хорошо известными, а потому и не нуждающимися в пространном обосновании», речь должна идти об их применении³. Тем не менее, в современной исторической науке вновь актуализированы проблемы «трудностей и парадоксов исторической терминологии», «понятий и категорий в историческом исследовании», методов «насыщенного описания» прошлого и его интерпретации⁴. Постановка задачи воссоздания представлений носителей изучаемой культуры в ее собственных терминах и конструкциях, в которые они сами себя помещали и в которых себя выражали, стало проявлением общей тенденции в развитии современного гуманитарного знания, изучающего феномен «другого/иного».

Проблема интерпретации образа прошлого на основе категории «картина мира» как типологической модели может быть представлена наиболее предметно в переходные моменты истории, когда для человека, живущего в изменяющейся исторической реальности, актуализируется выбор оснований жизненных смыслов и человеческих ориентаций, способов конструирования идентичности. Важен не только факт интерпретации адекватного содержания «картины мира» субъектов, действующих в истории, но и факт выявления их взаимодействия в аспекте конструируемой субъектами идентичности, так как в переходное время «социокультурное единство становится проблематичным, фрагментарным, распадающимся», в результате чего «кризис идентичности ощущается, прежде всего, как распад привычной картины мира»⁵.

Ослабление гаранта идентичности социума в рамках традиционной картины мира и необходимость поиска иных идентификационных оснований в контексте Нового времени связано с переходом от Московского царства к Российской империи. Переход был начат в XVII в. и ускорен в ходе реформ первой четверти XVIII в. Обе картины мира – средневековая и нововременная – выступают в данный период как идеальные типы, в связи с чем деятельность субъектов истории, предьявляющих ту или иную картину мира, может быть представлена как абсолютный диалог, минимизирующий конфликт, или как деятельность – абсолютный конфликт,

минимизирующий диалог. «Такая дуальная оппозиция дает методологическую основу для поиска конкретноисторической меры ее динамики в каждой деятельности каждого субъекта»⁶.

Выделим в данном контексте проблему восприятия современниками эпохи образа власти как актуального и ценностно значимого элемента картины мира, создающего основания для конструирования идентичности. В традиционной картине мира, исследованной В. А. Живовым, А. М. Панченко, Б. А. Успенским, образ власти как «царя истинного» представлен в следующих характеристиках. Прежде всего – это сакральная природа власти, предъявляющаяся в идее «царя – аки Бога» и мессианских мотивах «царя-избавителя», а также в особых знаках царской власти. К ценностным характеристикам восприятия можно отнести благочестие, справедливость и милость («царь грозен и милостив»), защиту подданных. Модель поведения «царя истинного» в традиционной картине мира измерялась следующими критериями: образовательным цензом, удачливостью (проявлением сакрального свойства), наличием свиты из знати, церемониями, политической риторикой, дистанцией в общении с подданными, соблюдением обычаев и традиций. Обряд венчания на царство, проведенный Иваном IV, миф (идею) царской власти сделал фактом, обращающим в реальность представления о ней и усиливающим распространение религиозного чувства на государство. Перед лицом власти отдельный человек выступал не как договаривающаяся сторона, а как «капля, вливающаяся в море». В связи с этим важен план выражения, или формы, равнозначной содержанию.

Деятельность Петра I по модернизации России была направлена на вхождение в европейскую (нововременную) культуру, формирование новой системы ценностей, государственной идеологии и способов адресации своим подданным новых представлений о власти, законе, службе и государственном порядке в целом, то есть того, что в картине мира является элементами, представляющими систему идей. Государственные реформы Петра I осуществили переход от теократической модели власти к модели власти светской. Гарантом идентичности для подданных должна или могла стать новая «картина мира», фиксирующая и отражающая модернизированные реалии и нормы жизни, меняющие содержание сознания и жизненные ориентиры. Исследователи выделяют два элемента в петровской идеологии: концепцию «слова» и концепцию «дела». Император, в отличие от царя, имеет власть двух видов: от права на престол, что связано с сакральностью «слова», и от «дела» – в рациональном контексте пользы. В связи с этим, главной идеей в преобразовании Петра I было подчинение духовной власти светской. Традиционная «картина мира» перестала иметь универсальный характер. Всеобщее благо и государственная польза стали новыми универсалиями эпохи. Политические таинства «преображенного царства», возвышавшие Петра и приобщавшие подданных к сценарию петровского правления, не исключали проблему утверждения божественной природы царской власти. Историк Э. Зицер, обосновывающий в своем исследовании преемственность между сценарием власти Петра I и политическим богословием Московского царства, пишет: «... сподвижники Петра закрепляли за ним искупительную роль богоизбранного помазанника, призванного учредить порядок по новому закону... У истоков петровского “регулярного” государства стояла идея о личной внеюрисдикционной власти, непосредственно дарованной Богом. Именно по этой причине многим современникам и приближенным Петра превращение Московского царства в Петербургскую империю представлялось столько же бюрократическим *преобразованием*, сколько и мистическим *преображением*»⁷.

Произошли изменения и в способе сакрализации монарха. Новый вариант сакрализации в исследовательской литературе получил наименование «светская святость» и был реализован Петром I в его сценарии власти. Цари вели свой народ от «греха» к «спасению». Император Петр I задает направление движения от «небытия» к «бытию», от хаоса к порядку, от бесчестия к славе. Формируется сценарий «героя-завоевателя», исследованный Р. Уортманом⁸. Главной церемонией стала не коронация или крестный ход, а триумфальный въезд победителя, впервые совершенный после Азовского похода в 1696 г. Становление новых характеристик, предъявляемых в сценарии власти, можно считать завершенным в 1721 г., когда Петр I принял титул императора Петра Великого и одновременно «Отца Отечества».

Новый образ власти, формируемый Петром I, закладывал основания для изменения представлений в традиционной картине мира. В этой связи открытыми остаются следующие вопросы. Во-первых, насколько удалось Петру-реформатору переориентировать социальные группы общества на новую систему восприятия и отношения к государственной власти, чтобы повысить потенциал диалога субъектов, действующих в истории, и создать конвенциональные основания идентификации в новой реальности? Согласно выводам А. С. Ахиезера, «отсутствие в

стране значимого субъекта, способного реализовать этот замысел, редуцировало его до уровня бюрократического манипулирования, основанного на насилии. Этот усеченный вариант уже не является реформой. Поэтому Петра I трудно отнести к реформаторам. От него остался лишь духовный проблемный стимул для размышлений на секулярной основе о путях развития, об отношении народа и власти, определенный сдвиг к утилитаризму и его ценностям»⁹.

Во-вторых, как народная «картина мира» в системе своих представлений могла реализоваться в социальной деятельности: «оправдать» предлагаемые обстоятельства и идентифицировать себя с новой культурно-исторической реальностью или, являясь «значимым субъектом», действовать, но следуя «исторической инерции, даже в том случае, если старый опыт приводил к негативным, возможно, катастрофическим последствиям»¹⁰?

Пугачевский бунт, вспыхнувший в 1773–1775 гг., рассмотрим как факт последствия в «преображенной России» или, в оценке исследователя В. Я. Мауля, «ответ традиционной культуры на вызов модернизации, с помощью которого она пыталась транслировать свои ценности в будущее»¹¹.

Петровская модернизация создала своеобразие культурной ситуации того времени (где то, что было «чужим», стало «своим»), и это для современников эпохи усложняло варианты самоидентичности. При этом идеологи петровского времени, как и сам Петр I, старались больше показывать преимущества нового, чем недостатки прежнего, чтобы не «ссорить» старую Россию с новой. Инновационные формы социокультурной организации общества реально проявлялись в системе отношения человека с миром и его представлениями о действительности в варианте идентичности дворянского сословия, а не сословия крестьян. Во второй половине XVIII в. дворянский мир воспринимался и оценивался в народной картине мира как неправильный, а традиционный образ царской власти открывал вполне реальную перспективу явлению самозванчества и поиску «царя истинного». Новизна произошедших перемен в народной картине мира актуализировала, прежде всего, задачу спасения традиционной идентичности и сохранения своей картины мира как инструмента анализа жизненного смысла. Традиционные представления о власти отчетливо были выражены в манифестах Е. Пугачёва: «Послужите мне, как деды и отцы ваши служили предкам моим», «имя наше властью всевышней десницы в России процветает», «прощаю и жалую». В противостоящих картинах мира (традиционной и модернизированной) восприятие современниками «другого» осуществлялось через категории «своих» и «чужих» и усиливало неконвенциональный полнос их взаимодействия. В манифесте от 31 июля 1774 г. Пугачёв призывает «возмутителей империи и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами»¹². Образ «чужого» присутствует и в восприятии Пугачёва дворянством. А. Т. Болотов пишет о нём: «Он со злодейским скопищем своим ... злодейскими казнями умерщвлял всех дворян и господ», и далее: «Всех их не без основания почитали еще первыми и злейшими нашими врагами»¹³.

Результативность бунта в историографии предложено определять по тому, насколько власти удалось прочесть социокультурный язык бунта, а ему – донести «сигнал бедствия». Пугачевский протест был остановлен, но смысловой контекст традиционализма был услышан. Он использован властью в XVIII и особенно в XIX в. для стабилизации государства (например, губернская реформа или теория «православия, самодержавия, народности»). Отметим, что в событиях бунта присутствует и факт ролевой революции, которой подвергается общество переходного периода. Смена статусной идентификации личности по роду и по рождению (что закрепляется в системе воспроизводства социальных функций) на личностно-ролевую обеспечивает динамичность обществу. По мнению исследователя Р. Шартье, социальную позицию «допустимо рассматривать как непосредственный продукт борьбы представлений»: тех, кто представляет свое социальное качество, и тех, «кто имеет власть квалифицировать, верить или не верить»¹⁴. Социальная позиция, проявленная в событиях бунта, объективирует представления о «социальном качестве» субъектов исторического процесса. В связи с этим согласимся со следующим суждением А. С. Ахиезера: если в эпоху Петра I в стране отсутствовал значимый субъект, способный реализовать уровень «согласия – диалога» вокруг приемлемых для обеих сторон целей, на основе которых преодолевается конфликт, то попытка Екатерины II провести реформы, нацеленные на преодоление дуальной оппозиции «диалог – конфликт» была подвержена серьезному удару со стороны пугачевцев, бросивших вызов монологу, насилию власти свой собственный монологизм и насилие¹⁵. Истории была продемонстрирована ситуация, свидетельствующая о неспособности согласования традиционных жизненных смыслов и новых оснований для социальной идентификации вне социокультурного конфликта. Крестьянское движение под руководством Е. Пугачёва, вступив в конфликт с властью, не сняло

актуальности проявившихся в конфликте проблем, требующих достаточной массовой способности разрешать усложняющиеся вопросы времени.

Таким образом, при интерпретации событий прошлого актуально востребованными становятся не столько сами события, сколько представления людей, действующих в этих событиях, их модели восприятия и оценки действительности жизни, мера поглощенности модернизационными процессами или автономии социальных групп общества. Через категорию «картина мира» можно выразить социальные и культурные начала, которые смыкаются в личности человека и создают внутренний механизм адаптации к миру.

В использованном нами варианте сравнения двух «картин мира» проявилась возможность «выявить реактуализацию некоторых элементов традиционного общества, которые обычно считаются поглощенными последовательными волнами модернизации»¹⁶ и подкрепить представление о том, что исторический опыт – это результат разнонаправленных усилий и возможностей субъектов исторической деятельности, актуализирующих и создающих основания для массовой способности разрешать усложняющиеся проблемы времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993. С. 293.

² Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 20-х гг. Киев, 1994. С. 47–48.

³ Гуревич А. Я. Указ. соч. С. 16.

⁴ Юсим М. А. Нормативная лексика историка // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI в. М., 2008. С. 64–65.

⁵ Тюпа В. И. Кризис советской ментальности в 1960-е гг. // Социокультурный феномен шестидесятых. М., 2008. С. 16.

⁶ Ахиезер А. С. Социокультурные конфликты в России XVII–XVIII вв.: опыт цивилизационного осмысления // Локальные общества имперской России в условиях социальных конфликтов (подходы и практики в современных региональных исследованиях). Омск, 2009. С. 9.

⁷ Зицер Э. Царство Преображения: священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008. С. 12.

⁸ Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 1. С. 70–71.

⁹ Ахиезер А. С. Указ. соч. С. 22.

¹⁰ Там же. С. 8.

¹¹ Мауль В. Я. Пугачевский бунт в социокультурном измерении: опыт использования междисциплинарной «оптики» // Социокультурные конфликты в истории России. Омск, 2006. С. 61–67.

¹² Хрестоматия по истории СССР XVIII в. / под. ред. Л. Г. Бескровного, Б. Б. Кафенгауза. М., 1963. С. 394.

¹³ Там же. С. 411–416.

¹⁴ Шартье Р. Мир как представление // История ментальностей, историческая антропология: зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 77.

¹⁵ Ахиезер А. С. Указ. соч. С. 23.

¹⁶ Кондратьева Т. С. Кормить и править: о власти в России XVI–XX вв. М., 2009. С. 156.

УДК 94(47)

М. А. Дёмин

Алтайская государственная педагогическая академия (Барнаул)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА СИБИРСКИХ АБОРИГЕНОВ

В Средние века на формирование образа сибирских аборигенов на Руси сильное влияние оказывала христианская система мышления, библейские догматы о происхождении и классификации народов. Извечное разграничение в сознании человека окружающего мира на «свой –

чужой», «знаемый – незнаемый» подкреплялось противопоставлением божественного и сатанинского начал, земной жизни и небесной, христианских и языческих ценностей¹. Такой подход превращал географические и этнографические представления в разновидность этических понятий, придавал религиозно-моральную окраску знаниям о народонаселении, разделял человечество на праведников, просвещенных учением Христа, и язычников, пребывавших в неверии и грехе. При этом этническое и конфессиональное разнообразие ойкумены и безусловное осуждение иноверцев требовалось согласовать с библейской идеей о единородности всех людей и миссионерскими предприятиями христианской церкви².

Античный образ окраины земли как прекрасной страны сказочного богатства и социальной гармонии, идеализация жизни первобытных народов некоторыми древними писателями вытеснялись в условиях упрочения теологии противоположной оценкой северо-востока как средоточия вечного холода и нищеты с диким языческим населением.

Негативное восприятие чуждой христианству культуры канонизировалось авторитетом библейских текстов. Так, повествуя о кончине мира и пришествии антихриста, «Апокалипсис» Иоанна Богослова пророчествовал, что сатана для опустошения земли поднимет против Божьего царства Гога и Магога. Уже в ранних толкованиях Библии под Гогом и Магогом понимали «полунощные, отдаленные» языческие народы, которых лишь «божественная десница удерживает ... от овладения вселенной»³.

Библейские Гог и Магог находят аналогии в коранических персонажах Йаджуджи и Маджуджи, которые «распространяют нечестие на земле». Согласно священной книге мусульман, Зу-л-Карнайн (Александр Македонский) оградил с помощью Аллаха людей от этих существ огромной стеной, залив щели расплавленным железом⁴. Большинство исследователей считает, что восточные авторы связывали сооружение Зу-л-Карнайна с Великой Китайской стеной, однако есть и другие мнения, в частности, что имелся в виду один из горных проходов Урала⁵.

Сильное влияние провиденциальных мотивов наблюдается в известном эпизоде «Повести временных лет» о походе отрока Гюряты Роговича в Югру. Сюжет Лаврентьевской летописи о торговом обмене северных племен («немом торге») связан с апокрифическим рассказом из «Откровения» Лже-Мефодия Патарского о «нечистых людях», заточенных А. Македонским за высокие горы в «полунощных странах». Важным для понимания характера средневековых известий о северо-восточных народах является упоминание «Откровения...» о людоедах⁶. Как уже отмечалось нами, людоеды Лже-Мефодия Патарского, загнанные Александром за надежную преграду, могли воплотиться в «Повести временных лет» в самоедь, названную в тексте в том же смысловом контексте заточения «скверных языков» в «горы полунощные»⁷. Использование понятия «самоедь» применительно к отдаленным малоизвестным языческим народам соответствовало общим представлениям христианского средневековья о дикости и людоедстве «нечестивых» язычников, населяющих окраины ойкумены. В этом значении термин не мог нести этнической нагрузки, а был близок к таким лексическим формам сибирских летописей XVII в., как «погании», «окаяннии», «супостаты», «невернии», «враги» и т. п.

В сказании «О человецех незнаемых в Восточней стране» конца XVI в. понятие «самоеды» применительно к самоеди «по пуп мохнаты», самоеди без голов и со ртом на темени, линной и умирающей на зиму самоеди и другим легендарным народам также, вероятно, употреблялось не в этническом смысле, а в соответствии со средневековой картиной мира обозначало отдаленное малоизвестное население, определенное в названии памятника как «человеци незнаемые»⁸.

На формирование образа сибирских аборигенов в средневековой русской литературе серьезное влияние оказывали, как отмечалось выше, религиозно-этические каноны и библейские догматы. Особое место провиденциальные мотивы занимали в агиографических, житийных произведениях, религиозных наставлениях, а также в тех летописных сюжетах, которые восходили к церковным текстам, либо были связаны с деятельностью православных организаций. Так, в Никоновской летописи XVI в. в рассказах о походах русских отрядов в зауральские земли, военных столкновениях и сборе дани коренное население упоминается без всяких отрицательных определений, но в случае с убийством епископа Пермского Питирима «гогуличи» получают эпитет «безбожные»⁹.

В «Слове о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа», написанном Епифанием Премудрым вскоре после смерти святителя в 1396 г., клеймятся неверные «иноязычники». Они поклоняются «идоломъ ... жрутъ жертвища», служат «глухимъ кумиромъ», молятся «издолбенымъ болваномъ», верят в «кудесы и въ волхвованья, и въ чарованья, и

бсованья и въ прочаа прелести дьявольския»¹⁰. Согласно христианской традиции о единородности всех людей, автор жития, обличая язычников, не рассматривает их как существ заведомо и искони низшего порядка. По его мысли, эти «человеци» прельщены дьяволом, но, познав слово Божие, они оставляют «идольские жрѣтвы» и «прелести кумирьские» и вольются в число праведной части человечества¹¹.

Преобладание в русских летописных текстах конкретно-событийных сюжетов не могло ослабить значения господствующей христианской идеологии. Усиление религиозного влияния Москвы, постепенно нараставшая миссионерская активность православной церкви на востоке страны сопровождалась упрочением провиденциально-морализаторской темы. Впоследствии традиционная богословская концепция и соответствующий ей образ коренных народов найдут свое продолжение и развитие в сибирских летописях XVII в.

Официальное сибирское летописание, вышедшее из тобольского архиерейского дома Святой Софии, рассматривало «взятие» нового обширного края в духе религиозно-этических идей. Оно возвеличивало христианский подвиг Ермака и его дружины, выступивших против «поганных» за утверждение власти православного царя. Аборигенные народы характеризовались в соответствии с идеей христианского просвещения, получали богословско-моралистическую оценку, призванную разоблачить «неверие» язычников и мусульман.

Богословские догмы и традиционные книжные стереотипы продолжали оказывать воздействие на осмысление образа коренных народов Сибири не только в сибирских летописях, но и в других литературных памятниках XVII в. Так, «Книга глаголемая космография», созданная в 1637 г. на основе трудов Г. Меркатора¹², сообщает о проживающих «во жребии Симове» «зверообразных людях», занимающихся пушным промыслом¹³. Эти же данные о «диких людях, потому что ... едят кровавое и сырое, веры и грамоты не имеют» повторяет «Космография из 76 глав», опубликованная по списку 1670 г.¹⁴ В «Избрании вкратце от книги глаголемыя космография...» перечислены около 20 аборигенных групп, обитающих на территории Сибири. Все они получают в тексте обобщенную негативную оценку: живут «в лесах в земли яко звери», «едят всякую нечистоту», нравом «зело люти» и «несмыслении ни в чем, яко скоти»¹⁵. В сокращенное переложение этой статьи добавлена фраза, призванная еще более усилить нелестный образ автохтонного населения: «Ростом малы и зверообразны».

Известный славянский мыслитель Юрий Крижанич в «Истории Сибири», созданной около 1680 г., всю территорию Северной Азии, подобно некоторым средневековым трактатам, делит на несколько климатов. В первом, северном климате, помещались различные «говорящие каждый собственным наречием» народы. В качестве определяющих черт их жизнедеятельности традиционно называлась языческая вера («все они суть идолопоклонники») и употребление в пищу сырой рыбы и мяса¹⁶. В перечне обитателей первого климата нет самоедов, хотя в другом контексте они не раз упоминаются в произведениях Крижанича. Так, рассуждая о красоте и уродстве различных народов, он констатирует, что самоеды «малы ростом, широколицы, с маленькими глазами, коротконоги, безбороды»¹⁷. Вероятно, автор «Истории Сибири» склонялся к тому, что самоеды – собирательное название различных «варварских» сообществ, а не особая этническая группа. Не случайно это наименование соседствует с такими терминами, как «сыроеды» и «людоеды»¹⁸. Таким образом, характеристика автохтонного населения Сибири в работах славянского мыслителя не свободна от средневековых стереотипов о носителях чуждой европейцам северной языческой культуры: это дикие, варварские, отсталые люди с безобразной внешностью, которые ведут исключительно кочевой образ жизни и не имеют «человеческих порядков»¹⁹.

Еще более уничижительную оценку самоедам дает руководитель российского посольства в Китай 1692–1695 гг. И. Идес. Сам он в местах их обитания не был и рисует это население, вероятно, не столько по рассказам очевидцев, сколько отдавая дань традиционному взгляду европейцев на северо-восточные народы. Внешний облик самоедов, согласно запискам путешественника, «чрезвычайно неприятный и скверный»: ростом они малы и приземисты, лица у них широкие, носы приплюснуты, рты большие, губы обвислые, глаза неприятные, словом, «более некрасивого народа нет на свете». Несмотря на обилие рыбы и дичи, они едят всякую пададь, ибо «слишком ленивы», чтобы воспользоваться дарами природы. Ко всему прочему, самоеды женятся на кровных родственниках и верят «дьявольским фокусам» колдунов. И если внешне, по заключению посла, они хоть в чем-то походят на людей, то разумом и повадками больше напоминают животных²⁰.

Глубокое всестороннее описание сибирских аборигенов в XVII в., содержащее элементы исследовательского подхода к теме, содержится в записках другого руководителя российского

посольства в Китай – Н. Г. Спафария-Милеску. Тем не менее, рассматривая генеалогию азиатских народов, он обращается к средневековым богословским персонажам Гоге и Магоге и библейскому прародителю Иафету, сыну Ноя²¹. О библейском вавилонском столпотворении в связи с происхождением местного населения края упоминают автор «Хронографической повести» и С. У. Ремезов в «Описании сибирских народов».

Таким образом, рассматривая источники формирования образа сибирских аборигенов, необходимо учитывать не только практику непосредственных контактов русских людей с многочисленными аборигенными этносами после похода Ермака и последовавших за ним событий, но и уходящие в глубь веков религиозно-мировоззренческие стереотипы и историографические традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лихачев Д. С. Монументально-исторический стиль древнеславянских литератур // Прошлое – будущему. Л., 1985. С. 284–285; Барз М. А. Эпохи и идеи: становление историзма. М., 1987. С. 156; Кузаков В. К. Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси в X–XVII вв. М., 1976. С. 226, 307; Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Труды по знаковым системам: уч. зап. Тартуского ун-та. Тарту, 1965. Ч. 2. С. 211–212.

² Voas G. Essays on Primitivism and Related Ideas in the Middle Ages. Baltimore, 1948. P. 129–130.

³ Кесарийский Андрей. Толкования на Апокалипсис // Литературная учеба. 1991. Кн. 2. С. 124; Библейская энциклопедия. М., 1991. С. 165.

⁴ Коран. М., 1986. С. 249, 250, 273.

⁵ Zichy Et. Le voyage de Sallam. l'Interprete a la muraille de Gog et de Magog // Korosi Csoma Archivum, 1921–1925. Leiden, 1967. Vol. 1. P. 200.

⁶ Откровение Мефодия Патарского // Мильков В. В. Осмысление истории в Древней Руси. СПб., 2000. С. 359.

⁷ Дёмин М. А. Легендарно-книжные мотивы в ранних русских письменных известиях о сибирских народах // Сибиряки: региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве. Новосибирск, 2009. С. 42.

⁸ Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах: прил. М.; Ньютонвиль, 1993. С. 77–97.

⁹ Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1901. Т. 12. С. 109.

¹⁰ Повесть о Стефане, епископе Пермском // Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 4. С. 127.

¹¹ Там же. С. 133. См., например, формулировку этой идеи Эразмом Роттердамским: «Одно для всех крещение, воссоединяющее нас с Христом, и, отсеченные от греховного мира, мы становимся членами тела Христова... Нет ни раба, ни свободного, ни варвара, ни грека, ни мужчины, ни женщины, но все – одно во Христе, всех приводящем к согласию» (Жалоба мира, отовсюду изгнанного и поверженного // Эразм Роттердамский и его время. М., 1989. С. 258).

¹² Глушкина С. М. «Космография» 1637 г. как русская переработка текста «Атласа» Меркатора // Географический сборник. М.; Л., 1954. Т. 3. С. 80; Александрова О. А. Становление географической науки в России в XVIII в. М., 1989. С. 20.

¹³ [Попов А. Н.] Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 466.

¹⁴ Космография, 1670. СПб., 1878–1881. С. 13.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Повествование о Сибири: латинская рукопись XVII столетия, изданная с российским переводом и примечаниями Григорием Спасским. СПб., 1822. С. 5–6.

¹⁷ Крижанич Ю. Политика. М., 1965. С. 464.

¹⁸ [Крижанич Ю.] 1) Русское государство в половине XVII в. / публикация П. А. Безсонова. М., 1859. Ч. 1. С. 111; 2) Политика. С. 476, 540.

¹⁹ [Крижанич Ю.] 1) Русское государство... С. 111; 2) Политика. С. 382, 464–465, 476, 493.

²⁰ Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай. М., 1967. С. 269–272.

²¹ Спафарий Н. Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая в 1675 г. СПб., 1882. С. 83, 128.

**«ЕВРОПА» ИЛИ «ЕВРАЗИЯ»? ПРОБЛЕМА ВЫБОРА
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОСНОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ОЦЕНКАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА***

Оценка жизнеспособности «евразийской» метафоры российского мира в системе представлений о России как социокультурном и геополитическом пространстве, задаваемом принадлежностью к локальной цивилизации, представляет не только научный, но и практический, с точки зрения поиска пути инновационного развития страны, интерес. Эмпирические исследования 2007–2008 гг. показали, что для представителей региональных экспертных сообществ тюркских республик Южной Сибири (Алтай, Хакасия, Тува) более предпочтительной оказалась евразийская парадигма. Ориентация на евразийскую доминанту российской идентичности естественна для многих экспертов-сибиряков и, тем более, для экспертов из числа титульных для этих субъектов РФ этносов¹.

Между тем, «евразийство» России вызывает неоднозначное отношение в современном российском научном и политическом дискурсе, категории и направленность которого задаются во многом из ее европейской части, как столичной, так и провинциальной. Это обусловило обращение к оценке «европейской» и «евразийской» альтернатив российской идентичности представителями экспертных сообществ в Европейской России.

В 2009 г. средства экспедиционного проекта СО РАН позволили осуществить работу лишь в двух провинциальных субъектах РФ: в Республике Калмыкия и Великом Новгороде. Экспертный опрос осуществлялся также при поддержке грантов РНГФ № 07-03-922 а/Г «Цивилизационные константы Внутренней Евразии: ценностные системы и мировоззренческие ориентиры» и № 09-03-00491а «Конфессиональная принадлежность мигрантов-мусульман как фактор инкорпорирования в российское общество». Мнения же столичных экспертов были выявлены посредством анализа материалов постоянно действующего научного семинара Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при отделении общественных наук РАН, научными руководителями которого являются А. И. Неклесса и С. С. Сулакшин. Тема одного из семинаров «Россия и Запад: что разделяет?» (декабрь 2008), прямо касалась цели экспедиционного проекта – оценки перспективности «европейского» и «евразийского» векторов российской идентичности².

Характеризуя регионы европейской части России, в которых проводился экспертный опрос, стоит отметить следующее. Новгородская обл. – административно-территориальный субъект РФ – входит в состав Северо-Западного федерального округа. Численность населения Новгородской обл. составляет 646 тыс. человек, из которых доля горожан – 70 %. В регионе три города, из которых самый крупный – Великий Новгород (215 тыс. жителей). В этнической структуре населения численно доминируют русские (93 %).

Республика Калмыкия является национально-территориальным субъектом РФ, входящим в Южный федеральный округ. Ее население составляет 284 тыс. человек. Титульный этнос – калмыки – народ, язык которого принадлежит к монгольской группе алтайской языковой семьи. Калмыки исторически связаны с центрально-азиатским кочевым миром, верующие исповедуют буддизм. В настоящее время калмыки численно доминируют в этнической структуре населения Республики Калмыкия, составляя более 53 % ее населения (по данным переписи 2002 г.), 33 % ее населения – представители русского этноса. На ее территории проживает немало представителей народов Северного Кавказа. Соотношение городского и сельского населения составляет 44,5 и 55,5 % в пользу селян. Несмотря на численное доминирование калмыков, в межэтнической коммуникации доминирует русский язык, так как большинство представителей старшего поколения калмыков – носителей этнических традиций – родились вне ее территории, в условиях депортации. Поэтому не случайно для большинства из них материнским стал русский язык.

* Работа выполнена при поддержке грантов РНГФ № 07-03-922 а/Г и № 09-03-00491а.

Оценки цивилизационной идентичности России экспертами, как опрошенными нами лично, так и высказавшими свою позицию в рамках работы семинара «Россия и Запад: что разделяет?», отражены в четырех позициях, две из которых являются полярными, а две другие – промежуточными. (1) Россия, безусловно, является европейской страной, поскольку имеет общие с Европой христианские корни и эндогенный, несмотря на «отставание», характер происхождения капитализма. (2) Россия является альтернативным (евро-атлантическому) вариантом европейской цивилизации, поскольку Россию и Европу связывают общие культурные ценности – рационализм, универсализм, научно-технический прогресс. В то же время Россия не является «западной» страной. В настоящее время «ядерной» структурой евро-атлантической цивилизации выступает англо-протестантская культура, с которой у России наличествует глубокая и географическая, и социокультурная дистанция. (3) Россия представляет собой самостоятельную цивилизацию, которая включает одно государство (Российскую империю, СССР, РФ). Несмотря на общие ценности, Россия и Европа имеют различные, нередко приходящие в противоречие друг с другом, интересы. (4) Россия является частью евразийской цивилизации, региональным лидером группы независимых государств, объединенных общей историей, системой ценностей, интересами.

Одна из трудностей, с которой пришлось столкнуться при проведении интервью в европейской части страны, заключалась в том, что некоторые эксперты уходили от однозначного ответа на вопрос о цивилизационном статусе России. Среди опрошенных нами в Великом Новгороде и Элисте экспертов 2 человека разделили «европейские» позиции, треть (5 человек) остановились на признании самостоятельности России как цивилизации, а треть последовательно выразили «евразийскую» позицию.

Оценивая характер целостности российского мира, практически все эксперты полагают, что российский мир являет собой органическое, системное, самобытное единство, целостность которого задается разновекторными направлениями («восточно-европейским», «степным», «дальневосточным» и т. д.). *«Это культурный синтез, причем органический синтез. Это не механический синтез, – доказано историей»* (мужчина, калмык 40 лет).

Несмотря на сложные отношения с бывшими республиками СССР, эксперты отмечают тяготение новых независимых государств к России как региональному лидеру, что в будущем способно стать залогом выхода межгосударственных союзов на евразийском пространстве на новый качественный уровень взаимоотношений между его субъектами. *«Это очень органичная сеть, несмотря на сложное отношение к бывшим союзным республикам. Но рано или поздно они начнут стремиться к единству... То, что мы называем российским цивилизационным пространством – это очень органичная вещь. И, может быть, это лучше понимается на уровне простого народа, нежели элиты»* (мужчина 47 лет, калмык).

Рассуждая о характере противопоставления двух полярных оценок цивилизационного статуса России – европейского и евразийского – некоторые эксперты обращают внимание на следующую исторически сложившуюся традицию. Элиты в России были ориентированы на инновации, заимствованные из Европы, тогда как «народ» в своей массе – на местную традицию. В то же время оригинальная творческая работа, имеющая целью «подогнать» заимствования под собственные нужды, ускользала от взгляда, как и то обстоятельство, что многие элементы той или иной традиции ранее воспринимались как инновации. Моментом, сдерживающим развитие, является заниженность в оценке возможностей российской культуры. Эксперты полагают необходимым осознать и преодолеть собственную недооцененность. *«Я живу с четким осознанием ценности своей культуры... Я воспитана так: если ты уважаешь собственную культуру, то с таким же уважением будешь относиться к другой, но не с завывающей планкой, а наравне...»* (женщина, калмычка 60 лет). *«Необходимо самодостоинство, мы должны себя полюбить. Власть не любит свой народ. А народ не любит сам себя. Власть тоже сама себя не любит, она себя не видит частью народа, она вне этого народа»* (женщина, русская 37 лет).

Выявляя основания (константы) устойчивости российского мира, эксперты обратили внимание на следующие факторы: 1) общее пространство («месторазвитие»), которое характеризуется транзитным между Европой и Азией положением, низкой плотностью населения, достаточно суровыми природно-климатическими условиями жизнедеятельности людей; 2) государственно-идеологическая традиция, связанная с ориентацией людей, населяющих это пространство, на этатизм и патернализм; 3) общее коммуникативное пространство русского языка как, во-первых, языка межнационального общения, во-вторых, посредника в отношениях между глобальной общемировой культурой, с одной стороны, и локаль-

ными (в том числе этническими) культурами, с другой; 4) интегративная роль православия как фундамента светской культуры; 5) историческая память как фактор интеграции, налаживания сетей, коммуникации.

Некоторые эксперты высказали мнение, что идеал коллективистского бытия, с которым связывается идея общности народов российского мира, продолжает играть важную роль в жизни российского общества. *«Коллективизм – это объективная потребность в наших условиях... Это осознанная потребность... Потому что объективно видно, что результат коллективных усилий выше, чем индивидуальных. И даже если сравнивать просто результат достижений, которые были в Европе и Советском Союзе, именно коллективные условия позволили делать многое в разы за более короткий срок, чем в Европе. Европа шла долго к решению многих вопросов»* (мужчина 33 лет, русский).

«Базовой основой, “священной коровой” всего того, что мы сегодня называем европейской культурой, является отношение к частной собственности. И правовое, и культурное начало происходило оттуда... Сегодня характер европейцев, их схожесть, общность построена на этом. Другое дело, отношение к частной собственности в России... Коллективная собственность всегда предполагает того, кто будет хозяином, кто, с мифологической точки зрения, будет справедливо это распределять. Иногда народ может наделять этими мифологическими качествами совсем не того, кого следует» (мужчина 47 лет, калмык).

В то же время среди экспертов были и те, кто отметил индивидуализм как 1) черту кочевого образа жизни; 2) черту оседлого образа жизни; 3) перемену, произошедшую в общественном сознании россиян в недавнем прошлом.

В высказываниях экспертов фиксируются такие характеристики России и ее народов, как терпимость, неагрессивность, межэтническая комплиментарность. Значительную роль в сохранении межэтнического единства играют, по мнению некоторых экспертов, русские: *«Сколько бы ни существовало в России культур, все равно доминирующая культура – русская. Я бы даже больше сказал, насколько мне позволительно будет рассуждать о культурах народов Кавказа. Там ведь есть народы, которые существуют веками и очень непохожи. И в языковом отношении очень непохожи. Но, тем не менее, их сосуществование сегодня возможно только потому, что есть Россия и русская культура»* (мужчина 47 лет, калмык).

В целом эксперты-калмыки более охотно признают евразийский характер российского социокультурного пространства. В то же время некоторые настаивают на том, что *«исходить из того, что Россия самодостаточна, и ставить на этом жирную точку неправильно, так как этот путь ведет к самоизоляции»* (мужчина, калмык 40 лет). Прозвучала мысль о том, что в современном мире преимущество получает тот, кто получает возможность вступать в глобальную коммуникацию со своими идеями, ресурсами, проектами. Необходимо научиться извлекать выгоды из сотрудничества с соседями, как на Западе, так и на Востоке.

Русские эксперты склонны уходить от сопоставительных клише «Восток» – «Запад» как связанных, предпочитая рассматривать Россию как самостоятельное социокультурное пространство. Эксперты в Великом Новгороде говорили о неотрефлексированности собственного пути России в глобальный мир. Оценок «азиатской», восточной специфики России выявлено не было, несмотря на глубокую (лингвистическую и историческую) связь калмыков с народами центрально-азиатского кочевого мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ерохина Е. А. 1) Концепт «Евразия» и условия производства евразийского дискурса // Русский вопрос: история и современность. Омск, 2007. С. 29–32; 2) Социокультурная идентичность России в мнениях и оценках символической элиты национальных республик Южной Сибири // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Новосибирск, 2007. С. 60–64; 3) «Евразия» как метафора российского мира во мнениях и оценках интеллектуальной элиты Республики Алтай // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 2007. Вып. 8. С. 71–76; 4) Евразийская метафора российского мира // Информатика и проблемы телекоммуникаций. Новосибирск, 2008. Т. 1. С. 217.

² См.: Россия и Запад: что разделяет?: материалы науч. семинара. М., 2009. Вып. 7 (16). URL: http://www.rusrand.ru/public/public_199.html (дата обращения: 20.02.2010).

ОБРАЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ РОССИИ В ХРИСТИАНСКОЙ ИСТОРИОСОФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – СЕРЕДИНЫ XX в.

Драматическое совпадение хронологического и исторического рубежа в развитии мировой цивилизации и российского общества актуализировало обращение современных исследователей феномена цивилизации к творческому наследию мыслителей русского религиозного Ренессанса. Размышления христианской историософии о смысле и направленности всемирной истории определялись пониманием новой эпохи – Постмодерна – как сотрудничества различных цивилизаций и культур в целях преобразования существующего мирового порядка на универсальных принципах гуманизма, равенства, социальной справедливости и единства народов. Такое видение «новой творческой эпохи» (термин Н. А. Бердяева) и ее главного действующего субъекта в лице «всеединого человечества» (понятие, предложенное духовным отцом евразийства Л. П. Карсавиным) было сформировано взаимодействием русской историософии с великими интеллектуальными традициями Запада – Романтизмом и Просвещением.

«Верующий разум» русских религиозных авторов определил не только исследовательскую парадигму, но и особый масштаб оценки ключевых событий всемирной истории – *sub specie aeternitatis* – «с точки зрения вечности». Целью развития народов объявлялось Царство Божие как идеальный итог мировой истории, объединяющий в себе содержание всех поисков и достижений единого человечества. Присущий русской религиозной историософии синтез базовых категорий Православия (соборности, искупления, всеобщего спасения и др.) с гуманизмом, антропоцентризмом и прогрессизмом европейского сознания объясняет особое, неконформистское отношение отечественных мыслителей к современной цивилизации Запада. Критика основных пороков буржуазной цивилизации – культа силы и богатства, бездушного формализма, классового неравенства и национального эгоизма с позиций универсальных ценностей свободы, братства, социальной солидарности и справедливости, сформулированных христианством, проявилась уже в творчестве родоначальников русского традиционализма.

Великая французская революция 1789 г. и европейская «весна народов» 1848–1849 гг. стали синонимом творческого саморазрушения духовно и политически единой Европы под натиском национального эгоизма, облаченного в форму антихристианского «восстания масс». События Первой мировой войны и последовавших за ней революций были восприняты русскими христианскими мыслителями как символы «заката Европы» и окончания эпохи Нового времени, в которой Западу принадлежала роль лидера и эталона мирового развития. Мировые войны продемонстрировали, по мнению Н. А. Бердяева и Л. П. Карсавина, разрыв Запада с базовыми религиозно обоснованными ценностями, доселе предлагаемыми всему миру в качестве универсальных образцов «цивилизованности» и прогресса: гуманизма, гражданских прав и свобод человека, самоопределения народов и национально-государственного суверенитета, неукоснительного соблюдения норм международного права. Переход от эпохи Модерна к Постмодерности включал в себя сразу несколько альтернатив мирового развития: 1) глобальная вестернизация, т. е. модернизация незападных сообществ на основе освоения ими стандартов массового производства и потребления, формирования институтов гражданского общества и правового государства, сопровождающаяся социокультурной унификацией и утратой цивилизационной идентичности (этот вектор всеобщей транзитивности, названный Ф. Фукуямой «концом истории», классик постмодернизма Ж. Бодрийяр откровенно назвал «постисторической помойкой», где каждая ценность может быть заменена на другую, где ничто не защищает символическое пространство собственной культуры, обеспечивающее волю к жизни¹; 2) победа тоталитарных революций, заканчивающихся созданием нового принудительного порядка на основе использования технических средств и научных достижений современной цивилизации; 3) формирование «Нового средневековья» – эпохи посткапиталистических и постлиберальных сообществ, основанных на принципах социальной справедливости, гуманизма, равноправного диалога культур, идейным фундаментом которых выступает обновленное христианство. Победу именно такого

вектора направленности всемирной истории отечественные христианские мыслители связывали с реализацией вселенской миссии России. Надежды на всеобщее спасение мира и духовное лидерство страны в грядущей «новой творческой эпохе» основывались на презумпции особой цивилизационной идентичности России в кругу христианских народов.

Созданное христианами авторами сложное системное мировоззрение, в котором богословие сочеталось с философией, гносеология с этикой, психология переходила в социологию и культурную антропологию, ставило целью обоснование и оправдание своеобразия русского пути, а в конечном счете – нормализацию исторического развития всей христианской цивилизации на основе ценностей православной культуры. Таким образом, в русской религиозной историософии получили развернутое обоснование две модели транзитивности как представления о социокультурной и исторической динамике: идея органического развития российской цивилизации, сформированной ценностно-нормативным фундаментом Православия, с одной стороны, и теория всемирной универсальной цивилизации, воплотившей в себе исторический опыт и высшую стадию прогресса всего человечества.

Осмысление российской транзитивности в условиях альтернативной ситуации выбора страной дальнейшего пути развития очертило тот круг вопросов, которые и сегодня остаются в центре внимания отечественной историософии: движущие силы и цивилизационно-формационный вектор российской модернизации; соотношение внутренних и внешнеполитических факторов социально-политической трансформации страны; формы и методы социальной мобилизации общества культурными и политическими элитами; многоукладный характер транзитивного общества; постоянные и переменные социальной динамики и пр.

Мировоззренческим основанием ответов русской историософии на эти и другие вопросы было представление о специфической цивилизационно-конфессиональной идентичности России. Ее фундаментом выступало Православие как идеальный тип религиозности, наиболее глубокая и точная историческая транскрипция Вселенской Церкви, воплотившая в себе образ духовной целостности человека, гармонии личности и общества, страны и мира, свободы и полноты бытия. Необходимо подчеркнуть, что по существу такой «идеальный тип» национальной духовности был искусственно сформирован авторами русского религиозного ренессанса в процессе критики официального богословия и представлял собой результат существенной модернизации русскими мыслителями догматики и исторической практики РПЦ.

Результаты использования цивилизационного подхода для изучения опыта российской транзитивности проявились в акценте на особой роли традиции на всех стадиях и уровнях модернизации страны. В отличие от классических «западников», Н. А. Бердяев, Л. П. Карсавин и Г. П. Федотов рассматривали традицию не в типологическом плане как начало, противостоящее модерности, и не как косную социально-экономическую структуру или политический институт, подлежащие слому для обеспечения победы современных динамично развивающихся укладов, а именно как специфический тип ментальности и исторического опыта страны, определяющий органичное развитие общества, характер его реакции на различные «вызовы» времени и внешнего окружения.

Вслед за славянофилами авторы русского религиозного возрождения полагали, что православием сформирован истинно христианский характер «русской души», выражающийся в традиционном миролюбии и терпимости русских к представителям других этносов и конфессий; в напряженном тоне религиозных ожиданий народа, не принимавшего секуляризованного мировоззрения с его культом индивидуализма и материального могущества; в национальном характере русских, готовых к самопожертвованию и даже национальному самоотречению ради торжества всеобщей справедливости. На почве русского православия выросла своеобразная культура интеллектуальной аскезы и моральной рефлексии, ядром которой было внутреннее покаяние, преодолевающее искушение национальной исключительности и ложной самонадеянности. Христианский универсализм православного сознания проявился в специфической идеологии спасения – всечеловеческого прорыва в будущее на основе преображения «греховного мира» общими усилиями разных стран и народов. Такое понимание направленности истории отразилось в эсхатологической устремленности русского сознания к идеальным и вместе с тем интернациональным проектам миростроительства.

Конфессионально-цивилизационная интерпретация религиозными мыслителями XX в. национального семиозиса ярче всего проявилась в творчестве Л. П. Карсавина и Н. А. Бердяева. Именно устремленностью к Абсолюту они объясняли трагические антиномии русской души,

противоречивый характер и рваный темп российской модернизации. Сомнение в достижимости идеала порождало у русских низкую самооценку и наивное преклонение перед чужой культурой, которые принимали самые разные формы – от полного перевоплощения и самоотречения до уничтожающей критики и неприятия. Обратной стороной сосредоточенности на достижении запредельных целей является равнодушие к повседневности, отсутствие навыков методичной будничной работы, неприятие постепенности, социальная апатия и лень. В условиях утраты веры в абсолютное для русского человека, по мнению Л. П. Карсавина, «утрачивают всякий смысл нормы нравственности и права ... потеряв веру, он чувствует, что “все дозволено”, становится вороватым, пакостником, преступником»².

Аномия русской жизни, будучи прямым следствием надрыва общества в его стремлении достичь идеала, проявляется не только в массовой криминализации общества, но и в усилении социального хаоса, разрушении традиционных форм социальной коммуникации: солидарности поколений и отдельных профессиональных групп, асоциальности массового поведения, усилении конкуренции элит за административно-политические и экономические ресурсы и т. д.

Спецификой религиозного мировоззрения русских объясняется дихотомическая конфигурация процесса транзитивности по линии «настоящее» – «будущее», «сущее» – «должное», «временное» – «вечное», «порядок» – «беспорядок», «национальное» – «вселенское».

Эсхатологический вектор социальной активности русских определяет радикализм их преобразовательных проектов и экстремистский характер движений социального протеста, глубинной манифестацией которых стала большевистская революция. Мировое значение Красного Октября 1917 г. Л. П. Карсавин видел в самоутверждении России как носительницы новой христианской культуры и новой мировой эпохи – гармонического единства национального и интернационального, силы и духа, свободы и справедливости, закона и благодати, т. е. созидания идеального общественного порядка, объединяющего многообразное в едином³.

Указывая на исключительную роль государства в процессе отечественной модернизации, Л. П. Карсавин, Г. П. Федотов и Н. А. Бердяев давали разные оценки степени взаимодействия российской власти с национально-культурной традицией. По мнению Карсавина, православие выступало религиозно-политической санкцией самодержавия независимо от исторических форм российской автократии. Идеал взаимодействия веры и власти, Вселенской Церкви и христианского государства историк обнаруживал в национальной доктрине «Москва – Третий Рим». В сознании русских сложилось представление о церковно-государственной «симфонии» – соединимости в православном государстве величия и правды, блага и справедливости, сформировав образ «самодержца» как хозяина земли русской и главы христианского мира, защитника веры и отечества. Л. П. Карсавин вслед за А. С. Хомяковым, представителями русской государственной школы в лице С. М. Соловьева и Б. Н. Чичерина, Вл. С. Соловьевым пытался оправдать и обосновать религиозно значение государственности как необходимой формы, «тела» русской души, вечно живой традиции русской истории и культуры. В работах так называемого «евразийского» периода (1925–1940 гг.) государство выступало у Карсавина уже главной «исторической индивидуальностью», выражающей преемственность различных этапов русской истории и единство всех сфер национальной культуры.

Признание государства главной движущей силой формационного перехода, осуществляемого страной начиная с реформ Петра Великого, объясняет высокую позитивную оценку преобразовательных усилий России христианскими мыслителями. В этом проявилось отличие их мировоззренческой позиции от авторов социал-демократической и народнической ориентации, упрекавших государство за непомерно высокую цену прогресса.

Всем религиозным авторам было свойственно представление о суверенном характере российского государства, обеспечившего свободное развитие страны в условиях постоянных угроз ее независимости, территориальной целостности, национально-культурной самобытности. Давление неблагоприятных географических и внешнеполитических условий вынуждало государство к использованию мобилизационных методов управления (ограничения прав и свобод, усиления фискального бремени, внеэкономического принуждения и т. д.) как единственно доступных ему способов самосохранения и выживания страны в целом. Укрепление вертикали власти было следствием не только дефицита ресурсов, но и дефицита общественной солидарности в стране, раздираемой противоречиями региональных и профессиональных элит.

Процесс модернизации сопровождался интеграцией России в пространство мировой политики и культуры, усиливая восприимчивость российской политической элиты к универсальным

ценностям новой эпохи: просвещения, общественного разделения труда, правового ограничения личного и властного произвола. Тем самым, «просвещенный абсолютизм» российской власти представлялся христианским мыслителям оптимальным сочетанием традиции и новации, преемственности и изменчивости, необходимым синтезом цивилизационной специфики России с универсалиями всемирно-исторического процесса.

На примере революций 1905–1917 гг. христианские авторы доказывали чреватость российской транзитивности «динамическим хаосом», утратой целостности и управляемости социокультурной системы, непредсказуемыми катастрофами внутри- и внешнеполитического развития страны в случае разрушения государственности как тела русской культуры.

В противовес либеральной доктрине национального государства Л. П. Карсавин, Г. П. Федотов и Н. А. Бердяев выдвигали идею превращения России в универсальное государство, в лидера мирового сообщества народов, отрицающего значение политических или национальных границ. Основой такого видения места и роли страны в развитии мировой цивилизации являлась концепция «всеединства», разработанная В. С. Соловьевым. Образ России как «третьей силы» между Востоком и Западом мировой истории представлял собой новый вариант русского мессианизма – идеи о спасительной миссии России, примиряющей христианский Восток с христианским Западом, создающей на почве Православия основу для органического синтеза достижений двух цивилизаций, универсальную «вселенскую культуру».

Подобно большинству отечественных религиозных авторов, писавших о «русской идее» – творческом мессианском задании страны, Н. А. Бердяев традиционно усматривал его в объединении Востока и Запада: «... только Россия может соединить восточную созерцательность и охрану божественной святости православия с западной человеческой активностью, с исторической динамикой культуры»⁴.

Вместе с тем, русская история оценивалась Н. А. Бердяевым в контексте постоянного конфликта «русской идеи» и «русской души». Русская душа – это эротическая конституция отечественной ментальности, проявляющаяся в преобладании женской психеи над мужской, следствием чего является максимализм русских, их стремление к предельным целям, нежелание и неумение упорядочить сферу повседневного существования, неприятие правового формализма, социальной дифференциации и профессиональной специализации. Формирование «русской души» как иррационального ориентального психического комплекса, берущего начало в языческом дионисийстве и аскетическом византийском православии, автор относил к периоду Московского царства – времени наиболее тесного взаимодействия Руси с традициями власти, собственными кочевым народам.

Величественное здание Российской империи стало воплощением «русской души», превратившись в истолкованную «русскую идею» в духе военно-теократического царства, «Третьего Рима», в то время как подлинное религиозное задание России – создать совершенное сообщество народов на принципах правды, свободы и справедливости, осталось непонятым. Последующее развитие страны демонстрировало, по мнению Н. А. Бердяева, неустанную борьбу «русской души» и «русской идеи», отражающую противоречие идеального смысла и реального хода российской истории. Вместе с тем, оба плана русской истории – ее религиозное призвание и реальный опыт – демонстрировали эсхатологическую направленность. По образному выражению автора, «русский народ есть народ конца истории ... в этом его религиозный пафос»⁵.

Октябрь 1917 г. был воспринят и как финал тысячелетней истории Российской империи, и как конец эпохи Нового времени. Вместе с тем, отечественная наука затруднялась дать рациональное обоснование закономерности и неизбежности революционного перехода российского общества к новому качеству. Транзита к социализму не могли объяснить ни сторонники теории модернизации, ни адепты формационного подхода, ни концепция органического развития локальных цивилизаций. По мнению Н. А. Бердяева, существующие средства историописания и философии истории, сформированные интеллектуальной традицией Нового времени, непригодны для постижения смысла Великой русской революции, положившей начало новому миру и новой эпохе: «О русском коммунизме совсем невозможно мыслить в категориях новой истории, применять к нему категории свободы или равенства в духе французской революции, категории гуманистического мировоззрения, категории демократии и даже марксистского социализма. В русском большевизме есть запертость и потусторонность, есть жуткое касание чего-то последнего»⁶.

Христианская историософия в лице Г. Флоровского, Г. П. Федотова, Н. А. Бердяева предложила собственные, теологические категории познания русской истории и религиозную ин-

терпретацию поворотных моментов в развитии России. Революция 1917 г. была понята как «малый апокалипсис истории», «суд Божий» над греховным миром, предавшим забвению христианские заповеди равенства и братства народов. Оценка социализма как «неотвратимой судьбы России», деформированного проявления «русской идеи», русского мессианизма и универсализма свидетельствовала о его глубокой укорененности, а возможно, и абсолютной неустранимости из системы религиозных принципов и символов коллективного бытия народа. Не менее важен сделанный христианской историософией акцент на том, что в социализме произошло соединение воли народа к социальной справедливости с волей к государственному могуществу, а тем самым было достигнуто единство устремлений власти и общества. Организующая роль советской власти проявилась в том, что «народные массы были дисциплинированы и организованы в стихии русской революции через коммунистическую символику». В этом, по мнению Н. А. Бердяева, заключалась «бесспорная заслуга коммунизма перед русским государством. России грозила полная анархия, анархический распад был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться»⁷.

Таким образом, в изображении христианской историософии социалистический вектор эволюции российского общества явился не историческим тупиком, а закономерным этапом развития, центральным компонентом политической и культурной идентичности русских.

Размышления русских религиозных авторов о проблемах становления и перспективах дальнейшего развития национального семиозиса ориентируют современных исследователей на понимание того, что будущее развитие России, с одной стороны, немислимо вне контекста мировой цивилизации, а с другой – требует понимания обусловленности исторической эволюции страны характером ее культурного наследия и духовного опыта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Независимая газета. 1996. 25 апр.

² Карсавин Л. П. Восток, Запад и русская идея. Пг., 1922. С. 79.

³ Карсавин Л. П. О сущности православия // Проблемы русского религиозного сознания. Берлин, 1924. С. 183.

⁴ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 184.

⁵ Бердяев Н. А. Восток и Запад // Путь. 1930. № 23. С. 103.

⁶ Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. Т. 1. С. 414.

⁷ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 109.

УДК 94(47) + 16

В. В. Менищikov

Курганский государственный университет

ЛОКАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

XX век в гуманитарном познании был ознаменован глубоким кризисом универсализма. Социальные катаклизмы, кризис идеи прогресса и ряд других не менее масштабных и сложных явлений дали импульс к развитию неклассических философских концепций. Все, что ранее рассматривалось как частное, случайное, а потому несущественное, оказалось в центре гуманитарного исследовательского интереса. Еще одной достаточно очевидной характеристикой современной эпохи является то, что глобализующееся человеческое общество становится все более фрагментированным, что привело к появлению довольно парадоксального для «классического» мировоззрения неологизма – глокализация. Глобальный и локальный аспекты оказались равноправны в исследовательской востребованности. В данном контексте становится актуальным содержание понятий «локальность», «локальный объект» и их операциональные возможности в различных сферах гуманитарного познания, в частности, исторического. Каковы же границы этих понятий?

Не претендуя на всеобъемлющий анализ, попытаемся определить лишь контуры возможного ответа на поставленный вопрос¹. Так, С. И. Маловичко (один из руководителей центра «Новая локальная история») замечает, что «сам вопрос о предмете и объекте локальной истории является не вполне проясненным»². Тем не менее, в том или ином виде акцент делается на пространственно-географической составляющей. Но не только на ней. Маловичко отмечает, что «локальная история позволяет составить коллективную биографию локальной общности любого уровня от семьи до страны... Речь идет о социальной роли индивидуума, стереотипах поведения в социокультурном, бытовом, природно-географическом и геополитическом контекстах обживаемого им пространства. В то же время важной стороной исследования новой локальной истории является изучение истории изменения форм, структур и функций самого локального пространства в единстве вышеуказанных контекстов»³.

Таким образом, «локальность» может пониматься не только в территориальном, человеческом (индивидуальном) измерении, но, допустим, и в темпоральном аспекте. Эта всесторонность, в известном смысле универсализм, придает локальному историческому объекту самостоятельный онтологический статус.

Однако наиболее привычным для нас является пространственный, или даже более определенно, территориальный смысл термина «локальность». Территориальные (пространственные) рамки являются одним из наиболее важных параметров значительной части, а в имплицитном виде, пожалуй, всех исторических исследований. Можно выделить несколько уровней исторического пространства, становящегося предметом изучения. Современные исследователи И. М. Савельева и А. В. Полетаев выделяют четыре таковых: всемирная история, региональная, страновая и локальная⁴. Однако в конкретно-историческом контексте, как нам представляется, территориальные рамки (пространство) становятся самостоятельно действующими в трех масштабных единицах – страновой (национально-государственной), субстрановой (административно-территориальная единица, регион) и локальной (город, село, местность и т. п.). С одной стороны, определение территориальных рамок исследования выглядит довольно банальной, даже в чем-то рутинной операцией, относящейся, скорее, к «ритуальным» действиям (в первую очередь это касается диссертационных работ). С другой стороны, эта процедура тесно связана с корректным определением предмета (рамок) исследования и соответствующим набором исследовательского инструментария. В данном случае уместно обратить внимание на теоретико-методологическую составляющую указанных выше процедур. Как отмечает современный исследователь С. Каспэ, «способы производства интеллектуальных операций крайне редко становятся предметом авторской рефлексии и еще реже эксплицируются... Но ведь только такая рефлексия и экспликация сообщают той или иной науке статус *дисциплины*, то есть мысли строгой, подчиненной известным нормам и правилам...»⁵.

Обращаясь к смысловому анализу территориальных рамок (параметров) исторического исследования, в качестве ключевого понятия мы выделяем категорию «пространство». Применительно к исследованиям социальной сферы эта категория выступает в качестве метафоры. Как только человеческое сознание в осмыслении или описании социальной реальности начинает использовать категории «вертикальности» и «горизонтальности», можно смело утверждать о переносе качеств физического пространства на общественное, то есть происходит своеобразное конституирование понятия социального пространства. Мы оставляем в стороне последствия для социального познания этого переноса, что является темой отдельного исследования. Указанная выше процедура определения территориальных рамок в большей степени или, по крайней мере, первоначально связана с механизмом соединения или взаимодействия социального и физического (географического) пространств. «Историческое пространство мы понимаем как взаимодействие социального пространства с географическим применительно к прошлому», – отмечают И. М. Савельева и А. В. Полетаев⁶. В зависимости от характеристик предметной области исследования формируется соответствующая модель данного взаимодействия, – либо социальное пространство является доминирующей составляющей, а физическое (географическое) пространство выступает в качестве пассивного начала, испытывающего конструирующее воздействие первого, либо наоборот. В значительной части работ западных и отечественных исследователей, посвященных анализу этих взаимодействий, «физическое пространство последовательно предстает как сравнительно пассивный объект социальных – и прежде всего властных, сакральных и политических – воздействий, как подлежащий и поддающийся обработке материал»⁷. С другой стороны, как утверждает А. В. Ремнев, «не стоит подменять историю ре-

гионов историей народов, в них проживающих, стоит взглянуть на регион как на целостную социокультурную, экономическую и политико-административную систему»⁸. Данный выбор определяет, на наш взгляд, конкретный характер территориальных границ исторического исследования – политических (административно-территориальных) или региональных. И вновь предмет исследования влияет на выбор конкретного типа территориальных границ. По мнению современного российского географа В. Л. Каганского, «страна и государство – онтологически разные образования, которые не могут состоять из одних и тех же частей... Страна – реальный (“естественный”, в некотором смысле) макрорегион культурного ландшафта, государство – институциональная конструкция, ее проекцией в пространство является государственная территория»⁹. Уточняет данную позицию утверждение екатеринбургского историка К. И. Зубкова: «Принято думать, что регион и классическое национальное государство соотносятся между собой как “часть” и “целое”... Чисто феноменологически это выглядит именно так, но только феноменологически... Поэтому исследования истории государства и истории региона лежат в разных аналитических проекциях и соотносятся с разным бытийным наполнением исторического времени»¹⁰. Тем самым можно выделить новые структурные оппозиции, характеризующие изучаемое историческое пространство. Это страна – регион и государство – административно-территориальная единица. В связи с этим является возможным изучение тех или иных исторических явлений, к примеру, в рамках Тобольской губ. или Западной Сибири. Хотя «значительная часть понятийного аппарата современного регионоведческого дискурса связана с пространственными категориями», причем, «как правило, эти термины употребляются для описания процессов, разворачивающихся вне официальных, формальных границ государства»¹¹.

В этой связи возникает еще один вопрос – происходит ли искажение исторической реальности в зависимости от избранных пространственных рамок? Сеем предположить, что искажения не происходит, в данном случае вообще неприемлем такой подход. В зависимости от предметно-исследовательского конструкта территориальные рамки задают масштаб и характер взгляда на соответствующий фрагмент исторической реальности. В результате возникают разные образы этой реальности. Корректность устанавливаемых пространственных границ определяется, по нашему мнению, лишь смысловыми акцентами в формулировке предмета исторического исследования.

Выше мы не случайно использовали понятие «образ»: как нам представляется, одной из наиболее эвристически плодотворных в исторической регионалистике (локалистике) может стать теория историко-географических и геоэкономических образов, активно развиваемая географом и культурологом Д. Н. Замятиным¹². По его мнению, «мощность и структурированность конкретного геоэкономического образа, по существу, зависят от его историко-географического фундамента»¹³, то есть от возраста территории и ее места в генеалогическом древе территорий. Замятин совершенно справедливо отмечает, что «сама специфика освоения пространств России привела к слабой структурированности ее регионов и неоднозначности различного рода геоэкономических границ»¹⁴. Именно вследствие этого в отечественной традиции принято оперировать такими неопределенными и семантически размытыми понятиями, как Зауралье, Забайкалье и т. п. «Нечеткость границ геоэкономических пространств способствует выделению своеобразных геоэкономических образов, которые выступают в данном случае как их устойчивые ядра»¹⁵. Поэтому оказывается легче выявить основное ядро региона, чем определить его конкретные границы. Большая часть российских историко-географических областей осознаются как ярко выраженные ядра с весьма расплывчатой периферией – Прикамье, Приобье, Приамурье, Поволжье (территории вдоль соответствующей реки); Предуралье, Забайкалье, Зауралье, Закавказье, Приморье (территории, прилегающие к горам или крупным водным объектам) и т. п. Но где границы всех перечисленных территорий, где, например, заканчивается Забайкалье и начинается Приамурье, оказывается, определить очень сложно. К примеру, историко-географические образы в большинстве европейских стран носят не относительный характер (отношение к какому-либо географическому объекту – реке, озеру, горам), а абсолютный и вполне определенный содержательный характер, уходящий порою своими корнями в античность. Французы точно знают, где заканчивается Прованс, а где начинается Гасконь или Лангедок, причем современное административно-территориальное деление на департаменты не соответствует границам исторических областей Франции.

В заключение приведем слова известного французского историка Ж. Ревеля, хотя и посвященные микроистории, однако довольно точно отражающие наши представления о различных

пространственных контекстах в исторических исследованиях: «Микроистория, вводя разнообразные и множественные контексты, постулирует, что каждый исторический актер участвует прямо или опосредованно в процессах разных масштабов и разных уровней, от самого локального до самого глобального и, следовательно, вписывается в их контексты. Здесь нет разрыва между локальной и глобальной историей и тем более их противопоставления друг другу. Обращение к опыту индивидуума, группы, территории как раз и позволяет уловить конкретный облик глобальной истории. Конкретный и специфический, ибо образ социальной реальности, представляемый микроисторическим подходом, это не есть уменьшенная, или частичная, или урезанная версия того, что дает макроисторический подход, – а есть другой образ»¹⁶. В конечном итоге существует множество исторических пространств (глобальных и локальных), равноправных в своем объективированном статусе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Некоторые аспекты проблемы изложены в публикациях: *Меншиков В. В.* 1) Историческая регионализация в контексте методологических проблем // Как изучают историю в высшей школе: опыт, перспективы, дискуссии. М., 2007. С. 209–216; 2) Локальная история в региональном измерении // Историк и его эпоха. Тюмень, 2007. С. 70–72; 3) Историческое краеведение в контексте современного гуманитарного знания // Регионоведение. 2003. № 3. С. 293–300.

² *Маловичко С. И.* Современная историческая наука и изучение локальной истории. URL: <http://www.worldhist.ru/qual/fpk/TheorMethHist-04/ref/Malovichko> (дата обращения: 15.12.2006).

³ Там же.

⁴ *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Теория исторического знания. СПб.; М., 2008. С. 175.

⁵ *Каспэ С. И.* Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М., 2007. С. 7–8.

⁶ *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Указ. соч. С. 160.

⁷ *Каспэ С. И.* Указ. соч. С. 41.

⁸ *Ремнев А. В.* Региональные параметры и имперская «география власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab imperio*. 2000. № 3/4. С. 343–358.

⁹ *Каганский В. Л.* Страна как проблема. URL: <http://www.strana-oz.ru/print.php?type=article&id=285&numid=7> (дата обращения: 14.12.2006).

¹⁰ *Зубков К. И.* Структурный метод в региональных исторических исследованиях // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX–XXI столетий. Екатеринбург, 2000. С. 22.

¹¹ *Макарычев А. С.* Глобальное и локальное: меняющаяся роль государства в управлении пространственным развитием // Политическая наука: пространство как фактор политических трансформаций. М., 2003. С. 8.

¹² *Замятин Д. Н.* Культура и пространство: моделирование географических образов. М., 2006.

¹³ *Замятин Д. Н.* Историко-географические аспекты региональной политики и государственного управления в России // Регионоведение. 1999. № 1. С. 167.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Ревель Ж.* Микроисторический анализ и конструирование социального. URL: <http://www.tuad.nsk.ru/~history/Author/Engl/R/RevelJ/index.html> (дата обращения: 26.03.2010).

УДК 94(47)

А. Ю. Моисеева

Новосибирский государственный педагогический университет

МЕССИАНСТВО КАК ОБРАЗ И ЯВЛЕНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Явление, называемое русским мессианством, – одна из составляющих образа России. Этот комплекс черт национального характера, по-видимому, хорошо узнается и стабильно присутствует как в культуре, так и в поведении людей. Значение мессианства в полной мере не ясно, и еще менее ясно, какую позицию следует занять по отношению к нему российскому гражданину

и обществу. В свете сказанного полезной представляется попытка осмыслить суть мессианства и способ его бытования в культуре нашей страны. Цель этой работы – наметить подходы к русскому мессианству со стороны его истории, происхождения, семантики и прояснить, насколько возможно, его роль и перспективы в формировании образа России.

С самого начала в поле нашего зрения попадает связь русского мессианства с православием, которая сохраняется на всем историческом пути идеи. В XV в. Русь становится единственной державой, исповедующей «правильную» веру. Отечественные православные мыслители приходят к выводу о некоей греховности других народов и о том, что именно русским предназначено вернуть эти народы на путь истинный. Позже славянофилы придерживаются подобного взгляда. Не без влияния мессианства зреют и проекты революционного преобразования российского общества. А. И. Герцен, предтеча народников, в поздний период жизни был разочарован в социальном прогрессе по европейскому образцу, ведущему к росту потребительских настроений, деградации личности и общественной жизни¹. Он связывает надежды на установление социализма с общинными традициями русского крестьянства. И далее русская социалистическая мысль – в явной или неявной форме – развивается в связи с представлением об особой исторической роли России. На другом полюсе мессианская тема разрабатывается религиозными философами, в первую очередь, Н. А. Бердяевым².

В начале XXI в. мессианские идеи вновь обсуждаются, в частности, среди гуманитариев в контексте русской национальной идентичности³. За рубежом также есть публикации на данную тему, из чего можно сделать вывод, что и здесь мессианство накладывает на образ России свой отпечаток. Например, исследование Питера Дункана, вышедшее в 2000 г. в Лондоне, имеет примечательное название «Русское мессианство: Третий Рим, революция, коммунизм и далее» (Duncan Peter. Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After).

Как известно, перенос мессианских чаяний с одного человека на многих совершается впервые по отношению к еврейскому народу. С первым приходом Мессии связывается искупление грехов человечества через страдание одного человека, со вторым – начало праведного Тысячелетнего царства, предшествующего концу истории (Откровение Иоанна Богослова, гл. 20). В России мессианской может считаться личность (например, царь), отдельный класс (крестьянство, пролетариат и т. п.) или народ в целом. Существовало и своеобразное надэтническое мессианство, ведь наша страна всегда была многонациональна, а в советское время – даже «интернациональна»⁴.

Интересно в этом смысле распространенное выражение: «Русский – это не национальность, это состояние души» (зафиксировано ли оно в каких-либо официальных источниках, выяснить не удалось, но частоту его употребления можно оценить, задав соответствующий поиск в Интернет)⁵. Рациональный, этнический критерий отделения «своих» от «чужих» противопоставляется здесь иррациональному, духовному. Применительно к нашей теме это может означать: верно даже не то, что «всякому русскому присуще мессианство», а, скорее, что «всякий, кому присуще мессианство – русский». Последнее утверждение по своей логике таково, что не предполагает согласия или несогласия, а лишь устанавливает название для людей с определенным душевным настроем. Причем наличие такого настроения представляется в этой логике вполне очевидным, не нужно никаких аргументов, чтобы в таком случае признать человека русским. «Русскость» оказывается не привязанной ни к земле, ни к роду, ни к культуре, ценность этих вещей меркнет перед перспективой спасения человечества. Поэтому в моменты подъема мессианства люди нередко отрываются или насильно бывают оторваны от родных мест, слабеют связи между родственниками, забываются традиции – все это четко прослеживается, например, в советское время.

Восприятие русскими собственной истории находится под влиянием христианской трактовки жертвенности, согласно которой Мессия должен претерпеть страдание, чтобы искупить грехи человечества. Эта трактовка работает в пользу того мнения, что: 1) высшее предназначение русского народа подтверждается его трагической судьбой; 2) ответственность за страдания русских лежит на других народах Земли; 3) эти народы должны быть благодарны России за ее жертву. Отсюда можно последовательно вывести скрытые семантические компоненты русского самоопределения: «богоданное право» а) «наказывать», б) «благодетельствовать».

Вероятно, с таким народом нелегко вести дипломатический диалог. Даже если распространенное утверждение, что некоторые страны до сих пор противостоят России как наследнице «коммунистической угрозы», не имеет под собой оснований, такие основания могли бы воз-

никнуть в случае «мессианской» внешней политики. При этом пока большая часть сил тратится в России на выживание. Неблагоприятные социокультурные условия повышают потенциал в отдельные моменты у отдельных личностей, но в целом снижают его. Что касается таких личностей, то результаты их творческого и интеллектуального поиска зачастую уничтожаются во время очередного подъема мессианской идеи. Мыслящая часть русского народа, в среде которой мессианство находило всегда самых горячих сторонников, в итоге больше всех от него и страдает. Но в то же время оно в значительной мере питает ту интуитивную «интеллигентскую правду», которую, согласно Н. А. Бердяеву, русский почитает выше рассудочной «философской истины»⁶.

Русское мессианство много раз безоговорочно оправдывали, либо так же безоговорочно осуждали. Ни одну из этих оценок мы, конечно, не можем признать адекватной, но все же культивировать мессианские идеи в их нынешнем виде и строить на них национальную доктрину, видимо, не стоит. Следует помнить, что главной чертой Мессии в его христианском понимании является смирение. Не покорность, а именно смирение, бытие в мире. «Точка кипения» страсти находится не вовне, а внутри, в душе такого человека.

Возможно, высшее воплощение мессианская идея получит тогда, когда русские научатся исполнять свою миссию смиренно и молчать о ней, пока она не станет очевидна. Когда вектор будет направлен изнутри наружу, а не наоборот, т. е. сначала будет решаться задача преобразования личности, группы, отдельной территории, а не мира в целом. Только в этом случае преобразования будут действительно органичными, а не «волевыми решениями», опыт которых для России редко бывал положительным. Русские люди научатся ценить достигнутое, а не разрушать раз за разом свою культуру, свой жизненный уклад во имя призрачной цели. Не претендуя на окончательный вывод, мы все же считаем: если говорить об образе России, который следовало бы воспитывать и транслировать, то мессианство могло бы стать этим образом, только будучи понято как задача личного – в первую очередь – самосовершенствования и повседневного труда на благо малой и большой родины.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Герцен А. И. Концы и начала // Соч.: в 2 т. М., 1986. Т. 2.

² В работах «Национализм и мессианизм» (1917), «Новое Средневековье» (1923), «Истоки и смысл русского коммунизма» (1938) и др.

³ См., например: Соловей В. Д. Кровь и почва русской истории. М., 2009.

⁴ Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001. С. 144–150.

⁵ См., например: Русский национальный характер, какой он? / Сайт газеты «Регион 46» г. Курска. URL: <http://region46.info/blog/russkii-natsionalnyi-kharakter-kakoi> (дата обращения: 9.07.2010).

⁶ Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда. URL: <http://www.yabloko.ru/Themes/History/berd-2.html> (дата обращения: 9.07.2010).

УДК 94(47) + 39

Л. П. Разбегаева

Волгоградский государственный педагогический университет

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОГО КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ

Современный человек все больше осознает себя одновременно гражданином Отечества и планетарной цивилизации, идентифицируя себя не только со своей национальностью, этносом, но и с человечеством. Таким образом, идея идентификации личности с Отечеством и планетарной цивилизацией (Миром) становится центральной, «импульсной» идеей, раскрывающей их сущность как универсальных гуманистических ценностей.

В этой связи рассмотрим ценностное содержание категорий Отечество и Мир.

Традиционно понятие «Отечество» определяется как отчизна, страна, в которой человек родился и гражданином которой является. Учитывая особенности миропонимания, мироощущения человека на рубеже XX–XXI вв. (А. Г. Здравомыслова, М. М. Кром, С. Я. Матвеева), представляется, что наиболее полным будет определение Отечества как страны, обладающей государственным суверенитетом, где ведущими принципами общественных отношений являются этносоциальная толерантность и гражданская самореализация личности. В современном обществе, характеризующем миграционными процессами, момент рождения не является основным признаком идентификации человека с Отечеством. Возникает необходимость определения основных форм такой идентификации на современном этапе развития общества. Основываясь на выводах ряда исследований (Ю. В. Бромлей, Л. Н. Гумилев), целесообразно остановиться на двух формах идентификации личности с Отечеством, условно называемых «социальной» и «этнической».

В «социальной» идентификации находит отражение принадлежность человека к определенной социальной группе, классу и, что особенно актуально в современном мире, к гражданскому обществу, к тем политико-правовым и моральным нормам и идеям, которые постулируют данное общество. Таким образом, категорией, раскрывающей сущность «социальной» идентификации личности с Отечеством, является «гражданственность».

Наибольший интерес представляет подход, авторы которого (А. Ф. Никитин, Н. Г. Суворова) трактуют гражданственность, как «единство нравственной, политической и правовой культуры»¹. В связи с этим представляется возможным понимание под гражданственностью совокупности общезначимых политико-правовых, нравственных норм, которыми руководствуются члены данного общества. В этом случае гражданственность, идентифицируя гражданина с Отечеством, выступает базой, как для самореализации, самовыражения отдельного гражданина, так и для воспроизведения на основе преемственности жизни общества и государства в целом.

Однако высокая степень сформированности гражданственности и, соответственно, четко выраженная социальная идентификация личности с Отечеством возможны только при наличии развитого гражданского общества.

В России такое общество находится в стадии формирования, что предполагает наличие большего веса в идентификации личности с Отечеством у «этнической» формы идентификации.

В современной науке феномен «этничность» трактуется неоднозначно. Наибольшую значимость представляет подход, авторы которого (Ю. В. Бромлей, Н. Г. Скворцов) определяют этничность, как «особую характеристику субъективности, состоящую в ощущении, переживании индивидом собственной принадлежности к определенной этнической группе, восприятии себя представителем конкретного этноса»². Данный подход позволяет рассматривать этничность как специфическую форму идентификации, заключающуюся в соотношении индивидом некоторых составляющих собственной определенности с особыми характеристиками того этноса, к которому он себя причисляет.

Обе формы идентификации личности с Отечеством – и «социальная», и «этническая» – находятся в тесной взаимосвязи посредством общих факторов, способствующих как их формированию, так и сохранению, а именно – моральных норм и идей, сквозь призму которых представители гражданского общества, этносов познают ценность «Отечества». Это, прежде всего, идея о роли гражданина в своем Отечестве, которая раскрывается через понятия патриотизм, долг, ответственность, труд на благо Отечества (В. И. Кожокар). Патриотизм отражает «неотделимую существенную определенность» гражданина³. Свое внешнее выражение он находит в долге и ответственности, характер которых определяется сущностными чертами Отечества, гражданина и особенностями их взаимосвязи. Это в свою очередь направлено на развитие социальной и этнической форм идентификации личности с Отечеством, их взаимной трансформации.

В истории России XX в. можно выделить три этапа взаимной трансформации «этнической» и «социальной» форм идентификации личности с Отечеством. Первый этап (1917–1970-е гг.) характеризуется подчиненностью национальных проблем классовым, личность идентифицирует себя с Отечеством через «социальную» форму. На втором этапе (1970-е – первая половина 1980-х гг.) государство начинает формировать некую «метаэтническую общность» людей (Ю. В. Бромлей), предполагающую наднациональное сознание. Присутствуют искажения и «социальной», и «этнической» форм идентификации личности с Отечеством. На третьем, современном этапе после распада многонационального государства наблюдается мощный взрыв национального самосознания, начинается формироваться гражданское общество. В качестве до-

минирующей выступает этническая форма идентификации личности с Отечеством. Остановимся на ней более подробно, так как для многонациональной России это особенно важная и сложная проблема. В конечном счете, эта проблема заключается в правильном понимании национального и общечеловеческого.

Отметим, что этническая идентификация базируется, прежде всего, на осознании людьми общности происхождения, ощущении исторической и межпоколенной преемственности моральных норм и идей, черт характера⁴. Наиболее полно содержание этнической идентификации позволит выявить обращение к отечественной истории, ее особенностям.

В отечественной и зарубежной историографии обычно выделяются четыре фактора: природно-климатический, геополитический, конфессиональный, фактор социальной организации, которые обусловили самобытность русской истории, специфику национального характера (С. М. Соловьев, П. Н. Милуков, Н. Я. Данилевский).

Природно-климатический фактор во многом определил особенности национального характера русских. Например, это миролюбивый характер русского народа, воздержанность и умеренность в потребностях, терпеливость. Природа требует от человека напряжения физических и умственных сил, настойчивости в достижении цели, что способствует формированию волевых качеств, изобретательности, активности.

На специфику русской истории оказали влияние и геополитические условия: обширная, слабо заселенная территория; незащищенная естественными преградами граница; оторванность от теплых морей; благоприятствующая территориальному единству исторического ядра России речная сеть; промежуточное между Европой и Азией положение русских территорий. В процессе освоения огромного пространства проявилась высочайшая пассионарность русского народа, трудолюбие и мастерство, упорство, миролюбивый характер, доброжелательность, веротерпимость, воля к достижению цели, соборность, свободолюбие, державность, жизнестойкость, коллективизм, смелость, открытость, талантливость, человеколюбие (С. М. Соловьев).

Крайне осложнил историческое бытие русского народа такой фактор, как естественная открытость границ. Данное обстоятельство использовали соседние народы и государства (В. О. Ключевский, Ф. Ф. Нестеров). Войны, боевой строй государства, широкая вовлеченность в военные действия гражданского населения, чрезвычайная экономическая напряженность формировали характер русского человека. Его отличительными чертами становятся смелость и мужество, героизм, высокая дисциплина, преданность Родине.

На характер русского народа особое влияние оказало православие. Если природно-климатический и геополитический факторы сформировали тело России, темперамент, навыки и привычки русского народа, то православие воспитало его душу⁵. С православием связана исключительная черта русского народа – соборность. Под воздействием природно-климатического, геополитического и религиозного факторов в России сложилась специфическая социальная организация, в которой особую роль играла община. Совместный труд на мирских землях развивал в русском человеке доброжелательность, коллективизм, гуманизм, отзывчивость, жертвенность, миролюбие, совестливость, стремление поступать по справедливости, ответственность за свое поведение.

Итак, географическими и климатическими факторами, историческими особенностями становления государства, особенностями религии, общинным укладом жизни был обусловлен процесс формирования характера русского человека и процесс становления русской народности, национальности. «Национальное самосознание русских очень своеобразно. Поле их исторической деятельности – многонациональная среда, очень мозаичная, с точки зрения цивилизационных характеристик...»⁶. Необычайное этнокультурное многообразие населения находит отражение в сложности межнационального общения в рамках государства.

Сегодня общение народов небывало возросло. Наряду с обострением чувства национального самосознания стало все более ощутимо, что человечество являет собой единое целое. Поэтому «Отечество» как ценность может быть раскрыто, принято личностью в единстве с содержанием ценности «Мир». «Любовь к отечеству совместима с любовью ко всему миру. Народ, приобретая свет знания, не наносит тем ущерба своим соседям. Напротив, чем государства просвещеннее, тем больше они сообщают друг другу идей и тем больше увеличивается сила и деятельность всемирного ума»⁷.

Идея единства Человечества находит выражение в «цивилизационной» идентификации, в принадлежности человека к Человечеству как роду, к человеческой цивилизации, что особенно

актуально и необходимо в современном мире. Полагаем, что сущность цивилизационной формы идентификации может быть раскрыта в содержании гуманитарных дисциплин через идею единства культуры (наследие человечества) и идею формирования единой цивилизации на планете (осознание глобализации социальных и культурных процессов в современном мире).

Обосновывая правомерность первого подхода, следует заметить, что человек всегда стремился, иногда не осознавая этого, составить обобщенное представление о мире в целом и своем месте в нем. Именно такая целостная картина мира ориентирует человека в его духовной и практической деятельности, формирует его ценностное сознание. Единство мира предстает, с одной стороны, как внутренняя целостность каждого из образов, каждой из картин мира, которые формируются различными сферами культуры: философией, наукой, религией, искусством, а с другой стороны, как взаимосвязь самих этих сфер, а также социоисторических типов культуры.

Многообразие представлений о единстве мира можно, в конечном счете, свести к двум основным концепциям – монизму, исходящему из одного начала, и плюрализму, принимающему в качестве исходных несколько несводимых друг к другу субстанций (П. А. Флоренский).

Современная системная и структурно-функциональная методология выявления универсальных, инвариантных взаимосвязей продемонстрировала свои эвристические возможности в самых различных сферах и доминионах культуры (В. Я. Пропп, К. Леви-Стросс). Каждый предмет культуры, будь то произведение искусства или же какой-либо механизм, является неким единством, представляет собой человеческую культуру в целом. «Книгу можно открыть на любой странице. Каждая ее страница содержит ее целиком»⁸, подобно тому, как любая книга говорит обо всех остальных книгах. Общие принципы строения, функционирования и развития любых знаковых систем проявляются везде, начиная с естественного языка и символики образов искусства и кончая логико-математическими формализмами (О. Шпенглер, Н. Я. Данилевский, А. Дж. Тойнби).

В XX в. проблема единства культуры обострилась. Это нашло выражение, с одной стороны, в унификации массовой культуры в развитых странах, с другой стороны, в усилении интереса к культурам и цивилизациям традиционных обществ. Эти явления еще раз подтверждают идею о том, что человечество, будучи многоликим, в то же время целостно. Когда цивилизация оказалась в опасности, мы особенно остро почувствовали, как тесно переплетены ее корни (А. Печчеи).

В этой связи в последние десятилетия произошел активный поворот мировой и отечественной философской мысли к проблемам космизма. Космические идеи восходят к глубокой древности, претворяясь в различных умозрительных построениях космологической культуры. Интенсивное развитие получают космистские идеи в философских концепциях западных мыслителей XVIII–XIX столетий – Вико, Руссо, Гердера, Шеллинга, Гегеля и др. Космизм антропологического характера оформляется, начиная со второй половины XIX в. (Э. Леруа, Тейяр де Шарден).

С середины XIX в. в России вызревает уникальное космическое направление научно-философской мысли. Оно имело свои глубокие корни. Русская космическая мысль восходит в духовных истоках к народному космизму славян (Ф. И. Гиренок). Космос в представлении русских космистов предстает реальностью – светоносной, прекрасной, творчески созидательной. Русские философы-космисты обращают внимание на соразмерность, гармоничность, разумность устройства космоса. Для них важна тема ответственности человека за природу, осмысление особой роли человека в этом мире, имеющей непосредственное отношение к судьбам природного бытия. Русские мыслители-космисты религиозной ориентации Н. Ф. Федоров, В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, Н. А. Бердяев поднимают вопрос о необходимости реальной, активной работы над преодолением несовершенства человека, как нравственного, так и физического.

В экзистенциальном плане развивает космические идеи Н. А. Бердяев. Для него человек есть центр Вселенной, ее духовное средоточие, поэтому человек в ответе за весь тварный мир. Ощущение родства с природой, обретение космического сознания – в этом его задача. «Человеческая личность есть существо социальное и космическое ... но именно потому человеческую личность нельзя мыслить как часть в отношении к общественному и космическому целому. Человек есть микрокосм»⁹.

Близким к философско-религиозному течению по духу и направленности идей выступает поэтично-художественное космическое течение: В. Ф. Одоевский, А. В. Сухово-Кобылин, Н. А. Скрябин, Н. А. Заболоцкий, Н. К. Рерих, Е. И. Рерих.

Наиболее интенсивное развитие, как теоретическое, так и практическое, получают космистские идеи в естественнонаучном направлении (Н. А. Умов, Н. Г. Холодный, К. Э. Циолковский,

А. П. Чижевский). Так, К. Э. Циолковский поднимает вопрос о достижении единства научного знания в процессе космизации науки. В конечном итоге его идеалом предстает активное участие человека в жизни Вселенной, преобразование во имя распространения разума и счастья на просторах космоса. А. П. Чижевский – мыслитель, поэт и художник – является основателем фундаментального направления естествознания – гелио- и космобиологии.

Характерно отличие русского космизма от западного социоцентризма, противопоставляющего человека и природу, социум и космос. Русский космизм также альтернативен восточным мировоззренческим построениям, в которых роль человека не превышает роли песчинки мироздания, где он пассивен. Космизм утверждает человека в качестве активного полноценного сотрудника природы. Вместе с тем космизм выступает своеобразным синтезом техногенной (западной) и космогенной (восточной) культур в своем возвращении к целостному видению мира как неразрывного единства космоса и человека. Феномен русского космизма следует рассматривать не как доктрину выживания цивилизации, а скорее как концепцию органической полноты жизни во Вселенной. Русский космизм ставит проблему единства человека и космоса, космической природы человека и космического масштаба человеческой деятельности. Согласно этим идеям, каждая специфическая мировая проблема должна рассматриваться на основе признания всего человеческого рода за единое целое¹⁰.

Идеи космизма позволяют донести до сознания личности школьника то, что, во-первых, глобальные проблемы являются объективным фактором мирового развития и не могут быть проигнорированы кем бы то ни было; во-вторых, для их преодоления требуются целенаправленные, согласованные действия и объединение усилий, по крайней мере, большинства населения планеты; в-третьих, игнорирование глобальных проблем может привести в будущем к серьезным, возможно, непоправимым последствиям для всего человечества и среды его обитания; в-четвертых, глобальные проблемы по своей сути затрагивают как судьбу всего человечества, как и каждого человека в отдельности.

Таким образом, осмысление содержания современного культурно-исторического пространства в контексте идей космизма позволяет прийти к выводу о его бытийных основах. Новым аксиологическим содержанием наполняется современное понимание пространства: оно осознается человеком как универсальная гуманистическая ценность, синтезирующая в себе единство Отечества и Мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Никитин А. Ф. О гражданском образовании // Преподавание истории в школе. 1995. № 1. С. 23.

² Скворцов Н. Г. Этничность в процессе социальных изменений // Социально-политический журнал. 1996. № 1. С. 29.

³ Кожокарь В. И. Формирование гражданского облика старшеклассников. Кишинев, 1985. С. 231.

⁴ Скворцов Н. Г. Указ. соч. С. 29–44.

⁵ Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Избр. ст. М., 1984.

⁶ Семенникова Л. Феномен России // Наука и жизнь. 1996. № 11. С. 46.

⁷ Гельвеций К. О человеке, его умственных способностях и его воспитании. М., 1938. С. 139–140.

⁸ Флашен Л. Книга // Вопр. философии. 1990. № 6. С. 64.

⁹ Бердяев Н. А. Проблемы человека: (к построению христианской антропологии) // Ступени. 1991. № 1. С. 89.

¹⁰ Клакхон К. Зеркало для человека. СПб., 1998.

**КОММУНИКАТИВНАЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РОЛЬ
В КОНСТРУИРОВАНИИ ОБРАЗОВ СИБИРИ
МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ И ВСЕРОССИЙСКИХ
НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОЕКТОВ НАЧАЛА ХХІ в.***

Специфика российского интеллектуального «фона» рубежа веков (в том числе всплеск поисков с 90-х гг. XX в. междисциплинарных вариантов «делания» различных образов территорий, городов, «другого» /«других» и т. д.) способствовала оформлению множества исследовательских практик. Начало ХХІ в. усилило обозначенную линию. Ключевая категория «образ» («образы») рассматривается в контексте таких новейших научных направлений, как интеллектуальная история и имиджология. При определении смысла понятия «образ» высказывается мнение о необходимости учесть его связь с понятиями «идея», «концепция», «стереотип» и «миф»¹. И в том, и в другом случае мы имеем дело с интеллектуальным конструктом, появление которого отражает особенности разработки возможных теоретико-методологических моделей и методик изучения сложных объектов.

Накопление представлений о «второй реальности» в результате меж(поли)дисциплинарных исследований в условиях продолжающихся процессов регионализации тесно связано с проблемами формирования региональной и локальной идентичности, в том числе с ее политическими аспектами. Достаточно распространено мнение, что «строительство» любого региона (формирование его идентичности) может рассматриваться как целеполагающий политический процесс. Главным в нем становится мотивированная политическая деятельность, направленная на вычленение старых и создание новых региональных символов и образов, которые внедрялись бы в массовое сознание (через СМИ, выступления политиков, ученых), формируя принципиально новые задачи по конструированию политического пространства². Политолог В. А. Ачкасов акцентирует особую важность региональных символов и образов для воздействия на массовое сознание.

Примером в новейшей историографии воссоздания «второй реальности» Сибири является пионерное исследование Н. Н. Родигиной³. В нем предлагаемый интеллектуальный конструкт интерпретируется на основе вербальных текстов как «Другая Россия» и применительно к ситуации второй половины XIX – началу XX в. Кроме того, упор был сделан автором на идеологической составляющей «деланья» образа вне территории региона и в контексте геополитических интересов властных кругов и представлений русских интеллектуалов. Образ региона (Сибири) как продукт интеллектуальной деятельности и одновременно устойчивая конструкция массового сознания с расширением хронологии до 30-х гг. XX в., охватывая колчаковский и советский варианты, рассматривается социальным историком культуры С. А. Красильниковым⁴. Для автора главными субъектами, определяющими в ходе исторического освоения гигантской зауральской территории России характерные черты того и другого варианта образа региона, являются государство и интеллигенция. Однако в этих работах преимущество в изучении региональных и локальных образов отдается вербальным текстам, особенно извлекаемым из периодической печати как главного «конструктора/транслятора» образов региона (Сибири) в массовом сознании.

Мои давние размышления в указанном направлении идут в историко-культурологическом ракурсе, поэтому возникла потребность расширить источниковую базу и выделить тот пласт скрытой информации об образах Сибири, который содержится в невербальных текстах, в том числе в произведениях, создаваемых современными художниками. Научно-художественный образ/образы того или иного региона в качестве ступени на пути к самоидентификации личности в последние десять лет вызывает особый интерес, так как воздействие искусства на эмоциональную сферу позволяет усилить закрепление идентификационных признаков.

* Выполнено по проекту Федерального агентства по науке и инновациям в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт № 02.740.11.0350.

Каковы же возможности конструирования образа/образов Сибири такими способами как, например, кураторские научно-художественные проекты, состоящие из двух равноправных частей – проблемно-тематической выставки и научно-практической конференции?

В этом случае произведения искусства как художественные «тексты» становятся, с одной стороны, визуальным источником, в котором закодированы реальные приметы или мифологические свойства сибирской «второй реальности». В то же время их совокупность, отражающая кураторский замысел, является опорной коммуникативной площадкой для совместной рефлексии ученых, музейных работников, представителей образовательной сферы. В итоге подобный прием совместного творения образа/образов становится рабочим инструментом современного исследователя, желающего работать в междисциплинарном пространстве. В этом случае принципы, с помощью которых создается исследовательская модель (заимствования, дополненности, контекстуальности), получают наглядное воплощение.

Далее остановлюсь на ряде научно-художественных проектов, реализованных в начале XXI в. в Омске, но имевших статус межрегиональных и всероссийских. Разумеется, их замыслы и формы воплощения возникали не на пустом месте. В значительной степени они были инициированы интеллектуальными и творческими наработками 90-х гг. XX в., в частности, институционализацией некоторых «местных» идей. Упомяну наиболее важные события внутри этого процесса. К ним относятся: создание в Омске Сибирского филиала Российского института культурологии (1993 г.), открытие двух специфических музеев – Городского художественно-культурологического музея «Искусство Омска» (1991 г.) и Государственного областного художественного музея «Либеров-центр» (1994 г.), возникновение и закрепление традиции проведения омских искусствоведческих чтений для изучения феномена «местной культуры» (первые прошли в 1996 г.). Несомненно, что на этой «кумулятивной» стадии происходило накопление регионального и локального потенциала неформальных исследовательских групп. Появились несомненные лидеры – кураторы оригинальных научно-художественных проектов. Среди них автор идеи, создатель и первый директор музея «Искусство Омска» В. Ф. Чирков (его диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук называлась «Метафизика места», а в начале XXI в. была опубликована его книга «Дом: в локусе бытия»⁵).

Особое место занимают кураторские проекты Г. Ю. Мысливцевой – замечательного искусствоведа-культуролога. Они были направлены на поэтапное выявление художественных способов воплощения отдельных черт образа Сибири (проекты 2000, 2002, 2005 гг.), а затем собирательного образа региона (проект 2008 г.). Уже в их названиях наблюдается знаковое чередование смыслов конструируемых образов.

Научно-практический региональный семинар-выставка 2000 г. именовался «Сибирский пейзаж: пространство мифов»⁶. Понятно, что в качестве базовой компоненты интеллектуально-художественного образа Сибири пейзаж и Омск как его «месторазвитие» брались неслучайно (творчество народных художников А. Н. Либерова и К. П. Белова и их учеников). Для совместного обсуждения, в котором приняли участие философы, культурологи, искусствоведы, филологи, психологи и художники, получили три варианта образов сибирского пейзажа не как «вида местности, а как жизни местности в данном виде» и как «художественного текста» (В. Ф. Чирков). Первый вариант представляли в своих произведениях профессиональные художники. В нем переплетались древние корни образа Сибири (архаика), регион как тихая «малая родина» (реалистический пейзаж), символические природные признаки образов Сибири (березы, стога, снега, подсолнухи). Вторым вариантом образов предлагался в работах самодеятельных художников, жителей Омской обл., не имевших специального образования. Его можно обозначить как насыщение образа «малой родины» дополнительными, но только реалистическими деталями. Наконец, третий вариант возможного образа Сибири из детских рисунков концентрировался на «ликах природы».

Второй региональный научно-художественный проект «Сибирский сад – территория мечты» был направлен на исследование лишь одной, но весьма значимой составляющей образа региона (причем, не только художественного, но и исторического)⁷. Важно, что вновь для интеллектуальных диалогов предлагались три выставочных линии: сравнение на контрасте художественных образов сибирских городов-садов (сад по-омски и по-новокузнецки), проблема сохранения сада как художественной и культурологической идеи («Новая флора Сибири» – выставка «растительных» объектов) и представления о сибирском саде в детском творчестве (выставка «Палисадник»). В ходе обсуждений было подчеркнuto, что время 90-х гг. с «фактологическим» методом исследования сменяется поворотом к «метафизическому» методу, к соедине-

нию при анализе художественного и поэтического текстов (Г. Ю. Мысливцева). Добавлю, что такого рода проекты позволили использовать для конструирования образов Сибири метод включенного наблюдения.

Обращение к отдельным опорным конструкциям природно-культурного образа Сибири продолжилось в рамках межрегионального проекта «Реки Сибири» (2005 г.). Коммуникативное значение этого нового шага заключалось в установлении научно-художественного диалога регионов Сибири и Республики Казахстан, а также в расширении состава участников за счет географов, историков, экологов. В названии и в работе конференции подчеркивалось особое значение рек в формировании собственных образов и их влияния на общие образы регионов (достаточно сослаться на фотовыставку «Иртыш черный и белый»). Роль человека в конструировании профессиональных образов рек и регионов вышла на первый план в научных диалогах. К сожалению, тираж сборника материалов этой конференции не способствовал закреплению научных коммуникаций и дальнейшему продвижению междисциплинарных исследовательских практик.

Межрегиональный научно-художественный проект 2008 г. «Сибирь: собирательный образ» сопровождался конференцией «Образы территорий как социокультурный ресурс: изучение, конструирование, репрезентация». Замысел этой акции был направлен на дальнейшее развитие метафизического метода, но в соединении его с гуманитарно-географическими способами «воображения России» (Д. Н. Замятин, Н. Ю. Замятина) и ее регионов для проникновения в пространства культурной памяти (В. В. Абашев) и идентичности. Неслучайно опорная для рефлексии выставка «Сибирь: собирательный образ» имела своеобразные «точки сгущения» образов локальной идентичности. Они были отражены в произведениях художников из Барнаула, Красноярска, Междуреченска, Новокузнецка, Новосибирска, Омска, Тобольска, Томска, Тюмени, Ханты-Мансийска. В дискуссиях почти замкнулось движение исследовательской мысли, начатое проектом 2000 г. Вновь мощно были заявлены глубинная составляющая художественных образов Сибири (неоархаика, этническая мифология и «сибирский стиль»), пейзажное отражение географического контекста образов, цивилизационные признаки сибирской городской мифологии в XX в. Некоторые знаковые художественные «тексты» будут представлены нами во время выступления на слайдах.

В завершение назову еще один центр по конструированию художественных образов Сибири – Омский областной художественный музей им. М. А. Врубеля, хотя имелся внешний толчок для примечательного в рамках нашей темы проекта «Сибирский миф: голоса территорий». Он пришел из Русского музея. Реализация проекта началась в 2003–2004 гг. Необходимо подчеркнуть весьма важное, на мой взгляд, обстоятельство. В проекте слились инициативы «сверху» (Государственный Русский музей, «Прорастая Сибирью») и «снизу» (устойчивый интерес историков и искусствоведов региональных, особенно западносибирских, центров к феномену «сибирского стиля» в искусстве народов, населяющих Сибирь и сопредельные территории). Можно считать, что в нашем регионе уже была подготовлена хорошая почва для «прорастания». ООММ им. М. А. Врубеля стал региональным куратором выставки «Сибирский миф. Голоса территорий. Образы и символы архаических культур в современном творчестве».

Идея «местного»/регионально-локального дискуссионно-выставочного проекта принадлежала искусствоведам А. Н. Гуменюк и Г. Ю. Мысливцевой. В выставке и научно-практических диалогах участвовали представители художественных музеев из Барнаула, Горно-Алтайска, Тюмени, Новосибирска, Омска. Экспонировались произведения художников, в творчестве которых передавалось авторское видение-переживание векового духовного и материального наследия коренного населения региона. Помимо материалов открытой дискуссионной кафедры (Омск, 2005) опубликован каталог выставки с подзаголовком «Образы и символы архаических культур в современном творчестве» (Омск, 2005. 96 с., цв. ил.).

Символичны названия статей каталога, определявшие специфику «голоса» той или иной территории в общем «хоре». «Омск: космос архаики» (Г. Ю. Мысливцева) представал в звучании иронической интеллектуальной игры воображения художников, рассматриваемой больше в глобальном, чем в этнографическом или региональном аспекте. «Алтай как образ мира в современном творчестве» (Н. С. Царева) отражал слияние «голосов» природных и культурных миров, возникших и подпитывавшихся взаимодействием трех мировых религий и местных верований. Алтай – жемчужина Азии, древняя и прекрасная земля, раскинувшаяся на территории четырех современных государств – России, Казахстана, Монголии и Китая. Отдельная статья «Искусство Горного Алтая: взгляд в глубь веков» (Е. П. Маточкин) выделяла в общем «хоре»

мотивы национального своеобразия, возникшие из переживания художниками самобытного фольклора и древних обычаев (тема шаманских бубнов, замыкания по спирали взглядов в будущее и в прошлое как характерной черты настоящего).

Усложнение звучания «хора» голосов территорий было показано за счет обращения к традиционным культурам и мировоззрению коренных народов Обского Севера (статья «Тобольская резная кость. Северный изобразительный стиль. Г. Райшев»). Примечательно, что ее авторы, сотрудники Тюменского областного музея изобразительных искусств В. А. Субботина и Н. Н. Федорова, характеризуя творчество Геннадия Райшева как воплощение своеобразия сибирского пространства, употребили выражение «полифонический авторский стиль в созидании целостной картины мира». Наконец, обобщая результаты слияния прозвучавших в творческих практиках «голосов» разных территорий, Ф. М. Буреева – куратор регионального проекта – подчеркнула, что их объединяет неподдельный интерес к историко-культурному опыту, способность мастеров понять и почувствовать не только родную, но и чужую культуру, в которой присутствуют мировые архетипы-универсалии.

Итоговым, третьим этапом проекта «Прорастая Сибирью» стала демонстрация выставки «Сибирский миф. Голоса территорий» в Санкт-Петербурге в залах Мраморного дворца (сентябрь 2008 г.). Интеллектуальные вариации на обозначенную тему отражены в изданном красочном каталоге, среди авторов статей которого вновь Ф. М. Буреева, Л. К. Богомоллова (ООМНИИ), Н. Н. Федорова (Тюмень), а также Т. А. Кубанова (Русский музей). Обращение к текстам и репродукциям этого каталога, а также знакомство с отзывами посетителей выставки приводят к выводу, что для европейского зрителя фактически состоялось открытие неизвестной, до сих пор загадочной Сибири, представленной в мозаике мифологических и символических художественных образов. Знаковой работой, олицетворявшей «хор голосов» из ее мощных первозданных глубин, стала картина омского художника-шестидесятника Г. А. Штабнова «Земля людей». Ее изображение было воспроизведено на афишах, на пригласительных билетах и на обложке каталога. Сопоставление двух выставок и двух каталогов обнаруживает расхождение сконструированных вариантов образов Сибири и провоцирует вывод относительно большей условности и монолитности образов, представленных в Санкт-Петербурге, по сравнению с явно выраженным многоголосием и слышимостью каждого «голоса» из общего хора на выставке, проходившей в Омске.

Таким образом, предложенное в качестве пилотного шага рассмотрение научно-художественных проектов начала XXI в. свидетельствует, что их роль в коммуникативном поле современной исторической науки весьма высока для продвижения междисциплинарных исследовательских практик. Возникает гипотеза об их значении еще и для формирования новых черт корпоративной культуры современного научного сообщества, соответствующих потребностям нового века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Крих С. Б. «Образ» как исследовательская категория в истории исторической науки // Университеты России и их вклад в образовательное и научное развитие регионов страны. Омск, 2010. С. 364.

² Ачкасов В. А. Региональная идентичность в российском политическом пространстве: «калининградский казус». URL: <http://www.politex.info/content/view/90/30/> (дата обращения: 13.02.2010).

³ Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 2006.

⁴ Красильников С. А. Образ Сибири в исторической ретроспективе // Имиджи Сибири: междунар. моногр. Изд. 2-е. Новосибирск, 2009. С. 67–82.

⁵ Чирков В. Ф. Дом: в локусе бытия. Изд. 2-е, испр. Омск, 2006.

⁶ Сибирский пейзаж: пространство мифов. Омск, 2000.

⁷ Сибирский сад – территория мечты. Омск, 2004.

КЛАССИФИКАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ТЕОРИИ ПЕДАГОГИКИ

В исследовании педагогических ценностей важное значение имеет рассмотрение многообразия их классификаций, которое в дальнейшем поможет выделить и упорядочить структуру ценностей педагогической деятельности.

Как предельно абстрактное и многомерное понятие, ценность имеет много сторон. По каждой из них ценности можно группировать. В связи с этим появляется множество классификаций ценностей, в которых последние объединяются на основе одного или ряда общих признаков.

Классификация ценностей – это упорядоченная по определенному признаку их система. В настоящее время строго научной классификации ценностей нет, поскольку наука пока не может найти одного основания для выделения всей совокупности ценностей. Да и вряд ли следует стремиться установить единую и неизменную систему ценностей. Она должна быть динамичной, чтобы отражать эту подвижность, учитывать изменения, постоянно происходящие в формировании системы ценностей современного общества.

В зависимости от целей конкретного философского анализа можно по-разному различать ценности. Например, можно классифицировать все ценности по уровням общественного бытия и общественного сознания. По такому принципу строится, например, иерархия ценностей С. Ф. Анисимова, где человек и человечество определяются как высшие ценности бытия, затем выделяются ценности материальной жизни людей, социальные ценности и, наконец, ценности духовной жизни общества. Еще раньше по тому же принципу классифицировал ценности В. П. Тугаринов, который различал ценности материальные, социально-политические и духовные. Совокупность специфических духовных ценностей можно в определенных целях классифицировать в социологическом плане по видам духовной деятельности или же, в гносеологическом, по формам общественного сознания: ценности знания, моральные ценности, эстетические и т. д.¹

Для нас важно зафиксировать разные классификации ценностей, каждая из которых представляет определенную значимость, независимо от того, с каких позиций выстраивается иерархия ценностей. Это могут быть ценности творчества, переживания и отношения, теоретические, экономические, эстетические, социальные, политические, религиозные; терминальные и инструментальные – мы не ставим своей задачей противопоставлять классификации или отыскать универсальную. Гораздо важнее определить, как предлагаемые иерархии ценностей используются для анализа реальных проблем, как они позволяют автору описывать рассматриваемую им проблему, учитывать разные, на первый взгляд, логически не связанные признаки. Чем полнее предложенная классификация отражает суть проблемы и подходы к ее решению, тем она удачнее.

Мы можем сказать, что для общей аксиологии характерно наличие разнообразных ценностных классификаций, сами классификации являются объектом внимания и изучения их учеными. Однако, мы не можем утверждать, что различные системы ценностей, рассматриваемые в общей аксиологии, каким-либо образом взаимосвязаны с решением реальных проблем образования, хотя наличие таких взаимосвязей возможно.

К примеру, ценность истины, истинного знания имеет к сфере образования непосредственное отношение. Также ценностные категории «добро», «красота», раскрывающие содержание нравственных требований к человеку, являются предметом специального изучения не только этики, но и педагогики. Как указывает З. И. Равкин, «идеи и теории выдающихся педагогов, а опосредованно через них – практическая сфера образования и воспитания, в той или иной мере отражали в себе этические учения философов, в частности, их воззрения по вопросам ценностей и ценностных ориентаций, наиболее приоритетных и популярных в определенные исторические периоды»². Поэтому, подчеркивает Равкин, «установление преемственной взаимосвязи между гуманистическими аксиологическими теориями этики и соответствующими им педагогическими концепциями предоставляет возможность более широкого и четче аргументирован-

ного выбора ценностных ориентаций для обоснования духовно-нравственного аспекта актуальных задач развития современного отечественного образования»³.

Принято считать, что первая аксиологическая классификация принадлежит Платону, который, пытаясь определить высшее благо, выделил составляющие его элементы. Данная классификация включала в себя меру, умеренность, своевременность – ценности, стоящие на самой высокой ступени иерархической лестницы. На втором месте находились прекрасное и совершенное. Далее – ум и разумение и, наконец, удовольствия души, которые сообщены ей ощущениями и знаниями, на последнем месте «само прекрасное»⁴.

В. А. Сластёнин в своих трудах представляет одну из современных классификаций педагогических ценностей, в которой ценности подразделяются на личностные, групповые и социально-педагогические. Социально-педагогические выражают характер и содержание ценностей, функционирующих в социальных системах и проявляющихся в общественном сознании. Они представлены совокупностью идей, норм, правил, традиций, регламентирующих деятельность общества в сфере образования. Групповые педагогические ценности предстают в виде идей, концепций и норм, регулирующих и направляющих педагогическую деятельность в рамках определенных образовательных институтов. Совокупность этих ценностей имеет целостный характер, обладает относительной стабильностью и повторяемостью. Личностно-педагогические ценности выступают как социально-психологические образования, отражающие цели и мотивы, идеалы и мировоззренческие установки преподавателя, являющиеся также системой его ценностных ориентаций.

Система ценностных ориентаций включает когнитивные и эмоционально-волевые компоненты. Она ассимилирует социально-педагогические и профессионально-групповые ценности, служащие фундаментом индивидуально-личностной системы педагогических ценностей. К их числу принадлежат следующие ценности: «ценности, связанные с утверждением личностью своей роли в социальной и профессиональной среде (общественная значимость труда педагога, престижность педагогической деятельности, признание профессии ближайшим личным окружением и др.); ценности, удовлетворяющие потребность в общении и расширяющие его круг (общение с детьми, коллегами, референтными людьми, переживание детской любви и привязанности, обмен духовными ценностями и др.); ценности, ориентирующие на саморазвитие творческой индивидуальности (возможности развития профессионально-творческих способностей, приобщение к мировой культуре, занятие любимым предметом, постоянное самосовершенствование и др.); ценности, позволяющие осуществлять самореализацию (творческий характер труда педагога, романтичность и увлекательность педагогической профессии, возможность помощи социально неблагополучным детям и др.); ценности, дающие возможность удовлетворять прагматические потребности (возможности получения гарантированной государственной службы, оплата труда и длительность отпуска, послужной рост и др.)»⁵.

Итак, проблемное многообразие классификаций можно объяснить рассмотрением либо главных, либо локализованных в узкой профессиональной сфере ценностей. Но, так или иначе, внутри глобальных приоритетов будет представлен целый аспект более мелких ценностей. Одним из вариантов подхода может быть исследование целостной системы ценностей, связанных с общечеловеческим и узкопрофессиональным ценностным образовательным пространством, следовательно, и с той или иной формой общественных отношений (экономические, политические, социальные, нравственные, религиозные, эстетические и другие ценности). Естественно, что мере сужения проблемного предмета мы можем выделить: профессиональные ценности (например, ценности педагогической деятельности); нравственные, эстетические, демократические и др.; ценности семейной жизни, рекреационной или учебной деятельности; ценности других людей и свои собственные. При этом важно «увидеть в аксиосфере культуры исторически самоорганизовавшуюся сложную систему, подсистемы которой и их конкретные элементы порождаются ее глобальными потребностями и должны быть, соответственно дедуцированы из нее, дабы были объяснены их необходимость и их достаточность для ее полноценной жизни и развития, а значит, и место каждой ценности в целостном многомерном пространстве аксиосферы»⁶.

Уже само прикосновение к проблеме ценностей, особенно к проблеме многообразия классификаций ценностей, – задача столь же важная, сколь и ответственная, чреватая насильственными перегибами. В истории мировой педагогики данная проблематика играла и продолжает играть в современных условиях огромную роль в системе образования, формирования профессиональных ценностей и мотивационной направленности специалиста. Теория и практика раз-

вития образования свидетельствуют о взаимосвязи и взаимопереходе названных ценностей, об их диалектическом взаимодействии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чуватова Н. Е. Педагогические ценности как основа профессионализма личности учителя: дис. ... канд. пед. наук. Саранск, 2007. С. 33.

² Равкин З. И. Конструктивно-генетическое исследование ценностей образования – одно из направлений развития современной отечественной педагогической теории // Образование: идеалы и ценности (историко-теоретический аспект). Л., 1995. С. 13.

³ Там же. С. 14.

⁴ Чижаклова Г. И. Теоретические основы становления и развития педагогической аксиологии: дис. ... д-ра пед. наук. М., 1999. С. 254.

⁵ Педагогика: учеб. пособие для студентов пед. учеб. заведений / В. А. Сластёнин, И. Ф. Исаев [и др.]. М., 1998. С. 253.

⁶ Каган М. С. Философия теории ценности. СПб., 1971. С. 58.

УДК 314.122.62 + 394.21

Е. В. Самушкина

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Новосибирск)

ЭТНОИСТОРИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ СИМВОЛЬНОЙ ЭЛИТЫ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI в.)*

Исследование социальной (культурной) памяти и образов прошлого проводится на различных материалах. Так, Я. Ассман на примере высоких культур древности (Египта, Греции и Израиля) анализирует роль памяти в построении культурных и политических идентичностей. В своей работе «Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» исследователь рассматривает вопрос о том, как общества помнят и через воспоминание «воображают себя»¹. В этом процессе отмечается роль элит, которые, участвуя в выработке общих символов, поддерживающих лояльность, легитимируют власть².

Историческое сознание – память нации – является предметом специального интереса одного из лидеров европейской антропологии П. Нора. В своей концепции мемориальных мест (*lieux de memoire*) он рассматривает главную их функцию – сохранение памяти человеческих сообществ. Мемориальные места, события, предметы выполняют символическую роль, создают представление сообщества о себе и своей истории и могут меняться со временем³. В процессе изменения коллективной памяти выделяют две составляющие: сознательное и активное влияние политических групп или других организаций на «культуру памяти» нации и эволюцию культурной и социальной основы социума⁴.

Символы, праздники, места проживания, обычаи, языковые коды, святые места, общие воспоминания об основных событиях и эпохах в истории сообщества, согласно заключению Э. Смита, являются мощными дифференциальными элементами и напоминаниями о его уникальной культуре и судьбе⁵. Эти элементы сознательно отбираются элитами, но отбор ограничен рамками культуры данного сообщества. Поэтому всегда имеет место сложное взаимодействие между потребностями и интересами современных поколений и элит, моделями и преемственностью старых культур и опосредованных интерпретаций этнического прошлого⁶.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-01-00396а, а также Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 25 «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», направление 5 «Традиции и новации в культуре народов России».

На изобретении традиций нации настаивает Э. Хобсбаум. Ученый акцентирует идею конструирования преемственности и обретения идентичности через память. Вслед за европейскими и американскими исследователями известный российский этнограф В. Шнирельман рассматривает историческую реальность как культурную конструкцию⁷.

С методологической точки зрения важно отметить, что прошлое, принятое настоящим и «прогнозирующее» будущее, имеет и естественную («историческую»), и сконструированную («изобретенную») составляющие. Подобные подходы, апробированные при анализе различных этноисторических и этносоциальных ситуаций, представляется целесообразным использовать при анализе символических практик, получивших распространение в этнополитических сообществах Южной Сибири в постсоветский период.

В Республике Хакасия, как и других автономиях России, в результате реформ 1990-х гг. произошли значительные преобразования в этнополитической и этнокультурных сферах. В этих условиях у коренного населения Хакасии произошла актуализация этнической идентичности. Параллельно с этим формировались идеологии, связанные с отрицанием прежних политической и социокультурной систем. Аналитики подчеркивают стихийный характер развития подобных процессов в 1990-е гг.

В популяризацию прошлого и традиционных культур коренных народов региона активно включились символические элиты. Версии прошлого тюркоязычного населения предлагаются и профессиональными историками, и общественными деятелями, и представителями творческой интеллигенции. Информация распространяется через средства массовой коммуникации, включая периодику, социальную рекламу, мемориальную символику, акциональные формы манифестации этничности и т. д.

В Республике Хакасия, начиная с 1990-х гг., появляются версии прошлого, ориентированные на создание этнонациональной идеологии. Оригинальная версия духовного и исторического развития коренного титульного этноса Хакасии принадлежит известному этнографу и историку В. Я. Бутанаеву. Его концепция широко тиражируется в республике; при этом школьники и студенты демонстрируют глубокое знание работ исследователя. Это подтверждают данные авторского опроса, проведенного в 2002 г. в Хакасском государственном университете и в Хакасской национальной гимназии-интернате им. Н. Ф. Катанова. На просьбу назвать любимую книгу по истории и культуре своего народа около половины респондентов указывало работы В. Я. Бутанаева, в том числе «Этническую культуру хакасов» (1998), «Традиционную культуру и быт хакасов» (1996).

Популярность историка в молодежной среде подтверждается и тем, что, составляя список исторических деятелей и выдающихся мыслителей, с которыми им хотелось бы встретиться, ученики включили в него имя Бутанаева. Интерес к его работам можно объяснить стремлением приобщиться к великой истории предков в условиях актуализации этничности и кризиса социальных идентичностей.

Труды В. Я. Бутанаева⁸, безусловно, направлены на формирование позитивной самооценки этноса. Традиции современной государственности хакасов в них возводятся к эпохе Средневековья. В работах Бутанаева не без пафоса воссоздается картина Средневековья, когда кыргызские правители побеждали врагов на поле боя, умело вели дипломатические дела, строили города, развивали земледелие, вводили денежное обращение, проявляли интерес к мировым прозелитарным религиям. Кыргызское государство имело собственный аппарат управления и символику⁹. При этом в своем становлении этнокультурное сообщество кыргызов развило традиции носителей окуневской и тагарской археологических культур¹⁰.

В результате монгольского завоевания кыргызское государство потеряло былое могущество: его территория была включена в состав монгольской кочевой империи на правах тумена. Самобытная культура пришла в упадок, была забыта руническая письменность, ушло в прошлое плужное земледелие. Но уже в течение XV–XVI вв. различные племенные группы Минусинской котловины под эгидой кыргызов образовали этнополитическое объединение Хонгорай, которое представляло собой раннегосударственное образование.

История Хонгорая была воссоздана из небытия благодаря усилиям В. Я. Бутанаева. Государство Хонгорай, согласно его концепции, успешно развивалось вплоть до 1703 г., когда большую часть населения угнали в Джунгарию. Эти события предопределили трагическую судьбу хонгорайской государственности. Согласно Буринскому трактату Кяхтинского мира в 1727 г., территория Хакасско-Минусинского края отошла к России, после чего название Хонго-

рай исчезло с политической арены Южной Сибири и Центральной Азии. Дальнейшее формирование хакасского этноса, по мнению Бутанаева, генетически связанного с хонгорайской общностью, происходило в административных условиях Российского государства¹¹.

Исторический этноним, впервые введенный в исследованиях В. Я. Бутанаева, на протяжении 1990-х гг. активно внедрялся в сознание широких масс. Вслед за учеными тиражируя сюжеты о кыргызском великодержавии и величии Хонгорая, авторы многочисленных газетных публикаций делают акцент на расцвете хакасского народа в прошлом и упадке этнической культуры и демографических показателей в настоящем.

История вхождения аборигенного населения в состав Российской империи связывается с силами, извратившими изначально правильное развитие региона. Отдельными представителями научных и творческих кругов широко тиражируется мысль о трагической судьбе хакасского народа, потерявшего свою государственность в результате многочисленных завоеваний.

Другая версия истории Хакасии принадлежит известному археологу Л. Р. Кызласову. Согласно предлагаемой им концепции, в Средние века на обширных просторах Южной Сибири и в сопредельных землях сменяли друг друга самобытные государства: Тюркский каганат (VI–VIII вв.), каганат древних уйгуров (VIII–IX вв.), государство кимаков (IX–XI вв.) и древнемонгольская империя (XIII–XIV вв.). Их границы были неустойчивыми¹². Вопреки политической конкуренции в тот же самый период на политической арене Сибири существовало крупное и устойчивое государственное образование – феодальное древнехакасское государство (VI–XIII вв.)¹³.

В своих работах Кызласов описывает древнехакасское государство как сообщество с развитой городской культурой. В VIII–IX вв. в древних городах находились центры административно-государственного управления, дворцы, дома знати, храмы и святилища, ремесленные, производственные и торговые корпорации¹⁴. Высокое развитие в этом государственном образовании получила письменность. Причем, согласно предлагаемым концепциям, этим знанием владела не только знать¹⁵.

По мнению ученого, сибирские жители не остались в стороне от мировых религиозно-философских течений. Обитатели Южной Сибири оказались раньше всех в сфере влияния религии манихеев. Профессор Л. Р. Кызласов считает, что в VIII–XIII вв. в Сибири существовал крупный очаг северного ответвления манихейского вероучения. Центром его стала Хакасско-Минусинская котловина, а затем степи и горы всего Саяно-Алтайского нагорья¹⁶.

Создание в долине Среднего Енисея столь крупного священного центра, согласно реконструкциям известного археолога, стало возможным лишь в результате объявления манихейства государственной религией древнехакасского государства, его официальной идеологией. Данное событие, по утверждению ученого, упрочило суверенитет страны. Новая вера, став государственной религией Древнехакасского феодального каганата, получила мощную поддержку и распространилась на всю остальную Сибирь. Это привело к полному культурному перевороту в жизни населения Южной Сибири, где «разгорелся очаг невиданной дотоле в Сибири западной культуры и образованности, распространявший далеко на север разнообразные знания и широкую грамотность на литературном тюркском языке»¹⁷.

Обращаясь к прошлому хакасов, ученый предпринимает серьезные усилия, чтобы удревнить его историю и утвердить идею культуртрегерства тюркских этносов. Ссылки Кызласова на западноазиатскую (иранскую) цивилизацию доказывает его стремление придать истории хакасов более широкий контекст и вписать ее в историю центральноазиатской цивилизации, акцентируя древние корни.

Два известных исследователя – В. Я. Бутанаев и Л. Р. Кызласов, создавая различные образы прошлого коренного населения Хакасии, выступают с различными точками зрения по поводу этнонима «хакас». Он был принят на съезде хакасского населения в 1917 г. в качестве нового названия представителей коренного населения по предложению С. Д. Майнагашева, сославшегося на научные работы А. А. Спицына, Д. А. Клеменца, И. П. Кузнецова-Красноярского; по мнению этих ученых «хагасами» назывались средневековые кыргызы¹⁸. Этноним «хакасы» закрепился административно с образованием в 1923 г. Хакасского уезда¹⁹.

Согласно концепции этногенеза, предложенной Л. Р. Кызласовым, хакасы – это древний народ, сформировавшийся еще в хуннское время. Слово «хакас» – древний местный этноним, а известные в древних и средневековых источниках кыргызы вовсе не этнос, а «династийный аристократический сеок – род древних хакасов»²⁰. По мнению Кызласова, хакасы представляют

собой древнее этносоциальное образование, неизменно сохранявшееся на протяжении последних двух тысяч лет.

В. Я. Бутанаев, ссылаясь на данные фольклора и исторических преданий, предлагает в качестве одного из старинных названий хакасов этноним «хонгорай»²¹. В отличие от своего оппонента, этнограф предполагает, что во время позднего Средневековья происходило складывание основы современных этнических общностей тюрков. Таким образом, исследователи предельно удревяняют историю хакасов, напрямую соотнося их современную культуру с сообществами, известными в основном по археологическим источникам. Подобные версии прошлого, содержащие вольную интерпретацию фактов, ориентированные на идеологические схемы, являются основанием для конструирования квазиистории.

В 1990-е гг. квазиисторические построения (фольк-хистори, англ. – folk history) стали распространяться в общественном сознании России. Появление и развитие этого феномена ученые связывают с переломным состоянием политической жизни страны, сложным процессом адаптации инфраструктуры и теоретической мысли профессиональных историков к новой политической ситуации, последовавшей за распадом СССР, и необходимостью формирования новых идеологических схем на постсоветском пространстве²².

Анализ этнополитического и этноисторического дискурса постсоветской Южной Сибири позволяет говорить об отсутствии отчетливой грани между историческими и квазиисторическими работами. Наряду с текстами, в которых переосмысливается исторический путь тюркских народов, в публицистике – и республиканской, и российской – появляются описания картин древней истории Центральной Азии. Примером «инновационных» исторических концепций могут служить работы М. И. Аджи. Публицист предлагает этноцентрическую версию далекого прошлого тюркских народов, которая популярна в Хакасии. Концепция Аджи воспекает предков тюрков как главных героев земной цивилизации, сделавших бесценный вклад в формирование человеческой культуры.

Высказывая претензию на исторический приоритет культурных и политических достижений предков тюрков, Аджи отрицает европоцентристские схемы в истории и утверждает пантюркистскую идею²³. В своих произведениях он призывает тюркский мир к консолидации на основе политического, социального и культурного единства и противостояния Западу. Один из лидеров возрождения Хакасии Л. В. Анжиганова считает, что концепция тюркского этно- и культурогенеза М. И. Аджи является судьбоносной для хакасского народа²⁴. Как полагает сам Аджи, его изыскания способствуют формированию всетюркского единства в границах Евразии; они направлены на восстановление исторической справедливости, на развитие национального достоинства представителей тюркских народов.

Наряду с формированием этноцентрического мифа в период идеологической мобилизации общества интеллигенцией республики пересматривается значимость прежних этнокультурных связей. Декларируются собственная этноисторическая углубленность и перспективность контактов с тюркским и мусульманским миром. Одним из оснований выбора партнерства являются мифологические построения на тему происхождения от одного народа-первопредка.

В периодической печати Республики Хакасия также появляются образы прошлого, в которых предки современных хакасов связываются с народами земной ойкумены. Авторы размышляют о родстве тюркоязычного населения республик Южной Сибири с американскими индейцами, связывают с тюркскими культурами достижения народов Нового света. Примером подобного подхода являются построения А. Кичука²⁵.

Образы прошлого способствуют формированию этнической и региональной идентичности. Концепции, связанные с героическим прошлым, с удревянием истории хакасов, способствуют повышению самооценки коренного этноса, составляющего, согласно последней переписи, 12 % от общего числа населения, его консолидации на базе «глубоких корней» и являются инструментом мобилизации этнического самосознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах Древности. М., 2004. С. 17.

² Глебова И. И. Политическая культура России: образы прошлого и современность. М., 2006. С. 21.

³ Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999.

- ⁴ Шенк Ф. Б. Концепция «lieux de memoire». URL: <http://www.hist.vsu.ru/cdh/Articles/02-11.htm> (дата обращения: 21.02.2007).
- ⁵ Смит Э. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. С. 348–349.
- ⁶ Там же. С. 91.
- ⁷ Шнирельман В. А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в. М., 2006. С. 533.
- ⁸ Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. Абакан, 2000; Бутанаев В. Я. 1) Народные праздники Хакасии. Абакан, 1999; 2) Этническая культура хакасов. Абакан, 1998.
- ⁹ Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. Указ. соч. С. 185.
- ¹⁰ Там же. С. 192.
- ¹¹ Бутанаев В. Я. Этническая культура хакасов. С. 27, 31, 42.
- ¹² Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в Средние века. М., 1984. С. 3.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 164.
- ¹⁵ Там же. С. 140.
- ¹⁶ Кызласов Л. Р. Северное манихейство и его роль в развитии народов Сибири и Центральной Азии // Открытие государственной религии древних хакасов: манихейский семинар. М., 1999. Вып. 1. С. 17.
- ¹⁷ Там же. С. 32.
- ¹⁸ Худяков Ю. С. «Древнехакасская мифология» второй половины XX в. и проблема конструирования этничности // Народы Евразии: этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. Новосибирск, 2005. С. 94.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 95.
- ²¹ Бутанаев В. Я. Хакасы: историческая память этноса и современность // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск, 1997. С. 22–23.
- ²² Володихин Д. М. «Новая хронология» как авангард фольк-истории // Новая и Новейшая история. 2000. № 3. С. 50–57.
- ²³ Концепция пантюркизма сформулирована философом и социологом З. Гёкалпом в начале XX в. В ней утверждается, что все тюркские народы составляют одну нацию, имеют общую прародину – Туран, а многочисленные языки, на которых они говорят, являются диалектами или наречиями единого тюркского языка. См.: Кляшторный С. Г. Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии. URL: <http://lib.babr.ru/index.php?book=3387> (дата обращения: 10.02.2008).
- ²⁴ Анжиганова Л. В. Национальный миф в этническом пространстве хакасов. Абакан, 2001. С. 18.
- ²⁵ Кичук А. Ты и я одной крови // Хакасия. 2000. № 123. С. 4.

УДК 94(47)

Л. И. Сизинцева

Костромской государственный технологический университет

ОБРАЗ МЕСТА КАК ЭЛЕМЕНТ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Образ туриста как человека с рюкзаком, уходящего в выходные в дальний лес или садыща-гося в электричку с целью осмотра пригородных достопримечательностей, ушел в прошлое. Там же, в доперестроечном времени, остались профсоюзные путевки на туристские автобусы, поезда и теплоходы, которые должны были компенсировать советскому человеку невозможность «увидеть мир». Главным, что объединяло большинство видов отдыха в СССР, была дешевизна. Целью было получение впечатлений и информации об отечественной истории и культуре, которая в условиях идеологизации информационного пространства деформировалась и строго дозировалась.

Сегодня эта отрасль человеческой деятельности превращается в индустрию, цель которой – извлечение максимальных доходов. Основным источником доходов – предоставление услуг. Зарубежные теоретики выделяют индустрию туризма и путешествий (travel end tourism) – «бизнес,

направленный на обеспечение транспортными средствами людей, едущих куда-либо по делам или для развлечения и отдыха»¹, и индустрию гостеприимства (hospitality industry) – «бизнес, направленный на обеспечение приезжих людей жильем, едой и пищей, а также организацию досуга»². При таком раскладе нет необходимости в «образе места», зато большое внимание уделяется созданию имиджа заведения (фирменному оформлению), впечатления от обслуживания. Услуги в области индустрии гостеприимства и туризма, по мнению Филиппа Котлера и его коллег, обладают специфическими чертами: приобретший услугу «в руках ничего не уносит, но в памяти удерживает многое. Человек уносит с собой воспоминание, которым он может поделиться с другими»³.

Однако для туриста услуга вторична по отношению к цели путешествия. М. Б. Биржаков, теоретик петербургской школы турологии⁴, считает движущей силой туризма удовлетворение туристского интереса, к элементам которого относятся «достопримечательности, природные объекты и природно-климатические зоны, социокультурные объекты показа и иные, способные удовлетворить потребности туриста в процессе осуществления туристской поездки или путешествия»⁵. Собственно, этот перечень находится в полном соответствии с Федеральным Законом «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 3.12.1996 г. (см. прил. 1), который определяет туристские ресурсы как «природные, исторические, социально-культурные объекты, включающие объекты туристского показа, а также иные объекты, способные удовлетворить духовные потребности туристов».

В другом месте к числу объектов туристского показа М. Б. Биржаков относит «исторические места, крупные красивые города, музеи, театры»⁶. В этом случае можно считать, что у малых городов, лишенных уникальных памятников, нет никаких перспектив в развитии туризма. Предпочтительнее положение у сельских поселений – они могут, по крайней мере, развивать сельский туризм, которому посвящена целая глава.

Поскольку территория попадает в ведение экономистов, специалистов по маркетингу и менеджменту, то в оценке ее туристских достоинств на первый план выходят количественные методы. Высчитывают упоминания значимых объектов, явлений, туристских маршрутов в энциклопедиях и других источниках, количество памятников и исторических мест, площадь водных и лесных поверхностей... Стремление поверить алгеброй гармонию понятно, – в развитие туризма вкладываются немалые средства, а в результате ждут пропорциональной отдачи. Индустрия по умолчанию оперирует большими величинами.

Положение усугубила конкуренция между регионами, которая вызвала активную работу по «маркетингу территорий», предполагающую позиционирование, создание брендов и т. д. Это вызвало сознательное сведение своеобразия к одному-двум признакам. По точному замечанию В. В. Абашева, местные власти оказались заинтересованными «в эффективной репрезентации города и края в информационном пространстве России», поэтому вопрос территориальной идентичности «приобретает институциональные формы, а подчас даже становится предметом конкуренции и борьбы за влияние»⁷. В этой борьбе все средства хороши. Идет сознательное мифотворчество, и Великий Устюг становится родиной Деда Мороза. Таким же образом обрела свою родину Баба Яга, из сказочных персонажей остался не локализованным только Кощей Бессмертный... Город Галич Костромской обл., первое упоминание о котором относится к 1238 г., позиционируется как город, «из которого наши предки ходили на Царьград».

Механизм создания бренда прост: берется реальный или мифологический персонаж, прочно укорененный в «массовом бессознательном» (на него-то и опирается современный маркетинг), и привязывается к той или иной территории. Пожалуй, исключением из этого правила можно почесть Снегурочку, – уж она-то точно была придумана А. Н. Островским в костромском имении Щельково... Говоря сегодня о вступлении в эпоху пост-постмодерна, когда виртуальная реальность существует на тех же правах, что и обычная, имеют в виду прежде всего IT-пространство, но ведь и люди (не всегда дети!), пишущие письма Деду Морозу в Великий Устюг, тоже существуют в параллельном мире.

Итак, индустрия туризма адресована массам, работает с массовым сознанием, а еще чаще – с «массовым бессознательным». Между тем сегодня в нашей многообразной жизни туризм, особенно туризм внутренний, утрачивает черты организованного массового потока, которые были ему присущи в советские годы. Нет, конечно, сохранились и автобусные туры, и речные круизы. Но небывалыми темпами растет количество автомобилей на душу населения. По данным агентства «Автостат», самым автомобилизированным городом России «является Владиво-

сток, где на тысячу жителей приходится 566 автомобилей. Ближайший конкурент приморской столицы – Красноярск с показателем 384 машины. Далее идут Сургут – 378 авто на тысячу жителей, Тюмень – 374 и Краснодар – 350. Москва и Калининград, где на тысячу горожан приходится 338 автомобилей, разделили шестое место списка»⁸. Наряду с возможностью заказать гостиницу и экскурсионное обслуживание по Интернету, это превращается в мощный фактор развития индивидуального автомобильного туризма.

Турист-одиночка, семья или группа друзей садятся в автомобиль (а то и на велосипеды) – и едут по стране, останавливаясь в тех местах, которые им самим кажутся «достойными примечания». Для этого даже не обязательно дожидаться очередного отпуска, в «зоне досягаемости» оказываются объекты на расстоянии 5–6 часов пути, что даже при средней скорости 100 км/час дает 500–600 км. Выходные москвич может провести в Вологде, например, преодолев 459 км с заездом в Переславль, Ростов, Ярославль. При этом ночевать совсем не обязательно в крупных городах, удачей можно считать, если по пути окажется не намного менее комфортная, но более дешевая малая гостиница.

В подобной ситуации законы создания брендов срабатывают лишь отчасти. Массовая культура сохраняет свое влияние, но акцент переносится на индивидуальную встречу с малым городом, да и с достаточно крупным – тоже. Любой населенный пункт воспринимается с иной точки зрения – не с высоты автобусных окон, а, что называется, «глаза в глаза». Фотоотчет о поездке может появиться в Интернете, и этот неформальный канал распространения информации приведет в этот же городишко новых «ночующих посетителей», как иногда принято называть туристов, чтобы отличить их от экскурсантов.

Как подготовить эту встречу города и туриста, как организовать подобное восприятие? Как превратить город, «один из многих» в череде подобных ему, оказавшихся на пути, в единственный и неповторимый, помочь разглядеть его «лица не общее выражение»?

Наиболее уместным в этом случае инструментом представляется понятие масштаба в том смысле, в каком он описан В. Л. Каганским: «Каждый масштаб подобен цельной сфере реальности. В каждом из них свои характерные формы, закономерности, понятия и траектории перемещения. Смысл объекта и фрагмента ландшафта зависит не только от масштаба рассмотрения – но и пребывания, существования. В крупном масштабе города – скопления кварталов, горы – хаос отдельных вершин, сельская местность – лоскутное одеяло полей; в среднем масштабе города “оказываются” звездообразными телами, горы – линиями хребтов, сельская местность – ступками полей вокруг деревень; в мелком и сверхмелком масштабе городские системы предстают роями точек, горные страны – четкой системой с характерным ритмом хребтов и долин, сельские территории – сплошным ковром с узелками городов. Даже функция (использование) объекта и/или территории производна от масштаба: большие судоходные реки связывают, интегрируют территории, но каждый отдельный участок реки – барьер, препятствие связям территорий на разных берегах»⁹.

Сегодня путешественник «пребывает» в культурном ландшафте в разных режимах. Проезд – и все объекты, за исключением наиболее информативных, сливаются в размытое пятно. Остановка – и он начинает различать значимые детали (чаще всего это объекты, служащие для удовлетворения прозаических телесных нужд).

«Ландшафт существует. Во многом – в меру нашего с ним взаимодействия как с ландшафтом, – пишет В. Л. Каганский. – Если мы ощущаем, что наша жизненная среда на поверхности Земли нечто иное и большее, чем конгломерат отдельных объектов, если наши передвижения по этой “поверхности” – не случайные блуждания или стремительные переносы от одной нужной точки к другой в безразлично-враждебном пространстве, а осмысленные каждой частью поездки, если нам нужно нечто, где мы могли бы в естественной цельности переживать погоду и руины, рельеф и сезоны года, закаты и дожди, небо и почву, неожиданные контрасты, приятную уютность обжитого, странные пейзажи и унылость новостройки ... то нам нужен культурный ландшафт»¹⁰.

Тот же автор замечает: «Включение в ландшафт как среду достигается через понимание деталей»¹¹. Но смысл элементов ландшафта для местных жителей и для путешественника различен. То, что для коренного обитателя является привычной, обыденной реальией, может стать для путешественника откровением.

Именно Каганскому принадлежит описание «ландшафтного подхода к ландшафту», который понимается как «познавательльно ориентированная рефлексия бытия ландшафта». Основной

инструмент этого подхода – путешествие как «способ передвижения в ландшафте для постижения его разнообразия», в ходе которого «путешественник движется одновременно в пространстве территории, знания о территории и ее переживания»¹².

Далеко не каждый путешественник способен на подобное постижение, речь идет об эксперте, владеющем как способностью целостного восприятия и методиками вычленения смысловых доминант ландшафта, так и навыками представления ландшафта и смысла ландшафта, что далеко не одно и то же. При этом «отдельные места, фрагменты, детали, масштабы – средства подключения к целому», а «основная форма знания ландшафта – личностное знание»¹³.

Этот подход столь же увлекателен, сколь и трудно осуществим. Наряду с ним В. Л. Каганский выделяет подходы научный, проектный, эстетический и отдельно рассматривает эскапизм как использование ландшафта в качестве дерегламентированного пространства. Широкий спектр подходов, в первую очередь научных, придется использовать для рассмотрения фрагментов, вычлененных из непрерывного целостного культурного ландшафта, каждый из которых может стать предметом туристского интереса¹⁴. Правда, большинство научных методов реализует номотетический подход, «направленный на выявление закономерностей функционирования и эволюции разного рода систем»¹⁵. В данном случае более предпочтителен подход идиографический, предполагающий «поиск индивидуальных особенностей человека или любого иного объекта [...] по наличию которых он отличается от остальных»¹⁶. В данном случае и будет главным инструментом понятие «образ города», разработка которого велась в разных направлениях¹⁷. Интеллектуальную составляющую понятия подробно рассматривали ученые Омского научного центра¹⁸.

Именно понятие «образ города / места» стало ключевым в преподавании курса «Туристско-рекреационный потенциал Костромской обл.» студентам специальности «Социально-культурный сервис и туризм» в Костромском технологическом университете.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Котлер Ф., Боуэн Дж., Мейкенз Дж. Маркетинг. Гостеприимство. Туризм. М., 1998. С. 17.

² Там же.

³ Там же. С. 85.

⁴ Теория в этой прикладной отрасли знаний переживает этап становления, не устоялось даже ее название – туристика, туурология, туризмоведение. См.: Туризм, гостеприимство, сервис: словарь-правочник. М., 2002. С. 290.

⁵ Биржаков М. Б. Введение в туризм. М.; СПб., 2000. С. 152.

⁶ Там же. С. 145–146.

⁷ Методология региональных исторических исследований. СПб., 2000. С. 76.

⁸ Провинция обогнала Москву по количеству автомобилей на душу населения // АвтоРу: новости, 29.09.08. URL: <http://www.avto.ru/news/news11382.html> (дата обращения: 20.01.2010).

⁹ Каганский В. Л. Феномен культурного ландшафта // Наука о культуре. 1995. Вып. 3. URL: www.inme.ru/books.htm (дата обращения: 12.12.2002).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Арманд Д. Л. Наука о ландшафте. М., 1975; Калуцков В. Н. Проблемы исследования культурного ландшафта // Вестник Московского ун-та. Сер. Геогр. 1995. № 4. С. 16–20; Основания регионалистики: формирование и эволюция историко-культурных зон. СПб., 1999; Казакова Г. М. Регион как субкультурный локус (на примере Южного Урала): автореф. дис... д-ра культурологии. М., 2009; и др.

¹⁵ Идиографический подход // Википедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Идиографический_подход (дата обращения: 10.11.2009).

¹⁶ Там же.

¹⁷ См., например: Линч К. Образ города. М., 1982.

¹⁸ Культура и интеллигенция России между рубежами веков: Метаморфозы творчества. Интеллектуальные ландшафты (конец XIX – начало XXI в.). Омск, 2003; Рыженко В. Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е гг.: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. Екатеринбург; Омск, 2003; Рыженко В. Г., Назимова В. Ш., Алисов Д. А. Пространство советского города (1920–1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири). Омск, 2004; и др.

ОБРАЗЫ – МИФЫ – ФАЛЬСИФИКАЦИИ

В данной статье мне бы хотелось затронуть проблемы, которые только забрезжили на горизонте относительно новой и модной темы, связанной с онтологической функцией образования – «созданием/передачей образов». Оставим сейчас в стороне спорный вопрос о том, что происходит в действительности: то ли образование как социальный институт создает условия для формирования каждым обучающимся своих образов окружающего мира; то ли оно, например, в логике православной педагогики, есть процесс «обретения человеком собственного образа, отличного от других и одновременно стремящегося к соединению с идеальным Божественным Ликом Иисуса Христа» (Н. А. Бердяев, В. В. Зеньковский, П. А. Флоренский и др.)¹; то ли оно является всего лишь формой передачи уже готовых (официально принятых) культурных образцов...

Для движения по цепочке «образы – мифы – фальсификации» уточним собственную позицию: образование и, прежде всего, гуманитарное, историческое образование работает на созидание учениками индивидуальных, личностных образов прошлого и современности, окрашенных в своеобразные тона и оттенки, в том числе с помощью собственного жизненного и познавательного опыта. Этот взгляд основан на общей интерпретации «образа» как представления о ком-либо или о чем-либо, которое отличается от стереотипа содержательной полнотой, большей гибкостью, меньшей эмоциональностью и включает в себя, как правило, личный опыт, так как возникает *в индивидуальном порядке*, а не передается в готовом виде.

Последнее положение особенно значимо в отношении *образов прошлого*, которые определяются не только набором сохранившихся (или транслируемых через официальные каналы) исторических сведений, но и значением, которое им придается. «В историческом сознании явления прошлого всегда формируются под влиянием идей, представлений, осознанных и неосознанных предпочтений, *актуальных для изучающего или воссоздающего их общества*. Образы прошлого – это всегда, хотим мы того или нет, *отражение наших интересов*»².

Личностный опыт и познавательные интересы учащихся, в том числе, зависят от ценностно-целевых ориентиров общего исторического образования, пронизывающих весь «ствол дерева целей» от стандартов до поурочных планов учителя, а также от гражданских и профессиональных установок конкретного педагога, его компетентностей и методического инструментария.

Взятый в постсоветское время курс на формирование у школьников ярких образов важнейших исторических событий и явлений, гуманистически ценностных ориентаций, учебных и метапредметных умений, способствующих жизни в поликультурном обществе и участию в межкультурном взаимодействии³, подводит нас к выделению и обоснованию такого феномена, как «образное образование».

Образное образование – педагогически организованный процесс, направленный на формирование средствами учебных предметов определенных образов. О себе оно заявляет директивными установками типа: «формирование *позитивного образа России*», «создание *позитивного образа региона*», «показ *роли и места России в мире, в мировой истории*»⁴ и т. п.

Является ли образное образование исключительно феноменом XXI в.? Нет, так как в основе образа лежат представления, стереотипы и теоретические знания, а также собственный опыт обучающихся, т. е. традиционные компоненты содержания и результатов изучения гуманитарных предметов. Другими словами, образы – это неотъемлемая часть целей, содержания и результатов обучающего и воспитательного аспектов общего образования.

Да, так как в условиях информационно открытого общества «сила знания» ослабла, а умения управлять информацией, наоборот, «выросли в цене». А образы и создающее их воображение и есть «мягкая сила» воздействия на личность и общество. Поэтому особенно актуальными в наше время стали проблемы манипуляции сознанием и чувствами человека с помощью обильной информации и способов ее предъявления в образовательном процессе.

Говоря в этой связи о гражданских и профессиональных компетенциях учителя истории, поставим вопрос: «Насколько полно школьные педагоги отдают себе отчет в том, что на уроках и при чтении учебника за пресловутой “передачей” (или формированием) знаний стоит повсе-

дневная и тонкая, сознательная или не вполне осознаваемая ими, работа над образами прошлого?» Причем эти образы вовсе не складываются в головах учащихся в виртуальную галерею портретов и полотен на исторические темы, а задают тон в отношениях молодых людей с окружающим миром, с самими собой.

Еще один деликатный вопрос: «Знают ли учителя истории, что образы многих исторических событий, которые в своей основе кажутся нам незыблемыми, на деле являются всякого рода ментальными конструкциями, созданными в угоду тех или иных религиозных, политических, морально-нравственных интересов?». Например, сравнивая первоисточники и школьные учебники о битве на Чудском озере (1242 г.), можно проследить, как из краткого и скупого рассказа об этом событии в Новгородской Первой летописи в учебных текстах XX в. исчезают обстоятельства битвы, ставящие под сомнение ее историческое значение. В агиографической повести «О житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра», наоборот, появляются эмоционально окрашенные религиозным автором детали, вызывающие к восхищению и признанию Александра Невского «последним защитником православия». В школьных учебниках, начиная с 1940-х гг., Ледовое побоище ставится уже в ряд крупнейших сражений Древней Руси – всего Средневековья, а в учебнике XXI в.⁵ в изложении и методической обработке этого факта совмещены уже обе традиции: геополитическая и религиозная.

Опять оставим в стороне вопрос о причинах и характере эволюции образа Александра Невского в отечественной исторической науке и исторической памяти российского народа⁶ (в ее творении школьное историческое образование сыграло не последнюю роль), а зафиксируем только качественное состояние этого образа, благодаря которому князь вошел в тройку «Имен России», – миф.

Миф – догматизированное или сакрализованное знание, «совмещение историко-научных и историко-религиозных конструкций»⁷ (а также историко-политических или педагогических (!) конструкций), порождаемое определенной ситуацией и предназначенное для каких-либо целей.

Не секрет, что миф об Александре Невском не единственный в содержании общего исторического образования, воссозданный из самих благих побуждений авторов школьных программ и пособий: усилить воспитательную роль Истории, пробудить к ней живой и неподдельный интерес учеников, прививать им любовь и уважение к героическому прошлому своей страны и т. д., и т. п. С этих, педагогических, позиций вопрос: «Изучая историю, изучаем мифы?» – ставит большинство учителей в «оборонительную позицию». Представив содержание учебного предмета после «зачистки мифов», учителя оказываются в растерянности: «На чем же тогда воспитывать молодое поколение? На чьих подвигах и героической смерти растить патриотов?»

В этих контраргументах, кстати, схвачены главные признаки исторического мифа: четкость образов «своих» и «чужих», возвышенный характер жизни и смерти героев, дистанцирующий их от «обычных» людей, эмоциональная энергетика прикосновения к «образцу» и др. В основе исторического мифа, бесспорно, лежит реальное событие, но, «отлитое в предание», оно уже утрачивает свою изначальную сложность и противоречивость, недосказанность, многозначность.

Однако мифологизация истории, как и в случае с князем Александром Невским, происходит в историческом образовании, в первую очередь, под воздействием разного рода политических мотивов. Например, на проекте конспекта первого учебника по истории СССР И. В. Сталин написал: «Учебник должен быть смертным приговором царизму как поработителю народов» (7 июля 1934 г.)⁸, – и пошла «академическая братия» писать: «Ленин и Сталин в гражданской войне», «Шахтинское дело. Усиление классовой борьбы в деревне», «Сталин» (последний параграф – апофеоз советской истории середины 1930-х гг.) и т. п.

Немало мифов остается в школьных учебниках истории с той поры, немало мифов привнесли в них 1990-е гг. «Надо констатировать, что в России, наверное, как в никакой другой стране мира, мифы продолжают действовать, – осторожно заметил Фальк Бомсдорф, руководитель московского бюро Фонда Фридриха Науманна, открывая очередной круглый стол по этой проблематике. – Существует, как мне кажется, множество признаков того, что за последние 10 лет Россия пришла к ремифологизации... Процесс просвещения (по Канту, процесс освобождения человека от им же самим обусловленной “незрелости”) требует не ремифологизации, но демифологизации. По крайней мере, он требует постоянного процесса критики мифов»⁹.

Однако сегодня вопрос о критике мифов в системе школьного исторического образования, как мне кажется, обретает оригинальное направление. «Полезные», с точки зрения патриотического и гражданского воспитания, мифы в его содержании укореняются, «ремифологизируют-

ся», несмотря на контраргументы современных историков, альтернативные источники и новые обстоятельства «давно минувших дней». Примеры ремифологизации – идеальные и романтические образы того же Александра Невского или его тезки Александра Матросова на страницах самых последних учебников истории¹⁰.

В то же время вопросы на критику источников, к которым относится и авторский текст, в школьных учебниках истории остаются больше исключением, чем правилом¹¹. Только «критически подкованный» учитель прочитает и реализует в классе возможность подвергнуть сомнению категоричный вывод автора учебника, сопоставить разные версии одного и того же исторического события, сравнить показания противоречивых источников, обсудить оценки прошлого в свете открывающихся историкам или читателям/зрителям новых обстоятельств.

С другой стороны, «неправильные» или «вредные» мифы возводятся в новое качественное состояние – фальсификация, и школьных учителей истории уже мобилизуют на борьбу с ними в преддверии 65-й годовщины Великой Победы.

Фальсификация – подделывание чего-либо, искажение, подмена чего-либо подлинного ложным, мнимым.

Сразу же появляются вопросы: «Кто в содержании школьного исторического образования будет оценивать и сортировать мифы на “позитивные образы” и “фальсификации”? Ограничится ли “охота учителей на фальсификации” заранее составленным ко Дню Победы списком, или он будет формироваться и корректироваться в процессе “охоты”? Как бороться с фальсификациями в школьном классе? Сможет ли “классное оружие” конкурировать с другими поборниками “исторической правды” на телевидении, интернет-сайтах и в книжных изданиях с сенсационными названиями, типа “Вся правда о...”, “Антимифы...”, “N. против S.”?» И главный вопрос: «Каковы цели и прогнозируемые результаты “противодействия фальсификациям” на школьных уроках истории?»

В новом, активно артикулируемом направлении исторического образования школьников пока, на мой взгляд, больше вопросов, чем ответов. В том числе, в связи с первыми примерами борьбы с фальсификациями в школьных учебниках истории. Например, в одном из новейших учебников читаем: «С целью оправдать переход к диктатуре и преследование политических противников Временным правительством был запущен с новой силой миф о “германских миллионах” и “немецких агентах-большевиках”. Создание этого мифа оправдывали патриотическими мотивами, однако, по сути, он означал изображение народа, совершившего революцию, обманутой и жалкой жертвой чужих интриг...»¹². Разоблачение мифа (фальсификации) на ходу, в первом абзаце параграфа, короткой «лобовой атакой» малоэффективно. Возвращение к нему в задании: «Напишите учебно-исследовательскую работу о современных теориях, поддерживающих или опровергающих версии о финансировании партии большевиков правительствами других государств. Выберите наиболее достоверную, с вашей точки зрения»¹³, – может дать результат, обратный историко-педагогическому замыслу «разоблачить и противодействовать»...

Актуальность вопросов о качественно новых ценностно-целевых приоритетах и стратегиях гуманитарного образования школьников, о моделях профессиональной подготовки учителей в связи с курсом на «образное образование» очевидна.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: *Сенько Ю. В.* Образование всегда накануне себя // Педагогика. 2004. № 5. С. 23.

² *Ретина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю.* История исторического знания. М., 2004. С. 15.

³ Государственные образовательные стандарты основного общего и среднего (полного) общего образования по истории (2004 г.).

⁴ Здесь «роль» и «место» – это, по сути, те же образы, только со скрытой, имплицитной оценочной позицией, как правило, позитивной в отношении собственной страны («достойное место», «ведущая роль» и т. п.).

⁵ «Расскажите подробно о Невской битве и о Ледовом побоище. В чем проявился полководческий талант князя Александра Ярославича?», «За какие подвиги Русская православная церковь причислила князя Александра Ярославича Невского к лику святых в чине “благодарного”?», «В годы Великой Отечественной войны советское правительство учредило орден, которым награждались офицеры, проявившие в боях за Родину личную отвагу, мужество и храбрость... Как вы думаете, почему этот орден носил имя Александра Невского?» См.: *Перевезенцев С. В., Перевезенцева Т. В.* История России с древнейших времен до начала XVI в. М., 2009. С. 196.

⁶ Об этом подробно: *Данилевский И.* Ледовое побоище: смена образа // *Отечеств. записки.* 2004. № 5. URL: www.strana-oz.ru (дата обращения: 27.06.2010).

⁷ *Багдасарян В. Э.* Параистория как признак общественной трансформации // *Преподавание истории в школе.* 2006. № 9. С. 4.

⁸ *Историю – в школу: создание первых советских учебников.* М., 2008. С. 75.

⁹ *Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания?* М., 2009. С. 7.

¹⁰ К упомянутому учебнику С. В. и Т. В. Перевезенцевых добавим учебник: *История России, 1900–1945: 11 кл.* / под ред. А. А. Данилова, А. В. Филиппова (М., 2009) с таким пассажем на с. 383: «Подвиги русских героев А. М. Матросова, А. К. Панкратова, В. В. Васильковского, грудью закрывших амбразуры вражеских дзотов, повторили украинец А. Е. Шевченко, эстонец И. И. Лаар, молдаванин И. И. Солтыс...» (курсив мой).

¹¹ Примеры вопросов на критику источников, которые можно поставить уже шестиклассникам и заставить их усомниться в достоверности текста: «Историкам не ясно, существовал ли в действительности Евпатий Коловрат. Можно ли судить об этом на основании летописи? Имеются ли в документе сведения, которые можно отнести к легендарным, и сведения, которые можно считать достоверными?», «Предположите, когда мог быть записан этот рассказ [об убийстве князя Андрея Боголюбского]: сразу после происшедшего или же спустя какое-то время? Почему вы так решили?» См.: *Сахаров А. Н.* История России с древнейших времен до конца XVI в.: учебник для 6 кл. М., 2006.

¹² *История России, 1900–1945.* С. 124.

¹³ Там же. С. 135–136.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОШЛОГО РОССИИ, ЕЕ РЕГИОНОВ

УДК 94(47) + 002

В. И. Баяндин

Новосибирский государственный педагогический университет

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ АРМИИ И ФЛОТА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Периодические издания дореволюционного периода, в которых можно найти информацию по военной тематике, достаточно обширны и разнообразны. Условно их можно разделить на два крупных блока. К первому блоку следует отнести журналы и газеты, предназначенные в первую очередь для военных: офицеров, военных чиновников, военных врачей, военного духовенства, а также для нижних чинов армии и флота. Ко второму блоку относятся невоенные периодические издания, в которых достаточно часто появлялись различные материалы, связанные с внутренней жизнью российской армии и флота, деятельностью вооруженных сил страны, их ролью в общественной и политической жизни российского общества. Конечно, следует учитывать и то обстоятельство, что нередко внимательными читателями военных изданий могли быть люди, далекие от военной среды: учащая молодежь, гражданские должностные лица и просто интересующиеся этими проблемами.

Первым по времени своего появления периодическим военным изданием обычно считают журнал с длинным названием: «Записки государственного Адмиралтейского департамента, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности». Этот журнал выходил в течение 28 лет, с 1807 до 1827 г.¹ Но более известным и популярным военным изданием была газета «Русский инвалид», которая стала выходить в 1813 г., сначала как частное издание, а в 1816 г. перешла под контроль специально учрежденного властями комитета². На страницах этого ежедневного издания, хорошо известного в кругах русского общества, помещались «высочайшие» приказы и распоряжения, объявления о наградах и назначениях, перемещениях по должностям представителей высшего военного руководства, известия о военных действиях, как в России, так и за границей, информация о различных военных смотрах и парадах. Читатели могли найти здесь статьи известных армейских деятелей, объявления о военных изданиях, краткие рецензии на таковые и многое другое. Известно, что за публикациями в «Русском инвалиде» внимательно следили русские цари и другие члены императорской семьи, о чем нередко упоминалось в дневниковых записях этих лиц, а последний российский император Николай II как-то обронил весьма примечательную фразу о том, что это единственное издание, от чтения которого у него не болит голова.

К середине XIX в. в России стали издаваться и тематические военные журналы: «Артиллерийский журнал», «Инженерный журнал», «Оружейный сборник», позднее появляются «Морской врач», «Известия по минному делу» и др. Но несомненно, что более популярными являлись в этот период времени журналы «Военный сборник» и «Морской сборник».

«Военный сборник», который стал издаваться по инициативе известного деятеля Д. А. Милютина, состоял из четырех частей: а) официальный раздел; б) военные науки; в) литературный раздел; г) смесь разных сообщений, поступающих как из различных мест России, так и из-за границы. Журнал выходил ежемесячно, по 12 книжек (номеров) в год. На его страницах печат-

тались важнейшие извлечения из приказов и распоряжений по военному ведомству. Существовал в журнале и раздел под названием «Русское военное обозрение», в котором помещались фрагменты из ежегодных отчетов Военного министерства, результаты рекрутских наборов, извлечения из отчетов командующих военными округами и многое другое. Как правило, в каждом номере помещались материалы по военной истории Русского государства: это могли быть статьи о создании военного флота в эпоху Петра I, заметки о роли гвардии времен императрицы Елизаветы Петровны, история артиллерии и кавалерии в годы царствования Екатерины Великой. К юбилейным датам военной истории России готовились целые подборки статей: о войне 1812 г., к столетию со дня смерти А. В. Суворова, к 50-летию Крымской войны и т. д. По мере того, как менялась общественно-политическая ситуация в стране, заметно менялся характер публикуемых материалов, которые приобретали более дискуссионный характер. Особенно заметно это стало в начале XX столетия после Русско-японской войны и Первой русской революции.

«Морской сборник», на наш взгляд, был больше ориентирован на специалистов. Журнал состоял из двух разделов: официального и неофициального. В первом разделе, который занимал несколько десятков страниц, помещались указы, распоряжения генерал-адмирала, должность которого занимал кто-либо из великих князей, распоряжения и предписания управляющего Морским министерством (позже морского министра), а также сообщения различных департаментов морского ведомства: судостроительного, артиллерийского, интендантского и др. В каждом номере давалась информация о назначениях и перемещениях по морскому ведомству: назначения на должности, уход в отставку, награждения морских офицеров и т. п. Регулярно помещались фрагменты донесений военного руководства: командующих флотами, эскадрами, отрядами кораблей и отдельными кораблями. Читатели могли найти полную информацию о том, какие военные корабли России находятся в заграничном плавании и где именно, это касалось всех военных кораблей входивших в состав Черноморского и Балтийского флотов, Тихоокеанской эскадры. Иногда статьи подписывались авторами, но нередко публикации шли под псевдонимами, криптонимами, если авторы не рисковали называть себя. Высшее военное руководство в своем большинстве весьма неодобрительно относилось к литературной деятельности подчиненных и иногда прямо запрещало этот вид творческой деятельности. Следует отметить, что и в «Военном сборнике», и в «Морском сборнике» нередко помещались материалы, имеющие прямое отношение к истории вооруженных сил, дислоцирующихся на востоке империи. Авторами этих публикаций выступали офицеры, которые несли нелегкую военную службу в воинских частях гарнизонов Сибири и Дальнего Востока.

Среди военных изданий дореволюционной России особое место занимает журнал, который предназначался для священнослужителей военного ведомства, – «Вестник военного духовенства». Инициатива создания этого журнала принадлежала протопресвитеру военного и морского духовенства А. А. Желобовскому, и с января 1890 г. журнал стал выходить два раза в месяц, 24 номерами в год. Он сразу же оказался включенным в списки периодических изданий, которые были разрешены и рекомендованы для чтения нижним чинам русской армии. Каждый номер журнала состоял из официальной и неофициальной частей. В первой части помещались приказы, распоряжения по ведомству протопресвитера, тут же давались сведения о назначениях военных священников в воинские части, перемещениях их по службе в разные военные округа, печатались списки священнослужителей, награжденных за выслугу лет или героические подвиги. Вторая часть журнала (она занимала большую часть номера) была отведена для размещения текстов проповедей и поучений военных священников, внебогослужебных бесед духовенства с солдатами, казаками и моряками. Помещались фрагменты писем и сообщений, присланных в канцелярию протопресвитера из разных уголков России. В годы Русско-японской войны, кроме сообщений с театра военных действий, стал печататься военный дневник полкового священника о. М. Сребрянского, позднее вышедший отдельным изданием³. Читатели «Вестника военного духовенства» (позже он стал называться «Вестником военного и морского духовенства») могли узнать, что представляет собой служба военного священника, с какими трудностями он сталкивается, какие взаимоотношения складываются между священниками, с одной стороны, нижними чинами и офицерами, с другой.

Помимо официальных военных периодических изданий, появлялись и неофициальные. Так, в конце 1905 г. в России стала выходить частная газета «Военный голос», полностью посвященная вопросам организации армии и флота. У истоков создания этой газеты стояли представители офицерского корпуса, озабоченные состоянием русской армии и флота после неудачной войны с Японией⁴. На страницах газеты стали появляться острые статьи, в которых анализировались при-

чины поражения, обсуждались необходимые реформы и предлагались пути решения проблем, назревших в вооруженных силах страны. Число постоянных подписчиков газеты выросло до 3 тыс. человек, кроме того, еще несколько тысяч экземпляров расходилось в розничной продаже. Общественный интерес к газете быстро возрастал, и это обстоятельство не могло понравиться высоким должностным лицам. И вскоре по требованию военного министра А. Ф. Редигера издание газеты «Военный голос» было приостановлено. Но материалы, опубликованные на страницах этой газеты, дают возможность понять, насколько глубоко в российском обществе были обеспокоены состоянием дел в военном ведомстве, кого считали виновниками военного позора русской армии и флота, какой выход из создавшейся ситуации предлагали.

Вторую группу периодических изданий составляют невоенные издания, которые также являются, на наш взгляд, весьма ценным источником по военной проблематике. Во-первых, невоенные издания были менее скованы в своей печатной деятельности и поэтому нередко публиковали такие материалы, которые не только не совпадали с позицией официальных должностных лиц, но и были диаметрально противоположны их взглядам. Во-вторых, на страницах этих газет и журналов публиковались материалы, которым был закрыт доступ на страницы военных изданий: о волнениях в армии и на флоте, столкновениях военных и гражданских лиц, о распространении революционных взглядов в солдатской и офицерской среде. Регулярно в газетах «Восточное обозрение» и «Сибирь» (Иркутск), «Томский справочный листок» и «Сибирская жизнь» (Томск), «Народная летопись» и «Обь» (Новониколаевск), «Алтай» (Барнаул) и других в разделах «Хроника», «По Сибири», «Обозрение» появлялись острые по содержанию статьи, заметки, комментарии, которые вызывали широкий общественный резонанс и сильно раздражали военных и гражданских представителей администрации. На редакции, провинившихся владельцев газет и издателей сыпались различные наказания: конфискация очередного номера газеты, денежный штраф или тюремное заключение, временное прекращение выпуска газеты или ее окончательное закрытие. Хотя факты, излагаемые в публикациях, были известны многим современникам, но говорить и писать об этих фактах власти не разрешали.

В качестве иллюстрации приведем фрагмент анонимной статьи, опубликованной в новониколаевской газете «Обь» за 1911 г. под заголовком «Порядки на Черноморском флоте»: «По прибытии в Севастополь новобранцы флота направлялись в помещение 31-го экипажа, где проводилась разбивка по ротам. В это время целый ряд инструкторов, будущих начальников новобранцев устраивал там настоящий базар, скупая у новобранцев за бесценок их домашние вещи, причем большинство из них прибегало к разного рода угрозам и обманам. Инструкторы говорили новобранцам, что собственных вещей в роте держать нельзя, что если собственные вещи будут найдены, то виновному угрожает суд. При обучении новобранцев инструкторы и другие начальствующие лица подвергали их за маловажные проступки, а иногда и без всякой причины разным наказаниям. К числу их относятся: 1) прыгание или хождение гусиным шагом, которое заключается в том, что наказанный должен был присесть на корточки, положить руки на бедра и прыгать по палубе ротного помещения; если при этом новобранец падал, то инструктора били его ремнем или подгалкивали в спину ногой; 2) козыряние, или отдание чести стене или лампочке, заключавшееся в том, что наказанный ставился лицом к стене или лампочке, держа руку у головного убора, и стоял в таком положении в течение определенного промежутка времени; 3) продолжительное держание винтовки на прицеле; 4) стояние с поднятыми вверх руками; 5) отдание чести столу; 6) стояние смирно ночью возле кровати начальника во время его сна; 7) лайание по-собачьи, и т. п.»⁵.

В обвинительном акте отмечалось и то, какие «веселые шутки» устраивали старослужащие новобранцам и молодым солдатам: «В четвертой роте в сапожной комнате был устроен ящик, в верхней части которого было сделано небольшое отверстие. Внутри ящика была приделана на пружине доска, к концу которой прикреплялась парусовая (толстая) игла. К этой доске была привязана веревка таким образом, что если ее потянуть к себе, то доска внутри ящика быстро подскакивала кверху, и игла входила в отверстие, сделанное в верхней доске ящика. На этот ящик “забавы ради” сажали новобранцев, один из инструкторов дергал за веревку, и приделанная к доске игла вонзалась в заднюю часть тела. По заявлению новобранцев, эти уколы были очень болезненные и не заживали по несколько дней...»⁶. Газета отмечала, что по итогам проведенного расследования 54 инструктора, унтер-офицера, фельдфебеля Черноморского флота оказались на скамье подсудимых.

Если легально издаваемые частные газеты власти еще могли приструнить, то нелегальные доставляли значительно больше головной боли официальным и должностным лицам. В годы революции 1905–1907 гг. в Сибири печаталось, по нашим подсчетам, около десятка солдатских га-

зет⁷. В материалах нелегальных газет можно найти немало фактов из казарменной жизни нижних чинов, казнокрадства интендантов, злоупотреблений должностных лиц, рукоприкладства офицеров и т. п. Как правило, эти вопиющие факты сообщали революционерам сами солдаты, и подобные публикации в газетах агитировали солдат лучше иных революционных призывов и лозунгов.

Напуганные масштабом распространения революционных газет и журналов в военной среде, власти (как военные, так и гражданские) предпринимают активные усилия по отвлечению внимания нижних чинов армии и флота от запрещенных изданий. В 1906–1908 гг. в стране начинают большими тиражами печататься цензурные издания, предназначенные для распространения среди солдат, казаков и матросов. Появляются газеты «Доброе слово» и «Витязь», на страницах которых совершенно отсутствует какая-либо критика существующих в царской казарме порядков. Все внимание авторы статей направляют на описание героических подвигов, совершенных нижними чинами русской армии не только против внешнего, но и против внутреннего врага: революционера, студента, политика. Бытовые зарисовки военной службы рисуют идиллическую картину единения старослужащих и молодых солдат, отеческой заботы со стороны ближайших офицеров и высших должностных лиц. Такие издания также заслуживают внимания исследователей, они содержат определенную информацию о настроениях, царивших в русской армии, о методах и способах борьбы за нижнего чина в годы революции.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что периодические издания дореволюционной России являются интересным, ценным по своему содержанию источником по военной проблематике. Для выявления полной и объективной картины состояния вооруженных сил империи необходим совокупный анализ различных по своему происхождению и партийной направленности периодических изданий тех далеких лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Энциклопедия военных и морских наук, издаваемая под редакцией генерал-лейтенанта Леера. СПб., 1888. Т. 3. С. 201.

² Военный энциклопедический лексикон, издаваемый Обществом военных и литераторов, посвященный его императорскому высочеству. СПб., 1854. Т. 5. С. 502.

³ *О. Митрофан Сребрянский*. Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. СПб., 1906.

⁴ Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 6. С. 584.

⁵ Обь. 1911. 11 окт.

⁶ Там же.

⁷ *Баяндин В. И.* Нелегальные солдатские газеты в Сибири в годы Первой русской революции // [Первые] Макушинские чтения. Новосибирск, 1988. С. 119–120.

УДК 94(47) + 31

Е. В. Болонкина

Сибирский федеральный университет (Красноярск)

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (XIX в. – 1980-е гг.)

Существенные изменения, происходящие в экономической и общественной жизни современной России, непосредственно связанные с формированием и развитием капитализма в российском обществе, вызывают потребность глубокого исторического осмысления социально-экономического аспекта отечественной истории. Особое значение в этом плане имеет история России XIX в., так как именно в ту эпоху произошел переход нашей страны на капиталистические рельсы. Углубленное изучение социально-экономического развития Российской империи

в XIX в. способствует раскрытию наиболее дискуссионной проблемы в отечественной историографии, а именно – проблемы путей и особенностей генезиса капитализма в России, в том числе в региональном аспекте.

Приенисейский край (с 1822 г. – Енисейская губ.), или Средняя Сибирь, связывал восточную и западную части Сибири, вбирая в себя черты той и другой, и в то же время имея свои особенности. Бурное развитие золотопромышленности обусловило вторжение в социально-экономическое развитие Енисейской губ. внесистемного элемента, который во многом нарушил патриархальный уклад жизни края. Произошло резкое форсирование его социальной и экономической сфер за счет присвоения природных богатств. Поэтому более полное и детальное изучение социально-экономической жизни Енисейской губ. позволит глубже понять эволюцию региона в целом.

В отечественной историографии нет специальных работ, посвященных комплексному исследованию всех сторон социально-экономической жизни Енисейской губ. в дореформенный период. Чаще всего те или иные аспекты истории хозяйственной жизни и социального развития губернии рассматривались в связи с постановкой других, более общих тем, что не могло в полной мере отразить специфику развития Приенисейского края и выделить его на фоне других сибирских губерний.

Начиная со второй четверти XIX в., стали появляться работы, полностью или частично посвященные изучению истории Приенисейского края. К ним можно отнести общего плана книги чиновников: И. Пестова¹, А. П. Степанова², И. Скороговорова³, Н. В. Латкина⁴. В подобных исследованиях, которые являются и ценной источниковой базой для нашей работы, содержатся оценочные суждения об особенностях хозяйственной жизни губернии, о соотношении источников развития народонаселения края. Практически все работы объединяет низкая оценка хозяйственного развития губернии, особенно развития промышленности и торговой жизни городов. Выход из этой ситуации, в частности, А. П. Степанов, взгляды которого относились к дворянскому, официальному направлению в историографии, видел в обнаружении нового источника сбыта хлеба и развитии денежного обращения. В исследовании И. Пестова делается вывод о том, что благосостояние края состоит в развитии торговли и обрабатывающей промышленности.

Частные сюжеты нашей темы в данный период затрагивали И. Линк⁵, Н. Щукин⁶, Н. А. Костров⁷, Н. Л. Высоцкий и Н. Н. Айгустов⁸, М. Ф. Кривошапкин⁹, С. С. Висковатов¹⁰, П. И. Третьяков¹¹, А. И. Кытманов¹², М. Миндаровский¹³. Все работы основаны на широкой, современной им источниковой базе и ранее опубликованных материалах статистического характера. Это позволяет в некоторой степени проследить особенности социально-экономического развития отдельных регионов губернии (Минусинского, Енисейского округов и Туруханского края). В них освещаются отдельные вопросы хозяйственной жизни губернии, которые рассматриваются в сравнении с другими районами Восточной Сибири. Главным образом, эта чиновничья историография содействовала накоплению источникового материала по социально-экономической истории Енисейской губ., так как в исследованиях нет постановки определенных теоретических проблем.

Представители демократического направления исторической мысли в этот период (С. Л. Чудновский, В. И. Семевский¹⁴) уделяли большое внимание проблемам социально-экономического развития края.

В работе В. И. Семевского содержится ценная информация о сибирской золотопромышленности и, в частности, впервые приведены полные статистические данные об уровне добычи золота, о положении и структурно-количественных характеристиках приисковых рабочих на промыслах Енисейской губ. Он первым рассматривал проблему перехода от мануфактуры к фабрике в золотопромышленности Сибири, ошибочно считая, что золотые прииски через введение золотопромывочных машин превратились в промышленные заведения. Исследователь негативно оценивал эксплуатацию рабочих на приисках. По его мнению, отрицательные черты отношений между рабочими и золотопромышленниками заключались в стеснении свободы промышленной деятельности в России. Выход из этой ситуации он видел в развитии мелкого производства и замене крупных промышленных предприятий рабочими ассоциациями – артелями старателей. В работе нет теоретического анализа процесса формирования приискового пролетариата, влияния золотопромышленности на хозяйственную и социальную жизнь губернии.

В работах Н. В. Латкина, стоявшего на либеральных позициях, исследовалась исключительно производственная сфера золотодобычи и положительно оценивалась деятельность золотопромышленников¹⁵.

Ряд работ с более широкими временными и территориальными рамками позволяют в известной степени раскрыть особенности социально-экономической жизни Енисейской губ. в сравнительно-историческом плане. Среди них можно выделить работы В. К. Андриевича¹⁶, П. А. Словцова¹⁷, В. А. Арцимовича¹⁸, К. Оланьона¹⁹, Н. М. Ядринцева²⁰, Г. Н. Потанина²¹. Все они справедливо отмечали относительную экономическую отсталость Сибири.

Одним из ключевых показателей темпов экономического развития и степени развитости губернии являлась ее банковско-кредитная система. Несмотря на то, что большой пласт досоветской литературы посвящен истории кредита и банков в России дореформенного времени²², на уровне Сибирского региона они не изучались.

Особенностью финансового рынка Сибири, как и России в целом, являлось сочетание неудовлетворенной потребности в кредите со слабо развитой банковской системой, где господствовал государственный кредит. Сфера действий государственных кредитных учреждений (исключение составляли приказы общественного призрения) в основном не выходила за пределы столичных городов. Поэтому в крае сохранялись взаимный купеческий кредит, ростовщичество, а потребности в кредите удовлетворялись преимущественно в приказах общественного призрения. Примечательно, что первый енисейский губернатор А. П. Степанов²³, размышляя о приказах общественного призрения, считал приоритетной в их деятельности сферу социального попечения, хотя и с оговоркой, что это относится к тем из них, которые функционируют продолжительное время и достаточно упрочили свою материальную базу.

Видную роль в сибирской историографии сыграли исследования областников Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина. Впервые было отмечено, что основную роль в процессе заселения Сибири русскими играла вольнонародная колонизация. Они подчеркивали негативные факты расслоения сибирского крестьянства и русского трудового населения, последствия «мануфактурного ига Москвы», политики центра по отношению к Сибири.

Ценной для нас является работа по истории церковной организации в Енисейской губ. – «Краткое описание приходов Енисейской епархии»²⁴. В ней содержится информация, источники которой утеряны.

Таким образом, для досоветской историографии характерны ограниченность документальной базы, отсутствие в исследованиях связи между экономическими и политическими процессами, публицистичность и описательность жанра. Все эти труды выполнены на уровне краеведения и поданы с позиций областничества, а также через призму либерального, демократического и официального дворянского направлений в сибирской историографии.

В первые десятилетия советской власти изучение хозяйственной и социальной сторон жизни Приенисейского края было продолжено в работе В. А. Ватина²⁵. Впервые с марксистских позиций исследователь попытался осветить на локальном материале Минусинского окр. особенности социально-экономического развития края. В частности, он указывал на некапиталистический характер процесса формирования наемной рабочей силы.

После этой работы в изучении истории Приенисейского края, как, впрочем, и всей Сибири, начался застой. На протяжении 1930-х – начала 1950-х гг. вопрос о содержании и характере социально-экономическом развитии Енисейской губ. и Сибири в целом разрабатывался слабо. Труды носили описательный характер, основывались на узкой источниковой базе, опирались на труды историков и публицистов, работавших в досоветский период.

К концу этого периода в отечественной историографии в свет вышла работа Л. П. Потапова²⁶, в которой автор указывал на низкий уровень развития сельского хозяйства у хакасов и колониальный характер политики царского правительства по отношению к ясачному населению юга Енисейской губ.

В середине 1950-х – 1960-е гг. было положено начало следующему периоду в изучении социально-экономического развития России и Сибирского региона в дореформенный период. После осуждения культа личности и во время так называемой «хрущевской оттепели» были подвергнуты пересмотру многие догматы исторической науки, в частности, о времени и содержании капитализма в России. В ходе нескольких дискуссий 1960–1970-х гг. были сильно поколеблены позиции авторов, относящих появление капиталистических отношений, всероссийского рынка и процесса социального разложения сословий к XVII и даже к XVI в. Теоретически важными для нашей темы были положения о во многом искусственном возникновении русских мануфактур в XVII – середине XVIII в.; о позднем складывании капиталистического уклада; о трансформации товарно-денежных отношений в капиталистические при условии всеобщности

рынка, особенно в отношении рабочей силы; о том, что социальное расслоение и разложение могло быть не только буржуазного, но и феодального типа. Вместе с тем и в общероссийском, и в региональном плане единства не было достигнуто. Так, о генезисе капитализма в XVII в. продолжали писать П. Н. Павлов, О. Н. Вилков и др.

Другие авторы, отдавая дань ведущей концепции о времени генезиса капитализма в России, относили начало этого процесса в Сибири к первой половине XIX в. Это работы о расслоении крестьянства и ясачного населения (А. С. Нагаев, В. Г. Карцов, Ю. В. Кожухов) и крупные коллективные исследования: «История Сибири»²⁷ (авторы отдельных разделов – В. И. Бочарникова, Ф. А. Кудрявцев, Г. П. Жидков, Ф. Г. Сафронов), «Крестьянство Сибири в эпоху феодализма»²⁸ (Л. М. Русакова, И. В. Власова, Ф. С. Кузьмина, Ю. С. Булыгин, Н. А. Миненко, В. Н. Иванов). В частности, А. С. Нагаев в своей работе утверждал, что в сибирской деревне «с 1830-х гг. начинается новый этап социального расслоения крестьянства»²⁹. Этот вывод видится слишком преувеличенным, так как в это время историки пытались обосновать усиление темпов генезиса капитализма в Сибири. В исследовании В. Г. Карцова³⁰ аналогичный вывод был сделан в отношении хакасов, но в секторе скотоводческих хозяйств.

В работе Ю. В. Кожухова³¹, посвященной изучению русского крестьянства Восточной Сибири, гибче освещается эта проблема. Он пишет об имущественном расслоении крестьян в условиях расширения применения наемного труда в сельском хозяйстве.

В исследованиях В. А. Степынина, Ю. В. Кожухова и А. С. Нагаева³² важное место отводилось уровню товарности сельскохозяйственного производства. Товарность экономики долгое время считалась важнейшим признаком генезиса капитализма. По мнению двух последних историков, товарность хлебного производства к середине XIX в. в Восточной Сибири достигала 23–25 %.

Теоретические проблемы поземельных отношений и хозяйственной деятельности государственных крестьян сибирской деревни отражены в работах М. М. Громыко³³, Н. А. Миненко³⁴. По мнению М. М. Громыко, крестьянская община была поземельной, где в условиях феодального государства сочетались индивидуальная и общественная собственность на землю, подчиненные реализации прав верховного собственника. В своих исследованиях Н. А. Миненко указывает на то, что мирская опека сдерживала личную инициативу крестьян. Несмотря на это, происходило постепенное втягивание сибирского крестьянства в товарно-денежные отношения. При этом работы двух историков затрагивали лишь особенности развития поземельных отношений в Западной Сибири, где демографические и хозяйственные условия значительно отличались от восточносибирских. Однако рассмотрение трудов этих исследователей важно для нас в целях понимания общесибирских тенденций и выявления специфики развития Восточной Сибири по сравнению с Западносибирским регионом.

В данном случае важным исследованием по проблеме развития поземельных отношений в Восточносибирском крае видится работа Г. Ф. Быкони³⁵, где отражена концепция «разделенной феодальной земельной собственности», которая стала новым подходом к проблеме поземельных отношений в Восточной Сибири. В исследовании впервые делается вывод о существовании многоукладности при господстве сибирского варианта государственного феодализма, так как одновременно существовали: свободный мелкокрестьянский уклад, чернососшные отношения, казенное крепостничество, частно-кабальный уклад и элементы раннебуржуазных связей. Теоретически важным и свежим является его вывод, что свобода поземельных сделок у крестьян способствовала процессу классового социального разложения феодального типа, который сохранился до 1917 г., частично перерождаясь в раннебуржуазный (носителями последнего выступали кулаки). Впервые утаенные земли тракуются автором как полная частная собственность крестьян на земельные угодья.

Вопросы о характере промышленного и промыслового развития Сибири, в том числе и Енисейской губ., также трактовались историками неоднозначно. Одни историки считали, что к середине XIX в. появляются крупные предприятия мануфактурного типа с элементами использования машинной техники (С. Ф. Хроленок³⁶), другие называли их рассеянными мануфактурами или смешанного типа предприятиями (авторы «Рабочего класса Сибири в дооктябрьский период»³⁷ – З. Г. Карпенко, Д. И. Копылов, А. А. Малых, В. В. Романов, Т. Н. Агапова, В. П. Зиновьев), а третьи обнаруживали в экономике Енисейской губ. уже сложившиеся капиталистические предприятия (Д. Я. Резун³⁸).

Характер рабочей силы, в первую очередь в золотопромышленности, тоже оценивался по-разному. Одни историки писали о кабальных условиях найма приисковых рабочих (в «Истории Си-

бири» – Т. И. Агапова, З. Г. Карпенко, Ф. А. Кудрявцев, А. С. Нагаев), В. Г. Карцов, С. Ф. Хроленок и В. В. Рабцевич³⁹, другие склонялись к тому, что был сформирован отряд вольнонаемных рабочих капиталистического типа («Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период»⁴⁰ – З. Г. Карпенко, Д. И. Копылов, А. А. Малых, В. В. Романов, Т. И. Агапова, В. П. Зиновьев). При этом мнение по данному вопросу со стороны Т. И. Агаповой и З. Г. Карпенко изменилось. Однако во всех работах нет оценки рабочего класса как социальной группы, которая вписывалась в новую социально-экономическую ситуацию Енисейской губ.

Давая оценку характеру экономического развития Сибири, в том числе Енисейской губ., А. С. Нагаев⁴¹ сдвигает капиталистические отношения в Восточносибирском регионе к 1850-м гг. и связывает их с развитием золотопромышленности. По мнению С. М. Лукиной⁴², оживление промышленного производства на территории Енисейской губ. в 1830–1850-е гг., связанное с развитием золотодобычи, носило временный характер. В исследовании Д. Я. Резуна⁴³ делается вывод о формировании капиталистических тенденций в развитии хозяйства всего Приенисейского края уже в первой половине XIX в.

Советские историки обращались к банковско-кредитной тематике только в связи с общей характеристикой социально-экономического развития России в период капитализма⁴⁴. Лишь во второй половине 1970-х гг. наметилась тенденция к локализации проводимых исследований банковско-кредитных учреждений. На сибирском уровне эта тематика представлена в статье Г. Х. Рабиновича⁴⁵.

В целом историография советского периода старалась ставить вопросы более широкого плана, охватывающие социально-экономическое развитие всей страны. Конкретных работ по исследованию региональных особенностей социально-экономической жизни издавалось немного. Оставались слабо изученными вопросы численности, структуры, хозяйственной деятельности, региональной специфики, сословно-правового статуса неподатных групп населения (казачества, духовенства, дворянства) и купечества. Недостаточно глубоко была исследована проблема характера экономического развития Енисейской губ. в дореформенный период.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пестов И. Записки об Енисейской губ. Восточной Сибири 1831 г. М., 1833.

² Степанов А. П. Енисейская губ.: в 2 ч. СПб., 1835.

³ Скороговоров И. Описание Енисейской губ. // Записки Сибирского отд. Рус. Геогр. общества (ЗСОРГО). Иркутск, 1865. Кн. 8. С. 1–72.

⁴ Латкин Н. В. Енисейская губ., ее прошлое и настоящее. СПб., 1892.

⁵ Линк И. Описание городов Енисейской губ. // Журнал Министерства внутр. дел (ЖМВД). 1839. № 3. С. 372–441.

⁶ Шукин Н. 1) Минусинский окр. Енисейской губ. // ЖМВД. 1856. № 5–6; 2) Табаководство и торговля табаком в Восточной Сибири // Там же. 1857. № 7. С. 21–41; 3) Звериные промыслы в Восточной Сибири // Там же. 1847. № 9. С. 408–446; 4) Очерк земледельческой промышленности в Восточной Сибири // Там же. 1849. № 6. С. 360–417; 5) О скотоводстве в Восточной Сибири // Там же. № 15. С. 337–384.

⁷ Костров Н. А. 1) Город Минусинск // ЗСОРГО. СПб., 1856. Кн. 2. Отд. 3. С. 10–14; 2) Очерки Туруханского края // Там же. 1858. Кн. 4. С. 61–175.

⁸ Высоцкий Н. Л., Айгустов Н. Н. Об основании, устройстве и развитии г. Ачинска // Памятная книжка Енисейской губ. на 1863 г. СПб., 1863. С. 13–25.

⁹ Кривошапкин М. Ф. Енисейский окр. и его жизнь. СПб., 1865. Т. 1–2.

¹⁰ Висковатов С. С. Об основании, устройстве и развитии г. Енисейска // Памятная книжка Енисейской губ. СПб., 1865. С. 13–25.

¹¹ Третьяков П. И. Туруханский край, его природа и жители. СПб., 1871.

¹² Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губ. Енисейск, 1893.

¹³ Миндаровский М. Енисейск // Сиб. записки. 1916. № 4. С. 96–104.

¹⁴ Чудновский С. Л. Енисейская губ. к трехсотлетнему юбилею Сибири: (стат.-публицист. этюды). Томск, 1885; Семевский В. И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898. Т. 1.

¹⁵ Латкин Н. В. 1) Очерк северной и южной систем золотых промыслов Енисейского окр. СПб., 1869; 2) На сибирских золотых приисках. СПб., 1893.

¹⁶ Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии. СПб., 1889. Ч. 2.

¹⁷ Слоцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995.

¹⁸ Арцимович В. А. Описание Сибирского края // Ист. архив. 1996. № 5–6.

- ¹⁹ Оланьон К. Сибирь и ее экономическая будущность. СПб., 1903.
- ²⁰ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1892.
- ²¹ Потанин Г. Н. Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908.
- ²² Гурьев А. Н. Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб., 1904; Ламанский Е. И. Статистический обзор операций государственных кредитных установлений с 1817 г. до настоящего времени. СПб., 1854; Кауфман И. И. Государственные долги России: ст. вторая // Вестник Европы. 1885. Кн. 2; Судейкин В. Т. Государственный банк: его экономическое и финансовое значение. СПб., 1891; Левин И. И. Акционерные коммерческие банки в России. Пг., 1917. Т. 1; Мигулин П. П. Русский государственный кредит со времен Екатерины II до наших дней: опыт ист.-критич. обзора. Харьков, 1899. Т. 1; Печерин Я. И. Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений в России. СПб., 1904.
- ²³ Степанов А. П. Указ. соч. Ч. 2. С. 24.
- ²⁴ Краткое описание приходов Енисейской епархии. Красноярск, 1995. Вып. 1.
- ²⁵ Ватин В. А. Город Минусинск: ист. очерк. Минусинск, 1916. Ч. 1.
- ²⁶ Потапов Л. П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан, 1952.
- ²⁷ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 2.
- ²⁸ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.
- ²⁹ Нагаев А. С. Золотопромышленность Восточной Сибири в 30–50-е гг. XIX в. // Ученые записки Енисейск. гос. пед. ин-та. Енисейск, 1958. Т. 1, вып. 1.
- ³⁰ Карцов В. Г. Хакасия в период разложения феодализма (XVIII – первая половина XIX в.). Абакан, 1970.
- ³¹ Кожухов Ю. В. Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX в. Л., 1967.
- ³² Степанин В. А. Колонизация Енисейской губ. в эпоху капитализма. Красноярск, 1962; Кожухов Ю. В. Указ. соч.; Нагаев А. С. Указ. соч.
- ³³ Громыко М. М. Территориальная крестьянская община Сибири (30-е гг. XVIII – 60-е гг. XIX в.) // Крестьянская община в Сибири XVIII – начала XX в. Новосибирск, 1977.
- ³⁴ Миненко Н. А. 1) Русское крестьянство Сибири XVIII – первой половины XIX в. // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 1; 2) Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975; 3) Роль крестьянской общины в организации сельскохозяйственного производства // Земледельческое освоение Сибири (в конце XVII – начале XX в.). Новосибирск, 1985; 4) Развитие феодальных отношений и генезис капитализма в Сибири (конец XVI – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1988.
- ³⁵ Быконя Г. Ф. Поземельные отношения русского населения Восточной Сибири в XVII–XVIII вв. Красноярск, 1979.
- ³⁶ Хроленок С. Ф. 1) Развитие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири и Дальнего Востока (1832–1917 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1973; 2) Золотопромышленность Сибири (1832–1917): ист.-экон. очерк. Иркутск, 1990.
- ³⁷ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982.
- ³⁸ Резун Д. Я. Русские в Среднем Причудлырье XVII–XIX вв. Новосибирск, 1984.
- ³⁹ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 2; Карцов В. Г. Указ. соч.; Рабцевич В. В. 1) Правовое положение промышленных работников Сибири в 80-х гг. XVIII – первой половине XIX в. // Промышленность Сибири в феодальную эпоху (конец XVI – середина XIX в.). Новосибирск, 1982; 2) Крестьянский аспект демографического поведения представителей дореформенной сибирской бюрократии // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период. Новосибирск, 1987.
- ⁴⁰ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период.
- ⁴¹ Нагаев А. С. Указ. соч.
- ⁴² Лукина С. М. Особенности развития промышленности Восточной Сибири в середине XIX в., сдвиги в географии индустриальных районов // Особенности хозяйственного развития и заселения районов Сибири. Иркутск, 1979.
- ⁴³ Резун Д. Я. Указ. соч.
- ⁴⁴ Гиндин И. Ф. О кредите и банках докапиталистической России // Вопр. истории. 1961. № 7. С. 139–151; Корелин А. П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М., 1988; Боровой С. Я. Кредит и банки России (середина XVII в. – 1861 г.). М., 1958.
- ⁴⁵ Рабинович Г. Х. Из истории кредита в дореволюционной России // Вопросы истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 9. С. 36–42.

**РАННИЕ МЕТОДЫ ОПИСАНИЯ
ИСТОРИИ КРАЯ И ИХ СОВРЕМЕННАЯ ЗНАЧИМОСТЬ
(НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЙ Н. Е. СЕВЕРНОГО –
ПЕРВОГО ИСТОРИОГРАФА ТУЛЬСКОГО КРАЯ)***

Сегодня методология описания истории и ее изучения, в том числе регионов России, шагнула далеко вперед по сравнению с ранним периодом развития местной историографии. Однако нередко те методы изучения истории края, которые применялись в прошлом, теперь незаслуженно забыты или в недостаточной степени применяются историками.

В России в разное время работало немало ученых, которые внесли свой неоценимый вклад в изучение истории того или иного региона. Одной из ярких личностей был Николай Емельянович Северный (1837–1919) – известный историк-краевед, первый историограф Тульского края, обобщивший огромное количество важной информации, которая составила мозаичное полотно истории края дореволюционного периода.

Н. Е. Северный в своей научной деятельности одним из первых применил немало тех методов изучения истории, без которых и сегодня не мыслится ни одно серьезное историческое исследование.

С целью организации написания обобщающей работы по истории края Северный составил «Указатель источников, относящихся к истории Тульского края»¹. Это была первая в историографии попытка собрания в хронологическом порядке сведений об исторических документах, имеющих отношение к Тульскому краю². Данный Указатель, по мнению ученого, должен был помочь в написании обобщающей краеведческой работы. И подобная систематизация имеющихся источников изучения местной истории в этом случае – огромное подспорье исследователям.

Проект предполагаемого исторического изучения судеб Тульского края и главного центра – Тулы – сохранился в местном архиве³. Он отражает всю основательность и кропотливость научных разработок Северного в области исторического краеведения. В качестве интересующих нас методов исследования истории края большую ценность представляют отмеченные автором несколько пунктов в данном проекте.

Во-первых, Северный предлагает мысль, согласно которой историческому изучению Тульского края должно предшествовать обстоятельное изучение его в географическо-статистическом и этнографическом отношении в настоящее время. Именно эти компоненты он считал основополагающими, как бы «отправными точками» дальнейшего исследования. При этом Северный подчеркивал необходимость рассмотрения того, что уже сделано в этом отношении. Во-вторых, историк отмечал важность учета подобных работ в других местностях России. В качестве одного из обязательных в историческом исследовании можно отметить также метод сравнения и аналогии. Наконец, в-третьих, большое значение Северный придавал археологическим исследованиям. При этом он обращал внимание на обязательность разделения работ по историческому изучению Тульского края на собственно исторические и археологические⁴.

Биографический метод исследования также можно назвать одним из основных, по мнению Северного, в исторических исследованиях. Он создал поколенную роспись знаменитых дворян Демидовых с биографическими добавлениями⁵, собрал информацию об известных туляках XVII–XIX вв.

Также ученый составил сводные таблицы по уездам с описанием их границ, населения, памятников культуры⁶. Таким образом, систематизация данных в его работах занимала одно из важнейших мест.

* Исследование проведено при поддержке РГНФ, проект № 05-0171101 а/ц.

В 90-х гг. XIX в. Северный начал собирать разного рода географические названия Тульско-Калужского края, или древней земли вятичей, звучащие не по-русски. В 1910 г., выйдя в отставку, он расширил эту работу, изучая уже чисто русские географические названия Тульского края. То есть лингвистический метод в историческом исследовании – важная составляющая изучения местной истории, особенно древнего периода. Ученый стремился придать строго научный характер изучению топонимики, использовал все имевшиеся до него и собранные им данные для классификации географических названий. В основу классификации им положен принцип происхождения названия.

В 1913 г. в Туле была создана Ученая архивная комиссия, где Н. Е. Северный стал председателем подсекции по изучению географических названий. В комиссию ученый представил доклад «Мои занятия по историческому изучению Тульского края как материал для решения вопроса о задачах научной деятельности Тульской ученой архивной комиссии в связи с развитием тульской историографии, главным образом в XIX столетии». Эта работа являлась первой и единственной в XIX в. в тульском краеведении попыткой обобщить деятельность местных историков, дать ей оценку и наметить конкретные задачи дальнейших исследований. В этой работе Северный счел необходимым, так же, как и другие краеведы, дать свою периодизацию тульской истории, начиная с древнейшей доисторической эпохи. Здесь он обращал внимание на необходимость геолого-палеонтологического изучения Тульского края.

То есть, по мнению Северного, для более полного исследования истории края необходимо было расширить ее источниковую базу: кроме общих сведений, почерпнутых авторами из общероссийских источников, летописей, использовать также источники исключительно местного характера (например, данные археологических исследований).

Следует подчеркнуть, что в 1915 г. известный историк профессор А. А. Кизеветтер в ответ на публикацию Северного высоко оценил изложенные автором общие принципы и методы изучения провинциальной истории. Также похвального отзыва заслужил и принцип периодизации местной истории тульского ученого.

Нередко Северный обособлял местную историю от общероссийской, подчеркивая только лишь ее своеобразие, в чем может быть усмотрена методологическая ошибка исследования. Хотя часто ученый подчеркивал зависимость изучения местной истории от общероссийской. Например, он считал, что «невозможно изучать историю городских учреждений без знакомства со всеми административными механизмами дореформенной и пореформенной России».

Итак, методы исследования местной истории в дореволюционный период чаще совпадали с общероссийской методологией исторического исследования⁷. Множество методов и принципов изучения местной истории дореволюционного периода стоит учитывать и сегодня современным историкам, особенно исследователям региональной истории.

Российские историки досоветского периода накопили широкую методологическую базу исторического исследования, не потерявшую актуальность и сегодня. В частности, исследования тульского историка-краеведа, историографа Н. Е. Северного обращают внимание современных исследователей на такие методы исторического исследования, как хронологический, системный, биографический, метод аналогии, исторического сравнения. Также, согласно работам ученого, историку не обойтись в своих исследованиях без помощи лингвистики, топонимики, географии, статистики, этнографии, археологии, геологии, палеонтологии и других наук, которые помогают исследовать историю края наиболее целостно, разносторонне, в полном объеме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Памятная книжка Тульской губ. за 1898 г. Тула, 1899.

² Северный Николай Емельянович // Гордость земли Тульской. Тула, 1991. Т. 2. С. 55–59.

³ Государственный архив Тульской обл. Ф. 149. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–12.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 55–61.

⁶ Там же. Л. 74–80.

⁷ *Присенко Г. П.* Источниковая база тульской историографии XIX – 30-х гг. XX в. в контексте ее предмета // Археографический ежегодник за 2004 г. М., 2005. С. 259–265.

**ПРИНЯТИЕ ХРИСТИАНСТВА СЛАВЯНАМИ КАК ОСНОВАНИЕ
ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ РОССИИ И ПОЛЬШИ
(НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЙОАХИМА ЛЕЛЕВЕЛЯ)**

В XIX в. Российская империя представляла собой крупное полиэтническое сообщество с огромными территориями по всему Евразийскому континенту. Государство включало в себя не только народы, не знавшие полигенез или имеющие слабые государственные институты, но и народы с давними государственными и общественными традициями. К таким народам со всеми основаниями можно отнести поляков, которые еще в XVI в. имели могущественное самостоятельное государство, раскинувшееся «от моря до моря». Именно западные окраины Российской империи становятся ее наиболее революционной частью.

Кроме того, Речь Посполитая всегда позиционировала себя и часто воспринималась в Европе как последний оплот истинного христианства и защитница западной цивилизации от нашествия восточных варваров. Польша стремилась склонить европейское общественное мнение на свою сторону в борьбе с российским «царизмом», Европа же была охвачена всеобщим увлечением Россией. В связи с этим складывалась определенная система восприятия тех территорий и народов, которые находились за восточными пределами Польши.

Интеллектуальный опыт изучения российской истории польскими учеными был всегда востребован на Западе. Первый этап «экспорта» польского взгляда на историю России можно выделить в XV–XVII вв., когда польские хронисты эпохи Возрождения предприняли попытку объяснения генезиса славянства, в том числе его восточной ветви. Здесь особо следует отметить труды Яна Длугоша, Марчина Кромера и Мачея Стрыйковского. Второй этап польской «россики» приходится на XIX в., и, несомненно, главенствующее место на этом этапе занимал Йоахим Лелевель совместно со своими сторонниками.

Именно первая половина XIX в. стала определяющей в складывании определенного образа России в общественном мнении, как в Польше, так и на Западе. В связи с этим интересно проследить логику формирования образов России в исследованиях польских ученых на примере исторической концепции Йоахима Лелевеля – известного историка, политического и общественного деятеля.

В ходе формирования истории в качестве самостоятельной научной дисциплины в первой половине XIX в. выработались основополагающие понятия, ставшие определяющими в реконструкции исторического процесса учеными того времени. Одним из таких понятий является определение «народного духа», интерес к которому был обусловлен завершением оформления национальных государств и подъемом национальных движений. Именно с уникальными чертами «народного духа», присущими каждой нации, связывались особенности развития национального государства.

Категория «народного духа» является ключевой в лелевелевской исторической концепции: в это понятие он вкладывал совокупность индивидуальных особенностей народа, проявляющихся в различных сферах государства и общества. Авторитетный исследователь работ Йоахима Лелевеля А. М. Басевич отмечал: «Определяя содержание славянского “народного духа”, его характерные особенности и моральные качества, Лелевель, прежде всего, подчеркивал “народность” славян и их врожденную привязанность к равенству и “всеобщей свободе”. Она сочеталась с мягкостью характера, миролюбием, отвращением к насилию и фанатизму, религиозной и национальной терпимостью, мужеством, и даже недостатки славян вытекали из их честности и положительных качеств»¹.

Уникальность славянских народов, как было сказано выше, заключалась в постоянном стремлении к свободе, выражающейся в «гминовладстве», элементы которого Йоахим Лелевель обнаруживает у всех славянских народов, в том числе у русского. Тем не менее, черты народного характера подвержены изменениям, причем изменения эти происходят под воздействием внешних факторов, оставляющих неизгладимый след, а подчас и кардинально меняющих «народную стихию». В истории славянства одним из таких факторов является принятие хри-

стианства. Особенности его распространения и географического положения различных ветвей славянства привели к крещению оных по разным христианским обрядам, что углубило возникающие изменения внутри общего славянского духа.

Славянам было известно христианство как православного, так и католического образца. Первое распространялось греками с юга, второе – немцами с запада. Особенно важно подчеркнуть, что более достойное будущее в славянских землях Лелевель видел именно у христианства греческого обряда, распространение которого связывал с именами Кирилла и Мефодия, а также их соратников. Определялось это, по мнению польского историка, прежде всего тем, что в случае принятия православия «речь шла только о замене почитаемого Бога, народ понимал обряды, проводимые по-славянски, при этом никаких обремененностей не было, кроме подражания примеру своих крестителей»². Таким образом, во многих славянских народах в IX–X вв. укоренилось христианство греческого образца. Католичество же, проникающее из Германии, встречало на славянских землях большие трудности, потому что, по мнению Лелевеля, «сам язык, на котором проходили обряды этой религии, для новообращенных был непонятен, потому как сопровождалась она обязанностями десятины и, порою, оплатой денария святого Петра; обычным было влияние и иго немецко-имперское»³.

Для западных славян вообще и для Польши, в частности, отрицательное воздействие оказал географический фактор. Польша, находящаяся в самой середине Центрально-Восточной Европы, оказывалась в невыгодном стратегическом положении, не только со стороны недавно возникших Чехии и Руси, но что, по мнению Лелевеля, было важнее, со стороны Германии⁴. Данный тезис является одним из определяющих для описания российско-польско-немецких отношений на протяжении всего развития польской историографии.

Еще со времен Карла Великого провозглашенная власть над славянством набирала все новую силу, самым верным способом установления которой было распространение христианства. Славяне же сопротивлялись немцам, что было сил, и в язычестве своем горячо упорствовали, ибо сохранение язычества было сохранением независимости. Но, как отмечает Лелевель: «Ни мужество, ни смелость разделенных славян не позволяли организовать отпор объединенным силам немецким, несущим притеснения и неволю»⁵.

Организованные маркграфами немецкие поселения, ассимилируя местных жителей, перемешали, по мнению польского ученого, и интересы славянства: «... в конце концов племена и их предводители стремились удержать свою независимость и потому упорно от идолов своих не избавлялись; но князья стремились к большей над племенной знатью власти и завоеваниям, и в этом деятельную помощь находили в союзе с немцами, принимая от них христианство»⁶. Таким образом, гмина подверглась повсеместному упадку, особенно в тех районах, где аристократия быстрыми темпами подвергалась онемечиванию. Так возвысились князья чешские, князья поморских славян, таким же способом принял христианство и стал данником германского императора польский князь Мечислав, не сумевший избежать завоеваний немцев и смирившийся с обстоятельствами. Лелевель подчеркивает: «Без сомнения, Мечислав был покорен немцам, когда был язычником, тем больше покорился, когда стал христианином. Во время мира платил императору дань, во время войны обязан был служить ему со всеми своими рыцарями, а императорских приграничных маркграфов так сильно опасался, что не раз перед ними в шубе сесть не смел. Все это очень народ его унижало»⁷.

Тем не менее, Польша сумела сохранить извечное свое состояние сельской гмины. По мнению Лелевеля, «перешло оно на какое-то время под династическое иго, под влияние латинского христианства и иностранных представлений; сузилось до пределов высшего класса, но не угасло и воплотилось в шляхетском гминовладстве. Родной славянский дух строил польскую Речь Посполитую».

В контексте изменения состояния славянского «народного духа» интересны представления Й. Лелевеля по вопросу принятия христианства восточными славянами. Русь и потомки Рюрика все громче заявляли о себе на протяжении всего X в. Это стало возможным не только благодаря торговле на подвластных им землях, дерзким нападениям и завоеваниям, происхождению правящей династии, но и во многом благодаря, согласно Лелевелю, крещению восточнославянских земель. С православием Русь познакомилась посредством греческих купцов, контролирующими проходящие в Киеве торговые пути. Объединив и расширив свое государство, Владимир принимает христианство по греческому обряду, несмотря на то, что в это же время на Руси проповедовалось и католичество. Лелевель отмечает куда более терпимое отношение восточных сла-

вян к «распространению всяческих учений» в своей среде, что стало возможным благодаря отсутствию у варягов «отвращения к различным вероисповеданиям», а также «свободе и кротости славян».

После введения православия под влиянием государства и греческой церкви на Руси произошли большие изменения. Касались они не только копирования византийских дворцов и храмов, но и подражания величию константинопольских василевсов: «Царский дух охватил князей. Отстранили от себя дружину, окружили себя придворными и слугами двора. Высокое звание великого князя приравнялось к царскому». Для утверждения нового статуса великого князя-самодержца необходима была реформа правовой системы, которая осуществилась при помощи церковных властей.

Таким образом, «гомон гминный был прерван и управлялся высокими помыслами обветшалого востока; славянская простота, вывернутая варяжской несдержанностью, была вплетена в великую цивилизацию и дряхлую развращенность греческого ума. Противоречивые стихии странным способом очутились вместе на одной земле, соединялись и противоборствовали. Отсюда редкая картина рассеянности и анархии»⁸. Тем не менее, как и в соседней Польше, на Руси сохранилась традиция первичного славянского гминовладства, воплотившаяся в политическом опыте Новгорода Великого.

В заключение хотелось бы отметить, что сюжет принятия христианства славянскими народами играл важную роль в исторической концепции Йоахима Лелевеля и формировании образа восточного соседа. Религиозный фактор активно способствовал внедрению в славянской среде идеи монархизма и частичному отказу от идеи первичного «гминовладства». Монархизм, усиленный течением неблагоприятных факторов, привел к формированию самодержавия в Великом княжестве Московском, в Польше же складывается система шляхетской демократии. Это позволяло Лелевелю писать о существовании в славянском мире двух политических систем, представленных опытом России и Польши, причем главенствующая роль в славянском мире польским автором отдавалась именно второй как выразительнице истинных интересов и традиций славянства. Дихотомия *цивилизация – варварство* пользовалась большой популярностью для характеристики русско-польских отношений. Причем за польской стороной признавалась причастность к цивилизации, а за российской – к варварству.

Выводы историка по данным вопросам были одной из составляющих противопоставления не только России и Польши, но также России и Руси (Украины и Беларуси). Эта идея стала основой идеологии польского национально-освободительного движения в XIX в., которое преследовало две основные цели: восстановление независимого польского государства и возвращение территорий, утраченных Польшей в результате трех разделов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Басевич А. М. Иоахим Лелевель: польский революционер, демократ, ученый. М., 1961. С. 140.

² Lelewel J. Historia Polska do końca panowania Stefana Batorego // Dzieła. Warszawa, 1962. Т. 6. S. 56.

³ Lelewel J. Wykłady kursowe z historii powszechnej w uniwersytecie wileńskim, 1822–1824 // Dzieła. Warszawa, 1959. Т. 3. S. 289.

⁴ Lelewel J. Dzieje Polski potocznym sposobem opowiedziane // Dzieła. Warszawa, 1961. Т. 7. S. 53.

⁵ Lelewel J. Historia Polska... S. 55.

⁶ Lelewel J. Wykłady kursowe z historii... S. 289.

⁷ Lelewel J. Dzieje Polski... S. 54.

⁸ Lelewel J. Dzieje Litwy i Rusi aż do unii z Polską w Lublinie 1569 zawartej // Dzieła. Warszawa, 1969. Т. 10. S. 86, 90, 91.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

К концу XX в. в отечественной историографии был накоплен значительный фактический материал по изучению городов Сибири и их торговой деятельности. Анализируя современную историографию торговой деятельности в городах Западной Сибири середины XIX – начала XX в., можно отметить сохранение тенденции к «индивидуальному» рассмотрению истории городов. Историки изучают историю развития конкретного города, отчасти связывая ее с процессами, происходящими в государстве и мире. При этом взаимосвязь и взаимовлияние городов региона не всегда освещается полно и разносторонне.

Общей спецификой большинства современных исследований, посвященных городу, является сведение разделов о торговле к нескольким абзацам или обилие разрозненных фактических материалов, предназначенных для иллюстрации городской торговли¹.

Подавляющее количество современных публикаций посвящены демографии города и его социальному (сословному) составу. Также внимание историков привлекают не изучавшиеся ранее слои городского населения (мещанство, военные, интеллигенция)², продолжают исследования купеческого сословия³. В работах этого направления коротко приводят перечень числа лавок и магазинов, названия нескольких торговых фирм и данные об оборотах торговли на какой-либо год.

Несмотря на несистематичность исследований, отрывочность фактических данных, немногочисленность публикаций, специально затрагивающих вопросы торговли, и отсутствие специальных работ по теме, можно говорить, что в современной историографии накоплен значительный опыт изучения торговли города, конечно же, во многом обусловленный достижениями советского периода.

В современных исследованиях практически любой город представляется как важный торгово-транзитный центр. Его ключевое значение определяется рядом выполняемых им функций: 1) город является *транзитным пунктом*, через него проходят ключевые пути сообщения, задействованные в перевозке товаров; 2) город является *организационным центром* – в нем располагаются конторы купечества, складские помещения, органы государственного управления; 3) город выполняет *распределительную функцию* – в нем происходит оптовая торговля, а также формирование мелких товарных партий и их отправка для дальнейшей продажи. В подтверждение полученных выводов авторы приводят большое количество обобщенных экономических и социологических данных, опираются на специфику географического положения, расположение ключевых путей сообщения, политическую конъюнктуру, специфику колонизации региона и др.

Однако, несмотря на полученные результаты, в современной историографии не выработан единый подход к определению и изучению торговой деятельности города и, что наиболее важно, не выработано представление о роли различных городов в функционировании рынка Западной Сибири, о торговой взаимосвязи городов региона.

Проведенное нами исследование позволяет утверждать, что процесс накопления фактических данных о торговле в городах если еще и не закончен, то уже подошел к острой необходимости обобщения полученных результатов. Сегодня существует большое количество работ, описывающих торговую деятельность городов, а также работ по транспортному и промышленному освоению региона, социальной и аграрной истории⁴. Обобщение этих работ и создание общего представления о торговой функции городов, городской торговой сети региона позволит выйти на новый уровень в изучении городов Западной Сибири.

Примером обобщения полученных результатов может являться работа В. А. Скубневского и Ю. М. Гончарова⁵, в которой авторы рассматривают торговлю городов региона в середине XIX – начале XX в. Обобщая и систематизируя накопленный опыт изучения торговой деятельности городов, авторы приходят к ряду необходимых для дальнейшего изучения важных выводов. Так, рассматривая торговую деятельность городов, авторы обосновали необходимость раздель-

ного рассмотрения деятельности расположенных в городе стационарных и периодических форм торговли. Городские ярмарки, справедливо отнесенные Т. К. Щегловой именно к периодической форме торговли⁶, не могли объективно отображать торговое значение города. Обращая на это внимание, В. А. Скубневский подчеркивал, что во многих городах, входивших в ярмарочную сеть, после проведения ярмарки «торговая жизнь могла затухать»⁷. Эти выводы, а также успехи в изучении ярмарочной торговли, повлияли на постановку нового вопроса в историографии – об изучении торгового взаимодействия городов и окружающей его ярмарочной сети.

Преодолевая доминирующую с 60-х г. XX в. тенденцию рассмотрения торговли города как совокупности торговой деятельности всех расположенных в нем организационных форм торговли, В. А. Скубневский обосновывает необходимость изучения «торговой инфраструктуры» города⁸.

Понимая под этим термином совокупность постоянно функционирующих фирм, торговых и складских заведений, автор указывает на необходимость изучения не только их количества, но и специфики функционирования, что позволяет более детально оценить торгово-транзитное значение города.

Изучение торговой инфраструктуры может способствовать рассмотрению и иной функции города. Помимо своего транзитного значения, город являлся центром обеспечения необходимыми товарами городского и близлежащего сельского населения. Однако эта функция остается все еще слабо изученной в современной историографии, факты из торговой жизни приводятся несистемно и только в качестве иллюстраций. Позитивным примером изучения торговой инфраструктуры и внутреннего рынка города является работа Н. М. Дмитриенко⁹, выполненная в русле истории повседневности.

Важная часть исследования В. А. Скубневского и Ю. М. Гончарова – сравнение некоторых городов по различным показателям, позволяющее оценить их значимость в функционировании рынка региона. Основанием для сравнения являлись различные показатели товарооборота и грузооборота, численность лиц, занятых торговлей (количество выбранных торговых свидетельств), торговая инфраструктура (количество торговых заведений).

Проводя сравнение, авторы демонстрируют специфику экономического развития городов региона. Приведенные показатели, а также накопленный статистический и фактический материал дают возможность выстроить и классификацию городов Западной Сибири по их торговой значимости, актуальную для того или иного периода времени.

Подобная классификация, хотя и привнесет системность в рассмотрение торговой деятельности города, но всё же продолжит «индивидуальный» подход, детально характеризуя лишь отдельные центры торговли. Даже подробный анализ функционирования путей сообщения региона, которому В. А. Скубневский и Ю. М. Гончаров уделяют особое внимание, при таком подходе не позволит сформировать представление о торговом взаимодействии и взаимовлиянии городов региона. Тогда как именно системное рассмотрение городов, позволяющее проследить последовательность прохождения товаропотоков по территории региона, анализ ассортимента товаров, путей их поступления и вывоза, специфики организации городской торговли, а также взаимосвязи с ярмарочной сетью региона позволит продвинуться в изучении истории городов Западной Сибири.

В этой связи обращает на себя внимание работа Т. С. Пустогачевой¹⁰, в которой рассматривается взаимодействие между существующей ярмарочной сетью и г. Бийском как центром сосредоточения организационных форм торговли. Автор проводит не только сравнение товарооборотов этих форм торговли, но подвергает рассмотрению постепенное прохождение товаров через эти центры, показывает их торговую взаимосвязь, приводит обобщенные данные и фактические примеры деятельности купцов и фирм, анализирует функционирование торговой сети в зависимости от времени года и состояния путей сообщения. Таким образом, воссоздается целостная картина функционирования торговой сети в локальной области горного и предгорного Алтая.

К сожалению, в современной историографии, несмотря на значительные фактические материалы, накопленные исследователями, обобщающие работы не получили широкого распространения, хотя именно они позволили бы более полно оценить городскую торговлю и ее место в функционировании рынка Западной Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Емельянов Н. Ф. Город Курган, 1782–1917: социально-экономическая история. Курган, 1991; Зиновьев В. П. За штатом (г. Нарым в XIX – начале XX в.) // Земля Парабельская: сб. научно-популярных очерков к 400-летию Нарыма. Томск, 1996. С. 121–153; и др.

² Останина Л. В. Мещанство Западной Сибири в конце XVIII – 60-х гг. XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; Некрылов С. А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888 – февраль 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999; Гончаров Ю. М. Мещанское сословие Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 3. С. 113–116; Козельчук Т. В. Социальная структура чиновничества Тобольской губ. во второй половине XIX – начале XX в. // Социально-экономические отношения в Сибири и на Урале во второй половине XIX – начале XX в. Курган, 2002. С. 61–71; и др.

³ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1994–1999. Т. 1–4; Бойко В. П. Томское купечество конца XVIII – XIX в. Томск, 1996; Разгон В. Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул, 1999; Скубневский В. А., Старцев А. В., Гончаров Ю. М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2001; Кальмина Л. В. Еврейское купечество Восточной Сибири (60-е гг. XIX в. – 1917 г.). Улан-Удэ, 2002; и др.

⁴ Большаков В. Н. Очерки истории речного транспорта Сибири, XIX в. Новосибирск, 1991; Бойко В. П. Указ. соч.; Скубневский В. А., Старцев А. В., Гончаров Ю. М. Указ. соч.; Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX). Новосибирск, 1967; Соловьева Е. И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981; и др.

⁵ Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2003. Ч. 1.

⁶ Щеглова Т. К. Городские ярмарки Западной Сибири во второй половине XIX в. // Города Сибири XVIII – начала XX в. Барнаул, 2001. С. 104–107.

⁷ Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Указ. соч. С. 190.

⁸ Скубневский В. А. Торговая инфраструктура сибирского города в начале XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX в.). Барнаул, 1995. С. 122–138.

⁹ Дмитриенко Н. М. В городе торгом жили: продажа и покупка в Томске во второй половине XIX – начале XX в. // Города Сибири XVII – начала XX в. Барнаул, 2004. Вып. 2. С. 102–112.

¹⁰ Пустогачева Т. С. Развитие торговли в горном и предгорном Алтае во второй половине XIX – начале XX в. Томск, 2007.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор О. Н. Катионов.

УДК 94(4)

Д. В. Карнаухов

Новосибирский государственный педагогический университет

ПРОБЛЕМА ЛЕТОПИСНЫХ ИСТОЧНИКОВ ХРОНИКИ МАЧЕЯ СТРЫЙКОВСКОГО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Летописные источники сыграли определяющую роль в создании концепции истории русских земель польского ренессансного историка Мачея Стрыйковского (1547–1590). В заслугу этому автору можно поставить прежде всего существенное расширение спектра летописных памятников, привлеченных для написания исторической хроники, опубликованной в 1582 г.¹, по сравнению с его польскими предшественниками, прежде всего Яном Длугошем. Летописные источники Стрыйковского можно разделить на две группы: с одной стороны, выделяются «чисто» русские летописи, близкие по происхождению источникам Длугоша, с другой стороны – памятники литовско-русского происхождения, использование которых позволило описать историю тех восточнославянских земель, которые были подчинены литовским князьям.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда им. Юзефа Мянковского (Kasa im. Józefa Mianowskiego) и Фонда поддержки польской науки (Fundacja na Rzecz Nauki Polskiej).

К первой группе источников самим историком относятся «4 старые киевские хроники» (Kijowskie kroniki stare 4), «старые русские хроники» (Ruskie kroniki stare) и «московская история» (Moskiewskie dzieje). Какие именно летописные памятники были использованы при написании хроники, Стрыйковский не сообщает. А. И. Рогов пришел к выводу, что большая часть летописей, использовавшихся польским автором, находилась в частных собраниях князей Заславских и Слуцких, а также Яна Ходкевича, который был опекуном Супрасльского монастыря, тесно связанного с Киево-Печерским монастырем – крупнейшим центром западно-русской книжности того времени². Эти возможности, по мнению Рогова, позволили польскому автору познакомиться с *Повестью временных лет* через посредство Новгородско-Софийского свода 1448 г., Тверской летописи и Летописца Переяславля Суздальского. Именно они, как полагает исследователь, составляли летописную основу «русских» известий Стрыйковского, благодаря чему реляции этого польского автора оказались гораздо содержательнее сообщений Длугоша, также использовавшего русские летописи при написании своей хроники.

Интереснейшим источником познаний Стрыйковского об истории Руси А. И. Рогов называет «русскую хроничку» – не сохранившийся до наших дней в составе летописных сводов «особый русский летописец», описывавший события второй половины XI – начала XII в. (открывается известием о смерти князя Ярослава Владимировича). Источником для составителя хронички, по мнению Рогова, послужили Печерская летопись и ряд других памятников³.

Не вполне ясно, что именно подразумевает Стрыйковский под «киевскими летописями» и «московской историей», фигурирующими в реестре источников его хроники. По всей видимости, определение «киевский» применительно к источнику исторических сведений, употребляется в данном случае как синоним определения «русский», поскольку в тексте хроники первого словосочетания мы ни разу не встречаем. Упоминая о «московской истории», Стрыйковский, очевидно, имел в виду не какой-либо конкретный памятник, а всю совокупность исторических свидетельств московского происхождения, использовавшихся преимущественно при написании заключительных книг его хроники. О том, что это были за памятники, мы можем лишь догадываться по весьма скудным оговоркам историка. Так, по словам Стрыйковского, в его распоряжении находилась некая «старая московская хроника» (stara kronika Moskiewska, której ja też egzemplarz mam), содержание которой польский автор даже соотнес с содержанием исторического очерка в составе записок Герберштейна и сумел выявить между ними сходство⁴. О наличии в арсенале источников Стрыйковского каких-либо иных московских памятников нам ничего не известно.

Ко второй группе летописных источников Стрыйковского относятся так называемые «литовско-русские» летописи, к которым он получил широкий доступ также благодаря содействию покровительствовавших ему магнатов и церковных иерархов Великого княжества Литовского. Вопрос соотнесения известий польского историка со свидетельствами литовско-русских летописных памятниках привлек внимание исследователей в связи с открытием в 20-х гг. XIX в. польскими учеными Т. Нарбутом и И. Даниловичем двух «хроник», первоначально названных их именами, а ныне известных как хроника Быховца и Супрасльская летопись. Содержание этих памятников во многом перекликалось со свидетельствами сочинений Стрыйковского. Вместе с тем, мнения исследователей, сопоставлявших эти источники, разделились.

Так, Т. Нарбутом и было высказано мнение о том, что именно список хроники Быховца являлся основным источником тех фрагментов сочинений Стрыйковского, которые были посвящены литовско-русской истории⁵. И. Данилович выделяет в качестве «чисто литовских» источников этого автора две летописи, названные им «древними». Первая из них не соотносится с памятниками, известными современникам, – о ее существовании исследователь делает вывод на основании свидетельств самого Стрыйковского. Вторую «древнюю» летопись, использованную Стрыйковским, Данилович прямо называет «Литовской летописью Быховца», считает ее той самой летописью, которая была получена историком от князей Заславских (полагая, в связи с этим, что летописец Быховца более справедливо было бы называть «Заславским»), и вслед за Т. Нарбутом склонен признавать ее лучшим и наиболее полным источником «литовско-русских» известий Стрыйковского⁶.

И. А. Тихомиров, проанализировавший заимствования Стрыйковского из литовско-русских летописей, пришел к выводу, опровергнувшему гипотезу Нарбута и Даниловича, в частности, их тезис о непосредственном использовании польским историком текста летописца Быховца. По мнению И. А. Тихомирова, в распоряжении Стрыйковского были различные редакции ли-

товских летописей, нередко превосходившие по полноте сохранившиеся памятники, в том числе и летописец Быховца. Использование Супрасльской летописи Стрыйковским исследователь и вовсе отрицает, а при осуществлении подробного обзора «литовских» известий находит соответствия свидетельствам польского историка в ряде других открытых ко времени написания его работы (1901 г.) летописных памятниках литовско-русского происхождения, в числе которых, помимо летописца Быховца (Нарбута), чаще других упоминаются открытая в 1846 г. О. М. Бодянским «Познанская» рукопись (иначе: список Рачинского), летопись Археологического общества и рукопись Красинского. Из них исследователь выделяет летописи Быховца и Красинского, усмотрев в них наибольшие сходства с текстом хроники, что дает ему основание полагать, «что первая летопись Стрыйковского – одно и то же с летописью, сохраненной в рукописи Красинского, а вторая – с изданной Нарбутом»⁷.

Отечественные ученые второй половины XX в. Н. Н. Улащик и А. И. Рогов, скрупулезно исследовавшие литовско-русские летописи, так же, как И. А. Тихомиров, пришли к выводу, что Стрыйковский не использовал непосредственно текст открытой Т. Нарбутом летописи, а имел в своем распоряжении несколько летописцев «типа Быховца», очень близких ему по содержанию и соединявшие черты той или иной разновидности известных нам летописей⁸. К числу таковых помимо упомянутых выше списков Археологического общества, Рачинского и Красинского была А. И. Роговым и Н. Н. Улащиком отнесена также не известная И. А. Тихомирову Евреиновская летопись, опубликованная в составе XVII (1907) и XXXV (1980) томов Полного собрания русских летописей (ПСРЛ).

Таким образом, при определении литовско-русских источников Стрыйковского целесообразно находить соответствие летописных памятников применительно к каждому конкретному свидетельству. При этом некорректно было бы назвать какой-либо из известных нам памятников основным источником сочинений польского историка. По всей видимости, им использовался не сохранившийся до нашего времени протограф летописца Быховца (поскольку именно в этом источнике обнаруживается более всего соответствий с хроникой Стрыйковского), включавший также отдельные свидетельства, которые позже могли быть перенесены в литовско-русские летописные памятники, сохранившиеся до наших дней. Данная гипотеза нашла подтверждение в исследованиях Н. Н. Улащика и А. И. Рогова, осуществивших источниковедческий анализ «литовско-русских» известий хроники Стрыйковского на предмет заимствований им свидетельств из летописей литовско-русского происхождения⁹.

Н. Н. Улащик дополнил и развил упомянутое нами выше предположение А. И. Рогова о наличии у Стрыйковского нескольких летописцев «типа Быховца», со своей стороны высказав предположение о схожести или даже идентичности протографов летописца Быховца и не дошедшей до нас летописи князей Заславских, которую была названа им Берестовицкой (по местности Великая Берестовица, где ее список был передан Заславскими Стрыйковскому). Возникшую незначительную разницу между содержанием этих двух источников, Н. Н. Улащик связывал с двумя обстоятельствами: с одной стороны, объяснил ее тем, что их гипотетический протограф при списывании с него Берестовицкой летописи «был в гораздо лучшем состоянии, чем когда с него списывалась хроника Быховца»; с другой стороны, в качестве причины различий в содержании Берестовицкого списка, напрямую переданного Стрыйковским, и летописца Быховца, указал последующий перевод их гипотетического общего протографа, изначально созданного на старобелорусском языке (термин Н. Н. Улащика), на польский язык¹⁰.

Эти выводы могут быть основанием для оценки открытых и опубликованных в XXXII и XXXV томах ПСРЛ летописей литовско-русского происхождения в качестве источников весьма близких летописным памятникам, использованным Стрыйковским при создании интересующей нас концепции истории русских земель, но не идентичных им. В этой связи появляется возможность объяснить различия в описании отдельных сюжетов русской истории в хронике Стрыйковского и доступных нам летописях. В числе последних ближе всего к летописным источникам Стрыйковского оказываются летописец Быховца, Евреиновская, Румянцевская, Ольшевская летописи, а также списки Рачинского и Красинского.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała: Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszystkiej Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej, Siewierskiej, Wołyńskiej, Podolskiej, Podgorskiej, Podlaskiej [...]. Królewiec, 1582.

² *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения: (Стрыйковский и его хроника). М., 1966. С. 31–32.

³ Там же. С. 83, 108, 110, 117–118.

⁴ *Strzykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała... S. 128.

⁵ *Narbutt T.* Dzieje starożytne narodu litewskiego. Wilno, 1838. T. 3. S. 579.

⁶ *Данилович И.* О литовских летописях // Журнал Министерства народного просвещения. 1840. Т. 28. С. 82, 92, 89–90.

⁷ *Тихомиров И. А.* О составе западнорусских, так называемых литовских летописей // Там же. 1901. Т. 335. С. 87, 89, 90.

⁸ *Рогов А. И.* Указ. соч. С. 128, 130; *Улащик Н. Н.* Предисловие // Хроника Быховца. М., 1966. С. 19.

⁹ *Рогов А. И.* Указ. соч. С. 123–258; *Улащик Н. Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985. С. 82–129.

¹⁰ *Улащик Н. Н.* Введение в изучение... С. 91, 94.

УДК 930

С. С. Коновалов

Курганский государственный университет

ЗЕМСТВО НА УРАЛЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИБЕРАЛЬНО-НАРОДНИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Основная особенность дореволюционной историографии истории введения земских учреждений на Урале заключается в том, что значительная часть работ этого периода написана не профессиональными историками, а земскими деятелями, публицистами, краеведами. Историографические источники позволяют выделить несколько направлений в дореволюционной историографии темы. В данной статье мы рассмотрим научное наследие представителей либерально-народнической историографии по проблеме земского самоуправления на Урале. Исследования ученых и краеведов носили разносторонний характер, были разными по объему и имели свою специфику. Общим для них было наличие обширного статистического материала, без которого изучение деятельности земств было немислимо.

Среди выдающихся деятелей Пермского земства одно из первых мест по праву принадлежит Петру Александровичу Голубеву, который по своим убеждениям был либеральным народником. Особое место в его трудах¹ занимают историко-статистические таблицы, как поезда, так и общегубернского масштаба, созданные на основе печатных работ и архивных источников того времени. В них нашли отражение вопросы сельского хозяйства, промышленности, торговли, социально-правовые аспекты положения населения. Эти статистические сборники были задуманы П. А. Голубевым в рамках разработанной им общероссийской программы. Высокую оценку Голубев дал культурной деятельности земств, которая, помимо энергии и преданности общественным интересам, требовала еще огромных знаний, таланта и творчества. Пермское земство не только не отстало от других земств, но по некоторым отраслям своей культурной деятельности стояло в одном ряду с лучшими земствами России. Особый интерес Голубев проявил также к земским деятелям-инициаторам, личные качества и взгляды которых вызывали к себе самое пристальное внимание и крайне противоречивые отзывы современников. Среди них наибольший интерес вызывало имя первого председателя губернской земской управы Д. Д. Смышляева.

Е. И. Краснопёров в своем историко-статистическом очерке² посвятил особую главу земскому делу. Предметом его особого изучения явились сметы расходов губернского и уездных земств на исполнение земских повинностей. Те начала, на которых были созданы земские учреждения, представляли особенный интерес для исследователя, поскольку предусматривали участие крестьянства в решении хозяйственно-экономических проблем региона. По своим взглядам Краснопёров был либеральным представителем народничества. Разумеется, он не мог обойти вниманием хозяйственные пользы и нужды. В своей работе исследователь подвел итог социально-экономическим преобразованиям в Пермском крае за 25 лет со времени отмены кре-

постного права. Историк подчеркивал, что расходы денежных средств не были однородными, и необязательные ассигнования доминировали над обязательными. Как ученый-экономист исследователь работал над вопросами крестьянского сельского хозяйства, кустарного производства, организации мелкого кредита. Он являлся автором следующих работ: «Сельскохозяйственные нужды Пермского края» (Пермь, 1881), «Работы статистического бюро при Пермской губернской управе» (Пермь, 1885). Последнее изыскание было отмечено золотой медалью Русского Географического общества³.

Одним из крупнейших дореволюционных исследователей земств Урала являлся Д. М. Бобылев. С 1885 по 1917 г. он служил заведующим отделом мелкого кредита в Пермской губернской управе. Именно в это время им был создан ряд трудов о деятельности земств Пермского края⁴. В 1900 г. вышла работа⁵, которая явилась результатом обстоятельной публицистической деятельности исследователя, стала одним из первых обобщающих изысканий по истории становления земств Пермской губ. Закономерно, что она появилась в 30-летнюю годовщину со времени введения земств в Пермском крае и написана по материалам местной периодики. Основное внимание историк сосредоточил на условиях, при которых были введены земские учреждения в Пермской губ., а также на работе земских собраний в 1870 г.⁶

В 1913 г. вышла книга В. С. Верховланцева «Город Пермь, его прошлое и настоящее». Эта работа, являясь свидетельством очевидца событий, не потеряла своего значения и сегодня. Земской деятельности историк уделил лишь несколько страниц, не претендуя на подробность и обстоятельность. Пермское земство он определяет как одно из передовых и образцовых во всей России⁷. Прежде всего, исследователь выявил деятельность губернского земства в области медицины, образования и хозяйства. Книга Верховланцева отличается лаконичностью и красочностью изложения. Историк как бы «ведет» нас по городу и рассказывает историю введения земских учреждений в деталях. Таким образом, эпоха Великих реформ на Урале обретает «живой голос» и погружает читателя в атмосферу тех дней. Интересно и то, что Верховланцев перечисляет в своей работе всех председателей Пермской губернской земской управы и дает их портретные зарисовки. Самым плодотворным председателем управы историк называет Д. Д. Смышляева, а время его руководства – особым периодом в истории Пермского земства. Сознвая недостаточность своего повествования о деятельности губернского земства, историк отсылает читателей к более компетентным исследователям. В их числе он называет Е. И. Краснопёрова и В. И. Маноцкова. Активный и целенаправленный подход Верховланцева к истории родного края сделал его труд настольной книгой для людей, занимающихся краеведением, а для нас это исследование – еще один штрих в картине дореволюционной историографии земской реформы на Урале.

Несомненный вклад в изучение земской реформы на Урале внес В. И. Маноцков, журналист и переводчик. С 1890 г. он служил в Пермской земской управе, занимался проблемами кустарной промышленности, участвовал в создании Пермского экономического общества (1895 г.). Его книга дает представление о деятельности Пермской уездной земской управы, содержит цифровые вкладки, иллюстрирующие масштаб и направление хозяйственных акций земства. Работа показывает личное отношение автора как представителя демократического течения в русской общественной мысли к институту местного самоуправления⁸.

В 1879 г. на страницах журнала «Слово» была напечатана статья историка и публициста С. С. Шашкова «Земская смышляевщина». Автор показал, что в Пермском земстве наиболее влиятельной силой являлись купцы. В данном вопросе он полемизировал с Д. Л. Мордовцевым, который считал земства Пермской губ. крестьянскими. Пермское земство характеризуется исследователем как патриархальное и размашистое⁹. Все основные составляющие земского хозяйства предстают в освещении Шашкова в крайне невыгодном свете. Злободневность его статьи объясняется, по-видимому, публицистической направленностью. Рассматривая социальный состав Пермского земства, исследователь называет крестьян «безгласными гласными», которые составляют в управах и собраниях большинство. «Наличие множества лавочников, трактирщиков, содержателей постоянных дворов, целовальников позволяло им, – пишет историк, – проводить политику в собственных интересах»¹⁰. Он говорит о «земских смышлялах» и «кулаках-мироедах». Следует подчеркнуть, что из всех вышеперечисленных исследователей Шашков – единственный, кто дал негативную оценку деятельности Д. Д. Смышляева. Публицист ставил земству в вину недостаточность ассигнований на потребности населения.

Обзор либерально-народнического направления в дореволюционной историографии истории введения земских учреждений на Урале был бы неполон, если бы мы не уделили внимание

работам, в которых затрагиваются отдельные аспекты земской реформы и ее последствия для конкретной губернии. Прежде всего, обращают на себя внимание статьи, помещенные в пореформенной периодической печати, например, в «Сборнике Пермского земства». В земских изданиях освещались общегосударственные проблемы, в их связи с местной жизнью. Публиковались актуальные статьи по вопросам земской деятельности, местного самоуправления в России и, в частности, в Пермской губ. Не последнюю роль сыграли при этом народнические взгляды многих земских исследователей, которые отрицали или пытались игнорировать факт бурного развития капиталистических отношений в пореформенной России. Так, земский статистик Н. Л. Скалозубов в своих статьях¹¹ делает обзор доходов и расходов земств Пермской губ. за разные годы. Д. Кирсанов рассмотрел устройство и организацию Ирбитской земской фермы¹². П. Корольков написал очерк устройства и деятельности Шадринского земства¹³. Достаточно подробно и обстоятельно была исследована земская медицина Пермской губ. в работах И. И. Моллесона¹⁴. Вопросами экономических мероприятий земств Пермского края, а также историей земских школ занимался П. Сивков¹⁵. Деятельность земств в области сельского хозяйства Пермской губ. осветил Д. Юшков¹⁶. Теоретико-прикладное знание о земском управлении содержит статья В. Ю. Скалона¹⁷. Ценной при изучении земской деятельности в Уфимской губ. является работа П. Ф. Гиневского, позволяющая непосредственно охарактеризовать вклад местного самоуправления в развитие края¹⁸.

В 1910 г. по поручению Уфимской губернской земской управы опубликовал свой очерк о деятельности земств по народному образованию заведующий отделом П. Н. Григорьев¹⁹. Он выделил четыре этапа деятельности земств в области просвещения. На протяжении первого, охватывающего 1875–1878 гг., внимание земств, по мнению автора, было направлено на поддержание существовавших школ и на открытие новых. Кроме того, земства принимали участие в подготовке учителей, строительстве школьных зданий и приобретении для своих школ учебных пособий. Второй этап деятельности земств в деле народного просвещения (1879–1890 гг.) историк охарактеризовал как время застоя. Свое мнение он обосновал тем, что вопросы образования почти не обсуждались на заседаниях земских собраний. Особенность третьего периода деятельности земств (1891–1899 гг.) исследователь видел в заметном ее оживлении в вопросах народного просвещения. Кроме того, земства стали гораздо больше внимания уделять профессиональному образованию. Наконец, четвертый период (1900–1910 гг.) Григорьев характеризует как время «настойчивой разработки вопроса об участии губернского земства в деле народного образования и перехода к целому ряду практических мероприятий в самых разнообразных отраслях дела». Именно в то время земство основало фонд в 15 тыс. р. для выдачи беспроцентных ссуд сельским обществам на постройку школьных зданий и ассигновало в 1902 г. 9 тыс. р. вновь открываемым школам²⁰.

К 50-летию введения земских учреждений написал «Очерк деятельности Уфимского губернского земства» В. Ф. Герасимов. По собственному его признанию, к своей работе он старался подойти критически. При характеристике деятельности земств в вопросе народного просвещения автор опирался исключительно на материалы П. Н. Григорьева. Его оценка роли земств в деле народного образования явно завышена: «... деятельность земского самоуправления в области народного образования, несомненно, является величайшей исторической заслугой перед русским обществом»²¹. Внимания заслуживают разделы, посвященные деятельности органов местного управления в области здравоохранения, сельского хозяйства, дорожного строительства, выполненные на богатом материале земской статистики.

Представители либерально-народнической историографии изучали главным образом экономическое положение крестьянства и публиковали статистические очерки на эту тему. Они пропагандировали идеи единения интеллигенции с народом в земстве и доказывали, что обществу следует оставить стремление к насильственному переустройству политического строя. Идеалы общественной справедливости могут быть реализованы и без революции, путем эволюции. Для этого интеллигенция должна сосредоточиться на «малых делах», воспринять «миросозерцание деревни» и идти на культурную работу в земства. Либеральные народники возражали против капитализации уральской деревни и верили, что Россия избежит буржуазного развития. На базе крестьянской общины они предлагали создать продуктивную аграрную промышленность и думали, что земство поможет им в этом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Голубев П. А. 1) Тридцатилетие земства в Пермской губ. [Б. м.], 1900; 2) Волжско-Камский край в 1886 г. Пермь, 1887; 3) Историко-статистические таблицы по Пермской губ. Пермь, 1904.
- ² Краснощёров Е. И. Двадцатипятилетие Пермского края со времени отмены крепостного права: ист.-стат. очерк. Пермь, 1886. С. 154–169.
- ³ Усанов В. И., Свечников П. Г. Летописцы старого Урала. Челябинск, 1995.
- ⁴ Бобылев Д. М. 1) Обзор доходов и расходов земств Пермской губ. за 1898 г. Пермь, 1898; 2) Заметки по вопросам земского хозяйства Пермской губ. (1898–1900). Пермь, 1900; 3) Земство и кооперация. Пермь, 1909; 4) Что сделали земства Пермской губ. в интересах местного края. Пермь, 1914; и др.
- ⁵ Бобылев Д. М. Страница из истории земства Пермской губ. Пермь, 1900.
- ⁶ Там же. С. 3–45.
- ⁷ Верхованцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1913.
- ⁸ Маноцков В. И. 25-летие Пермского уездного земства. Пермь, 1895.
- ⁹ Шапков С. С. Земская смышляевщина: (к десятилетнему юбилею Пермского земства) // Слово. 1879. № 1. С. 15–47.
- ¹⁰ Там же. С. 45.
- ¹¹ Скалозубов Н. Л. 1) О постановке земской продовольственной статистики // Сборник Пермского земства. 1872. Июль–август. С. 205–226; 2) Обзор доходов и расходов земств Пермской губ. за 1893 г. // Там же. 1893. № 4. С. 54–105; и др.
- ¹² Кирсанов Д. Об устройстве и организации Ирбитской земской фермы // Там же. 1872. Июль–август. С. 351–378.
- ¹³ Корольков П. Очерк устройства и деятельности Шадринского земства // Там же. С. 378–396.
- ¹⁴ Моллесон И. И. 1) Записка по поводу осмотра столичных и земских больниц // Там же. С. 105–171; 2) Записка об организации земского оспенного дела в Пермской губ. // Там же. С. 172–204.
- ¹⁵ Сивков П. 1) Вопросы о экономических мероприятиях на уездных земских собраниях Пермской губ. в 1898 г. // Там же. 1899. № 4. С. 142–153; 2) Земские школы Екатеринбургского уезда // Там же. № 3. С. 49–62.
- ¹⁶ Юшков Д. Некоторые типичные черты земской деятельности по улучшению сельского хозяйства // Там же. С. 1–13.
- ¹⁷ Скалон В. Ю. Два типа земского управления // Там же. № 4. С. 142–153.
- ¹⁸ Гиневский П. Ф. Сборник о деятельности Уфимского уездного земства за истекшие четверть века его существования, 1875–1900. Уфа, 1900.
- ¹⁹ Григорьев П. Н. Очерк деятельности Уфимского губернского земства по народному образованию, 1875–1910. Уфа, 1910.
- ²⁰ Леонов Н. И. Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. в Башкирии. Уфа, 1993. С. 5.
- ²¹ Там же. С. 5–6.

УДК 94(47)

Е. И. Красильникова

Новосибирский государственный технический университет

РОССИЙСКАЯ НЕКРОПОЛИСТИКА И ПЕРВЫЙ «НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ»

Некрополистика – одно из традиционных направлений изучения мест памяти в сообществах россиян. В переводе с греческого слово «некрополь» означает «город мертвых». Обычно «некрополями» называют комплексы погребений (кладбища, захоронения в храмах, могильники и пр.). Но современное научное определение некрополя может включать: 1) совокупность захоронений в пределах одного кладбища или в масштабах города, области, государства; 2) сочетание захоронений и мемориальных памятников, рассматриваемых как произведения изобразительного искусства и литературы, как исторический источник; 3) сочетание захоронений (в том числе мест, где уничтожены мемориальные памятники) и комплекса источников по истории формирования и существования кладбищ, включая списки захоронений и литературу, посвященную данному вопросу¹. Можно сказать и так: «некрополистикой» принято называть на-

правление исторических исследований, посвященных установлению, систематизации и интерпретации сведений о местах погребений, принадлежащих определенному локусу, о надгробиях и памятниках, а также о людях, чьи останки были захоронены в этих местах.

Российская некрополистика коренится еще в XVIII в. В дальнейшем происходило расширение понятия «некрополь» и географии составления российских некрополей. Первый некрополь недавно появился и в Новосибирске. Прежде чем охарактеризовать это издание и определить перспективы развития новосибирской некрополистики, целесообразно указать на основные итоги развития некрополистики в России.

По словам С. В. Шокарева, «уже в России XVI–XVII вв. проявлялось восприятия некрополя (кладбища, усыпальницы. – *Е. К.*) как части истории, ориентировавшей людей Средневековья на личностное восприятие прошлого, осознание своей связи с ним»². Утвердилось такое восприятие в XVIII–XIX вв. Ментальная индивидуализация нововременной эпохи (XVIII в.) дала жизнь новым видам исторических источников, к числу которых относятся и некрополи (первые «книги памяти», например, мемуары и портретная живопись), которые свидетельствуют о пробуждении в обществе интереса к «частным историям» и внутреннему миру личности³. Русские некрополи эпохи классицизма испытывали на себе однозначное влияние «политики памяти» власти. В них фиксировались сведения о главных лицах государства, репрезентовавшихся в качестве героев своего времени. Романтизация смерти в начале XIX в., когда кончина человека воспринималась как момент «возвышения духа», избавления от земных страданий и перехода в иной мир, где душу ждет покой и свет⁴, актуализировала составление некрополей. Некрополистика этого периода развивалась в духе романтической историографии, уделявшей пристальное внимание нравственно-психологическому облику людей, «делавших историю». Поэтому в XIX в. продолжалась систематизация надгробных надписей с могил благородных и знаменитых петербуржцев и москвичей⁵. XIX столетию принадлежит признание пользы некрополей с точки зрения генеалогии и биографики. Повествования о кладбищах как местах святого упокоения в XIX в. часто сопровождали описания городов, храмов и монастырей⁶.

В начале XX в. наступил расцвет отечественной некрополистики. Началось изучение надгробий столичных кладбищ как произведений искусства: их атрибуции и стилистической принадлежности⁷. Была осознана и польза некрополей для изучения социальной и духовной жизни ушедших поколений⁸. Развитие интереса к столичным некрополям выразилось в издании известных специалистам работ о московских кладбищах А. Г. Саладина, П. А. Росиева⁹ и др.

На рубеже XIX–XX вв. великий князь Николай Михайлович выступил организатором грандиозного исследовательского проекта по созданию некрополей российских столиц и провинции, именуемого сегодня «Русским некрополем». Изначальным методом некрополистики являлось переписывание надгробных надписей с уцелевших могил. Надгробия, в отличие от метрических книг, которые ограничивались сообщением о количестве прожитых лет, сообщали дату рождения усопшего; надгробия давали ответы и тогда, когда точно не было известно, в каком году и в какой церкви отпевали умершего¹⁰. В первую очередь составлялись некрополи столиц, а потом – провинциальных городов и заграничных кладбищ с русскими захоронениями¹¹. К работе над «Русским некрополем» были привлечены опытные исследователи Б. Л. Модзалевский, В. В. Шереметьевский, В. А. Андерсон и др. В. И. Саитову принадлежит наиболее ранний «Петербургский некрополь»¹². Саитов и Б. Л. Модзалевский составили также «Московский некрополь» (М., 1907–1908); И. Н. Шемякин – «Псковский некрополь» (Псков, 1916); в канун революции В. И. Саитов работал над продолжением «Петербургского некрополя»¹³. В рамках программы великого князя вышел также и «Русский провинциальный некрополь» (М., 1914), составленный Шереметьевским, Саитовым, Модзалевским и др. В работу включились и провинциальные священники, которые собирали сведения о состоянии местных кладбищ и захоронений.

К настоящему моменту кладбища, описанные в «Русском провинциальном некрополе», практически не сохранились, поэтому данный источник уникален. Уникальны также и провинциальные некрополи начала XX в., составленные А. И. Жеребцовым, В. И. Чернопятовым и др.¹⁴ В этот период появился и первый сибирский некрополь¹⁵. Но дореволюционные некрополисты не заостряли внимания на сведениях о «заурядных» людях. Кроме того, не все данные, собранные группой исследователей во главе с великим князем, были опубликованы. Лишь в последнее десятилетие ученые возвращаются к этому комплексу источников, оценивая его информативность и готовя к публикации материалы, известные ранее только узким специалистам¹⁶.

Октябрьская революция предопределила дальнейшее развитие некрополистики в нашей стране. В начале 1920-х гг. появились некрополи большевиков и красноармейцев¹⁷. В 1920-е гг. краеведы еще продолжали переносить надгробные записи на бумажные носители. Общество изучения купеческих могил, сведения о деятельности которого практически не сохранились, существовало и в Новосибирске (Новониколаевске до 1926 г.)¹⁸.

Однако уже в 1930-е гг. некрополистику в дореволюционном понимании власть ликвидировала как «реакционное» направление науки. Классовый подход противоречил концентрации внимания на памяти о людях, не оставивших заметного следа в перипетиях классовой борьбы или оказавшихся «по ту сторону баррикад». Невыгодной власти оказалась социальная память о низвергнутых героях имперского периода. Лишь могилы декабристов, классических русских писателей и художников продолжали изучать и в советское время¹⁹. Не могли обойти своим вниманием советские историки и старинные могилы московских царей и бояр в силу неоспоримого источниковедческого значения этих памятников²⁰. Пожалуй, образцовым некрополем советской эпохи, отвечающим всем канонам советской идеологии, является «Некрополь на Красной площади», составленный А. С. Абрамовым²¹. Пригодился жанр некрополя и для увековечивания памяти героев Великой Отечественной войны²².

В перестроечные годы некрополистика оживилась. Активнее публиковались данные о могилах и кладбищах, имеющих художественную ценность и историческую значимость в марксистском понимании²³. Появились и обобщающие работы искусствоведов по истории русских и советских надгробий²⁴. Уже в 1980-х гг. отдельные энтузиасты (например, М. Д. Артамонов) занялись составлением некрополей в русле дореволюционных традиций.

В 1990-е гг. проснулся интерес к истории православия, возрождались памяти о русском духовенстве и церквях. Поскольку при церквях часто существовали погосты, они тоже стали попадать в поле зрения историков, занимавшихся церковной проблематикой. Продолжилось составление городских некрополей. На ценность подобных источников стали обращать внимание такие крупные историки современности, как С. О. Шмидт²⁵. В 1990-х гг. неоднократно устраивались конференции по некрополистике, тесно связанной с проблемами генеалогии²⁶. В первую очередь в постсоветской России, опять-таки, публиковались некрополи столичных кладбищ, которые сохранились до наших дней²⁷. Однако уже в 1990-е гг. проявился интерес и к провинциальным некрополям, в том числе и сибирским²⁸. Социально-политические контексты этого периода – реабилитация белого движения и эмигрантов первой волны, жертв сталинских репрессий – а также юбилеи Великой Победы давали жизнь новым направлениям отечественной некрополистики²⁹. Этому десятилетию принадлежит и первая диссертация по некрополистике³⁰. А в 1996 г. была основана серия книг «Российский некрополь», издание которых продолжается и сегодня.

Современные «некрополисты», особенно провинциальные, оказались в иных условиях, нежели их единомышленники начала XX в. Использовать старые методы сбора информации для некрополей (списывать надписи с надгробий в полевых условиях) оказалось затруднительно: большинство старых кладбищ по всей стране подверглись уничтожению в советские годы. Поэтому для установления данных о погребенных на уже несуществующих кладбищах исследователям пришлось обращаться к метрическим книгам, книгам советских ЗАГСов и прочим письменным источникам, что повлекло за собой усложнение и в некоторой степени размывание некрополистики как жанра. Изменились и глобальные контексты развития мировой исторической науки. Современное влияние антропологии на социальную историю побуждает историков ценить данные и о «маленьких людях», поэтому становятся актуальными сведения обо всех захоронениях на старых кладбищах.

В современной России издаются и разрабатываются в виде электронных ресурсов некрополи различных провинциальных городов. Свои некрополи есть во Владимире, в Смоленске, Воронеже, Калужине (Тверская обл.), Курске, Калуге³¹ и т. д. Отдельного внимания заслуживают работы сибиряков³². «Томский некрополь» отличается богатством интересно скомпонованных источников, среди которых – списки погребенных, биографические статьи, некрологи томичей и эпитафии³³. Параллельно сотрудники Государственного архива Томской обл. издали справочник «Католический некрополь г. Томска (1841–1919 гг.)». В 2005 г. опубликован «Омский некрополь», где приведены сведения о снесенных омских кладбищах и биографические статьи о погребенных³⁴.

«Новосибирский некрополь», появившийся в 2009 г.³⁵, – это не справочное издание. У его авторов практически не было предшественников. Лишь отдельные сведения о захоронениях революционеров и жертв Гражданской войны нашли отражение в популярных изданиях советского

времени³⁶. Попытки создать новосибирский некрополь предпринимали и краеведы-любители, однако их издательская инициатива не нашла финансовой поддержки. О захоронениях большинства новосибирцев социальная память к настоящему времени практически стерлась. Между тем, в земле этого крупного мегаполиса покоятся останки сотен тысяч людей, в том числе и выдающихся, сбор и систематизация сведений о которых – актуальная задача будущих исследований. Пока же группой краеведов (М. Н. Щукин, Е. И. Красильникова, В. В. Шамов) предпринята первая попытка актуализации исследований новосибирцев в области некрополистики.

«Новосибирский некрополь» – это повествовательная краеведческая работа, адресованная самому широкому кругу читателей. Книга вышла в рамках реализации программы «Белый тополь» Новосибирского похоронного дома «ИМИ». В целях этой программы возрождение памяти об усопших новосибирцах и пропаганда отношения к городским кладбищам как святым местам. Основное содержание «Новосибирского некрополя» представлено работами Е. И. Косяковой (Красильниковой) «Божья нива», М. И. Корсаковой «Погосты, кладбища, братские могилы...» и подборкой современных аннотированных фотоснимков могил новосибирских знаменитостей. Книга иллюстрирована дореволюционными и советскими фото-источниками, изображающими кладбища и похороны в Новосибирске. Многие из этих снимков хранятся в частных коллекциях, до публикации они не были доступны широкому кругу краеведов и читателей.

«Божья нива» посвящена истории создания, захоронения и уничтожения старых кладбищ Новосибирска, которые представлены в этой работе как места памяти, некогда актуальные для различных социальных групп населения Новосибирска. Важной для автора задачей являлось и описание социальных конфликтов на почве вандализма и уничтожения погостов. Большое внимание уделено «кладбищенским историям»: автор называет многочисленные имена погребенных на старых кладбищах, приводя по возможности сведения об их жизни и обстоятельствах кончины. В этом отношении работа напоминает некрополь-справочник, однако отличается переложением справочного материала в форму занимательного рассказа и объяснением исторических контекстов частных историй кончины наших земляков. К выбору данных о лицах, которые упомянуты в «Божьей ниве», автор подошел с субъективной позиции, пытаясь отметить тех, кто чем-либо отличался от большинства захороненных на новосибирских кладбищах, и дать общую характеристику захоронениям типичным. Таким образом, исследование призвано, прежде всего, заинтересовать новосибирцев некрополистикой и инициировать новый этап работы по выявлению и упорядочиванию данных о людях, некогда живших в нашем городе. Очерки М. И. Корсаковой, которые публиковались и ранее³⁷, повествуют о появлении новосибирских кладбищ и братских могил, их облике, о службах, отвечавших за их благоустройство, об отражении истории нашей страны на кладбищенском вопросе в Новосибирске.

«Новосибирский некрополь» вовсе не исчерпывает потенциал источников и задачи некрополистики. Некрополистика Новосибирска, безусловно, имеет перспективы развития. Ее источниковая база (метрические книги новосибирских церквей и книги ЗАГСов, газетные объявления о смерти новосибирцев и приглашениях на их похороны, а также некрологи, содержащиеся в периодических изданиях, личные фонды Государственного архива Новосибирской обл.) обширна и слабо изучена. Совершенно неразработанный пласт источников – устные воспоминания старожилов Новосибирска, которые в условиях инициации соответствующего исследовательского проекта могли бы рассказать о старых захоронениях своих близких, знакомых или чем-либо знаменитых новосибирцев. В устных воспоминаниях отдельных респондентов живет частица современной социальной памяти о наших ушедших земляках, которая вне письменной фиксации ослабевает и утрачивается, ослабляя локальную идентичность новосибирцев. Сохранились и вещественные источники, наибольший интерес среди которых представляют надгробия, перенесенные с уже не существующих кладбищ Новосибирска на современные кладбища (прежде всего, Заельцовское).

В заключение отметим, что все более популярная в последние годы некрополистика полезна как с научной (источниковедческой, генеалогической, этнографической, антропологической, социально-исторической), так и с общественной позиции, поскольку обладает мощным духовным и, в частности, воспитательным потенциалом. Некрополи-книги усиливают значение старых кладбищ как мест памяти, сливаясь в единые с погостами мемориальные комплексы. Создатели некрополей уничтоженных кладбищ вновь конструируют актуальные для ряда социальных групп образы мест, прежде всего, локальной коллективной памяти, которая в наибольшей степени подавлялась властью в советское время. Поскольку современные некрополистические

инициативы исходят «снизу» от историков и краеведов, можно считать, что такие исследования реализуют реальные духовные потребности провинциалов в наличии общей социальной памяти как средства формирования идентичности.

Современная российская некрополистика поливариантна в своих методологических и методических основаниях, что, на наш взгляд, свидетельствует о ее динамичном развитии и творческой инициативе, прежде всего, провинциальных краеведов. Кладбища Новосибирска, богатые пока неопубликованными материалами, ждут своих исследователей, ближайшей задачей для которых целесообразно определить выявление и систематизацию сведений хотя бы самого раннего – Воскресенского некрополя Новосибирска. Помимо реализации самоценных краеведческих задач некрополистика способна дать историкам материал для изучения более сложных научных проблем, например, динамики городских мест памяти как части духовного ландшафта сибирских городов. В российской историографии еще очень мало исследований, синтезирующих опыт изучения социальных функций некрополей, своеобразия их пространственной организации и эстетики, а также комплекса представлений о смерти, похоронах, некрополях (включая не только обыденные представления, но и литературно-художественные образы) и обрядов, бытующих в обществе³⁸. Между тем, именно такой ракурс историко-некрополистических исследований представляется нам наиболее перспективным, поскольку позволяет преодолеть узкие границы краеведения, в рамки которого традиционно вписывается некрополистика.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шокарев С. Ю. Русский средневековый некрополь: обряды, представления, повседневность // Культура памяти. М., 2003. С. 141.

² Там же. С. 187.

³ Например, список эпитафий с надгробий Лазаревского кладбища и церковью-усыпальниц Александроневской лавры в кн.: Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его с 1703 по 1751 г. СПб., 1779. С. 374–446.

⁴ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 341.

⁵ Павлов А. Описание Александроневской лавры с хронологическими списками особ, погребенных в церквах и на кладбищах. СПб., 1842; Беляев В. О кладбищах в Санкт-Петербурге. СПб., 1872; Орлов А. Надгробные надписи из всех монастырей и со всех кладбищ московских. М., 1834; Мартынов А. Надгробная летопись Москвы. [М., 1895]; и др.

⁶ Озеров Ю. В. История погребальной культуры российской провинции в конце XVIII – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2004. С. 3.

⁷ Врангель Н. Забытые могилы // Старые годы. 1907. № 2. С. 35–49; и др.

⁸ Чех С. С. Опыт исследования Старого Симферопольского кладбища // Изв. / Таврич. учен. архив. комиссия. 1918. № 55. С. 321–329.

⁹ Саладин А. Г. Очерки истории московских кладбищ. М., 1995; Росиев П. А. Забытые могилы на московских кладбищах // Ист. вестник. М., 1906. Т. CIV. Июнь. С. 822–847.

¹⁰ Шилов Д. Н. «Русский некрополь» вел. кн. Николая Михайловича (история создания, неопубликованные материалы и проблемы их изучения и издания): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 3.

¹¹ Там же.

¹² Петербургский некрополь, или Справочный исторический указатель лиц. М., 1883.

¹³ Саитов В. И. Петербургский некрополь. СПб, 1912–1913. Т. 1–4.

¹⁴ Жеребцов А. И. Кладбище Саратовского мужского Спасо-Преображенского монастыря. Саратов, 1911; Чернопяттов В. И. Некрополь Крымского полуострова. М., 1910; Агафонов Н. Я. Казанский некрополь, 1747–1894 // Агафонов Н. Я. Казань и казанцы. Казань, 1906. Кн. 1. С. 58–113; и др.

¹⁵ Мокеев Н. Иркутское Иерусалимское кладбище // Сиб. архив. 1912. № 12. С. 927–938; и др.

¹⁶ Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» вел. кн. Николая Михайловича (по документам РГИА). СПб., 2003. Вып. 1; и др.

¹⁷ Братская могила: биогр. словарь умерших и погибших членов Московской организации РКП(б). М., 1922–1923. Вып. 1–2.

¹⁸ Государственный архив Новосибирской обл. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 16. Л. 21.

¹⁹ Например: Чулков Н. П. Москва и декабристы // Декабристы и их время. М.; Л., 1932. Т. 2. С. 291–323; Ястржембский Л. А. Московский некрополь декабристов // Декабристы в Москве. М., 1963. Вып. 8. С. 265–278; Кожевников М. В., Цуприк Р. И. Изучение декабристского некрополя в Петровске-Забайкальском // Политическая ссылка в Сибири XIX – начала XX в.: историография и источники. Новосибирск, 1987. С. 113–118; Охотников И. В. Литераторские мостки. Л., 1965.

- ²⁰ Сизов С. Еще раз о трех «неизвестных» гробницах Архангельского собора // Государственные музеи Московского Кремля. М., 1973. Вып. 1. С. 86–94; Спирина Л. М. Неизвестные произведения искусства и исторические документы, связанные с погребальным комплексом Годуновых // Памятники культуры: новые открытия, 1980. Л., 1981. С. 455–464; Кучкин В. А. Захоронение Ивана Грозного и русский средневековый погребальный обряд // Совет. археология. 1967. № 1. С. 289–295.
- ²¹ Абрамов А. С. У кремлевской стены. М., 1987 и др. издания.
- ²² Например: Памятники советским воинам, погибшим в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и захороненным в Москве. М., 1985; Их имена вечно будут жить в народе: кладбище героев Великой Отечественной войны в Ужгороде. Ужгород, 1961; и др.
- ²³ Например: Александров-Невская лавра: архитектурный ансамбль и памятники некрополей. Л., 1986. С. 65–273; Турчин В. С. Надгробные памятники эпохи классицизма в России: типология, стиль, иконография // От Средневековья к Новому времени: материалы и исследования по русскому искусству XVIII – первой половины XIX в. М., 1984. С. 211–228; Пирютко Ю. М. Лазаревская усыпальница – памятник русской культуры XVIII–XIX вв. // Памятники культуры: новые открытия, 1998. М., 1989. С. 484–497; Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Алтайский край. М., 1990; Богуславский Г. Памятники Сибири: Западная Сибирь и Красноярский край. М., 1974; и др.
- ²⁴ Ермонская В. В. Советская мемориальная скульптура: (к истории становления и развития русского советского художественного надгробия). М., 1979; Компанец С. Е. Надгробные памятники XVI – первой половины XIX в. М., 1990.
- ²⁵ Шмидт С. О. Исторический некрополь в системе культуры России // Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана. М., 1991. С. 17–20.
- ²⁶ Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана. М., 1991; То же. М., 1996; и др.
- ²⁷ Артамонов М. Д. Московский некрополь. М., 1995; Старцев В. М. Ваганьковский некрополь. М., 1994; Кобаков А. В., Пирютко Ю. М. Исторические кладбища Петербурга. СПб., 1994; Пирожков Г. В., Пирожков Е. Г. Смоленское лютеранское кладбище в Петербурге. СПб., 1996.
- ²⁸ Бродский И. Е. Исчезнувшие некрополи Омска // Памятники истории и культуры Сибири. Омск, 1995. С. 123–127; Вибе П. П., Пугачева Н. М. Старо-Северное кладбище Омска // Памятники истории и культуры Омской обл. Омск, 1995. С. 145–165; Гришаев В. Ф. Барнаульский некрополь: (к истории Нагорного кладбища) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Ч. 1. С. 171–177; Дулов А. В. Городские некрополи // Памятники истории и культуры Иркутска. Иркутск, 1993. С. 94–117; Кубочкин С. Над вечным покоем: из истории тюменских кладбищ // Лукич (Тюмень). 2000. № 4. С. 67–92; Оптев А. В. Материалы по истории Нагорного кладбища Барнаула // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. С. 178–185; Памятники истории и культуры Красноярского края. Красноярск, 1997. Вып. 4, кн. 1. С. 303–329; и др.
- ²⁹ Шулепова Э. А. Русский некрополь под Парижем. М., 1993; Белые: книга памяти жертв политических репрессий в Тульской обл. (1917–1987). Тула, 1999; Книга расстрелянных: мартиролог погибших от руки НКВД в годы большого террора (Тюменская обл.). Тюмень, 1999. Т. 1–2; Воинский некрополь Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Ваганьковское кладбище. М., 1994.
- ³⁰ Шокарев С. Ю. Московский некрополь XV – начала XX в. как социокультурное явление: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
- ³¹ Акиншин А. Н., Попов П. А., Фирсов Б. А. Воронежский некрополь. СПб., 2001–2002. Вып. 1–2; Алексеев В. Л. Ярославский некрополь. Ярославль, 2000. Вып. 1; Бугров Ю. А. Курский некрополь: Никитское и Всехсвятское кладбища. Курск, 2003; Владимирский некрополь: Старое (Князь-Владимирское) кладбище. Владимир, 1996; Гладышев В. Ф. Пермь старинное зеркало: история Перми в зеркале некрополя. Пермь, 2001; Калужский некрополь. Калуга, 2009; Кулешов С. Я. Смоленский некрополь. СПб., 2004; Кубарев А. Г. [Калязинский некрополь]: г. Калязин Тверской губ. СПб., 1997; Курский некрополь. URL: <http://www.old.kurskcity.ru/nekropol/main.html> (дата обращения: 12.12.2009); Кученкова В. А. Тамбовские городские некрополи. Тамбов, 2001; Тульский некрополь. Тула, 2008; Федоров П. В. Мурманский некрополь. Мурманск, 2008; и др.
- ³² Например: Шиллер В. И. Иудейский некрополь Мариинска и Мариинского уезда Томской губ. (1884–1918). Кемерово, 2002; Аржаных О. Некрополь – город живых. Красноярск, 2000.
- ³³ Томский некрополь: списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах (1827–1939 гг.). Томск, 2001.
- ³⁴ Омский некрополь: исчезнувшие кладбища. Омск, 2005.
- ³⁵ Новосибирский некрополь. Новосибирск, 2009.
- ³⁶ Мемориальный сквер Героев революции // Памятники Новосибирска. Новосибирск, 1980. С. 52–60; Ветеран Парижской коммуны // Там же. С. 61–62; и др.
- ³⁷ Корсакова М. И. Погосты, кладбища и братские могилы // История города: Новониколаевск – Новосибирск. Новосибирск, 2005. Т. 2. С. 349–364.
- ³⁸ См., например: Шокарев С. Ю. Русский средневековый некрополь...

ЛИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

Личные источники являются ценным материалом для исследователей по изучению процессов и явлений, происходящих в отечественной и зарубежной культуре. Источники, относящиеся к личным, исследователи называют и определяют по-разному. Так, в конце XIX – начале XX в. А. С. Лаппо-Данилевский записки, мемуары, автобиографии, письма (следовательно, личные источники) относил к «остаткам культуры», которые «могут служить ... для изучения мотивов человеческой действий, породивших чувственные факты», а также «для изучения самих фактов»¹. Исследователь XX в. Л. Н. Пушкарев называл их «личными источниками». Во второй половине XX – начале XXI в. Л. Г. Захарова, М. Ф. Румянцева, В. В. Кабанов называли такие источники «источниками личного происхождения». М. Ф. Румянцева определяла их как группу «видов исторических источников, функцией которых является установление межличностной коммуникации в эволюционном и коэзистенциальном целом и автокоммуникации»². Такие источники, по мнению исследователя, наиболее последовательно воплощают процесс самосознания личности и становление межличностных отношений. Кроме того, к источникам личного происхождения Румянцева относил эссеистику и исповеди. В учебной литературе по источниковедению истории СССР, опубликованной в период 1940–1980-х гг., авторы, рассматривая отдельные виды личных источников, понятие «личные источники» не использовали. Письма, дневники и мемуары как «личные источники» впервые определил Л. Н. Пушкарев³. К личным источникам вслед за учеными мы будем относить мемуары, дневники, эпистолярные источники, эссеистику и исповеди. В «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона говорится, что авторы мемуаров, повествуя о событиях, принимали в них участие, либо описывали события по рассказам очевидцев. Мемуары (от фр. *memoires* – воспоминание, в дальнейшем мы будем называть их «мемуарными источниками») – это явление духовной культуры общества, а также результат воплощения личностью духовного постижения действительности, возникающего на определенном историческом уровне. Мемуарные источники – записанные воспоминания о событиях и явлениях личной и общественной жизни. Являясь ценным нарративным источником, мемуары дают возможность изучения личностей их авторов как участников или очевидцев событий.

Зарождение жанра мемуаров «историки связывают с появлением воспоминаний Ксенофонта (о Сократе) и его записок о военном походе греков (“Анабасис”, 401 г. до н. э.)»⁴. Исследователи называли мемуарные источники по-разному: М. Н. Тихомиров, С. А. Никитин, В. С. Голубцов – «мемуарной литературой», Л. Н. Пушкарев, М. Т. Белявский – «мемуарами», А. Г. Тартаковский – «мемуаристикой». К мемуарным источникам одни исследователи относили дневники и воспоминания (М. Н. Тихомиров, А. Г. Тартаковский, В. С. Голубцов), другие (Л. Н. Пушкарев, С. С. Дмитриев, С. А. Никитин, М. Ф. Румянцева, В. В. Кабанов) – только воспоминания, считая дневники отдельным видом личных источников. А. Г. Тартаковский объединил в понятие «мемуаристики» дневники как исторически первичную и простейшую форму запечатления личностью опыта своего участия в исторической жизни и воспоминания как более сложную и развитую форму мемуарной культуры⁵. М. Т. Белявский мемуары-воспоминания и рассказы очевидцев и современников о различных событиях личной и собственной жизни делил на собственно мемуары, или воспоминания, автобиографии и дневники. М. Ф. Румянцева разделяла мемуары так: 1) мемуары-автобиографии, которые предназначены непосредственным потомкам (классическим примером являются мемуары А. Т. Болотова), такие мемуары восходят к житийной традиции («Житие протопопа Аввакума» можно отнести к такого рода источникам); 2) мемуары-«современные истории», цель которых – передать наиболее значимые события в эволюционном целом.

Среди мемуарных источников Л. Н. Пушкарев выделял древнерусские мемуары и относил к ним «Рассказ Мономаха о своей жизни» в составе его «Поучения» и «Житие Протопопа Аввакума». Отмечая близость мемуаров к исследованиям, он писал, что «мемуары нередко стоят на

границы научного исследования и исторического источника»⁶. В мемуарах отражены явления и процессы, происходящие в обществе. С. С. Минц выделял следующие разновидности мемуарных источников: жизнеописания, дневники, литературные записи, тематические и фрагментарные описания, извлечения, подборки. Исследователь отмечал связь мемуаров с традициями житийной литературы и рассматривал развернутые жизнеописания как своеобразную «каноническую» форму мемуарных источников. Разновидностью мемуарных источников исследователи считали автобиографии (от греч. *autos* – сам, *bios* – жизнь, *graphō* – пишу), в словаре С. И. Ожегова автобиография – «описание своей жизни»⁷. Автобиография может отражать настроение, внутренние побуждения, мотивы, цели и идеалы определенного общества, как писал А. С. Лаппо-Данилевский.

Дневники составляют ежедневные записи с указанием года, дня и месяца, иногда дней недели сделанной записи. В дневниках содержится фактический материал в большем количестве, по сравнению с мемуарами, где преобладают сведения оценочного характера. С. А. Никитин считал дневники близким к мемуарам, но отдельным видом личных источников. В отличие от мемуарных источников, дневники обладают «большей достоверностью и точностью в воспроизведении событий и фактов, так как пишутся одновременно с описываемыми событиями, под их впечатлением», но, наряду с этим, в дневниках встречаются «всякого рода неподтвердившиеся слухи, версии о событиях, в которых автор непосредственно не участвовал»⁸. С. С. Дмитриев считал разновидностью дневников записные книжки.

Эпистолярные источники являются ценным нарративными источниками для изучения личной жизни, психологии людей, настроений в обществе, для построения биографий, реконструкции личных и общественных связей. С. С. Дмитриев отмечал связь писем с дневниками, указывая на их периодичность. Он относил к таким эпистолярным источникам переписку П. И. Чайковского и Н. Ф. фон Мекк⁹. Эпистолярные источники представителей русской и западной культуры XIX – начала XX в. являлись самым распространенным средством массовой коммуникации, затрагивая основные формы бытия, они содержали множество сведений из истории повседневности. Эссеистика – вид личных источников, «предназначенных для передачи уникального опыта индивидуума в коэкзистенциальном целом. Эссеист излагает свое мнение по произвольно выбранной им или по общественно значимой проблеме». Как вид личных источников эссеистика появляется в Западной Европе во второй половине XVI в. К первым источникам такого вида относятся «Опыты» М. Монтеня, созданные в 1581 г. В России источники такого вида появились в начале XIX в., к ним относят «Избранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя, «Философские письма» П. Я. Чаадаева и др.

Исповедь – вид личных источников философского характера, «утверждающих уникальность человеческой индивидуальности»¹⁰. Появляются исповеди во второй половине XVIII в. К такому виду личных источников относятся «Исповедь блаженного Августина», «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо, «Исповедь» Л. Н. Толстого, «Самопознание» Н. А. Бердяева и т. д.

Итак, в результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что личные источники представляют собой важное явление мировой культуры. Можно утверждать, что в западной традиции они появились в конце V в. до н. э.; в отечественной традиции появление личных источников связано с XI в. Источники личного происхождения содержат факты личных встреч, общения, раскрывают особенности характера личности, взгляды, предпочтения, идеи, мировоззрение личности автора. В личных источниках действительность передается через субъективное восприятие их авторов и это представляет особый интерес для исследователей. Среди личных источников можно выделить следующие виды: дневники, мемуарные и эпистолярные источники, эссеистику и исповеди. К мемуарным источникам относятся воспоминания (или собственно мемуары), записки, автобиографии, жизнеописания, тематические и фрагментарные описания, извлечения. Некоторые историки считают разновидностью дневников записные книжки. Эпистолярные источники отличаются от других источников личного происхождения наличием определенного адресата и включают письма и частную переписку. Одни исследователи отмечали близость эпистолярных источников и дневников, другие находили связь мемуаров с житийной традицией. Источники личного происхождения имеют большое значение для написания монографий, статей, биографий и т. д. Изучение личных источников дает возможность познания выдающихся личностей, их деятельности, и это помогает глубже понять историю определенного времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. [Б. м., б. г.] Ч. 2. С. 288–289.

² Румянцева М. Ф. Источники личного происхождения // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И. Н. Данилевский [и др.] М., 1998. С. 466.

³ Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 265–267.

⁴ Левицкий Л. А. Мемуары // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М., 1987. С. 216–217.

⁵ Тартаковский А. Г. 1812 г. и русская мемуаристика (опыт источниковедческого изучения). М., 1980. С. 8.

⁶ Пушкарев Л. Н. Указ. соч. С. 70.

⁷ Словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов. М., 1952. С. 12.

⁸ Белявский М. Т. Воспоминания, дневники, частная переписка // Источниковедение истории СССР / под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1981. С. 239.

⁹ Дмитриев С. С. Воспоминания, дневники, частная переписка // Там же. С. 345.

¹⁰ Румянцева М. Ф. Указ. соч. С. 485, 486.

УДК 930 + 94(47)

Л. И. Ромащенко

Черкасский национальный университет, Украина

ПЁТР КАЛНЫШЕВСКИЙ В ИСТОРИОГРАФИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Запорожская Сечь – уникальная общественно-политическая и военно-административная организация украинского казачества, сложившаяся в первой половине XVI в. и сыгравшая важную роль в борьбе против феодально-крепостнического и национального гнета. Именно поэтому устройство Сечи, ее истоки, нравы, обычаи, быт запорожцев всегда привлекали внимание исследователей.

Осмысление эпохи казачества стало прерогативой не только украинских историков и писателей. Первое письменное воспоминание об этой организации оставил польский хронист М. Бельский в работе «Kronika wszystkiego świata» («Хроника всего мира», издана в 1551, 1554, 1564 гг.), существенно повлиявшей на восточнославянскую (в том числе украинскую) историографию. Можно назвать целый ряд и других зарубежных исторических источников, в которых исследуется этот феномен, поскольку в общественно-политических кругах Англии, Франции, Германии, Швеции, Нидерландов, Ватикана пристально следили за ходом событий в Украине, зная, каким может быть их резонанс в европейской политике. Это «История войн Карла XII, короля Швеции» Густава Адлервельда (Амстердам, 1740), «История Яна Собеского, короля Польши» (Варшава, 1761), «Анналы Малой Руси, или История запорожских казаков Украины» Ж.-Б. Шерера (Париж, 1788), «История войны казаков против Польши с экскурсом к их происхождению, территории, правительству и религии» Пьера Шевалье (Париж, 1669), «История Украины и украинских казаков» И. Х. Энгеля (Галле, 1796) и др. В этих изданиях слово «казак» писали с заглавной буквы, поскольку иностранные исследователи трактовали его как название отдельной нации или государства¹.

В украинской и мировой литературе казаки стали «олицетворением вольности»², выразителями лучших черт национального характера: рыцарской отваги, пренебрежения к смерти, любви к Отчизне, искренности и силы чувств.

В последнее время в исторической науке и художественной литературе возрастает интерес к казачеству вообще, и в частности – к Запорожской Сечи, ее предводителям, ее роли в общественно-политической жизни Российского и других европейских государств. Особо пристальное внимание вызывают финал деятельности Запорожья, причины и следствия его гибели.

Пётр Калнышевский (1691–1803) – последний кошевой атаман Войска Запорожского. При нем в августе 1775 г. по приказу царицы Екатерины II войска под командованием генерала Текелли раз-

рушили опору украинского казачества – Сечь, самого Калнышевского сослали на Север, а его соратников – военного писаря Ивана Глобу и военного судью Павла Головатого – в Сибирь.

Кошевому суждено было 25 лет просидеть в одинокой келье Соловецкого монастыря. Лишь трижды в год – на Рождество, Пасху и праздник Преображения Господня – его выпускали на торжественную трапезу. После освобождения в 1801 г. немощный и ослепший Калнышевский не захотел оставлять обитель, ожидая конца своей тернистой жизни (он умер в 1803 г. в возрасте 112 лет).

Длительное время о судьбе кошевого атамана не было никаких сведений. Первые лучи света на его трагическую жизнь проливает статья П. Ефименко³. Пётр Саввич Ефименко (1835–1908) – историк, этнограф, статистик. Некоторые исследователи считают его российским ученым, другие – украинским (родился в Украине, учился в Харьковском и Киевском университетах, за участие в Харьковском тайном студенческом обществе, ставившим целью изменение формы правления в России, был заточен в Петропавловской крепости и приговорен к ссылке под надзор в Пермскую, а затем – в Архангельскую губ.).

Находясь в 1862 г. в с. Ворзогоры на берегу Белого моря, Ефименко часто расспрашивал тамошних крестьян о Соловецком монастыре. Из их рассказов он узнал о положении узников и об «атамане казаков». Историк разыскал в архиве Архангельской губернской канцелярии «Дело о сообщении государственной Военной коллегии конторы об отправке в Соловецкий монастырь кошевого Петра Калнышевского, июня 11 дня 1776 года», являющееся первым документальным подтверждением заключения предводителя запорожских казаков на Соловках. Эти и другие документы стали источником для написания статьи.

Особенно ценными в ней являются авторские записи свидетелей об условиях содержания Калнышевского в тюрьме. Существуют сведения, что даже царь Александр I, увидев, в каких условиях живут заключенные, ужаснулся и подписал указ об освобождении Калнышевского. Либеральный монарх так до конца и не понял, какие именно преступления совершил казачий атаман.

Неутомимый знаток казачьего прошлого Д. Яворницкий в мае 1887 г. разыскал на Соловках могилу кошевого. Монахи рассказали ученому о нестерпимых условиях содержания знаменитого узника. Результатом посещения ученым Соловецкого архипелага стал исторический очерк «Последний кошевой атаман Пётр Иванович Калнышевский». Историк обнаружил новые документы, касающиеся Калнышевского (например, копию указа Екатерины II о заточении кошевого в Соловецком монастыре), обозначил конкретные места пребывания знаменитого узника, установил денежное содержание (1 р. – довольно значительная по тем временам сумма: на обычного узника тратилось 2–5 к.), позволяющее делать дорогостоящие подарки монастырю (крест и Евангелие)⁴.

В советское время Г. Фруменков обобщил и дополнил научный опыт, накопленный П. Ефименко и Д. Яворницким⁵. Он использовал новые документы Государственного архива Архангельской обл. и Российского государственного архива древних актов. Однако, несмотря на высокую информативность материала, автору не удалось добавить что либо относительно конкретного места содержания Калнышевского в заточении.

Работы последних лет преимущественно повторяют общеизвестные факты из биографии кошевого. В более выгодном освещении представлены публикации Д. Кулиняка, в которых систематизирована и проанализирована вся доступная информация о последнем кошевом⁶. Согласно его исследованиям, прямым потомком кошевого Петра Калнышевского является экс-президент Украины В. Ющенко.

В большинстве современных публикаций Калнышевский рассматривается как «выдающийся государственный, политический, дипломатический и военный деятель»⁷. Вместе с Запорожским войском Калнышевский воевал с крымскими татарами и турками в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг., и героические действия казаков часто способствовали победе, что признавала и Екатерина II. В 1770 г. за особые заслуги в боях против турок войску Запорожскому была объявлена благодарность, самого же атамана наградили высшей наградой империи – орденом Андрея Первозванного. Через три года ему присвоили воинское звание русской армии – генерал-лейтенант.

По мнению исследователей, Калнышевский сыграл также важную роль в создании экономической базы казачьей республики, финансировал строительство церквей, монастыря. Он проводил гибкую политику, умело развивал дипломатические отношения, избегал конфронтации с царизмом, лавировал, шел на компромиссы в вопросах внешнеполитической стратегии и тактики Запорожского государства. Именно благодаря такой политике Калнышевскому удалось до определенного времени задержать процесс разрушения Запорожской Сечи.

Свою лепту в осмысление драматической судьбы последнего кошевого пытаются внести и современные украинские литераторы. В 1988 г. появились два больших романа о П. Калнышевском – «Полынь черная, мак горький» Г. Колисныка и «Журавлиный крик» Р. Иванычука. Здесь представлены разные авторские концепции образа кошевого.

Г. Колиснык более критичен к личности запорожского атамана, не поддержавшего в свое время гайдамаков, выступающего выразителем интересов казацкой верхушки (это соответствует исторической правде). Классовый антагонизм особенно сказался в восстании против старшины 1768 г. Следовательно, писатель разделяет мнения ученых, не умалчивающих о социальных противоречиях, из-за которых на Запорожье не могло быть ни единства, ни монолитности. Несмотря на суровый приговор, автор проявляет и сочувствие к герою (это видно в финале романа), ставшему жертвой собственной политической близорукости и инертности.

Иная концепция образа кошевого представлена в романе Р. Иванычука «Журавлиный крик». Здесь линия жизни Калнышевского выписана подробнее, чем в романе Колисныка. Образ кошевого проходит через весь роман. Для создания его портретной характеристики автор использует данные исторической науки, вероятнее всего, труды П. Ефименко и Д. Яворницкого. Писатель формулирует вопросы, на которые пытается ответить в своем романе. В чем причины драматической судьбы Украины: в объективных обстоятельствах или в противоречивости национального характера, политической инфантильности этноса?

Писатель считает, что кошевой упустил исторический шанс, не поддержав ни Пугачёва, ни гайдамаков. Однако, в отличие от Г. Колисныка, прозаик сдержанно комментирует поведение кошевого, пытается объяснить его поступки политической целесообразностью, с сочувствием изображает политическое банкротство кошевого, ставшее и его личной, и национальной трагедией. И все же оправдания казацкого атамана звучат неубедительно. Ведь согласно историческим данным, значительную роль в деятельности кошевого сыграли личные амбиции, стремление к чрезмерному обогащению. Именно во время правления Калнышевского усилилось разделение запорожских казаков на богатую старшинскую верхушку и бедную чернь.

Если в предыдущих произведениях ликвидация Сечи и судьба ее последнего атамана составляет одну из центральных сюжетных линий, то в историко-приключенческом романе В. Малика «Млечный Путь» упоминание об этом событии и его последствиях оживает в воспоминаниях персонажей. При помощи ретроспективной характеристики Калнышевский заметно идеализируется (кошевой наделен небудничной силой и умом; он спокойный, уравновешенный, рассудительный; при нем запорожцы стали зажиточнее, забыли о бедности; он сумел во всем навести порядок, за что его любили и уважали). С целью идеализации персонажа писатель соответственно «фильтрует» исторический материал, например, замалчивает выступление против Калнышевского запорожских низов.

Предлагая разные концепции исторических событий и личностей, литераторы, учитывая мнения историков (иногда полемизируя с ними), сходятся в одном: уничтожение Запорожской Сечи означало окончательную потерю Украиной своей автономии и полное закрепощение когда-то свободного люда. Виновниками этой трагедии были не только российская монархия, но и свои «землячки», помогающие за награды и титулы уничтожать права и вольности украинского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мірошніченко В. Запорозьке козацтво в англomовній періодіці та історіографії // Київська старовина. 1992. № 3. С. 78.

² Literatura polska XX wieku: Przewodnik encyklopedyczny. Warszawa, 2000. S. 550.

³ Ефименко П. Калнышевский, последний кошевой Запорожской Сечи, 1691–1803 // Український історичний журнал. 1990. № 12. С. 122–131.

⁴ Эта работа в сокращенном варианте в украинском переводе переиздана в 1995 г.: Еварницький Д. І. (Яворницький Д. І.) Запорожжя в залишках старовини і переказах народу. Киев, 1995. Ч. 1–2.

⁵ Фруменков Г. 1) Доля останнього кошового Запорізької Січі // Український історичний журнал. 1966. № 1. С. 120–126; 2) Из истории ссылки в Соловецкий монастырь в XVIII в. Архангельск, 1963; 3) Узники Соловецкого монастыря. Архангельск, 1979.

⁶ Кулиняк Д. Соловецький в'язень, або Останній гетьман України // Вітчизна. 1991. № 7. С. 137–151.

⁷ Диланян А. Последний из кошевых: к 200-летию со дня смерти Петра Калнышевского // Зеркало недели. 2003. 14 нояб.

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЛЕКЦИОННЫХ КУРСАХ РУССКИХ ИСТОРИКОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Вопросы национальной идентичности актуализируются в переходные периоды истории. Вместе с тем, понятие «национальная идентичность» неразрывно связано с понятием «нация». По мнению Б. Андерсона, «нация» – это воображаемое сообщество, поскольку «члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев по нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности»¹. Заметим, что национальная идентичность – это одна из основных идентичностей, она способствует формированию национального самосознания, чувства патриотизма, а в результате – целостности государства. В отличие от других видов коллективных идентичностей (например, поколенческой), которые основаны на саморефлексии и формируются в процессе «взросления» человека и изменения его личностного мировоззрения, национальная идентичность закладывается с раннего возраста. Более того, национальная идентичность, одна из немногих других видов идентичностей, поддается «воспитанию».

В российском обществе начала XX в. вопрос о национальной идентичности актуализировался в связи с тем, что события трех революций и Первой мировой войны «заставляли» провести границы между «своим» и «чужим», определить личную мировоззренческую позицию в меняющемся мире. Русские историки рубежа веков осознавали необходимость формирования национальной идентичности у молодого поколения. Возможно, в актуализации национальной идентичности, а как следствие – национального единства исследователи видели выход из сложившейся ситуации.

Мы проанализируем различные способы и формы проявления национальной идентичности, которые актуализировали историки рубежа XIX–XX вв. в текстах обзорных курсов истории России, рассмотрев «Лекции по русской истории» С. Ф. Платонова и «Курс русской истории» Е. Ф. Шмурло. Подчеркнем, что вопросы национальной идентичности одинаково важны и для Платонова, который писал текст лекций в Петербурге, и для Шмурло, который работал над курсом в 1930-е гг., находясь в эмиграции в Праге. Парадокс заключается в том, что при наличии множества других видов коллективных идентичностей (политическая, поколенческая, профессиональная, региональная) национальная идентичность не была для историков рубежа веков первостепенной. При этом формирование национальной идентичности и национального самосознания молодого поколения было в некоторой степени «профессиональной обязанностью» историков.

Начиная с текстов введения к курсам лекций, историки актуализировали проблемы национального самосознания. Историки определяли закономерную связь между национальным самосознанием общества, национальной культурой и историей. Е. Ф. Шмурло сравнивал достояние национальной русской культуры с сундуками Скупого Рыцаря А. С. Пушкина: «Характерная особенность этих сундуков в том, что на их содержании лежит яркий отпечаток национальности, печать русского таланта и русского мирозерцания; сказала душа той народности, что создала его»². Е. Ф. Шмурло называл культуру народа «национальным достоянием», в котором проявляется уникальность общества. По мнению историка, национальная культура формируется в процессе исторического развития народа. Шмурло так определял значение исторической науки: «Культура народа, то есть его душа, раскроется перед нами с надлежащей полнотой и отчетливостью лишь при условии знакомства с тем, как он творил и вырабатывал свою культуру, иными словами – с историей самого народа»³. Заметим, что для Шмурло понятия «культура народа» и «душа народа» – синонимы. Вероятно, такими определениями историк подчеркивал важность культурного наследия для общества. В свою очередь, Платонов также проводил взаимосвязь между национальным самосознанием и историей общества: «Известно старинное убеждение, что национальная история есть путь к национальному самосознанию. Действительно, знание прошлого помогает понять настоящее и объясняет задачи будущего. Народ, знакомый со своей историей, живет сознательно, чуток к окружающей его действительности и умеет понимать ее. Задача, в данном случае можно выразиться – долг национальной историографии,

заключается в том, чтобы показать обществу его прошлое в истинном свете»⁴. Отличие позиций историков заключается в том, что Е. Ф. Шмурло интерпретировал историю народа как процесс поэтапного формирования национальной культуры и национального самосознания, а цели С. Ф. Платонова несколько прагматичнее – он стремился «найти» в прошлом народа причины событий, происходящих в настоящем. При этом близость их позиций заключается в самой актуализации «национального» элемента культуры: историки видели в нем различное значение, но признавали его роль в историческом процессе.

Наиболее ярко элементы «национальности» проявляются при характеристике культуры народа в различные периоды развития общества. Например, Е. Ф. Шмурло, анализируя искусство Древней Руси, отмечал, что в XII–XIII вв. отсутствовал «национальный характер» искусства, который проявился, по мнению историка, в начале XIV в. Важно отметить, что при изучении древнерусского искусства историки анализировали летописи, определяя начало процесса формирования национального самосознания народа. С. Ф. Платонов анализировал на основе «Повести временных лет» и «Слова о полку Игореве» процесс формирования национальной идентичности. Интересны при этом аргументы Платонова, который цитирует те отрывки летописей, где летописец акцентирует внимание на значении описываемых событий для «земли Русской» или «русского народа». Историк предполагал, что подобные определения свидетельствуют о начале процесса формирования национального самосознания: «Певец “Слова о полку Игореве”, который помнил много такой старины, какая и для его времени была уже седой стариной, мыслил русскую землю единую от южного Галича и Карпат до верхней Волги. Всех князей, и северных и южных, одинаково зовет он помочь беде Игоря и стать “за землю Русскую”. <...> В XI в. летописец пишет свою “Повесть” не о том или другом княжестве, а о всей Русской земле. Так выросло постепенно твердое национальное самосознание, выросло и в сказаниях, и в летописях, и в самой жизни»⁵.

Вместе с тем, необходимо отметить, что значение «национального характера» проявляется не только в текстах лекций при освещении культурной сферы жизни общества. В лекционных курсах Е. Ф. Шмурло и С. Ф. Платонова присутствует определение «национальное государство», формулируются «национальные задачи» политики, экономики, некоторые события истории формируют «национальный дух» народа. В текстах своих лекций Шмурло определял «национальное значение» Куликовской битвы, Платонов отмечал «национальный характер» этого события. Заметим при этом, что Шмурло в списке последствий Куликовской битвы «национальное значение» ставил на первое место, что отражает актуальность «национального характера» события для самого историка. Важно, что так же, как и Платонов при исследовании древнерусских летописей, Шмурло акцентировал внимание на определении «русский»: «Олег Рязанский, под страхом нового разорения своей области, отказавшись принять участие в общем деле, был заклемен в памяти народной как изменник русскому (не московскому!) делу»⁶.

В текстах лекций историки рассматривали процессы формирования образов «национальных героев» и «национальных государей», подчеркивая значение отдельных личностей в формировании национального самосознания и национальной истории. Шмурло писал о сложившемся образе Александра Невского: «При виде того, как гибнет все дорогое, как беспросветно их настоящее, ближайшие поколения с благодарным чувством вспоминали дело Александра; в их глазах оно выросло в подвиг, стало священным делом; победитель на реке Неве вырос в национального героя, более того – в Святого»⁷. В свою очередь, Платонов подчеркивал национальный характер политических действий Екатерины II: «Не подражая ни Петру, ни Елизавете, Екатерина еще менее подражала немецким правительствам, бывшим на Руси: при ней у дел стояли русские люди, и интересы России понимались чисто по-русски. Екатерина была национальной государыней не менее, чем Елизавета»⁸.

Хотя в своих лекционных курсах оба историка определяли «национальный дух», «национальное самосознание», «национальный характер» как синонимы, между их позициями существуют некоторые различия. Если для Е. Ф. Шмурло указанные понятия были неразрывно связаны с понятием «народ», «народная культура», то для С. Ф. Платонова они были связаны скорее с понятием «государство». На наш взгляд, причина подобных интерпретаций заключается как в целях, так и в контексте написания лекционных курсов. Вероятно, находясь большую часть жизни в заграничных командировках, а затем в эмиграции, Шмурло испытывал в некоторой степени «отчужденность» от государства. Историк стремился провести параллели с «русским народом» и «русской историей», что позволило определить собственную «национальную

идентичность». Он акцентировал внимание на национальном элементе культуры «народа», но не «государства». В свою очередь, для Платонова национальный элемент культуры находит выражение в истории «государства». Историк работал над курсом лекций в предреволюционной ситуации начала XX в., когда были поставлены под вопрос основы государственного устройства общества. Именно поэтому Платонов исследовал историю «национального государства», анализируя основы его возникновения и подчеркивая значение «национального» элемента культуры в процессе развития государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 29.

² *Шмурло Е. Ф.* Курс русской истории: возникновение и образование Русского государства (862–1462). СПб., 1998. С. 10.

³ Там же. С. 11.

⁴ *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. СПб., 1997. С. 9.

⁵ Там же. С. 115–116.

⁶ *Шмурло Е. Ф.* Указ. соч. С. 198.

⁷ Там же. С. 170.

⁸ *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 715.

УДК 94(47)

В. А. Спесивцева

Новосибирский государственный педагогический университет

ИСТОЧНИКИ РЕНЕССАНСНОЙ ХРОНИКИ МАЧЕЯ СТРЬЙКОВСКОГО (РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ ПЕРВОЙ КНИГИ)

Польская историографическая традиция XV–XVI вв. складывалась как гармоничная, вполне самостоятельная и уникальная часть культуры *Rex Christiana*. Конец XV – начало XVI в. – это время расцвета польской ренессансной историографии, которая органично входила в систему общеевропейского исторического знания.

Одним из выдающихся польских историков XVI столетия является Мачей Стрыйковский – автор «Хроники польской, литовской, жмудской и всей Руси» (далее по тексту – Хроника)¹. В Польше Хроника оказалась в тени работ других, более ранних и знаменитых писателей – Яна Длугоша, которого называют отцом польской истории, Марчина Бельского, Марчина Кромера. Однако именно она оказала несомненное влияние на историографию России, где ее многократно переводили и использовали книжники.

Этим текстом в XVII в. пользовались И. Гизель для составления Синописа, А. Лызлов при написании «Скифийской истории». В XVIII столетии труд Стрыйковского привлекали для своей работы такие русские историки, как А. И. Манкиев, В. Н. Татищев, М. М. Щербатов².

Именно поэтому для нас важным стал вопрос об источниковой базе Стрыйковского, которая была для того времени достаточно репрезентативной. При написании своих произведений (как исторического, так и литературного характера) Стрыйковский, помимо Святого Писания, использовал обширное собрание разнообразных источников по польской, литовской и русской истории. Многие из этих текстов дошли до наших дней только в составе этой Хроники, в авторском пересказе³.

Одним из самых важных источников для Стрыйковского была Библия. Известно, что ко времени написания Стрыйковским Хроники уже существовали славянские переводы Библии⁴. Приведем список наиболее важных переводов: 1561 г. – Краковская Библия; 1563–1564 – Брестская (Радзивилловская) Библия; 1572 – перевод Симона Будного; 1453–1461 – *Biblia Krolowej Zofii*; 1539 –

W. Wrobel, Psalterz Dawidow (католическая); 1541 – M. Rej, Psalterz Dawidow; 1551 – S. Murzynowski, Nowy Testament (лютеранская); 1556 – M. Bielski, Nowy Testament (католическая); 1561 – Biblia Leopoldy (католическая); 1563 – Biblia Brzeska (Radziwilowska) (кальвинистская); 1570–1574 – Sz. Budny, Biblia Nieswieska (арианская); 1579 – J. Kochanowski, Psalterz Dawidow (католическая); 1593–1599 – Ks. Jakub Wojek, Biblia (католическая); 1632 г. – D. Mikolajewski, Biblia Gdanska (кальвинистская)⁵.

А. С. Мыльников отметил, что «тенденция издания библейских переводов отразила ряд общественно-идейных факторов своего времени: борьбу между отдельными славянскими конфессиями, воздействие религиозной полемики кануна и периода Реформации и т. п.»⁶. Стрыйковский не был первым, кто основывал свои труды на переводах⁷ Святого Писания, в качестве примера можно назвать труд предшественника Стрыйковского – Марчина Бельского⁸, который, помимо прочего, был протестантом. Также А. С. Мыльников подчеркивал, что «у поляков, белорусов ... эти переводы осуществлялись на литературно-письменный язык того времени». Исследователем был сделан вывод о том, что характер славянских переводов Библии отразил динамику этнокультурной эволюции и уровень этносоциального развития славянских народов. Для читателей переводов «собственно конфессиональные мотивы, при всей их значимости, не всегда оказывались решающими ... над ними превалировали соображения патриотизма и любви к своему народу»⁹.

По меньшей мере, два фактора – книгопечатание¹⁰ и Реформация служили преодолению «трехязычной доктрины». Вслед за Бельским Стрыйковский пишет свое главное произведение по-польски (в отличие от их предшественника Яна Длугоша, писавшего на латинском языке).

Мы в данной статье остановимся в первую очередь на характеристике первой книги Хроники, а в ней – на разделе первом.

По примеру средневековых летописцев, а также своих непосредственных предшественников Длугоша и Бельского Стрыйковский дает в своем предисловии обширный экскурс в библейскую историю. Интересно, что трактует он ее не только как священную историю, но и как достоверный исторический источник: «Потому и мы другого такого достоверного, древнего, глубокого фундамента начальных сведений, выводов и порядка истории нашей – сарматской, литовской, русской, славенской, жмудской и немалой части польской, etc., с великим трудом, долгим и старательно-чутким прилежанием, а также с настойчивой и искренней охотой принятого, читатель благосклонный, найти и указать не можем, кроме как Священного Писания, колодца и источника знаний и наук о Боге, который Творец, Зачинщик, Умножитель и начало всех вещей. А так нас Святое Писание через Моисея сперва учит теми самыми первыми словами, с которых вся история началась»¹¹. Однако прежде чем перейти непосредственно к описанию библейских событий, Стрыйковский обращается к античным авторам, как сам он говорит – «поэтам поганьским», т. е. языческим. В своем своеобразном «введении в священную историю» он приводит обширнейшие цитаты из Манлия и Овидия. В этой части хроники Стрыйковский много рассуждает о языческой культуре и философии, а также о космогонии, приводя цитаты из Овидия (цитаты даны на латыни)¹². Далее историк приводит позицию Фалеса Милесского, полагающего, по мнению Стрыйковского, что мир создан из воды. Далее им дается противоположная позиция Гераклита Эфесского о том, что мир сотворен из огня. После чего снова следует латинская цитата из Овидия.

Стрыйковский кратко приводит позиции Эмпедокла, Эпикура, Демокрита, Диогена Лаэртского, Гераклита, Пифагора, Анаксимена, объединяя их рассуждения в один вывод: «Мир является вечным без начала и без конца». Им также приводится мнение стоиков и делается собственный вывод: «А всего неотложней им разум свой изъязвить хотелось, тем сквернее (без знаний о всемогущем Боге, который всё из ничего, а правильнее *ex vacuo plenum* сотворил) впотьмах блуждали».

Далее в тексте помещен фрагмент о Платоне, которого Стрыйковский называет «божественным философом», обосновывая это следующим образом: «Лишь только один из них – Платон – Библию Святую читал, и это было по Божьему вдохновению... А вот хоть язычником был, признавал Бога Творцом и началом всех вещей, почитал писания Моисеевы». Под Святой Библией здесь, видимо, следует понимать книги Ветхого Завета, однако Стрыйковский употребляет именно эту формулировку – Святая Библия. Вероятно, этот пассаж может являться заимствованием, но откуда – вопрос остается открытым. Однозначно исключить можно, пожалуй, «Историю Польши» Яна Длугоша, так как использовавший труды античных авторов Длугош не упоминает о Платоне во вводной части своей хроники¹³.

Стрыйковским особо подчеркивается огромное значение Ветхого Завета и как Святой Книги, и как исторического источника, после чего начинается изложение собственно библейских событий.

В Хронике содержится совершенно самостоятельный, хоть и очень небольшой по объему отрывок, в котором содержатся рассуждения о том, что Божье повеление есть первейший источник права. После этого отрывка следует интересный фрагмент – рассказ о том, что Богом было дано обещание о приходе Мессии – Христа, и как весть эта «Адама и Еву радовала и укрепляла в нищете и лишениях». Данный фрагмент интересен тем, что почти дословно повторяет рассказ Марчина Бельского в издании 1551 г.¹⁴

При описании рождения Каина и Авеля, убийства Авеля, изгнания Каина, перечисления его потомства и рождения Сифа (еще одного сына Адама, что совпадает с канонической версией Книги Бытия) хронист информирует читателя об убийстве Авеля братом Каином, ссылаясь на Святое Писание, игнорируя, однако при этом стихи с 4:9 по 4:15, а именно – рассказ о проклятии Каина Господом и его изгнании. Тем не менее, Стрыйковский подробно приводит перечень потомков Каина от его жены, при этом ссылаясь, помимо Ветхого Завета, на Беросуса, Иосифа Флавия, Моисея и Филона Еврея¹⁵. Стрыйковский сообщает о том, что Каином было построено семь городов, позднее уничтоженных великим потопом, о чем в четвертой главе Книги Бытия сведений не имеется. Там же приводятся известия о том, что «всех лет своих прожил Каин 730», о чем в четвертой главе Книги Бытия сведений также нет. Далее Стрыйковский рассказывает о потомках Каина и о том, что «Каин нашел своих восхвалителей и подражателей, которые ему как патриарху своему поклонились, а называли себя “Каянами” и утверждали то, что он по праву убил своего брата Авеля». Стрыйковский приводит при этом ссылку – Елифаный, кн. 1, т. 3, «Против каиновых ересей»¹⁶. Сведения о рождении Сифа у Стрыйковского совпадают с известиями Книги Бытия, он только добавляет, что рождение Сифа произошло в год от создания Адама 230-й.

Далее следует обширная вставка об Адаме и Сифе, которые были искушены в науках и «премудростях небесных» и создали две доски – медную и каменную, «на которых выписали по воле Божьей науку его и пророчества; через которые будет слово Божье сохранено». Помимо досок, ими также были изготовлены столбы – каменный и кирпичный, видимые с небес. Далее сообщается, что именно Адам и Сиф создали календарную систему, основанную на 12 месяцах. Все эти сведения, как указывает сам Стрыйковский, были им почерпнуты у Иосифа Флавия. Однако он ни словом не упоминает о «Хронике всего света» Бельского, откуда, вероятно, и взяты эти сведения, – даже ссылка на Иосифа Флавия у них совпадает.

Затем следует пассаж о том, что за изобретение письменности, а также за все науки люди должны быть благодарны Богу и Адаму с Сифом, отмечается, что подтверждения этому можно найти у греческих историков, в частности, у Геродота, упоминается Кадм: «О чем также много свидетельств мы имеем у греческих историков, о чем и Геродот пишет в пяти книгах, что греки науки все и буквы от финикийцев взяли, которые тоже из народа еврейского, хоть греки по своему обыкновению в своих рассказах много приписывают своему Кадму и другим». Стрыйковский таким образом объявляет Книгу Бытия источником более приоритетным, нежели древние греческие источники. Вполне вероятно, что такая позиция хрониста объясняется влиянием Иосифа Флавия.

Хронист также пишет о том, что другие истории он опускает и отсылает читателей к Библии и «Иудейским древностям» Иосифа Флавия. Этот фрагмент, по нашему мнению, заимствован у Бельского.

Стрыйковский приводит примечательный рассказ о потопах. Подчеркивает, что после Великого потопа было еще несколько, всего же семь, ссылаясь при этом на Беросуса и Ксенофона. Стрыйковский довольно подробно их описывает, приводит названия потопов с их датировками. Следом приводится подробный рассказ о царе Девкалионе, мифическом античном правителе, при этом Стрыйковский апеллирует не к Святому Писанию, а к Овидию, Ксенофону и Платону. Этот отрывок также заимствован Стрыйковским почти дословно из «Хроники всего света» Марчина Бельского¹⁷.

Итак, мы можем видеть, что в первом разделе первой книги Хроники, помимо основного источника – Книги Бытия, Стрыйковский активно использует и другие тексты. Условно их можно разбить на две группы – труды христианских авторов и античные источники. К первой группе относится «Хроника» Бельского (хотя сам Стрыйковский в этой части на него ни разу не ссылается), «История Польши» Длугоша, труды Меховия, Ваповского, Деция. Ко второй группе можно отнести произведения Иосифа Флавия, Овидия, Платона и Беросуса. Произведения второй группы используются Стрыйковским более активно, нежели первой. При этом хро-

нист ни разу не подвергает сомнению изложение событий в Книге Бытия и считает ее источником более приоритетным, нежели античные тексты. Всё вышесказанное является несомненной заслугой Стрыйковского как автора исторических произведений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Strykowski M.* Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi. Królewec, 1582.
- ² *Rogow A.* Maciej Strykowski i historiografia ukraińska XVII w. // *Slavia Orientalis*. 1965. Nr 3; *Rogow A. И.* Стрыйковский и русская историография первой половины XVIII в. // *Источники и историография славянского Средневековья*. М., 1967.
- ³ *Rogow A. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1965. С. 5.
- ⁴ *Мыльников А. С.* Славянские переводы Библии как этнокультурный определитель // *Царква і культура народа вялікага княства Літоўскага і Беларусі XIII – нач. XX ст.* Гродна, 1992. С. 54–59.
- ⁵ *Kudaszewicz J. Ks.* Biblia, historia, nauka: Rozważania i dyskusje biblijne. Kraków, 1986.
- ⁶ *Мыльников А. С.* Указ. соч. С. 54–59.
- ⁷ Этот вопрос, по мнению автора, является дискуссионным и требует отдельного рассмотрения. Стрыйковский знал латинский язык, о чем свидетельствуют многие его произведения: «*De clade 30 militum Russorum cum Petro Szoyski Palatono Polocensi in campo Ivanensi ad flivium Ulam, Anno 1564*» («О поражении тридцати солдат русских с князем Петром Шуйским над р. Улей в 1564 г.») и др.
- ⁸ *Bielski M.* Kronika wszytkyego swyata. Kraków, 1551.
- ⁹ *Мыльников А. С.* Указ. соч. С. 54–59.
- ¹⁰ В 1455 г. Иоганн Гутенберг выпустил первую печатную Библию. В 1456 г. печатные книги появляются в Италии, в 1468 г. – в Чехии и Швейцарии, в 1469 г. – в Голландии, в 1470 г. – во Франции, в 1473 г. – в Польше и Венгрии.
- ¹¹ *Strykowski M.* Kronika polska... К сожалению, перевода этой части Хроники на русский язык нет. Здесь и далее приводится перевод автора статьи.
- ¹² Стрыйковский также упоминает Овидия в Хронике на с. 51, а в «Несвижской рукописи» добавляет, что Овидий был автором «срамных книг об искусстве любви».
- ¹³ См.: *Historia Polonica Joannis Długossii seu Longini Canonici Cracovien: In tres tomos digesta: Autoritate et sumptibus Herbulti Dobromilski edita.* Dobromili, 1615; *Ioannis Długossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae.* Varsaviae, 1964. [Т. 1]: *Liber primus. Liber secundus*; *Jana Długosza Roczniki czyli kroniki sławnego królestwa polskiego.* Warszawa, 1961. Т. 1; *Peradzka K.* Genealogia Biblijna i rodowód słowian w pierwszej księdze «Annales» Jana Długosza // *Nasza Przeszłość*. 1958. № 8. S. 88–92; *Снесицьева В. А.* К вопросу о гуманистической традиции в «Истории Польши» Яна Длугоша // *Исторический ежегодник.* Новосибирск, 2008. С. 5–19.
- ¹⁴ *Bielski M.* Kronika wszytkyego swyata... S. 88.
- ¹⁵ Имеется в виду Филон Александрийский (ок. 25 г. до н. э. – ок. 50 г. н. э.) – иудейский философ, богослов и экзегет. Он является первым толкователем Библии, чьи труды дошли до нашего времени.
- ¹⁶ *Strykowski M.* Kronika polska... S. 3.
- ¹⁷ *Bielski M.* Kronika wszytkyego swyata... S. 87–97.

УДК 311.3(09)

В. А. Скопа

Алтайская государственная педагогическая академия (Барнаул)

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТАТИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ В СИСТЕМЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Формирование и развитие системы статистических учреждений, их практическая деятельность имеют неоспоримую, логически обоснованную взаимосвязь с развитием статистической науки. Развитие понимания предмета и метода статистической науки и путь, по которому шел этот поиск в России, были трудными и противоречивыми. Противоречивые моменты в процес-

се становления и развития статистической науки нашли выражение в различном понимании роли и значения статистики в системе познания общественных явлений, а трудности – в весьма ограниченных формах и масштабах практического применения самой статистики¹.

Процесс формирования и развития статистических учреждений и их практическая составляющая во многом предопределяли развитие статистической науки и ее методологическое развитие. Роль статистики в процессе научного познания общественных явлений истолковывалось по-разному. Одни ученые рассматривали статистику как самостоятельную науку, способную раскрыть основные закономерности и причинные связи общественных явлений собственными методами. Другие отводили статистике вспомогательную роль и сводили ее задачи к простой обработке цифровых материалов, а установление закономерностей развития тех или иных общественных явлений возлагали на другие науки, например, на экономику той или иной отрасли хозяйства.

Впервые в русской статистической литературе проблемами теории статистики и обоснованием необходимости статистических учреждений занимался К. Ф. Герман. Свои теоретические взгляды он изложил в большой статье «Теория статистики» в «Статистическом журнале», а затем развил в книге «Всеобщая теория статистики», изданной в 1809 г.² Автор примыкал к описательной школе, однако не отрицал необходимости разработки теории статистики. При этом под теорией статистики он понимал не только рассуждения о содержании ее как науки, но и учение о той системе, которой нужно следовать, располагая материал при статистическом описании.

Проводимые статистические обследования создавали условия для развития статистической науки и практики. Основанием статистических работ, поручаемых канцелярии статистического отделения Министерства внутренних дел (МВД), служили сведения, получаемые из департаментов министерства и начальников губерний. Правилами предусматривалось, что при производстве статистических работ чиновники должны всегда начинать с исторического обозрения прежнего состояния описываемой ими сферы для сравнения его с настоящим. К тексту описаний при необходимости прилагались таблицы. Одновременно в губернских городах учреждались статистические комитеты под председательством гражданского губернатора и главным ведением генерал-губернатора³. «Губернский статистический комитет собирал сведения, проверял их, приводил в единообразный порядок, вносил их в табели по полученным от статистического отделения Министерства формам, составлял по этим сведениям точные описания губернии в целом или отдельно некоторых отраслей хозяйства, промышленности и торговли»⁴. Результатом этой работы являлись губернаторские отчеты, которые имели упорядоченное структурное содержание.

На региональном уровне влияние статистической науки на практику и наоборот прослеживалось при разработке переписных и анкетных форм, а также проведении статистических обследований с последующей их обработкой. Особенно отчетливо это видно в деятельности губернских и областных статистических комитетов по комплектованию данных к «всепопданнейшему» отчету и организации региональных статистических обследований. Начиная со второй половины XIX в., практическая деятельность статистических комитетов приобретала более упорядоченный характер, как в организации статистических обследований, так в системной обработке комплектуемых данных.

Уровень статистической науки оказывал влияние и на ход статистической работы. Анализируя региональные статистические кампании, условно можно выделить: а) подготовительный этап, включавший в себя теоретическую проработку и обоснование проводимого обследования; б) базовый этап – непосредственно само обследование; в) заключительный этап – обработку, анализ и публикацию полученных результатов. По мере накопления знаний проводимые статистические обследования приобретали «академический» характер даже на региональном уровне. Это позволяет отметить, что практическая работа государственных статистических служб не могла обойтись без теоретических основ науки, где требовались знания о составлении и обработке статистических анкет и других вспомогательных материалов. Показательным примером практического взаимодействия региональных статистических служб и статистической науки является системная переписка секретарей Томского и Тобольского статкомитетов с научными центрами и отдельными учеными-статистиками⁵.

Системное комплектование статистического материала в регионе требовало его адекватности, своевременности, а главное, точности со стороны и статистических учреждений, и региональных властей. Этого можно было добиться только путем интеграции достижений статистической науки и практических мероприятий. Многие анкеты рассылались из МВД губернаторам,

чиновникам и частным лицам. Эти анкеты были важны с точки зрения развития статистических работ на местности, а также осознания возможности использования полученных результатов в управленческих целях и самой статистики в научном познании. Разрабатываемые анкеты – их содержание и формулировки включаемых в них вопросов – становились своего рода базой накопления опыта и знаний в практической деятельности статистических учреждений.

Целенаправленная организация статистических работ определяла существенные перемены в развитии государственной статистики⁶. Последовательно проводимые работы создавали условия благоприятного успеха для последующих обследований. Во второй половине XIX в. становится неоспоримым фактом совершенствование системы статистических учреждений и их деятельности. Подтверждением этому является большой объем выполняемых работ: возрастает число и качество статистико-экономических обследований и статистических публикаций. На региональном уровне это прослеживается в организации однодневных переписей и отдельных отраслевых обследований, публикации статистического материала, который находил отражение в неофициальной части губернских ведомостей и отдельных изданиях.

Вместе с тем, несмотря на тенденцию качественных позитивных изменений в работе статистических служб, в трудах отдельных статистиков встречались неточности и математические погрешности при обработке полученного материала. Результаты обследований, проводимых волостными правлениями и отдельными корреспондентами, имели расхождения. Это можно объяснить тем, что многие работники волостных правлений не имели четкого представления о значимости проводимых работ. В некоторых случаях анкетные листы заполняли сами обыватели, поскольку не хватало профессиональных кадров⁷. В проводимых статистических обследованиях расхождения были не редкостью, на что указывали повторно проводившиеся обследования.

Значимость получаемых статистических материалов приводила к усилению контроля со стороны административно-государственных служб за деятельностью статистических учреждений. Центральному статистическому комитету предоставлялось право требовать материалы по предметам, входящим в круг его действий, не только от департаментов МВД, но и от других высших управлений⁸. Во многом это объясняется усложнением производства, многообразными социально-экономическими процессами, требующими строгого учета, координации и административного контроля. Усложнение межрегиональных, межотраслевых и отраслевых связей требовало разработки новых и улучшения существующих статистических показателей, которые полно характеризовали бы эти связи и пропорции.

Показателем практической взаимосвязи статистической науки и практики в системе статистических учреждений является системное комплектование последних статистической литературой, постоянный обмен между статкомитетами, научными центрами, библиотеками литературой и периодическими изданиями по статистической части. При изучении переписки секретаря Томского губернского статистического комитета Н. А. Кострова с вышеопределенными центрами убеждаешься в том, что существовала практическая потребность действующих статучреждений в статистической литературе и сведениях о практических достижениях статистики⁹.

Очередной этап в развитии статистической науки и статистических учреждений в России приходился на период становления земских статистических отделов. Земским учреждениям требовались подробные статистические данные, необходимые для правильного ведения местного хозяйства, которые не могли им дать правительственные органы. Поэтому многие земства самостоятельно организовывали и проводили статистические обследования. Методы, которые были разработаны земской статистикой, точность ее результатов были несравнимы с официальной статистикой¹⁰. По определению А. А. Кауфмана, земский статистический потенциал был более мощным, чем государственный, по качеству проводимых обследований¹¹. Это позволило создать условия для нового подхода к организации статистических мероприятий и обработке получаемых данных. Многие обследования в европейских губерниях были проведены земскими статистиками, которые действовали самостоятельно, располагая не только штатом сотрудников, но и специальными методами исследования. Все это определяло как повышение уровня развития статистической науки, так и усиление продуктивности использования ее методов в отраслевых обследованиях губерний. Развитие системы статистических учреждений в Сибири имело свою особенность – здесь до 1917 г. отсутствовали земства. Однако научный потенциал, накопленный земской статистикой Европейской России, находил применение и в «неземских» районах, в том числе в Западной Сибири.

Развитие статистической науки шло не только по пути дальнейшего углубления и усовершенствования методов исследования, но и по пути их специализации применительно к особенностям отдельных отраслей хозяйства и форм социальных отношений. Примером является деятельность статистических отделов переселенческих районов Тобольской и Томской губерний. В организации и проведении региональных статистических обследований им приходилось самостоятельно разрабатывать переписные и анкетные формы, закладывая в них сущностно-содержательную составляющую.

На рубеже XIX–XX вв. опыт статистических обследований в России и, в частности, в Западной Сибири позволил научно осмыслить применение статистики в различных сферах экономики и общественной жизни. Следствием этого стало зарождение отдельных отраслей статистических обследований (сельскохозяйственной, промышленной, бюджетной, статистики железнодорожного транспорта, торговли, труда, населения), материалы которых были обработаны и систематизированы в соответствующих случаях.

Таким образом, сложившаяся в России организация правительственной и губернской статистики представляла несомненный шаг вперед в деле развития статистической теории и практики. Возросшее значение науки в системе статистических учреждений позволило подойти к ней как к общественной науке, играющей важную роль в социальном познании, признавая ее специфику в том, что она изучает количественную сторону массовых общественных отношений. «Русская статистическая мысль и статистическая практика отражали исторически сложившиеся особенности нашей страны. Отсюда и проистекали основные отличия в направлении развития статистической мысли и статистических трудов, а также и конкретные своеобразия русских статистических источников. Глубина и оригинальность мысли в полной мере выявились и в теории, и в практике»¹².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рябушкин Т. В. Развитие статистической науки в России. М., 1985. С. 34–36.

² Герман К. Ф. Всеобщая теория статистики для обучающихся сей науке. СПб., 1809.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. (ПСЗ-2). Т. 9. Отд. 2.

⁴ Государственный архив Томской обл. (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁵ Там же. Д. 72. Л. 61–62.

⁶ Российская государственная статистика. М., 1999.

⁷ Скопа В. А. Кадровая проблема статистических служб в Алтайском окр. конца XIX – начала XX в. // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Новосибирск, 2005. Т. 3. С. 149–151.

⁸ ПСЗ-2. Т. 33. Отд. 1.

⁹ ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 50. Л. 34–35.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 121.

¹¹ Кауфман А. А. Статистическая наука в России: теория и методология, 1806–1917. М., 1922.

¹² Рябушкин Т. В. Теоретические концепции в отечественной статистике. М., 1986. С. 127.

УДК 930(075.8)

К. Б. Умбрашко

Новосибирский государственный педагогический университет

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ «ШТУДИИ» РУССКИХ ИСТОРИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

В первой четверти XIX в. после появления блистательной «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина отечественные авторы прошли в творческой эволюции путь от восторга по поводу творения «бессмертного историографа» к сомнениям относительно его исследовательской мастерской. Большая часть таких размышлений посвящена изучению основного корпуса исторических источников отечественной истории. Кратко проследим творческий путь

авторов, чьи сочинения оказали влияние на формирование отечественного источниковедения. Наиболее показательны в этом отношении примеры следующих историков.

И. Н. Средний-Камашев. Публикация его сочинения «Взгляд на историю как на науку» в «Вестнике Европы»¹ прошла незамеченной для широкой публики. В «Источниках словаря русских писателей» С. А. Венгерова содержится краткая биобиблиографическая справка об Иване Камашеве как журналисте, литераторе, критике и ученом². П. Н. Милуков, рассматривая вопрос о периодизации русской историографии, в 1897 г. в первом издании «Главных течений русской исторической мысли» упомянул работу «Взгляд на историю как на науку» как возможный рубеж в истории исторической науки, отделяющий период «практического или этического понимания задач историка» от периода, основной чертой которого служит развитие представления об истории как науке. Милуков ведет первый период русской исторической науки «до Карамзина включительно», второй период – «с Карамзина до нашего времени»³. В дальнейшем тексте автор характеризует границу между первым и вторым периодом русской историографии, используя текст Среднего-Камашева.

Как полагает М. П. Мохначева, работа Камашева стала одной из первых в России авторских попыток поиска универсальной классификации отраслевого исторического знания и попыткой «разработки универсальной истории исторической науки по типу опытов крупнейших мыслителей Просвещения XVIII в. – Вольтера, Тюрго, Гердера, Кондорсе. Попытка вполне самостоятельная, не компилятивная в своей основе»⁴. Это совершенно справедливо.

В своих размышлениях о начале русской истории Камашев опирался на идею закономерного и причинно обусловленного развития человечества, но не в традиционном для русской историографии первой трети XIX в. понимании ее как последовательного и поступательного процесса, а в гердеровской интерпретации. Гердер выдвинул на первый план идею скачкообразно развивающегося прогресса. Камашев воспроизвел эту идею так: «Мысль сравнивать историю рода человеческого с историей жизни человека в особенности с некоторого времени нравится многим по поэтическому своему достоинству; но не есть ли она следствие только игры воображения? – Может быть, здесь нравится одна смелость в уподоблении!». История подчиняется тем же законам, которые действуют в природе. Следовательно, можно выводить понятие о периодах истории человечества. При этом необходимо смотреть на человека с трех точек зрения: со стороны умственного развития, со стороны нравственного и политического развития, со стороны развития чувств. Но нельзя углубляться слишком далеко в доисторические времена, когда из-за недостатка сведений фактическая сторона подменяется воображением и фантастическими гипотезами.

А. З. Зиновьев в 1818–1822 гг. учился в Московском университете на отделении словесных наук. Университет окончил по классу профессора А. Ф. Мерзлякова. Появление магистерской диссертации Зиновьева «О начале, ходе и успехах критической российской истории» в 1827 г. вызвало большой интерес. Приведем некоторые из положений автора. «Русская история важна для всеобщей истории». «Древние писатели греческие и римские не оставили верных известий о русском севере». «При всех совокупно взятых исследованиях касательно древней российской истории, она остается не совсем ясною до смерти Владимира Великого». «Всего более ощутителен теперь в российской истории недостаток этнографических сведений и других вспомогательных [данных]»⁵. Здесь прослеживается сравнительно-исторический подход, мнение о необходимости развития вспомогательных исторических дисциплин.

Как полагает И. И. Колесник, структура рассуждения Зиновьева в виде двух главных отделений и есть его историко-научная схема, которая «с хронологической точки зрения <...> уже, чем у Шлецера, так как нижние ее границы совпали с началом XVIII в.»⁶. Зиновьеву несвойственно приписываемое отождествление истории науки с критической российской историей. Нельзя, по его мнению, ограничиваться историей князей и политической историей, рассуждая о предмете критики с философской и исторической позиции, как это сделал Н. М. Карамзин. При этом автор оговорился, что «изыскания критиков, старавшихся объяснить наши древности, не укрылись от почтеннейшего историографа и представлены нам в самом полном и определенном результате», поэтому «в выборе суждений своих предшественников и в рассматривании событий, на кои они не обращали внимания, Карамзин показал в себе истинного критика». Но недостаточно знать историю отечества только в политическом отношении, представленном в «Истории» Карамзина. Необходимо учитывать контекст истории христианства, историю наук и художеств, контекст бытописания национальной истории, поскольку «обширной российской

истории многие края и области, в разные времена присоединенные, составляют важные эпизоды для самой политической истории».

Зиновьев поставил вопрос о стадильности развития истории исторической науки, пытался наметить ее периоды и этапы. При этом он использовал собственные подходы к проблеме периодизации истории научного знания. Поскольку первый этап относился автором к началу XVIII в., в его рассуждении особое внимание уделялось роли Петра I в истории науки, деятельности научных учреждений екатерининской и последующих эпох. Он пришел к выводу об отставании отечественной исторической науки от европейской в первые десятилетия XIX в. Сравнивая Байера с Шлецером, Зиновьев пришел к следующему заключению: сочинения Шлецера «всегда будут иметь неотъемлемое достоинство», заключающееся в том, что «они суть двоякого рода: одни служат к объяснению истории первобытных народов российского севера вообще, другие собственно касаются российской истории», следовательно, каждое интересно для современного ученого как конкретный образец «систематического деписания о России»⁷.

И. Д. Беляев занимался изучением сюжетов древнерусской истории. По его мнению, Русь как государство с развитой торговлей, большими городами существовала примерно с X в. Договоры Руси с Византией X в., носившие торговый характер, служат главным доказательством развитости экономики и торговли. «Все это в совокупности, – писал Беляев, – достаточно убеждает, что русские задолго до XIV столетия не могли обойтись без металлической монеты собственного литья или чекана; ибо обширная и разнообразная торговля невозможна без денег домашнего чекана, при помощи одной мены товаров на товары или при посредстве одних иностранных денег». Русь имела главные условия для чеканки собственной монеты: «автономность общества от внешних сил»; развитость «гражданского и государственного устройства»; наличие запасов металлов; ремесленников, способных выплавлять монету⁸.

Отечественные и иностранные источники подтверждают вывод автора, а сведения некоторых иностранцев о существовании меховых денег не опровергают одновременного существования и металлических денег. Текст Нестора – основа истории первых веков русского государства. Для автора летописи характерны достоверность и правильность повествования, глубокое знание описываемого предмета. Летопись «бессмертна, как голос истины; в ней мы видим древнюю Русь как бы пред глазами»⁹.

М. А. Максимович в сочинении «Откуда идет Русская земля» (1837 г.) объявил себя ревностным последователем М. В. Ломоносова. По мнению Максимовича, у Ломоносова прежние понятия о Руси сосредоточились и преобразились в «систему историческую», которая способна воспринимать новые открытия и самосовершенствоваться¹⁰.

Главные тезисы этой работы следующие. Поскольку Нестор поставил вопрос о начале Русской земли, значит, летопись в этом отношении представляет собой не простое сказание о событиях, а историческое сочинение. Название Русской земли происходит от руси, ходившей в 866 г. на Царьград с Аскольдом и Диром, которые поэтому являются первыми русскими князьями в Киеве. Но даже если Нестор причислил русь к варягам, этим не доказывается их скандинавское происхождение.

Принимая посольство к варяго-руссам и призвание варягов на княжение как историческое событие, автор полагал, что варяжская русь у Нестора, скорее всего, могла происходить из ружан или руссов острова Рюгена, и что руссы пришли в Новгородскую землю в числе Рюриковой дружины. Максимович допускал, что посольство отправилось именно к варяго-руссам; «но на онаю, видно, из той руси вызвались не князья, а просто только охотники идти в Новгородскую землю, – и по их указанию и в их сопровождении послы обратились с своею речью к Рюрику, князю других варягов, ближайших к той руси».

Русь в Киев пришла с Аскольдом и Диром, поэтому с их уходом от Рюрика в Новгороде «словно не стало руси», там остался только варяжский род, только находники варяги, а русь действовала в это время на юге. Поэтому полянская земля принимает название Русская земля. Следовательно, руссы и варяги в наших летописях понимались как два различных, разноплеменных народа. Варяги в ПВЛ – это всякий народ скандинавского племени; западная, поморская русь – «племени и языка славянского». Нестор причислял русь к варягам только по общему местопребыванию и образу жизни¹¹. Общим результатом исторических поисков автора стал известный тезис: «Итак, Киев есть мать городов русских: отсюда пошла земля Русская».

Ф. Л. Морошкин писал: «Едва ли можно сомневаться в славянском происхождении балтийских руссов, особо упомянутых самим Нестором, а следственно и наших руссов, основателей Российского государства. Отечеством их должно полагать реки Эльбу, Одер и Вислу»¹². Автор подтвердил новыми доказательствами славянизм руссов.

А. Ф. Федотов – автор интересной магистерской диссертации 1839 г. «О главнейших трудах по части критической русской истории». В историографии первой половины XIX в. он занимал двойственное положение между сторонниками и противниками Н. М. Карамзина. В «Предисловии» высказана вполне хвалебная оценка. «Говоря о систематических трудах по части русской истории, – писал Федотов, – я имел достаточную причину особенное внимание обратить на *Историю Государства Российского* Карамзина: она, как творение поистине гениальное, навсегда останется достопамятною книгою для русских, как бы далеко ни ушли они вперед от Карамзина в своих понятиях о деесписании». Однако в основном тексте автор критиковал некоторые положения «Истории государства Российского». По его мнению, допуская, что норманны были основателями русского государства, историограф не дал им развернутой характеристики: не охарактеризовал их обычное право; не показал норманно-славянских взаимовлияний; не проследил, «как из этого соединения двух стихий, славянской и норманнской, образовалось новое общество гражданское – Русская земля, получившая свою отличительную физиономию»; не показал, «как постепенно устанавливались взаимные отношения славян и норманнов, и откуда проистекли все главные внутренние и внешние явления, составляющие содержание истории двух первых веков нашей русской жизни».

Карамзин нарисовал каких-то «великанов нашего сумрака, и, увлекаясь воображением», признал вещего Олега «истинным основателем величия России». По мнению Федотова, «избрав настоящую точку зрения на первый период, мы увидим все в настоящем свете; убедимся, что в продолжение оного брошены были семена последующего борения внутреннего, и что это борение составляет явление неизбежное, необходимость которого условливается местным законом развития элементов в нашем возникающем государстве»¹³. Федотов назвал древнейший период истории «нашим сумраком» и не считал князя Олега основателем государства. Исследователь выступал за приведение русской истории к ее «естественным размерам» и против небывалого величия древнерусского государства.

Оценивая историческую науку XVIII в., Федотов утверждал, что исторические приемы Байера «сделались как бы законом даже для самых явных его противников: от *Эмина* до *Елагина* все они, противореча Байеру в выводах, особенно в мнении о происхождении руссов, по направлению и приемам критики принадлежат к его школе». Школа Байера – это, по мнению автора, историческая наука всего XVIII в., за исключением В. Н. Татищева, который основал «новую историческую школу» и «по некоторым своим понятиям и историческим верованиям стоял выше своего века, опередил его». В данном контексте важно употребление Федотовым термина «школа». Для первой половины XIX в. характерно широкое толкование этого термина, обозначающего общий метод, общий принцип, а не приверженность каким-либо частным выводам и мнениям.

Байер, Миллер и Шлецер, считал Федотов, являются основателями отечественной исторической критики, родоначальниками всех исторических мнений. Но эти мнения меняются в первой половине XIX в. вследствие появления новых методик и нового взгляда на историю, поэтому «благодарность запрещает умолчать и о других писателях, которые, исправив ошибки и дополнив недостатки наших первоучителей, оказали также существенную пользу русской истории»¹⁴.

Итоговые положения диссертации достаточно красноречивы: русские летописи непрерывно продолжаются с XI по XVII вв.; достоверность летописи Нестора не подлежит сомнению; вопрос о происхождении руси остается открытым; договоры Олега и Игоря можно считать действительными; «История государства Российского» Карамзина – неоцененная сокровищница исторических материалов, до него или недоступных, или (большой частью) неизвестных, но и она имеет недостатки.

Н. И. Надеждин – историк, писатель, журналист и издатель, окончил Московскую духовную академию, преподавал в Рязанской духовной семинарии. В 1830 г. «вступил» в Московский университет. Исторические взгляды Надеждина формировались при значительном влиянии идей Карамзина¹⁵.

В 1831–1836 гг. Надеждин издавал журнал «Телескоп» с приложением (газета «Молва»); в мае 1835 г. был «уволен, по прошению, от службы при университете». После публикации пер-

вого «Философического письма» П. Я. Чаадаева журнал был закрыт, а редактор сослан в Усть-Сысольск. В 1837 г. он вернулся из ссылки и занимался в основном лингвистикой, этнографией, историей, печатая ученые статьи в «Отечественных записках», участвовал в работе Одесского археологического общества, служил в Министерстве внутренних дел¹⁶.

Пристальное внимание к развитию исторического знания как процессу познания – главная отличительная черта Н. И. Надеждина. В одном из писем П. И. Бартеневу он писал, что главным направлением его «умственной деятельности всегда было философско-историческое»¹⁷. Однако Надеждин указывал в очерке «Об исторических трудах в России», что «критика все еще не история, хотя служит ей необходимым преддверием. История есть полное, светлое, живое самосознание для каждого народа. Она должна представлять прошедшее в стройной целостности». Задачей историка становится сбор «всех отголосков» прошлого, поиск в них «основных звуков истины», проникновение в их настоящий смысл и попытка выявить внутреннюю непрерывную связь событий. Таким образом, «история на высшей и окончательной ступени своего развития должна, если возможно, быть системою, разумея под этим словом не сухой скелет вываренных и очищенных фактов, но живую картину, расположенную в правильной, художественной перспективе»¹⁸.

В. В. Григорьев в трактате «О куфических монетах...»¹⁹ писал: «Со временем окажется, может быть, что сбивчивость была не в летописи, а в наших понятиях, что мы не умели смотреть на нее с надлежащей точки зрения; но это со временем, а покуда оно придет, нам кажется лучшим теперь забыть о ее непогрешительности и сказаний ее не полагать в основу наших разысканий». Доводы Григорьева показывают, что в начале 1840-х гг. критическая позиция стала актуальной для части отечественных исследователей.

А. М. Кубарев также доказывал подлинность древнерусской летописи. Нестор представлялся ему автором «начальной» летописи, а противоречия и несогласованность текста летописи с другими сочинениями Нестора (житиями св. Феодосия, Бориса и Глеба и др.) он объяснял их разножанровостью²⁰. Кубарев показывал, что эти разногласия несущественны и не могут заставить усомниться в высоком значении Нестора.

Итак, в исторической науке первой половины XIX в. прослеживается неразделенность журнальной, университетской и научной историографических сфер. До 1830-х гг. историческая наука в большой составляющей развивалась на страницах периодических литературных изданий. Именно на этот период приходится превращение истории в отдельную отрасль гуманитарного знания, когда литературная традиция историописания сменилась научной (т. е. начинает прослеживаться последовательный учет историографических наблюдений, концептуальных построений, приемов и методов исследования, научного стиля и языка). Большая роль в этом отношении принадлежит, несомненно, сочинениям указанных выше авторов.

Последовательные требования критического отношения к источникам привели к началу нового этапа всестороннего изучения древнерусских письменных памятников, способствовали изданию большого корпуса архивных материалов (деятельность Археографической комиссии). Как следствие – было введено в активный исследовательский оборот большое количество новых исторических источников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Средний-Камашев И. Н. Взгляд на историю как на науку // Вестник Европы. 1827. № 4. С. 241–256; № 19. С. 193–217; № 20. С. 257–272; № 21. С. 3–19; № 22. С. 81–101.

² Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. СПб., 1910. Т. 2. С. 565.

³ Миллюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913. С. 4–5.

⁴ Мохначева М. П. Журналистика и историческая наука. М., 1999. Кн. 2. С. 261.

⁵ Зиновьев А. З. О начале, ходе и успехах критической российской истории. М., 1827. С. 71–72.

⁶ Колесник И. И. История русской историографии XVIII – первой половины XIX в. Днепропетровск, 1987. С. 66, 67, 69.

⁷ Зиновьев А. З. Указ. соч. С. 28, 62–65.

⁸ Беляев И. Д. Били ли на Руси монету до XIV столетия? [СПб., 1835.] С. 2, 5, 7, 24.

⁹ Беляев И. Д. О Несторовой летописи. М., 1847. С. 2–3.

¹⁰ Максимович М. А. Откуда идет Русская земля. Киев, 1837. С. 126, 136.

¹¹ Там же. С. 18, 20, 22, 23, 28, 29.

¹² Морошкин Ф. Л. Опыт истории российских государственных и гражданских законов. М., 1836. С. 361.

- ¹³ Федотов А. Ф. О главнейших трудах по части критической русской истории. М., 1839. С. II, 88–89.
- ¹⁴ Там же. С. 16–17, 42, 43, 56.
- ¹⁵ Надеждин Н. И. Автобиография // Рус. вестник. 1856. № 3. С. 50–62.
- ¹⁶ Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. М., 1855. Ч. 2. С. 154, 155.
- ¹⁷ Русский архив. 1864. № 1. Стб. 45–46.
- ¹⁸ Надеждин Н. И. Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения. 1837. Т. 20. № 2. Отд. 3. С. 95, 108.
- ¹⁹ Григорьев В. В. О куфических монетах VIII, IX, X и отчасти VII и XI вв. // Записки Одесского Общества истории и древностей. Одесса, 1844. Т. 1. С. 115–166.
- ²⁰ Русский исторический сборник. М., 1841. Ч. 4. С. 391, 392, 393.

УДК 94(47).06+94(57)

И. А. Шипилов

Институт истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск)

РАБОТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ПЕРСОНАЛА АКАДЕМИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ 40–70-х гг. XVIII в. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СИБИРИ*

В XVIII в. изучение Сибири приобретает целенаправленный и научный характер. Исследование Сибирского региона производилось преимущественно в форме масштабных, как по целям и задачам, расходам и числу участников, так и по результатам, экспедиций, организационным и руководящим центром которых с 1725 г. была Академия наук (АН). К 1740-м гг. завершились либо подходили к концу экспедиции геодезистов И. Евреинова и Ф. Лужина на Камчатку (1719–1722), П. Чичагова и Захарова в Верхнее Прииртышье и Тобольск (1719–1726), Д. Г. Мессершмидта (1719–1727), Первая (1725–1730) и Вторая (1733–1743) Камчатские экспедиции под руководством В. Н. Татищева (1720–1730-е гг.). В итоге был собран значительный и разнохарактерный материал о Сибири и сибирских народах, который был приумножен в ходе академических экспедиций 40–70-х гг. XVIII столетия: Н. И. Делиля в Березов (1740–1741), П. С. Палласа в Оренбургский край и Сибирь (1768–1774). Достаточно подробно исследованы труды руководителей данных путешествий, гораздо реже становились предметами научных изысканий работы представителей вспомогательного персонала: студентов, геодезистов, переводчиков. Данная статья посвящена анализу трудов помощников Делиля и Палласа.

Т. Кенигсфельд, студент Географического департамента АН, был одним из помощников астронома и географа Н. И. Делиля во время экспедиции 1740–1741 гг. в Березов для наблюдения прохождения Меркурия через Солнце, определения географических координат местностей. Кенигсфельд не только ассистировал Делилю, но и вел самостоятельные астрономические и метеорологические исследования (например, климата г. Березова), сделал карты «Устье Обь реки и часть берега Ледяного моря...» и «Новое географическое изображение карты по ныне еще недовольно известной части берега Ледяного моря и точного устья Оби реки», где имеются надписи о местах проживания, типе ведения хозяйства, вероисповедании ряда коренных народов Сибири. На основе личных наблюдений, опроса местного населения, бесед с очевидцами того или иного события он осуществил описания и изображения предметов материальной культуры (типы хантыйских лодок, охотничьи стрелы и наконечники эвенков, ненцев и хантов, татарская юрта и виды Березова), быта хантов, манси, сибирских татар, якутов, эвенков и ненцев, составил сравнительные словари наиболее употребительных слов сибирских аборигенов, которые нашли отражение в его «Дневнике»¹.

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ № НШ-3942.2010.6.

Важными источниками для истории изучения Сибири являются работы студентов академика П. С. Палласа – В. Ф. Зуева и Н. П. Соколова. В ходе путешествия по Российской империи Паллас с целью исследования как можно большей территории отправляет в 1771–1772 гг. с инструкциями в самостоятельные экспедиции: Зуева – на северо-запад Сибири (через Тобольск в Березов, по Оби до побережья Северного Ледовитого океана) «для сбора природных раритетов, достойных Императорской Кунсткамеры», и изучения «естественных достопримечательностей реки Оби»²; Соколова – в Забайкалье, от Акшинской крепости в Нерчинск вдоль китайской границы на юго-восток до Аргуновского острога и назад до Селенгинска, «дабы 1-е тем обстоятельнее даурскую степь между Аргуном и Ононом реками лежащую осмотреть как для собрания вешних так и летних натуре продуктов; 2-е дабы в проезде от Акшинской крепости к Селенгинску, где высочайшие по границе имеются горы, алпийские редкости собрать»³. Из всех многообразных материалов и трудов, касающихся путешествия В. Ф. Зуева, о которых упоминает Паллас (рапорты, отчеты, дневники), в подлиннике до нас дошла небольшая статья Зуева «Об оленях» и его основное сочинение «Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов», которые были впервые опубликованы как отдельные работы в 1947 г.⁴ Значение экспедиции Зуева для географического исследования севера Сибири отметил в 1896 г. русский путешественник и географ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Он писал, что Зуев был «первым путешественником, пересекшим Северный Урал на пути из Обдорска к Карской губе еще в 1771 г.» и представившим «достаточно обстоятельное описание пройденного им пути»; что «если бы маршрут Зуева был изучен со вниманием и нанесен на карту ... то карты начала нынешнего века уже не представляли бы таких резких погрешностей...»⁵. В отдельной главе «Описания...» («О состоянии всей тамошней страны, погоде, травах, северных сияниях и светлости») Зуев повествует о природно-климатических условиях на посещенной территории, которые, по его мнению, обуславливают видовой и родовой состав местной флоры и фауны⁶. Особое значение имеют труды Зуева для истории этнографического изучения Сибири второй половины XVIII в. На страницах его работ представлены информативные сведения о местах проживания, внешнем облике, языке, быте, особенностях материальной и духовной культуры, промыслах хантов и ненцев, об их главном богатстве – оленях. В «Описании...» В. Ф. Зуева имеются отдельные замечания о других сибирских народах: кетах, энцах и нганасанах.

«Журнал» путешествия Н. П. Соколова⁷ включает в себя разнородный фактический материал о «достопамятных местах» Забайкалья около китайской границы, который получен в результате непосредственного наблюдения или бесед с представителями местного населения – казаков и эвенков. Во-первых, это данные о состоянии фортификационных сооружений и населенных пунктов вдоль российско-китайской границы. Отмечено, где расположены крепости или караулы, насколько их местоположение стратегически грамотно, каков состав караулов⁸. Во-вторых, мы имеем подробное описание растений, животных и рыб. Особое внимание уделено лечебным травам (например, траве «хайчи», употребляемой тунгусами от зубной боли), редким видам животных (земляному зайцу, горным баранам – «аргалям») и рыб («рыба зубатка здесь прозываемая ... от того, что все челюсти имеет наполненные зубами»)⁹. В-третьих, обозначены места, богатые полезными ископаемыми, в частности, железной рудой и слюдой, восточным агатом¹⁰. В-четвертых, журнал Соколова содержит сведения о местах проживания, языке и суевериях тунгусов (эвенков), живущих вдоль границы до Аргунского острога. Например, сообщается о том, что во время поедания вареного мяса убитого медведя тунгусы говорят: «Не мы тебя били, но русские»; они думают, что знакомые того медведя за его смерть могут отомстить убийцам¹¹. Подобным же образом поступали ханты и ненцы, которые, по свидетельству Зуева, после убийства медведя, «сняв с его кожу, повесят подле болвана – мнимого своего бога», «просят прощения в убийстве ... что они в том не виноваты, ибо де железо, коим ты убит, мы не ковали», поскольку думают, «что душа одного медведя им великий вред учинит, ежели с ею заблаговременно не помирятся»¹².

«Описание горы Чеконды на китайской границе» – одного из высочайших горных массивов со своеобразной экосистемой в южном Забайкалье – сначала было помещено на страницах дневника¹³ Соколова, а после литературной обработки опубликовано в 1793 г.¹⁴ и переиздано в 2007 г.¹⁵ Остальные части журнала Соколова остаются неопубликованными.

Представителями вспомогательного персонала академических экспедиций 40–70-х гг. XVIII в. Т. Кенигсфельдом, В. Зуевым, Н. Соколовым был собран обширный и уникальный материал по географии, биологии, геодезии и этнографии Сибири. Труды В. Ф. Зуева и Н. П. Соколова ис-

пользовались П. С. Палласом в качестве источника для его работы¹⁶. Наряду с трудами руководителей экспедиций, работы представителей вспомогательного персонала и сегодня являются самостоятельными источниками по истории академического изучения Сибири в XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Пекарский П. П.* Путешествие академика Николая Иосифа Делиля в Березов в 1740 г. // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1865. Т. 6, кн. 2. Прил. 3. С. 1–74; *Коновалова Е. Н.* Экспедиция академика Н. И. Делиля 1740–1741 гг. в Березов // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Екатеринбург, 2006. Ч. 1. С. 65–68; *Титова З. Д.* Материалы члена географического бюро Академии наук Т. Кенигсфельда – источник о народах Западной Сибири первой половины XVIII в. // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование. СПб., 2005. С. 220–224; *Еманов А. Г.* Кенигсфельд в Тобольске и Березове. URL: <http://library.ikz.ru/georg-steller/materialy-iv-mezhdunarodno-nauchno-prakticheskoi/emanov-a.g.-kenigsfeld-v-tobolske-i-berezove> (дата обращения: 07.05.2010).

² Научное наследие П. С. Палласа: письма, 1768–1771. СПб., 1993. С. 155.

³ Архив РАН, Санкт-Петербургский филиал (СПФ АРАН). Ф. 3. Оп. 10. Д. 144. Л. 11; Научное наследие П. С. Палласа. С. 186.

⁴ *Зуев В. Ф.* Материалы по этнографии Сибири XVIII в. // Труды Института этнографии АН СССР. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 17–91.

⁵ *Семенов П. П.* История полувековой деятельности Императорского Русского Географического общества, 1845–1895. СПб., 1896. Ч. 1. С. 19.

⁶ *Зуев В. Ф.* Указ. соч. С. 82–88.

⁷ См.: «Журнал студента Никиты Соколова на места от Кубухаевского караула вниз по Китайской границе до Аргуновского острогу 1772 г. мая от 27 дня» и «Журнал студента Никиты Соколова на обратной путь из Аргуновского острогу по Китайской границе к Кяхтинскому фарпосту июня от 24 дня 1772 г.» // СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 144. Л. 1–29.

⁸ Там же. Л. 1–11.

⁹ Там же. Л. 2, 3, 6, 13, 15.

¹⁰ Там же. Л. 3, 8, 20–20 об.

¹¹ Там же. Л. 19 об.

¹² *Зуев В. Ф.* Указ. соч. С. 49.

¹³ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 144. Л. 23–24.

¹⁴ *Соколов Н.* Описание горы Чеконды на китайской границе // Собрание сочинений, выбранных из месячных словес на разные годы. СПб., 1793. Ч. 10. С. 329–340.

¹⁵ *Соколов Н.* Описание горы Чеконды на китайской границе // Записки путешественников и исследователей (вторая половина XVII – XVIII в.). Новосибирск, 2007. С. 263–268.

¹⁶ *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. Кн. 3, ч. 1. С. 49–127, 142, 290, 302, 600, 613.

УДК 94(47) + 930

Б. С. Шостакович

Иркутский государственный университет

ОБРАЗ СИБИРИ И ЕЕ НАСЕЛЕНИЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТОЛЕТИЙ В ОСВЕЩЕНИИ ПОЛЬСКОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ-АНАЛИТИКА, ПОЛИТССЫЛЬНОГО КСЕНДЗА ЯНА ХЫЛИЧКОВСКОГО

Автор настоящей статьи длительное время ведет систематичное изучение сибирской истории на базе обширного массива польских источников мемуарно-очеркового и эпистолярно-дневникового характера. Он же многократно и в различных исследовательских ракурсах указывал на огромную содержательную ценность упомянутого источникового наследия, непосредственно охватывающего Сибирь (в максимально широком толковании этого геопространственного обозначения)¹. Однако, несмотря на уже проделанную автором к настоящему моменту рабо-

ту по указанной тематике, приходится констатировать, что достигнутые результаты остаются недостаточно освоенными отечественной историографией. Многие конкретные аспекты польско-сибирского источникового комплекса либо невнимательно учитываются российскими специалистами, либо вовсе упускаются ими из поля зрения.

Охарактеризованная выше комплексная многоаспектная тематика, среди прочего, охватывает и полный объем истории формирования и эволюции исторических стереотипов видения (образов) Сибири и ее населения по источниковым данным, сообщенным их польскими наблюдателями. К категории последних нами условно отнесены очевидцы-информаторы и аналитики сибирских реалий XVIII–XX вв., как невольные (из значительной массы польских политических ссыльных, представлявших несколько волн принудительных депортаций в зауральское пространство Российской империи), так и добровольные (лица польской этнической принадлежности, оказывавшиеся в Сибири по делам службы или религиозно-миссионерским, по лично-семейным обстоятельствам, в результате миграций экономического характера, при посещении региона в исследовательских или туристских целях), отразившие их в своих реляциях мемуарно-очеркового характера. При этом также предусматривается рассмотрение указанных стереотипов (образов), по мере возможности, в компаративном сопоставлении с таковыми же, относящимися к России европейской и нередко содержащимися в контексте тех же самых реляций.

С учетом тематического направления настоящей конференции представляется весьма целесообразным привлечение внимания научной общественности к одному из наиболее нестандартных среди охарактеризованной выше группы аутентичных источников, обозначенному в титуле данного доклада. Появившаяся в самом конце XIX в. работа ксендза Яна Хыличковского «Сибирь в этнографическом, административном, сельскохозяйственном и промышленно-торговом отношении» демонстрирует нам достаточно заметный по объему, содержательный монографический труд о Сибири и ее населении – русском, а также иноэтничном².

В Польше в 1980-е гг. было обращено внимание на эту работу в специальной статье В. Барановского, исследователя-этнографа из Лодзинского университета. Этого ученого заинтересовал избирательный ракурс данной работы – в качестве некой сводки зафиксированных ее составителем данных по народной культуре русских сибиряков³. Насколько нам известно, эта публикация остается до настоящего времени единственным современным исследовательским откликом на указанное издание конца XIX в. Любопытно, что даже в наиболее значимом в качестве настольной энциклопедии по истории поляков в Сибири одноименном польском исследовании Михала Яника⁴ книга Я. Хыличковского каким-то образом оказалась упущенной из внимания автора и не проаннотированной. Что касается России, то данная работа польского наблюдателя-аналитика по сей день не известна даже специалистам, не говоря уже о широкой читательской среде.

Между тем, книга Я. Хыличковского ярко выделяется среди всей современной ей польско-сибирской литературы напором авторской экспрессии и прямой нацеленностью на изменение бытовавшего до той поры негативно-пугающего стереотипного образа Сибири. Об этом сам Хыличковский красноречиво объявляет во вступлении к книге: «Еще не так давно слово Сибирь связывалось с представлением о диком и безлюдном крае. Полагали, будто бы даже малый лучик цивилизации не проникал сквозь эти безмерные пространства, протянувшиеся от Уральских гор до Тихого океана и от Ледовитого моря до регионов Алтая и Маньчжурии. И страх также охватывал каждого, кто вспоминал об этой стороне, – о тех норах, которые тамошним людям служат жилищем, о шкурах, заменяющих им одежду, о горах, дебрях, степях и лесах, кишаших диким зверьем, о варварском местном народе, враждебном, страшным для пришельца. Сегодня эти предубеждения рассеялись.

Значительное число лиц, возвращающихся из Сибири, огласили и оглашают в печати свои описания и воспоминания о пребывании в различных уголках этих азиатских владений (выделено нами. – Б. Ш.). Оказалось, что Сибирь не только не отсталая, но, напротив, является землей богатой и обетованной⁵. Действительно, только малые территории в этом крае заселены; огромных же и по сей день неизведанных пространств еще не коснулась нога человека. Население оседает только там, где есть реки и озера, по их отлогим побережьям, Вправо же и влево от таких местностей без конца тянутся тайга, перелески, степи, горы. Это составляет часть мира, которую со всеми ее богатствами, какими она обладает в рудном и растительном отношении, Провидение Господне сохраняет для последующих поколений.

Не углубляясь в описания того, чего не знаем, обратим скорее внимание на заселенные местности. Они располагают прекрасными городами, обширными селами, соединенными превосходными дорогами, а к главным пунктам сходятся старательно поддерживаемые шоссейные тракты. Состояние мостов на реках, речушках и болотах образцовое. Там, где покатость почв либо обрывистость берегов угрожают безопасности, вся дорога оказывается снабжена ограждениями. Такому порядку могло бы позавидовать не одно государство, гордящееся своим устройством.

Что же до большинства жителей Сибири, то вместо ожидаемой дикости, встречаешься с народом, на удивление вежливым, учтивым, опрятно одетым, живущим с определенным комфортом в смысле пищи и жилья. Этот народ в высокой степени развил общественные отношения, чувствует собственное достоинство. Он ни перед кем не пресмыкается, не унижается, всех рассматривает равными себе. Старательный и жадный к наживанию имущества, он обладает торгово-промышленной жилкой. А если в настоящее время торговля и промышленность несколько хромают, причины этого следует искать не в отсутствии способностей у народа, а в неподвижных обстоятельствах и в исключительном положении этого края. Свободный от всякой словесной ненависти, от всяческого религиозного фанатизма сибирский народ может быть для других образцом в этом отношении.

Это является следствием общественного устройства в крае. Там никогда не было ни общественных каст, ни более значительной, а говоря точнее, никакой земельной собственности. Все пахут неделимую землю, все пользуются всем, чем богата природа, вследствие чего само по себе сложилось понятие гражданского равенства.

Там также нет религиозного фанатизма, поскольку крестьянин в Сибири, скрупулезно соблюдая формы своей религии, имеет снисхождение и к иным, и все иные воззрения уважает.

Богатство является привлекательным для сибиряка. Человек состоятельный там всегда и всюду получает наилучший прием. Является ли богачом христианин, татарин-[мусульманин] или еврей-[иудей], – это безразлично. Богатый – подразумевает тем самым достойный уважения, добрый, благородный, как бы покрывая этим все недостатки и отрицательные стороны характера. Тем более удивительно, что и к бедному иноземцу население без повода не питает никакой антипатии. Это достоинство является сокровищем народа и сулит ему прекрасное будущее»⁶.

Далее на нескольких страницах вступления автор в восторженных выражениях описывает изобилие флоры, фауны и минеральных запасов Сибири и заключает свое описание следующими словами: «Таким образом, идя от детали к детали, при каждой из них мы сталкиваемся с движением, жизнью и изобилием, а вместе взятые, все эти впечатления создают в человеке ощущение величия короля-природы»⁷. Справедливости ради, скажем, что одна, но существенная ремарка того же автора неожиданно звучит резким противоречием подобному общему панегирическому тону его вводного эссе. «Наряду с колоссальностью творений природы, – отмечает Я. Хыличковский, – какими же убогими представляются мелкие произведения рук человеческих. Насколько редкими оказываются проявления человеческого гения! Здесь не встречается ни больших фабрик, в ритме пара свершающих свою работу, не отыскивается ни ценнейшей личной библиотеки, ни шедевров кисти и резца, – словом, никакой духовной пищи, никакого удовлетворения моральных нужд человека. В таких условиях здесь можно существовать телесно, но жить духовно – очень трудно»⁸.

В целом столь емко и всесторонне сформулированный и притом почти исключительно позитивный взгляд на Сибирь и сибиряков интересен тем, что выражен он в самом конце XIX в. католическим священником, к тому же лично испытавшим длительную сибирскую ссылку. Особо здесь следует подчеркнуть, что все цитаты заимствованы нами сугубо из вступления Хыличковского к собственной работе. В отношении же последней сам автор замечает: «Я не этнограф по профессии ... потому записывал в уме наблюдения в доступной мне сфере, будучи убежден: каждая, хотя бы мелкая подробность, каждое дополнение в общую широкую науку народоведения принесут ей определенную пользу»⁹. Далее он же указывает, что вся его работа поделена на два раздела. Первый посвящен в основном так называемым «старожилам», второй – «потомкам давних сибирских племен»¹⁰. Со своей стороны, добавим, что Хыличковским создана оригинальная, содержательная историко-этнографическая монография. Безусловно, она заслуживает отдельного обстоятельного специального анализа.

Выше уже отмечалось, что в отечественной исторической и научно-справочной литературе данные о Хыличковском отсутствуют. Это определяет необходимость разработки в дальнейшем полной русскоязычной его биографии. Автором нынешней публикации выявлен ряд при-

водимых ниже документальных данных, относящихся к таковой. Они обнаружены в официальной переписке административных инстанций по ведомству Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД Российской империи.

Ян Хыличковский (в документах его нередко именуют на русский лад Иваном и даже Иоанном Хиличковским) являлся настоятелем Горайского прихода Люблинской епархии Королевства Польского. «За то, что находился в сообществе с мятежниками и давал им у себя пристанище, ездил в банду (так на языке официальных документов называли участников Январского польского восстания 1863–1864 гг. и отряды повстанцев. – *Б. III.*), снабжал мятежников бельем и, кроме того, обвинил пред мятежниками 5 человек в шпионаже, он по конфирмации и. д. наместника в Царстве (Королевстве. – *Б. III.*) Польском графа Берга от 4 сентября 1863 г. был лишен всех прав состояния и сослан в Сибирь на поселение»¹¹. «Впоследствии, по силе всемилостивейшего повеления от 13 мая 1871 г., Хыличковскому были возвращены прежние права состояния, однако без вступления в гражданскую и общественную службу». В ноябре 1883 г. ему позволили временное 6-месячное пребывание на родине, в Царстве Польском. В январе 1885 г. Хыличковскому было дано «всемилоостивейшее соизволение» на постоянное жительство в Петроковской губ. Вскоре он возбудил ходатайство перед Варшавским генерал-губернатором о разрешении «совершать духовные требы, так как, возвратясь на родину ... может только сим путем зарабатывать себе кусок насущного хлеба». Первоначально в удовлетворении этого прошения Хыличковскому было отказано. Только после повторного обращения, подкрепленного ручательством в его благонадежности брата Тытуса, члена окружного Петроковского суда, последовало новое «соизволение» императора «на возвращение духовного сана бывшему римско-католическому священнику Ивану Хыличковскому с правом занять духовную должность»¹².

Последующее изучение источников должно уточнить, где именно продолжил службу после восстановления в духовном сане этот католический священник-повстанец. Также следует выяснить, сохранил ли Хыличковский свои связи с Сибирью после отъезда на родину. Особенно важно установление конкретных обстоятельств создания и опубликования Хыличковским уже в Польше конца XIX в. монографического труда о крае собственного пребывания в ссылке и о населяющих его народах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По этому поводу см., в частности: *Шостакович Б. С.* «Польско-сибирская» история: методологические подходы к ее изучению и осмыслению на рубеже XX–XXI вв. // *Известия Иркутского гос. ун-та. Сер.: История.* 2009. № 1. С. 178–195.

² *Chyliczkowski J.* Syberia pod względem etnograficznym, administracyjnym, rolniczym i przemysłowo-handlowym. Włocławek, 1898.

³ *Baranowski W.* Wierzenia i życie religijne ludu rosyjskiego w świetle polskich relacji z lat 1831–1920 // *Acta Universitatis Lodzianensis.* Łódź, 1987. S. 59–60, 70–72, 99–100, 148–149.

⁴ *Janik M.* Dzieje Polaków na Syberji. Kraków, 1928.

⁵ Выделенная нами фраза Я. Хыличковского из его предисловия к монографии по нескольким основаниям знаменательна и принципиально важна. В ней автор признает прямое воздействие транслирования непосредственными польскими наблюдателями современной им сибирской действительности информации о ней в общественной среде (надо полагать, не в одной лишь польской), – информации, формирующей в польском и общеевропейском сознании новых представлений об огромном и малоизвестном зауральском регионе Российского государства и соответствующих новых его образов. Данный постулат, по своей сути, распространяется и на самого его автора. Также можно утверждать, что указанную тенденцию в историографии рассматриваемой темы Хыличковский выявил одним из первых среди аналитиков.

⁶ *Chyliczkowski J.* Op. cit. S. V–VII.

⁷ *Ibid.* S. IX–X.

⁸ *Ibid.* S. XI. Прочитированное наблюдение автора имело под собою, казалось бы, серьезные доводы. Вплоть до последнего десятилетия XIX в. Сибирь оставалась сравнительно слабо развитой в промышленном, образовательном и культурном отношениях. Однако приходится отметить не только противоречие данного заключения Я. Хыличковского его же собственным трактовкам иных аспектов освещаемой темы – завидно проникательным и чрезвычайно оптимистичным, но также и проявленную им необъяснимую и непростительную неосведомленность в затронутом ракурсе проблемы. В цитате из предисловия, написанного Хыличковским, как здесь же пояснено, в Королевстве Польском в 1896–1897 гг., даже не упомянуто о Транссибирской железнодорожной магистрали, к тому времени уже доведенной до Байкала и стимулировавшей бурный индустриальный рост всего края. Автору следовало бы принять во внимание

крупнейшие сибирские города, являвшие немало крупных культурно-духовных достижений. В Томске к тому времени уже открылся первый в Сибири университет. Великий живописец В. И. Суриков на рубеже 1880–1890-х гг. на своей родине, в Красноярске, создавал пейзажи и портреты земляков, а в последующем творчестве развивал сибирскую тему. В Иркутске существовала и выполняла образовательно-воспитательные задачи знаменитая художественная галерея мецената и городского головы В. П. Сукачева. Не случайно Иркутск заслужил лестный отзыв великого русского писателя А. П. Чехова: «... превосходный город, совсем интеллигентный. Театр, музей, городской сад с музыкой, хорошие гостиницы. [...] Совсем Европа». Тезис Хыличковского о полном отсутствии в Сибири духовной жизни не согласуется со всем этим.

⁹ Ibid. В этом же месте Я. Хыличковский делает примечание, уточняющее, что свои собственные наблюдения он дополнял сведениями, почерпнутыми из нескольких общих работ по географии и проблемам сообщения восточной России с Сибирью.

¹⁰ Ibid. S. XIII–XIV.

¹¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 2. Д. 1146. Л. 28 об.

¹² Там же. Оп. 3. Д. 602. Л. 1–1 об.–3.

СИМВОЛЫ И МЕСТА ПАМЯТИ, ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ, ИХ РОЛЬ В КОНСТРУИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

УДК 94(47) + 930

И. Г. Адоньева

Новосибирский государственный технический университет

ПРАВОСОЗНАНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Необходимость исследования правосознания жителей западносибирских городов представляется обоснованной по ряду причин. Произошло превращение в историографическую традицию осмысления общественно-политических процессов второй половины XIX – начала XX в. с позиций теории модернизации. Не остались в стороне от этого и сибирские историки, присоединившись к данной тенденции и успешно применяя различные варианты концепта к региональному материалу. Именно с позиций теории модернизации объяснимо внимание к городу и горожанам. Город в процессе перехода от традиционного общества к индустриальному становится носителем новых прогрессивных идей и смыслов, в том числе и в сфере правовых воззрений. Они развивались, несмотря на серьезное влияние традиционного сознания, в «европейском» направлении. Конечно, это утверждение применимо в большей степени к образованным горожанам. Однако представляется, что влияние судебной реформы 1864 г. стало принципиальным для складывания правосознания россиян.

В Сибири данный процесс имел свою специфику. Он был связан с тем, что преобразования сферы юстиции восточной окраины России были ограниченными по сравнению с европейской частью страны. Свой отпечаток накладывал относительно быстрый рост городов, а также складывание состава их населения из разнообразных источников, что создавало достаточно «пеструю» картину правовых воззрений. Нельзя не учитывать и того, что ссылка в Сибирь была отменена в 1900 г., а до этого приговоренные к различным наказаниям (от поселения до вечной каторги) оказывали неоднозначное влияние на сознание местного населения.

Для рассмотрения данной проблемы существенной является литература, посвященная теории и истории государства и права, исторической урбанистике, социальной структуре российских и сибирских городов, общественно-политическому развитию Сибири. В связи с невозможностью в рамках одной статьи учесть все аспекты, наиболее оптимальным представляется уделить внимание тем теоретико-правовым и историческим исследованиям, где затрагивается ключевая дефиниция правосознания.

В отечественной науке проблема правосознания стала востребованной именно со второй половины XIX в. Сначала она актуализировалась в юридической периодике. Это внимание было обусловлено двумя факторами. Крестьянская реформа 1861 г., включение огромной массы людей, долгое время фактически «изолированных», в жизнь государства и общества, имевшиеся факты столкновения и непонимания, в том числе и в юридической сфере, заставили специалистов обратить внимание на крестьянское обычное право и правовое сознание¹. Второй причиной стало введение суда с участием присяжных заседателей. Дискуссии о степени его эффективности, уровня репрессии и прочие переросли в исследования, посвященные правосознанию присяжных².

В российской дореволюционной юридической науке правосознание рассматривалось в тесной связи с другими вопросами. Можно выделить три группы разрабатываемых юристами концепций правосознания: 1) правосознание – это социально-юридическая категория, отражение реальных социальных отношений; 2) правосознание представляет собой проявление религиозно-нравственных и метафизических начал естественного права в человеке и обществе; 3) правосознание – психическое свойство человека, разновидность его эмоций и чувств, а также субъективных представлений по поводу права³. Русские дореволюционные юристы рассматривали правосознание в тесной связи с христианской религией.

Советские исследователи выстраивали свои работы в соответствии с каноном выдержанной в марксистско-ленинских рамках науки теории государства и права. Подчеркивалась классовая детерминированность правосознания, особенно в исторических исследованиях⁴. Правовое сознание рассматривалось как один из компонентов (или форм проявления) общественного сознания и определялось как правовые представления и правовые чувства весьма общего характера, имеющие нормативное значение для поведения людей, регулирующие это поведение (с точки зрения правомерности и неправомерности действий)⁵. С периода перестройки и под ее непосредственным влиянием появляются исследования, посвященные правосознанию (правовой культуре) государственных служащих и сотрудников правоохранительных структур⁶. Эта традиция была воспринята и в постсоветскую эпоху, причем выводы исследователей по поводу правосознания представителей данных профессиональных групп являются крайне пессимистическими⁷.

Осуществляемые с начала 1990-х гг. властью попытки построения гражданского общества и правового государства по европейским образцам не привели к ожидаемым результатам. Осмысление этой ситуации стало причиной появления огромного количества диссертационных работ. К сожалению, большинство их авторов ограничивались лишь практически идентичными определениями понятия правосознания, характеристикой его структуры, иногда акцентировали внимание на его деформациях⁸. Труды, посвященные, исходя из названия, рассмотрению и анализу правосознания российского общества второй половины XIX – начала XX в., содержательно представляют собой характеристику правосознания юридической и политической элиты преформенной эпохи⁹. Редкими исключениями стали работы И. В. Головиной, А. А. Чупровой и Р. С. Байниязова. Правосознание российских юристов, а также рабочих и крестьян рассмотрены в монографиях И. В. Абдурахмановой и И. В. Ковалевой¹⁰. Свою трактовку массового правосознания накануне 1917 г. представил П. П. Марченя¹¹.

Особенностью современного этапа стало и то, что в науке одновременно существуют и функционируют несколько понятий, грань между которыми порой сложно уловима. Помимо термина «правосознание», исследователи оперируют такими конструкциями, как «правовая культура», «правовой менталитет», «правовые ценности», «правовое мышление», «понимание права» (А. С. Андрейченко, С. А. Анохин, О. Н. Братусева, А. И. Овчинников, М. Б. Смоленский). Причем, сильно «в сторону» от цели работы ученых уводит осмысление понятий культуры и менталитета.

При этом интерес историков к ментальным структурам жителей дореволюционной России привел к обращению, в том числе, и к их правосознанию. Следует отметить, что новаторскими в этом отношении стали диссертационная работа и монография петербургского исследователя А. Л. Рогачевского, посвященные правосознанию немецких бюргеров Средневековья и кануна Нового времени¹². Ряд исторических исследований, посвященных ментальности и правосознанию (а также отдельным социальным и профессиональным группам) на разнообразном региональном материале, объединяет подчеркивание того, что правовые воззрения россиян в эпоху Великих реформ претерпели изменения, но сохранялось влияние традиций патернализма¹³.

Созданные на сибирском материале исследования, так или иначе сопряженные с поставленной проблематикой, можно дифференцировать следующим образом: 1) непосредственно посвященные особенностям правового сознания и правовой культуры городского населения, а также более «широким» ментальным структурам (Е. А. Андреева, А. А. Валитов, А. И. Куприянов, М. Ш. Альмухаметова, О. Н. Науменко); 2) связанные с изучением какой-либо группы городского социума, породившие необходимость обращения к особенностям ее сознания, в том числе и правового (К. А. Анкушева, В. П. Бойко, Ю. М. Гончаров, Т. В. Доронина, В. П. Зиновьев, В. А. Скубневский, В. С. Чутчев); 3) рассматривающие общественно-политическое развитие региона (Е. А. Дегальцева, А. П. Толочко, О. А. Харусь, М. В. Шиловский).

Объектом исследования в нашей будущей работе выступает население крупных городов Западной Сибири в соответствии с его профессиональной и сословной принадлежностью. Пред-

метом – его правовое сознание как сложно структурированная духовная система представлений, взглядов, идей, убеждений, чувств, эмоций, настроений, психологических переживаний, складывающихся по поводу правовой действительности в процессе ее отражения, осмысления, познания, чувствования.

Территориальные рамки работы предположено ограничить территорией Западной Сибири. Она включает в себя Тобольскую и Томскую губернии с ключевыми крупными городами Томском, Барнаулом, Тобольском и Тюменью. Особенности развития региона и соображения, связанные с функционированием государственных структур, делают необходимым включение в территориальные рамки также г. Омска.

Нижней хронологической границей исследования является 1861 г. Это связано с качественно новым этапом в развитии государства, изменением взаимоотношений между государством, обществом и личностью, принципиальное влияние на которые оказали Великие реформы. 1904 г. – верхняя граница исследования. Это вызвано рядом обстоятельств. Во-первых, Первая русская революция явила качественно иные представления жителей страны относительно своих прав и обязанностей, а также прав и обязанностей государства и носителей власти. Во-вторых, легализация политических партий привела к сильному сближению и «смешиванию» политического и правового сознания, содержательно иным процессам, что является предметом для отдельного исследования. В-третьих, Манифест 17 октября 1905 г. и внесение 23 апреля 1906 г. изменений в Основные государственные законы, предоставив новый объем прав и обязанностей для подданных российского императора, неизбежно дали основание для изменений в правовом сознании горожан.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Муллов Н.* 1) Значение народных юридических обычаев // Журнал Министерства юстиции (ЖМЮ). 1862. № 1. С. 29–59; 2) О распространении в России юридических знаний // Там же. 1862. № 5. С. 297–325; *Г.* Об обычном праве // Там же. 1866. № 10. С. 3–27; *Метла.* Усвоение личностью права // Юрид. вестник (ЮВ) // 1877. № 7/8. С. 5–59; *Дриль Д.* Обычай и закон // Там же. 1883. № 6/7. С. 234–278; *Гольцев В. О.* О влиянии законодательства на нравы // Там же. 1885. № 11. С. 377–393; *Белогриц-Котляревский Л. С.* Творческие силы обычая в уголовном праве // Там же. 1891. № 2. С. 210–236.

² *Дейтрих В. Ф.* О суде присяжных: вопрос его реорганизации // ЖМЮ. 1985. № 6. С. 1–23; *Закревский И. П.* Суд присяжных и возможная его реформа // Там же. 1895. № 12. С. 55–85; *Лозинский М. А.* Реформа суда присяжных // Там же. 1896. № 8. С. 105–116; *Фойницкий И. Я.* Правосознание русского суда присяжных // Там же. 1896. № 10. С. 111–143; *С-в И.* О суде присяжных и статистике его решений в отношении к сословиям, к которым присяжные принадлежат // ЮВ. 1871. № 1. С. 50–65; *Х. У. З.* Хроника уголовного суда: отчето присяжные заседатели оправдывают сознавшихся подсудимых // Там же. 1880. № 2. С. 354–397.

³ *Малютин А. В.* Учение о правосознании в юридической мысли России. Чебоксары, 2004. С. 137.

⁴ *Камкин А. В.* Правосознание и правотворчество государственных крестьян Европейского Севера (вторая половина XVIII в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. С. 2.

⁵ *Фарбер И. Е.* Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963. С. 187.

⁶ *Аграновская Е. В.* Правовая культура и обеспечение прав личности. М., 1988; *Ершова Л. А.* Правовая культура должностных лиц и пути ее формирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991.

⁷ *Бондарев А. А.* Профессиональное правосознание государственных и муниципальных служащих: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000; *Жуков Е. А.* Профессиональное правосознание сотрудников уголовного розыска: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1997; *Коробка В. Н.* Деформация профессионального правосознания следователей органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002; *Кузнецов Р. А.* Деформация профессионального правосознания юристов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.

⁸ *Бондаренко М. В.* Правовая культура и правомерное поведение в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002; *Гулипп А. А.* Деформационные процессы в правосознании гражданского населения в постсоветский период: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004; *Жикревецкая Ю. В.* Правосознание россиян в переходный период развития общества: дис. ... канд. юрид. наук. Нальчик, 2004; *Петров В. Ф.* Деформация правосознания граждан России: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000; *Пчелинцев В. А.* Трансформация правосознания общества в современной России: (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004.

⁹ *Козлов Ю. А.* Юриспруденция как фактор политико-правового развития России: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004; *Мезенцева Я. В.* Проблемы формирования российского правосознания в трактовке русских юристов второй половины XIX – начала XX в.: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004; *Сальников С. П.*

Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX в.: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008.

¹⁰ *Абдурахманова И. В.* Массовое правосознание в России в начале XX в.: факторы формирования и механизм трансформации (1900–1917 гг.). Ростов н/Д, 2007; *Ковалева И. В.* Ценности правовой культуры в представлениях российского общества конца XIX – начала XX в. Новгород, 2002.

¹¹ *Марченя П. П.* Массовое правосознание и победа большевизма в России. М., 2005.

¹² *Рогачевский А. Л.* Правовые взгляды немецких горожан XIII–XVII вв. СПб., 1996.

¹³ *Кижяева Т. А.* Менталитет и социальное поведение сельского населения Томской губ. в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006; *Лобачева Г. В.* Самодержец и Россия: образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX – начало XX в.). Саратов, 1999; *Напалкова И. Г.* Рабочий вопрос в России в XIX – начале XX в.: традиции социального патернализма: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005; *Поршнева О. С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; *Сергеев А. В.* Менталитет российского провинциального общества на рубеже XIX–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2007; *Шагушина А. В.* Массовое сознание российского провинциального пролетариата на рубеже XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.

УДК 947(571)

Б. В. Архипов

Курганский государственный университет

КИНООБРАЗЫ И ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОТ «АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО» К «АЛЕКСАНДРУ. НЕВСКАЯ БИТВА»

В последние годы несколько снизилась острота проблемы формирования общероссийской идентичности. Меньше стало сепаратистских тенденций в ряде национальных субъектов РФ, возросло благосостояние части населения страны, появились поводы для гордости не только за прошлое, но и за настоящее страны. Спортивные успехи, активная и независимая внешняя политика, развитие экономики – все это заставляет молодежь с гордостью говорить: «Мы – русские». Все чаще употребляется и уже прочно вошло в наш обиход новое слово, подчеркивающее не национальную принадлежность, а гражданство: «россияне», т. е. граждане Российской Федерации, что также свидетельствует о формировании общероссийской идентичности. Большую роль в этом процессе играют средства массовой информации, начавшие уделять внимание не только жизни жуликов и богатых домохозяек, не знающих, чем себя занять, но и развитию патриотизма. Помимо репортажей о текущих успехах, играют свою роль в этом процессе и многочисленные, к сожалению, программы, посвященные исторической тематике.

Средства массовой коммуникации вообще играют все большую роль в жизни современного мира. Из всего многообразия выполняемых ими социальных функций применительно к вопросу формирования национальной идентичности хотелось бы выделить идеологическую и воспитательную. В процессе реализации этих функций большую роль играют образы исторических деятелей, исторические представления. Образы героев формируют своеобразный идеал, образец для подражания, повод для гордости. При этом они зачастую носят собирательный характер, что способствует усилению их воздействия на аудиторию. Герой должен быть носителем идеи патриотизма, примером служения стране и народу. При этом человеческие качества героя являются скорее неким дополнением, которое должно придавать его образу дополнительную силу и глубину. В полной мере данный подход реализовывался в советском кинематографе, однако можно проиллюстрировать его примерами и из зарубежного (например, американского) кино. Естественно, что все сказанное относится, прежде всего, к фильмам, претендующим на историчность, повествующим о событиях, оставивших заметный след в истории нашей страны. Такой герой является выразителем национальной идеи, носителем и проводником присущей обществу системы ценностей, тем, с кого можно «делать жизнь». При этом собственно герой может быть как историческим персонажем, так и произвольным собирательным образом, как, например, герои фильмов «Семнадцать мгновений весны», «Офицеры».

В современном российском (постсоветском) кинематографе оказалась во многом утрачена культура создания такого героя. Его образ, на наш взгляд, изменился под воздействием таких факторов, как стремление к зрелищности, за которой забывается основная задача фильма, стремление уйти от прямой идеологизации советского кино, отсутствие национальной идеи, которая могла бы сменить лозунг строительства коммунизма. То есть, с одной стороны, эта ситуация является порождением существующего идеологического вакуума, а с другой – еще более его усугубляет.

Попытаемся проиллюстрировать сказанное на примере кинообраза Александра Невского. Он интересен тем, что мы можем сравнить два варианта воплощения его на экране, причем оба фильма можно позиционировать как имеющие историко-патриотическую направленность, однако сняты они были в различной социально-политической обстановке.

Фильм «Александр Невский» снят Сергеем Эйзенштейном в 1938 г., в условиях ухудшающейся международной обстановки и нарастающего противостояния СССР и Германии. Вторым важным моментом являлись жесткие идеологические установки, существовавшие в тот период. В подтверждение этого приведем цитату из статьи, посвященной «Александру Невскому» и опубликованной в газете «L'Humanite»: «... во избежание идеологических отклонений следовало поставить Эйзенштейна в жесткие рамки, приставив к нему сотрудников, пользующихся абсолютным доверием партии: второго сценариста Петра Павленко, сорежиссера Дмитрия Васильева, второго директора по работе с актерами Елену Телешеву и исполнителя главной роли члена Верховного Совета Николая Черкасова»¹. Всё это, безусловно, четко отразилось в фильме. Сам он не выделяется запутанными сюжетными ходами, прорисовкой сложных образов, нюансами поведения или душевных переживаний героев. Все предельно просто: есть страна, Родина, которую необходимо защищать ценой собственной жизни, этой цели подчинено все действие картины. А с другой стороны есть враг, который покушается на Родину и народ (сцена с костром после захвата Пскова). При этом через образы «наших» и прежде всего самого Александра Ярославича и реализуются стоящие перед фильмом задачи. Александр предстает руководителем страны, человеком государственного масштаба, который противостоит не только врагу внешнему, но и внутреннему, боярам-предателям, готовым пойти на сговор с противником. Он талантливый военачальник, тщательно продумывающий все действия, защитник простого народа (это не вяжется, конечно, с исторической достоверностью, но хорошо дополняет образ), патриот. Четко прослеживается не только национально-государственное противостояние с вероятным противником, олицетворяемым в фильме Ливонским орденом, но и классовый подход, классовая борьба. Проявляется и существовавшая в 1930-е гг. надежда на братские чувства классово близких слоев населения сопредельных государств, попытки обращения к ним, в частности, в сцене прощения наемников-пехотинцев Александром. Сам же образ князя оказывается как бы поднятым над классовыми отношениями.

Фильм «Александр. Невская битва» был снят режиссером Игорем Калёновым и вышел в прокат в 2008 г. В прокате он позиционировался как историко-патриотический, в дисковой версии жанр определен как исторический боевик. Название фильма предполагает рассказ о достаточно незначительном по масштабам, но знаковом в истории нашей страны событии – Невской битве. Вынесение в заглавие имени князя с названием битвы, ставшей и для него, и для страны знаковой, настраивает на раскрытие этой знаковости, на показ становления самого князя и исторического выбора страны. Однако ничего этого в фильме почти нет. Перед нами предстает действительно некая смесь боевика, детектива (поиски шпиона) и мелодрамы (треугольник «князь – княжна – Ратмир»). Александр предстает то как воин во главе небольшой дружины, то как человек, умиротворяющий новгородское вече из десятка человек, то просто в роли детектива. Из всех этих мелких подробностей не складывается общей картины, образа героя, на примере которого хотелось бы учиться и которому хотелось бы подражать. Нет ощущения становления действительно государственного человека. Невская битва, вынесенная в заглавие фильма, практически остается за кадром. Нет картины подготовки, ощущения надвигающейся опасности, на последних минутах фильма происходит просто некая непонятная стычка и, собственно, всё. Изобразительный ряд фильма в целом насыщен действием, все красочно и красиво, в то же время не хватает широты, простора. Все действие разворачивается в какой-то камеральной обстановке, даже заключительное сражение происходит на совершенно невнятном пятачке.

В сравнении двух экранизаций выигрывает, безусловно, первая. «Александр Невский» порождает чувства гордости за Отечество, сопричастности к великим событиям истории страны,

стремление равняться на героев. «Александр. Невская битва» вызвал, пожалуй, лишь некоторый интерес к описываемой эпохе, что, впрочем, тоже неплохо. Отсутствие четкой цели, идеи и одновременно погоня за зрелищностью не добавили фильму глубины.

В целом можно отметить тот факт, что советский кинематограф оставил нам многочисленные примеры фильмов, воспитывающих патриотические чувства, череду киногероев, которые могли иметь или не иметь конкретных исторических прототипов, однако воспитывали подрастающее поколение, формировали исторические представления, образы. В современной российской истории подобных примеров, к сожалению, очень немного. Можно констатировать, что российскому кинематографу еще предстоит пройти путь, пройденный некогда советским, и найти ту идею, обращение к которой могло бы поднять на новый уровень сами фильмы и способствовало бы развитию общества, в частности, его объединению, формированию общероссийской идентичности.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ «Александр невиский»: подлинная история культового фильма // inoСМИ: всё, что достойно перевода. URL: <http://www.inosmi.ru/untitled/20020518/140737.html> (дата обращения: 4.06.2010).

УДК 947(571)

О. В. Блинова

Омский государственный педагогический университет

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК УЧИТЕЛЬСТВА В ГАЗЕТНОЙ ПРЕССЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Дореволюционное учительство как корпоративное объединение не раз становилось объектом исследования историков. Отечественными исследователями рассматривались различные аспекты профессиональной и общественной деятельности педагогов на материалах статистического характера (переписи, памятные книжки учебных округов и т. д.), с использованием документов личного происхождения¹. Однако до настоящего времени остаются незаслуженно забытыми или, во всяком случае, редко привлекают внимание ученых, занимающихся историей учительства в дореволюционной России, материалы региональной периодической печати. Между тем, данный источник предоставляет нам возможность выявить специфику профессионального сообщества учителей, охарактеризовать образ учительства в общественном мнении.

Либеральная газетная пресса Западной Сибири рубежа XIX–XX вв. содержит богатейшие разноплановые сведения, позволяющие реконструировать социокультурный облик учительства названного региона. Под социокультурным обликом учителя мы понимаем совокупность черт объективного характера, дающих информацию о материально-правовом положении педагога в дореволюционной школьной иерархии, и субъективных характеристик, касающихся положения учителя в обществе, его отношения к своей профессиональной деятельности и к ученикам, оценки своей профессиональной и общественной роли в жизни региона. В отличие от материалов делопроизводственной документации или источников личного происхождения, данные периодической печати позволяют проследить субъективное восприятие педагогов глазами той части общества, чьи взгляды отражали либеральные периодические издания.

В данной публикации мы намерены, основываясь на материалах газет, охарактеризовать специфику материально-правового положения учителей средней и начальной школы; определить отношение либеральной общественности к учительству западносибирских губерний.

Как уже было упомянуто, нами привлечены газеты либерального направления, выходившие в Томске («Сибирская жизнь» за 1897–1913 гг.), Тобольске («Сибирский листок» за 1887–1913 гг.), Омске («Степной край» за 1893–1905, «Омский телеграф» за 1907–1913 и «Омский вестник» за 1909–1914 гг.). Выбор этих изданий объясняется нашим стремлением выявить мнение либе-

ральной интеллигенции о наиболее злободневных проблемах повседневной жизни, профессиональной и общественной деятельности западносибирского учительства, определить степень заинтересованности общественного мнения сибирской провинции в их разрешении. При обращении к такому массовому виду источников необходимо помнить о значительной степени его влияния на широкого читателя и, соответственно, о «дистраивании» в сознании обывателей образа той или иной категории педагогов. В то же время газеты публиковали правительственные распоряжения, касающиеся учителей, что позволяет получить информацию об объективных изменениях в положении этой группы западносибирской интеллигенции и о тех задачах, которые ставила перед ней учебная администрация.

Обращение к западносибирской прессе рубежа веков позволило выявить общие черты, характерные для преподавателей среднего и начального звена. Делопроизводственные материалы, публиковавшиеся на страницах привлеченных нами газет, и публицистические статьи свидетельствуют о том, что преподавательский состав средней школы (гимназии, реальные училища) был представлен людьми, получившими высшее образование и получающими сообразно занимаемому ими положению высокие зарплаты и чины за выслугу лет. Плюсы данной службы порождали неожиданные результаты. Так, газета «Сибирская жизнь» констатировала в 1900 г.: «К характерным особенностям нашей средней школы принадлежит, между прочим, устойчивость и даже неподвижность преподавательского персонала. Почти 1/5 часть всех учителей гимназий и прогимназий прослужили более 25 лет (а 4 % их даже более 35), а учителя, состоящие на службе от 1 до 10 лет, составляют всего 1/7 часть преподавательского персонала. Благодаря этому обстоятельству, в гимназиях и прогимназиях округа открываются ежегодно только 1–2 вакансии на учительские должности, отчего гимназии почти совершенно лишаются притока свежих сил»². Эта система поощрения соответствовала системе награждения чиновничества и характеризовала отношение государства к названной профессиональной категории и задачам, стоящим перед ее членами. Как правило, в официальном и общественном обращении к учителю средней школы, отраженному в региональных газетах, звучало понятие «чиновник».

Учителя народной школы представляли собой низшую ступень в школьной иерархии Министерства народного просвещения (МНП). Они не входили в число штатных учителей, на них не распространялась система льгот и поощрений, предназначенная для таковых. Лейтмотивом газетных публикаций, посвященных народным учителям, является описание тяжелейшего бесправного положения сельского учителя, вызванное его материальной необеспеченностью и отсутствием непосредственного вышестоящего начальства, отвечающего за стабильность его благосостояния и соблюдение прав. В газете «Степной край» за 1897 г., к примеру, читаем: «Сельский учитель, так высоко ценимый в западных государствах, у нас, в большинстве случаев, представляет чуть ли не самое забытое существо во всем интеллигентном пролетариате, существо полуголодное, забитое, ставящее себе идеалом материальное и социальное положение сельского священника, дьякона, писаря, урядника и т. п.»³. Авторы западносибирских газет многократно писали о том, что низкий, порой минимальный уровень образования сказывался не только на профессиональном качестве сельских учителей, но и на их возрасте и стаже работы. В село шли учительствовать в основном молодые кадры, служившие в этом качестве недолго, нередко для получения прав, предоставляемых учителю – освобождения от несения военной службы и выхода из податного сословия. Типично в этом смысле мнение корреспондента газеты «Омский телеграф»: «Лицо, имеющее звание учителя начального училища, на все время, пока оно занимает должность учителя начального училища, должно быть освобождено от платежа всех общественных сборов, которые раскладываются по душам»⁴.

Наконец, третью категорию учителей представляли собой педагоги церковноприходских школ (ЦПШ) – училищ, учрежденных при Святейшем Синоде и получивших широкое распространение с 1884 г. Газеты активно информировали читающую общественность о трудностях материально-правового положения этой учительской группы, сложившихся в силу большей консервативности и жесткости устоев внутрицерковной иерархии по сравнению со школами МНП. Авторы востребованных нами изданий писали о том, что учителя церковноприходских школ в материальном отношении уступали сельским учителям «министерских» школ, хотя имели схожий с ними образовательный ценз или же оканчивали низшие духовные училища. Периодическая печать не раз описывала бедственное положение учителей ЦПШ для привлечения внимания общественности к этой бесправной категории учителей, не имеющих даже возможности самим сообщить о своих бедах. «Подлежащее начальство в лице наблюдателей

снабжает школы книгами духовно-нравственного содержания, совершенно не обращая внимания на общее развитие... Учительской библиотеки также не существует. Многие из заведующих школами запрещают учителям и учительницам читать журналы и газеты, за исключением газет, в коих сотрудниками состоят члены “Союза истинно русских людей”; вообще, многие из заведующих желают перевоспитать своих учителей по “Домострою”: бесстрашие телесное, ступание кроткое, глас умерен, слово благочинно, пища и питание немятежно, при старейших молчание, мало вещати, не продерзновать словом, не избыточествовати беседою, долу зрение имети, горе же душу. Тем паче учительницам не подобают волосы, как у блудницы (пышная прическа). Слишком светская, суетная, франтовская внешность учащего мешает школьнику возноситься мыслями в горняя», – писала «Сибирская жизнь» в 1908 г.⁵

Исходя из приведенных выше характеристик педагогов различных ступеней школьной иерархии, отраженных в западносибирских газетах, можно судить о характере задач, стоящих перед ними. Учителя МНП, будь то преподаватели средней школы или сельские учителя – прежде всего государственные служащие разного ранга. Их задача состояла в воспитании нового благонадежного поколения: для сельского учителя – воспитание преданных подданных (большее от него не зависело и это определяло отношение к нему), для педагога средней школы – создание нового поколения чиновничества, подготовка свежих кадров, необходимых мощной государственной бюрократической машине. Вхождение будущего государственного служащего в бюрократическую систему должно было начинаться со школы, где ученика включали в систему подчинения учителям и вышестоящему начальству школы. Форма учителей, знаки отличия, чины способствовали внешнему оформлению этой субординации. Общественное мнение по отношению к учителям той и другой категории наглядно представлено в газетных статьях и сообщениях.

Проявлением общественных ожиданий от учителей стало обсуждение проблемы самоубийств школьников. Распространенные упреки в адрес учителей зафиксированы на страницах «Омского вестника»: «Жаль, что при этом не было совсем учительского персонала реального училища. Прислушиваясь к разговорам о причинах преждевременной смерти мальчика, нельзя не прийти к такому заключению, что таковыми были тяжелая семейная обстановка и формальное отношение со стороны педагогов покойного, не пожелавших заглянуть в душевный мир ученика»⁶. В другой заметке «Омского вестника» приведено обсуждение съездом городских учителей этой же проблемы. Заслушан доклад о самоубийствах учеников. Принято достаточно показательное, с точки зрения выявления статуса учительства, решение: «Материальное и особенно правовое положение учителей низшей школы должно быть улучшено, ибо его необеспеченность, с одной стороны, и зависимость от всех и каждого, с другой, являются часто причинами его известной неуравновешенности в обращении с учащимися, излишней строгости, нередко доводящей ученика до роковой развязки»⁷. Если для народного учителя оправдание заключалось в его бесправном положении, то учитель средней школы порой воспринимался обезличенным винтиком государственной машины, часто неспособным понять других.

Публикации об учителях в западносибирских газетах не только отображали реальное положение вещей, они, прежде всего, призваны были повлиять на эмоциональный настрой читателей. Задачей корреспондента было сделать читающую аудиторию сочувствующей общественно-политическим и морально-нравственным взглядам автора. При этом прослеживается во многих статьях народническая идеализация сельских учителей как выходцев из народа, чей труд объявляется несравненно более благородным, чем ежедневно наблюдаемая служба педагогов средней школы.

Между тем, письма народных учителей в редакции газет дают нам информацию об отсутствии подлинной заинтересованности их проблемами со стороны образованной публики крупных западносибирских городов – основной читательской аудитории вышеперечисленных газет⁸. Учителя ЦПШ зачастую оказывались в полной идеологической изоляции. Корреспонденты либеральной прессы нередко помещали в газетах сообщения, подобные этому: «Как мы слышали, Тобольский училищный совет, ведающий церковноприходскими школами губернии, оштрафован почтовым ведомством на 30 руб. за обнаруженную в одном из пакетов училищного Совета литературу “Союза истинно русских людей”. Пакет по дороге прорвался, и вывалившееся из него содержимое обнаружило свое настоящее отношение к делам училищного совета»⁹.

Как отмечали авторы западносибирских газетных изданий, низкий материальный и правовой статус педагогов ЦПШ обосновывался церковными иерархами неким подвижничеством их деятельности, подобием их труда и тяжелого положения труду и невзгодам первохристиан, труду их Учителя. Строгая аскеза, отвлечение от всего мирского для сосредоточения на духов-

ном, очищение своих мыслей для поучения других. «Одной из уволенных учительниц поставили в вину то, что в ее комнате были развешаны, в виде украшений, портреты современных писателей: Льва Толстого, Андреева и “других порнографов”, как гласит официальный документ», – сообщалось в «Омском вестнике»¹⁰. Отношение к учителям ЦПШ в среде мыслящей интеллигенции было неоднозначным, так как нередко в них видели проводников враждебной либеральной интеллигенции идеи церковного влияния на весь ход учебного дела в деревнях.

Анализ данных дореволюционной прессы позволяет говорить о наличии в сознании городской общественности разграничения института учительства по профессионально-нравственным критериям на чиновников (учителей средней школы) и подлинных народных просветителей («начальных педагогов»). Необходимо учитывать, что схема подобного деления учебного сообщества относится к представлениям достаточно узкой категории либерально мыслящей образованной среды крупных западносибирских городов, представлявших аудиторию газетных изданий, ставших предметом нашего исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Лейкина-Свирская В. Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М., 1981; *Матханова Н. П.* Учебные заведения и учителя в сибирской мемуаристке XIX в. // *Пишем времена и случаи.* Новосибирск, 2008. С. 160–164; и др.

² Дефекты средней школы // *Сиб. жизнь.* 1900. 29 февр. С. 3.

³ Среди газет и журналов // *Степной край.* 1897. 7 дек. С. 2.

⁴ Хроника // *Омский телеграф.* 1912. 13 июля. С. 3.

⁵ Заметка о ЦПШ // *Сиб. жизнь.* 1908. 30 апр. С. 3.

⁶ Родителям и педагогам // *Омский вестник.* 1912. 25 июня. С. 3.

⁷ Съезд городских учителей // *Там же.* 1909. 19 июня. С. 3.

⁸ Среди газет и журналов // *Степной край.* 1899. 30 апр. С. 2.

⁹ Городская хроника // *Сиб. листок.* 1907. 13 мая. С. 3.

¹⁰ Увольнение учительниц // *Омский вестник.* 1910. 1 апр. С. 3.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор Н. Н. Родигина.

УДК 211.5(091)(517.15)

Н. М. Бурик

Алтайская государственная педагогическая академия (Барнаул)

ОБРАЗ СВЯЩЕННИКА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРЕССЕ АЛТАЯ

Данная работа посвящена выявлению и характеристике образа священника, сконструированного региональной прессой дореволюционного периода. Нами проанализирована ежедневная общественно-политическая и литературная газета «Жизнь Алтая» за 1911–1918 гг., которая являлась самой крупной и авторитетной в Барнауле и на Алтае в эти годы. Газета имела либерально-демократическую направленность, учитывала интересы разных слоев читателей. В числе сотрудников были кадеты, эсеры, социал-демократы. Работа с текстами позволила выявить наличие разных, порой противоположных мнений о священниках в общественном мнении дореволюционного Алтая.

Первый образ представляет собой совокупность отрицательных черт, ведущими из которых являлись жадность и корысть. Священники открыто занимались денежным вымогательством у прихода, расходовали церковные деньги на собственные нужды, заключали невыгодные для прихожан сделки. Например, отец Петр Пушкарев, который проживал в с. Нечунаево Чарышской волости Змеиногорского уезда, для того, чтобы повенчать молодых людей, требовал воз-

награждение по определенному тарифу. Прежде всего, жениху необходимо было съездить в поле за сеном для отца Петра. Только после этого батюшка благословлял жениха на брак. За сватав невесту, жених вновь приходил к нему для того, чтобы узнать, сколько стоит венчание. Существовал определенный договор между прихожанами и батюшкой, в котором была установлена фиксированная плата за данный обряд. Однако священник, руководствуясь своей выгодой, требовал в несколько раз больше установленной суммы. Ситуация доходила до абсурда: если жених и невеста не знали молитвы, то должны были откупаться кулем пшеницы не меньше 6 пудов и кулем или двумя овса¹.

Другая черта отрицательного образа священника складывается из таких человеческих качеств, как жестокость, грубость и деспотизм. Грубое отношение с людьми было не редкостью среди священников: батюшка мог накричать даже на женщину; отмечены и случаи рукоприкладства. Так, отец Дербский, преподававший закон Божий в Иркутске в Иннокентьевской школе, недовольный ответами ученика, сильно ударил его по голове, а когда тот заплакал от боли, то пришел в ярость и стал бить мальчика, приговаривая: «Я не люблю, когда плачут, – за то и бью, что плачешь». Удары были настолько сильными, что на голове ребенка появились опухоли².

Отрицательный образ священников дополнялся их пристрастием к вредным привычкам. Школьники одного из сел Барнаульского уезда были свидетелями частых сцен, когда между учителем и батюшкой происходили ссоры. Поводом для этого было то, что священник, по словам учителя и свидетельствам детей, нередко проводил время за кружкой вина и курением табака³.

Второй образ, выявленный в дореволюционной прессе Алтая, свидетельствует о положительных качествах сельских и городских священнослужителей. В волостном селе Шипуновское Барнаульского уезда зарекомендовал себя с хорошей стороны отец Илья Попов. Его главной заслугой было оборудование народной библиотеки, открытой им при поддержке известного мецената и поборника просвещения П. И. Макушина⁴.

С отцом Александром Слободским, который проживал последние годы своей жизни в Барнауле, у сибирского общества были связаны самые теплые воспоминания. Это был скромный и светлый человек. До 1905 г. отец Александр священствовал в с. Белоглазовском. В указанном году он перевелся в Барнаул, а с 1908 г. был утвержден в должности благочинного округа № 18. Он занимал должность законоучителя женской гимназии, учрежденной Будкевичем, с самого ее основания. Отец Александр много времени проводил в гимназии, работа в ней была частью его жизни, подтверждением этого являлась любовь и уважение со стороны воспитанниц. У отца Александра не было никаких денежных накоплений, и после его смерти семья в девять человек осталась без средств. Бескорыстно и честно исполнял он свой долг, не жалея себя. Уже будучи больным, служил обедни и вечерни, занимался в гимназии, и только недели за две до кончины, уже совершенно обессиленный, слег в постель⁵.

В с. Бобровском Змеиногорского уезда с 1914 г. не было фельдшера, и больным приходилось ездить в Усть-Каменогорск, за 27 верст. На помощь жителям пришел приходской священник отец Александр Хоперский. Он на свои личные средства нанял фельдшера, приобрел необходимые медикаменты и открыл бесплатную лечебницу для семей запасных, ушедших на войну, и для раненых, участвовавших в Первой мировой войне. Кроме того, отмечен случай, когда отец Александр раздал нуждающимся солдатским семьям 150 пудов собственного хлеба и 20 возов сена и дров⁶.

Подводя итог, отметим, что газетные статьи дореволюционного периода свидетельствуют о неоднозначности образа священника. Преобладают статьи критической направленности: священнослужители крикливы, придирчивы, грубы в обращении с прихожанами, показывают свое превосходство. Менее ярко представлен положительный образ батюшки. Надо учитывать, что сугубо положительными чертами священники наделялись преимущественно в некрологах, которые в силу специфики жанра не могли содержать отрицательных оценок.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Такса за браки // Жизнь Алтая. 1913. № 41. С. 3.

² Пастырь добрый // Там же. 1915. № 88. С. 3.

³ О просветителях // Там же. 1911. № 240. С. 3.

⁴ Утрата // Там же. 1914. № 202. С. 3.

⁵ Памяти о. Александра Слободского // Там же. 1914. № 220. С. 3.

⁶ Хороший пример // Там же. 1915. № 57. С. 3.

ПЕРСониФИЦИРОВАННЫЕ СИМВОЛЫ ДВИЖЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ И ПРОБЛЕМА ПОИСКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. (ОПЫТ АНАЛИЗА ДВУХ БИОГРАФИЙ)

Вторая половина XIX в. стала для России временем грандиозных потрясений. Этот сравнительно небольшой по историческим меркам период вместил в себя попытку экономической и политической модернизации, период контрреформ, формирование общественно-политических течений, острую борьбу между правительством и радикальными группировками. Переживая ломку традиционных устоев, российское общество столкнулось с проблемой самоидентификации. И как это часто случается в подобных ситуациях, оно обратилось к историческому опыту, рефлексия над которым помогала преодолению кризиса идентичности и определению исторических перспектив. Одним из таких «рефлексивных» сюжетов стала история движение декабристов.

Особенности осмысления истории декабризма во второй половине XIX в. достаточно подробно описаны в исследовательской литературе. В частности, исследователями выделены и охарактеризованы периоды его изучения, выявлена зависимость между политическими убеждениями авторов и их интерпретацией истории движения и т. д.¹ Вместе с тем, движение декабристов состояло из конкретных личностей, которые часто придерживались разных общественно-политических взглядов, обладали противоречивыми характерами, демонстрировали различные модели поведения. Если обратиться к обширной историографии декабризма, то видно, что у каждого поколения были свои «предпочтения» среди участников движения, а общая оценка движения часто не совпадает с оценкой его конкретных представителей. В связи с этим вопрос о персонифицированных символах декабристского движения во второй половине XIX в., выяснение причин обращения к определенным именам представляется весьма актуальным для того, чтобы понять атмосферу эпохи, расширить наши представления об историографии декабризма.

В настоящей работе мы остановились на двух представителях декабристского движения – А. А. Бестужева-Марлинском и К. Ф. Рылееве, что обусловлено следующими причинами. Результаты, полученные нами в ходе анализа библиографических справочников и исследовательских работ, показали, что в рамках интересующего нас периода Бестужев и Рылеев являлись мифмейкерами движения декабристов². Именно им было посвящено наибольшее количество биографических статей, заметок, монографий, их имена встречаются практически во всех работах, так или иначе затрагивающих историю движения. Кроме того, в представлении публицистов второй половины XIX в. Бестужев и Рылеев были «неразлучны и в истории нашей литературы, и в истории нашего политического движения 20-х годов»³.

Популярность Бестужева и Рылеева вполне можно объяснить их литературной деятельностью. К тому же Бестужев и Рылеев играли ведущие роли в «Северном обществе» и являлись активными участниками восстания 14 декабря 1825 г.

Вместе с тем, при прочтении публикаций становится очевидным, что практически все авторы сходились во мнении о посредственности литературного таланта, как Бестужева, так и Рылеева⁴. Не признавали за ними и какие-либо выдающиеся политические заслуги. Так, один из авторитетнейших декабристологов пореформенного периода М. И. Семевский в качестве основной причины участия А. А. Бестужева в деятельности тайных обществ называл желание играть роль⁵. Другой видный общественный деятель и литературный критик конца XIX – начала XX в. – Н. Г. Котляровский – назвал Рылеева идеологом «с малым запасом знаний»⁶. Но тогда встает вопрос: что же так привлекало многочисленных авторов в биографиях обоих выделенных нами декабристов?

На наш взгляд, на примере биографий Бестужева и Рылеева образованная элита пореформенного периода пыталась сконструировать черты политического и общественного деятеля, который бы соответствовал их представлениям о русской национальной идентичности.

Во второй половине XIX в. история движения декабристов не только сформировалась как научная дисциплина, став неотъемлемой частью общественного сознания, но и приобрела ряд устойчивых моделей осмысления, центральной из которых стало признание нравственного

приоритета в деятельности декабристов. Ситуация, когда участники движения априори получали оправдания, давала авторам свободу для конструирования различных теорий: можно было не только использовать положительные моменты, но и находить поводы для критики. Данное обстоятельство было особенно актуально для Бестужева и Рылеева, которые вообще стали «рыцарями» среди декабристов. Романтический же ореол, созданный вокруг декабристов, придавал им еще большую весомость в глазах читательской аудитории.

Лейтмотивом большинства публикаций, посвященных Бестужеву и Рылееву, было описание «мук», которые испытывали декабристы при виде страданий русского народа. Уделялось много внимания и конкретным действиям – таким, как служба К. Рылеева на посту народного судьи⁷, отношение А. Бестужева к рядовым солдатам во время его службы на Кавказе⁸.

В искренней любви наших двух героев к родине и народу не сомневались и представители консервативного лагеря. Так, публицист консервативного толка Д. Кропотков в работе, посвященной весьма одиозной фигуре М. Н. Муравьева, довольно резко отзывался о декабристах в целом, однако Бестужев и Рылеев, по его мнению, были настоящими «борцами» за народное благо⁹.

Еще ярче этот аспект проявлялся через противопоставление двух лидеров декабристского движения – Пестеля и Рылеева. Так, Н. Сироткин утверждал, что в отличие от пылкого Рылеева, который искренне желал блага России, «Пестель мечтал о какой-то революции для собственного блага, не для блага народа; он не считал даже нужным справиться, нужна ли она народу», он «жестоко мучил солдат в надежде возбудить в них ненависть к начальству»¹⁰.

С именами декабристов представители интеллектуальной элиты второй половины XIX в. связывали такое понятие, как гражданский патриотизм. Так, один из крупнейших представителей народническо-либеральной публицистики конца XIX – начала XX в. отмечал: «Рылеев до того был проникнут любовью к Родине, что его поэзия всегда была только искренним выражением глубоких гражданских убеждений поэта»¹¹.

В процессе конструирования в публицистике второй половине XIX в. модели национальной идентичности Бестужев и Рылеев выступали не только в качестве положительных образов. Довольно часто на примере их жизненного пути авторы старались «дать уроки» современникам, предостеречь их от ошибок.

Вторая половина XIX в. была богата социальными теориями радикального толка. Поэтому для образованной элиты пореформенного периода важны были не только любовь к народу и готовность к самопожертвованию, но и чувство сопереживания проблемам народа. В представлении публицистов, декабристы не являлись носителями народности в ее классическом понимании. Видный общественно-политический деятель либерального толка и один из авторитетнейших декабристологов пореформенного периода А. Н. Пыпин отмечал, что в народности декабристов «было нечто искусственное ... нечто чужое, потому что в этом направлении еще заметны были следы влияния европейской литературы, чувствовалась предвзятость чуть наивная, с которой он обращался к предмету...»¹². Только непосредственное обращение к народу помогало преодолению отчужденности. Так, возвращение среди простых солдат во время службы на Кавказе помогло Бестужеву понять истинный дух русского народа, и именно ему «принадлежит честь одного важного литературного открытия. Он открыл русского солдата и офицера, того самого, которым у нас все восхищались, и о котором, кроме заученных фраз, не умели сказать ничего»¹³.

Подводя итог, мы можем отметить, что для представителей интеллектуальной элиты второй половины XIX в. А. А. Бестужев-Марлинский и К. Ф. Рылеев являлись моделями для конструирования национальной идентичности, а не ее носителями. В качестве основных элементов моделирования использовались гражданский патриотизм декабристов в сочетании с их пониманием жизненных интересов народа, готовностью к самопожертвованию, но отрицалось использование ими иностранного опыта без четкой программы, которая соответствовала бы русской действительности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Невелев Г. А.* 1) Декабристы в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988; 2) История декабристов в трудах В. И. Семевского // История и историки: историогр. ежегод., 1973. М., 1975. С. 232–257; *Тарасова В. М.* Происхождение либеральной концепции декабризма // История и историки: историография истории СССР. М., 1965. С. 313–332.

² Селиванов В. Декабристы, 1825–1925 гг.: системат. указ. рус. лит. Л., 1925; Ченцов Н. М. Восстание декабристов: библиогр. М.; Л., 1929.

³ Котляровский Н. Г. Литературная деятельность декабристов: Кондратий Федорович Рылеев // Рус. богатство. 1904. № 8. С. 214.

⁴ Якушкин Е. И. К литературе и общественной истории, 1820–1830 гг. // Рус. старина. 1888. № 10. С. 149–168.

⁵ Семевский М. И. Александр Бестужев в Якутске // Рус. вестник. 1870. № 5. С. 220.

⁶ Котляровский Н. Г. Указ. соч. С. 48.

⁷ См., например: Сироткин А. Н. К. Ф. Рылеев: ист.-биогр. очерк // Рус. архив. 1890. № 6. С. 140–141.

⁸ См., например: Берже А. П. А. А. Бестужев в Пятигорске в 1835 г. // Рус. старина. 1878. № 10. С. 417–422.

⁹ См.: Кропотов Д. Из биографии графа Михаила Николаевича Муравьева // Рус. архив. 1874. № 1. С. 5–82.

¹⁰ Сироткин А. Н. Указ. соч. С. 162.

¹¹ Котляровский Н. Г. Указ. соч. С. 216.

¹² Пытин А. Н. Общественное движение при Александре I. СПб., 1881. С. 455.

¹³ Котляровский Н. Г. Указ. соч. // Рус. богатство. 1902. № 2. С. 217.

УДК 94(47) + 930

О. А. Власюк

Омский государственный педагогический университет

ОБРАЗ КАВКАЗА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ ИСТОРИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

В последнее время значительное внимание со стороны исследовательского сообщества сосредоточено на изучении образов различных регионов, в том числе и пограничных. Особым пограничным пространством является Кавказ. Исследователь Д. Н. Замятин подчеркнул исключительность положения Кавказа: «Кавказ обладает каким-то уникальным геополитическим статусом, обусловленным как его общегеографическим положением, так и ландшафтами. <...> Кавказ стал одной из основных транзитных зон. Кавказ играл роль перешейка, зажатого, с одной стороны, Черным, а с другой – Каспийским морем, по которому шли потоки людей, языков, культур»¹. Однако пространство Кавказа оказалось гораздо сложнее, многограннее, чем казалось первоначально, и присоединение этой территории привело к появлению на южных рубежах такого же «нестабильного» пространства, как и на западе России.

Эту нестабильность ярко охарактеризовал один из героев повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» барон Ливен, он говорил: «La Pologne et le Caucase, ce sont les deux cauterres de la Russie» («Польша и Кавказ – это две болячки России») ². Высказывание точное и емкое, так как присоединение пространства произошло, а процесс включения в уже существующую систему представлений еще не завершился. Русское историческое сообщество второй половины XIX в. в своих исследованиях также уделяло значительное внимание пространству Кавказа, однако описание этого пространства осложнялось политическими и идеологическими стереотипами в восприятии, отношении и оценке этого пространства.

Кавказ – достаточно значимый географический объект, который постоянно используется русскими историками при описании территории, заселенной славянами. Д. И. Иловайский подчеркивал, что «славянские племена ... далеко распространялись на юго-восток, до самого Кавказа и нижней Волги»³. Кавказ в сочинениях русского исторического сообщества представал в качестве труднопреодолимой границы, южного предела государства. Именно такая характеристика Кавказа встречается у Иловайского при описании владений князя Игоря. «Владения Руси при Игоре простирались с одной стороны на юго-восток до Кавказа и Таврических гор, на что указывает статья его договора относительно Корсуна и черных болгар, а с другой – они достигали на севере до берегов Волхова»⁴. В. О. Ключевский в своем «Курсе лекций по русской истории», описывая колонизационный процесс русского народа, также не обошел вниманием Кавказ. Показательно, что Кавказ в историческом исследовании предстает не только как географический объект, но и превращается в одно из направлений колонизации русского населе-

ния. «С начала XVII до половины XIX в. русский народ распространяется по всей равнине от морей Балтийского и Белого до Черного, до Кавказского хребта, Каспия и Урала и даже проникает на юг и восток далеко за Кавказ, Каспий и Урал», – отмечал историк⁵.

Кавказ в исследованиях русских историков второй половины XIX в. предстает как южная граница государства. Обычно в качестве границы выступают горные образования, которые отличаются непроходимостью. Однако характер и проницаемость границы могут быть совершенно различными. Именно степень проницаемости отчетливо показана в сочинениях русского исторического сообщества второй половины XIX в.

Русские историки в своих исследованиях подчеркивали, что через Кавказ и Урал на территорию России проникали кочевники. Эту мысль высказывал Д. И. Иловайский в своем исследовании «Начало Руси», отмечая, что «под белыми уграми обыкновенно историография разумела хазар. <...> Белые угры или хазары (м. б. и авары) у русских позднее встречаются, по видимому, под общим именем кавказских горцев или *черкесов*»⁶. В качестве транзитного пространства Кавказ предстает и в исследовании С. Ф. Платонова: «Проникая через Урал или Кавказ в Черноморье, кочевники держались вблизи от черноморских берегов в степной полосе, удобной для кочевья, и не заходили далеко на север, в лесные пространства нынешней средней России. Леса спасали здесь от окончательного разгрома пришлых орд постоянное местное население, состоявшее главным образом из славян и финнов»⁷.

Современные исследователи Кавказа подчеркивают, что со второй половины XIX в. возобладала военная тематика при описании пространства Кавказа: «История взаимоотношений России и Северного Кавказа предстает в них как бесконечная борьба»⁸. Русские историки в своих исследованиях также делали особый акцент на том, что Кавказ представлял собой южное, очень беспокойное и опасное пространство. Со стратегической точки зрения Кавказ воспринимался как форпост «мусульманской угрозы»⁹, так как это пространство активно поддерживалось Турцией. Конфессиональный компонент являлся базовым в восприятии «чужого» пространства, абсолютное неприятие мусульманства как религии предопределяло и отрицательное отношение к Кавказу.

Помимо прочего, русское историческое сообщество второй половины XIX в. воспринимало и описывало в своих сочинениях Кавказ как территориальное продолжение Османской империи. Это только усиливало отрицательное отношение к Кавказу, так как он в данном случае ассоциировался с Азией – абсолютно отрицательным пространством. И, соответственно, это пространство рано или поздно, но должно было бы стать зоной столкновения интересов России и Турции. Ситуацию противостояния двух государств великолепно описывал С. М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен». Историк отмечал, что в XVII в. дела Московского государства на Кавказе шли не очень удачно, «рано еще, не по силам было Московскому государству бороться в этих далеких краях с могущественными турками и персиянами»¹⁰. Характеризуя события XVIII в., русское историческое сообщество подчеркивало, что образ Кавказа как пространства угрозы для России не исчезал, а наоборот, только усиливался. Так, Соловьев словами А. П. Волынского выражал общее отношение русских историков в территории Кавказа. Волынский «не советовал сблизаться с владельцами других иноверных народов Кавказа и указывал на оружие как на единственное средство держать их в страхе и подчинении русским интересам»¹¹. В данном случае историк показывал один из вариантов удержания «чужого» пространства в «своем». С помощью силы и подчинения возможно только удержать, но не включить или присоединить «чужое» пространство.

Образ Кавказа как форпоста – угрозы со стороны мусульманства в сочинениях русских историков дополнялся образом плацдарма для борьбы с турками. В данном случае Кавказ предстал уже как необходимый компонент в борьбе с Персией, Турцией, европейскими государствами. Наличие намерений создать из народов Кавказа надежный оплот на юге для Российского государства отмечал в своей «Истории...» С. М. Соловьев. В качестве примера он приводил письмо А. Б. Черкасского, адресованное Петру I. Там говорилось, что турки намерены соединить под своей властью все кавказские народы вплоть до персидской границы: «... ежели ваше величество соизволите, чтоб оный народ не допустить под руку турецкую, но паче привести под область свою, то надлежит, не пропуская времени, о том стараться; а когда уже турки их под себя утвердят, тогда уже будет поздно и весьма невозможно того чинить. А опасности никакой в превращении их не будет. <...> И ежели, ваше величество, соизволите приклонить тех народов пригорных под свою область, немалый страх будет в Персиде во всей, и могут во всем вашей воле последовать»¹². Процесс присоединения этого пространства завершится только во

второй половине XIX в., однако плацдарма против Турции создать так и не удалось. Скорее Россия приобрела очередное «неспокойное» пространство. Кавказ так и остался чужим компонентом внутри «своего» пространства.

Образ «неспокойного» Кавказа и характеристики, которые русские историки использовали при его описании, переносились и на его жителей. Русский историк В. О. Ключевский отмечал, что Кавказский хребет был населен «дикими горными племенами»¹³. Более насыщенную характеристику горцам дал С. Ф. Платонов: «Оставалось еще замирить западный Кавказ, прилегающий к Черному морю. Русские войска кольцом охватили области “немирных” черкесов и вытеснили жителей мятежных аулов из гор на равнину и морской берег. Черкесам предоставляли или селиться на указанных русскими местах, или же уезжать в Турцию»¹⁴. Русские историки при описании жителей Кавказа делали акцент на их дикости, непокорности и враждебности в отношении России.

Конфессиональный компонент для историков второй половины XIX в. также был значимым, часто он выступал ведущим и даже определяющим в конструировании образа «православного» Кавказа. В. О. Ключевский подчеркивал, что «за Кавказом, среди магометанского населения, прозябало несколько христианских княжеств, [которые], почуяв близость русских, начали обращаться к ним за покровительством»¹⁵. Именно в данном контексте русскими историками был весьма востребован образ православной Грузии: «При царе Борисе Московское государство отказалось от мысли посылать войска свои за Кавказ, помогало деньгами, посылало духовенство свое в Грузию осматривать состояние церквей, богослужения, помогать тамошнему духовенству советом»¹⁶. Причем реальную поддержку православной Грузии Российское государство смогло оказать только в период правления Екатерины II. Грузия воплощала в себе образ православного государства на Кавказе и одновременно – плацдарма для завоевания всего остального Кавказа, так как «с момента присвоения Грузии и начинается это продолжительное завоевание Кавказа, кончившееся на нашей памяти»¹⁷.

Помимо образа Кавказа, сложившегося в сочинениях русского исторического сообщества второй половины XIX в., существовал «личный» образ Кавказа, то есть образ пространства, формирующийся при непосредственном контакте с этим пространством. Например, на Кавказе был В. О. Ключевский, свои впечатления он описал в письмах. В одном из писем Е. С. Некрасовой русский историк отмечал, что «климатические удобства Кавказа не часто заставляют меня добром помянуть Москву»¹⁸. В другом письме, адресованном М. С. Корелину, Ключевский писал: «Колония, в которой я состою временным и случайным поселенцем, живет тихой жизнью пустынных монастырей, без событий; только жалуемся на оттепель и недостаток снега; горы вокруг черные, как осенью»¹⁹.

Примечательно, что Кавказ может представлять совершенно другим пространством: мирным, благоприятным, целительным. Эти характеристики просматриваются в источниках личного происхождения и фактически отсутствуют в исторических сочинениях. Однако следует особо отметить одно из замечаний русского историка, Кавказ – это колония, то есть пространство, которое по отношению к Европейской России является подчиненным и неравноправным.

Личностное восприятие русскими историками Кавказа как здравницы Российского государства подкрепляли и путеводители²⁰. Путеводители предлагали весьма разнообразную информацию о Кавказе: маршруты проездов до здравниц Кавказа, специфику климата данного региона, целительные свойства горных источников, особенности гостиниц и гостиничного обслуживания, а также достопримечательности Кавказа. При всей специфичности путеводителя как источника, необходимо отметить, что Кавказ представал, безусловно, пространством целебным, живительным и абсолютно безопасным.

В итоге можно говорить о том, что образ Кавказа, нашедший свое отражение в сочинениях русских историков второй половины XIX в., отличался традиционностью характеристик как самого Кавказа, так и населения, там проживающего, отсутствием критического осмысления и переосмысления этого пространства, воспроизведением различных стереотипов. Необходимо отметить, что четко просматривается совпадение представлений о Кавказе, нашедшее отражение в исследованиях русского исторического сообщества и в государственной политике в отношении этого региона.

Особенностью образов окружающего пространства, которые нашли свое отражение в исследованиях русского исторического сообщества второй половины XIX в., является их амбивалентность и устойчивость. Необходимо отметить, что конфессиональный аспект выступает ведущим при определении и характеристике «чужого» пространства, это касается и Кавказа.

«Своим» пространством Кавказ предстает в путеводителях и источниках личного происхождения, однако в сочинениях этот образ отсутствует, он не востребован, это, скорее всего, связано с обоснованием цивилизаторской политики Российского государства в отношении региона. Интересно, но наличие двух столь различных образов не мешало им сосуществовать друг с другом. В той или иной ситуации был востребован один или другой. В мирное время Кавказ предстал местом вполне спокойным и благоприятным для поправки здоровья. Любое внешнеполитическое обострение, конфликтная ситуация России на юге приводили к актуализации образов «непокорного» Кавказа и «дикого» горца.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Империя пространства: хрестоматия по геополитике и геокультуре России / сост. Д. Н. Замятин. М., 2003. С. 269.

² Толстой Л. Н. Собр. соч. М., 1964. Т. 14. С. 76.

³ Иловайский Д. И. Начало Руси. URL: <http://www.alleng.ru/d/hist/hist110.htm> (дата обращения: 25.06.2008).

⁴ Иловайский Д. И. Становление Руси. М., 2005. С. 50.

⁵ Ключевский В. О. Русская история: полный курс лекций. М., 1993. Кн. 1. С. 22.

⁶ Иловайский Д. И. Начало Руси.

⁷ Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/history/platonov/plats001.htm> (дата обращения: 19.03.2007).

⁸ Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 21.

⁹ Мелихов А. Кавказ: кровь и правота // Знамя. 2001. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/1/melihov.html> (дата обращения: 09.04.2008).

¹⁰ Соловьев С. М. Соч.: в 27 т. М., 1995. Т. 7/8. С. 363.

¹¹ Там же. 1997. Т. 18. С. 362.

¹² Там же. С. 356.

¹³ Ключевский В. О. Указ. соч. Кн. 2. С. 368.

¹⁴ Платонов С. Ф. Указ. соч.

¹⁵ Ключевский В. О. Указ. соч. Кн. 3. С. 368.

¹⁶ Соловьев С. М. Указ. соч. Т. 12. С. 530.

¹⁷ Ключевский В. О. Указ. соч. Кн. 3. С. 369.

¹⁸ Ключевский В. О. Е. С. Некрасовой // Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 177.

¹⁹ Письмо Ключевского В. О. М. С. Корелину // Там же. С. 180.

²⁰ Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888; Москвич Г. Г. 1) Иллюстрированный практический путеводитель по Военно-Грузинской дороге, Владикавказу и Тифлису. Одесса, 1897; 2) Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. Одесса, 1897; 3) Кавказ: географический, этнографический, исторический и экономический очерки. Одесса, 1896; Путеводитель по Тифлису. Тифлис, 1896; Сидоров В. М. По России: Кавказ: Путевые заметки и впечатления. Практические сведения для туриста. СПб., 1897; и др.

УДК 94(47)

С. П. Вольф

Омский государственный педагогический университет

«МЕСТА ПАМЯТИ» ДЕКАБРИСТОВ В ИСТОЧНИКАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Современная культурно-интеллектуальная история характеризуется активным обращением к проблематике исторической памяти. Историческая память как «символическая репрезентация памяти об историческом прошлом»¹ становится ключом к изучению рецепции любой исторической эпохи. В такой интерпретации в исследовательское поле интеллектуальной истории может

быть включен и анализ разнообразного мыслительного инструментария, конкретных способов концептуализации окружающей природы и социума, изучение всех форм, средств, институтов интеллектуального общения, а также их все усложняющихся взаимоотношений с внешним миром культуры.

В исторической памяти сохраняются лишь отдельные образы и символы, которые вызывают многочисленные интерпретации, смыслы, актуальные для воссоздающего их общества. Образы и символы в творческом мышлении интеллектуалов приобретают значение способа познания и презентации исторической реальности в различных сообществах. В качестве символов прошлого могут выступать личности, события, явления, памятники, имеющие так называемый культурный шлейф, – другими словами, все то, для чего французский историк Пьер Нора нашел удивительно емкое обозначение «места памяти». «Место памяти – это любое значимое явление, вещественное или нематериальное по своей природе, которое по воле человека или под воздействием времени приобрело статус символа в мемориальном наследии того или иного общества. <...> Место памяти должно иметь не только материальное, символическое и функциональное значение, но и обладать особой символической аурой»².

В основу исследования П. Нора заложена идея национальной «памяти». Необходимость выделения «мест памяти» он связывает с «исчезновением исторического времени, направлявшегося революционной идеей, что вернуло прошлому свободу и неопределенность, весомое присутствие в настоящем – как материальное, так и нематериальное»³. Потребность в новом историческом времени присуща и современной российской историографии, пытающейся осмыслить прошлое с обновленных позиций. Исследование национальной памяти в данном случае становится одним из путей обретения нового видения проблем отечественной истории.

Историческая память является одним из компонентов исторических представлений. На наш взгляд, в этом свете по-новому предстает проблема исторических взглядов декабристов. Свои исследования ей в разное время посвящали С. С. Волк⁴, А. В. Предтеченский⁵, В. Е. Иллерицкий⁶, М. А. Алпатов⁷. Взгляды декабристов на историю определялись этими исследователями как политические. Ю. В. Стенник предложил новый ракурс этой проблемы. По его мнению, декабристы составили «органичную ступень в движении общественной мысли по пути укрепления почвеннических тенденций»⁸.

В представлениях декабристов центральное место занимали фигуры самодержцев. «Все они волей или неволей, и преобразователи, и завоеватели, достойные, право, люди исторической памяти. Для них не настало время в истории», – писал А. В. Поджио⁹. Личности самодержцев приобретают у декабристов не только символическое, но и функциональное значение – суждения о правителе непременно сопровождаются оценками его эпохи. Если Петр Великий – символ новой России, поставивший страну на путь просвещения, имя которого уже стало нарицательным, то личность Александра I непременно влечет за собой воспоминания о молодости, ожидании перемен государственного порядка России и неизбежное сравнение его человеческих качеств с жесткостью и властолюбием Николая I¹⁰.

История Нового времени как мозаика складывается декабристами из «портретов» царствующих особ. Очевидно влияние царской власти на степень забвения или, напротив, упрочения позиций тех или иных событий российской истории в исторической памяти декабристов. Так, в воспоминаниях декабристов однозначно определяется фигура Павла I – многие из них говорят лишь о том, что он был убит «пьяной, буйной толпой заговорщиков»¹¹, и это выражает стойкое желание властей предать забвению любые заслуги этого императора. Екатерина II, напротив, приобрела положительный ореол в глазах декабристов. Именно при ней, по их мнению, «началось деятельное просвещение»¹². Императрица тем самым продолжила дело Петра Великого. Пропаганда царской власти, направленная на забвение в народной памяти Павла I и возвеличение Екатерины II, находит подтверждение своего влияния в воспоминаниях декабристов. Времени царствования Павла I как будто бы не было. Оно сжалось до упоминания о его печальном окончании.

Однако столь устойчивое закрепление личностей Екатерины II и Павла I в памяти декабристов обусловило и то, что эпохи их правления – это часть истории семей самих декабристов¹³. Поэтому родовая память, фамильная история, семейные традиции, текущий статус семьи и соответствующие представления о будущем семьи способствовали созданию более структурированной и равномерно заполненной картины прошлого на индивидуальном уровне каждого декабриста.

В представлениях о древней истории России не наблюдается столь же активного стремления декабристов выделить исторических деятелей, значимые явления и события в качестве символов эпохи. Древняя история, получившая столь яркое воплощение в трудах Н. М. Карамзина, не получила столь же точного закрепления в памяти декабристов. В историографии декабризма существует устойчивая традиция придавать огромное значение творчеству Карамзина в формировании исторических воззрений декабристов¹⁴. Однако это влияние нельзя назвать определяющим. Декабристы действительно с большим вниманием отнеслись к «Истории» Карамзина. Она действительно побудила их к рассуждениям о достоверности исторических сочинений. «Историю Карамзина теперь читаю с карандашом и пестрю замечаниями»¹⁵, – пишет и Н. М. Муравьев в одном из своих писем. Но труд Карамзина – это история становления и развития самодержавия, в которой личность государя приобретает главную роль. Подобно этому декабристы воссоздают свою историю Нового времени. Но в большей степени это обусловлено собственно небольшой отдаленностью их от этого периода и влиянием исторической памяти. Ни личности, ни события, ни явления Древней истории не стали для них «местами памяти». В мемуарах, записках и письмах декабристов древняя история – целостный, но размытый образ «героического времени»¹⁶, «древней героической Руси»¹⁷.

Таким образом, «места памяти» декабристов представлены в основном фигурами самодержцев, они формировались под влиянием не только исторических сочинений, но и личного опыта, семейных представлений, властного дискурса. Определяющее значение личности в истории в очередной раз подтверждает влияние на воззрения декабристов просветительской парадигмы. В исторической памяти декабристов события прошлого переживаются так же ярко и эмоционально, как события, принадлежащие их личному опыту.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Арнаутова Ю. А. «Метогія»: «тотальный и социальный феномен» и объект исследования // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени*. М., 2003. С. 20.

² Нора П. Между памятью и историей: проблематика мест памяти // *Франция-память*. СПб., 1999. С. 17.

³ Нора П. Всемирное торжество памяти. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 25.03.2010).

⁴ Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958.

⁵ Предтеченский А. В. Исторические взгляды декабристов // *Очерки истории исторической науки в СССР*. М., 1955. Т. 1. С. 288–304.

⁶ Иллерицкий В. Е. Революционная историческая мысль в России. М., 1974.

⁷ Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1985.

⁸ Стенник Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX в. СПб., 2004. С. 262.

⁹ Поджио А. В. Записки // *Мемуары декабристов: Северное общество*. М., 1981. С. 245.

¹⁰ См., например: Волконский С. Г. Записки // Там же. С. 182; Тургенев Н. И. Письма к брату С. И. Тургеневу, 1811–1821. М.; Л., 1936. С. 122; и др.

¹¹ Поджио А. В. Указ. соч. С. 262.

¹² Штейнгель В. И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. 1. С. 218.

¹³ Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. Красноярск, 1990. С. 17, 30; Штейнгель В. И. Указ. соч. С. 59.

¹⁴ См., например: Волк С. С. Указ. соч. С. 320; Стенник Ю. В. Указ. соч. С. 246–257.

¹⁵ Муравьев Н. М. Письма декабриста, 1813–1826. М., 2001. С. 133.

¹⁶ Батеньков Г. С. Сочинения и письма. Иркутск, 1989. Т. 1. С. 179.

¹⁷ Глинка Ф. Письма русского офицера: Проза. Публицистика. Поэзия. Статьи. Письма. М., 1985. С. 93.

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОСТРАНСТВА ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

На современном этапе актуальна проблема изучения образов географического пространства в различных видах исторических источников, дающих ключ к системе представлений о пространстве, характерной для определенной исторической эпохи. В сознании людей создаются специфические в историческом и культурном отношении представления о пространственной структуре окружающего мира. Формируется образ какой-либо территории, региона, страны. Одним из факторов формирования таких образов являются путешествия как целенаправленные передвижения, которые «изменяют, расширяют сознание, меняют установки и поведение человека»¹.

Во время путешествия, как правило, велись путевые заметки с целью запечатлеть то необычное, что встречалось на пути. Путевые записки, как правило, являются богатейшим источником для выявления или создания образа территории. Особый интерес представляют путешествия русских в Восточную Пруссию в первой половине XIX в., потому что через эту территорию проходил основной маршрут путешественников из России в Европу.

Для того, чтобы сформировать образ того или иного народа, необходимо определить, «где кончается один из них и начинается другой»², и что определяет границу между ними. При анализе источников выявляется следующая тенденция – каждый путешественник отмечает границу как переход на новую территорию. В качестве границы может выступать элемент ландшафта («Сии местечки отделены друг от друга речкой, и с первым кончается княжество Литовское, а со вторым начинается Пруссия»³) или государственная символика страны («пруссские одноглавые орлы на столбах возвестили нам переход наш за границу и вступление на землю Фридерика»⁴).

Когда путешественники попадают на территории Восточной Пруссии, их внимание, как правило, обращено на природно-географические условия. В описаниях часто отмечается благоприятный местный климат, проявляется восхищение окружающей природой: «Места, через которые мы проезжали, очень приятны. То обширные поля с прекрасным хлебом, то зеленые луга, то маленькие рощицы и кусты, как будто бы в искусственной симметрии»⁵. Интересен тот факт, что не все путешественники, проезжающие данную территорию, столь высоко о ней отзываются. Например, П. И. Сумароков отмечает: «Селения редки, речек, родников почти нет, и ее можно назвать сухою, бесплодную Палестиною. Почва земли посему бедна»⁶.

Другое пространство является необходимым компонентом формирования собственной идентичности, поэтому при путешествии четко разграничиваются понятия «мы» и «они», «свой» и «чужой». Например: «я русский дворянин», «наши русские»⁷, «ознакомя взор с чуждым народом»⁸, «внутренне горжусь тем, что я русский»⁹, – такие выражения постоянно присутствуют в текстах путешественников первой половины XIX в., что свидетельствует о маркировке национальной идентичности.

Как показывают исследования С. В. Оболенской, в русской народной культуре сложились чрезвычайно устойчивые стереотипные представления о немцах, в частности, об их внешнем облике и бытовых чертах жизни¹⁰. Потребление пива и табака воспринималось русскими почти как некое органическое свойство немца, без которого он немислим: «Немцы сидят в кругу за столом, перед каждым кружка пива с номером, у каждого в зубах Pfeiftabak, в руках Zeitung...»¹¹. В изображении внешности немцев, в описаниях их обычаев и поведения намечены черты национального характера, как его представляли себе русские: немец медлителен, спокоен, рассудителен. По наблюдению П. И. Сумарокова: «Они медленны, думают, располагают, решаются с затруднением, наблюдают великую точность»¹².

Описания культурно-исторического облика Восточной Пруссии немногочисленны. Внимание путешественников первой половины XIX в., независимо от города, который они посещают, уделяется замку, храму и университету, вследствие того, что эти три составляющие являются культурной ценностью и выступают доминантами каждого европейского города того времени. Ф. Ф. Вигель пишет: «Слуга повел меня смотреть достопримечательности; их было

немного. Я побывал во дворце, или замке, и в соборном храме...»¹³. В то же время И. И. Срезневский, путешествуя по Восточной Пруссии, отмечал: «... я видел все, что стоит внимания: и собор, и музей, и библиотеку, и замок, и университет, и дом Канта, и театр, и обсерваторию»¹⁴. Это объясняется тем, что поездка у каждого имела собственные цели. И. И. Срезневский в силу своей профессиональной принадлежности (ученый-славист) находился пять дней на территории Восточной Пруссии и свои впечатления написал в донесениях в Министерство народного просвещения.

Описание основных городов Восточной Пруссии создает образ типичного средневекового города Европы: «... каменные, 4-х и 5-ти этажей дома, но улица так узка»¹⁵. Центром города является здание собора или ратуши. Города Восточной Пруссии являлись центрами не только культуры, но и экономической деятельности. Торговля играла существенную роль в развитии и функционировании города («ведет значительную торговлю»¹⁶), так как Восточная Пруссия находилась на юго-восточном побережье Балтийского моря и являлась связующим звеном в торгово-экономических отношениях между государствами.

Таким образом, отношения России с Восточной Пруссией, которые начались в эпоху правления Петра I, повседневные контакты и культурное взаимодействие создавали представления о территории Восточной Пруссии и ее жителях. Непосредственные впечатления путешественников первой половины XIX в. в чужой стране не имеют первичного характера, они накладываются на уже существующую основу. Создавая образ отдельного региона – Восточной Пруссии, путешественники тем самым способствовали формированию национальной и культурной идентичности русского общества. Восточная Пруссия в глазах русских путешественников представлена как территория, которая открывает путь в Европу и является частью этой Европы. Создавая образ Восточной Пруссии, русские путешественники первой половины XIX в. способствовали, с одной стороны, формированию представлений о Европе и, с другой стороны, позволяли понять, что такое Россия и каково ее отношение к Европе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Замятин Д. Н.* Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб., 2003. С. 97.
- ² *Куприянов П. С.* В поисках этноса: российские заграничные путешествия начала XIX в. // *Этногр. обозрение.* 2004. № 2. С. 32.
- ³ *Свечин Н. М.* Из «Дневников русского офицера о заграничном походе 1813 г.» // *Костяшов Ю., Кретинин Г.* Россияне в Восточной Пруссии. Калининград, 2001. Ч. 2. С. 95.
- ⁴ *Иванов В.* Из «Записок, веденных во время путешествия императрицы Елизаветы Алексеевны по Германии в 1813, 1814 и 1815 гг.» // Там же. С. 97.
- ⁵ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. М., 1983. С. 39.
- ⁶ *Сумароков П. И.* Из книги очерков «Прогулки за границу» // *Костяшов Ю., Кретинин Г.* Указ. соч. С. 100.
- ⁷ *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 38.
- ⁸ *Сумароков П. И.* Указ. соч. С. 100.
- ⁹ *Иванов В.* Указ. соч. С. 98.
- ¹⁰ *Оболенская С. В.* «Свои» и «чужие»: Германия и немцы в глазах образованных русских людей XIX в. URL: http://zhurnal.lib.ru/o/obolenskaja_s_w/22.shtml (дата обращения: 10.02.2010).
- ¹¹ *Свечин Н. М.* Указ. соч. С. 95.
- ¹² *Сумароков П. И.* Указ. соч. С. 101.
- ¹³ *Вигель Ф. Ф.* Из «Воспоминаний» // *Костяшов Ю., Кретинин Г.* Указ. соч. С. 114.
- ¹⁴ *Срезневский И. И.* Из «Путевых писем» // Там же. С. 126.
- ¹⁵ *Свечин Н. М.* Указ. соч. С. 95.
- ¹⁶ *Ростопчин Ф. В.* Из «записок» // *Костяшов Ю., Кретинин Г.* Указ. соч. С. 119.

ОБРАЗ СССР В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Являясь на протяжении всей своей истории основной альтернативой западному пути развития, СССР приковывал к себе пристальное внимание западной гуманитарной науки. В любой работе, посвященной «холодной войне», западные ученые опирались на определенный образ Советского Союза, сложившийся в их сознании в ходе работы. Категория «образ» включает в себя не только некую мысленную модель действительности, но и всю совокупность личных отношений субъекта к объекту исследования. Именно это отношение часто проецируется в международную политику, проводимую западными странами во главе с США. Поэтому изучение образа СССР в современной западной историографии может помочь лучше понять механизмы формирования образа России в менталитете современной западной управленческой элиты. В практической сфере это может дать понимание корней тех зачастую противоречивых мифов и заблуждений, которыми руководствуются западные политики при принятии решений в области отношений с Россией.

В годы «холодной войны» и отношение к СССР, и образ нашей страны в западной историографии сильно зависели от идеолого-политических влияний. Часто западное либерально-буржуазное мировоззрение во многом подменяло методологию исторических исследований. Всю западную историографию «холодной войны», относящуюся к периоду с 1947 по 1991 гг., принято делить на три направления, последовательно сменявших друг друга. Это ортодоксальное направление, ревизионизм и постревизионизм. Такая классификация основана на поиске причин «холодной войны» и ответственных за развязывание конфликта.

В целом *ортодоксальное направление* западной историографии, представленное работами Герберта Фейса¹ и Артура Дж. Шлезингера² относящимися к 1950–1960-м гг., полностью возлагает ответственность за развязывание «холодной войны» на Советский Союз. Фейс и Шлезингер изображают Советский Союз в качестве агрессивной империи, постепенно распространившей свое влияние на Азию и Восточную Европу. Антикommунизм, свойственный их работам, созвучен политике «сдерживания», автором которой является Джордж Кеннан. Еще в 1946 г., будучи поверенным в делах в Советском Союзе, Кеннан был важнейшим источником информации о целях внешней и внутренней политики СССР для американской правящей элиты, в дальнейшем его воспоминания и рабочие документы стали важным источником для американских и европейских историков, изучавших генезис «холодной войны». Образ нашей страны, созданный им в длинной телеграмме от 22 февраля 1946 г. к государственному секретарю США, надолго определил отношение к Советскому Союзу со стороны западной исторической науки.

Приведем отрывок телеграммы Кеннана, с которого чаще всего начинают изучать «холодную войну» на Западе и в России: «... мы имеем дело с политиками, фанатично утверждающими, что с США не может быть достигнут постоянный модус вивенди, считающими, что желательно и необходимо подрывать внутреннюю гармонию нашего общества, разрушать наш традиционный образ жизни ... чтобы обеспечить безопасность советской власти».

Однако в данном источнике есть и другая составляющая, с положительным знаком дополняющая образ СССР. Кеннан обращает внимание на советское общество и условия его существования после Второй мировой войны: «Я уверен, в нашей стране сегодня было бы намного меньше истеричного антисоветизма, если бы реалии их жизни были лучше поняты нашим народом»³.

Можно сказать, что образ СССР, созданный Кеннаном как мысленный объект, содержащий в себе отношение к нашей стране, имеет две составляющие: образ государства и образ общества. Далее в западной историографии, по сути, происходила эволюция этого образа и дополнение его такими источниками, как речь Черчилля «Мускулы мира» в Фултоне, «Доктрина» Трумэна от 12 марта 1947 г. и др.

Исключением в данном случае являлись *историки-ревизионисты*. Война во Вьетнаме и общественные движения породили позицию, отличную от официальной позиции американских историков и политиков. Ведущим представителем этого направления является Томас Патер-

сон⁴. Ревизионисты раскрыли антикоммунистический характер западной пропаганды против СССР и агрессивный характер политики США, основанной на колониальных интересах.

Подход ревизионистов вызвал бурную негативную реакцию в среде американских историков, в результате чего возникла *школа постревизионизма*. Данная школа представлена ранними работами ведущего историка в этом направлении Джона Льюиса Гэддиса. Стоит отметить, что Гэддис как бы соединяет постревизионизм и современную историографию «холодной войны», вновь привнося в нее те идеи и образы, которые сформировались еще в начале 1950-х гг. у ортодоксально настроенных ученых. В ранних работах конца 1970-х – начала 1980-х гг., например, в книге «Стратегия сдерживания», Гэддис указывает, что, по мнению Кеннана, СССР представлял существенную угрозу, и «идея заключалась в том, чтобы упредить Советский Союз от применения силы и выигрышной позиции для перестройки послевоенного порядка...»⁵. Мы видим тиражирование кеннановских представлений в полном объеме.

После распада СССР постревизионизм раскололся на множество течений. Монолитные представления о Советском Союзе стали претерпевать изменения. Главной проблематикой здесь является вопрос: насколько эволюционировал образ СССР в западной историографии в связи с ее переходом к новым методам исследования?

Джон Льюис Гэддис, являющийся сегодня лидером в области изучения «холодной войны» на западе, также подверг свои позиции пересмотру. В монографии «Холодная война. Новая история» взгляд на Советский Союз претерпел эволюционные изменения по сравнению с ранними работами постревизионистов, но не в той степени, которую мы могли бы ожидать. Вместо создания сбалансированного образа, построенного на применении сбалансированной источниковой базы, Гэддис уходит от науки в сторону художественную, проводя аналогии между СССР и тоталитарной все контролирующей империей в романе Оруэлла «1984». Автор находит соответствие между Сталиным и диктатором «Большим Братом», который держит мир в состоянии перманентной войны. Профессор Гэддис восхищается «великим пророчеством Оруэлла», якобы предсказавшего, как будет выглядеть Союз Советских Социалистических Республик. Абсолютный контроль государства над обществом, злонамеренный «Большой Брат» Сталин, империя, которая постоянно стремится к захвату мира, – вот составляющие оруэлловского художественного образа.

Однако назвать Гэддиса русофобом, превратно понявшим Оруэлла, было бы проще всего. В действительности в его работах, как и в трудах, принадлежащих перу Кеннана, мы видим две составляющих образа Советского Союза: русский народ и государство. Гэддис указывает, что и Америка, и Советская Россия были рождены в революциях. Борьба с господствующим классом в России под руководством Ленина была ничем иным, как попыткой добиться рабочим классом свободы. Здесь он проводит аналогию с борьбой за свободу во времена отцов-основателей США и обращает внимание на борьбу с рабством и дискриминацией. Но, по мнению Джона Льюиса Гэддиса, именно Сталин «превратил большую аграрную нацию со слабыми традициями свободы в сильную индустриальную страну, в которой свободы нет вообще»⁶.

Итак, в основе оценок и отношения Гэддиса лежит его понимание свободы. Автор создает в своих работах образ СССР, в котором выражается не просто отрицательная оценка нашей страны, а подчеркивается историческое противоречие между стремлением русского народа к свободе, с одной стороны, и сталинской тоталитарной системой, с другой. Несмотря на весьма спорные аналогии с литературно-художественными образами, в целом последнее умозаключение может быть полезно и для нас, чтобы лучше понять свою историю и свою страну.

Другие школы, изучающие «холодную войну», придерживаются менее аффективного образа СССР, который носит скорее технический характер. Один из ведущих и признанных на западе специалистов, Мелвин Леффлер, указывает, что единственный путь к возрождению Советского Союза после войны лежал через «концентрацию индустриальной инфраструктуры, природных ресурсов и производственных мощностей более развитых стран». Речи о продолжении военной экспансии в тот момент не шло. Леффлер указывает на ту роль, которую сыграл Кеннан – молодой, энергичный и впечатлительный дипломат, «с восхищением смотревший на уникальную жизнестойкость советского народа». Коммунистические партии, существовавшие всюду в мире, «хотя и не представляли собой единую силу на тот момент, демонстрировали рост политических сил Советского Союза».

Мелвин Леффлер скорее анализирует образ СССР, возникший в глазах администрации Трумэна, притом, что сам остается вне эмоциональных оценок источников. Говорит, что для американ-

ской администрации было очень значимо, что Советский Союз, несмотря на свое бедственное положение, обладал самыми большими природными богатствами в мире, был объединен политической инфраструктурой, возглавляемой коммунистической партией. Перспектива роста военного, политического и экономического могущества Советского Союза «неприемлема для Соединенных Штатов»⁷, – цитирует Леффлер документы Национального Совета безопасности администрации Трумэна. Данное восприятие образа СССР, согласно автору, сыграло существенную роль в настроениях американской политической элиты, что, по сути, и послужило началом конфликта.

Очевидно, в работах Мелвина Леффлера мы сталкиваемся с разделением образа СССР на тот, который нам предоставлен непосредственно источниками, и тот, который формирует сам ученый, подвергая источники критике. Концентрация силы государства, его лидера и народа – это естественный шаг, необходимый для выживания в суровых условиях. Таков образ Советского Союза в «чистом» виде. Однако восприятие американской элиты, интерпретация речи Черчилля и политики администрации Трумэна – это уже видоизмененный образ, который был некритично принят за научную основу у Гэддиса.

Итак, на современном этапе развития западной историографии «холодной войны» мы видим два принципиально разных подхода к критике источников, которые рождают два различных образа СССР в западной историографии: «традиционный» и «научный». Первый (традиционный) образ созвучен западной массовой культуре, он представляется СССР в виде сугубо отрицательного государства с агрессивно настроенным лидером, не понимающим свой народ. Второй образ (научный) носит более конструктивный характер, в нем учитываются реальные социально-экономические и международные условия. Возможно, в будущем выявленная субъективность первого подхода и попытка добиться объективности во втором могут сыграть свою роль в рассмотрении западной историографии, стать основой для одной из классификаций работ западных историков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Feis H.* Churchill-Roosevelt-Stalin: The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton, 1957.

² *Schlesinger A.* «Origins of the Cold War» // *Foreign Affairs*. 1967. № 46. October.

³ [Кеннан Дж.] Поверенный в делах в Советском Союзе государственному секретарю: секретно // Петелин Б. В. Холодная война 1945–1955 гг.: Метод. рекомендации. Документы и материалы. Вологда, 2004. С. 16–17.

⁴ *Paterson T. G.* Meeting the Communist Threat: Truman to Reagan. Oxford, 1988.

⁵ *Gaddis J. L.* Strategies of Containment. N. Y., 1982. P. 4.

⁶ *Gaddis J. L.* The Cold War: A New History. N. Y., 2007. P. 2, 3, 8.

⁷ *Leffler M. P.* A Preponderance of Power: National Security, the Truman Administration and the Cold War. Stanford, 1992. P. 5–6, 7, 12.

УДК 94(47)

Ю. В. Дружинина

Новосибирский государственный педагогический университет

ОБРАЗ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НАЧАЛА XX в. В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СИБИРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Восприятие интеллигенции определяется представлениями о ней, сформировавшимися в обществе. Нередко представления получают отражения в художественных текстах. Исследование образа сельского учительства в художественных произведениях – не только один из возможных ракурсов изучения данной социальной группы, но и перспективное поле деятельности, позволяющее обогатить историю российского учительства новыми фактами, открывающимися при работе с художественным текстом.

Исследований сельского западносибирского учительства по материалам сибирской художественной литературы нами не выявлено. *Цель* нашей работы – определить наиболее характерные черты, присущие художественному образу сельского учительства Западной Сибири начала XX в. в произведениях сибирских писателей. *Задачи*: выявить произведения сибирских авторов, в которых представлено западносибирское сельское учительство начала XX в.; раскрыть на основании художественных текстов взаимоотношения учителей с крестьянами и властными структурами для понимания эмоционального состояния педагогов, оказывавшего существенное влияние на формирование их образа.

Художественные произведения используются нами в качестве исторического источника, так как любое произведение «хранит в себе следы времени своего создания», каждое из них возникло в «определенных условиях пространства и времени»¹. Их авторы во многом опираются «на подлинные документы, реальные жизненные ситуации и разговоры (нередко из своей же жизни)»², то есть на то, что является первичным сырьем для историка.

Известный историк В. В. Зверев отмечает, что литература является одним из системообразующих элементов мировоззрения, сочетающим рациональное и образное восприятие действительности³. Представления об окружающей действительности автор отражает в тексте своего произведения и воплощает в собирательных художественных образах. Художественный образ в исторической науке, по мнению А. В. Гулыги – «обобщенное отражение жизни, трансформированное, сгущенное и заостренное творческим воображением писателя»⁴. Историк важно увидеть в любом абстрактном персонаже реального человека, жившего в описываемую автором эпоху. Е. Н. Цимбаева отмечает, что «в живых образах раскрываются идеология, быт, психология, язык избранной автором эпохи и сферы жизни, и все это превращает литературу в источник по истории общественной жизни»⁵.

В начале XX в. первенствующая роль в литературе Европейской России принадлежала модернистским течениям. В Сибири же ведущим был критический реализм с присущим ему тяготением к «суровой правде жизни». Интерес критических реалистов был направлен на общественную среду, экономические и социальные условия, чему посвящены их детальные исследования и что обусловило судьбы созданных ими героев⁶. Текст воспринимался как отражение реальной повседневности.

Отбор произведений для решения поставленных исследовательских задач осуществлялся нами по следующим критериям. Были привлечены работы, созданные в одном временном промежутке – в начале XX в. Это период в истории России, сопровождавшийся процессами модернизации всех сфер жизни общества и государства, экономическими и социальными преобразованиями, военными и революционными потрясениями, оказавшими влияние на самосознание общества, его характеристики. С началом Первой мировой войны существенно меняются качественные и количественные характеристики всех категорий населения России, в том числе и западносибирского сельского учительства, что не могло не отразиться в художественной литературе. Это обусловило выбор нами хронологических рамок исследования. Следует отметить: именно в период с 1901 по 1914 г. авторы отобранных произведений проживали на территории Западной Сибири. Нами были использованы тексты известных сибирских писателей исследуемого периода, популярность трудов которых, по нашему мнению, свидетельствует об актуальности описываемых ими проблем сибирской действительности.

В процессе работы были востребованы произведения Г. А. Вяткина (1885–1938) – поэта, писателя, работника печати, с подросткового возраста работавшего сельским педагогом; Г. Д. Гребенщикова (1882/83–1964) – писателя, журналиста, критика, общественного деятеля, молодость которого прошла в алтайской деревне, что получило отражение в его творчестве; А. И. Ершова (1887–1942) – сибирского писателя, окончившего педагогическую гимназию и работавшего сельским учителем; А. И. Жиликова (1879–1921) – сибирского писателя, работавшего сельским писарем, неоднократно обращавшегося к темам, посвященным сельской интеллигенции; С. И. Исакова (1884–1921) – писателя, сельского писаря, также описавшего жизнь сельского учителя.

При написании данной работы нами использовались следующие методы исследовательской работы с художественными текстами: сравнение, анализ, синтез, описание, метод реконструкции, а также контент-анализ.

В произведении Г. А. Вяткина «На ниве народной: (Из записок сибирского учителя)» фигурирует персонаж Григорий Алексеевич, который, окончив учительскую семинарию, приехал работать в д. Угрюмовку. До него в школе преподавал лишенный сана дьякон. Он приучил

школьников к таким «педагогическим приемам», как телесное наказание. Отказ от применения подобных «методов» в школе вызвал недовольство крестьян, так как это, по их мнению, привело к тому, что дети «разнуздались». Стремление учителя организовать при школе научно-популярное чтение не нашло поддержки у вышестоящего руководства. Педагог осознает: «... в городе я изучал жизнь по книгам, деревни я почти не знал»⁷. Год напряженной работы, «нравственное одиночество» привели к тому, что у учителя возникли проблемы со здоровьем. Его единственным другом была учительница из соседнего с. Крутояра – Ксения Васильевна, болевшая чахоткой, безумно желавшая «жить и работать, работать и жить».

Учитель Иван Игорыч в труде Вяткина «Праздник» также болен (астма), одинок. У педагога возникло ощущение, что все светлое и красивое, что он знал, было лишь сном, что есть только «вот эта ... мужицкая жизнь, жалкая, несчастная, безобразная»⁸. Ему казалось, что только громкий, безумный крик может передать, как больно и страшно жить человеку в таких условиях.

В рассказе «В селе Успенском» Г. А. Вяткин иными чертами наделил образ учителя церковноприходской школы Николая Филиппыча Смирнова, который ждал от архиерея рукоположения в священники. Расположение архиерея Смирнов добился путем шпионства и доносов, говоря елейным голосом, а за спиной делая гадости⁹. Заметим, что у *А. И. Ершова* в работе «Просветители» дьякон Савелий (несмотря на сан дьякона, он занимал должность псаломщика) и о. Игнатий открыли церковноприходскую школу. Успешная деятельность школы давала возможность Савелию перевестись в другой приход на должность дьякона. Именно поэтому он стал учителем открытой церковноприходской школы, хотя говорил, что с трудом «перо-то ... умею держать»¹⁰. Образ учителя духовного ведомства Г. А. Вяткин и А. И. Ершов создают с помощью таких определений: «пьяный», «нечесанный», «лохматый», «себялюбивый», «не без ехидства посмотрел» и т. д.

В «Своре» *Г. Д. Гребенщикова* учительница Анна Гавриловна, как и героини произведений Г. А. Вяткина, приехала работать в сибирское село. Она верила, что школа, как светильник, «будет гореть в холодной тьме деревни»¹¹. Заметим, что до отъезда в село Анну Гавриловну уверяли, что деревенские ребята изведут ее, что «мужицье отобьет у нее ... охоту работать в деревне», и она сбежит из села от скуки. Эти слова вызывали у девушки смех. Однако ее успехи в педагогической деятельности не понравились местному священнику Семену и церковному старосте, так как распространение грамотности, по их мнению, приводит к тому, что «всякий мальчонка умнее тебя становится», в результате чего у детей нет «никакого уважения ни к чину, ни к возрасту»¹². Наставления священника и церковного старосты напугали девушку, она испытывала «неизъяснимую душевную боль».

В рассказе *А. И. Жиликова* «Крик в камышах» сельская учительница Елена Дмитриевна много работала, так как хотела наладить школьное дело, пришедшее в упадок из-за отсутствия в селе педагогов в течение длительного времени. Но ее не покидало ощущение однообразия. Елена Дмитриевна скучала по городской жизни. При первой возможности учительница уехала в город. В письме главному герою рассказа она написала, что заболела и поэтому не вернется в село. Содержание письма отражало настоящую причину: «Я и рвусь к вам, и мучаюсь за вас, и... боюсь. Там всё камыши... И когда представляю их себе – хочется кричать...»¹³. Эти строки отражают проблему одиночества сельских интеллигентов в деревенской среде. Заметим, что указанная проблема неоднократно поднималась и в проанализированных нами работах Г. А. Вяткина, Г. Д. Гребенщикова.

С. И. Исаков также подчеркивает проблему одиночества, скуки сельской интеллигенции. В произведении «Елка: алтайская новелла» учитель Иванов Яков Антоныч «елку выдумал», мечтая, что представление понравится местным жителям, и школа не будет «пустой, как теперь, и не будет морозить без дров учителя»¹⁴. Однако попечитель школы написал педагогу, что «елка пустяки одни», и вместо нее он купит «душеспасительных» книг. После этого письма перед Яковым Антонычем «замаячила широкая туша скуки», актуализировалась проблема непонимания сельскими жителями его замыслов. Предположим, что в данном случае под «скукой» следует понимать такой штрих к образу учительства, как осознание бессмысленности и ненужности своей деятельности, ведь она не находит положительного отклика ни среди сельских жителей, ни со стороны властных структур.

Итак, исследовав художественные тексты сибирских писателей Г. А. Вяткина, Г. Д. Гребенщикова, А. И. Ершова, А. И. Жиликова, С. И. Исакова, мы установили, что во всех произведениях указанных авторов наблюдается эволюция образа учителя. В начале рассказов педагоги

молоды, они радостные и улыбающиеся, любящие свою работу, а в конце – болезненные, состарившиеся, скучающие. При работе с текстом нами была выявлены и подсчитаны наиболее часто употребляемые слова-маркеры, характеризующие образ учителей (табл. 1). Стоит отметить, что в таблице не указаны слова-маркеры, описывающие образ учителей церковноприходских школ, так как он обладает иными характеристиками.

Таблица 1

**Номенклатура и численное соотношение слов-маркеров,
характеризующих образ западносибирского учительства
в произведениях ряда сибирских писателей**

Слова-маркеры	Кол-во употреблений в произведениях, названных выше				
	Г. А. Вяткин	Г. Д. Гребенщиков	А. И. Жилияков	С. И. Исаков	Всего
Болезнь, боль	7	1	1	2	11
Мечта, ожидание	2	1	–	1	4
Крик	4	–	1	2	7
Скука, тоска, печаль, грусть	6	2	1	7	16
Нервозность, раздражение	6	1	–	–	7
Радость, улыбка, смех	8	5	1	5	19
Молодость	2	1	–	–	3
Любовь к работе, бескорыстие	1	3	–	–	3

Чтобы понять, почему авторы использовали именно эти слова, что они хотели ими передать читателю, обратимся к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля¹⁵. В отличие от академических словарей того времени, словарь Даля отражал особенности живой речи русского народа второй половины XIX в., которая не претерпела особых изменений к началу XX в. Именно поэтому он не утратил актуальности в исследуемый период. Опираясь на данные словаря, мы определили значение некоторых слов-маркеров, описывающих образ сельского учительства. По Далю, «кричать» – значит, гласно взывать; «скука» – тягостное чувство, производное от косного, праздного, недеятельного состояния души, томление бездействия; «тоска» – стеснение духа, томление души, мучительная грусть, душевная тревога; «радость» – внутреннее чувство удовольствия, приятного, вследствие желанного случая. Понимание значений слов-маркеров позволило нам более полно охарактеризовать образ сельских педагогов, представленный в художественной литературе. Сельский учитель – активный молодой человек, старательный и усердный в профессиональной деятельности, стремящийся приобщить к современным знаниям крестьян, испытывает экономическую нужду («жалование где-то задерживается», «увы! – это наше единственное лакомство...»), непонимание со стороны деревенских жителей и властных структур, унижение, скуку, тяжелые условия быта и работы, пагубно сказывающиеся на его здоровье. Эти же причины выступают первостепенными препятствиями и в деле распространения грамотности среди крестьянства.

В изученных нами произведениях не содержится оптимистичных сведений о благоустроенности быта учителей, некоторые оговорки («школьный дом был новым, но ... из плохого леса», «жила в пустой школе») дают основания предполагать, что у сельских педагогов не было своего собственного жилья, им приходилось снимать квартиры, жить в пришкольных помещениях. Учителей пугала не столько неустроенность их быта, сколько тяжелая, темная крестьянская жизнь, которую им не под силу было изменить. Можно предположить, что именно поэтому образ учителя характеризуется и словом «крик» – желанием призвать общество и государства к проблемам и необходимости просвещения западносибирской деревни, к улучшению положения тружеников образования.

Образ же учителя церковноприходской школы в изученных нами текстах наделен отрицательными чертами и представлен словами-маркерами «елейность», «лесть», «доносы», «шпионство», «пьяный» и т. д. На наш взгляд, это связано с тем, что в сибирском обществе начала XX в. присутствовало мнение о неэффективности школ духовного ведомства. Считалось так: преподавание в церковноприходских школах дает возможность получить педагогу дьяконский

или священнический сан, и это приводит к тому, что должность учителя занимают люди, не обладающие необходимым уровнем знаний.

Подводя итоги нашего исследования, следует сказать, что написанные в период 1901–1914 гг. художественные тексты, посвященные западносибирскому учительству, пессимистичны, в них невозможно выявить даже намеки на возможность улучшения положения педагогов. Такая манера повествования, как и обращение сибирских авторов к теме западносибирской сельской жизни и, в частности, учительства, вероятно, были связаны с желанием писателей донести до внимания общественности проблемы образования и просвещения деревни, своим творчеством поспособствовать улучшению социального статуса учителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Предтеченский А. В.* Художественная литература как исторический источник // Вестник ЛГУ. Сер. истории, языка и литературы. 1964. Вып. 3. № 14. С. 76.

² *Шмидт С. О.* Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 1. С. 44.

³ *Зверев В. В.* Новые подходы к художественной литературе как историческому источнику // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 161.

⁴ *Гулыга А. В.* Понятие и образ в исторической науке // Вопросы истории. 1965. № 9. С. 13.

⁵ *Цимбаева Е. Н.* Исторический анализ литературного текста. М., 2005. С. 5–6.

⁶ *Клюге Р.* Сибирь как культурная и литературная провинция // Сибирь. Литература. Критика. Журналистика: памяти Ю. С. Постнова. Новосибирск, 2002. С. 238.

⁷ *Вяткин Г. А.* На nive народной: (из записок сибирского учителя) // Вяткин Г. А. Открытыми глазами. Омск, 1985. С. 63–64.

⁸ *Вяткин Г. А.* Праздник // Там же. С. 113.

⁹ *Вяткин Г. А.* В селе Успенском // Там же. С. 82.

¹⁰ *Ершов А. И.* Просветители // Ершов А. И. Избранное. Новосибирск, 1946. С. 59–98.

¹¹ *Гребенщиков Г. Д.* Свора // Гребенщиков Г. Д. Чураевы: роман, повести, рассказы. Иркутск, 1991. С. 315.

¹² Там же. С. 317.

¹³ *Жиляков А. И.* Крик в камышах // Жиляков А. И. Дело мирское: рассказы; Исаков С. И. Недра жизни: повести, рассказы, очерки. Иркутск, 1986. С. 45.

¹⁴ *Исаков С. И.* Елка: алтайская новелла // Там же. С. 221.

¹⁵ Толковый словарь В. Даля ON-LINE. URL: <http://vidahl.agava.ru> (дата обращения: 21.03.2010).

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор В. А. Зверев.

УДК 94(47) + 39

Л. П. Замятин

Омский государственный педагогический университет

ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ГОРОДА НОВОСИБИРСКА В ФОТОГРАФИЯХ 1945–1992 гг.

В настоящее время как в обыденном сознании, так и в научном инструментарии гуманитариев особую популярность приобрела категория «исторический образ» (имидж). Предметами исследования исторической имагологии становятся отдельные личности, события, географические объекты. В таких исследованиях отражаются запечатленные в сознании определенных групп людей, устоявшиеся представления о каком-либо объекте или субъекте реальности.

Характерной чертой современной историографии является внимание к визуальным источникам, в том числе к фотографиям, в отличие от традиционной истории, основывающейся на культе письменного текста. Это позволяет некоторым зарубежным и отечественным историкам говорить о «визуальном повороте» в современной исторической науке¹.

Советский период в истории Новосибирска – это время становления города как мегаполиса, индустриального, культурного, научного центра. Особо следует отметить послевоенные годы в истории города. Победа в Великой Отечественной войне дала новый всплеск развитию города, предопределила появление его новых социокультурных символов.

С момента своего появления фотографические снимки занимают прочные позиции в культуре, искусстве, в повседневной жизни людей, они стали неотъемлемой частью быта². Источниками для нашего исследования стали фотоальбомы о Новосибирске, издания, содержащие фотографии памятников и достопримечательностей, опубликованные в период с 1945 по 1992 г. Наша задача – выявить культурные символы Новосибирска, отраженные в визуальных источниках, проследить их динамику на примере анализа «официальных» фотографий, опубликованных в справочных изданиях и художественных альбомах. В этой работе мы рассматривали комплекс визуального (фотографии) и письменного (подпись к ним) текста.

Первое издание фотографий послевоенного Новосибирска появилось в 1960 г. по заказу управления благоустройства и коммунальных предприятий Новосибирского горисполкома. Эта брошюра с названием «Новосибирск» была издана небольшим тиражом – 500 экземпляров. В ней фотографии располагаются параллельно с текстом.

Анализ данного издания позволяет выделить две составляющих образа города. «Сформировавшийся в *крупный индустриальный и культурный центр* на востоке страны, город раскинулся на большой территории, равной территории Москвы»³, – это не единственное упоминание о **больших размерах города**. Масштаб города подчеркивался путем упоминаний о новых стройках: «Новосибирск – сплошная строительная площадка. В какой бы точке города вы ни находились, всюду самой характерной деталью городского пейзажа будет стрела башенного крана»⁴. Образ **нового города** формировался при помощи фотоизображений новых домов на Красном проспекте и проспекте Маркса.

В 1961 г. была издана книга «Новосибирск. Памятные места и достопримечательности». Тираж составлял 10 тыс. экземпляров. Образ города здесь актуализировался, прежде всего, публикацией фотографий, свидетельствующих о его богатом революционном прошлом: дома № 14 по улице 1905 г., где располагался штаб Обской группы РСДРП; дома № 21 на Красном проспекте, в котором члены горсовета приняли решение о переходе власти Советам⁵. Кроме того, были помещены фотографии культурных символов, имеющих большую культурную значимость и обладающих уникальным архитектурным обликом. Например: железнодорожный вокзал, Театр оперы и балета и др.

Первый фотоальбом с видами Новосибирска за указанный хронологический период был издан в 1962 г. тиражом 35 тыс. экземпляров. На титульном листе под названием альбома «Новосибирск» изображен Театр оперы и балета. Путешествие по культурным символам города организовано в виде экскурсии, которую ведет условный новосибирец. К каждой фотографии (черно-белой) дается краткое описание. На 179 страницах рассказ о городе расположен по временам года: зима – осень. Это первый полномасштабный фотоальбом, изданный за рассматриваемый нами период. Основной акцент сделан на фотоизображениях, а не на текстах.

Следующий фотоальбом был издан в 1965 г. в Москве. Это первый цветной альбом о Новосибирске. Текст к фотографиям подписывается на четырех языках: русском, английском, французском, немецком. Выход этого издания свидетельствовал о возросшем интересе к Новосибирску не только в СССР, но и в мире.

В 1967 г. было осуществлено переиздание книги «Новосибирск. Памятные места. Достопримечательности». Тираж нового издания повысился до 50 тыс. экземпляров. От издания 1961 г. переиздание отличается добавлением изображений мест первых маев, дома Дуси Ковальчук, Северного аэровокзала, ДК Октябрьской революции, Музея боевой славы воинов-сибиряков, ГПНТБ.

Начало 1970-х гг. открывается изданием «Новосибирск в 9-й пятилетке (1971–1975 гг.)» Одним из подзаголовков издания значится «Новосибирск. План и виды города». Особую ценность с точки зрения выявления слов-репрезентантов при помощи которых формируется социокультурный образ города, представляют комментарии городских фотографий. В их числе: «быстрорастущий», «могучий форпост социалистической индустрии», «научный», «средоточие передовой социалистической культуры».

Данное издание характеризует основные направления развития Новосибирска: 1) это *крупнейший* город Сибири и Дальнего Востока. Его население – 1161 тыс. человек. Он занимает площадь 477 км², уступая в этом отношении в СССР лишь Москве и Ленинграду; 2) *крупней-*

ший промышленный центр Сибири и Дальнего Востока. Промышленность города выпускает разнообразную продукцию – от мельчайших радиодеталей до мощных гидро- и турбогенераторов; 3) *крупнейший* транспортный узел Сибири и Дальнего Востока. Здесь один из самых больших вокзалов в стране. Авиалинии связывают Новосибирск со всеми крупными городами страны; 4) *крупнейший* вузовский город Сибири и Дальнем Востоке. В университете и 15 институтах города учатся более 70 тыс. студентов; 5) *крупнейший* культурный центр Сибири и Дальнего Востока. В городе шесть театров, консерватория, хореографическое училище.

В 1974 г. тиражом 30 тыс. экземпляров вышло издание «Память. Памятники и памятные места Новосибирска и Новосибирской области». В этой книге заложена трактовка нового культурного символа: «Если вы приехали в Новосибирск, вы обязательно попадете на Красный проспект, обязательно увидите на главной площади многофигурную композицию, символизирующую единство и сплоченность советского народа. Справа от монумента Владимиру Ильичу Ленину – рабочий, красноармеец и крестьянин, слева – юноша и девушка, наследники Октября, продолжатели бессмертного дела Ленина»⁶. Большая часть фотографий отображает культурные символы города, воплощенные в улицах, названных в честь знаменитых новосибирцев.

Фотоальбом «Земля Новосибирская», изданный в Москве в 1983 г. тиражом 50 тыс. экземпляров, посвящен в целом Новосибирской области. Мы обратили внимание только на фотоизображения, связанные с видами города.

Здесь мы встречаем описание памятника, находящегося в сквере Героев революции: «В самом центре Новосибирска ... в окаймлении алого пламени канн высится памятник героям революции: факел, поднятый к солнцу мускулистой рукой Титана, расколовшего тяжкую каменную глыбу»⁷. Заметим, что в эпоху «развитого социализма» усиленно подчеркивалась причастность города к революционному прошлому. В издании обращается внимание на быстрый рост населения и большой объем экспорта промышленных изделий.

При проведении данной работы нами было исследовано 11 изданий, содержащих фотографии Новосибирска и вышедших в этом городе в 1945–1992 г. На их страницах отображено более ста культурных символов города. Наиболее часто упоминаются (помещены изображения) 15 символов (табл. 1). Этот факт выявлен нами на основе предпринятого подсчета. Следует пояснить, что за единицу подсчета в данном случае было выбрано не количество фотоснимков, содержащих изображение того или иного символа, а факт наличия хотя бы одного изображения этого символа в том или ином из одиннадцати изданий.

Таблица 1

Частотность упоминаний различных культурных символов Новосибирска в фотографических изданиях, вышедших в городе в 1945–1992 гг.*

Культурный символ	Кол-во упоминаний
Вокзал Новосибирск-Главный	10
Коммунальный мост	9
Театр оперы и балета	8
Сквер Героев революции	8
Дом Ленина	8
Театр «Красный факел»	7
Новые дома на Красном проспекте	6
Дом культуры им. М. Горького	6
Областной краеведческий музей	5
Северная часть Красного проспекта	5
Монумент Славы	5
Дворец спорта «Сибирь»	5
Институт инженеров железнодорожного транспорта	5
Проспект в Академгородке	5
Плотина Обской ГЭС	5

* Составлено на основе подсчета фотоизображений в изданиях: «Новосибирск» (1960), «Новосибирск: памятные места и достопримечательности» (1961), «Новосибирск» (1962), «Новосибирск» (1965), «Новосибирск: памятные места и достопримечательности» (1967), «Новосибирск в 9-й пятилетке (1971–1975 гг.)» (1972), «Память: памятники и памятные места Новосибирска и Новосибирской обл.» (1974), «Новосибирск» (1978), «Новосибирск» (1982), «Земля Новосибирская» (1983), «Новосибирск» (1990).

В таблице 1 отражены основные культурные символы города. На основании функциональности символов и их значения для жизни города можно выделить структурные элементы образа города. Само название города отражает культ «новизны», молодости, устремленности в будущее, воплощенных в культурных символах города, зафиксированных фотохудожниками в изображениях новостроек, Академгородка, учебных заведений и на их фоне – детей, студентов. Не случайно большинство проанализированных нами фотографий сделано летом и весной, что усиливает репрезентации Новосибирска как *молодого* города. Перспективность, значимость Новосибирска как крупного административного, экономического и главное, *транспортного центра*, обусловленная его выгодным географическим положением, влиянием на развитие города железной дороги, подчеркивалась фотографиями вокзала Новосибирск-Главный, Коммунального моста. Претензии города на статус *культурной столицы Сибири* и центра досуга представлены фотографиями Театра оперы и балета, ДК им. М. Горького, Дворца спорта «Сибирь», театра «Красный факел», Краеведческого музея. Актуальное для изучаемой эпохи педалирование «революционной истории», отражающей сопричастность города истории страны Советов, подтверждается фотографиями сквера Героев революции, театра «Красный факел» (как здания, в котором находился Совет рабочих и солдатских депутатов), мемориала Славы, Дома Ленина.

Для выявления доминирующего элемента образа Новосибирска нами составлен рисунок 1. За основу диаграммы на рисунке взято количество фотоснимков, относящихся к отражению того или иного структурного элемента образа города.

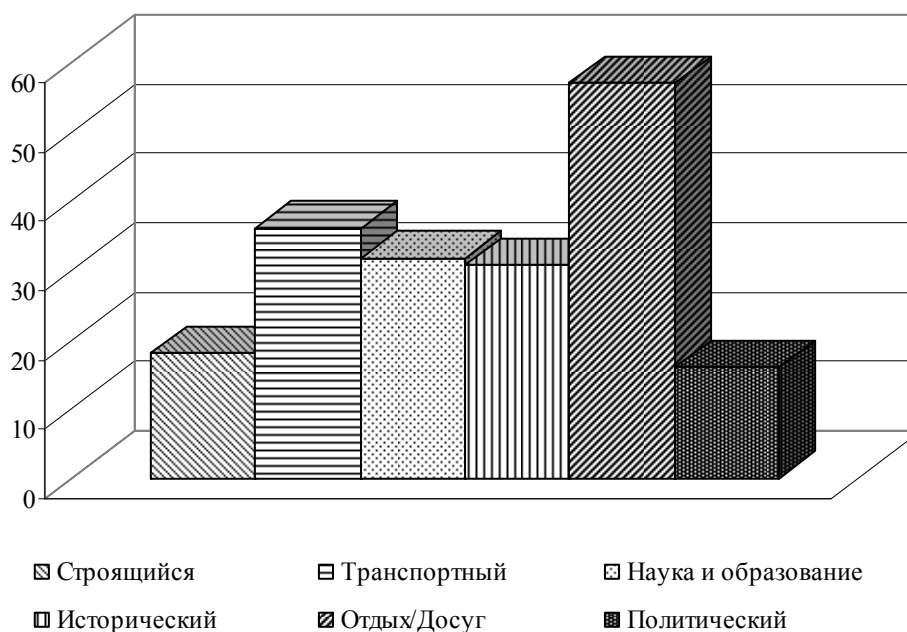

Рис. 1. Соотношение структурных элементов образа Новосибирска в фотографиях 1945–1992 гг.

На основе диаграммы можно сделать вывод, что авторы фотоальбомов стремились донести до читателя образ Новосибирска как города, оптимального для жизни и деятельности человека эпохи «развитого социализма». Фотоальбомы о Новосибирске, прежде всего, представляли город как центр культуры, место, предоставляющее много возможностей для полноценного отдыха. Второй, по частоте фотоизображений, элемент образа города – Новосибирск как транспортный центр. Третий, по частоте упоминаний, структурный элемент образа представляет город как центр науки и образования.

Исследование фотоальбомов, посвященных Новосибирску, в качестве исторических источников позволяет проследить изменение представлений их авторов-составителей об образе города. Каждая эпоха оставила свои культурные символы на карте города: «оттепель» – Академгородок, ГПНТБ; период «развитого социализма» – мемориал Славы, скульптурную композицию на площади Ленина; «перестройка» – метро.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Соколов А. Б. «Визуальный поворот» в современной историографии. URL: <http://www.igh.ru/conf/tesis2/sokolov.html> (дата обращения: 13.02.2010).

² Зайцева Е. В. Фотографии как исторический источник истории повседневности г. Ставрополя середины XIX – начала XX в. URL: <http://www.newlocalhistory.com/inetconf/2005/?tezis=ik05zaiceva> (дата обращения: 13.02.2010).

³ Новосибирск. Новосибирск, 1960. С. 12–13.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Новосибирск: памятные места и достопримечательности. Новосибирск, 1961. С. 25, 39.

⁶ Память: памятники и памятные места Новосибирска и Новосибирской обл. Новосибирск, 1974. С. 10.

⁷ Земля Новосибирская. М., 1983. С. 16.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор Н. Н. Родигина.

УДК 94(47) + 37.0 + 002

Д. М. Зарипова

Новосибирский государственный педагогический университет

ОБРАЗ СОВЕТСКОГО РЕБЕНКА В ЖУРНАЛЕ «МУРЗИЛКА» (1946–1953 гг.)

Тема детства актуальна для современных гуманитарных исследований. Реконструкция образа ребенка в детской периодике сталинской эпохи расширяет наши представления не только о мире детской повседневности, но и дает возможность глубже понять те ценности и поведенческие образцы, которые формировала у подрастающего поколения государственная идеология, выявить способы воспитательного воздействия на юных читателей в период позднего сталинизма.

Задачи данной статьи – охарактеризовать образ советского ребенка на основе анализа публикаций журнала «Мурзилка» за 1946–1953 гг.: выявить основные сюжеты, при помощи которых формировался этот образ; определить круг авторов, писавших о том, каким должен быть юный гражданин страны Советов; выяснить героев и антигероев советского детства, о которых писал журнал. Под образом советского ребенка понимается набор качеств, которыми должен обладать будущий гражданин страны Советов, с точки зрения редакции и издателя.

Журнал «Мурзилка» начал издаваться с 16 мая 1924 г. и издается до сих пор. Данный журнал предназначен для школьников младших классов и выходит один раз в месяц. Образ Мурзилки – то ли человека, то ли зверька – был придуман в 1937 г. знаменитым художником А. Каневским. В первые послевоенные годы главным редактором была Л. Виноградская. Редколлегия с течением времени менялась. Например, в 1950 г. она состояла из А. Барто, Л. Виноградской, А. Ермолаева, Л. Ильиной, В. Лебедева, С. Маршака, С. Михалкова, Л. Пантелеева. В 1952 г. в редакционную коллегию входили: З. Александрова, А. Барто, Л. Виноградская, А. Ермолаев, Л. Ильина, В. Лебедев, С. Маршак, С. Михалков, Л. Пантелеев, Л. Воронкова, Н. Емельянова, Е. Мартынова. Тираж издания также подвергался изменениям. После войны тираж был меньше, чем в последующие годы. В 1949 г. тираж составлял 117 тыс. экземпляров, в 1951 г. – 250 тыс., а в 1953 г. – 325 тыс. экземпляров. Можно сказать, что популярность журнала на протяжении изучаемого периода росла. Цена за один номер оставалась в изучаемый период неизменной – 1 р.

Большинство членов редакционной коллегии журнала были известными детскими писателями (А. Некрасов, А. Толстой, Я. Тайц) и поэтами (С. Маршак, С. Михалков). Именно они формировали у читателей журнала мир идеалов советского ребенка.

Одним из приемов воспитательного воздействия на читателей журнала была публикация биографий известных литераторов, героев Гражданской войны и стахановцев. Одним из канонических примеров «правильной жизни» была жизнь и творчество А. П. Гайдара. В № 10/11 за 1946 г. была опубликована его фотография, биография и произведение «Горячий камень». Он учил детей: «Растите настоящими большевиками... Учиться надо хорошо и даже отлично»¹.

Александр Сергеевичу Пушкину посвящен весь июньский номер журнала за 1949 г. Этот номер дает краткую биографию Пушкина, акцентируя внимание на его дружбе с декабристами, содержит стихи, портреты поэта. Примечательна характеристика поэта в передовой статье журнала: «Во всех уголках нашей огромной страны имя Александра Сергеевича Пушкина произносится с гордостью и любовью... Он с гордостью воспевал нашу родину, смелых, правдивых, честных людей и обличал тех, кто угнетал народ... Но о чем бы мы ни читали у Пушкина, мы учимся у него любить правду и ненавидеть ложь, любить свободу и ненавидеть угнетателей... Пушкин не только видел бесправное положение народа, но и верил в силы народные»².

На примере биографий известных людей и при помощи публикации литературных произведений для детей формировалось мировоззрение советского ребенка.

Основные качества, которые пропагандировал журнал и которые считались наиболее значимыми для советских детей, – это любовь к Родине, трудолюбие и прилежная учеба.

Тема патриотизма, понимаемого, в первую очередь, как любовь к Советскому Союзу, актуализировалась в каждом номере журнала путем публикации разножанровых произведений: стихов, рассказов, сказок, песен и др. В них акцентировались необъятные просторы страны, справедливость советского государственного устройства, предоставляющего детям возможность учиться, заботящегося об их здоровье, безопасности, подчеркивался многонациональный характер СССР. В подавляющем большинстве текстов основным свидетельством любви к родине называлась способность к ее защите от внешних и внутренних врагов. В песнях и стихах, опубликованных в «Мурзилке», часто называли и образцы советского патриотизма – В. И. Ленина, И. В. Сталина. «Песня юных пионеров» Сергея Михалкова прямо говорит об этом: «Мы слово свое пионерское дали: / Достойными родины быть! / И родину нашу, как Ленин и Сталин, / Всегда беззаветно любить!»³. Об этом читаем и в стихотворении М. Светлова: «И всем сердцем Родину любя, / Ты всегда учишь, живи, работай, / Будто Ленин смотрит на тебя»⁴. Эта идея доводилась до сознания читателей и при помощи визуальных источников. Например, в одном из номеров журнала был помещен рисунок В. Щеглова «За Родину! За Сталина!»⁵.

Помимо воспитания советского патриотизма, большое количество журнальных публикаций было посвящено труду как одной из базовых ценностей советского ребенка. В их числе – публикации стихотворения А. Некрасова «Школьник»⁶, рассказа В. Осеева «Маленькое ведро»⁷ и другие художественные произведения, способствовавшие формированию уважительного отношения к труду. Этой же цели соответствовали рисунки, помещенные на страницах журнала. Например, в майском номере за 1952 г. видим рисунок к книге А. Гайдара «Тимур и его команда»: «Тимуровцы помогают семьям воинов, ушедших на фронт: носят воду матери красноармейца»⁸.

Прилежная учеба также являлась одной из центральных тем в детском журнале «Мурзилка». Хорошисты и отличники становились примерами для всех ребят. Прилежный ученик олицетворял гордость Советского Союза. Читая статьи журнала о хороших учениках, ребенок представлял себя таким же учеником. Никому не хотелось быть лодырем, который ленится учиться, так как таких учеников никто не любил, и они не могли ничего добиться в жизни. Журнал пытался через разные произведения показать, как хорошо быть прилежным учеником, и призывал всех к добросовестной учебе. «Учитесь как можно лучше, дорогие друзья!», – призывал школьников Советского Союза в № 8/9 за 1946 г. министр просвещения РСФСР А. Г. Калашников. Типичными в этом смысле можно назвать строки из стихотворения Е. Трутнева «В липах, как в шатре зеленом...», опубликованного «Мурзилкой» в 1949 г.: «Всю весну, почти, что с марта, / Я за книжкой день-деньской: / То грамматика, то карта, / То задачник под рукой. / Чтоб гулять потом все лето, / Потрудиться надо мне. / А хорошие ответы – / Это рапорт мой стране!»⁹.

Журнал стремился воспитать идеального человека, еще в детстве заложить все ценности, которые нужны для строительства коммунизма. Большое внимание журнал уделяет двум людям, которые играли большую роль в жизни страны. Это Владимир Ильич Ленин и Иосиф Виссарионович Сталин. Они должны были стать самыми главными кумирами советских детей. Ни один номер журнала не обходится без их портретов, стихов и статей, посвященных им.

Хрестоматийным примером правильного отношения к учебе был, в первую очередь, Ленин. В отрывке «Как учился В. И. Ленин» из воспоминаний его сестры А. И. Ульяновой упомянуто, что читать вождь мирового пролетариата научился очень рано – в пять лет, в гимназии он учился легко и хорошо, очень способным был мальчиком, внимательно слушал объяснения учителя на уроке и поэтому получал всегда пятерки¹⁰. Весь апрельский номер журнала 1952 г.

посвящен Ленину. На обложке помещен рисунок А. Ермолаева «Дети у памятника В. И. Ленину в Ульяновске». С. Михалковым написано стихотворение, посвященное месту рождения вождя, – «На родине Ленина»¹¹.

Много внимание уделяется образу Сталина. В октябрьском номере 1952 г., к примеру, читаем стихотворение М. Светлова: «Мы прошли по дорогам суровым, / Мы за Сталиным к цели идем. / Ленин – Сталин – Победа – три слова / Мы на знамени нашем несем!»¹².

«Мурзилка» формировал у своих маленьких читателей и стереотипные образы антигероев советского детства. Образ зла отождествляла фашистская Германия. В отрывке из рассказа П. Семьинина «Больная бабушка» читаем следующие строки, показывающие негативное отношение к фашистам и величие Красной Армии: «Вдруг в конце нашего переулочка я увидел много красноармейцев, которые шли по мостовой рядами, с ружьями, и несли на плечах фашистов из фанеры (мишени) ... они ставят фашистов на горку и стреляют по ним лежа, с колена и стоя»¹³. К числу врагов относили и представителей мирового капитализма. В «Балладе про негра Тома», написанной Богданом Чалым и помещенной на страницах журнала в 1949 г., фашисты представлены американскими капиталистами¹⁴. Типичны в этом смысле следующие строки из рассказа А. Некрасова: «... и в Америке, и в Англии народ не хочет войны. Народ хочет мира и готов бороться за мир. Но там, на Западе, есть богатые люди, которые хотят разжечь новую войну, которым кажется, что победу можно купить за деньги... Эти люди обманывают свой народ»¹⁵.

В журнале содержалось много и развлекательных сюжетов. На последних страницах журнала были помещены загадки, задачки на размышление, игры, поделки, которые дети могли сделать своими руками. Очень часто можно встретить на страницах журнала «Мурзилка» детские рисунки, сюжеты которых наглядно репрезентировали символы советского детства: школу, пионерскую организацию, Красную площадь, победу в Великой Отечественной войне.

Итак, детский журнал «Мурзилка» послевоенных лет формировал у советских детей идеологию того периода, качества, которыми они должны обладать, содержал сведения о настроении общества, героях и антигероях изучаемой эпохи, затрагивал вопросы педагогики, истории страны. Этот журнал готовил младших школьников к дальнейшему их обучению и социализации в советской стране.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гайдар А. П. Горячий камень // Мурзилка. 1946. № 10/11. С. 14.

² А. С. Пушкин // Там же. 1949. № 6. С. 4–5.

³ Михалков С. Песня юных пионеров // Там же. 1946. № 1. С. 2.

⁴ Светлов М. Окружен немеркнувшей славой // Там же. 1950. № 4. С. 2.

⁵ Мурзилка. 1949. № 2. С. 12–13.

⁶ Некрасов А. Школьник // Там же. 1946. № 12. С. 17.

⁷ Осеева В. Маленькое ведерко // Там же. С. 11.

⁸ Мурзилка. 1952. № 5. С. 13.

⁹ Трутнев Е. В липах, как в шатре зеленом... // Там же. 1949. № 4. С. 4.

¹⁰ Ульянова А. И. Как учился В. И. Ленин // Там же. 1950. № 4. С. 4.

¹¹ Михалков С. На родине Ленина // Там же. 1952. № 4. С. 2–6.

¹² Светлов М. Солнце родины светит над нами... // Там же. № 10. С. 2.

¹³ Семьинина П. Больная бабушка // Там же. 1946. № 5/6. С. 8–9.

¹⁴ Чалый Б. Баллада про негра Тома // Там же. 1949. № 5.

¹⁵ Некрасов А. Красный шарик // Там же. 1950. № 2. С. 10.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор Н. Н. Родигина.

ОБРАЗ РОССИИ В ЖУРНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКЕ ФРГ (1980–2000-е гг.)

Основополагающими принципами конструирования образа страны являются две системы анализа, предложенные Т. Н. Пищевой: пространственная и темпоральная¹. Первая система позволяет учитывать как внутренний (восприятие внутри страны), так и внешний (восприятие в мире) образ России. Кроме того, в рамках этого подхода появляется возможность фиксировать особенности образа страны, которые зависят от географических, социально-экономических и политических факторов. Вторая, темпоральная, система позволяет учитывать динамику образа России, его зависимость от исторических факторов и событий. Историк Н. Н. Родигина придает огромное значение категории «образ» и считает, что исследователи должны продуктивно адаптировать образ как интеллектуальный конструкт и изучать его как феномен общественного мнения². Особую ценность при анализе журнальных статей представляют российские исследовательские работы М. А. Петроченкова, Л. Г. Вороненковой, О. В. Зайченко, А. И. Соловьева, занимающихся изучением отражения российской тематики в немецкой периодике. Большое внимание в нашей работе уделяется лингвистическому и контент-анализу. Эти методы позволяют понять глубинный смысл журнальных статей, актуализировать дискурсивную характеристику текста и точнее реконструировать образ России.

В качестве источников нами использованы следующие немецкие журналы: «Informationen zur politischen Bildung» («Сведения о политическом образовании») за 1980, 1991, 1992, 2002 гг.; «Deutschland» («Германия») за 1991, 2000 гг., «Spiegel» («Зеркало») за 2000, 2004 гг. Основными критериями отбора журналов стали популярность, определяющаяся высокими тиражами, а также социокультурная и политическая направленность изданий.

Журнал «Deutschland» впервые вышел в январе 1954 г., он отражает взгляды и интересы консервативных кругов немецкого общества. Это издание ориентировано на широкую немецкую и иностранную аудиторию, освещает вопросы политики, экономики, культуры. В журнале «Spiegel» представлена информация для широкой аудитории в области экономики, внешней политики, также затрагивается личная жизнь знаменитых людей. Журнал отражает взгляды либеральных кругов Германии. Первый выпуск журнала состоялся в 1993 г. Журнал распространяется по всей Центральной Европе. Исторические события прошлых лет рассматриваются ретроспективно, через призму актуальных проблем современности. Журнал «Informationen zur politischen Bildung» существенно отличается от двух предыдущих, отражая интересы и взгляды научно-образовательного сообщества. В нем представлен глубокий анализ исторических и современных политических процессов в Германии и мире. Журнал издается с 1952 г.

В журнале «Informationen zur politischen Bildung» в хронологическом отношении образ России представлен следующими этапами: 1) первая половина 1980-х гг. – «ресталинизация и стагнация»³; 2) вторая половина 1980-х – начало 1990-х гг. – перестройка; 3) середина 1990-х – начало 2000-х гг. – модернизационная Россия. Первый период характеризуется как время медленной эволюции институтов высшей партийной и государственной власти в СССР в рамках существовавшего тогда общественно-экономического строя. Этот этап в развитии советской системы впоследствии был назван «застоем», когда руководство страны фактически законсервировало экономическую и политическую систему в рамках государственного социализма и исключило возможность радикальных перемен в жизни общества.

В одной из статей за 1980 г. Советский Союз того времени характеризуется с позиции политики разрядки; происходило его внедрение в страны третьего мира: «Чтобы обеспечить себе мировое влияние, Советский Союз активно участвует во внутренней политике стран Азии и Африки, чтобы выиграть для себя ведущие позиции на мировой политической арене»⁴. Отсюда следует, что к России относятся настороженно, ее контакты со странами Азии и Африки оцениваются с негативным оттенком. Акцент сделан на вмешательстве Советского Союза во внутренние дела этих стран, в ходе которого использовались и военные методы: «Из Советского Союза отправлялись целые экспедиции для поддержки бунтующего народа»⁵. Россия в тот пе-

риод воспринималась как страна, которая руководствовалась антидемократическими принципами в решениях внешней политики.

Рубеж 1980–1990-х гг. ознаменован самым важным историческим событием для Германии: 3 октября 1990 г. произошло присоединение ГДР к Федеративной Республике Германия. В журнале «Informationen zur politischen Bildung», в № 233 за 1991 г., образ России начинает соотноситься с понятием «friedlichen Koexistenz» («мирное сосуществование»), и здесь же делается акцент на укрепление советско-германских отношений: «9 ноября 1990 г. был подписан Договор о дружбе, партнерстве и сотрудничестве между Германией и Советским Союзом, который подразумевал усиленное сотрудничество двух стран и оказание взаимопомощи в случае нападения на одну из стран»⁶. Необходимо обратить внимание на выражение «усиленное сотрудничество», которое отражает желание двух стран взаимодействовать друг с другом на равных началах. Очень важной, на наш взгляд, является речь президента Вейцекера: «В 1990 г. четыре державы – США, Франция, Советский Союз, Великобритания – предоставили нам полный суверенитет. Мы приобрели свое государственное единство не вопреки, но совместно с европейскими соседями»⁷. Державы-победительницы рассматриваются Германией в качестве европейских партнеров, и среди них СССР. Президент Вейцекер указал, что точку в завершении объединения Германии последним ставил Советский Союз. Этим подчеркивается важность Советского Союза в решении внешнеполитических проблем.

Во всех журналах того времени большое количество статей посвящено личности М. С. Горбачева. Образ России сливается с историческим деятелем и предстает как единое целое: «Приход Горбачева к власти – это смена поколения, это становление Советского Союза на новый путь развития»⁸. Влияние Горбачева на воссоединение Германии велико, и именно в этот момент складывается мнение немецкой элиты относительно образа России как страны, которая не препятствовала объединению Германии, а, напротив, помогла воссоединить два немецких государства. Профессор Н. Кацер в статье «Смена поколений» пишет об определении нового курса России: «Его стратегия заключалась в ускорении, гласности и перестройке»⁹. Необходимо подчеркнуть, что данные термины даны на русском языке, хотя существуют немецкие дефиниции. По мнению Кацера, термин *ускорение* означает процесс интенсификации экономики. *Гласность* он характеризует как «двигатель перемен»¹⁰. Профессор истории соотносит гласность с понятием демократии и указывает, что «советская публика стала получать информацию об истинном положении вещей»¹¹. Кацер подчеркивает, что в российском обществе уже царил новая морально-этическая атмосфера. *Перестройка*, по мнению немецкого автора, заключалась в реорганизации страны посредством демократии.

В журнале «Deutschland», в № 2/3 за 1991 г., представлены статьи, посвященные биографии М. С. Горбачева, и в каждой из них он предстает как «befreier» (освободитель). В одной из статей данное слово встречается 14 раз. Этим акцентируется значимость Горбачева как политического деятеля не только для своей страны, но и для немецких граждан.

Образ Горбачева симпатичен немецкому обществу, везде подчеркивается, что именно он «проложил дорогу немецкому единству»¹². Для Горбачева немецкий вопрос являлся не только внешнеполитической, но и в большей степени внутривнутриполитической проблемой: объединение Германии позволило бы ускорить планы перестройки и означало начало нового внешнеполитического курса – строительства мира в условиях *нового мышления*. Авторы констатируют: «В своей книге “Перестройка” Горбачев писал о том, что есть два немецких государства, но их история должна закончиться в наше столетие. Именно Горбачев высказывал эти мысли немецкому канцлеру»¹³. Публицист Э. Турих указывает, что «назначение Горбачева генеральным секретарем означало новые пути развития Советского Союза и имело всемирно-историческое значение»¹⁴.

Период 2000–2004 гг. характеризуется как время трансформации внешнеполитической доктрины РФ, основанной на понимании многополюсности мирового развития, разработки и осуществления концепции стратегического партнерства с крупнейшими индустриально развитыми державами, как Запада, так и Востока. Этот период отражает глубокие преобразования во внутренней политике России: приход к власти молодого, широко образованного представителя спецслужб В. В. Путина, который стал последовательно осуществлять реформы в сфере экономики, политики, образования, здравоохранения.

В журнале «Deutschland» (№ 4 за 2000 г.) для авторов статей Россия является «ребенком», который пытается найти свой путь: «Россия стоит на пути реформ, как ребенок, который только учится ходить путем проб и ошибок, но, вместе с тем, вливается в общий мировой контекст глобализа-

ции»¹⁵. Авторы рассуждают о демократическом устройстве РФ, о формирующихся политико-правовых институтах, которых не существовало ранее, о демократических преобразованиях.

Немецкая журнальная периодика питает надежду относительно улучшения российско-германских отношений. Россия выступает в образе важнейшего партнера в области культуры, политики, экономики. Отношения с Россией показаны имплицитно, через дихотомию «Восток – Запад». Обсуждаются принципы превентивной внешней политики, связанные с интеграцией в ЕС стран Центральной и Восточной Европы. Россия воспринимается как страна европейская, несмотря на ее географическое расположение. Для немецкой общественности стало важным видеть Россию как надежного партнера в решении внешнеполитических проблем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пищева Т. Н. Актуальные проблемы политического восприятия России // Вестник Московского ун-та. 2009. № 4. С. 48.

² Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 2006. С. 41.

³ Informationen zur politischen Bildung. 1992. № 236. С. 46.

⁴ Ibid. 1980. № 184. С. 13.

⁵ Ibid. С. 14.

⁶ Ibid. 1991. № 233. С. 25.

⁷ Ibid. С. 39.

⁸ Ibid. С. 42.

⁹ Ibid. 1992. № 236. С. 28.

¹⁰ Ibid. С. 30.

¹¹ Ibid.

¹² Deutschland. 1991. № 23. С. 38.

¹³ Ibid. С. 39.

¹⁴ Informationen zur politischen Bildung. 1991. № 233. С. 30.

¹⁵ Deutschland. 2000. № 4. С. 28.

УДК 94(4)

Е. А. Кикахина

Омский государственный педагогический университет

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 г. КАК «МЕСТО ПАМЯТИ» В МЕМУАРАХ Э. К. ПИМЕНОВОЙ

«Память – это процесс запечатления, сохранения, воспроизведения и утраты прошлого опыта»¹. Следовательно, память способна сохранять в массовом сознании оценки событий прошлого, которые превращаются в ценностные ориентации. Но память – это не только то, что мы помним, но и то, что мы забыли. Не все образы прошлого остаются в памяти людей, и можно предположить, что у разных людей и социальных групп они могут быть различными.

Научно заниматься проблематикой исторической памяти начали в XX в. К концу 1990 г. список исследований по исторической памяти выглядел довольно внушительно. Одной из основополагающих работ стал труд философа, социолога и социального психолога М. Хальбвакса, который ввел проблематику сопоставления коллективной памяти и истории. Французский философ П. Рикёр указал, что память «выполняет функцию свидетельства о событиях, произошедших во времени, а повествование позволяет ее структурировать»². Интересна позиция французского историка П. Нора. Он вводит понятие «места памяти» и указывает, что «местом памяти могут стать люди, события, предметы, здания, книги, песни или географические точки, которые “окружены символической аурой”, то есть их главная роль – символическая»³.

Изучением исторической памяти занимаются и отечественные ученые: Л. П. Репина, И. М. Савельева и А. В. Полетаев и др. Проблематика памяти как психического процесса активно исследуется в рамках психологической науки (А. Р. Лурия⁴, М. С. Роговин⁵, В. В. Нуркова⁶ и др.). Таким образом, следует отметить, что проблема исторической памяти интересовала не только историков, но и психологов, философов и социологов. Она была поставлена сравнительно недавно, тем не менее, уже разработано большое количество проблемных вопросов.

Само понятие «историческая память» интерпретируется по-разному отдельными авторами: как индивидуальная память о прошлом, как коллективная память о прошлом (если автор ведет речь о группе), как социальная память о прошлом (если говорить об обществе), как способ сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции, и просто как синоним исторического сознания. В настоящее время внимание историков стало привлекать изучение истории через жизнь отдельного человека. Изучение частной жизни, отношений между людьми, особенностей повседневного труда и эмоциональной жизни человека приводят нас к изучению источников личного происхождения, в частности, мемуаров, дневников и писем в соединении с проблематикой исторической памяти.

Особый интерес в этой связи, как с точки зрения изучения исторической памяти, так и с точки зрения изучения гендерной истории представляет вторая половина XIX в. Это эпоха, когда женщины пытаются сравняться с мужчинами. Они вступают на путь высшего образования, совершают побеги из родительского дома, используют фиктивный брак как средство обретения личной независимости. Высвобождение женского сознания из традиционных уз создает предпосылки для сочетания самостоятельности с профессиональной деятельностью и общественной активностью⁷. Одной из представительниц женщин этого времени можно назвать Э. К. Пименову, оставившую после себя интересные мемуары.

Она родилась в 1855 г., окончила женские медицинские курсы. Была врачом в Колпино, затем уехала в Петербург, где работала переводчицей и журналисткой. Пименова, у которой отец был моряк, большую часть детства проводит на острове Ашур-адэ. В своих мемуарах она лишь касается жизни ее семьи в поместье, больше внимания уделяется польскому восстанию, которое оказало огромное эмоциональное воздействие на автора мемуаров. Отношения между русскими и поляками всегда были сложными. Можно было симпатизировать полякам или негативно к ним относиться, но никто не оставался равнодушен. Так, Б. Пиетров-Эннкер пишет о том, что сочувствие польскому делу побуждало некоторых девушек-подростков, еще находясь в родительском доме, размышлять о политических вопросах⁸.

Подтверждением этому служат и мемуары Э. К. Пименовой. В середине XIX в. на территории Польши, отошедшей к России после третьего раздела, усилились требования аграрных реформ, демократизации и независимости, что вскоре вылилось в восстание 1863 г. Польское восстание становится одним из наиболее ярких фрагментов в воспоминаниях Пименовой. Во время восстания она вместе с родителями живет на границе Киевской и Волынской губерний. Мать Пименовой – полька, и девочка в начале своей жизни получает польское воспитание: «В доме своего деда я получила польское воспитание, говорила по-польски и ходила в костел с няней и бабушкой»⁹. Это воспитание, заложенное в детстве, оставляет глубокий след и оборачивается некой двойственной национальной идентичностью автора. Писательница без тени сомнения считает себя русской: «Я не полька! <...> Я русская, как мама и папа...», но особое отношение ко всему, связанному с поляками, остается у нее на всю жизнь¹⁰. Вот что пишет мемуаристка, вспоминая знакомство с одним из общественных деятелей, В. В. Лесевичем: «Мою горячую симпатию он приобрел в особенности после того, как я узнала, что он был офицером Генерального штаба, но покинул военную службу и подвергся репрессиям, когда отказался идти усмирять поляков»¹¹. Это отношение ярко прослеживается в эпизоде, когда девушка не хочет общаться с военным, который усмирять поляков: «Мама, он убивал твоих братьев. <...> Мне противно касаться его рук»¹².

Итак, можно сделать вывод, что польское восстание 1863 г. в мемуарах Э. К. Пименовой является местом памяти. Но польский вопрос всегда был актуален в русском обществе: для некоторых Польша стала символом стремления к свободе, для иных – землями, которые должны быть покорными Российской империи. М. Д. Долбилов отмечает, что во время восстания «люди, вольно или невольно симпатизировавшие польскому национальному типу и видевшие в нем, прежде всего, просвещенного европейца, переживали настоящий шок, узнавая о террористических актах повстанцев против мирного населения, о жестоких методах партизанской войны и пр.»¹³. И если в первой половине XIX в. поляки не вызывали массового негативного от-

ношения к себе, то во время восстания происходит взрыв антипольских настроений в разных слоях русского общества.

Можно сделать вывод, что польское восстание 1863 г. как место памяти, вызывающее разные ассоциации и мнения, является элементом не только индивидуальной, но и коллективной памяти в русском обществе второй половины XIX – начале XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нуркова В. В., Березанская Н. Б. Психология: учебник. М., 2004. С. 278.

² См.: Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004.

³ См.: Нора П. Проблематика мест памяти. URL: <http://www.ec-dejavu.net/m-2/Memory-Nora.html> (дата обращения: 12.12.2009).

⁴ Лурия А. Р. Нейропсихология памяти. М., 1974.

⁵ Роговин М. С. Проблемы теории памяти. М., 1977.

⁶ Нуркова В. В., Березанская Н. Б. Указ. соч.

⁷ Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России: развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М., 2005. С. 188.

⁸ Там же. С. 157.

⁹ Пименова Э. К. Дни минувшие. Л.; М., 1929. С. 21.

¹⁰ Там же. С. 35.

¹¹ Там же. С. 120.

¹² Там же. С. 63.

¹³ Долбилов М. Д. Полонофобия и русификация Северо-Западного края (1860-е гг.): метаморфозы этно-стереотипов. URL: <http://www.timeandspace.lviv.ua/files/library/dolbilov-rusifikacija4550757a84ee5.doc> (дата обращения: 23.05.2010).

УДК 947(571)

В. М. Кимеев, В. И. Терентьев

Кемеровский государственный университет, Экомузей-заповедник «Тюльберский городок»

ОБРАЗЫ ПРИТОМСКИХ ОСТРОГОВ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Важнейшими военно-административными центрами русской колонизации Сибири были остроги. Всего в XVII–XVIII вв. по р. Томь их было построено пять. По мере присоединения Сибири и стабилизации конфликтной ситуации с местным населением остроги утрачивали свои функции и приходили в запустение. Современные знания о существовавших 400 лет назад притомских острогах базируются на письменных и вещественных источниках.

Первым построенным острогом стал Томский (1604 г.), впоследствии ставший центром губернского г. Томска. После многолетних археологических раскопок были реконструированы часть крепостной стены и проездная башня¹.

Следующим в 1618 г. был срублен Кузнецкий острог, в конце XVIII в. его перестраивают в каменную крепость-тюрьму, сожженную в 1919 г. красными партизанами и восстановленную к 2008 г. в составе музея-заповедника «Кузнецкая крепость»².

Третий, Сосновский острог, отстроенный по причине нехватки пашенных земель под Томским городом в 1657 г. с тремя башнями, постепенно утратил свое значение. Его территория в конце XVIII в. стала сельским кладбищем, в советский период школьным двором, а сейчас это просто обезображенная силосной ямой заброшенная поляна на краю вымирающей русской деревни Сосновый Острог Яшкинского р-на Кемеровской обл.³

Больше повезло Верхотомскому деревянному острогу, срубленному в 1665 г. из одной проездной башни для охраны торговых путей между Томским и Кузнецким острогами и для защи-

ты окрестных заимок и деревень русских старожилов. После утраты его значения на прежнем месте до 1961 г. сохранялась деревянная Вознесенская церковь, правда, уже третьего поколения. Сейчас это свободная от застройки площадка в центре с. Верхотомского, где в 2008 г. на Сретенье по инициативе местных жителей и сотрудников КемГУ был установлен и освящен поклонный крест и памятный камень⁴.

Последним из острогов появился Мунгатский острог, состоящей из одной дозорной башни и забора-частокола, охватывающего часовню и дома жителей с. Мунгатского. Сейчас это ничем не приметная окраина районного центра пос. Крапивинского⁵.

В большинстве своем население сел Яшкинского и Крапивинского районов Кемеровской обл. не имеет достаточного представления о значимости бывших здесь Мунгатского и Сосновского острогов.

Археологическое изучение бывших острогов было начато известными сибирскими исследователями А. И. Матюшенко, А. И. Мартыновым, М. П. Чёрной, Ю. В. Шириным. Это позволило архитекторам сделать графические реконструкции и включить объекты Томского, Кузнецкого, Сосновского, Верхотомского острогов в проекты создающихся местными властями музеев. По проекту архитектора В. Н. Усольцева и этнографа В. М. Кимеева с 2000 г. в экомузее-заповеднике «Тюльберский городок» стал реконструироваться архитектурно-этнографический комплекс в виде собирательного образа сибирского острога, каждая из башен которого является точной копией какого-либо конкретного объекта острогов Притомья⁶.

Активное участие в деле сохранения этнокультурного наследия аборигенов и русских старожилов Притомья принимают казаки Кемеровского отдельского казачьего общества Сибирского казачьего войска. Начиная с 2005 г., ансамбль «Казачья тройка» Кемеровской станицы во главе с есаулом В. В. Пахоменком является постоянным участником всех праздничных мероприятий экомузее-заповедника «Тюльберский городок» Кемеровского р-на, а с 2008 г. казаки стали оказывать помощь в реконструкции одного из объектов экомузеев – казачьей караульной избы. Совместно с казаками Михайловской (Елыкаевской) станицы и Кемеровской епархией 15 февраля 2008 г. сотрудники университета и экомузеев установили и освятили поклонный крест на месте Верхотомского острога. Летом 2009 г. казаки Кемеровской станицы по своей инициативе и при поддержке Кемеровской епархии, местных властей установили второй поклонный крест на месте Сосновского острога и намечают установить такой же крест на месте Мунгатского острога.

Это позволит им регулярно проводить совместные крестные ходы с воспитанниками Братства православных следопытов епархии, казачатами и студентами кузбасских вузов. Так, 18 мая 2009 г. в международный день музеев казаки совместно с епархией, студентами КемГУ и школьниками Верхотомской школы совершили крестный ход от современной Вознесенской церкви до поклонного креста. В самой школе была открыта экспозиция по истории казачьего острога и русских старожилов-чалдонов, проведена совместная научная конференция.

Традиция проведения подобных мероприятий на местах бывших острогов формирует у местного населения историческую память о своем крае.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чёрная М. П. Томский кремль середины XVII – XVIII в.: проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск, 2002. С. 6.

² Добжанский В. Н., Ширин Ю. В. Кузнецкий острог 1618 и 1620 гг. // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово, 2008. С. 241–242.

³ Кимеев В. М., Ширин Ю. В. Сосновский казачий острог // Притомские калмаки: ист.-этногр. очерки. Кемерово, 1998. С. 35.

⁴ Кимеев В. М., Усков И. Ю. Верхотомский острог – памятник наследия русских старожилов Притомья // 65-летие Сталинградской битвы в Кемеровской обл. Кемерово, 2008. С. 320.

⁵ Кимеев В. М., Ширин Ю. В. Экомузеев «Мунгатский острог». Кемерово, 1988. С. 30.

⁶ Кимеев В. М. Проблема реконструкции и музеефикации казачьих острогов Сибири // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2001. Вып. 4. С. 224.

ОБРАЗЫ «КРАСНЫХ» И «БЕЛЫХ» ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ В СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ

На протяжении тысячелетий предпринимались попытки объяснить природу политической деятельности. Однако побудительные мотивы политических действий и движений выводились, как правило, из абстрактной, надвременной природы человека, либо из столь же внеисторически понимаемых категорий религии, философии, психологии. Во главе политической деятельности всегда стоит политический лидер. Лидер – это авторитетный член организации, социальной группы, общества в целом, личностное влияние которого позволяет ему играть существенную роль в социальных и политических процессах. Одним из таких процессов является Гражданская война в России, с начала которой прошло более 90 лет.

На кафедре истории, политологии и социологии Пермского государственного педагогического университета, где работает автор, каждый учебный год проводится студенческая научная конференция по актуальным проблемам общественных наук. В студенческих работах, как в зеркале, отражаются современные проблемы изучения истории. В прошлом учебном году темой конференции была формулировка «Личность и общество». Студентки математического факультета ПГПУ А. Тимирова и Л. Новикова принимали участие в локальном разовом социологическом исследовании. Его *объектом* является политическое лидерство как феномен политического процесса. *Предметом* стал политический процесс Гражданской войны в России. *Целью* явилось выявление мнения студентов ПГПУ о лидерах Белого и Красного движения. В ходе исследования использовался основной метод – опрос на основе случайной выборки. Одной из задач стало выявление различий в знаниях и отношении к данным лидерам студентов гуманитарного и точного направлений. Всего было опрошено 40 человек, отобранных стихийным образом: по 20 студентов математического и исторического факультетов. Из них 9 юношей и 31 девушка: в педагогическом вузе традиционно учится больше девушек. Возраст участников – от 19 до 22 лет. Нас интересовали и расхождения между позицией сельских и городских жителей, поэтому 28 опрошенных являются жителями города, 2 человека – из районного центра, 4 человека проживают в поселке городского типа, 6 – в сельской местности.

При выполнении данной работы была выдвинута следующая *гипотеза*: респонденты, обучающиеся на математическом факультете, могут никого из лидеров Белого движения не узнать на фотографиях. Что касается «красных», то в первую очередь студенты узнают В. И. Ленина, затем Л. Д. Троцкого. Большинство должны иметь определенные знания о А. В. Колчаке и А. И. Деникине. У студентов исторического факультета знаний гораздо больше, чем у математиков. О «красных» лидерах студенты знают больше, чем о «белых».

С помощью онтолого-гносеологических вопросов определялась степень информированности респондентов о тех или иных людях и событиях. Информированность (осведомленность) – это мера соответствия между сведениями, данными респондентами, и объективно существующей действительностью.

Результаты исследования нас несколько удивили. Студентам был задан открытый вопрос: «Какие фамилии лидеров Белого и Красного движения вы помните?» Можно было называть несколько фамилий, поэтому сумма ответов больше 100 %. 40 % студентов математического факультета помнят А. В. Колчака, 30 % – П. Н. Врангеля, 25 % – А. И. Деникина и 5 % – Н. Н. Юденича. По историческому факультету результаты следующие – 95, 75, 80 и 70 % соответственно, «красных» лидеров знают все. Профессиональные знания историков помогли им вспомнить неизвестные математикам фамилии П. Н. Краснова, А. И. Дутова, Е. К. Миллера, А. П. Кутепова и Л. Г. Корнилова, а также А. И. Рыкова, Г. Е. Зиновьева, М. П. Томского, Л. Б. Каменева, В. М. Молотова. Фамилии «красных» деятелей связаны не с периодом Гражданской войны, а с 1920-и гг., что можно объяснить недавним изучением послевоенной тематики студентами.

Студентам были предложены достаточно известные фотографии Колчака, Врангеля, Деникина и Юденича. Причем портреты двух последних вполне можно было перепутать: на них изображены мужчины средних лет с усами, в военной форме без головного убора, на шее висит

орден. Врангеля можно было узнать по специфической одежде – папахе и черкеске с газырями, а Колчака – по парадной морской форме с фуражкой. На математическом факультете результаты достаточно скромные: 10 % узнали всех, 5 % узнали только Колчака, 5 % – Колчака и Деникина. Неприятно удивили знания студентов исторического факультета: только 35 % узнали всех, кто был изображен на представленных фотографиях, 20 % не узнали лишь Юденича, 10 % узнали Колчака и Врангеля. По фотографиям узнали В. И. Ленина все опрошенные, Л. Д. Троцкого – 77,5, а Н. И. Бухарина – всего 47,5 %. Как ни странно, студентов-математиков, которые узнали последнего, оказалось больше, чем историков. Фотография Бухарина в кожаной куртке и фуражке оказалась малоизвестной респондентам.

В целом студенты исторического факультета в ответах на вопросы практического блока, связанные с знанием конкретных событий прошлого, показали лучшие знания. Но на один вопрос анкеты студенты-математики дали большее количество правильных ответов: «Кто из политических лидеров предлагал передать землю крестьянам за плату?». П. Н. Врангель 25 мая 1920 г. опубликовал «Земельный закон». Часть помещичьих земель передавалась в собственность крестьян за выкуп. Цена одной десятины земли определялась пятикратной стоимостью среднего годового урожая с десятины. Уплату предполагалось взимать в течение 25 лет¹. Верный ответ дали 35 % студентов-математиков, 25 % историков. Этот вопрос являлся ловушкой, так как в одном ряду с «белыми» лидерами была приведена фамилия Н. И. Бухарина. Студенты исторического факультета оказались не на высоте: 45 % посчитали, что Бухарин тоже был лидером «белых».

Кроме онтолого-гносеологических вопросов, респондентам были заданы и аксиологические. Оценивая результаты Гражданской войны, половина студентов математического факультета считают, что приход большевиков к власти в 1917 г. был закономерным и лучшим вариантом для государства в целом. 30 % студентов исторического факультета поддерживают Белое движение. Студенты математического факультета с большей симпатией относятся к Ленину. Процент затруднившихся с ответом на данном факультете выше в три раза.

Второй блок вопросов анкеты – теоретический – содержал вопросы на соотнесение фамилии политического лидера с типологией М. Херманн, М. Вебера и Р. Барбера. Что касается типологии легитимного господства Вебера, то 35 % респондентов считают, что А. В. Колчак – это традиционный лидер, опирающийся на традиции, обычаи и привычку своих последователей к подчинению. Реальные события показали, что последнее было весьма проблематичным. С другой же стороны, внутренняя политика Колчака доказала его стремление вернуть прошлые порядки, хотя он декларировал себя сторонником демократии: предприятия возвращались прежним владельцам, часть их была отдана иностранцам, отменен 8-часовой рабочий день, рабочие и железнодорожники были мобилизованы. Массовый же террор атаманов Б. В. Анненкова, Г. М. Семенова, И. М. Калмыкова и других показал, что Колчак не мог контролировать их деятельность. Пермские рабочие писали 15 ноября 1919 г.: «Мы дожидались Колчака как Христова дня, а дождались как самого хищного зверя»².

Что касается «красных» лидеров, то студенты-математики отнесли к традиционному лидерству деятельность Н. И. Бухарина, а историки – Л. Д. Троцкого. Хотя красные разрушали старую систему, поэтому по определению не могли быть традиционными лидерами.

В нашем исследовании студенты считают Деникина и Врангеля рационально-легальными (бюрократическими) лидерами (32,5 и 22,5 % соответственно). Бюрократическое лидерство, по мнению М. Вебера, осуществляется на основе законов и в рамках законов. Ситуация же в «белой» России совсем не соответствовала этому идеалу. Так, численность государственной стражи (полиции) на территории, подчиненной А. И. Деникину, составляла 78 тыс. человек, а в действующей армии было чуть более – 110 тыс. Деникин 30 июля 1919 г. подписал постановление о деятельности судебно-следственных комиссий. По нему советские работники приговаривались к смертной казни и конфискации имущества, а сочувствующие – к каторжным работам³. Причем следует учитывать, что советские работники и коммунисты – это далеко не одно и то же. Коммунистическая партия недавно вышла из подполья и была весьма немногочисленной, ее члены не могли заполнить даже руководящие посты, особенно там, где требовались специальные знания. Поэтому в аппарате советских учреждений работала масса старых служащих, не в последнюю очередь устроившихся на службу ради получения пайка.

Полностью совпадает мнение респондентов по поводу В. И. Ленина: он является харизматическим лидером. Студенты, обучающиеся на математическом факультете, считают рационально-легальным лидером Л. Д. Троцкого, а историки – Н. И. Бухарина. Как нам кажется, в

Советской России вообще не могло быть рационально-легальных лидеров, особенно учитывая отрицание старых законов и широкое применение «революционного правосознания». Деятельность чрезвычайных структур защиты государства – ВЧК и революционных трибуналов – также не способствовали утверждению законности. Юридически само существование ВЧК было официально закреплено только в положении ВЦИК «О Всероссийской и местных ЧК» от 28 октября 1918 г.⁴ По данным одного из руководителей ВЧК, М. Я. Лациса, за весь 1918 г. в целом по России (кроме отдаленных губерний и Украины) ЧК на основе их чрезвычайных внесудебных полномочий было расстреляно 6185 человек (в том числе за контрреволюционную деятельность – 5513), взято в заложники – 4068, заключено в концлагерь – 6407, заключено в тюрьму – 14 829 человек⁵.

Проводя социологическое исследование, мы выяснили, что, ознакомившись с типологией М. Херманн, связанной с имиджем политического лидера, 22,5 % студентов отнесли А. В. Колчака к «торговцам». Это тип лидера, который отличается способностью убеждать людей, «продавать» им свои идеи. 22,5 % причислили Н. Н. Юденича к лидерам-«служителям», стремящимся выступить в роли выразителя интересов своих приверженцев. 27,5 и 25 % соответственно считают А. И. Деникина и П. Н. Врангеля «пожарниками». Такой лидер откликается на порожденные ситуацией экстремальные события и проблемы, насущные требования момента. Как нам кажется, такая оценка соответствует реальности.

Американский политолог Р. Барбер основывал свою типологию политического лидерства на мере активности личности в исполнении президентских функций и ее отношении к выполняемым обязанностям. Обе меры измеряются при помощи шкал: активность/пассивность (в выполнении возложенных функций) и позитивно/негативное (отношение к своим обязанностям). Совмещая различным образом эти шкалы, Р. Барбер получил четыре типа стилей. Применительно к нашему исследованию 37,5 % респондентов считают Колчака активно-позитивным, ориентирующимся на достижение. Такой политический лидер рассматривает власть как способ служения обществу и воплощения определенных социальных идеалов, а не реализации собственных потребностей, получает полное удовлетворение от исполняемой им роли. По нашему мнению, идеализированный образ Колчака складывается у студентов благодаря информации о его красивых личностных отношениях с А. В. Книпер (Тимирёвой)⁶. Многие историки видят в Колчаке бесребреника, мужественного человека, обладавшего большими заслугами по исследованию Арктики, один год участия которого в антисоветском движении перечеркнул все его предыдущие достижения. Девушки, составляющие большинство опрошенных нами, запоминают подобную информацию лучше, чем далекие от сегодняшних реалий и сухие лекции преподавателей. Тем более, что малое количество часов на изучение отечественной истории не позволяет уделить внимание внутренней политике антибольшевистских правительств⁷.

25 % студентов причисляют Врангеля к пассивно-позитивным лидерам, характеризующимся привязанностью к занимаемой должности. Такие лидеры стремятся создать имидж решительного человека, хотя на самом деле нерешительны и не владеют ситуацией. С определенной долей допущения можно подтвердить соответствие Врангеля такому типу лидерства. События в Крыму в 1920 г. уже вышли из-под его контроля. 30 и 20 % респондентов соответственно относят Юденича и Деникина к пассивно-негативным лидерам, отличающимся минимальным исполнением долга. В этом можно не согласиться с респондентами. Оба деятеля предприняли активные наступательные действия против большевиков в 1919 г. Вероятно, такая точка зрения сформировалась у студентов при знакомстве с результатами этой активной деятельности – оба генерала были разгромлены Красной армией, а Деникин покинул Россию, сложив с себя полномочия командующего.

Зато мнение респондентов о «красных» деятелях практически совпало: Ленин – активно-позитивный лидер, Троцкий – активно-негативный, а Бухарин – пассивно-позитивный.

Итак, можно говорить о том, что наша гипотеза подтвердилась частично. Некоторые студенты-математики так и не смогли вспомнить ни одной фамилии «белых» лидеров. А среди студентов исторического факультета ни один человек не оставил графу ответа пустой, некоторые студенты вспомнили фамилии тех личностей, которые не встречаются в тексте анкеты. На большинство вопросов студенты исторического факультета дали правильные ответы. Они имеют более четкое и полное представление о людях и событиях исторического прошлого, по сравнению со студентами математического факультета. Кроме профессиональных знаний, на ответы повлияли и гендерные психологические особенности студентов.

Проведение социологических исследований, подобных нашему, хотя бы и локальных, положительно влияет на восприятие студентами исторических событий, заставляет их взглянуть на прошлое с другой точки зрения, достаточно неожиданной для них, помогает развивать межпредметные связи в преподавании гуманитарных дисциплин.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925 гг.). М., 1975. С. 318.

² Цит. по: Литвин А. Л. Красный и белый террор в России, 1918–1922 гг. М., 2004. С. 179.

³ Там же. С. 179, 181.

⁴ Декреты советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 458–459.

⁵ Лацис М. Я. [Судрабс Я. Ф.] Два года борьбы на внутреннем фронте: популярный обзор двухгодичной деятельности чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. М., 1920. С. 75.

⁶ Об этом см.: «Милая обожаемая моя Анна Васильевна...». М., 1997; Милая химера в адмиральской форме: письма А. В. Тимирёвой А. В. Колчаку. СПб., 2002.

⁷ В ноябре 2001 г. военная коллегия Верховного суда РФ отказала в реабилитации Колчака, так как он «не остановил террор в отношении гражданского населения, проводимый его контрразведкой». См.: Литвин А. Л. Указ. соч. С. 166.

УДК 39 + 94(47)

В. А. Коршунков

Вятский государственный гуманитарный университет

«ДОРОГА – СИБИРЬ!» ОБРАЗ СИБИРИ И СИБИРСКИЕ ДОРОГИ В XIX в.

В опубликованном в 1863 г. очерке русского писателя и публициста В. А. Слепцова «Ночлег» есть эпизод, когда на постоялый двор, где уже расположились и закусывают проезжие, входят только что подбыхавшие. Происходит такой диалог:

«– Ну, как дорога?»

– Что дорога? Дорога ноне везде одна.

– Дорога, брат, Сибирь, – добавил другой.

– Лошадей так сморили, так сморили, – ни на что не похоже. Ноне утром встали, вышел я лошадей попоить; а они, брат, за овес-то и не принимались.

– Как не сморить. Пуще всего моча одолела. Эдакой мочи то есть и не видано»¹.

Литератор Н. Е. Петропавловский, писавший под псевдонимом С. Каронин, в «Очерках Донецкого бассейна» (1891 г.) приводил такой эпизод своей беседы с донецкими шахтерами:

«– Ну, а работа тяжелая? – спросил я еще, хотя был заранее убежден в ненужности такого вопроса.

– Нет, ничего, мы привыкли. А, впрочем, одно слово – Сибирь!»².

Литератор и путешественник В. И. Немирович-Данченко в 1875 г. ехал летним путем по Уралу. Дорога на подъезде к Кизелу была «в полном смысле ужасна».

«– Ну, и дорога у вас, – укоряете вы ямщика.

– У нас – мытарство! – соглашается он. – Уж как ругаются-то – не приведи, Господи! Даве одного барина вез, сколь ему обидна наша дорожка показалась! Одно слово, Лазаревская Сибирь пошла.

– Ну, Сибирь-то еще далеко! – не понял я.

– Нет, это наша особая Сибирь... Кизел недавно вырос. Сюда господа наши Лазаревы с Обвинских волостей своих народ ссылали за провинность. В колодках водили, с конвоем»³.

Диалог с уральским ямщиком показывает, какие значения могли быть в XIX в. у слова «Сибирь» в тех случаях, когда оно использовалось за пределами собственно Сибири: этот дальний край ассоциировался с тяжелой жизнью, каторжным трудом. Хотя вообще-то в то время, по давней традиции, Сибирью могли именовать и Урал тоже. Скажем, вятский уроженец М. В. Блинов (1823 – после 1887), родившийся в Камско-Воткинском заводе, служивший на нем и на других

уральских заводах, в конце жизни был акцизным чиновником в Нижегородской губ. В Нижнем Новгороде он опубликовал в 1879 г. занятую брошюрку с названием «Песни про пельмени». Подписана она была так: «Сибиряк М. Блинов». Обратившим на нее внимание краеведам приходилось специально пояснять, что края, где были расположены вятско-уральские заводы, могли тогда считаться сибирскими. Вот и родившийся на Урале, живший там, всем своим творчеством тесно связанный с Уралом литератор Д. Н. Мамин стал подписывать свои художественные произведения псевдонимом «Мамин-Сибиряк»⁴. П. И. Мельников-Печерский, который в 1830-х гг. пересекал границу Вятской и Пермской губерний, заметил в своих путевых записках: «Здесь преддверие Сибири...» По его наблюдениям, пермяки, как и жители Сибири, называли располагавшиеся к западу земли «Россией». Сам же он, столкнувшись с негостеприимным обхождением некоего тамошнего человека (как потом выяснилось, англичанина по происхождению), был удивлен: «Это не по-пермски, это не по-сибирски, думал я...»⁵.

Ямщик, отвечая В. И. Немировичу-Данченко, пояснял выражение «Лазаревская Сибирь» тем, что туда, на заводы, в крепостные времена «ссылали за провинность». Хотя, быть может, в этом выражении слышались еще отзвуки той поры, когда Урал считался Сибирью не только из-за каторжного труда подневольных рабочих, но и просто потому, что он был на востоке, далеко от столиц, да суров климатом. Ну, еще и прииски, золото, горные работы, шальные деньги счастливых, разгул, жестокие нравы – всё это бывало общим и для старого Урала, и для Сибири, и в таком концентрированном сочетании не встречалось в европейской части страны, в «России».

Сосланный в г. Глазов Вятской губ. начинающий литератор В. Г. Короленко в письме отгуда своим домашним 4 июля 1879 г. утешал их, что и в Сибири, дескать, вполне можно прожить: «“Сибирь” – это уж такое слово несчастное. От нас ходят в Сибирь на заработки, и вот что мне приходилось слышать: “Кто там побывал, да сюда пришел, все говорят: здесь Сибирь-то самая, а не там!”»⁶. Действительно, в те годы проходило массовое переселение вятских крестьян в Сибирь. На Вятке крестьянская жизнь тогда была скудной и трудной, по сравнению с ней житье сибирское и вправду виделось изобильным, а тамошние земли – плодородными. Короленко же – очевидно, не подозревая того, – почти слово в слово повторил народное речение: «Страшна Сибирь слухом, а люди лучше нашего живут»⁷. Вот и Мамин-Сибиряк в своих путевых заметках 1881 г. приводил слова одного из проезжавших на поезде по Уралу купцов: «Это прежде действительно боялись даже самого этого слова: Сибирь, а ноне уж не то»⁸. А как прежде звучало это слово, видно хотя бы по мимолетному замечанию бытописателя А. В. Терещенко, который в своей книге 1848 г., упомянув Сибирь, добавил, что эта страна «одним именем своим наводит трепет на каждого человека»⁹. Этнограф и литератор П. И. Небольсин, проживший в 1840-х гг. в Сибири, писал: «Только тот край можно поистине назвать несчастным, где отрадность явлений – редкость: такова была старинная Сибирь, но не Сибирь нынешняя»¹⁰. Правда, надо иметь в виду, что Небольсин был склонен к некоторой идеализации жизни в русской провинции.

Для самих же сибиряков в XIX в. страшным словом было «Сахалин» – на этом отдаленнейшем острове находилась самая лютая каторга. В рассказе А. В. Амфитеатрова «Побег Лизы Басовой» (из цикла «Бабы и дамы»), написанном примерно в первом десятилетии XX в., живший в Южной Сибири на Енисее мещанин так молил женщину, что знала страшную его тайну: «Матушка! Ульяна Митревна! Ведь если ты теперь себя обнаружишь, следствие начнется... Никакие свидетели мне не помогут, никакой присяге суд веры не даст... Убивцем меня сделают! На Сахалин мне идти!»¹¹ Впрочем, Сахалином («Соколиным островом») пугал старуху-ведьму урядник в повести А. И. Куприна «Олеся» (1898 г.) – а действие там происходило в украинском Полесье¹².

В общем, слово «Сибирь» было расхожим обозначением дальней и суровой стороны. В XIX в. встречалось и прилагательное «сибирный», которое использовалось в выражениях «сибирная жизнь» (например, у Н. С. Лескова), «сибирный характер» (у М. Е. Салтыкова-Щедрина). По М. И. Михельсону, сибирная жизнь – это жизнь, «как сосланных в Сибирь», а сибирный характер либо начальник – «лютый, злой»¹³.

Летом 1888 г. известный публицист Г. И. Успенский предпринял путешествие в Западную Сибирь, чтобы ознакомиться с условиями, в которые попадали крестьяне-переселенцы из центра страны, во множестве перебиравшиеся тогда в Сибирь на жительство. Его заметки, которые печатались в газете «Русские ведомости» под названием «Письма с дороги», начинаются с того, что уже в пути его начали одолевать сомнения, – путешествие представлялось долгим и трудным. «Не говоря уже о том, что страна, в которую я ехал, носит наименование “Сибири”, со-

вершено выделяющее ее из ряда обыкновенных, общежительных на белом свете стран, вспоминались мне и другие, крупные и мелкие черты внешних и внутренних ее оригинальностей...». Под другими сибирскими «оригинальностями» Успенский, судя по всему, подразумевал тяжкий труд в рудниках и копях, сменяющийся диким разгулом, да каторгу с ее неволей, побегам и стрельбой по беглецам. По его определению, Сибирь была страной «виноватых» людей, «виноватой Россией»¹⁴. А при таком восприятии и само слово «Сибирь» начинало звучать пугающе.

Так что сравнение с «Сибирью» – что трудной дороги, что тяжелой работы – это в те времена выражение расхожее. И если работа такая – то, как на сибирской каторге, а коли дорога – то это значит: трудная (и еще, наверное, долгая). Правда, в той ситуации, что рисуется в очерке Слепцова, тяготы дороги – не оттого, что зима, сугробы да ухабы, а оттого, что путь развезло мокредью. И всё равно – трудно, как в Сибири.

Автор книги очерков по этноэкологической истории Сибири В. Г. Мордкович, приводя старинные выражения «сибирный начальник», «сибирный вор» (злой, лютый человек), «сибирщина» (тяжкая жизнь), отчего-то полагает, будто на этикие их значения повлияло диалектное русское слово «сивер» (север, холод) и его производные. Он предпочитает использовать вариант «сьбер» и пишет так: «Значит, слово “сьбер” связывалось, прежде всего, с погодными невзгодами и тяжелой жизнью из-за них»¹⁵. Нерусская, неславянская этимология слова «Сибирь» вполне определенно установлена (и кажется, сам автор не спорит с этим). Вот, скажем, в донском диалекте северный ветер, действительно, называли «сибиркой», то есть словом, производным от «Сибири». Но этакий термин народной речи явно отражает народную этимологию¹⁶. К тому же если дорожную мокредь, из-за которой дорога – «Сибирь», еще можно при большом желании увязывать с «погодными невзгодами», то уж трудная, наподобие каторжной, работа («одно слово – Сибирь!») с погодным значением этого диалектного «сивер» не вяжется.

С. Яковлев в очерке, написанном в начале 1860-х гг., жаловался на подмосковную дорогу: «Едва ли можно найти еще где-нибудь, кроме разве окрестностей Нерчинска, более неудобную для езды дорогу, как от Москвы до Звенигорода... Кажется, здесь всё соединено, чтобы сделать дорогу несноснее и мучительнее...»¹⁷. В общем, под далеким сибирским Нерчинском, что находится аж в Забайкалье, такое, может, и терпимо, но ведь не вблизи же Москвы!

Е. А. Андреева, автор статьи о том, каково было в XIX в. ездить по Большому Сибирскому тракту, писала: «В Европейской России к 1880-м гг. сложилось несколько расхожих стереотипных представлений о Сибири, с которыми сталкивался путешественник, впервые в своей жизни рискнувший пересечь Уральский хребет. Смелчака пугали рассказами об “ужасных” дорогах, почти непроезжих. <...> К концу XIX в., действительно, сибирские дороги пользовались дурной славой»¹⁸. Похоже, что этакая слава о сибирских дорогах распространилась гораздо ранее. Это видно хотя бы из приведенных выше слов Яковлева.

Во время своего путешествия по Сибири П. И. Небольсин как-то раз готовился к выезду по зимнему пути из Томска на горный прииск и разговорился с бывалым сибиряком. Тот объяснял, что сперва ехать от Томска – благодать, а вот дальше, в тайге, трудноато:

«– Шаг в кошевушке, да два пешком, или на лыжах, а к ночи дело придет – тут и спи в снегу!

– Да ведь по дороге есть же избушки?

– Где есть – там есть, а где нет – нешто возьмешь, и в снегу напишешься.

– Как же это так?

– Да вот как. Поднимется мятелица, или ночь наляжет – вот мы и остановимся... Бывали вы сами-то когда в тайге?

– Бывал, да летом.

– Ну, то летом, а вот зимой, в лесу-то, как остановишься, вот и слободишь коней, а людей-то и заставишь разрывать сугробы. Снегу-то нанесет видимо-невидимо, пребольшуице кучи, так разгрести-то их пройдет много времени. Другие в это время сучья ломают да бревна рубят: бревна на костер, а из сучьев коё-где шалашики али навесы поделают, с той стороны, что к ветру. Снег-то разгребут, мы в ямки-то и ляжем.

– И тепло?

– Так бывает тепло, что душно. Бывают такие горячие сорванцы, что точно дома на постели нежатся, не то что без шубы, а совсем, как есть, разоболокаются. Тут-те под носом и костер, а в стороне тьмущая волков воеет, ажно сердце замирает»¹⁹.

В 1867 г. политический ссыльный, народоволец Л. Ф. Пантелеев вместе с женой ехал в ссылку из Красноярска на север Енисейской губ. Уже наступила весна, но снег еще лежал. Дороги были плохими, размытыми. И запомнился им этот сибирский путь тем, что постоянно

случались опрокидывания в снег. Его жена С. В. Пантелеева вспоминала: «Лесной проселок был страшно выбит приисковыми обозами, наша кошевка часто опрокидывалась на раскатах и ухабах, и мы выпадали в снег. Ночью муж зажигал спички и терпеливо собирал выпавшие вещи. Однажды он что-то долго искал в снегу и с видимым огорчением сказал: “Эх, пропал последний остаток прежнего величия – хорошие золотые часы!”»²⁰.

Зимой 1861–1862 гг. литератор М. Л. Михайлов ехал в ссылку в Сибирь. Судя по его «Запискам», чем дальше на восток, тем хуже становилась дорога, и более всего досаждали путникам ухабы. Вот они едут от Вятки до Перми: «Дорога становится всё хуже и хуже – то ухабы, то снег по колена, то снег сдуло с дороги». А вот остановка в Перми: «Тут меня еще больше напугали дорогой. Отсюда-то только и начинаются ухабы». И сразу вслед за тем: «Это оправдалось как нельзя лучше. Бесконечные обозы с чаем потянулись навстречу и до самой Тюмени почти не прерывались. Дорога была действительно беспримерно выбита». Потом впечатления от пути по Западной Сибири: «Разнообразие дороги заключалось и здесь в том, что где было больше ухабов, где меньше. Сваливаться набок с возком, разбивать при этом стекла приходилось не раз. Под конец я уж забил два окна наглухо войлоком»²¹.

В январе 1886 г., при жутких морозах, американский журналист и путешественник Дж. Кеннан подъезжал на санях к сибирскому г. Канску. «Несмотря на то, что на нас была тяжелая и теплая одежда, мы не раз на пути от одной станции до другой до того застывали и окоченевали, что едва могли выбраться из повозки. О сне, разумеется, не могло быть и речи. Даже если бы уснуть при такой температуре не было бы рискованно, это было бы невозможно из-за плохой дороги». Огромные ухабы не давали покоя. А на дальнейшем пути, до Красноярска, нередко встречались груженные санные обозы, и тогда приходилось отводить лошадей с дороги в рыхлый снег. Еще дальше, за Омском, стали попадаться «огромные обозы на санях какого-то нового типа, запряженные шестью-восемью лошадьми и груженные товарами с Ирбитской ярмарки». Эти обозы вконец разбивали дорогу, образуя ухабы, на которых повозка Кеннана как-то раз опрокинулась и скатилась вниз по крутому склону холма»²².

Литератор и публицист С. Я. Елпатьевский в 1891 г. путешествовал по Туруханскому краю. Ехал он в нарте, то есть, согласно его пояснению, на маленьких, хрупких на вид санках, без кучера и без вожжей, которые были отданы «на волю лениво бежавшей мохнатой лошаденке с короткими ногами, больше похожей на овцу, чем на лошадь». Дорога меж двух высоченных скатов снега была безлюдна. Но вот случилось опасное происшествие: «Лошадь оступилась с дороги и нырнула в белую стену. Легкий, как пух, снег засыпал ее сверху, и она бессильно боролась, словно попала в болотную трясиину. Мне нельзя было вылезти, так как у меня были обыкновенные валяные сапоги, и мне приходилось терпеливо дожидаться ехавшего сзади сотского; лошадь последовала моему примеру и, выбравши положение поудобнее, прилегла на мягкую снеговую пирину». В общем, Елпатьевскому помог ехавший позади бывалый спутник-сибиряк»²³.

Словом, дороги за Уралом и вправду бывали в плохом состоянии, как бы оправдывая при словье про «дорогу – Сибирь». Но так было не везде и не всегда. К примеру, в дорожных заметках Г. И. Успенского в 1888 г. отмечалась «крайняя неисправность дорог около Тюмени, объезды почтового пути по лагам, вместо прямой дороги...», – с оговоркой, что всё это хорошо знакомо и по европейской части России. Успенский писал далее: «Дороги же чисто сибирские, от Томска до Омска, через всю Барабинскую степь, нисколько не похожи на наши: содержатся превосходно, “как скатерть”; после каждого дождя, тотчас, как только засохнут сделанные проезжими по мокрой земле кочки, вся дорога ровняется при помощи особенных катушек и вновь делается “как скатерть”». И на таких дорогах его поразила «бешеная сибирская езда», «необыкновенная быстрота». Успенский красочно живописал «подлинную сибирскую тройку» и прямо-таки сумасшедшую для непривычного человека, стремительную езду «на сибирский манер»²⁴.

А летом 1862 г. из Петербурга в Восточную Сибирь добирался молодой офицер П. А. Кропоткин. В газетной публикации он замечал, что стараниями графа Муравьева устроено хорошее шоссе по всей Восточной Сибири до Иркутска²⁵. Словом, в те годы от Урала до Иркутска на больших участках пути – стараниями ли начальства, деловитым ли усердием местных жителей – можно было летом проехать неплохо.

Хотя кое-где на сибирском тракте Кропоткину не повезло. Вот в августе 1862 г., въезжая в Тобольскую губ., он записывал в дневнике, что эта часть пути останется для него памятной: «Дорога с последней станции отвратительная, кругом лес весь в болоте, и через болото проведена отвратительная дорога: гать насыпана невысоко, навален крупный зернистый песок, а в

топких местах сделана гать из бревен; я вспомнил, что это обыкновенно сравнивают с фортепийными клавишами²⁶; пожалуй, но чтоб иметь об ней понятие, нужно провести пальцем по черным клавишам». Или же за Томском: «Что за отвратительная дорога: дождь размыл, колеса вязнут, тряска, отвратительно. Ее совсем не чинят...»²⁷.

Вообще жизнь множества сибиряков была тесно связана с дорогами. Расстояния бывали огромными, многие города и селения располагались именно по трассам, по ним непрерывно проходили и проезжали партии арестантов и переселенцев, купеческие обозы, командированные чиновники, войсковые группы. Именно в Сибири в ходу были простенькие детские игрушки, которые отцы и деды мастерили своим мальчишкам, – маленькие санки для игры «в обозы». Один из жителей Иркутской обл. вспоминал, как его, малыша, качала на ноге бабушка Татьяна, неграмотная женщина 1910 г. рождения, напевая стишок: «Я сибирский мужичок, вырос на морозе, // Летом в поле у сохи, а зимой в обозе»²⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Слепцов В. А. Ночлег: подгородные сцены // Соч. М., 1957. Т. 1. С. 139.
- ² Каронин С. Очерки Донецкого бассейна // Русские очерки. М., 1956. Т. 3. С. 526.
- ³ Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал: (очерки и впечатления). СПб., [1904. Ч. 2]. С. 3.
- ⁴ Петряев Е. Д. 1) Записки книголюба. Киров, 1978. С. 48; 2) Живая память. М., 1984. С. 27–28; Кравцов Ф. Песни про пельмени // Волга. 1989. № 1. С. 189–190.
- ⁵ Мельников П. И. Дорожные записки на пути из Тамбовской губ. в Сибирь // Отечеств. записки. 1840. Т. 9. Отд. 7. С. 2, 3, 6.
- ⁶ Короленко В. Г. Письма из тюрем и ссылок, 1879–1885. Горький, 1935. С. 37.
- ⁷ Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1993. Т. 2. С. 54.
- ⁸ Мамин-Сибиряк Д. Н. От Урала до Москвы: путевые заметки // Собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 388.
- ⁹ Терещенко А. В. Быт русского народа. М., 1999. Ч. 6/7. С. 295.
- ¹⁰ Небольсин П. И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850. С. 244.
- ¹¹ Амфитеатров А. В. Бабы и дамы // Собр. соч. М., 2001. Т. 3. С. 97.
- ¹² Куприн А. И. Олеся // Соч. М., 1953. Т. 1. С. 357.
- ¹³ Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. М., 1994. Т. 2. С. 249.
- ¹⁴ Успенский Г. И. Поездки к переселенцам // Собр. соч. М., 1956. Т. 8. С. 259–262.
- ¹⁵ Мордкович В. Г. Сибирь в перекрестье веков, земель и народов: очерки этноэкологической истории региона. Новосибирск, 2007. С. 28.
- ¹⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 3-е изд., стереотип. СПб., 1996. Т. 3. С. 616.
- ¹⁷ Яковлев С. 1) Подмосковные дорожные заметки // Любецкий С. М. Московские окрестности ближние и дальние, за всеми заставами, в историческом отношении и в современном их виде для выбора дач и гулянья; 2) Подмосковные дорожные заметки. М., 2006. С. 256.
- ¹⁸ Андреева Е. А. Езда по Большому Сибирскому тракту в XIX в.: дорожные впечатления современников. URL: <http://tomskhistory.lib.tomsk.ru/page.php>. [С. 3.] (дата обращения: 2.02.2010).
- ¹⁹ Небольсин П. И. Указ. соч. С. 196.
- ²⁰ Пантелева С. В. Из пережитого в шестидесятых годах // Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 673.
- ²¹ Михайлов М. Л. Записки // Соч. М., 1958. Т. 3. С. 531–532, 587.
- ²² Кеннан Дж. Сибирь и ссылка: путевые заметки (1885–1886 гг.). СПб., 1999. Т. 2. С. 247, 249, 283–284.
- ²³ Елпатьевский С. Я. Очерки Сибири // Русские очерки. М., 1956. Т. 3. С. 554, 555.
- ²⁴ Успенский Г. И. Указ. соч. С. 348–352.
- ²⁵ Кропоткин П. А. Корреспонденции из Восточной Сибири // Кропоткин П. А. Дневники разных лет. М., 1992. С. 272.
- ²⁶ Такое сравнение показывает, что Кропоткин, очевидно, был знаком с запрещенной в России книгой А. де Кюстина «Россия в 1839 г.». Ведь именно там было столь запоминающееся сравнение. Правда, Кюстин так писал не о гати, а о временных мостках для въезда на шоссе и для съезда с него: это мостки – разболтанные, как «клавиши старого фортепьяно». См.: Кюстин А. де. Россия в 1839 г. М., 1996. Т. 2. С. 194.
- ²⁷ Кропоткин П. А. Дневники // Кропоткин П. А. Дневники разных лет. С. 50, 55.
- ²⁸ Назаркин А. Д. Игрушка-волокуша для игры «в обозы» // Живая старина. 2009. № 3. С. 17.

**«МЫ СТОИМ НА ПОРОГЕ СВОЕГО
КУЛЬТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ». ОБРАЗ ДЕРЕВНИ БУДУЩЕГО
В ЖУРНАЛЕ «СИБИРСКАЯ ДЕРЕВНЯ» (1912–1917 гг.)***

Соглашаясь с тем, что «первостепенное значение при изучении истории России конца XIX – начала XX в. имеют материалы тогдашней периодики», и что «фактически только в начале XX в. периодика превращается в мощный рупор настроений самых широких масс»¹, источником для написания статьи я выбрала материалы журнала «Сибирская деревня». Этот журнал издавался в Красноярске в 1912–1917 гг. Восточно-Сибирским обществом сельского хозяйства, его редактором являлся А. П. Кузнецов.

Редакция журнала видела цель издания в том, чтобы способствовать выяснению сельскохозяйственных, экономических и общественных вопросов, «возникающих при происходящей в настоящее время ломке прежнего уклада жизни сибирской деревни»². Совершенно справедливым, на мой взгляд, было утверждение одного из постоянных корреспондентов журнала А. Шнейдера: «Можно сказать, что журнал “Сибирская деревня”, созданный в городе, теперь держится и развивается самой деревней, ибо она поддерживает его не только подпиской, но, что самое главное, своим собственным сотрудничеством, присылкой статей, стихотворений, заметок, корреспонденций и проч.»³.

Авторы журнала презентовали на страницах издания образы и современной им деревни, и той деревни, которая им виделась в будущем. Мною были привлечены публикации «Сибирской деревни» для решения двух задач: 1) выявить образ деревни будущего, каким он виделся авторам и редакции журнала; 2) показать, какими представлялись пути достижения будущего.

Как писали крестьяне, «многим хочется чего-то нового, чего-то лучшего»⁴, «думы и разговоры касаются материальных и духовных наших нужд»⁵. Сельские жители верили, что «хозяйство постепенно станет улучшаться, и крестьянская жизнь не будет такой тяжелой, как сейчас»⁶, «устранится невежество и тьма, и появится свет просвещения»⁷, «самосознание нашего медвежьего уголка растет с каждым днем, и если такое самосознание будет прогрессировать повсеместно, то в недалеком будущем и заблестит “новой, светлой, трезвой жизни заря”»⁸. В № 16 журнала «Сибирская деревня» за 1914 г. было опубликовано стихотворение, автор которого писал:

*Начинает мужик просыпаться,
С глаз спадает его пелена.
Мысль начала уже в нем пробуждаться,
Что культура, как видно, нужна⁹.*

Сельчане, писавшие в «деревенский журнал», когда рисовали свое будущее благополучие, видели в нем и залог развития всей страны. Крестьянин И. Денисов рассуждал: «Как известно ... всякое хозяйство, ведущееся на культурных началах, возвышает благосостояние населения, а благосостояние населения гарантирует благосостояние всего государства»¹⁰.

Редакция журнала, выступая пропагандистом и инициатором перемен в сибирской деревне, обращала внимание на то, что «мы во всем отстали даже от Европейской России; от культурных же стран Западной Европы нас отделяет почти непроходимая пропасть. Если мы не хотим быть позади всех, если нам дорого процветание нашей родины, мы должны торопиться наверстать упущенное, догнать наших старших по духу и крови братьев – народы европейских стран»¹¹.

Мечта о достойной и культурной жизни объединила сельских корреспондентов и редакцию «Сибирской деревни» в поисках лучшего пути ее достижения. Это общее устремление выразил в стихотворении «Сибирь» автор, который подписался «Кр. А. Многогрешнов»:

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 10-01-00445а.

*Пора нам вкусить уж новых познаний,
А не старушечьих слушать сказаний;
Нужно смелее идти за наукой,
А не томить себя прежнею мукой...
Учителя наши, нам ум просветите
И младшему брату вы путь укажите,
Чтоб мог он проснуться от тьмы вековой,
Чтоб не пошел он под окна с сумой.
Ты же, крестьянин, крестом осенись
И дружно за новое дело возьмись¹².*

Возможность взяться за новое дело виделась в самых общих чертах, как, например, у Х. Мосина (с.Тюльковское Ачинского уезда), который писал: «Раньше мужик наш слушал с удовольствием трех братьев – Авось, Небось, да Как-Нибудь, а теперь, слава Богу, наука побеждает ... не мешало бы нашим вечным труженикам крестьянам присматриваться к хорошим делам, читать книги и журналы, а также со вниманием слушать, где читают о том, как нужно жить крестьянину и как ему улучшить свою жизнь»¹³. Ему вторил А. Козырев из с. Кавказское Минусинского уезда: «Духовные запросы, вернее, духовные мечтания, очень смутны и туманны, но они есть. Тут и двухклассная министерская школа вместо существующей приходской, и библиотека-читальня, и воскресная школа для взрослых, и даже курсы по обществоведению»¹⁴.

Авторов «Сибирской деревни» объединяет понимание того, что перемены к лучшему неразрывно связаны с просвещением деревни. Эту консолидированную мысль емко выразил А. Шнейдер: «В знании нет никакой роскоши, оно совершенно необходимо для поднятия сельского хозяйства точно так же, как плуг, топор, труд и капитал»¹⁵.

Просвещение деревни виделось, прежде всего, через школу. В журнале даже развернулась дискуссия, какой должна быть сельская школа. Участники дискуссии сходились на том, что «новая настоящая крестьянская школа не только должна учить читать и писать, но она должна научить думать, она должна из крестьянского мальчика воспитать крестьянина-гражданина»¹⁶, «нужно, чтобы из школы вышел здоровый и умственно развитый крестьянин»¹⁷.

Старшее поколение предполагалось приобщать к новым знаниям через внешкольное образование, задача которого сводилась бы к тому, чтобы «расширить умственный горизонт, дать новые орудия борьбы за лучшую жизнь»¹⁸. А. Шнейдер писал, что деревне «надо дать внешкольное образование и разумные развлечения: воскресные школы, воскресные (или вечерние) повторительные классы с расширенной программой, курсы, бесплатные народные библиотеки и читальни, музеи, народные чтения с волшебным фонарем, а теперь и кинематограф, театр, музыкальные (или хоровые) вечера с чтением на них по книге литературных произведений»¹⁹. Крестьянские корреспонденты не сомневались, что «желающих посещать воскресные школы и чтения найдется много, конечно, при условии, если будет читаться что-нибудь для них полезное, захватывающее»²⁰.

Механизмом просвещения деревни, объединяющим старшее и младшее поколение, виделись сельские музеи. Об этом в августе 1917 г. говорил в докладе съезду учителей Енисейской губ. А. Шнейдер. По его мнению, сельские музеи должны играть двоякую роль: «С одной стороны, они будут учреждениями вспомогательными при других учреждениях внешкольного образования, с другой – самодовлеющим орудием просвещения; для этого в процессе созидания их педагоги должны привлечь к этой работе как школьников, так и наиболее интересующихся взрослых, останавливая внимание тех и других на вопросах естествознания, сельского хозяйства, быта, истории и географии местного края и предоставляя тем самым возможность самостоятельной работы мысли»²¹. Шнейдер полагал, что постепенно музей сделается культурным центром деревни, и деревня самостоятельно приобщится к культуре.

Важное место в движении к будущему отводилось также периодической печати. Житель с. Пироговское (Бельская волость Енисейской губ.) Е. Коробейников ратовал за то, чтобы сельские общества выписывали сельскохозяйственный журнал: «Такая цена, как один рубль, для одного общества ничего не стоит, и при раскладке податей об одном рубле никто и спорить не будет. А как будет получаться для всего общества журнал, то всякий мало-мальски грамотный не откажется прочитать журнал, и этим путем в журнале будет все больше опытов и наблюдений. И тогда скорее и легче будут выясняться сельскохозяйственные вопросы»²². Кстати, в журнале была рубрика, в которой все желающие задавали вопросы редакции. Крестьяне в годы

Первой мировой войны свидетельствовали: «Деревню пробуждают пока прибывшие из окопов инвалиды, а также периодическая печать, которую читают нарасхват»²³.

Образ деревни будущего был бы неполным без культурного отдыха. «Нельзя не обратить внимания, – писал корреспондент «Сибирской деревни», – на то, что замечается все увеличивающееся стремление деревенской интеллигенции к устройству разумных развлечений, вечеров, концертов, спектаклей, каковые находят сильный отклик в сердцах крестьян»²⁴. Корреспонденты соглашались с тем, что «работы впереди – непочатый край! Переходное время, которое переживает сейчас наша обширная Сибирь, требует напряжения всех народных сил»²⁵.

В заключение я бы хотела обратить внимание еще на два сюжета, которые представлены в материалах журнала «Сибирская деревня».

Строительство будущей деревни мыслилось как общее дело: «Мы живем в такое время, когда сама необходимость гонит нас к совместному труду. За что ни возьмись, у одного дело не спорится»²⁶. И в этом общем деле крестьянские корреспонденты возлагали большие надежды на интеллигенцию. Они писали о проявившемся за последнее время «сознании крестьянами своей темноты (что очень отрадно)» и увеличившимся от этого «стремлении к знаниям, к людям знания». Были убеждены, что нужно «пойти навстречу этому духовному спросу народа, это есть долг и обязанность образованного класса России»²⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ганелин Р. Ш., Куликов С. В. Основные источники по истории России конца XIX – начала XX в.: учеб. пособие. СПб., 2000. С. 36.

² Корреспонденции с мест // Сиб. деревня. 1913. № 1. С. 29.

³ Там же. 1915. № 6. С. 6.

⁴ Там же. 1914. № 16. С. 19.

⁵ Там же. № 24. С. 17.

⁶ Там же. № 6. С. 16.

⁷ Там же. 1913. № 2. С. 14.

⁸ Там же. 1915. № 16/17. С. 25.

⁹ Там же. 1914. № 16. С. 11.

¹⁰ Там же. № 19. С. 9.

¹¹ Там же. 1913. № 12. С. 2.

¹² Там же. 1914. № 7. С. 14.

¹³ Там же. № 15. С. 34–35.

¹⁴ Там же. № 24. С. 17.

¹⁵ Там же. 1916. № 17/18. С. 5.

¹⁶ Там же. 1917. № 24/25. С. 7.

¹⁷ Громан В. К. О крестьянском школьном образовании // Там же. 1914. № 12. С. 5.

¹⁸ Корреспонденции с мест // Там же. 1916. № 7/8. С. 4.

¹⁹ Шнейдер А. Деревня и внешкольное образование // Там же. 1915. № 6. С. 7.

²⁰ Корреспонденции с мест // Там же. 1915. № 12/13. С. 23.

²¹ Шнейдер А. Сельские музеи // Там же. 1917. № 19. С. 20–21.

²² Корреспонденции с мест // Там же. 1913. № 1. С. 11.

²³ Там же. 1917. № 24/25. С. 8.

²⁴ Там же. 1916. № 9/10. С. 11.

²⁵ Там же. 1913. № 12. С. 2.

²⁶ Там же. 1914. № 12. С. 4.

²⁷ Там же. № 18. С. 14.

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СИБИРИ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ*

Представления о Сибири в среде интеллектуалов Европейской России второй половины XIX – начала XX в. формировались под влиянием разных источников – школьных учебников, художественной литературы, общественно-политических журналов и газет¹. Каждый из источников предлагал свой круг «сибирских» вопросов и создавал определенный «образ» восточной окраины, зависящий от мировоззренческой платформы издателя, биографической связи автора с Сибирью, редакторских предпочтений и цензурных запретов. Во многих публикациях транслировали существующие в общественном сознании стереотипы и представления («место каторги и ссылки», «Сибирь – сырьевой придаток», «страна изгнания», «безголовая Сибирь» и пр.). На этом фоне выделяются научные журналы, выпускаемые авторитетным Русским Географическим обществом (РГО), предлагающие свой список сибирских тем. Специфика периодических изданий РГО заключалась в их ориентации на публикацию «эмпирически проверенной» и «объективной» информации об окружающем мире.

Цель данной статьи – выявить и охарактеризовать те тематические приоритеты, которые отдавались редакциями периодических изданий Центрального отдела Русского Географического общества при моделировании образа Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

В своей работе мы обратились к «сибирским» статьям, опубликованным в журналах «Записки РГО» (1846–1850, 1861–1864), «Вестник РГО» (1851–1860), «Известия РГО» (1864–1916). Массив публикаций, посвященных восточной окраине, в этих изданиях немалый – четверть от общего количества всех статей.

Первый пик интереса к Зауралью, судя по количеству статей, посвященных Сибири, пришелся на 50–60-е гг. XIX в., что связано с крупномасштабными экспедициями в Азиатскую Россию (Сибирская, Уральская, Амурская экспедиции) и отсутствием других научных обществ, способных координировать изучение Сибири. В связи с этим в столичных журналах РГО публиковались статьи исследователей региона, а также отчеты Сибирского отдела (созданного в 1851 г.), который на тот момент не имел своего печатного органа. С конца 1860-х гг. начинают выходить в свет «Известия Сибирского отдела РГО», а с 1879 г. добавляются «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», предоставившие место для публикаций на «сибирскую тему», поэтому в основном столичном издании сокращается количество статей.

Очередной всплеск интереса к региону в конце 1870-х – начале 1880-х гг. связан с крупной Ленско-Оленекской экспедицией (охватившей большую часть Восточной Сибири), отчеты которой регулярно публиковались, а также с последовательным изучением сибирских рек с точки зрения возможности их судоходства. Увеличение количества статей в журналах РГО в середине 1890-х гг. объясняется актуализацией вопроса строительства Транссибирской железной дороги. Сотрудники РГО нередко выступали в качестве экспертов по данной теме.

Примечательно отношение авторского состава к региону: на страницах научного издания, в отличие от общественно-политических газет и журналов, ни разу не обсуждались вопросы статуса Сибири, он чаще всего признавался колониальным. Регулярны в текстах сочетания с топонимом «Сибирь» слов «колония», «колонизация». Сибирь номинировалась исследователями как «сподручная колония России»², «земледельческая колония»³, «отдаленная колония»⁴ и т. д. Данные словосочетания были характерны для статей в изданиях РГО до середины 1890-х гг., когда начало меняться отношение к региону из-за строительства железной дороги, которая была призвана соединить Россию и Сибирь. В публикациях этого времени исследователи начали чаще упоминать слова «окраина», «провинция». Показательно усиление приближенности Сибири к России при помощи местоимений «наша», «наши»: наша Сибирь, наш Дальний Восток, наша восточная окраина и пр.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 10-01-00445а.

В статьях сотрудников Географического общества нередко проводились параллели между колониальной политикой Российской империи в Сибири и европейских стран на территории Азии и Африки. Авторы акцентировали внимание на отличии российской азиатской политики, в частности, в отношении «инородческого» населения, которое русские, в отличие от испанцев и «британской расы», не истребляли, а привлекали к своей культуре⁵. При этом исследователи «облагородили» идею колонизации Азиатской России, представив ее «цивилизаторской миссией» Российской империи на восточной окраине и ближайших к ней азиатских территориях. Показательно высказывание известного исследователя, председателя РГО П. П. Семёнова о роли России в Сибирском регионе и Азии: «... подвигается Россия для врученного ей самим предопределением общечеловеческого интереса – цивилизации Азии. Богом избранная посредница между Западом и Востоком, получившая свое крещение в столице империи Востока, проведшая свое отрочество европейской заложницей в плену у азиатского племени, переброшенная гениальной волей в среду европейского развития, она имеет равное сродство с Европой и Азией, одинаково принадлежа обеим частям света. Оттого-то она и способнее других наций к выполнению роли, предназначенной ей географическим ее положением и историей ... русские не истребляют ... полудиких племен внутренней Азии, но ассимилируют их постепенно своей цивилизации, своему гражданскому быту и своей народности. Потому всякий новый шаг России в Азии есть новая, но мирная и прочная победа человеческого гения над дикими, еще необузданными силами природы, цивилизации над варварством, грозившим некогда сокрушить юную еще культуру Запада»⁶.

Надо отметить, что восточная политика Российской империи претерпела сильные изменения после Русско-японской войны, что отразилось на статьях изданий РГО. Речь уже шла не о дальнейшем продвижении русских в Азию и просвещении «нецивилизованных» народов, а о сохранении того, что «создалось и копилось на всем протяжении тысячелетнего собирания Руси»⁷. В начале XX в. была актуализирована опасность отделения Сибири от России иностранными державами (Японией, Китаем, США). Геополитический аспект в научных журналах стал преобладающим. Авторы активно писали о «желтой опасности», о захватнических планах американцев на Дальнем Востоке империи, призывая власти к действию в «заброшенном краю»⁸.

После поражения в Русско-японской войне в журналах Географического общества много внимания стало уделяться «желтой опасности» на востоке. Сотрудники РГО тщательным образом исследовали влияние китайцев и японцев на русском Дальнем Востоке и пришли к выводу, что воздействие иностранцев настолько велико, что может привести к потере Российской империей не только Амурской и Приморской областей, но всей Сибири. Выходом из сложившейся ситуации, по мнению исследователей, являлась колонизация русским населением этих отдаленных областей.

Сотрудники Географического общества не оставались в стороне от решения дальневосточного вопроса и на Совете РГО в 1908 г. объявили об объединении в группу, целью которой было исследование приграничных стран, а именно Монголии и Манчжурии, где активно действовали китайцы и японцы. Работа исследователей по сути дела предполагала наблюдение «самым внимательным образом за всем происходящим в пограничных с Россией странах Дальнего Востока», так как «при отсутствии достаточной осведомленности в вопросах Дальнего Востока возможны нежелательные решения, могущие привести к новым осложнениям»⁹.

Несмотря на регулярные исследования Сибирского региона научным обществом, правительственными экспедициями, сотрудники РГО часто номинировали восточные колонии как *terra incognita* империи¹⁰. Н. М. Ядринцев отмечал, что на русских лежит «нравственная ответственность» за изыскания своего «исторического наследия» – Азиатской России, в котором еще «не успели разобраться»¹¹. Представление о Сибири как о «terra incognita» практически не изменилось за 70 лет исследования края. Научные изыскания во второй половине XIX – начале XX в. стремительно набирали темпы, постоянно предъявляя «новые требования, совершенствуя методы и средства ... наблюдений»¹². Поэтому возникала необходимость в проверке уже полученных результатов, дополнении пропусков, производстве новых изысканий с новыми целями.

Надо отметить, что авторы при описаниях дальнейших планов исследования Сибирского региона не ограничивались его географическими рамками, предполагая последующее «наступательное движение» вглубь Азиатского материка. Такая перспектива развития событий (превращение Сибири в плацдарм для дальнейших колонизационных действий и источник природ-

ных ресурсов) в публикациях научного общества отражала внешнеполитические стремления империи в восточном направлении. О взаимодействии научного общества и правительства не единожды упоминалось в журналах РГО, при этом отмечались положительные стороны этого взаимодействия, так как именно власти выступали в качестве главного мецената при исследовании восточных окраин России¹³. Упоминания о тесной связи науки и власти в статьях сотрудников РГО демонстрировали востребованность и практическую значимость РГО для империи. При этом Географическое общество не забывало своих чисто научных интересов, попутно снаряжая экспедиции, значимые для ученого мира.

Сотрудники Общества уделяли внимание вопросу о том, кто является истинным колонизатором Сибири – ссыльные, промышленники или крестьяне. Пальму первенства в деле покорения восточного региона авторы отдавали крестьянскому населению, так как именно крестьяне переселялись вместе с семьей и надолго оседали на сибирской земле¹⁴. Ссыльные же, напротив, старались не задерживаться в зауральском крае, и потому авторы не признавали в них настоящих колонизаторов. Возможно, за признанием ведущей роли крестьянства стояли, помимо прочего, политические представления сотрудников РГО, а именно – народническая точка зрения.

Заметим, что авторы научного издания знали сложившиеся в среде европейских обывателей представления о Сибири и старались их соотнести с реалиями региона. Исследователи выделяли несколько «образов» Сибири, среди которых самый распространенный – «образ» богатого края, в котором «бабы соболей коромыслом бьют», и где любой приехавший может обогатиться. Образ «Сибири-каторги», часто транслируемый в художественной литературе и общественно-политических периодических изданиях, практически не рассматривался авторами научного журнала (упоминания о нем начали встречаться только в журналах РГО, выпущенных в начале XX в.). Скорее всего, игнорирование этой злободневной темы объясняется прочными связями РГО с администрацией империи, которая не хотела поднимать этот вопрос в изданиях научного общества. Еще одно распространенное представление о Сибири – как о богатом земельном крае – исследователи также подвергли проверке. На основе научных изысканий в Зауралье авторы пытались соотнести реальные размеры благоприятных для земледелия районов с распространенными в обществе «мифами о Беловодье»¹⁵.

Несмотря на специфику журнала, в нем публиковались статьи разной тематической и жанровой направленности (очерки, описания, выдержки из дневников, статьи, письма и пр.).

На основе содержательного анализа просмотренных журналов удалось выяснить основные тематические направления изучения Сибири (табл. 1).

Таблица 1

**Основные тематические направления «сибирских» статей
на страницах журналов ИРГО (1848–1917 гг.)***

Тематика публикаций	Кол-во публикаций на данную тему	Их доля от общего числа публикаций, %
Исследования, посвященные изучению естественно-географических, природно-климатических условий Сибири (физические, астрономические, метеорологические, зоологические, биологические данные)	138	48
Этнография («инородцы», русское население)	74	26
Средства коммуникации (реки, сухопутные тракты, Транссибирская железная дорога)	51	18
Археология	9	3
История	14	5
Итого:	286	100

* Составлено на основании сплошного просмотра годовых комплектов журналов «Географические известия» (1849–1850), «Вестник РГО» (1851–1860), «Записки РГО» (1861–1864), «Известия РГО» (1865–1916).

Тематическое деление публикаций здесь довольно условно, так как статьи могли содержать в себе и географическое описание местности, и физические данные о водных бассейнах, и ис-

следования археологических памятников, и этнографические материалы. Отчеты крупномасштабных экспедиций содержали практически все вышеперечисленные темы. Но при всей условности выделения тематических направлений, из составленной таблицы видно, что главные проблемы, обсуждавшиеся на страницах журналов РГО, суть следующие: географические исследования азиатских окраин (138 публикации за более чем 70 лет), этнография (74), исследование средств коммуникации (51), история края (14) и археология Сибири (9 публикаций).

Географические исследования Сибирского региона (естественно-географические, природно-климатические условия) занимали большую часть всех статей, что говорит о ресурсном интересе к восточной окраине со стороны власти.

Важными для ученых второй половины XIX в. были вопросы этнографии и коммуникаций Сибирского края. В публикациях авторы больше внимания уделяли аборигенному населению, чем пришлому русскому. При этом пики интереса к «инородцам» приходились на конец 1840-х – начало 1860-х гг. и на 1880-е гг. В первом случае большое количество публикаций на названную тему было связано с тем, что РГО в этот период было практически единственным обществом, регулярно выпускающим журналы по результатам исследований. Очередное увеличение этнографических статей в 1880-х гг. вызвала активностью областного движения, поднявшего один из главных сибирских вопросов – причины вымирания «инородцев».

Основное внимание исследователи (Н. В. Слюнин, А. А. Дунин-Горкавич, А. А. Аргентов, С. К. Патканов) уделяли северным аборигенам Сибири: якутам, чукчам, тунгусам, самоедам, юкагирам, вогулам, остякам. Ориентация на эту группу «инородческого» населения была вызвана двумя причинами: административными целями (для выстраивания новой или корректировки старой модели управления) и научным интересом (о северных землях и племенах, их населяющих, было известно мало). Исходя из популярной в то время теории эволюционизма, антропология и этнография, по примеру естественных наук (биологии, зоологии), должны были идти в своих исследованиях «от простого к сложному». Поэтому обращение к культуре северного «инородца», стоящего на более низкой ступени развития и наименее подвергнувшегося влиянию русского населения, позволяло сотрудникам РГО установить этапы развития народов. В этом отношении туземное население юга Сибири было менее интересно исследователям, потому что эти «инородцы» уже во многом утратили свои культурные особенности, ассимилировавшись с русским населением.

Ключевой темой в изучении сибирских аборигенов для авторов статей в научном журнале являлись взаимоотношения русского населения с «инородческим». Актуальность вопрос приобрел в 1880-х гг. в связи с подъемом областного движения в регионе. С этого времени местная интеллигенция активно начинает высказываться по «инородческой» проблематике на страницах центральных и сибирских изданий. В журналах РГО эта тема также поднималась интеллектуалами (Н. М. Ядринцевым, П. Е. Кулаковым, А. А. Дуниным-Горкавичем, В. И. Иохельсоном и др.). Вопрос о вымирании сибирских «инородцев», растиражированный областниками, подвергся тщательному анализу. Не все исследователи были согласны с мнением о сокращении численности «инородцев», ведь статистические данные так и не были приведены в качестве доказательства. Вывод о вымирании делался на основе общей картины ухудшения экономического положения «инородцев», увиденной при посещении туземных поселений сотрудниками научного общества.

Исследователи предлагали варианты сохранения туземного населения Сибири. По мнению ученых, были необходимы активные действия со стороны государства и правительства, в том числе по просвещению окружающего туземцев русского населения. Патерналистское отношение сотрудников РГО к «инородцам» в начале XX в. претерпело некоторые изменения – аборигены начали постепенно выходить из образа «детей», требующих опеки и воспитания со стороны русских.

Русское население на страницах периодических изданий РГО было представлено в рамках темы сибирского города, переселенческого вопроса и политической ссылки. При этом публикации, посвященные последним двум темам, стали выходить в свет только в начале XX в.

Немало статей периодических изданий РГО было посвящено проблемам коммуникационно-встраивания восточного края в экономическое и военное пространство империи. Речные системы и Транссибирская железная дорога – основные транспортные пути Сибири, получившие освещение в периодических изданиях Географического общества. Состояние сухопутных трактов сотрудниками РГО практически не рассматривалось.

Сибирские реки были одним из основных путей сообщения на огромной территории, и их изучение было необходимо для решения проблем торговли и управления. К тому же использо-

вание речных систем региона было вариантом наиболее доступного и быстрого транспорта, по сравнению с существующими трактами. До 1890-х гг., т. е. до начала строительства железной дороги, сотрудниками научного общества (например, Н. С. Щукиным, В. Васильевым, Н. Версиловым, А. К. Сиденснером, А. Ф. Вагнером) тщательно исследовались реки на возможность судоходства. Но сухопутное и речное сообщение в Сибири не могло решить всех проблем хозяйственной жизни региона. Эффективно использовать богатства Сибири можно только при наличии железной дороги. При разработке вопросов железнодорожного строительства на восточной окраине РГО и его сибирские отделы, по существу, являлись основными экспертами, опирающимися на солидный научный, теоретический и экспедиционный материал, накопившийся за время работы в крае. Сотрудники научного общества пытались создать такой проект, позволяющий решить коммуникационную проблему Сибирского региона, при котором железнодорожные линии, водные и сухопутные пути должны были образовать единую систему.

Итак, для Русского Географического общества одним из приоритетных направлений в исследованиях был Сибирский регион, малоизвестный в Европейской России. Поэтому изыскания на его территории охватывали широкий спектр вопросов: география, этнография («инородцы» и русское население), средства коммуникации. Обозначенные направления деятельности РГО в Сибири зависели не столько от научных интересов и предпочтений Общества, сколько от правительственной политики в регионе, представляя собой «взгляд из центра» на восточный регион (выяснение ресурсного и военно-стратегического потенциала края), практически без учета интересов окраины. При этом отношение к Сибири не оставалось неизменным. Впервые, изменился статус Зауралья: если в середине XIX в. в изданиях РГО авторы номинировали его как «колонию», «далекую страну», то в начале XX в. Сибирь чаще обозначали как «окраину» империи. Во-вторых, темы, поднимавшиеся в журналах РГО в начале XX в., по содержанию стали больше общественно-политическими, чем научными (вопросы переселения, политической ссылки, геополитическая ситуация на Дальнем Востоке).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 2006; Гимельштейн А. В., Дамешек Л. М., Сенина Е. А. Образ «инородцев» на страницах сибирской периодической печати (вторая половина XIX – начало XX в.). Иркутск, 2007; Ледовских А. Ю. Сибирский «инородческий вопрос» на страницах российской журнальной прессы во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2008.

² Обзор главнейших путешествий и географических открытий в пятилетие с 1848 по 1853 г. // Вестник Русского Географического общества (РГО). СПб., 1854. С. 173.

³ Богданович К. И. О географических результатах работ в Акмолинской обл. и Енисейской губ. горной экспедиции Министерства государственных имуществ // Известия РГО. 1893. Т. 29. С. 142.

⁴ Семёнов П. П. Значение России в колонизационном движении европейских народов // Известия РГО. 1892. Т. 28. С. 354.

⁵ Семёнов П. П. Обзорение Амура в физико-географическом отношении // Вестник РГО. СПб., 1855. Ч. 15. С. 254.

⁶ Там же.

⁷ Тульчинский К. Н. Из путешествия к Берингову проливу // Известия РГО. 1906. Т. 42. С. 578.

⁸ Там же. С. 521–579; Крамаренко Г. А. Путешествие на Камчатку и обследование ее в рыболовном отношении в 1907 г. // Известия РГО. 1908. Т. 44. С. 247–298; Кохановский А. По поводу колонизации в Китае и у нас // Там же. 1909. Т. 45. С. 499–517; Китайцы в Уссурийском крае // Там же. 1912. Т. 48. С. 395–432; Полевой П. И. Русский Сахалин // Там же. 1913. Т. 49. С. 566–611.

⁹ Отчет РГО за 1908 г. // Известия РГО. Т. 44. С. 32.

¹⁰ Этнографическое путешествие Кастрена по Западной Сибири // Географические известия. СПб., 1848. С. 129; Обзор главнейших путешествий... С. 173; Спасский Г. О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими // Записки РГО. 1857. Кн. 12. С. 113.

¹¹ Ядринцев Н. М. Современная мания к путешествиям // Отечеств. записки. 1876. № 8. С. 148.

¹² Этнографическое путешествие Кастрена... С. 129.

¹³ Отчет ревизионной комиссии // Известия РГО. 1865. Т. 1, вып. 2. С. 182.

¹⁴ Анненков М. Н. О значении в XIX ст. географического образования как основы эмиграции и колонизации // Известия РГО. Т. 28. С. 82–84; Семёнов-Тян-Шанский В. П. Реферат // Там же. Т. 45. С. 520–521.

¹⁵ Венюков М. Численные данные о поверхности Азиатской России // Известия РГО. 1865. Т. 1. С. 47; Соколов А. И. Земельный фонд сибирской тайги и значение ее для колонизации // Там же. 1908. Т. 43. С. 1–40.

ФОРМА КУБАНСКОГО КАЗАКА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ У СОВРЕМЕННОКОВ

Сохранение духовного наследия подразумевает, помимо прочего, его доступность всему обществу и, в первую очередь, молодежи. В настоящее время идет возрождение кубанского казачества, у истоков которого стоял В. П. Громов. Одной из главных целей возрождения является формирование исторического мировоззрения и сознания подрастающего поколения. Важным фактором решения этой задачи является изучение истории казачества, его традиций, обычаев, военного снаряжения и формы одежды, меняющихся с течением времени.

Казачья одежда отличалась от других сословий, народов Российской империи не только образом жизни, но и одеждой. Костюм казаков складывался веками, задолго до того, как степняки стали именоваться казаками. В первую очередь это относится к изобретению скифов – штанам, без которых невозможна жизнь кочевника-воина. За столетия их покрой не изменился: это широкие шаровары, – в узких штанах на коня не сядешь, движения всадника будут скованы, ноги растерты. Шаровары, которые находили в древних курганах, по форме были такими же, какие носили казаки и в XVIII, и в XIX вв. Завязывались они тонким ремешком – гашником, за которым ближе к телу пришивался кошелек. Отсюда выражение «спрятать в гашник».

Что же представляла собой одежда черноморских и линейных казаков?

Как указывает П. П. Короленко, при заселении Кубанского края черноморские и линейные казаки определенного обмундирования не имели. После переселения казаки сохранили свой заветный запорожский красный кафтан, подпоясанный цветным кушаком, синие суконные шаровары, убранные в сафьяновые сапоги с высокими каблуками. Круглая шапка с узким околышем прикрывала бритую казацкую голову с длинной чуприной, закрученной с левой стороны за ухо; бритая голова и длинные усы придавали казаку суровый вид. С 1814 г. была определена однообразная форма и вооружение черноморских казаков. Вместо свободных кафтанов их одели в короткие тесные куртки из синего сукна, широчайшие шаровары заменили узкими немецкими штанами навыпуск, дали высокие барашковые кивера, «сафьянцы» заменили обыкновенными сапогами. С течением времени черноморцы и линейные казаки приняли одежду и вооружение черкесов¹.

Рубахи были двух видов – русская и бешмет. Русскую заправляли в шаровары и надевали под мундир. Бешмет – разрезная рубаха навыпуск, с застежкой на крючки встык. Шили рубахи из холста или шелка. Степняки вообще предпочитали шелк другим тканям («На шелке вошь не живет»). Сверху – сукно, а на теле – шелк!

Зимой носили полушубки, которые надевались шерстью на голое тело. От трения шерсти о тело возникает электрическое поле – так теплее, а если человек вспотеет – шерсть пот оботрет, он не впитается в одежду и не превратится в лед. Из верхней одежды казаки издавна предпочитали архалук (тюрк. *арка* – спина, *лык* – греть) – «спинойрей». Это нечто среднее между татарским халатом и кафтаном. Зимой в непогоду поверх всей одежды надевался балахон – валяный из овечьей или верблюжьей шерсти плащ с капюшоном. По нему скатывалась вода, в сильные морозы он не лопался, как кожаные вещи. На Кавказе балахон заменила бурка, а капюшон заменил самостоятельный головной убор – башлык. У большинства казаков он имел символическое значение. В зависимости от того, как он повязывался, можно было определить возраст казака. Если завязан на груди – казак отслужил срочную службу; перекрещен на груди – казак следует по делу; концы заброшены за спину – казак «гуляет».

Одним из видов обуви были сапоги. Без них верховая езда невозможна, да и по сухой степи не пройдешь босиком. Особой любовью пользовались мягкие сапоги без каблуков – ичиги или чиррики – туфли-галоши, которые надевали либо поверх ичиг, либо поверх толстых чесаных носков, в которые заправлялись шаровары. Носили и башмаки – кожаную обувь с ремнями, изготовлявшуюся из телячьей кожи (тюрк. *башмак* – теленок).

Особое значение имели казачьи лампасы. Считалось, что введены они были донским атаманом М. И. Платовым, но лампасы обнаруживаются и на старинной казачьей одежде, и даже на одежде половцев, скифов. Их назначение – прикрыть швы. Позднее они означали принадлеж-

ность к казачьему сословию, а по цвету можно было определить и принадлежность к тому или иному войску. Лампасы считались символом независимости, освобождения от всех видов государственных платежей. Не случайно с ними «огнем и мечом» боролись большевики. За погон, за кокарду, за лампас полагался расстрел на месте.

Погоны, неотъемлемая часть одежды казака строевого возраста, носились до выхода «на льготу». Офицерские погоны, галуны, шевроны разрешалось носить пожизненно.

Шапка – продолжение головы. У казаков папаха или фуражка играли огромную роль в бычяях и символике. Папаха с цветным верхом или казачья фуражка с околышем символизировали полноправную принадлежность к станичному обществу. На кругу казаки находились в шапках. Собственно, ими и голосовали. Перед избранным атаманом шапки снимали, а он свою надевал. Снимал шапку и выступающий. Если есаул нахлобучивал ее обратно – значит, говоривший лишался слова. Шапку кидали во двор «хваленке» – девушке, к которой собирались свататься. Папаху или фуражку привозили с войны и клали на божницу, если казак погибал. Сбитая с головы шапка, как и сорванный с женщины платок, были смертельным оскорблением, за которым следовала кровавая расплата. При возвращении с войны или службы казаки приносили шапки в дар родовым рекам, бросая их в волны. В шапку зашивали иконы и написанные детской рукой охранительные молитвы. Появился обычай нашивать на папаху и фуражки награды – бляшки с надписью, за что награжден полк. За отворот папахы клали особо ценные бумаги и приказы. Надежнее места не было – ведь потерять папаху казак мог только с головой.

Шашка – символ полноты прав казака и обладания земельным наделом. Вручалась она казачу в 17 лет без темляка (иногда за особые заслуги – раньше), а в 21 год при отправке на службу казак получал погоны, кокарду и темляк – ременную петлю с кистью на эфесе шашки, помогавшую удерживать оружие в бою. В церкви во время служения шашка обнажалась наполовину, что означало готовность казака стать на защиту христианства. В семье она хранилась на видном месте, передавалась от деда к внуку, когда старик менял шашку на посох. Если в роду не оставалось наследников, то шашку ломали пополам и клали в гроб умершему.

Форменный казачий костюм черноморцев прошел сложный путь развития, и на нем больше всего сказалось влияние культуры кавказских народов. К середине XIX в. казачья форма утвердилась в следующем виде: черкеска из черного сукна, темные шаровары, бешмет, башлык, зимняя бурка, папаха, сапоги или ноговицы. Известный адыгейский писатель Тембот Керашев пишет, что именно в верховьях р. Белой зародилась знаменитая черкесская одежда, распространившаяся в наше время по всему Кавказу и представляющая интерес для народных ансамблей (в частности, в ней выступает Государственный Кубанский казачий хор)².

Кровопролитные войны начала XX в. показали неудобство и непрактичность традиционной казачьей формы на поле боя, но с ними мирились, пока казак нес сторожевую службу. Уже в 1915 г., в ходе Первой мировой войны, которая остро обнаружила эту проблему, казакам разрешили черкеску и бешмет заменить гимнастеркой пехотного образца, бурку – шинелью, а папаху – фуражкой. Традиционная казачья форма была оставлена как парадная.

Костюм и в наши дни говорит о месте человека в обществе. Как говорится, «по одежке встречают...». Казаки, жившие в строгих рамках военного сословия, обязанные носить стандартную униформу, видели в одежде и другое. Мельчайшие детали: пуговицы на мундире, особым образом повязанный башлык или надетая папаха, серьга в ухе – для казака были раскрытой книгой, паспортом, по которому он узнавал о незнакомом собрате всё.

Кстати, серьги у казаков имели символическое значение. Единственный сын у матери носил одну серьгу в левом ухе. Последний в роду казак, где нет, кроме него, наследников по мужской линии, – серьгу в правом ухе. Две серьги – единственный ребенок у родителей. Кроме значений языческого древнего оберега, серьги играли и практическую роль. Командир при равнении налево и направо видел, кого следует беречь в бою³.

Казак более всего ценил свою одежду не за ее стоимость и даже не за удобство, а за тот духовный внутренний смысл, которым были наполнены каждый стежок, каждая деталь казачьего костюма.

По верованиям древних, одежда – вторая кожа, поэтому коренные казаки никогда не носили чужую одежду, не совершив над ней очистительных обрядов, и уж тем более не надевали одежду с убитых. Надеть «чужие покровы» означало войти «в волю дарителя» и потерять свою. Поэтому казак ни за что не надел бы «шубу с царского плеча». Награждая казаков, атаманы дарили им материал «на справу», но никогда не дарили атаманский кафтан. Наиболее ценилась одежда, сшитая матерью или женой.

Казачьи чуб, борода и усы – такая же традиция, как лампасы и папаха. По одной легенде, сбитая на ухо шапка прикрывала отсутствие этого уха, а чуб – часть выбритой наполовину головы, как у каторжных. Эта версия из легенд о «беглом» происхождении казачества. На самом же деле часть савиров (прикаспийских кочевых племен) носили чубы даже во времена гуннов. Такой же древностью овейн и запорожский оселедец, вероятно, заимствованный тюрками и славянами у готов. Хохол у алтайцев и сейчас переводится как «сын неба» (*хох оол*). Донские казаки объясняют чуб с левой стороны фуражки следующим образом: «Справа ангел стоит – там порядок, а слева черт крутит – вот казак и выходит»⁴.

Казаки традиционно следили за своей внешностью. Исходило это, прежде всего, из уставных требований. Кроме того, в народной казачьей культуре постоянно культивировалась «исправность», под которой подразумевалось высокое внутреннее достоинство, выразившееся в опрятности и скромности одежды и в манере поведения. Коренной родовитый казак никогда не показался бы на людях в расстегнутом мундире, с разлохмаченным чубом, распоясанным. В те времена казака в станице за оторванную пуговицу на вороте гимнастерки обязательно «приструнил» бы и «вернул в разум» первый же встречный «кавалер» (человек с наградой), старший по званию или старик.

Казаки с любовью и уважением относились к своему традиционному костюму, который выделял их, делал самобытными, особенными. Они сетовали, что этот костюм превратился в военную форму, которую и снимать не велено. Российские власти законсервировали их в жестких сословных рамках, из которых невозможно было выйти.

Когда в современной России повеял ветер перемен, казаки в который раз, не ведая – на возрождение или гибель, заявили о себе. На Кубани стали возникать казачьи общественные организации, в школах создаются кадетские классы. По инициативе губернатора Краснодарского края А. Н. Ткачёва в крае был введен новый предмет – «Кубановедение». Люди перестали стыдиться носить казачью форму, ведь в ней защищали свое Отечество и совершали подвиги их деды и прадеды. Надевая казачью форму, казак осознает преемственность поколений. Уважение к традиционному казачьему костюму способствует формированию патриотизма и исторического сознания у современной молодежи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Короленко П. П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска: репринт. изд. 1896 г. Минеральные Воды, 2001. С. 35–39.

² Тихомиров В. С. Горный мир Кубани. Краснодар, 1987. С. 85.

³ Казаки / под ред. В. А. Алмазова. СПб., 1999. С. 50–51.

⁴ Там же. С. 53.

Научный руководитель: канд. ист. наук, канд. юрид. наук, доцент Т. Л. Южакова.

УДК 947 (571)

Н. В. Палишева

Новосибирский государственный педагогический университет

ОБРАЗ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В ГЛАЗАХ ИНДИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Изучение колониального варианта взаимодействия западной и восточной цивилизации в западной историографии за последние 30 лет претерпело значительные изменения. В рамках постколониального дискурса фокус социальных исследований сместился от изучения непосредственного влияния одного объекта на самоидентификацию другого к выявлению степени влияния представлений о другом объекте на собственное развитие. Проблема формирования образов

Другого и характера влияния этих образов приобрела особую актуальность. В целом механизм формирования образов Другого был изложен основоположником постколониального «восточного» дискурса Э. Саидом. Суть этого механизма заключалась в принципе «зеркала», согласно которому образ объекта наделялся качествами, диаметрально противоположными самому себе. Запад, идентифицирующий себя в качестве эталона цивилизации, выстраивал образ Востока как варварского, недоразвитого и дикого. При этом не меньшее значение играл и образ самого Запада, способного подчинить / ассимилировать все иные варианты развития, включив их в собственный мегатренд исторической эволюции как в универсальный¹.

В концепции Саида, безусловно, преобладал европоцентристский подход, поскольку в фокусе его исследования находился лишь процесс влияния западного образа Востока на сам Запад, а афро-азиатские сообщества признавались неспособными к самоидентификации и презентации своего Я. Широкое распространение этого подхода привело к признанию того, что для внутреннего развития незападных обществ оксиденталистские образы играли не меньшую роль, чем ориенталистские представления в процессе самоидентификации стран Европы и Америки².

Основой исследований истории постколониальных сообществ стала идея о существующей в сознании местной политической элиты дихотомии Запада и Востока как движущей силы формирования национальной идентичности. В Индии этот вопрос потенциально мог быть разрешен в форме большего количества вариантов самопрезентации в силу наличия огромного количества этнонациональных и этнорелигиозных групп, участвующих в процессе созидания собирательного образа «Мы – индийцы». История индийского национально-освободительного движения демонстрирует более разнообразный набор значимых для ее развития цивилизационных и культурных образов, нежели непосредственно оксиденталистский, т. е. образ европейской цивилизации.

Особое место в дискурсе индийских политиков и общественных мыслителей отдается событиям, произошедшим в России в 1917 г. В советской историографии данный вопрос традиционно изучался достаточно глубоко, но в основном затрагивались проблемы непосредственного проникновения идей марксизма-ленинизма в Индию и их роль в противостоянии колониальной системе. В то же время изучение русской революции как специфической образной конструкции в дискурсе индийских революционеров имеет самостоятельное исследовательское значение.

В советской индологии долгое время господствовало мнение о том, что идеи марксизма получили массовое распространение в среде индийских революционеров после событий 1917 г. исключительно вследствие пропаганды, которая велась в Индии и за ее пределами советскими общественно-политическими деятелями и сотрудниками Коминтерна. Однако этот факт имеет еще одно объяснение. Традиционно для индийских общественно-политических программ, предполагающих кардинальное переустройство общества, необходимым было наличие образа какого-либо устройства, реально существующего или существовавшего ранее, в качестве ориентира. Начиная с XIX в., участники национально-освободительного движения либо указывали на необходимость следования социокультурным стандартам западных стран как эталона «цивилизованности» (равенство прав и обязанностей граждан светского государства), либо стремились создать в общественном сознании образ воображаемой традиционной Индии как духовного единства разных этносов и кастовых групп.

После событий 1917 г. воплощение идей марксизма в практику социально-экономического развития своей страны представляется индийцам вполне реализуемым, что послужило причиной становления его одной из наиболее мощных основ индийского национально-освободительного движения впоследствии. Анализ дискурса индийских революционеров, а также оценок событий Февральской и Октябрьской революций в индийской прессе, демонстрирует то обстоятельство, что основой образа российской революции в глазах индийцев было понятие свободы и эмансипации (освобождения от многочисленных и разнообразных помех на пути прогрессивного развития). Данное понятие лежало, главным образом, в социально-экономической плоскости и было далеко от традиционного религиозного индийского восприятия. Дж. Неру писал, что одной из основных целей большевиков была ликвидация эксплуатации, в результате которой рабочие и крестьяне становились свободными, и их свобода обеспечивалась находящимися у них в собственности средствами производства и землей. Образ Советской России как страны крестьян-собственников был достаточно четко сформирован в представлениях Дж. Неру. Он писал, что ни крестьяне, ни рабочие России вовсе не были сознательными большевиками или эсерами, но они стали стойкими защитниками революции, поскольку

не хотели отказываться от ее достижений, в первую очередь от осуществленной большевиками социализации средств производства³.

Образ революции, в результате которой в далекой стране «Русс» было ликвидировано помещичье землевладение и крестьяне установили «свое правление», был одним из факторов включения традиционно аполитичного, религиозного индийского крестьянства в процесс национально-освободительного движения, направленного одновременно на возрождение государственного суверенитета, и на социально-экономический прогресс Индии⁴.

Дж. Неру представлял Февральскую и Октябрьскую революции как уникальные явления, которые должны были стать образцом для аналогичных событий в других странах. Он анализирует причины возникновения революции с марксистских позиций, указывая на то, что старый социальный, экономический и государственный строй России изжил себя. Вместе с тем, у Неру присутствует и идея страдания народа как одной из причин революции. Анализируя ход событий Февральской революции, он писал, что она началась стихийно и неожиданно вследствие длительных страданий и борьбы рабочих, в противовес заранее спланированной партией большевиков Октябрьской революции. Неру придавал значение и субъективной роли личности в истории революции. Изображая «глупого» Николая II и «гениального», «зорко следившего за настроением масс» Ленина, он расценивал многие события Октября 1917 г. как результат деятельности последнего. Неру выделял в качестве причины двоевластия то, что после Февральской революции большевики считали единственной возможной властью буржуазное правительство, поскольку под воздействием идей Маркса они считали прохождение Россией этапа буржуазного развития исторической неизбежностью. После возвращения Ленина из Швейцарии под его руководством партией большевиков была принята на вооружение стратегия борьбы против капитализма, результатом которой и стала Октябрьская революция⁵.

Особое место в дискурсе индийских революционеров придавалось решению большевиками национального вопроса. Признание права народов на самоопределение индусы оценивали как одно из проявлений и грань свободы, которая в данном случае воспринималась в большей мере как политическая категория⁶. Видное место занимало представление о мировой значимости русской революции. Она воспринималась как важнейшее проявление борьбы с западным империализмом в глобальном контексте интернационализации процесса эмансипации всех социальных групп и наций от любых видов эксплуатации и неравенства.

Вследствие влияния образа русской революции на идейную трансформацию индийской оппозиции, разногласия в ее рядах стали более явными. Сторонники левых идей нередко критиковали националистов за их «буржуазность» и «прозападный настрой». Следствием стало появление в сознании индийцев новых дихотомий, таких как капитализм / социализм, буржуазия / пролетариат, эксплуататоры / эксплуатируемые. М. Н. Рой подвергал критике позицию М. Ганди, обвиняя его в реакционном стремлении к возрождению кустарных промыслов и опоре партии Индийский национальный конгресс (ИНК) на буржуазию⁷. Несмотря на усиление данных противоречий относительно тактики национально-освободительного движения, образ русской революции как проявления борьбы с западным империализмом присутствует практически у всех деятелей индийского освободительного движения.

Во многом благодаря характеристикам русской революции в индийском сознании был сформирован образ мирового империализма как главного врага стремящейся обрести свободу Индии, который пришел на смену образу британского колониализма. В дискурсе М. Ганди образ империализма занимает особую роль, поскольку сторонники Ганди в ИНК стремились не допустить транзита Индии к этой стадии социально-экономического развития. Хотя Ганди и не был марксистом, в его статьях и выступлениях после 1917 г. гораздо большее внимание уделяется таким вопросам, как повышение материального уровня рабочих, утверждение рабочего законодательства и другие социальные программы⁸.

Итак, образ русской революции в сознании индийских революционеров отождествлялся с основными социальными, экономическими и политическими достижениями Страны Советов. В силу объективного сходства ее задач с устремлениями вождей индийского национально-освободительного движения, образ русской революции становится определенным эталоном, матрицей для собственного социокультурного и политического развития Индии. При этом именно представление о достижении социальной справедливости позволило изначально националистическому по своей идейной природе движению превратиться в программу ИНК по построению в Индии общества социалистического образца (конгресс-социализм).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Саид Э. В. Ориентализм: западные концепции Востока. СПб., 2006. С. 12–14.

² Bart M. G. Postcolonial Theory Contexts, Practices, Politics. L., 1997. P. 238.

³ Неру Д. Взгляд на всемирную историю. М., 1989. С. 9–11.

⁴ Митрохин Л. В. Воздействие идей Великой Октябрьской социалистической революции на национально-освободительное движение в Индии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. С. 10.

⁵ Неру Д. Указ. соч. С. 13–23.

⁶ Райков А. В. Национально-революционные организации Индии в борьбе за свободу, 1905–1930. М., 1989. С. 87.

⁷ Рой М. Н. Новая Индия. М., 1923. С. 169.

⁸ Ганди М. К. Моя жизнь. М., 1969. С. 80–483.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор О. И. Ивонина.

УДК 94(4)

Н. Г. Панченко

Омский государственный педагогический университет

ИСПАНИЯ КАК «ДРУГАЯ» РОССИЯ В «ПИСЬМАХ ОБ ИСПАНИИ» В. П. БОТКИНА

Национальная идентичность – это процесс отделения «себя» от «другого», непосредственно связанный с формированием образов других стран (народов) и регионов. Нация (народ, страна) как феномен социальной действительности может существовать, только если ею осознаются другие такие же нации. Национальная идентичность страны, народа связана с комплексом географических представлений и идеологических конструкций общества, частью которых является миропонимание (картина мира) отдельного человека. Между нациями проводится «воображаемая» граница: каждая из них наделяется неповторимой совокупностью элементов окружающего мира, приобретая, таким образом, свою индивидуальность.

Национальная идентичность русских с XVIII в. определяется в широком смысле культурным диалогом с европейскими странами: воюя, торгуя, перенимая их опыт, необходимо было знать ответы на два вопроса: «Кто мы?» и «Кто они?». На фоне культурных диалогов России с Англией, Францией, Германией какое место остается другим европейским странам? Каков образ Испании – страны, расположенной на другом конце Европы, далекой от России географически и культурно?

В 1845–1847 гг. в журнале «Современник» публикуются «Письма об Испании» В. П. Боткина – интересный своим символическим наполнением опыт восприятия другой культуры, первое в России литературное сочинение об Испании. В образе другой страны в полной мере раскрывается картина мира русского образованного общества в ее индивидуальном преломлении. Миропонимание и мироощущение автора переплетаются с тенденциями развития общественной мысли в России.

В описаниях Испании образ природы приобретает важнейшее значение как первый опыт визуального восприятия страны. Боткин утверждал: «... с давних пор поэты воспевают ее апельсиновые и лимонные рощи... увы! это также одно из заблуждений, существующих насчет Испании»¹. Уникальность испанской природы, по его мнению, заключается в многочисленных контрастах: «Здесь пустыня – возле самой роскошной растительности, рядом с землей, удивительно обработанной»². В «Письмах» В. П. Боткина Испания предстает в образе огненной земли, не любящей золотой середины: пустыня здесь имеет свой, особенный характер, она «самая прозаическая, без Африки, без моря песку, без могучего ветра, взвешивающего его»³, роскошная же растительность страны невиданна и удивительна: «Перед ней растительность самой Сици-

лии кажется северною»⁴. Географически Испания – и не Африка, и не Европа, она предстает у автора в образе отдельного мира.

Примечательно проходящее через все сочинение сравнение между природой Испании и Италии. Итальянская природа – это красота, разлитая повсюду, умеренность, разнообразие и картинность. Испанская же природа в характеристиках автора неопределенная, величавая, поэтичная, говорящая «больше душе, нежели глазам»⁵.

Как нам представляется, итальянская природа отождествляется у Боткина с неким признанным в Европе идеалом красоты и апеллирует к разуму, сливаясь в восприятии автора с культурно-историческим наследием Италии и Рима⁶. Испанская же природа обращена к чувственному восприятию, наполнена страстями и сокровенными движениями души⁷. Описание природы этой страны становится для автора откровением: он сравнивает пустынные поля Испании с бесконечными просторами России.

Второй составляющей образа Испании являются нравы, обычаи страны и народа. Боткин в «Письмах» фактически «открывает» Испанию, разрушая ложные представления об этом народе, каковыми являются мнения о скрытности и молчаливости испанцев, об их враждебности к иностранцам, о невежественности испанского народа.

Василий Петрович искренне восхищается этой страной: «Какое это убежище для людей, скучающих Европою! Здесь не только природа оригинальна – здесь и жизнь сложилась как-то иначе»⁸. В его сознании Испания отделена от остальной Европы: она «другая», непривычная. С удивлением автор открывает новое: «Ах, если бы испанцы могли взамен того, что они так неловко заимствуют у Европы, сообщить ей хоть немного своей кроткой, доброй, беззаботной веселости, о какой Европа не имеет понятия!»⁹. Под Европой здесь подразумеваются ведущие нации Запада: английская, французская, немецкая, но мы можем вслед за В. К. Кантором трактовать Европу шире – как культурную целостность (общую идею), канонизированную русской интеллигенцией (западниками)¹⁰. В рамках Европы как воображаемого культурно-идеологического пространства Испания – белое пятно, она отличается от остальной Европы: испанцы для автора – прежде всего не англичане, не французы и не немцы. Но при всем этом «европейскость» страны под вопрос не ставится¹¹.

В политическом преломлении Испания предстает как европейская периферия. Автор констатирует, что страна была «отстранена от того движения, которое составляет почву новой истории Европы», – в этом заключается, по его мнению, главное несчастье политической Испании¹². Боткин не останавливается на констатации факта отсталости страны, ему кажется принципиальной необходимостью вскрыть ее причины, смотря на Испанию из нее самой, из ее собственной истории, а не из общей истории Европы.

С одной стороны, Испания – неотъемлемая часть Европы, с другой стороны – это нетипичная европейская страна. В поисках национальной идентичности Испании Василий Петрович обращается к понятию «Восток» как к комплексу представлений обо всем неевропейском: «Мне кажется ... мы очень мало знаем Восток, то есть его характер, нравы... Путешественники пишут о Востоке с заранее составленной мыслию о превосходстве всего европейского и смотрят на восточную жизнь с европейской точки как на курьезность...»¹³. Противопоставляя Европу и Восток как «своего» и «чужого» («другого»), автор стремится понять последний. Данная интенция фактически указывает на иллюзорность понятий Европы и Востока и на невозможность на их основе определить национальную идентичность страны.

В «Письмах» В. П. Боткина Испания понимается как страна, в ходе своего исторического развития подвергавшаяся различным влияниям и вынужденная противостоять им для сохранения своей национальной идентичности. В этом контексте интересны два суждения. Первое – о том, что арабы нанесли гораздо меньший ущерб Испании, нежели инквизиция¹⁴. Второе – о том, что в инквизиции состояло национальное своеобразие испанцев: «С Филиппа V испанский двор сделался рабским подражателем двора французского (только в сохранении инквизиции состояла его испанская национальность)...»¹⁵. Инквизиция изображается автором как проявление варварства, фанатичности и дикости – тех качеств, которые отличают Испанию и от Востока, и от Европы.

Воображая «других», национальное сообщество всегда имеет возможность по-новому взглянуть на себя. Восприятие Испании в «письмах» Боткина – это видение своей культуры через культуру «другого». «Открывая» Испанию русской читающей публике, автор «открывает» ни с чем несравнимый мир, имеющий собственные законы развития. Такое понимание Испании непосредственно влияет на национальную идентичность России и русских, давая возможность осоз-

нать себя вне рамок оппозиции «Европа-Восток». Эмоциональный фон восприятия Испании русским путешественником характеризуется преобладанием эмпатии. Понимая и сопереживая «другому», мы ставим его в один ряд с собой. Из вышесказанного логично сделать вывод о том, что Испания в «письмах» В. П. Боткина являлась своеобразным alter ego России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Боткин В. П. Письма об Испании. Л., 1976. С. 9.

² Там же. С. 161.

³ Там же. С. 38

⁴ Там же. С. 54.

⁵ Там же. С. 160.

⁶ Например: «... природа во всей роскоши юга... Италия, Италия, наконец-то я вижу тебя!» (Боткин В. П. Отрывки из дорожных заметок об Италии // Боткин В. П. Письма об Испании. С. 204).

⁷ Там же. С. 160.

⁸ Там же. С. 166.

⁹ Там же. С. 28.

¹⁰ Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры: (филос.-ист. анализ). М., 2001. С. 6–7.

¹¹ Например: «В Испании более, нежели в какой-либо [другой] стране Европы, каждая провинция подсмеивается над другой...» (Боткин В. П. Письма об Испании. С. 95).

¹² Там же. С. 78.

¹³ Там же. С. 186.

¹⁴ Там же. С. 50.

¹⁵ Там же. С. 15.

УДК 94(47)

Н. Н. Родигина

Новосибирский государственный педагогический университет

КТО КОНСТРУИРОВАЛ ОБРАЗ СИБИРИ? АВТОРСКИЙ КОРПУС ПУБЛИКАЦИЙ О РЕГИОНЕ В РУССКОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.*

Понимая под дискурсом, вслед за Ф. Б. Шенком, корпус текстов, изображений и высказываний, связанных содержательной согласованностью¹, сибирский дискурс русской журнальной прессы мы определяем как совокупность разножанровых журнальных текстов о регионе. Как известно, «толстые журналы» были одним из основных институтов формирования, структурирования и трансляции общественного мнения в пореформенной Российской империи. Репрезентировавшие со страниц «идейных» и отраслевых журналов образы региона во многом определяли коллективные представления образованных русских о Сибири, влияли на их поведенческие стратегии.

Наша задача – охарактеризовать авторский корпус публикаций о Сибири в русской журнальной прессе, иначе говоря, выявить творцов сибирского дискурса, сконструировавших образ Сибири в общественном сознании русских интеллектуалов пореформенной эпохи. Разделяя идеи представителей конструктивизма (Б. Андерсона, Э. Гелнера, Э. Хобсбаума) о том, что коллективные идентичности формируют представители интеллектуальных элит, «эксперты», мы рассматриваем сибирский дискурс журнальной прессы как способ актуализации национальной, региональной, мировоззренческой идентичностей. В связи с этим, нам важно понять причины внимания к Сибири сотрудников «толстых журналов», определить пути попадания рукописей в редакции ежемесячников.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 10-01-00445а.

Отечественными и зарубежными гуманитариями немало сделано для определения структуры, содержания, эволюции, контекстов актуализации и авторов образа Сибири в русской культуре второй половины XIX – начала XX в. Филологами Л. Г. Беспаловой, Е. Н. Эртнер, Е. Ф. Гудковой, К. В. Анисимовым охарактеризованы репрезентации региона в русской классической литературе, выявлены основные темы произведений о Сибири, реконструирована история ее «литературного освоения»². Имея в виду, что большинство художественных текстов о Сибири впервые увидело свет именно на страницах «толстых журналов», для нас важна собранная исследователями информация о биографической связи авторов художественных текстов с регионом, о мотивах обращения к сибирской теме, ее месте в их творчестве.

Н. Е. Меднис выявлены культурно-психологические аспекты восприятия Сибири русскими литераторами, показано влияние культурного контекста эпохи на представления о регионе³. В. И. Тюпа ввел понятие «сибирский гипертекст» русской литературы, под которым, по аналогии с «петербургским текстом» отечественной культуры, понимается семиотическое образование палимпсестного характера, парадигматическое явление, аналогичное по своей природе мифу (в том числе и своей анонимностью, ибо никто из авторов интегрированных субтекстов не может быть признан автором интегрирующего текста)⁴. Мы разделяем мнение литературоведа о коллективном авторстве «сибирского текста». Однако нам представляется важным выделить в этом «тексте» «индивидуальные» голоса, выяснить степень их влияния на содержание образа региона в сознании русских интеллектуалов.

В работах Г. Курсковой, Н. П. Паршуковой выявлен круг авторов, писавших о Сибири в демократической журнальной прессе 1850–1860-х гг., показано влияние демократической идеологии на трактовку реалий сибирской жизни⁵. Однако, акцентируя внимание на выявлении единства в интерпретации социально-экономических и административных проблем региона, авторы нивелировали «разночтения» в характеристике «сибирских вопросов». Декларируемая исследователями приверженность к марксистско-ленинской методологии привела к обилию оценочных характеристик в отношении «демократической версии» осмысления проблем сибирской жизни как единственно правильной и прогрессивной.

Серьезная работа по выявлению авторского корпуса публикаций о регионе в журнале «Русское богатство» проделана А. И. Малютиной⁶. Концентрируя внимание на редакторской деятельности В. Г. Короленко, автор наглядно продемонстрировал роль индивидуальных авторских интенций в формировании сибирского журнального дискурса. Наряду с содержательным анализом журнальных текстов на сибирскую тему, филологом были привлечены редакторские книги популярного народнического ежемесячника, письма и телеграммы читателей к юбилеям журнала и его идейных лидеров, и таким образом определены основные направления архивной эвристики по выявлению авторов сибирского дискурса.

Мотивы сотрудничества областников с «толстыми журналами», понимание лидерами сибирского регионализма роли периодической печати в формировании местного самосознания, в привлечении внимания власти и общественного мнения к проблемам сибирской действительности очевидны из работ М. В. Шиловского⁷.

А. В. Ремневым предложен набор содержательных элементов образа региона в картине мира образованных россиян, выяснен исторический и интеллектуальный контекст формирования представлений политической элиты о регионе, показано их влияние на российскую геополитику и статус региона в составе империи. Особую ценность представляют наблюдения историка о причинах актуализации и эволюции сибирской темы в консервативной публицистике, о репрезентациях региона в работах теоретиков российской геополитики, о «сибирском юбилее» как способе публичной презентации различных проектов «настоящего и будущего» региона и об участии журнальной прессы в конструировании этого события⁸.

М. Бассин обратил внимание на роль образа Сибири в идеологическом конструировании географического пространства Российской империи⁹. Его выводы и наблюдения представляют для нас интерес с точки зрения соотнесения сибирского дискурса с поисками русскими интеллектуалами новой геополитической и цивилизационной идентичности, уточнения содержательного наполнения концептов «Европа», «Азия», «Сибирь» в языковой картине мира образованных русских.

Т. А. Кузнецовой охарактеризован образ авторов сибирского дискурса в периодических изданиях Русского Географического общества, выявлена их биографическая связь с регионом, их профессиональный, возрастной состав, образовательный уровень, причины сотрудничества с названными изданиями¹⁰.

Таким образом, на сегодняшний день выяснены культурный, идеологический, геополитический, а в отдельных случаях и биографический контексты обращения к сибирской теме в журнальной прессе, определен круг авторов, писавших о Сибири в отдельных периодических изданиях, обозначена связь сибирского дискурса с другими тематическими дискурсами русской общественной мысли второй половины XIX – начала XX в.

Содержательный анализ сибирского дискурса русской журнальной прессы пореформенной эпохи позволяет связать его с процессом *мировоззренческой идентификации* современников. Как уже было отмечено Р. Пайпсом и А. Рейтблатом, в условиях неразвитости политической жизни Российской империи именно «толстые журналы» способствовали формированию идеологической идентичности читателей¹¹. Часто факт подписки на тот или иной журнал означал принятие его идейной платформы, системы ценностей. Как правило, у каждого журнала был свой круг авторов, писавших о Сибири и актуализировавших те или иные аспекты сибирской жизни, исходя из общих мировоззренческих установок издания и степени интереса к сибирской жизни.

Анализ публикаций о регионе консервативного «Русского вестника» позволяет охарактеризовать его осмысление Сибири как переход от ориентализма к национализму, от исследовательского, мемуарного и художественного дискурсов к дискурсу публицистическому. Данный переход отразился и подборе адресантов дискурса в 1850-х – начале 1880-х гг. Среди них преобладали исследователи (синолог В. П. Васильев; географы И. М. Венюков, П. А. Кропоткин; историки Д. И. Иловайский, В. В. Гурьев, А. И. Сулоцкий; геолог Г. Е. Щуровский), путешественники (А. Я. Максимов), люди, длительное время в силу разных биографических обстоятельств жившие в Сибири (Л. В. Аксенова, Ф. Ф. Вигель, Д. И. Завалишин, Б. В. Струве, А. А. Черкасов). В конце XIX – начале XX в. авторами публикаций на «сибирские темы» в основном становятся люди, занимающиеся политической публицистикой. Консервативную версию образа региона в журнале конструировал бывший народник, отбывавший ссылку в Сибири, Н. Н. Емельянов, понимавший в своей публицистике такие проблемы сибирской жизни, которые актуализировали те или иные постулаты консервативной доктрины. В числе причин, предопределивших внимание к региону консервативных публицистов, назовем: с одной стороны, социально-экономические проблемы европейской части страны («оскуднение центра»), развитие мировоззренческих постулатов консервативной доктрины (идея «дворянского реванша», борьба с нигилизмом); с другой стороны, изменение правительственной политики в отношении региона, выразившееся в постройке железной дороги, легализации переселенческого движения, отмене ссылки, распространении на Сибирь отдельных положений судебной реформы и т. д. По мере формулирования националистической доктрины, под влиянием колебаний окраинной политики самодержавия, Сибирь рассматривалась то как «разбуженная» монаршей милостью, соединенная с «внутренней» Россией «железными путями», завоеванная русской кровью, но до времени забытая окраина, то как «отсталая» и потенциально опасная территория, «клоака всероссийских подонков самого злокачественного свойства». Связанные с Сибирью фобии отвлекали внимание от проблем центральной России и постоянно акцентировались наличием врагов как внешних (пограничные страны, европейские державы), так и внутренних. В качестве последних, наряду с политическими ссыльными, выступали различные группы сибирского населения, например, «кинородцы».

Определение социокультурных характеристик и границ «своей» и «других» этнических, национальных общностей отражало процесс складывания *национальной идентичности*, закрепляло в сознании читателей те проявления «русскости», которые сторонники конкурирующих идеологий считали необходимыми воспитывать в своих читателях. Так, для либерального «Вестника Европы» дискуссия о социокультурном облике русских сибиряков, инициаторами которой выступили один из интеллектуальных лидеров издания, известный этнограф А. Н. Пыпин и историк И. Г. Прыжов, отбывавший политическую ссылку в Сибири по делу С. Нечаева, была основанием, чтобы заставить читателей задуматься над цивилизационными характеристиками русского народа. При этом, как известно, слово «народ» в изучаемую эпоху понималось в двух значениях: как синоним нации и как обозначение крестьянства.

Авторы сибирского дискурса либеральных и народнических журналов стремились влиять на формирование *региональной идентичности* современников, актуализировали тему самобытности российской провинции, проблему статуса окраинных регионов в составе империи, будировали идею необходимости культурнической деятельности провинциальной интеллигенции. Идеологи областничества, понимавшегося его лидерами (А. С. Гациским, К. В. Лаврским, Н. М. Ядринцевым) как движение за активизацию культурной жизни провинции и учет региональных особен-

ностей в правительственной политике, использовали возможности журнальной прессы для трансляции своих идей. Наибольшую активность проявляли представители сибирского областничества, в частности, уже упомянутый нами Ядринцев. Важно, что журналы не только помещали на своих страницах статьи областников и рецензии на их книги, но и формировали позитивный образ провинциального интеллигента-подвижника. Для него были характерны следующие черты: стремление изучать свой край и просвещать его население, информировать власть и общественность о проблемах своей малой родины, воспитывать уважение к ее прошлому и настоящему. Деятельность сибирских областников в определенной степени романтизировалась и интерпретировалась как образец для подражания.

Можно выделить следующие группы причин, предопределивших особое внимание либеральных и народнических публицистов к Сибири: ментально-географические, идеологические, биографические. Под ментально-географическими причинами в данном случае понимается познавательный интерес современников к малоизвестной окраине, обладающей в массовом сознании противоречивой репутацией.

К числу идеологических причин обращения авторов народнических ежемесячников к теме Сибири можно отнести пристальное внимание народников к таким проявлениям «народной жизни», как переселенческое движение, судьбы русского народа в новых природно-климатических, социальных, этнокультурных условиях жизни, раскол и сектантство как движения народного протеста. Актуальность провинциальной проблематики для народнических «толстых журналов» наглядно отражается не только в «говорящих» названиях статей, но и в том, что она легла в основу рубрикации, конструируя образ самого издания. «Областной отдел» – так назывался в «Северном вестнике», имевшем традиционную структуру пореформенных ежемесячных журналов, второй отдел, включавший в себя обозрение текущих событий в России и за рубежом, литературную критику, рецензии. Еще более усиливало декларацию «провинциальной» ориентации издания наличие постоянного раздела «Из провинциальной печати», название которого делало самоочевидным характер помещаемой в нем информации. «Провинция – это вся Россия. Столичные обыватели составляют менее 2 % общего населения государства, и несомненно, что фон русской жизни, это жизнь провинции», – писал обозреватель провинциальной печати «Северного вестника»¹² Таким образом, сибирский дискурс был тесно связан с другими тематическими дискурсами русской журнальной прессы, в отдельных случаях являясь их составной частью.

Сибирский дискурс для авторов «толстых журналов» был основанием для актуализации *профессиональной идентичности*. Историки, географы, этнографы, помещая в ежемесячниках свои статьи о Сибири, поднимали вопросы о границах предметных областей разных наук о регионе, об источниках, методах, задачах краеведческих исследований, рефлексировали по поводу качества современных регионоведческих исследований, включая их в единый общероссийский научный контекст.

Беллетристами, писавшими о Сибири, журналы рассматривались как наиболее оперативный способ знакомства читателей со своими новыми произведениями. Значительная часть художественных произведений о регионе В. Г. Короленко, С. Я. Елпатьевского, Г. А. Мачтета, В. Л. Серошевского и других впервые увидела свет именно на страницах «идейных» ежемесячников. Начинающие писатели адресовали свои рукописи в популярные журналы, надеясь на поддержку авторитетных редакторов. Часто эти надежды оправдывались, и журналы являлись первооткрывателями литературных талантов. К примеру, при поддержке редактора «Русского богатства» Короленко впервые были опубликованы произведения П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина), В. Я. Косова, В. Серошевского, В. Москвича (Веселова) и др. Именно к Короленко обращался с просьбой опубликовать свои рассказы Богораз (Н. А. Тан). Приковывает внимание авторская мотивация обращения в журнал: «Во время путешествия среди чукчей, предпринятого мною с целью изучения их быта, мне пришло в голову, наталкиваясь на характерные особенности их жизни, составить описание ее в виде небольших очерков полубеллетристического характера... Ввиду того интереса, который, сколько известно возбуждают ныне среди русской публики малоизвестные окраины Восточной Сибири, быть может, Вы не откажетесь поместить их в Вашем уважаемом журнале?»¹³.

Для большинства авторов, писавших о Сибири в либеральных журналах, регион был местом рождения или жительства (Д. М. Головачев, И. Тыжнов, В. В. Птицын, Н. М. Ядринцев) или адресатом исследовательских экспедиций (А. А. Исаев, С. В. Максимов, В. И. Семевский). Политические ссыльные (И. П. Белокопский, С. П. Щецов и др.) не составляли в числе

журналистов, освещающих «сибирские» вопросы, большинства, в отличие от народнических изданий «Русское богатство» и «Северный вестник». Оставивший наибольшее число публикаций об исследовании Сибири и рецензий на литературу о регионе сотрудник «Вестника Европы» А. Н. Пыпин не имел «прямой» биографической связи с сибирской провинцией, но его можно назвать, употребляя введенное им же в оборот словосочетание, «сибиряком по симпатиям».

Большинство авторов народнических изданий, освещавших «сибирские вопросы», познакомились с реалиями сибирской жизни во время пребывания в ссылке. Из 25 авторов, активно писавших о Сибири в журналах «Русское богатство» и «Северный вестник», 17 были политическими ссыльными (В. Г. Короленко, С. Я. Елпатьевский, Д. А. Клеменц, Г. А. Мачтет, К. М. Станюкович и др.); 5 были в регионе в составе исследовательских (А. А. Исаев, А. А. Кауфман, В. И. Семевский) или литературных экспедиций (Л. И. Успенский); для остальных Сибирь была местом рождения, социализации (Е. О. Дубровина, П. В. Вологодский) и/или местом «службы» (Н. М. Астырев).

Чаще всего «сибирские материалы» передавались «на суд» редактора через посредничество сотрудников издания, биографически связанных с регионом или хорошо знакомых с авторами, писавшими о Сибири. Авторы, адресовавшие свои тексты в либеральные и народнические издания, как правило, обращались за содействием к идейным лидерам сибирского областничества или бывшим сибирским ссыльным, сотрудничавшим в редакциях толстых журналов.

Изучение разножанрового эпистолярного наследия авторов сибирского журнального курса свидетельствует о том, что в «Русском богатстве» функции «литературных сватов» чаще всего выполняли сибиряк Н. Ф. Анненский, а также В. Г. Короленко, А. И. Иванчин-Писарев, С. Н. Кривенко, Д. А. Клеменц, познакомившиеся с сибирскими реалиями во время пребывания в ссылке¹⁴.

В «Вестник Европы» обращались с рекомендациями о публикации произведений о регионе Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев. Посредниками для «определения» рукописей о Сибири в «Русскую мысль» выступали Г. А. Мачтет, Г. И. Успенский, К. М. Станюкович.

Порой авторы напрямую обращались к редакторам и ведущим сотрудникам изданий с просьбой о публикации своих текстов. Архивные фонды редакторов ведущих журналов содержат немало обращений сибиряков с просьбой «решить судьбу» их произведений.

Посредническую функцию в общении между сибирскими корреспондентами толстых журналов и их редакторами выполняли журфиксы. Известная мемуаристка Э. К. Пименова писала, например, о журфиксах «Русского богатства»: «Если кто-нибудь из провинциальных писателей приезжал в Петербург, то непременно появлялся в который-нибудь из четвергов в “Русское богатство”. Это был своего рода “литературный клуб”, но, разумеется, не все были вхожи туда, и для этого надо было обладать определенной репутацией передового общественного или литературного деятеля и быть знакомым кому-нибудь из членов этого круга»¹⁵.

Воспоминания литераторов, писавших о Сибири, свидетельствуют о посещении ими «редакционных» вечеров для поддержания отношений со столичными коллегами, обсуждения совместных творческих проектов. В отдельных случаях «сибирские» тексты сотрудники толстых журналов привозили из поездок по России. Так, Н. А. Любимов, принимавший участие в редактировании «Русского вестника», сообщил М. Н. Каткову из Казани 27 ноября 1882 г. о повести В. В. Романова «За Уралом»¹⁶.

В последней четверти XIX в., когда «сибирские» сюжеты попали в число «модных», востребованных читающей публикой, редакторы популярных ежемесячников выступали в качестве инициаторов исследовательских и литературных экспедиций в регион, оказывали финансовое содействие их участникам. Известно, что В. А. Гольцев одновременно с редактором «Русских ведомостей» В. М. Соболевским оказывал денежную помощь Г. И. Успенскому в организации его поездки в Сибирь в виде предоплаты за статьи по переселенческому вопросу¹⁷.

Итак, авторский корпус публикаций о Сибири в общественно-политических журналах второй половины XIX – начала XX в. представлен разными мировоззренческими, профессиональными группами, использовавшими возможности «толстых журналов» для трансляции своих идей. Подавляющее большинство авторов сибирского дискурса русской журнальной прессы были биографически связаны с регионом как с местом рождения, профессиональной деятельности, пунктом назначения исследовательских, литературных экспедиций или ссылки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой. М., 2007. С. 21.
- ² Анисимов К. В. 1) Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX в.: особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005; 2) Биографический сюжет в областной культуре Сибири XIX ст. // Сибирский филологический журнал. 2004. № 1. С. 43–50; Беспалова Л. Г. Тюменский край и писатели XIX в. Свердловск, 1970; Эртнер Е. Н. Образ Сибири в русской литературе XIX в. URL: <http://www.utmn.ru/frgf/No6/text16.htm> (дата обращения: 23.01.2009); и др.
- ³ Меднис Н. Е. Сибирские рассказы В. Г. Короленко в контексте русской литературы и культуры XIX в. // Сибирские страницы жизни и творчества В. Г. Короленко. Новосибирск, 1987. С. 54–63.
- ⁴ Топова В. И. О сибирском гипертексте русской литературы // Сибирские чтения в РГГУ. М., 2006. Вып. 1. С. 40.
- ⁵ Курскова Г. Сибирь на страницах «Колокола» // Сиб. огни. 1982. № 4. С. 160–164; Паришук Н. П. Сибирь на страницах русских демократических изданий 50–60-х гг. XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1983.
- ⁶ Малютина А. И. 1) В. Г. Короленко и сибирская тема в журнале «Русское богатство» // Вопросы литературы. Красноярск, 1967. С. 65–92; 2) Сибирская тема в публицистике журнала «Русское богатство» // Сибирские страницы жизни... С. 34–54.
- ⁷ Шиловский М. В. 1) «Полнейшая самоотверженная преданность науке»: Г. Н. Потанин. Новосибирск, 2004; 2) Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008; и др.
- ⁸ Ремнёв А. В. 1) Россия Дальнего Востока: имперская география власти XIX – начала XX в. Омск, 2004; 2) Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи, XIX – начало XX в. // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 286–319; 3) У истоков российской имперской геополитики: азиатские «пограничные пространства» в исследованиях М. И. Венюкова // Ист. записки. М., 2001. Т. 4 (122). С. 344–369; 4) 300-летие присоединения Сибири к России: в ожидании «нового исторического периода» // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2007. № 1 (21). С. 34–50; и др.
- ⁹ Bassin M. 1) Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge, 1999; 2) Россия между Европой и Азией: идеологическое конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет. М., 2005. С. 277–310; и др.
- ¹⁰ Кузнецова Т. А. Авторский корпус «сибирских» статей журналов Русского Географического общества второй половины XIX – начала XX в. // Омский научный вестник. Омск, 2008. № 1 (75). С. 21–24.
- ¹¹ Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту: очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. М., 2009. С. 39–42; Пайнс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 345–346.
- ¹² Из провинциальной печати // Северный вестник. 1893. № 1. С. 30.
- ¹³ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 135 (В. Г. Короленко). Разд. II. Карт. 19. Д. 46. Л. 2.
- ¹⁴ См., например: ОР РГБ. Ф. 135. Разд. II. Карт. 36. Д. 20. Л. 1; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, рукописный отдел. Ф. 114 (А. И. Иванчин-Писарев). Оп. 2. Д. 204. Л. 1 об.; и др.
- ¹⁵ Пименова Э. К. Дни минувшие. Л.; М., 1929. С. 155.
- ¹⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1718. Оп. 1. Д. 6. Л. 20.
- ¹⁷ См.: Архив В. А. Гольцева. М., 1914. С. 52–88.

УДК 94(47)(092) Александр I

Т. А. Сабурова

Омский государственный педагогический университет

ОБРАЗ АЛЕКСАНДРА I И ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Современную историческую науку отличает интерес к проблемам исторической памяти, формирования различных видов идентичности, позволяющим осмыслить развитие российского общества в категориях культурно-интеллектуальной истории, раскрыть смыслы, которые составляли основу социокультурных представлений в различные исторические эпохи. Как утвер-

ждал в своем исследовании Ф. Б. Шенк, «коллективные идентичности – это “дискурсивные формации”, они связаны с участниками коллективного знания и общей памяти»¹. В образах исторических деятелей, формируемых их современниками, а затем и потомками, нашли отражение ключевые понятия каждой эпохи и определенных сообществ, системы ценностных ориентаций, особенности исторического сознания и культуры памяти.

Обращение к такой «фигуре памяти», как Александр I, определяется многочисленными упоминаниями об «Александровской эпохе» не только в текстах исторических сочинений, но и в мемуарной, публицистической литературе, что позволяет рассматривать образ Александра как идентификационный символ, используемый для формирования различного рода идентичностей. При этом важно установить соотношение между семантикой образа Александра и различными типами дискурсов в русском обществе XIX в., а также видами идентичностей, формируемых и формирующихся в русском образованном обществе.

Современники Александра I, часто называемые в исторической литературе «поколением Александровской эпохи», «романтическим поколением», «русскими европейцами» и т. д., заложили основу для формирования его образа. Причем произошло это в рамках нескольких дискурсов: *имперского*, сложившегося в XVIII столетии, *национального*, оформившегося в начале XIX в., а также *поколенческого*, ставшего результатом перемен в историческом сознании к середине XIX в. Согласимся с мнением Ф. Б. Шенка, что имперский и национальный дискурсы (наряду с церковным) были тесно переплетены и взаимообусловлены в России XIX в., и разграничение их является разграничением идеальных типов, используемым в исследовательской практике.

Один из компонентов образа Александра I был тесно связан с событиями войны 1812 г., отражая формирование национального дискурса. Александр прославлялся как русский царь, народная гордость. С именем императора соединяются понятия отечества и народности, он выступает как воплощение России. Представляет интерес сравнение Александра с Агамемноном², так как использование античных форм, символов было широко распространено в русской культуре этой эпохи: античная история была хорошо известна русскому образованному обществу, стала одним из паттернов для русской историографии, а подвиги героев античности имели огромное значение для формирования поведенческих стратегий в русском обществе. Подчеркивая роль Александра в войне как полководца, руководителя и вдохновителя военных операций, современники тем самым также вносили вклад в формирование национального дискурса.

Значение памяти о сражениях в своей истории, полководцах-победителях подтверждают также исследования проектов формирования национальной идентичности в европейских странах. Этот компонент образа отражен и в творчестве В. А. Жуковского, автора «Послания к императору Александру», «Песни Русскому Царю от его воинов». В мае 1814 г. он писал А. И. Тургеневу: «... подумываю иногда о послании к нашему *Марку Аврелию* (курсив мой. – Т. С.). Какой прелестный характер! И какие страницы для истории 1814 год приготовил! О, милая Русь! Как душа возвышается при имени Русского! И как не обожать того, кто нас так возвеличил!»³.

В то же время победа над Наполеоном дает Александру имя Освободителя, причем освободителя не только русской земли, но и всей Европы, что совпадает с элементами имперского дискурса, подчеркивая роль России как государства, великой державы. В воспоминаниях М. А. Дмитриева Александр называется славным монархом, победителем Парижа, примирителем народов, вождем царей между королями Европы⁴.

Еще одним способом репрезентации Александра являлось включение его в историю имперской России как наследника Петра Великого и внука Екатерины II, что также составляло важную часть имперского дискурса. В «Победной песни героям» К. Ф. Рылеев восклицал: «... ты созиждешь блаженство Вселенной; ты караешь врагов всеобщих! – Всевышний творец Чудного мира сего давно уготовал тебе место среди Петра и Екатерины»⁵. Отметим, что такое же восприятие Александра в ряду героев русской истории, но в связи с процессом европеизации страны появится затем в мемуарах Б. Н. Чичерина. В споре западников и славянофилов имя Александра символизировало Россию как европейскую державу. «Мне внушали ненависть ко всему тому, чем я гордился в русской истории, к гению Петра, к славному царствованию Екатерины, к великим подвигам Александра»⁶.

В целом Александр I чаще всего упоминается как Александр Благословенный. Заметим, что именно так он называется и в учебных пособиях по истории второй половины XIX в., и в многочисленных изданиях, посвященных 100-летию юбилею Отечественной войны 1812 г. Однако А. И. Герцен, обличая крепостное право в России, описывая ужасы аракчеевщины, пишет о

«благословенном» Александре (в кавычках)⁷, иронизируя и не отделяя его, как многие современники, от беззакония и злоупотреблений в государстве.

Второй компонент образа Александра I представляет его как монарха, воплощая характерные для эпохи Просвещения представления об идеальном государе, заботящемся о благе народа. Русские интеллектуалы начала XIX в., как правило, не противопоставляли себя власти, рассматривали ее как результат общественного договора, но критически могли относиться к тем или иным ее представителям. В образе Александра I ярко отражаются репрезентации власти, связанные с устойчивым разграничением самодержавия и деспотизма, восходящего к философско-политической традиции XVIII в. Александр часто характеризуется как либеральный государь, приверженец либеральных идей, автор либеральных реформ, противник деспотизма, относящийся к власти как тяжелому вынужденному бремени. Н. И. Тургенев вспоминал: «Мне часто казалось, что император Александр с трудом выносил бремя своего сана и колоссальной власти, которой его облек случай; я убежден, что полнота этой власти нередко стесняла его, и если бы он твердо решил сбросить ее иго, ему было бы сравнительно легко это сделать. Он не мог постоянно быть самодержцем; иногда ему хотелось побыть человеком»⁸.

Либерализм Александра особенно подчеркивается на фоне предыдущего царствования его отца, Павла, а также последующего царствования Николая. В свете основной проблемы русской общественной жизни – существования крепостного права – Александр рассматривается как государь, положивший начало освобождению крестьян, но, к сожалению, не успевший завершить процесс освобождения. В этом компоненте образа Александра в большей степени присутствуют представления о том, что должен сделать государь для блага народа, а несовпадение сферы должного и сущего могло вызывать разочарование в монархе. Сохранявшаяся сакрализация государя в российском обществе приводит к тому, что нереализованные реформы объясняются противодействием различных групп, несмотря на стремление императора изменить к лучшему жизнь народа. Например, неоднократно в мемуарной литературе отмечается желание императора отменить крепостное право, даровать конституцию России, которое он не смог осуществить, что впоследствии объясняет его разочарование во власти и отказ от курса реформ. Так, Н. И. Тургенев писал: «Следует, однако, воздать должное памяти Александра: если он и не осуществил все обещанные им реформы, то, по крайней мере, никогда не переставал выражать свое глубокое отвращение к угнетению человека человеком. Рассказывают, что однажды, находясь у г-жи Н... и говоря о крепостном праве, он до того воодушевился, что взял в руки образок и поклялся уничтожить сей позорный институт. Но все добрые намерения этого государя в пользу крепостных ограничились освобождением рабов в Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерниях»⁹.

Третий компонент образа Александра I представляет его не как государя, а как человека, акцентируя внимание на его личностных качествах, но при этом образ Александра ясно соотносится с образами героев сентиментальных литературных произведений. Чувствительность является одним из основных требований, предъявляемых к подобным героям эпохи сентиментализма. Современники отмечали, что Александр легко плакал, а М. И. Жихарев описывал, как при известии о восстании Семеновского полка государь заплакал, «выражая, сколько ему прискорбно несчастье, случившееся в Семеновском полку, который всегда так любил...»¹⁰. Сильные душевные переживания Александра («ангельская душа»¹¹, «душа, близкая к справедливости и к милосердию»¹²) репрезентируются как положительное качество не только государя, но и человека¹³. Представляет интерес само данное разделение: Александр воспринимается как монарх и как человек. Отсюда и отношение не только к императору, но и к человеку, вызывающему различные чувства. После смерти Александра I А. И. Тургенев записал в своем дневнике: «В сердце моем бьется к нему чувство привязанности, которое таилось в последние годы его жизни...». И далее: «Я открыл в себе какую-то нежность к государю, которой не знал *в его время*. Теперь, когда для него настала вечность, я сделался не судьей его, но нежным другом, прощающим слабости...»¹⁴.

Вспоминая о последних днях Александра, М. А. Дмитриев обращал внимание на его образ жизни частного человека, соответствующего «тихой и благородной душе»¹⁵ императора. При этом черты образа монарха могли не сочетаться с чертами образа человека, а дополнять друг друга, возвышая императора еще более. Обратимся к рассуждениям Дмитриева: «Я часто думал, какой превосходный человек был бы он в состоянии частного человека! Но и тогда царственная его наружность, его лицо – соединение царского величия с красотой и ангельской

улыбкою – представляли бы его, конечно, существом высшим, чем прочие люди, и возбуждали бы к нему благоговение!»¹⁶. В словах Дмитриева ярко отражается сакрализация образа Александра, и приведенная характеристика напоминает об устойчивости церковного дискурса, с которым затем соотносится и легенда о старце Федоре Кузьмиче. Вспоминая об отношении своего дяди (И. И. Дмитриева) к Александру, М. А. Дмитриев писал: «Мой дядя боготворил Александра!»¹⁷. Представляет интерес тот факт, что в кабинете у П. Я. Чаадаева в 1831 г., по свидетельству А. И. Тургенева, были портреты любезнейших для него людей: императора Александра и римского папы¹⁸.

Смерть Александра, как отмечают мемуаристы изучаемой эпохи, вызвала сильнейшее проявление чувств: одни оплакивали государя, а вместе с ним и надежду на освобождение крестьян¹⁹, другие сожалели о человеке, воплощавшем целую эпоху их юности и истории страны. «Да будет сказано в память доброго, великодушного, благословенного Александра, что многие плакали о нем и рыдали подобно моему дяде»²⁰, – писал М. А. Дмитриев. Сам он написал стихи на кончину государя («Помню, что писавши их, я был в необыкновенном и сладком волнении духа: слезы невольно текли из глаз моих, стихи писались как будто сами»)²¹. Описание обстоятельств создания стихов также должно подчеркнуть необычность и сакральность, божественность Александра. Тот же смысл у записи А. И. Тургенева в дневнике 10 декабря 1825 г.: «Прости, о дух! – иль прах, но для меня священный!»²². Обратим внимание и на фразу Дмитриева, что с кончиною Александра «закатилось солнце России»²³. Эта фраза, с одной стороны, отражает формирование национального дискурса и, что особенно интересно, повторяет слова митрополита Кирилла, сказанные после смерти Александра Невского, приводимые также Н. М. Карамзиным в «Истории государства Российского», а с другой стороны, подчеркивает связь двух Александров как героев национальной истории.

Заметим, что неоднократно описываемое великодушие и благородство Александра отвечало системе ценностных ориентаций русского дворянства, воплощая идеалы русского «благородного сословия». Об аристократизме Александра упоминал и П. А. Вяземский, приводя тот пример, что император, кроме царского величия, «по утонченной вежливости и вообще аттицизму нравов своих и обхождения, слыл в просвещенной Европе одним из самых благовоспитанных людей современной эпохи»²⁴. Обратим внимание на использование языка античной культуры («аттицизм») для выражения идеи благородства и изящества Александра, что в очередной раз актуализировало для современников античные образцы, вызывая целый ряд ассоциаций и образов. О хорошем воспитании Александра, подразумевая, прежде всего, моральные качества, упоминал и А. И. Герцен²⁵, противопоставляя его Николаю. Причем Герцен писал о том, что он вырос в большом уважении к Александру I, и даже внешнее описание этого императора противоположно созданному им образу Николая I. В этом случае положительный образ Александра используется для критики николаевского царствования, усиливая негативные характеристики Николая I. Рассказывая о встрече с императором Александром, Герцен отмечал: «... лицо его было приветливо, черты мягки и округлы, выражение лица усталое и печальное. <...> Он, улыбаясь, поклонился мне. Какая разница с Николаем, вечно представлявшим остриженную и взлыстистую медузу с усами!»²⁶.

Русская аристократия, идентифицировавшая себя с эпохой Екатерины II и Александра I (яркий тому пример – князь П. А. Вяземский), в памяти русского общества сохранилась как определенный социокультурный тип, и этот образ способствовал формированию новых социальных идентичностей, отражающих процесс изменения социальной структуры российского общества, особенно с середины XIX в. Например, Герцен писал об «аристократической независимости и гвардейской удали»²⁷ александровских времен, исчезнувших с 1826 г. Представители этих «времен» старались оставить в памяти русского общества образ благородной аристократии, отражающей черты самого Александра I. Идея союза самодержца и аристократии получила новое воплощение в общем образе, соединившем императора Александра и его вельмож, противостоящем социальным и политическим изменениям второй половины XIX в., и нередко принимающим ностальгический оттенок. По словам Дмитриева, «Александр сам был благороден; таковы были и вельможи»²⁸.

Во второй четверти XIX в. имя Александра I становится идентификационным символом для поколения его современников, характеризуемого в мемуарной литературе как поколение Александровской эпохи. Формирование этой новой идентичности в русском образованном обществе было связано с процессом становления новой социокультурной группы – русской интеллиген-

ции, которая, определяя свое место в русском обществе, создавала свою историю на иных, в данном случае поколенческих, основаниях. Создавая образ поколения Александровской эпохи, закрепляя за ним в культурной памяти определенные характеристики, русские интеллектуалы получали возможность для конструирования собственной идентичности, формирования системы ценностей и самосознания русской интеллигенции. Ироничный образ поколения русской интеллигенции, сформировавшегося к концу александровского царствования, создал А. И. Герцен: «Это были люди умные, образованные, честные, состарившиеся и выслужившиеся “арзамасские гуси”; они умели писать по-русски, были патриоты и так усердно занимались отечественной историей, что не имели досуга серьезно заняться современностью»²⁹. Б. Н. Чичерин, характеризуя С. С. Уварова как человека истинно просвещенного, с широким умом, с разносторонним образованием, приходит к заключению, что он представляет собой тип вельможи времен Александра³⁰. Но наиболее ярко и отчетливо образ поколения Александровской эпохи обрисовал К. Д. Кавелин, поставив проблему разрыва и преемственности поколений в истории русской интеллигенции. По мнению Кавелина, «лучшие личности Александровского времени изумляют высоким просвещением и нравственным идеализмом не только на словах, но и на деле. <...> В них, несмотря на все превратности судьбы, не было и тени той угловатости, односторонности, резкости, ни той нравственной надорванности, которые составляют обычные недостатки нашего поколения...»³¹. В то же время Кавелин полагал, что это поколение сыграло свою историческую роль и уступило место новым деятелям, следующему поколению русской интеллигенции. Понятие поколения эпохи Александра можно в этом случае рассматривать и как проявление изменений в историческом сознании общества, новый способ осмысления исторического прошлого, включения его в настоящее.

Таким образом, образ Александра I стал одним из компонентов в формировании имперской, национальной, социальной, поколенческой идентичности русского образованного общества первой половины XIX в., отразив не только особенности восприятия власти, но и специфику идентификационных исканий русской интеллигенции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти. М., 2007. С. 19.

² В письме к В. А. Жуковскому по поводу его «Песни Русскому Царю от его воинов» А. П. Елагина писала: «... слово *Наши* Царь нельзя говорить без сердечного волнения! Так весело жить в Его славное время: в Его России и выращивать Ему граждан! – Когда с таким удовольствием любим Дециев, Курциев, Эпаминондов, Ахиллов, – с каким же радостным восхищением любишь этого *младого Агамемнона*, который велик с таким смирением!» (Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной, 1813–1852. М., 2009. С. 142.)

³ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 120.

⁴ См., например: Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 232, 239.

⁵ Рылеев К. Ф. Сочинения. Л., 1987. С. 228.

⁶ Чичерин Б. Н. Воспоминания // Русские мемуары: избр. страницы, 1826–1856 гг. М., 1990. С. 180.

⁷ Герцен А. И. Былое и думы // Собр. соч. М., 1956. Т. 9. С. 89.

⁸ Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 2001. С. 251. Эта же мысль приводится еще раз в воспоминаниях Тургенева: «Более всего император жаловался на бремя неограниченной власти. “Я никогда не смогу привыкнуть к мысли, что я вправе царствовать как деспот”, – говорил он. В заключение он заявлял, что, сделав Россию свободной и счастливой, он первым делом отречется от престола, поселится уединенно где-нибудь в Европе и будет наслаждаться сознанием добра, принесенного отечеству» (Там же. С. 489.)

⁹ Там же. С. 248.

¹⁰ Жихарев М. И. Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Русское общество 30-х гг. XIX в.: люди и идеи: мемуары современников. М., 1989. С. 75.

¹¹ К. Ф. Рылеев писал: «... ты покорил сердца людей не оружием, а ангельской душой своею» (Рылеев К. Ф. Указ. соч. С. 227–228.)

¹² Тургенев А. И. Хроника русского: дневники (1825–1826 гг.). М.; Л., 1964. С. 374.

¹³ А. И. Тургенев в письме к брату Н. И. Тургеневу рассказывал о своей встрече с Лагарпом и чтении писем Александра, из которых видно, как тот страдал, видя злоупотребления и деспотизм в России. «Все они делают честь сердцу и правилам Александра» (Тургенев А. И. Политическая проза. М., 1989. С. 143.)

¹⁴ Тургенев А. И. Хроника русского. С. 374.

¹⁵ Дмитриев М. А. Указ. соч. С. 234.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 235.

¹⁸ *Тургенев А. И.* Политическая проза. С. 156.

¹⁹ «В Париже из газет я узнал о кончине императора Александра. Я сожалел о нем и искренне его оплакивал. Эта смерть отняла у меня последнюю надежду на освобождение крестьян в России» (*Тургенев Н. И.* Указ. соч. С. 86.)

²⁰ *Дмитриев М. А.* Указ. соч. С. 235.

²¹ Там же. С. 239.

²² *Тургенев А. И.* Хроника русского. С. 378.

²³ *Дмитриев М. А.* Указ. соч. С. 235.

²⁴ *Вяземский П. А.* О духе партий; о литературной аристократии // Соч. М., 1982. Т. 2. С. 138.

²⁵ «Император Александр I был слишком хорошо воспитан, чтоб любить грубую лесть» (*Герцен А. И.* Указ. соч. Т. 9. С. 137.)

²⁶ Там же. Т. 8. С. 56.

²⁷ Там же. Т. 9. С. 145.

²⁸ *Дмитриев М. А.* Указ. соч. С. 95.

²⁹ *Герцен А. И.* Указ. соч. Т. 8. С. 304.

³⁰ Русское общество 40–50-х гг. XIX в. М., 1991. Ч. 2. С. 25.

³¹ *Кавелин К. Д.* Авдотья Петровна Елагина // Русское общество 30-х гг. XIX в. С. 144.

УДК 94(47) + 002

В. В. Сергеев

Новосибирский государственный педагогический университет

ОБРАЗ АЗИАТСКОЙ РОССИИ В ЖУРНАЛЕ «НИВА» НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Изучение образа восточных окраин Российской империи на страницах одного из самых массовых еженедельных журналов позволяет выявить коллективные представления россиян об окраинных регионах страны, их населении, их природно-климатических, социально-экономических, культурных особенностях, определить роль журнальной прессы в формировании культурно-географических образов.

Журнал «Нива» начал выпускаться в издательстве А. Ф. Маркса в 1869 г. и существовал до сентября 1918 г. «Нива» была одним из самых популярных журналов дореволюционной России. За 48 лет существования издания было издано 2500 номеров и более 50 млн экземпляров бесплатных приложений. Читательская аудитория журнала «для семейного чтения» росла очень быстрыми темпами. Так, в 1870 г. число его подписчиков составляло около 9 тыс., 1880 г. – 55 тыс., 1891 г. – 115 тыс., в начале XX в. – 235 тыс.¹

Журнал представлял собой еженедельное иллюстрированное периодическое издание с бесплатными литературными приложениями. Он имел подзаголовок: «Журнал литературы, политики и общественной жизни». Структура издания включала в себя литературный отдел, представленный повестями, рассказами, стихами, очерками научного и просветительского характера. Во втором отделе публиковались биографические статьи и заметки о праздниках и юбилейных датах. В разделе «К рисункам» помещались репродукции картин и гравюр, а также комментарии к картинам и краткая справка об их авторах. Как и «толстые» журналы изучаемой эпохи, «Нива» имела раздел, посвященный обозрению политических событий в России и за рубежом. В числе авторов журнала были А. К. Толстой, Ф. И. Тютчев, А. П. Чехов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. А. Блок, С. А. Есенин, М. Горький, К. И. Чуковский, А. А. Ахматова, И. А. Бунин и др.

Теоретической основой реконструкции образа Азиатской России, транслировавшегося со страниц самого популярного в России «тонкого журнала», стала концепция географических образов, сформулированная в работах Д. Н. Замятина. В самом общем виде географический образ страны или региона – это достаточно устойчивые, стратифицированные и динамичные представления, которые соотносятся с какими-либо политико-, историко- или культурно-географическими территориями и формируются в результате какой-либо человеческой деятельности (как на бытовом, так и на профессиональном уровне)².

Для определения содержания термина «Азиатская Россия» обратимся к словарю Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: «Азиатская Россия – часть Российской империи, расположенная на Азиатском материке; включает в себе Сибирь, среднеазиатские владения и Кавказский край. Естественными границами Азиатской России от Европейской служат Уральский хребет, река Урал, Каспийское море и Кавказский хребет»³.

В самом общем виде, под образом Азиатской России мы понимаем коллективные представления о Сибири, Средней Азии и Кавказе как о целостном регионе, появившиеся в результате реализации проекта имперской «географии власти» во второй половине XIX в.

Для выяснения культурно-исторического и общественно-политического контекста конструирования образа Азиатской России мы обращались к работам М. Бассина, А. В. Ремнева, Н. Н. Родигиной, к коллективной монографии «Сибирь в составе Российской империи»⁴. Для нас важны выводы авторов о тесной связи образов азиатской части России с правительственной политикой территориального расширения империи, о взаимозависимости и взаимовлиянии позиции власти и общественного мнения в ментальном «присвоении» окраин, об этапах эволюции образов территорий, входивших в состав Азиатской России.

Источниковой базой нашего исследования послужили помещенные в «Ниве» научно-популярные статьи, художественные тексты о Сибири, Средней Азии и Кавказе и иллюстрации к этим публикациям и фотографии.

Анализ публикаций интересующего нас журнала наглядно свидетельствует о том, что географические, административные и ментальные границы Азиатской России не совпадали друг с другом. Азиатская территория страны представлялась авторам журнала как «другая Россия», существенно отличавшаяся от давно ментально освоенной территории «внутренней» России. Например, в очерке о Сахалине читаем: «Знаменитый приют ссыльнокаторжных россиян, остров Сахалин, или, как его зовут каторжники, “Соколиный остров” силою судеб привлекает теперь наше особое внимание»⁵. При этом остров описывался практически как автономная территория, хотя, как известно, в изучаемый период Сахалин входил в состав Российской империи. В статье упоминалось о том, что в скором времени остров наконец-то попадет в сферу внимания России, так как там были найдены огромные запасы нефти. Остров объявлялся «нашим Эльдorado» и выгодным военно-стратегическим пунктом на востоке империи.

О репрезентациях Азиатской России как сырьевого ресурса империи и будущего залога ее экономического могущества свидетельствуют описания новых городов региона. В этом смысле любопытна статья об образовании Новониколаевского поселка (позднее Новосибирск). В статье акцентировалось внимание на стремительности превращения простого железнодорожного поселка в один из культурных центров Сибири: «Проведение великой Сибирской железной дороги очень сильно изменило картину Сибири, и это отразилось на некоторых населенных пунктах. К одному из таких центров, поражающих своим чисто американским ростом, следует отнести поселок Новониколаевский, известный и теперь под именем Кривошеково»⁶. Заметим, что сравнение Сибири и Америки, быта переселенцев восточных губерний России и американских колонистов было распространенным публицистическим приемом, употреблявшимся при описании азиатской части империи.

Пилотажный просмотр публикаций «Нивы» об Азиатской России свидетельствует о том, что строительство и пуск в эксплуатацию Транссибирской железной дороги были рубежом, после которого Сибирь и часть Средней Азии из «воображаемых окраин» стали медленно переходить в число ментально освоенных территорий Российской империи.

В ближайшей перспективе нам представляется актуальным детальное изучение репрезентаций Средней Азии и Кавказа в изучаемом издании, выявление факторов, предопределивших их содержание и эволюцию, определение контекстов употребления топонима «Азиатская Россия», его содержательного наполнения; выяснение зависимости содержания реконструируемого образа от типа источников (художественный текст, публицистика, визуальный материал и др.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эйзен И. Вступительный очерк // Топоров А. Д. Систематический указатель литературного и художественного содержания журнала «Нива» за 30 лет (1870–1899), основанного и издаваемого А. Ф. Марксом. СПб., 1902. С. 1.

² Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб., 2003. С. 183.

³ Азиатская Россия // Энциклопедический словарь [Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона]. URL: http://gatchina3000.ru/big/001/1221_brockhaus-efron.htm (дата обращения: 5.02.2010).

⁴ *Бассин М.* Россия между Европой и Азией: идеологическое конструирование географического пространства // *Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет / сост.: П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер.* М., 2005. С. 277–310; *Ремнёв А. В.* Россия Дальнего Востока: имперская география власти XIX – начала XX в. Омск, 2004; *Родигина Н. Н.* «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 2005.

⁵ *Остров Сахалин* // *Нива.* 1905. 23 апр. С. 307.

⁶ *Трубин А. Е.* Новониколаевский поселок // *Нива.* 1898. № 31. С. 614.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор Н. Н. Родигина.

УДК 94(47)

Ю. В. Тимофеева

Новосибирский областной колледж культуры и искусств

ОБРАЗ СИБИРСКОГО ЧИТАТЕЛЯ-КРЕСТЬЯНИНА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в. (ПО ДАННЫМ ОБ УРОВНЕ ГРАМОТНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ)

Изучение русской книжной культуры в Сибири является актуальной и широкомасштабной социокультурной проблемой, отдельные темы которой до сих пор нуждаются в подробном изложении. Одна из таких – важная тема крестьянина-читателя, конкретно-историческое изучение которой активизировалось в последние годы, но далеко от своего завершения.

Интерес к народному читателю в России возник еще в конце XIX в. В то время были поставлены многие из тех вопросов, ответы на которые могут способствовать воссозданию образа низового читателя: круг и периодичность чтения, читательские потребности и степень их удовлетворенности, способы проникновения книг в деревню, мотивы чтения, восприятие прочитанного, требования к оформлению и содержанию книги, ее доступность для низового читателя. Исследование намеченных тем, тогда же начатое Н. А. Рубакиным, было продолжено выдающимися советскими историками-книговедами И. Е. Баренбаумом и А. В. Блюмом, отражено в сборниках «История русского читателя» и трудах А. И. Рейтблата. Исторический аспект изучения русского читателя дополнялся созданием теоретической концепции читателя с выявлением его типических черт. Большинство трудов было создано на материалах Европейской России.

Со временем ученые приступили к исследованию проблемы и на региональном уровне. Сегодня имеется немало интересных работ, посвященных сибирскому читателеведению, в том числе кругу чтения и книжным потребностям отдельных социальных групп. Тем не менее, несмотря на значительный всплеск внимания к сибирскому читателю в последние три десятилетия, актуальным остается замечание новосибирского книговеда В. Н. Волковой, сделанное почти десятилетие назад: «В ряду книжно-культурных проблем, осваиваемых региональной ветвью российского книговедения, история провинциального читателя еще не получила достаточного освещения»¹.

Сложность задачи по воссозданию образа читателя-крестьянина определяется комплексностью самой проблемы и неоднородностью крестьянства. Решение этой задачи может строиться только на всестороннем изучении местной книжной культуры, в том числе книгораспространения и, прежде всего, книжной торговли, устройства библиотек и народных чтений, культурно-просветительской деятельности различных обществ, организаций, отдельных личностей и групп населения. Глубокое и полное исследование всех аспектов темы поможет представить реальные возможности и желание сибирского крестьянина стать читателем и их реализацию. При этом надо учитывать специфику читательских возможностей и интересов различных возрастных, экономических, территориальных, гендерных, конфессиональных групп крестьянства.

Такая широта проблемы допускает ее поэтапное решение, исследование отдельных ее аспектов, синтезирование которых и поможет реконструировать образ сибирского читателя-крестьянина. Цель нашей работы – представить половозрастной облик сельского читателя Сибири.

Большое значение для выявления образа читателя имеют данные об уровне грамотности сельского населения в целом и его различных групп. В конце XIX в. в сельской местности Сибири количество грамотных составляло всего 9,4 % общей численности населения², что значительно ограничивало круг читателей из крестьян. На пять грамотных мужчин приходилась только одна грамотная женщина (в населении доля таковых составляла 15,7 % и 3,1 % соответственно³), а значит, и читателями могли быть преимущественно мужчины. Основная доля грамотных приходилась на три возрастные группы: школьную (от 7 до 13 лет у мужчин и до 11 у женщин), подростковую (14–17 лет у мужчин и 12–15 у женщин) и рабочую (от 18 до 60 лет у мужчин и от 16 до 55 лет у женщин). Грамотность в этих группах составляла, соответственно: в Акмолинской обл. – 7,4, 12,1 и 10,0 %, в Тобольской губ. – 11,6, 16,4 и 12,3 %, в Томской – 11,8, 12,6, 11,1 %⁴. Количество грамотных было наибольшим среди подростков, поэтому вместе с детьми школьного и молодым поколением рабочего возраста они и составляли самую читающую часть крестьянского населения края.

При этом надо иметь в виду, что грамотный человек – это всего лишь потенциальный, но не обязательно реальный читатель. По подсчетам В. Н. Волковой, «если в начале 60-х гг. XIX в. в Сибири и на Дальнем Востоке было около 200–250 тыс. грамотных граждан и не более 20–30 тыс. читателей (на 3,1 млн населения), то к концу века, в результате серьезных изменений число грамотных увеличилось почти втрое, а читательская аудитория составила 60–80 тыс. человек (на 5,76 млн жителей)»⁵.

Хотя речь здесь идет о сибирском читателе в целом, допустимо предположить, что в сельской местности соотношение числа грамотных и читающих было в лучшем случае таким же, но, скорее всего, доля читающих среди грамотных селян была меньше из-за значительно худшего снабжения деревень книгами. Такое положение было вызвано недостаточностью числа сельских библиотек и, как правило, неудовлетворительным состоянием их фондов, неразвитостью путей сообщения и огромными расстояниями, незначительностью числа пунктов стационарной книжной торговли, которые стали появляться в сибирской деревне только в начале XX в. «Таким образом, – заключает В. Н. Волкова, – говорить об особенностях сибирского читателя и его книжных потребностях можно лишь по отношению к очень небольшой группе людей, окруженных миром неграмотности и бескнижья»⁶. Даже знавшие грамоту и желавшие читать не всегда имели такую возможность из-за отсутствия книг и порой утрачивали полученные навыки, о чем свидетельствуют приговоры сельских и волостных сходов с просьбами о разрешении на открытие библиотек в их селениях.

В деревне были приняты семейные чтения вслух, а с конца XIX в. стали проводить и народные чтения, специально устраиваемые отдельными лицами или организациями по воскресным и праздничным дням. При этом, однако, следует учитывать как утверждение К. Е. Зверевой о том, что «в Западной Сибири около половины крестьянских семей не имело в своем составе грамотных членов»⁷, так и свидетельства того, что читали не только для «своих», но и для знакомых и соседей. Необходимо также иметь в виду, что, несмотря на постоянное увеличение числа народных чтений в рассматриваемый период, ими не были охвачены все сельские населенные пункты Западной Сибири. Тем не менее, распространенность таких чтений в деревне позволяет определить еще одно интересное направление дальнейших исследований: воссоздание образа слушателя с его потребностями в чтении, целями и интересами и поиск ответа на вопрос о правомерности причисления слушателей, в большинстве своем неграмотных или малограмотных, к читателям. Это подразумевает сравнение читателей и слушателей между собой, круга используемой литературы, мотивов обращения к печатному слову, и за счет этого расширения круга читателей.

Итак, крайне низкое распространение грамотности в сельской местности Сибири значительно ограничивало число деревенских читателей. Соответственно, когда речь идет о крестьянском читателе, надо иметь в виду, что такая фигура в сибирской деревне была все же явлением не частым. Наиболее читающей частью русского православного крестьянства Западной Сибири потенциально было мужское население школьного, подросткового и рабочего возраста как наиболее грамотная часть сельского населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Волкова В. Н. Сибирский читатель XIX в. как предмет книговедческого исследования // Четвертые Макушинские чтения. Новосибирск, 1997. С. 119.

² Зверева К. Е. Грамотность крестьянства Западной Сибири в период капитализма // Образ жизни сибирского крестьянства периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1983. С. 117.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 120.

⁵ Волкова В. Н. Указ. соч. С. 121.

⁶ Там же.

⁷ Зверева К. Е. Указ. соч. С. 118.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор В. А. Зверев.

УДК 94(47)(092) Николай II

Н. А. Чиканова

Омский государственный педагогический университет

ОБРАЗ НИКОЛАЯ II В УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ПОТОМКОВ

Условия современного общества требуют особого ракурса осмысления прошлого, множественности интерпретаций событий и фактов, связанных с историей нашего государства. Одной из наиболее актуальных на современном этапе развития науки является проблема восприятия власти в историческом контексте. В русле этого проблемного поля для исследователя ключевым понятием выступает понятие исторической памяти.

Французский философ П. Рикёр писал, что «феноменология памяти концентрируется вокруг двух вопросов: “О чем мы вспоминаем?” и “Кому принадлежит память?”»¹. По мнению многих современных исследователей, историческая память представляет собой не цепочку воспоминаний, стремящихся наиболее полно воспроизвести события прошлого, а самостоятельный исследовательский объект, обладающий собственной ценностью. Историческая память задается вопросом не об истинности или ложности тех или иных воспоминаний о прошлом, а о причинах создания, поддержания или изменения определенного образа исторического события, эпохи, лица².

На сегодняшний день в отечественной историографии существует немало исследований, которые дают нам представление о частной жизни и политической деятельности Николая II. Образ императора важен на современном этапе развития общества, поскольку в конце XX – начале XXI столетий, пытаясь определить значение уходящего века, общественная мысль все чаще обращается ко времени царствования последних Романовых. Драматические события той эпохи еще не стали таким далеким прошлым, которое представляет интерес лишь для специалистов, поэтому проблема изучения образов последних русских императоров имеет не только академическую, но и ценностно-социальную актуальность.

Функция воспитания личности во многом принадлежит школьному образованию. Социальный контекст исторического образования способен не только сохранять память об исторических событиях, но и формировать ее у новых поколений специфическим образом. Учебная литература, посвященная историческим сюжетам, демонстрирует выражение процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта общества для возвращения его влияния в сферу общественного сознания.

Образ Николая II в учебной литературе претерпел значительные трансформации в течение XX в., что отражает эволюцию системы исторического образования в целом. После Октябрьской революции 1917 г. произошла ломка национальной системы исторического образования, пересмотр традиционных ценностей. Перед создателями учебной литературы была поставлена задача написания русской истории с марксистской точки зрения с целью воспитания нового человека, строителя социализма, с марксистских, пролетарских позиций переосмысливающего знания, накопленные человечеством в прошлом. Соответственно поменялось и место императора в русской истории. Одним из первых учебников, в котором события рассматривались с

точки зрения классово-борьбы, был «Учебник русской истории для средних учебных заведений и самообразования» Н. А. Рожкова. Фигура Николая II в нем фактически обезличена, так как «самодержавие давно перестало соответствовать потребностям страны и народа»³. Николай II упоминается как второстепенное лицо событий начала XX в.

К началу 1930-х гг. интереса к личности и деятельности последнего русского императора не возникало. Советскую историческую науку в это время волновали другие события, к тому же интерес исследователей к дореволюционной эпохе не был согласован с основной целью исторической литературы – вдохновить читателя на гордость советским государством и на подвиги во имя него. Поэтому в учебнике А. В. Шестакова роль императора представлена в исключительно упрощенном виде. Описывая события «первой буржуазной революции», автор лаконично отмечает: «Царем в это время был Николай II (он начал царствовать в 1894 г.)»⁴, «перепуганный царь Николай II 17 октября издал манифест»⁵.

В 1940–1950-е гг. сохранялся основной принцип изучения истории посредством соблюдения историко-хронологической последовательности через систему фактов. Имя Николая II по-прежнему употреблялось вскользь, без психологических портретов и личностных характеристик. В учебнике К. В. Сивкова и П. И. Кабанова в описании событий используются термины «царское правительство» или «царизм» вплоть до Первой русской революции⁶. Впервые имя Николая II упоминается в контексте опубликования манифеста 17 октября 1905 г.: «Николай II был напуган»⁷. Повествуя о событиях Февральской революции, авторы ни разу не упоминают последнего русского императора, напоминая лишь о том, что «произошло падение царского самодержавия», «революция победила»⁸.

Негативный образ последнего российского монарха ярко представлен в учебной литературе 1960-х гг. Несмотря на оживление интереса к личности Николая II в историографии в целом, характеризующееся появлением журнальных статей о нем, для учебной литературы указанного периода характерны две тенденции: либо полное умолчание о Николае II, либо жесткая критика его личности. Так, в большинстве учебников имя Николая II заменено термином «царизм». Контексты, в которых употреблен данный термин, нацелены на формирование негативной оценки экономической и политической системы России начала XX в. Например, «царизм и дворянское землевладение являлись большими тормозами развития страны»⁹, «царское правительство рассчитывало потопить в крови нарастающее крестьянское движение»¹⁰.

В учебниках 1970–1980-х гг. образ Николая II создавался при помощи иных аксиологических характеристик, хотя и в рамках прежнего идеологического дискурса. Впервые за всю эпоху существования советской истории учебная литература не только упоминает имя последнего русского императора, но и определяет основные направления его политики. Например, в учебнике И. А. Федосова рассказано о восшествии последнего русского монарха на престол: «За эту катастрофу (на Ходынском поле. – Н. Ч.) народ прозвал Николая Ходынским и Кровавым»¹¹. Учебник Ю. И. Короблёва и его соавторов повествует о социальной базе российской монархии, обозначая образ Николая II как государственного деятеля: «Николай II, как и предшествующие цари, проводил политику в интересах помещиков и буржуазии»¹².

В 1990-е гг. вместе с изменением государственного строя менялись цели и ценности исторического образования: на смену идеологическому однообразию приходит плюрализм мнений. Учебники указанного десятилетия представляют Николая II как человека со своими достоинствами и недостатками и как политика в конкретных обстоятельствах места и времени. В. П. Дмитренко, В. Д. Есаков, В. А. Шестаков описывают политические пристрастия последнего русского императора и отмечают, что, определяя свои собственные позиции, Николай руководствовался только одним критерием: как поступил бы на его месте его отец?¹³ Изображая Николая II, авторы постсоветских учебников стремились не только рассказать о его личности с точки зрения собственной позиции, но и привлечь свидетельства современников с целью создания более многомерной картины. Так, А. А. Данилов и Л. Г. Косулина в учебнике по отечественной истории для 9 класса приводят отрывки беседы императора Александра III с цесаревичем Николаем, фрагменты воспоминаний современников о Николае II¹⁴. Документы при этом подобраны так, что репрезентируют образ последнего русского императора как «обыкновенного» человека¹⁵.

В учебниках начала XXI в. отмечается усложнение методического аппарата, установка на развитие у школьников многообразия точек зрения и подходов к изучению отечественной истории XX в. Учебник «Россия и мир» Л. Н. Алексашкиной называет Николая II «заложником российского патернализма»¹⁶. В учебнике Н. В. Загладина приведено две точки зрения об им-

ператоре: «Николай II был, безусловно, умен»; «Николая II именуют “умственным ничтожеством”»¹⁷. Таким образом, предполагается формирование у школьников альтернативных точек зрения, выработки собственной позиции о фигуре последнего российского монарха. Вместе с тем, образ Николая II представлен с разных точек зрения: как государственного деятеля и как частного лица; как последователя своего отца и как носителя политических новых традиций.

Таким образом, сложность и противоречивость сюжетов отечественной истории XX в. во многом предопределила содержание школьного исторического образования. Состояние учебной литературы 1920–1980-х гг. свидетельствует о ценностях советского общества, под контролем которого была вся система образования. Николай II в учебниках указанного хронологического периода представлен как малозначительный фактор исторического процесса начала XX в., отсутствуют характеристики последнего русского императора как личности и государственного деятеля. Образ Николая II в учебниках названной эпохи отражает большую степень идеологизированности исторической науки и школьного исторического образования. Целью авторов учебных пособий была демонстрация косности, отсталости царизма, которая мало соотносилась с личностями самодержцев, с их индивидуальными характеристиками и особенностями.

Современная учебная литература стремится показать многоплановость образа Николая II. Для реализации поставленной цели авторами учебников введены в использование отрывки из источников, представлены противоречивые точки зрения, дающие возможность школьникам самостоятельно сконструировать образ монарха.

Как свидетельствует анализ школьных учебников истории, образ Николая II в исторической памяти потомков представлен такими оценками, как оторванность от народа, всевластие, консерватизм, половинчатость в принятии решений. При этом Николай II наделялся такими противоречивыми характеристиками, как «тормозящий развитие государства»; «желающий потопить в крови мнение народа»; «дрожащий перед революционным пожаром»; «относившийся с позиций отеческой заботы к наименее защищенным слоям населения»; «гибкий правитель». Трансформация образа монарха в общественном мнении потомков выступает значимым показателем ценностей общества, хранящего историческую память.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 21.

² Диалоги со временем. М., 2008. С. 48.

³ Рожков Н. А. Учебник русской истории для средних учебных заведений и самообразования. Пг., 1922. С. 118.

⁴ Шестаков А. В. История СССР: краткий курс. М., 1937. С. 148.

⁵ Там же. С. 163.

⁶ Сивков К. В., Кабанов П. И. История СССР: учебник для педагогических училищ. М., 1948. С. 93, 116.

⁷ Там же. С. 123.

⁸ Там же. С. 164–165.

⁹ История СССР, 1861–1917 / под ред. П. И. Кабанова и Н. Д. Кузнецова. М., 1960. С. 235.

¹⁰ История СССР / под ред. Б. Д. Дацкока. М., 1963. С. 339.

¹¹ Федосов И. А. История СССР: период империализма: учеб. пособие для 9 кл. М., 1972. С. 20.

¹² История СССР: учебник для 9 кл. средн. школы / Ю. И. Кораблёв, Ю. С. Кукушкин, И. А. Федосов, В. П. Шерстобитов. М., 1988. С. 17.

¹³ Дмитренко В. П., Есаков В. Д., Шестаков В. А. История Отечества, XX в.: 11 кл.: пособие для общеобразоват. учеб. заведений. М., 2001. С. 8.

¹⁴ Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России, XX в.: учеб. кн. для 9 кл. общеобразоват. учреждений. М., 1996. С. 22.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Алексаикина Л. Н. Россия и мир в XX в.: 11 кл.: учебник для общеобразоват. учреждений. М., 2007. С. 38.

¹⁷ Загладин Н. В. История Отечества, XX – начало XXI в.: учебник для 11 кл. общеобразоват. учреждений. М., 2006. С. 92.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор Н. Н. Родигина.

ОБРАЗ Г. Н. ПОТАНИНА В КОНСТРУИРОВАНИИ СИБИРСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Как известно, проблема региональной и социокультурной идентичности сибиряков относится к дискуссионным и активно обсуждается учеными различных специальностей. В настоящей публикации я попытаюсь выявить наиболее типичные черты образа русского старожила Азиатской России на примере идеолога сибирского областничества и выдающегося ученого-гуманитария Г. Н. Потанина (1835–1920). Он много сделал для теоретической разработки и эмпирического изучения феномена региональной идентичности, сформулировав, в частности, в начале XX в. вывод о существовании в Сибири особого этнографического типа русского населения¹. Однако в данном случае будем рассматривать объект исследования как носителя наиболее важных характеристик региональной идентичности, позаимствовав их перечень у М. А. Жигуновой².

Мой герой идеально подходит на роль респондента по анализируемому вопросу: коренной сибиряк, выходец из старинного казачьего рода первозасельщиков региона. Среди «казачьих черт» психоментальности традиционно выделяют свободолюбие, демократизм, коллективизм, удаль, смелость, бесшабашность и т. д. С другой стороны, и творческое наследие Григория Николаевича, и свидетельства современников о нем в совокупности составляют репрезентативный корпус источников, позволяющих составить представление о некоторых чертах его характера.

Он не скрывал, что в течение всей жизни сознательно и целенаправленно формировал и старался поддерживать некоторые основополагающие константы своего поведения. «Что касается до меня лично, – признавался Потанин в 1902 г., – то ни обстановка моего детства, ни товарищество в мои юношеские годы не благоприятствовали к тому, чтобы сделать из меня органически нравственный тип. И если моя нравственная физиономия не вызывает отвращения у девственных натур, то не потому, что это моей натуре прирожденно; я создаю свой портрет усиленной внутренней борьбой. Мне приходилось проходить по опасным горным карнизам нравственности, над пропастью грехопадения, и мне это нравилось, и я справлялся с собой своими личными усилиями»³.

Стремление сохранить нравственные устои в экстремальных ситуациях современники отмечали как одну из составляющих региональной идентичности. Поэтому в рекомендательном письме М. А. Бакунин в 1859 г. следующим образом квалифицировал моральные качества «сибирского Ломоносова»: «Он молодой человек, дикий, наивный, иногда странный и еще очень юный, но одарен самостоятельным, хотя еще и неразвитым умом, любовью к правде, доходящей иногда до непристойного донкихотства, – вообще он не успел еще жить в свете, вследствие чего говорит и делает странные дикости, но все со временем оботрется. Главное, у него есть ум и сердце»⁴.

Пожалуй, самую емкую (интегральную) и краткую характеристику выдающемуся сибиряку как ученому дал его старший товарищ и добрый ангел-хранитель П. П. Семёнов-Тян-Шанский: «Г. Н. Потанин соединил в себе редкие для путешественника по внутренней Азии качества: закаленное трудами и лишениями здоровье, невероятную неприхотливость и выносливость, достаточное знакомство с местными языками и умение ладить с туземцами ... но более всего любовь к делу и полнейшую самоотверженную преданность науке»⁵.

Как видим, выдающийся ученый и организатор географических исследований на первый план ставил качества, приобретенные в течение длительного и целенаправленного самовоспитания. И уже на это накладывались любовь и самоотверженное отношение к избранным занятиям. Эти качества, присущие землякам, Потанин демонстрировал в течение всей своей долгой и многотрудной жизни. В 1876 г. его друг и сподвижник Н. М. Ядринцев фиксировал: «Едва ли можно сомневаться в способности такой личности и в знании им края, который изучался целую жизнь с непреодолимой энергией, – личности, состоящей из одного самопожертвования, скромной и трудолюбивой... За что ни брался, он изучал с величайшей добросовестностью и терпением»⁶. В 1894 г. В. И. Вагин записывал в дневнике: «Совсем другое представляет Гр. Ник. Потанин, этот скромный, неутомимый труженик, который в работе и не подозревает, какие сокровища знаний, таланта и человечности скрываются под его невзрачной наружностью»⁷.

Совсем не случайно такие разные люди и выдающиеся писатели, как Г. Д. Гребенщиков и В. Я. Шишков, не сговариваясь, сравнивали Потанина по степени морального авторитета с Л. Н. Толстым. При этом Гребенщиков явно отдавал приоритет «сибирскому старцу»: «В то время, как аристократ Толстой в мятежных исканиях своих бессмертных образов и истин познал и хмель греха, и сладость света, когда он, будучи уже пророком и великим мудрецом, на виду всего света хотел и не мог уйти от соблазнов мира и, как скованный лев, метался в железной клетке мишурной роскоши, тщетно пытаясь опроститься, – скромный, никем не прославляемый, простой и неизменно кроткий, всегда нуждающийся сибиряк шел прямо по своей демократической и тернистой дороге к единой светлой истине – ко благу своей родины. Это, конечно, далеко не то, что благо всего мира, но в конечном пункте идеалы обоих старцев сходятся: Толстой говорит: “Царствие Божие внутри нас”, сущность потанинского идеала: “Пусть каждая область зажжет свое солнце, и вся земля будет иллюминирована”»⁸.

Поскольку Сибирь относилась и относится к зоне активных межэтнических контактов, типичными чертами характера местных старожилов являются: доброжелательность, толерантность и терпимость во взаимоотношениях с представителями аборигенных этносов. В роли буферной группы между русскими и «инородцами» (казахами, бурятами, якутами и др.) выступали казаки, активно усваивавшие элементы культуры сопредельных этносов. Потанин, будучи выходцем из казаков, с детства впитал в себя опыт общения с казаками, накопленный поколениями своих предков. Эти качества сыграли положительную роль в ходе его экспедиций в малоизученные районы Центральной Азии. В. А. Обручев подметил: «Умение располагать к себе население страны и заслужить его доверие очень способствовало успеху работ Потанина»⁹. Развивая этот тезис, сподвижник Григория Николаевича по научному изучению региона Д. А. Клеменц отмечал: «Он в своих экспедициях думал не только о том, что привезет с собой домой, но и о том, что сам он принесет в дальние края. В этом смысле он был настоящим апостолом цивилизации и гуманности»¹⁰.

Уже прекратив экспедиционную деятельность, Потанин активно отстаивал интересы аборигенов Азиатской России, руководствуясь принципом, что «каждая национальность, как бы она незначительна ни была, имеет свою миссию, свое назначение»¹¹. И представители национальных элит выражали ему свою признательность. Казахи называли Григория Николаевича «аксакалом с красивой душой», один из лидеров бурятского национального движения Э. Д. Ринчино считал его «нашим идейным отцом, дедушкой общесибирской областной интеллигенции без различия национальностей»¹².

Характерной чертой сибиряка, зафиксированной многими современниками и исследователями, являлся религиозный абсентизм. Как ученый Потанин активно разрабатывал концепцию единого источника эпического наследия восточных и западных народов, полагая, что даже корни евангелического сказания о Христе ведут в Центральную Азию. По авторитетному мнению А. М. Сагалаева и В. М. Крюкова, «в утверждении Потанина, что “образ самого Христа был создан по образу, за много веков раньше существовавшему в глубине Азии”, есть зерно истины, хотя нелегко согласиться с выводом об азиатской родине Христа»¹³.

Атеизм Г. Н. Потанина, как и других видных областников (Н. М. Ядринцева, Н. И. Наумова, С. С. Шашкова) проявлялся в негативном отношении к любым видам миссионерской деятельности как своеобразного насилия над мировоззрением аборигенов. Единственным радикальным средством в борьбе с религиозной нетерпимостью он считал развитие светской культуры у коренных народов и замечал по этому поводу: «Торжествующим средством в борьбе с мусульманским клерикализмом может быть только свое киргизское светское направление; чтобы оно появилось, нужно возбудить в верхних слоях киргизского народа интерес к своей народности, интерес к изучению своего родного языка, своей истории, своих обычаев, своих устных памятников старины»¹⁴.

Анализируя деятельность Алтайской духовной миссии, Григорий Николаевич в 1877 г. замечал: «Духовная миссия – это оптический обман, ловкий фокус. Кажется, что миссия создала в среде инородцев ряд оседлых поселений, обрусела несколько тысяч, приучила их к полевым работам; есть уже хорошенькие селения, например, Улала». Но выделенные деньги расходуются на приличное жалование миссионерам, которые только назидают. «Превращение же Улалы, Мьюты, Сарака в русские деревни объясняется влиянием крестьян; по Семе и Найме начали селиться русские мужики-переселенцы, и здесь не только новокрещенные построили себе дома и оделись по-русски, но и кочующие шаманисты начали понемногу распахивать земли. В Онгу-дае же до сих пор запрещено селиться крестьянам, и вот результат – [миссионерский] стан су-

шествует 25 лет, а крещенные живут в берестяных шалашах, спят на голой земле и, кроме котла да долбленого ведра, не имеют другой утвари; ни изб, ни скота, ни русской одежды, ни русского языка здесь нет. Позвольте нашему мужику переселиться в Онгудай, и все те, которые записаны в крещенные, в 15 лет обрусуют»¹⁵.

Современники отмечали и такие черты характера моего героя, как удивительная скромность и доброжелательность. «Я не слышал от него не только злого, бранного, но сколько-нибудь раздражительного слова о людях, – замечал Н. М. Мендельсон. – Он обладал тайной – отделять зло жизни от злых людей. Он осуждал первое и был снисходителен, бережно осторожен ко вторым, потому что злые люди – все-таки люди. И это не было лишь выводом из головного рассудочного принципа: это вытекало из всего существа его исключительной натуры»¹⁶. В то же время Потанина отличало удивительное трудолюбие и ответственность перед обществом, родной Сибирью в плане защиты ее интересов. В одном из писем за 1910 г. он заявлял: «Я получаю пенсию из двух источников, но оба эти источника – из народных денег. Поэтому я считаю себя обязанным возратить народу эти деньги своим трудом; считаю долгом служить сибирскому народу, нужды которого я лучше чувствую. Я должен защищать его интересы»¹⁷.

При всех специфически сибирских проявлениях характера, порожденных суровыми природно-климатическими условиями, колоссальными расстояниями, разбросанностью немногочисленных поселений, Потанина отличала глубокая лиричность и одухотворенное отношение к природе. В качестве примера воспроизведу только один фрагмент из его воспоминаний, посвященный Алтаю: «Цветущий Алтай в эту раннюю весеннюю пору похож на ребенка, который расплакался, получив отказ в исполнении какого-нибудь желания, но он не может долго сердиться и при первой же ласке мамы или няни улыбается, сверкая глазами, хотя по щекам еще катятся слезы»¹⁸.

Сравнения и сопоставления можно продолжать дальше, но и воспроизведенного здесь вполне достаточно для вывода о том, что основные черты характера Г. Н. Потанина представляют идеальный пример проявлений сибирской идентичности в плане презентации образа региона и его жителей применительно ко второй половине XIX – началу XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Потанин Г. Н. Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 268.

² См.: Жигунова М. А. Образы Сибири и сибиряков по данным этносоциологических обследований конца XX – начала XXI в. // Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII – начала XXI в. Новосибирск, 2006. С. 38–40.

³ Потанин Г. Н., Васильева М. Г. «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью»: переписка. Томск, 2004. С. 61.

⁴ Литературное наследство Сибири (ЛНС). Новосибирск, 1986. Т. 7. С. 261.

⁵ Семёнов П. П. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического общества. СПб., 1896. Т. 1. С. 282.

⁶ ЛНС. Т. 7. С. 263.

⁷ Государственный архив Иркутской обл. Ф. 162. Оп. 1. Д. 117. Л. 986 об.

⁸ Колесникова Р. Собою обозначили Сибирь: Г. Н. Потанин и В. Я. Шишков // Сиб. старина (Томск). 1995. № 10. С. 19; Гребенчиков Г. Д. Большой сибирский дедушка: (из личных встреч с Г. Н. Потаниным) // ЛНС. Т. 7. С. 287–288.

⁹ Обручев В. А. Путешествия Г. Н. Потанина. М., 1953. С. 185.

¹⁰ Клеменц Д. А. Г. Н. Потанин (1905) // ЛНС. Т. 7. С. 274.

¹¹ Попов И. И. Из воспоминаний // ЛНС. Т. 7. С. 295.

¹² Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 381. Оп. 1. Д. 139а. Л. 5.

¹³ Сагалаев А. М., Крюков В. М. Г. Н. Потанин: опыт осмысления личности. Новосибирск, 1991. С. 187.

¹⁴ Потанин Г. Н. В юрте последнего киргизского царевича // Рус. богатство. 1896. № 8. С. 81.

¹⁵ Письма Г. Н. Потанина. Иркутск, 1989. Т. 3. С. 112.

¹⁶ ЛНС. Т. 7. С. 315.

¹⁷ Потанин Г. Н., Васильева М. Г. «Мне хочется служить Вам...». С. 285.

¹⁸ Потанин Г. Н. Воспоминания // ЛНС. 1983. Т. 6. С. 71.

ЯВЛЕНИЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ, ПРЕДОПРЕДЕЛИВШИЕ СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗОВ РОССИЙСКОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

УДК 94(47)

Е. А. Александрова

Новосибирский государственный педагогический университет

СТРОИТЕЛЬСТВО ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ДОРОГ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XX в.

Строительство переселенческих дорог в Томской губ. начинается в 1902 г. и тесно связано с деятельностью инспекции Общественного попечения о домах трудолюбия¹. Данные учреждения были созданы для оказания помощи нуждающемуся в трудоустройстве населению, которому предоставлялась работа на строящихся дорогах. Первоначально строились дороги простейшего типа: прорубали «просеку в 4–5 сажений, корчуя среднюю часть на ширину в 2 сажени, укладывая мосты и гати временного типа. Верста такой дороги обходилась в 150–200 руб., но такой тип дорог очень быстро приходил в негодность вследствие несоответствия типа дорожного строительства природным условиям»².

За период 1903–1905 гг. из государственного бюджета на строительство и ремонт переселенческих дорог было выделено 75 779 р., которые были израсходованы в переселенческих подрайонах следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

**Затрата средств на ремонт и строительство переселенческих дорог
в Томской губ. (1903–1905 гг.)³**

Название подрайона	Построено дорог (в верстах)	Израсходовано средств, р.	Отремонтировано дорог (в верстах)	Потрачено на ремонт, р.
Тагош-Шегарский	130,0	25 916	25	–
Зачулымский	103,0	17 190	–	5943
Алтайский	32,5	9590	–	–
Тюхтетский	154,0	17 140	–	–
Итого:	419,5	69 836	25	5943

Дороги, построенные в это время, не отличались хорошим качеством вследствие недостаточного финансирования, что приводило к ежегодному ремонту этих дорог или их достройке в последующие годы. Неудачный опыт такого строительства при затратах 150–200 р. за версту приводил к стремлению создать новый тип дорог, пригодных не только для езды, но и для передвижения тяжелых в любое время года, что, естественно, подразумевало рост поперечной стоимости дороги.

В 1906 г. заведующему переселенческим районом Томской губ. был выделен кредит на строительство переселенческих дорог. Это привело к улучшению качества дорожного строительства. Дороги стало возможным сделать проезжими в любое время года и не требовавшими ежегодного ремонта. В результате к 1909 г. просека была расширена до 15 сажений, средняя ее часть корчевалась на 5 сажений под полотно дороги и канавы, сама проезжая часть составляла 3 сажени. Она посыпалась землей, вынутой при копке канав. Средняя глубина канав составляла 0,25 сажени, ширина по верху – 0,84, по дну – 0,15 сажени. После завершения строитель-

ства проезжая часть дороги представляла собой сплошное земляное полотно с капитальными деревянными мостами через реки и овраги.

В 1906 г. в Томской губ. было начато строительство двух новых дорог, протяженность которых составляла 109 верст, а сметная стоимость – 30 593 р. На самом же деле было затрачено 32 885 р. Такое несоответствие сметной стоимости реальным затратам объясняется большим количеством земляных работ, большим объемом корчевки, а также сооружением отводных канав, которые не были заложены в смету. Следует отметить, что сметы, начиная с 1906 г., составлялись с учетом строительства боковых канав и упрочения мостов, что значительно повышало стоимость дорожного строительства. Дорожные работы производились хозяйственным способом: отчасти поденными рабочими, отчасти сдельными. «При этих видах работы техники делали разбивку работ, давали технические указания и наблюдали за точным исполнением работ»⁴.

В 1907 г. дорожные работы были значительно расширены из-за увеличения отпущенного кредита, который достиг 248 125 р. За этот год было построено шесть новых дорог общей протяженностью 200,5 верст, еще пять дорог достраивалось и ремонтировалось. На дорогах, строившихся в 1907 г., просека прокладывалась шириной в 10 сажени, а боковые канавы – глубиной 0,25 сажени. Впервые при переходе заболоченных мест применялись насыпи взамен гатей и настилов.

«В 1908 г. строилась 21 дорога общей стоимостью 147 443 руб. 11 коп., а также 11 дорог достраивались или ремонтировались, на что было потрачено 111 352 руб. 71 коп.»⁵. Необходимо отметить, что в этом году вновь обнаруживается несовпадение сметной стоимости работ реальным затратам на дорожное строительство, что объясняется «недостаточными объемами изысканий при проведении дорог и намеренными сокращениями количества земляных работ»⁶. В 1909 г. в Томской губ. строилось шесть новых дорог, на строительство которых был выделен кредит в размере 232 600 р.

При составлении плана дорожных работ районная организация руководствовалась стремлением сосредоточить постройку в одной местности и, лишь обеспечив ее главными проезжими путями, переходить в другую. Так, в 1906, 1907, 1908 гг. усилия районной организации были направлены на обеспечение дорогами Алтайского и Золотоприискового подрайонов Томской губернии, в других подрайонах проводились незначительные работы. С 1909 г. центр строительства переселенческих дорог смещается в Тюхтетский подрайон. Такая система дорожного строительства позволяла заведующему дорожными работами детально вникнуть в местные особенности постройки и контролировать деятельность техников.

Работы по постройке дорог были поделены на участки, к 1909 г. их было восемь. Наиболее ответственные работы поручали старшим техникам, менее ответственные – младшим техникам, которые вместе с десятниками отвечали за качество работ. Завершенные работы оплачивал техник, которому поручалась работа на участке. За деньгами он ездил в Томск, где представлял оправдательные документы об израсходованных средствах. Эти поездки занимали два–три дня и плохо сказывались на ходе работ, что ставило вопрос о содержании артельщика для доставления денег на места работ. Цены на работы устанавливались заведующим дорожным делом, представлявшим свою расценку на рассмотрение совещания чиновников района с представителями местного контроля.

Направление, по которому прокладывается дорога, определялось изыскательной партией и закреплялось на местности пикетами и реперами. Партия по изысканию была снабжена нивелирами и рейками, угловым инструментом, лентой с кольшками и щупом для пробы грунта. «Большую пользу при строительстве дорог в глухой местности, где не существовало планов, приносили протоптанные тропы. Именно сложность природно-климатических условий приводила к ошибкам в подсчетах при проектировании работ, что вело к расхождению смет и реальной стоимости дорог»⁷.

Техник, заведовавший постройками, получал план, профиль, проектные чертежи и смету дороги. Он разбивал вехами ширину полосы для корчевки и боковые части, подлежащие вырубке, при этом могли допускаться незначительные отклонения. Ширина полосы для корчевания составляла 5 сажени, вырубалось от 3,5 до 5 сажени в обе стороны от корчеванной полосы, вследствие чего общая ширина дорожной просеки составляла от 12 до 15 сажени.

После очистки просеки техник делал разбивку боковых канав так, чтобы полотно дороги между канавами было шириной 3 сажени. Уклон канавы не должен был давать воде застаиваться, в каждом пониженном месте делались трубы и отводные канавы. Обычно канава имела 0,25 сажени глубины, 0,15 сажени ширины по дну и 0,838 сажени ширины по верху. Комья земли, выброшенной из канав, разбивали лопатой и разравнивали по полотну дороги. «Земля, разравниваемая по полотну дороги и придающая ему выпуклую форму, укатывается конным катком,

нагруженным до 100–120 пудов»⁸. Такое полотно хорошо сохраняло форму и не давало глубокую колею. Хорошему состоянию полотна благоприятствовал нежирный глинистый грунт с примесью песка, характерный для Томской губ. Насыпи использовались не только для уменьшения уклона и подъема полотна дороги, но и для прохода через заболоченные места взамен гатей и настилов. Следует отметить, что создание насыпей делало дорогу прочнее, что снижало стоимость содержания и ремонта дорог (табл. 2).

Таблица 2

Цены на дорожные работы в Томской губ. в первое десятилетие XX в.⁹

Наименование работы, оплачиваемая единица	Цена, р.
Рубка и корчевка просеки шириной 15 сажень, 1 погонная верста	200
Рытье боковой канавы, 1 куб. сажень	1,45
Выравнивание земли, 1 погонная верста	15
Окончательная планировка дорожного полотна, 1 погонная верста	30
Укатка полотна, 1 погонная верста	16
Рытье отводной канавы, 1 куб. сажень	2
Одерновка полотна в клетку, 1 квадр. сажень	0,20
Установка верстового столба, 1 шт.	1,65
Укладка фашин плашмя, 1 квадр. сажень	1,2
Установка плетня, 1 квадр. сажень	0,9
Установка переездного мостика через канаву, 1 шт.	5
Земляные работы при ближней и дальней возке, 1 куб. сажень	2–3
Прокладывание отводной трубы диаметром 1 сажень, 1 шт.	40
Прокладывание отводной трубы диаметром 0,33 сажени, 1 шт.	10
Прокладывание отводной трубы диаметром 0,5 сажени, 1 шт.	16,5
Постройка моста длиной по верху 3 сажени, 1 шт.	69
Постройка моста длиной по верху 4 сажени, 1 шт.	100
Постройка моста длиной по верху 5 сажень, 1 шт.	115
Постройка моста длиной по верху 6 сажень, 1 шт.	132
Постройка моста длиной по верху 8 сажень, 1 шт.	176
Постройка моста длиной по верху 10 сажень, 1 шт.	220
Постройка моста длиной по верху 12 сажень, 1 шт.	264
Постройка моста длиной по верху 14 сажень, 1 шт.	340
Постройка моста длиной по верху 16 сажень, 1 шт.	390
Установка предохранительной тумбы, 1 шт.	0,4

Все построенные дороги представляли собой вполне удобные пути, проезжие в любое время года при условии содержания их в исправности. «Содержание полотна в исправности обходилось в среднем 40 руб. за версту, дополнительно к этому укрепление размытых откосов и текущий ремонт сооружений обходились по 20 руб. за версту. После чего общий расход на содержание дороги составлял в среднем по 60 руб. за версту»¹⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рахманов Н. П. Переселенческие дороги в Томской губ. СПб., 1910. С. 3.

² Дорожно-строительные работы на переселенческих участках Сибири. СПб., 1906. Вып. 31. С. 5.

³ Составлено по данным: Дорожно-строительные работы... С. 123–125; Переселение и землеустройство за Уралом в 1911 г. СПб., 1912. С. 257–259; Государственный архив Томской обл. (ГАТО). Ф. 239. Оп. 14. Д. 10. Л. 8–4; Оп. 20. Д. 6. Л. 44–57; Оп. 4. Д. 16. Л. 76–78.

⁴ Рахманов Н. П. Указ. соч. С. 22.

⁵ Переселение и землеустройство за Уралом в 1911 г. С. 135–136.

⁶ Рахманов Н. П. Указ. соч. С. 15.

⁷ Дорожно-строительные работы... С. 34.

⁸ Рахманов Н. П. Указ. соч. С. 17.

⁹ Составлено по данным: ГАТО. Ф. 239. Оп. 22. Д. 8. Л. 5–7; Оп. 20. Д. 2. Л. 44–52; Оп. 4. Д. 26. Л. 76–78.

¹⁰ Рахманов Н. П. Указ. соч. С. 19.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор О. Н. Катионов.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ВОЕННОЙ БИОГРАФИИ ГЕНЕРАЛА Н. В. РУЗСКОГО

В настоящей работе впервые характеризуется та часть биографии крупного российского военачальника, теоретика и практика ратного дела Николая Владимировича Рузского, которая приходится на период Первой мировой войны.

Участник двух войн – Русско-турецкой 1877–1878 гг. и Русско-японской 1904–1905 гг., 19 июля 1914 г. генерал Рузский, в ту пору занимавший должность помощника командующего войсками Киевского военного округа, был назначен командующим 3-й армией Юго-Западного фронта¹. И уже 5–6 августа 1914 г. 3-я и 8-я армии командующих Н. В. Рузского и А. А. Брусилова начали наступление в Галиции. Одним из первых сражений, на исход которого оказал решающее влияние командующий 3-й армией, было взятие Львова 21 августа (1 сентября) 1914 г. Овладение политическим и административным центром Галиции имело большое оперативное значение и способствовало включению в театр военных действий местностей Австрии и Германии, занятых русскими войсками.

Битва за Львов создала Рузскому большую популярность в общественных кругах. Он стал первым Георгиевским кавалером в Первую мировую войну. За успешные действия был награжден сразу двумя орденами Святого Георгия – 4-й и 3-й степеней². После окончания Галицийской битвы, которая позволила русским войскам занять всю территорию Галиции, Рузский был удостоен ордена Святого Георгия 2-й степени, а президент Французской республики «пожаловал его Большим офицерским крестом ордена Почетного легиона»³. Так в правительстве и обществе была оценена служба генерала на начальном этапе войны.

Но эта оценка не была однозначной. Многие его обвиняли в честолюбивых соображениях, считали его популярность не соответствующей его полководческим способностям. Документы времен Первой мировой дают возможность понять причины такого разного подхода к оценке военных решений Рузского. Это, прежде всего, отсутствие у главнокомандующих фронтов достоверной и оперативной информации об общем положении на фронтах. В связи со слабо поставленной стратегической разведкой сведения о противнике в Генштаб поступали поздно, что вынуждало менять решения и начинать военную операцию с планом, который не отвечал действительности. Определенную роль играли и субъективные моменты. Прежде всего, стремление рассматривать свой фронт как более важный, чем соседний. Отсюда объяснение известной недооценки значения тех задач, которые выпадали на долю другого фронта⁴.

В сентябре 1914 г. генерал Н. В. Рузский – главнокомандующий Северо-Западным фронтом. Он решает не только свои непосредственные задачи, связанные с военными действиями, но и проводит в жизнь российскую политику в отношении населения занятых областей. Организует интернирование и выселение вглубь империи граждан воевавших с Россией государств с оккупированных территорий Пруссии и Галиции. Это облегчало русской армии возможность вести боевые действия и позволяло реализовывать планы «слияния края» с империей⁵.

Военные заслуги, государственная деятельность Рузского в том же 1914 г. были отмечены Николаем II на высочайшей аудиенции. 22 сентября в условиях первого года войны царь зачислил главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта в свою свиту и возвел в генерал-адъютанты⁶. Этот чин, введенный еще Петром I, считался особенно почетным и дорогим отличием. Он налагал большую ответственность и большие нравственные обязательства на тех, кто носил на своих погонах генерал-адъютантские вензеля.

Второй год мировой войны ознаменовался переносом центра тяжести борьбы на Восточный фронт. Если в августе 1914 г. 79 % германских сил действовало против французской, британской и бельгийской армий и только 21 % – против русской, то в 1915 г. на востоке действовало уже до 40 %⁷. С началом кампании 1915 г. германское командование осуществило наступление против войск генерала Рузского. После упорных боев немцам удалось занять г. Августов. Главнокомандующий Северо-Западного фронта тяжело пережил трагедию гибели XX корпуса. Его обвинили в том, что он не дал командующему X-й армией Ф. В. Сиверсу «более определенных

указаний», «слишком поздно удостоверился в том, что тот весьма далек от истинной оценки оперативной обстановки». И когда Рузский предоставил генералу Сиверсу свободу действий, в соответствии со сложившимися обстоятельствами, «командующий X-й армией всё продолжал оглядываться в том направлении, где находился штаб главнокомандующего фронтом»⁸. Но на пути к Варшаве немцев ожидала неудача. В сражении под Праснышем Рузский умело организовал оборону войск фронта, а затем сам перешел в наступление. Противник был отброшен на территорию Восточной Пруссии.

Главнокомандующий Северо-Западного фронта был твердо уверен, что необходимо, обороняясь в Галиции, направить все усилия против главного противника – Германии. Однако Ставка верховного главнокомандующего приняла решение: усилить натиск на австро-венгерские войска и переключить Северо-Западный фронт только на оборонительные действия. Вскоре, как и предполагал Рузский, противник овладел инициативой и перешел в общее наступление. Отступление русской армии из Галиции без патронов и снарядов, с тяжелыми боями и переходами нанесло ощутимый удар по моральному самочувствию офицеров, солдат и самого главнокомандующего.

13 мая 1915 г. Н. В. Рузский заболел и сдал командование генералу М. В. Алексееву⁹. В течение трех месяцев он лечился в Кисловодске – одной из крупнейших госпитальных баз России того периода. Находясь вдали от передовой, генерал продолжал живо интересоваться военными делами и активно включился в решение государственных вопросов.

В самый разгар войны – 20 мая 1915 г. – Рузский был вновь назначен членом Военного совета (ранее он в нем состоял с 1909 г.), а теперь еще и членом Государственного совета. Это был высший законодательный орган Российской империи, с 1906 г. – верховная законодательная палата. В ней действовали три комиссии: личного состава и внутреннего распорядка, финансов и законодательных предложений. Комиссии по военным, сухопутным и морским делам, а также экономическая были образованы и функционировали в годы Первой мировой войны. Назначение Рузского в эти указанные Советы означало желание царя иметь в них опытного профессионала, специалиста по военным вопросам. Один из «высочайших» рескриптов Николая II заканчивался такими словами: «Ценя в Вас не только выдающегося военачальника, но также опытного и просвещенного деятеля по военным вопросам, каковым Вы зарекомендовали себя как член Военного совета, я признал за благо назначить Вас ныне членом Государственного совета»¹⁰. Активно работая в комиссии по военным вопросам, Рузский за короткий период с марта по июнь 1915 г. участвовал во введении в действие «Положения о военном налоге». Оно распространялось на лиц, призывавшихся к исполнению воинской повинности в 1911–1914 гг. В это же время был издан Устав о воинской повинности 1915 г.¹¹

Современная историография, анализируя кадровый состав высшего офицерства Первой мировой к 1914 г., приводит данные о том, что средний возраст генералов – участников войны составлял около 62 лет. Это были уже состоявшиеся личности. Они обладали значительными связями в среде высшей бюрократии. Родившиеся в первой половине XIX в., получившие боевой опыт в Русско-турецкой, Русско-японской войнах, многие из них внедряли образцы и идеалы военных кампаний прежней эпохи в войну начала XX столетия. Генералу Рузскому было 60 лет. Но он хорошо понимал особенности современной войны, «этого глобального военно-политического конфликта, в ходе которого на карту была поставлена судьба не только колоний и рынков сбыта, но и многих народов Европы»¹². Старый генерал отличался новизной военного мышления, масштабностью. Так, установлено, что отечественная система противодействия иностранным спецслужбам в 1914–1917 гг. была одной из лучших и опережала в своем развитии немецкую минимум на три года¹³. Уже на Юго-Западном фронте в 3-й армии генерала Рузского действовала чешская дружина. Она была организована 10 сентября 1914 г. согласно приказу «О формировании особых чешских воинских частей из добровольцев». Дружина не могла использоваться по своему прямому назначению – в качестве агитационного подразделения, так как армия была далека от вступления в Чехию, а тем более в Словакию. Командование 3-й армией по договоренности с чешскими организациями приняло решение использовать дружину в качестве фронтовой разведки. Решение оказалось верным. В мае 1915 г. во время тяжелого отступления русских войск чехи добывали ценнейшую информацию о позициях противника, его резервах, захватывали «языков»¹⁴. Это было новым явлением в разведке в условиях Первой мировой войны.

Три старых рода войск – пехота, артиллерия и конница – продолжали свое развитие под влиянием совершенствования военной техники. Основным и главным родом войск продолжала оставаться пехота. Из ее людского состава 70 % служило в сухопутных войсках, на артиллерию приходилось до 15 %, на конницу – до 8 %, на прочие войска – 7 % и более¹⁵. Затяжной характер войны предопределил возможность значительных изменений в оснащении войск вооружением и военной техникой, а также в военном искусстве. В период войны высшее командование скептически относилось к нововведениям. Так было с авиацией. Она оставалась на службе пехотно-артиллерийской армии, узко обслуживая ее интересы. Заслугой генерала Рузского было признание потенциальных возможностей авиации во время военных действий. Он был сторонником создания авиационных групп в армиях Северо-Западного фронта¹⁶. К концу 1916 г. авиация России сформировалась как отдельный род сухопутных войск. Начало же было положено в сентябре 1914 г. в армиях Северо-Западного фронта. Можно предположить, что обо всех этих и других усовершенствованных методах и приемах ведения современной войны генерал докладывал на Военном, а позднее и на Государственном советах, прикладывая силы для их утверждения.

После выздоровления Рузский в июне 1915 г. вернулся на фронт и принял командование 6-й армией Северо-Западного фронта. Но оно было непродолжительным, до августа 1915 г. Общее положение на Северо-Западном фронте, обширность охватываемого им оперативного района, сложность лежащих на нем задач вызвали необходимость разделения его на два фронта – Северный и Западный. Главкомандующим Северным фронтом был назначен Рузский. В обществе он по-прежнему воспринимался «как выдающийся стратег и блестящий военачальник»¹⁷. Однако болезнь прервала его пребывание в действующей армии: с декабря 1915 по август 1916 г. он лечился вновь в Кисловодске, но одновременно вел большую работу в Военном и Государственном советах. В мае 1916 г. Рузский был избран председателем Всероссийского общества памяти воинов русской армии и возглавил подвижническую работу по сбережению реликвий войны. Имея богатый опыт организации и проведения крупных юбилеев – Дней воинской славы России (1909, 1912 гг.), он многое сделал по сохранению исторической памяти и воспитанию гордости за воинскую доблесть России.

Вернувшись в августе 1916 г. в Псков, главкомандующий Северным фронтом, в ведение которого теперь попали Петроградский военный округ и весь Петроград, по-прежнему видел в германской армии главного противника, рассчитывал на активную роль Северного фронта. Но боеспособность войск падала под воздействием революционного брожения. В период наступления в Прибалтике (декабрь 1916 г.) Рузскому пришлось проявить жесткость, предав суду сотни солдат, не желавших воевать.

После отречения от престола Николая II генерал Н. В. Рузский продолжил службу. Но русский офицерский корпус, обескровленный Первой мировой войной и волной революционных событий, оказался разделенным «по классовому признаку» и был поставлен перед сложной проблемой выбора. Начался распад армии, и 25 апреля 1917 г. Рузский ушел в отставку, оставив дело всей своей жизни.

Таким образом, Первая мировая война составила большой по своему содержанию период жизни военачальника, командующего 3-й и 6-й армиями, главкомандующего Северо-Западным и Северным фронтами. Она раскрыла новые грани его полководческих способностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 442. Оп. 864. Д. 237. Л. 3.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 168 433. Л. 8.

³ Историческая летопись // Ист. вестник. 1915. № 5. С. 925.

⁴ История Первой мировой войны 1914–1918 гг. М., 1975. Т. 1. С. 359.

⁵ Савченко В. Н. Восточная Галиция в 1914–1915 гг. (национально-политическая ситуация и политика российской администрации) // Отечеств. история. 2002. № 5. С. 17.

⁶ Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам: воспоминания. М., 1958. С. 48.

⁷ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. Т. 2. С. 159.

⁸ Каменский М. П. Гибель XX корпуса 8/21 февраля 1915 г.: по архивным материалам штаба X-й армии. Пг., 1921. С. 29.

⁹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 168 433. Л. 10.

¹⁰ Бонч-Бруевич М. Д. Указ. соч. С. 60.

¹¹ Кавказский календарь на 1916 г. Тифлис, 1915. С. 143.

¹² Данилов Ю. Н. На пути к крушению // Военно-исторический журнал. 1994. № 12. С. 34.

¹³ Яковлев Л. С. Разведки Четвертного союза и контрразведка России в Первой мировой войне // Свободная мысль. 2008. № 2. С. 156.

¹⁴ Татаров Б. «Мы чехи! Убейте нас, если сможете» // Родина. 2008. № 9. С. 68.

¹⁵ Дююи Э. Э., Дююи Т. Н. Всемирная история войн, 1800–1925. СПб.; М., 1998. Кн. 3. С. 675.

¹⁶ РГВИА. Ф. 493. Оп. 15. Д. 9. Л. 57.

¹⁷ Хроника // Нива. 1915. № 30. С. 199.

УДК 94(47)

С. Е. Глушков

Новосибирский государственный педагогический университет

ЗДОРОВЬЕ И ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ: ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КОНЦА ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Численность населения, его возрастная и половая структура, размещение и плотность, национальный и сословный состав не являются неизменными. Они находятся под воздействием многих жизненных обстоятельств и социальных катаклизмов, происходящих в обществе. На сегодняшний день мало изучена проблема влияния на развитие демографических процессов второй половины XIX – начала XX в. всевозможных эндогенных и экзогенных факторов. Исследование состояния здоровья людей и уровня заболеваемости народонаселения Западной Сибири в контексте историко-демографических процессов кажется нам весьма актуальным. В обозначенный период в стране и на ее восточной окраине происходила трансформация всего жизненного уклада общества, внедрялись в практику открытия медицинской науки, активизировалось переселенческое движение, что влияло и на демографическую обстановку. Остается открытым вопрос о том, когда за Уралом стали складываться предпосылки и появились первые признаки перехода от традиционного к современному режиму воспроизводства населения. Так, В. А. Зверев, А. Н. Сагайдачный, В. А. Скубневский и Ю. М. Гончаров полагают, что в Сибири демографический переход начался в конце XIX – начале XX в., а В. А. Исупов видит первые признаки демографической модернизации не раньше второй половины 1920-х гг.¹ Изучение факторов и уровня здоровья, параметров заболеваемости, особенностей жизнесохранительного поведения горожан и сельских жителей края в комплексе с данными о смертности и продолжительности жизни позволит уточнить имеющиеся характеристики режима воспроизводства населения в регионе, дополнительно обосновать или скорректировать концепцию втягивания Сибири в демографическую модернизацию, охарактеризовать условия проживания старожилов и новоселов.

Также отметим, что на необходимость детального исследования здоровья и заболеваемости людей в контексте историко-демографических процессов уже указывали некоторые известные ученые на разных этапах развития предметной области исторической демографии. Эти замечания подчеркивают научную актуальность нашего предстоящего исследования².

Хронологический рамки исследования включают вторую половину XIX – начало XX в. В эти годы Сибирь, как и страна в целом, вступила в новый период развития, качественно отличный от предшествующего. Великие реформы 1860–1870-х гг. обусловили значительные изменения во всех сферах жизни общества. Восток страны становится объектом массовых миграций, постоянно увеличивается приток населения в города из сельской местности, претерпевают изменения экономические, правовые, социокультурные основы устройства жизнедеятельности населения, что определенно сказывалось на демографической обстановке в регионе. В России с этим временем связывают один из этапов перехода от традиционного к модернизированному обществу. На рубеже веков, по мнению ведущих историков и демографов, страна начинает втягиваться в «демографическую революцию» – смену традиционного типа воспроизводства населения современным типом возобновления поколений. Верхняя граница работы обусловлена

становлением советской власти, при которой осуществилось тотальное преобразование всех сфер жизни общества на качественно иных началах.

Территориальные рамки исследования охватывают Западную Сибирь в административных границах Томской и Тобольской губерний, Омского уезда Акмолинской обл. В указанный период в обозначенном регионе наблюдается большая, по сравнению с Восточной Сибирью, численность населения, коэффициент плотности размещения людей был выше, что приводило к более частому вспыхиванию эпидемических заболеваний. По этой причине становится возможным точнее определить долю летальности от какой-либо болезни, структурировать смертность по причинам и выявить ее влияние на общую демографическую обстановку в регионе.

Для корректной постановки проблемы необходимо обратиться к *исследовательской литературе*, в которой освещаются вопросы демографической истории России и Сибири второй половины XIX – начала XX в., характеризуются естественные и общественные факторы, влиявшие на здоровье и уровень заболеваемости людей.

В дореволюционной отечественной историографии демографические процессы Западной Сибири периода капитализма и факторы, влиявшие на них, получили частичное освещение. Для нас особо значимы труды, характеризующие смертность и плотность населения, так как «точное знание законов смертности какой-либо страны имеет решающее значение в суждениях о ее санитарном положении и жизненной силе населения»³, красноречиво характеризует уровень здоровья и заболеваемости людей. Исследователи (В. Борткевич, Л. Бессер, Н. А. Рубакин, С. А. Новосельский, А. И. Ефимов, П. М. Головачев, Д. А. Клеменц и др.) приводят данные о населении страны и региона, вычисляют показатели смертности и продолжительности жизни, устанавливают факторы, влиявшие на выживаемость людей, особенности летальности населения, выдвигают предположения о роли смертности в общем благосостоянии народа.

В работах медико-демографического профиля, которые в своем большинстве написаны врачами (А. И. Судаков, Е. Н. Анучин, А. И. Ремезов), поднимаются вопросы влияния природных, экономических, санитарно-гигиенических условий на здоровье, заболеваемость и смертность населения. Авторы указывают факторы, от которых зависит физическое состояние людей, описывают причины возникновения и распространения инфекций, анализируют эффективность работы медицинского персонала.

Представители областнического движения (Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев) сравнивают антропологический и этнографический материал сибирских и «российских» жителей, на основании этого выводят «особый тип» сибирского человека, который оказывается более приспособленным к суровым климатическим условиям региона. Приходят к заключению, что население Сибири физически и социокультурно отлично от русского населения Европейской России.

В советское время произошел прорыв в российской науке при изучении факторов, влияющих на демографические процессы. Демографы, врачи, статистики (В. В. Паевский, С. М. Богословский, С. А. Новосельский, Г. А. Баткис и др.) классифицировали инфекционные болезни по мере их влияния на здоровье, выявили уровень заболеваемости жителей в отдельных городах и районах России. Соотнесли полученные данные с демографическими показателями и уточнили влияние благосостояния семьи, труда, отдыха и образа жизни людей на процессы смертности, рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни населения.

Историки (В. В. Воробьев, Л. М. Горюшкин, В. А. Пронин, Е. И. Соловьева, В. А. Зверев и др.) выявили сибирские демографические процессы второй половины XIX – начала XX в. Ими определены людность и структура семьи, рассчитаны численность и плотность размещения населения, охарактеризованы его состав и образ жизни. Разработана источниковедческая база исследований, уточнены ее особенности, определена степень достоверности статистических материалов. Ученые отметили начавшиеся с середины 1880-х гг. качественные сдвиги в динамике населения Сибири, проследили изменения его социально-классовой и половозрастной структуры, определили специфику механического и естественного движения. Проблемой формирования и функционирования западносибирской системы здравоохранения занимались Б. Н. Палкин, Н. П. Федотов, Г. И. Мендрин, П. А. Бова, В. Ф. Олейниченко, В. П. Березин и др. Они охарактеризовали врачебное дело Сибири, раскрыв вопросы санитарной и эпидемиологической обстановки в регионе; противоэпидемиологических мер, городской, сельской, переселенческой, приисковой и тюремной медицины; общественного и профессионального положения врачей; состояния медицинской учебной части.

Доклад и публикация Н. А. Миненко о влиянии народной медицинской практики на демографическое развитие сибирской деревни задавали качественно иное направление в изучении народонаселения Сибири. Как отмечает сам автор, такая постановка проблемы пока «не стала ... предметом специального исследования», а между тем народная врачебная деятельность «обеспечивала относительно надежную защиту от целого ряда заболеваний» и оказывала влияние на темпы естественного прироста населения⁴.

На современном этапе историографии нашей темы некоторыми учеными уже выявлено влияние эндогенных и экзогенных факторов на демографическую обстановку в России и Сибири. Так, С. Г. Скобелев в серии статей выясняет реальную роль заболеваемости в демографическом развитии коренных народов Сибири в XVII–XX вв., утверждает, что все основные болезни эпидемического характера были известны на востоке страны еще с эпохи раннего Средневековья, разделяет территорию Сибири на зоны, в которых преобладают различные болезни. Он приходит к выводу о том, что эпидемии и распространение алкоголизма наложили заметный отпечаток на демографическом развитии коренных сибирских народов, в первую очередь существенно сокращая их численность⁵.

Американский историк С. Л. Хок, структурируя смертность от голода и болезней в приходе Борщевка Тамбовской губ. в период 1830–1912 гг., отмечает, что в обществе, которое постоянно подвергается влиянию болезней, восприимчивость к инфекциям и интенсивность их действия могут в значительной степени определяться демографическими факторами, семейными нормами и климатическими условиями. Исследователь полагает, что высокий уровень смертности в то время объяснялся скорее высоким уровнем рождаемости, большой людностью семьи, малым размером жилищ и ранней практикой отнятия детей от груди, нежели факторами, связанными с доступностью пищи и структурой питания, в особенности частотой и влиянием неурожая⁶.

Усилиями сибирских ученых в постсоветское время сельское и городское население Сибири второй половины XIX – начала XX в. получило широкое освещение в исследовательской литературе. В первую очередь выделяются работы обобщающего характера В. А. Зверева, Ю. М. Гончарова и В. А. Скубневского. Авторы раскрыли сибирские демографические процессы в контексте теории модернизации традиционного общества и концепции демографического перехода. Также на современном этапе изучения народонаселения Западной Сибири можно выделить ряд работ, в которых объектами историко-демографического исследования становились отдельные села, города, социальные и этнические группы (А. Н. Сагайдачный, А. А. Бурматов, Г. А. Ноздрин, В. Н. Шайдулов, В. С. Чутчев, Т. Г. Титова).

С учетом наличных историографических итогов, *цель нашей работы* заключается в том, чтобы охарактеризовать влияние здоровья и заболеваемости населения Западной Сибири на историко-демографические процессы второй половины XIX – начала XX в. Первоочередные *задачи исследования* можно сформулировать следующим образом: 1) обобщить демографические характеристики населения Западной Сибири периода капитализма и сравнить их с общероссийскими и мировыми показателями; 2) выявить зависимость здоровья населения от постановки медико-санитарного дела в регионе; 3) проанализировать воздействие природно-географических, социально-экономических и информационных факторов на воспроизводство здоровья населения; 4) дать количественную и качественную оценку влияния заболеваемости на характеристики режима воспроизводства населения Западной Сибири.

В исследовании планируется использовать значительный корпус разнообразных источников. Необходимо задействовать опубликованные источники (законодательные и другие нормативные акты, статистические материалы, этнографические описания, периодическую печать, сельскохозяйственные переписи, отчеты губернаторов и др.) и неопубликованные материалы из центральных и региональных архивохранилищ страны. Особо значимы для нашей работы ежегодные «Обзоры» Томской и Тобольской губерний, Акмолинской обл., «Отчеты Медицинского департамента МВД» и «Отчеты о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России», аккумулирующие сведения об естественном движении населения страны и регионов, о состоянии медицинского обслуживания, заболеваемости людей. С помощью этих данных мы надеемся охарактеризовать специфику и эффективность врачебного и санитарно-просветительного дела за Уралом, ранжировать перечень болезней, распространенных на территории Западной Сибири, оценить основные причины обращения жителей к профессиональным медицинским кадрам. Существенны для исследования различные описания быта людей,

написанные чиновниками, учеными, врачами, учителями, политическими ссыльными, путешественниками и местными жителями. В них отражен материал о санитарно-гигиеническом состоянии населенных пунктов, дворов и жилищ, о методах первоначального ухода за детьми, обстоятельствах смертности, о хозяйственном быте, пище, одежде людей, их культуре, времяпровождении и формах общения.

В работе предполагается задействовать теоретический аппарат, отражающий достигнутый в настоящее время уровень междисциплинарного историко-демографического научного знания. При исследовании обозначенной проблемы мы планируем применить следующие методологические концепции.

Теория модернизации традиционного общества, в процессе которой осуществился переход от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному. Этот переход осуществляется на протяжении длительного исторического периода с петровских реформ по сегодняшний день. На каждом новом витке возникает определенный элемент новизны в государственном и общественном устройстве. Модернизация оказывает воздействие на все сферы общественной жизни – экономическую, социальную, правовую, политическую, культурную⁷.

Теория демографического перехода, суть которого заключается в изменении режима воспроизводства населения. Устанавливается индивидуально-семейный контроль над рождаемостью потомков, который приводит к снижению общей рождаемости. Совершенствуется забота о детях, что приводит к уменьшению показателей смертности, увеличивается продолжительность жизни населения. Расширяется свобода выбора брачного партнера и форм совместной жизни, все более распространяются нуклеарные семьи, увеличивается средний возраст вступления в брак, уменьшается людность домохозяйства. Переносится центр тяжести социального контроля над демографическим и семейным поведением людей с институционально-коллективного на индивидуальный уровень: «внешний» контроль со стороны государства, церкви и сельской общины уступает место самоконтролю⁸.

Концепция эпидемиологического (санитарного) перехода, сущность которой заключается в том, что по достижении тем или иным обществом определенного, достаточно высокого уровня развития начинается смена одного типа патологии, определяющей характер заболеваемости и смертности населения, другим ее типом, одной структуры болезней и причин смерти – другой. В структуре «старой» патологии важное место занимают инфекционные и паразитарные болезни, решающая роль здесь принадлежит экзогенным факторам, в структуре «новой» патологии на первое место выходят заболевания и причины смерти, обусловленные преимущественно эндогенными факторами, связанные с естественным старением человеческого организма, возрастным снижением его жизнеспособности, сопротивляемости неблагоприятным внешним воздействиям. Первичными факторами изменений являются социально-экономические условия, наблюдается прогресс в области медицины и санитарии, процесс отступления инфекционных болезней и голода происходит медленно, вследствие чего наблюдается минимизация последствий взрывоподобного роста населения⁹.

В заключение отметим, что обозначенные нами подходы и способы исследования в процессе работы над темой могут измениться, так как большую роль в поиске ответов на поставленные вопросы играет источниковедческий и историографический материал. Наша программа изучения проблемы является гибкой. Под этим подразумевается «не устранение тех или иных элементов программ, а нарушение привычной последовательности некоторых этапов изучения, изменение интерпретации понятий, переформулировка гипотез, исправления в системном анализе изучаемого объекта, которые вносятся в программу, если в ходе работы обнаружился недостаток в отдельных ее элементах или если исследование приобретает неожиданный поворот»¹⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Зверев В. А.* Воспроизводство сельского населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992. С. 27; *Сагайдачный А. Н.* Демографические процессы в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000. С. 37; *Скубневский В. А., Гончаров Ю. М.* Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2003. Ч. 1. С. 160; *Исупов В. А.* К вопросу о начале процесса демографического перехода в Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 12–16; и др.

² Шелестов Д. К. Историческая демография. М., 1987. С. 106; Зверев В. А. Продолжительность жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX в. // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири. Новосибирск, 1997. С. 101; Миронов Б. Н. Новая историческая демография имперской России, ч. 3. URL: <http://bironov.spb.ru/sochist.php?mn=2&lm=1&lc=art17>.

³ Бессер Л., Боллод К. Смертность, возрастной состав и долговечность православного народонаселения обоего пола в России за 1851–1890 гг. СПб., 1897. С. 1.

⁴ Миненко Н. А. Влияние народной медицинской практики на демографическое развитие сибирской деревни в первой половине XIX в. // Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. М., 1984. С. 153–154.

⁵ Скобелев С. Г. 1) Причины колебаний численности коренных сибирских народов в XVII–XIX вв. // Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992. С. 73–83; 2) Влияние заболеваемости на динамику численности коренного населения Сибири в XVII–XIX вв. // Сибирская заимка. 2002. № 3. URL: http://www.zaimka.ru/03_2002/skobelev_epidemic.

⁶ Хок С. Л. Голод, болезни и структура смертности в приходе Боршевка, Россия 1830–1912 гг. // Социально-демографическая история России XIX–XX вв. Тамбов, 1999. С. 3–29.

⁷ Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопр. философии. 1993. № 7. С. 3–39; Поляков Л. В. Методология исследования российской модернизации // Полис. 1997. № 3. С. 5–15; Опыт российских модернизаций, XVIII–XX вв. М., 2000.

⁸ Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество. М., 1982; Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006. С. 9–12, 137–139.

⁹ Омран А. Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // Проблемы народонаселения: о демографических проблемах стран Запада. М., 1977. С. 57–91; Демографическая модернизация России... С. 257–259.

¹⁰ Миронов Б. Н. Историк и социология. Л., 1984. С. 37.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор В. А. Зверев.

УДК 94(47)

Н. А. Давыденко

Новосибирский государственный педагогический университет

ЧЕЛОВЕК, УЧЕНЫЙ, ПАТРИОТ. ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ТОМСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО АГРОНОМА И. К. ОКУЛИЧА

Иосиф Константинович Окулич. Сегодня это имя мало кому известно, разве что очень узкому кругу исследователей по истории сельского хозяйства Сибири начала XX в. Возможно, кто-то укажет, что был такой чиновник, который возглавлял Томскую правительственную агрономическую службу на рубеже XIX–XX вв., а затем стал начальником управления государственными имуществами Енисейской губ. Знарок творчества М. М. Пришвина вспомнит, что эту фамилию он встречал в дневниковых записях писателя. Специалист по научному наследию русского ученого Д. Н. Прянишникова уточнит, что последний длительное время состоял в переписке с Окуличем. Историк по проблемам Русского Зарубежья добавит об Окуличе как о видном деятеле белоэмигрантского движения в Америке.

Что же за человек стоит за всеми этими разрозненными, отрывочными, скудными свидетельствами? Стоит ли он того, чтобы сегодня «вытаскивать» из небытия его имя? И зачем это нужно делать?

Впервые его фамилию мы встречаем в материалах о поездке в Сибирь осенью 1895 г. министра земледелия и государственных имуществ. А. С. Ермолов, анализируя немногочисленные примеры новаций в хозяйстве сибиряков, отмечал, что дворянин Окулич на собственные средства устроил в Красноярске ферму с 15 коровами и стал заниматься производством сыра. Заметим, что сыроварение в России в это время еще только зарождалось. Сыроварня Окулича, возможно, была одной из первых или даже самой первой на территории Сибири. Далее Алексей

Сергеевич писал об инициативах Окулича: тот предлагал «свои услуги по части устройства опытного поля и консультаций» и просил «поручить ему исследование скотоводства»¹.

На основании вышеприведенных данных можно предположить, что между очным или заочным знакомством министра с Окуличем и назначением последнего в феврале 1897 г. на учрежденную в 1894 г. должность правительственного агронома Томской губ. существовала определенная связь. К этому времени Окулич служил агентом при Ачинском переселенческом пункте в Енисейской губ.

Согласно инструкции, утвержденной министром земледелия и государственных имуществ 31 января 1898 г., томский и тобольский правительственные агрономы обязаны были «всесторонне изучать хозяйство губернии», «оказывать содействие местным хозяевам и крестьянскому населению в развитии и улучшении их хозяйств», проводить испытания сельскохозяйственной техники, осуществлять контроль за деятельностью сельскохозяйственных учебных, опытных и показательных заведений, руководить работой инструкторского персонала и т. д. И каждые четыре месяца информировать ведомство о своей деятельности и тех мерах, которые могли бы оказаться полезными для развития сельского хозяйства губернии².

Другими словами, от правительственного агронома требовалось быть универсалом в своем деле, организатором и проводником разнообразных новшеств, хорошим управленцем, умеющим налаживать и координировать работу государственных, общественных учреждений и частных лиц, а также «пробивать» средства в высших эшелонах власти, доказывать необходимость осуществления тех или иных мероприятий, отстаивать позиции на разных уровнях. И к тому же обладать определенными качествами исследователя. В условиях неразработанности многих практических и теоретических вопросов в области российского и в особенности сибирского земледелия и животноводства первым сибирским агрономам приходилось постоянно экспериментировать, проводить всевозможные опыты, отслеживать и соотносить их результаты с имеющимися научными данными. В конечном итоге, брать на себя ответственность за рекомендуемые способы ведения земледелия и животноводства, семена зерновых и кормовых культур, те или иные виды сельскохозяйственной техники.

Возникает закономерный вопрос, а под силу ли было одному человеку справиться со столь многообразными обязанностями? Изменить к лучшему ситуацию в сельском хозяйстве губернии, размеры которой исчислялись сотнями тысяч верст, а население составляло почти 2 млн человек? Да еще в условиях, когда штат новой организации первоначально насчитывал всего несколько человек, а сама она делала первые шаги в своем становлении. В поисках ответа на поставленный вопрос обратимся к источникам. Вот лишь несколько фактов.

Под руководством Окулича в 1898 г. открывается первая в Сибири Томская низшая сельскохозяйственная школа 1-го разряда, а в 1902 г. – первая в Сибири школа молочного хозяйства при Каинской сельскохозяйственной ферме. Непосредственно Иосифом Константиновичем разрабатывается проект создания Омской школы молочного хозяйства, которая начинает действовать в 1904 г. Под наблюдением томского агронома в разных районах губернии закладываются опытные участки с посевами кормовых трав, тем самым создаются условия для развития искусственного травосеяния. По его ходатайству департамент земледелия выделил для Томской, Тобольской губерний и Акмолинской обл. 40 экземпляров породистых свиней-беркширов. Они были закуплены Окуличем в лучших российских хозяйствах. Таким образом, было положено начало организации племенных рассадников в Западной Сибири. При деятельном участии Иосифа Константиновича была подготовлена почва для открытия немногих тогда в России лабораторий молочного хозяйства. Они разместились в Томске, Каинске, Змеиногорске, Барнауле, Омске и по своей сути представляли собой исследовательские учреждения в области маслодельной промышленности. В их функции входило изучение продуктов молочного хозяйства, предназначенных на экспорт, выработка стандарта сибирского сливочного масла, оказание помощи маслоделам.

По заданию Окулича на базе сельскохозяйственных ферм и школ периодически стали устраиваться испытания разных типов земледельческих орудий и машин, проводиться ежегодные конкурсы маслоделов. Успешные результаты деятельности Каинской сельскохозяйственной фермы по повышению продуктивности молочного животноводства активно использовались Окуличем как весомый аргумент в пользу его точки зрения (которая тогда разделялась далеко не всеми специалистами) о целесообразности улучшения породы сибирского скота на местной генетической основе, а не путем «прилития крови животных иностранных пород». В ближайшем будущем позиция Окулича нашла поддержку среди его сибирских коллег. Одним из глав-

ных направлений работы агрономических служб по животноводству в предвоенные годы станет улучшение местных пород скота путем правильного подбора производителей и изменения условий содержания и ухода.

По распоряжению министра земледелия томский правительственный агроном занимается вопросами подбора и выписки сельскохозяйственных орудий и машин для сельскохозяйственных складов в Тобольской, Томской, Енисейской губерниях, в Акмолинской обл. В ходе месячной командировки в 1902 г. изучает возможности для открытия аналогичных складов на территории Забайкальской обл. Одновременно проводит большую работу по комплектованию штатов сибирской организации специалистами по молочному хозяйству. Их поиск и подбор затруднялся тем, что Россия почти не располагала кадрами в данной области. По разрешению Ермолова он совершил поездку в Остзейский край, Швецию, Швейцарию, Финляндию, Данию, Германию, в ходе которой для работы в Сибирь были приглашены 10 мастеров маслоделия. Им же были подобраны кандидатуры заведующих лабораториями молочного хозяйства.

Всего же в течение одного лишь 1902 г. на службу в томскую организацию поступило 27 новых сотрудников, в основном специалистов по молочному делу. Такое значительное пополнение кадров являлось событием выдающимся, принимая во внимание тот факт, что сельскохозяйственное ведомство страны располагало весьма ограниченным числом работников.

Помимо перечисленных мероприятий, осуществлявшихся под наблюдением, руководством или при непосредственном участии Окулича, можно назвать целый ряд других. Это – открытие семенной станции на ст. Обь, участие в подготовке Томского съезда деятелей по маслоделию в 1903 г., в работе губернского Комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности, редактирование книг по маслоделию, сотрудничество с сельскохозяйственными обществами Томской и Енисейской губерний, с редакциями отечественных и зарубежных периодических сельскохозяйственных изданий. Таков далеко не полный перечень дел Окулича за период его руководства Томской агрономической службой в 1897–1903 гг. Фактически усилиями одного из первых правительственных агрономов и его коллег создавались условия для модернизации ведущих отраслей сельскохозяйственного производства в Сибири. Формировались и отшлифовывались принципы, содержание и методы работы агрономической службы, многие из которых были использованы уже в советское время.

В настоящей статье мы стараемся воссоздать портрет И. К. Окулича, представить себе образ чиновника, стоявшего у истоков сибирской агрономии. Каким же он нам видится?

Во-первых, перспективным, подающим надежды молодым человеком. В момент назначения на должность правительственного агронома ему исполнилось 25–26 лет. Это означает, что он находился в самом расцвете физических и творческих сил. Он сумел обратить на себя внимание такого видного государственного деятеля, как А. С. Ермолов. Последний поддерживал многие начинания молодого чиновника и, надо полагать, способствовал его карьерному росту.

Во-вторых, Окулич представляется нам энергичным, деловым и достаточно успешным руководителем, точно знающим, что и как нужно делать в данный момент. Он всегда имеет собственное мнение и конкретный план действий по разрешению самых разнообразных вопросов. Идет ли речь о конокрадстве или снабжении населения сельскохозяйственными орудиями и машинами, о работе ветеринарной службы или деятельности племенной государственной конюшни, о путях развития сельскохозяйственного образования в Сибири или экспорте сибирского сливочного масла. Интересно отметить, что большинство предложений Окулича, высказанных им в ходе работы Томского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902–1903 гг., были приняты членами комитета, а впоследствии реализованы на практике.

Иосиф Константинович – грамотный и эрудированный специалист, в лице которого удачно соединились черты теоретика и практика. Он находится в эпицентре инновационных преобразований, свободно ориентируется в мире новейших научных разработок в области сельскохозяйственной науки, о чем свидетельствуют его многочисленные ссылки на работы отечественных и зарубежных авторов. Критически анализируя и проверяя по мере возможности предлагаемые новинки, старается внедрять на практике те из них, которые могли бы принести ощутимую пользу населению. Выпускник агрономического отделения Цюрихского политехникума, он неуклонно следовал правилу «Конечная цель всякого знания есть его употребление»³.

В полной мере ему были присущи такие качества, как увлеченность, неравнодушное отношение и любовь к людям и работе. Особенный интерес он проявлял к проблемам развития сибирского скотоводства. «Во время своих поездок чрезвычайно важному вопросу для Западной

Сибири, а именно, об улучшении местного рогатого скота, я уделял самое большое внимание», – писал Иосиф Константинович в одном из своих отчетов⁴. Всеми доступными для него способами он пропагандировал идею о необходимости обратить внимание на достоинства сибирского молочного скота – основы сибирского маслоделия. «Постоянное обращение за советом указать, где достать племенного быка, будет ли по нашим сибирским условиям подходящая голландская, симментальская или холмогорская порода и т. д., побуждает меня дать несколько указаний, установить путем печати тот взгляд, которого придерживаюсь в этих вопросах», – этими словами Окулич начинал обширную статью, опубликованную в одном из номеров «Отдела сельского хозяйства и кустарной промышленности»⁵. В ней он предостерегал крестьян от увлечения «заморским скотом», ориентировал их на рациональные способы содержания и ухода за животными, просто и доходчиво формулировал несколько простых правил, которые, по его мнению, должны были войти в обиход сибирского скотовода. Страсть к молочному животноводству он пронес через всю свою жизнь. Уже находясь в эмиграции в Канаде, Окулич не переставал интересоваться судьбой сибирского молочного скота.

Иосиф Константинович был убежден, что любовь к делу определяла успех всякой деятельности. Например, одной из причин неудовлетворительного состояния учебного процесса в сельскохозяйственных школах, наряду с недостаточностью вознаграждения педагогов и педагогической подготовки кадров, он назвал «отсутствие в большинстве случаев любви к делу» со стороны отдельных преподавателей. Или, размышляя о судьбе только что организованных лабораторий молочного хозяйства, он с тревогой писал: «С учреждением пяти лабораторий ... в районе моей деятельности положено основание новой эре в области агрономической работы в крае. Дело теперь заключается в тех людях, коим вверены эти лаборатории, зависит от их знаний, их любви к делу, их работоспособности»⁶. В условиях острого дефицита в России профессиональных кадров в этой области можно понять его тревогу по поводу обеспечения нормальных условий развития нового дела.

Трудолюбие – вот еще одна характерная черта Иосифа Константиновича. «Отвлекаясь на просьбу», «видя заинтересованность местных хозяев», «отзываясь на приглашение», «выполняя поручение», он составляет смесь из кормовых трав, предназначенных для посева на крестьянских полях, проверяет степень пригодности различных типов сельскохозяйственной техники к сибирским условиям, демонстрирует деятельность сепараторов, пишет рекомендации для крестьян по уходу за молочным скотом и т. д. И бесконечные разъезды... Проектируя Омскую школу молочного хозяйства, он несколько раз ездит осматривать подходящий участок, а в отчете за 1902 г. пишет: «В течение отчетного года я из Томска съездил на Александринскую ферму 5 раз и 14 раз – на Томскую, сделав 6750 верст»⁷. А сколько было еще поездок, встреч, переговоров, судя по источникам, довольно продуктивных... Впечатляет также круг его знакомств: А. С. Ермолов, Д. Н. Прянишников, Н. Л. Скалозубов – это лишь некоторые имена блестящих ученых, с которыми он общался по роду своей деятельности в ходе многочисленных поездок в изучаемый период. Можно предположить, что это общение не прошло бесследно для молодого Окулича.

Мы осветили только некоторые стороны деятельности Окулича в томский период его жизни, но и они позволяют нам составить образ незаурядного талантливого человека, неутомимого труженика, в котором счастливо соединились обширные знания, организаторские способности, любовь к своему делу и родному краю. Человека, который оказался в нужное время на своем месте, там, где он смог в наибольшей степени проявить свои дарования на благо Сибири и оставить свой след в ее истории. К сожалению, на долгие десятилетия его имя, как и сотни других, оказалось незаслуженно забытым. Сегодня наступило время, когда оно вновь возвращается к людям. Это нужно нам, чтобы не прервалась связь времен и не исчезло бесследно то ценное наследие, которое оставили предыдущие поколения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ермолов А. С. Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. СПб., 1896. С. 18–19.

² Окулич И. К. Указатель маслодельных заводов Западной Сибири в 1902 г. Томск, 1903. С. 4–5.

³ [Окулич И. К.] Краткий сельскохозяйственный обзор Томской губ. за 1897 г. Томск, 1897. С. 1.

⁴ Окулич И. К. Отчет правительственного агронома по Томской губ. за 1899 г. департаменту земледелия. Томск, 1900. С. 27.

⁵ Окулич И. К. Несколько слов к нашим сибирским скотоводам // Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности. 1902. № 2. С. 22–24.

⁶ Окулич И. К. Отчет правительственного агронома по Томской губ. департаменту земледелия за 1902 г. Томск, 1903. С. 33.

⁷ [Окулич И. К.] Отчет правительственного агронома за 1897 г. департаменту земледелия. Томск, 1897. С. 5.

УДК 94(47) + 314

В. А. Зверев

Новосибирский государственный педагогический университет,
Институт истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск)

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ВТОРОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА В СИБИРИ: ОПЫТ МОДЕЛИРОВАНИЯ ВАРИАНТОВ*

В ряде моих работ обоснована концепция начала демографической модернизации Сибири в конце XIX – начале XX в. – вслед за Европейской Россией. В порядке ее развития здесь формулируется следующее положение: переход от традиционного типа воспроизводства населения к современному в той части Азиатской России, что была населена преимущественно русскими, разворачивался на начальном этапе в соответствии с двумя моделями – «старожильческой» и «переселенческой». Обе можно представить в количественно-статистическом и интерпретационно-описательном форматах.

В настоящей работе, как и во многих предшествующих, в качестве теоретико-методологической основы изучения процесса социально-демографического развития Азиатской России я использую *теорию демографического перехода*. Основы этой теории были заложены в 1930–1940-х гг. в зарубежной науке А. Ландри и Ф. Ноутстейном, с 1970-х гг. она применялась к анализу демографических процессов в России А. Я. Квашой, А. Г. Вишневым и другими учеными¹. В последней трети XX в. важные положения этой концепции были встроены в теорию модернизации традиционного общества. Общим элементом разных вариантов теории демографической транзиции является периодизация социально-демографического развития, соответствующая трем крупным этапам истории человечества (общество присваивающей экономики, традиционное аграрное, современное индустриальное общества). Считается, что каждому этапу соответствует определенный тип воспроизводства населения – единство интенсивности демографических процессов и механизмов их социального регулирования. Смена одного типа воспроизводства другим обозначается термином «демографический переход». Таким образом, *второй демографический переход* – это исторический процесс замены традиционного (неограниченного, экстенсивного, затратного) типа воспроизводства населения современным (ограниченным, экономным, рациональным) типом. Это переход от извечного равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости. Второй демографический переход сегодня признается важной составной частью цивилизационного перехода – модернизации традиционного аграрного общества в аспекте демографической модернизации.

В науке сложились представления о *хронологии второго демографического перехода* как глобального, национального и регионального процесса. Считается, что в истории человечества эпоха перехода началась с середины XVIII столетия (в Западной Европе) и закончится к концу XXI в. Различные страны вовлекаются в переход не одновременно, а «эшелонами», в масштабе одной страны переход продолжался от 60 до 190 лет, занимая в среднем 90 лет.

* Подготовлено в рамках междисциплинарного интеграционного проекта СО и ДВО РАН № 62 «Миграционные процессы в Азиатской России в XIX – начале XXI в.», а также при поддержке РГНФ, грант № 10-01-00247а «Западная Сибирь в контексте демографической модернизации».

В России, стране второго «эшелона» демографической модернизации, по мнению Б. Н. Миронина, переход происходил со второй трети XIX в. до 1960-х гг. Процесс «начался с западных губерний, населенных протестантами, католиками и иудеями, и постепенно распространился на восток и юг, охватывая сначала большие города, потом мелкие города, затем крестьянство губерний промышленной ориентации и, наконец, сельскохозяйственные регионы»². А. Г. Вишневецкий разработал другую хронологию, согласно которой начало второго демографического перехода в России относится к концу XIX – началу XX в., а завершения его здесь еще не произошло³. Применительно к Сибири вопрос о датировке начала второго демографического перехода впервые поставлен в моих работах 1990-х гг. Было сформулировано представление о том, что в 1860-х – середине 1890-х гг. в регионе стали складываться предпосылки демографической модернизации, а на рубеже XIX–XX вв., вслед за Европейской Россией, появились ее явные признаки. Стартовые проявления транзита в Сибири были выражены слабее, чем на западе Европейской России, в сибирских городах они проявились определеннее, чем в селениях⁴. Эти выводы затем нашли подтверждение, применительно к городам и селениям Западной Сибири, в трудах А. Н. Сагайдачного⁵, В. А. Скубневского и Ю. М. Гончарова⁶. Однако их оспаривает В. А. Исупов, называя «безрезультатными» попытки перехода к новому типу воспроизводства населения в Западной Сибири до 1942–1943 гг., когда впервые «удалось не только приостановить резкое повышение смертности тылового населения, но и добиться ее сокращения»⁷.

Значит, существует необходимость дополнительного обоснования нашей точки зрения. В данном случае я постараюсь сделать это, опираясь на *схему развития демографического перехода в разных регионах мира*, используемую в демографических прогнозах ООН. Эта схема выделяет четыре фазы транзита, конечный результат которой – стабилизация (прекращение роста численности) населения. Выделение фаз основано на сравнительной динамике общих коэффициентов естественного движения населения. *Первая фаза демографического перехода*, которая нас в данном случае интересует, знаменуется снижением коэффициентов смертности, которое опережает снижение коэффициентов рождаемости (последние могут на первом этапе и расти), в итоге в этой фазе общие коэффициенты естественного прироста достигают своего наибольшего значения⁸. С учетом схемы ООН вопрос о том, имели ли место в Сибири в конце XIX – начале XX в. начальные и достаточно устойчивые проявления демографической модернизации, можно переформулировать так: *снижались ли в указанное время в регионе общие коэффициенты смертности, опережал ли этот процесс сокращение коэффициентов рождаемости, наблюдались ли в итоге экстремальные темпы естественного прироста населения?* Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим показатели естественного движения населения Сибири, взятой в территориальных границах Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, Акмолинской и Забайкальской областей за 1884–1914 гг. (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика общих демографических коэффициентов
в Сибири конца XIX – начала XX в., %***

Годы	Смертность	Рождаемость	Естеств. прирост
1884–1886	34,7	48,7	14,0
1887–1891	33,1	45,9	12,8
1892–1896	35,7	48,8	13,1
1897–1901	32,0	49,9	17,9
1902–1905	31,2	47,6	16,4
1906–1909	34,0	52,3	18,3
1910–1914	31,9	51,5	19,6
1884–1896	34,5	47,6	13,1
1897–1914	34,1	53,3	19,2

* Данные таблиц 1–2 подсчитаны по источникам: Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за... [1886–1895 гг.]. СПб., 1888–1898; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за... [1896/1901–1914 гг.]. – СПб.; Пг., 1905–1916. За неимением в источниках не учитываются сведения по Акмолинской обл. за 1887–1889 и 1891 гг., по Забайкалью за 1887–1895 гг. Годовые показатели смертности и рождаемости измерены 1000-кратным отношением годового числа умерших и рожденных к средней численности населения в соответствующем году. Показатели за многолетние периоды равны средним арифметическим всех годовых показателей за конкретный период.

Сравнение между собой дробных 3–5-летних хронологических отрезков создает впечатлительные противоречивости картины: в диахронических рядах и смертности, и рождаемости, и естественного прироста показатели колеблются, то увеличиваясь, то сокращаясь, и генеральные векторы изменений не очевидны. Этот факт можно истолковать таким образом, что начальных проявлений демографического перехода динамика общих демографических коэффициентов не обнаруживает. Однако не следует торопиться с таким выводом. Если сравнивать между собой два более длительных хронологических отрезка – 1884–1896 и 1897–1914 гг., то *признаки первой фазы демографического перехода в масштабах всей Сибири налицо*. Смертность немного сократилась, а рождаемость подросла, и поэтому естественный прирост населения превысил 19 ‰, что свидетельствует о начинающемся демографическом «взрыве».

Сравним теперь динамику общих демографических коэффициентов в двух субрегионах Сибири – Иркутской и Томской губерниях, причем выделим только сельскую местность, где меньше всего можно ожидать обнаружения признаков демографической модернизации (табл. 2).

Таблица 2

**Естественное движение сельского населения в Томской и Иркутской губерниях
конца XIX – начала XX в., ‰**

Годы	Томская губ.			Иркутская губ.		
	Смертность	Рождаемость	Естеств. прирост	Смертность	Рождаемость	Естеств. прирост
1887–1889	25,5	48,6	23,1	39,8	48,3	8,5
1890–1892	30,0	48,6	18,6	32,7	46,7	14,0
1893–1895	37,1	63,6	26,5	39,2	47,7	8,5
1902–1905	28,9	52,3	23,4	35,0	45,0	10,0
1906–1909	34,7	58,0	23,3	32,2	45,0	12,8
1910–1914	32,5	55,7	23,2	28,7	45,0	16,3
1887–1895	30,9	53,6	22,7	37,2	47,6	10,4
1902–1914	31,8	55,4	23,6	30,4	45,0	14,6

В Томской губ. динамика показателей естественного движения населения выглядит еще более «неупорядоченной» и не отвечающей стандартам первой фазы демографического перехода, чем по Сибири в целом. Сравнение 3–5-летних микропериодов в первом приближении не выявляет закономерностей динамики: показатели то возрастают, то сокращаются. В промежутке между 1887–1895 и 1902–1914 гг. смертность не сократилась, а увеличилась (хотя и в меньшей степени, чем и рождаемость). Это увеличение никак не соответствует закономерностям первой фазы демографической транзитуции. В то же время небольшое усиление рождаемости и особенно естественного прироста этим закономерностям соответствует. В Томской губ. почти на всем протяжении изучаемого периода естественный прирост населения «зашкаливал» за 20 ‰ и был самым высоким во всей Азиатской России.

В Иркутской губ. динамика демографических коэффициентов во многом выглядит по-иному. Если исключить из анализа 1890–1892 гг., то наблюдаются последовательное, от одного 3–5-летнего периода к другому, и довольно быстрое сокращение смертности, а также небольшой спад рождаемости. Иркутские масштабы естественного прироста сильно уступали томским, но за время с 1893–1895 до 1910–1914 гг. они увеличились почти в два раза! *В деревенском населении Иркутской губ. явственно обнаруживаются все признаки первой фазы демографического перехода.*

Стараясь объяснить столь разительную специфику динамики естественного движения сельского населения двух губерний, мы пришли к убеждению, что решающее влияние здесь оказывает разница в составе этого населения. Томская губ. во второй половине XIX – начале XX в. – основной район массового притока аграрных мигрантов: например, в 1896–1913 гг. именно сюда водворилась почти половина из 3,2 млн переселившихся в Сибирь⁹. К 1914 г. новоселы составляли большинство сельского населения Томской губ. и весьма значительную часть городского. Иркутская же губерния в изучаемое время приняла небольшую часть переселенческого потока (в 1896–1913 гг. – всего 3,2 ‰¹⁰), и здешнее население состояло в основном из «чалдонов» – сибирских старожилов. Очевидно, переселенцы и старожилы Сибири в конце XIX – начале XX в., будучи носителями одностипных – традиционных – демографических представле-

ний и стандартов демографического поведения, в разной степени и разным путем втягивались в наметившийся переход к современному типу представлений и поведения. Специфика демографического поведения жителей (в Томской губ. – преимущественно переселенцев, в Иркутской – в основном старожилов) и породила существенную разницу в динамике общих демографических коэффициентов в субрегионах Сибири.

Проведенное выше сравнение динамики естественного движения населения в двух сибирских губерниях позволяет сделать следующее умозаключение. *Демографический переход в его первой фазе начинался в Азиатской России в соответствии с двумя моделями*, которые можно назвать «старожильческой» и «переселенческой». Обе они в той или иной мере отражают ситуацию на всем пространстве Сибири, поскольку почти везде двумя наиболее многочисленными категориями населения здесь были старожилы и новоселы. Однако каждая из них в разной степени соответствует реалиям конкретного субрегиона, поскольку соотношение доли «природных» сибиряков и переселенцев в населении разных губерний и областей было различным. В наиболее «чистом» виде обе модели представляют нам демографическую динамику деревенского населения, поскольку в городах разница в демографических установках и поведении старожилов и новоселов испытывала нивелирующее влияние со стороны урбанизационных процессов.

«*Старожильческая*» модель первой фазы демографического перехода может быть описана следующим образом. В среде давно укоренившегося старожилого населения Сибири демографическая модернизация начиналась по сценарию, близкому к «классическому». В поселениях «чалдонов» в изучаемое время опережающими темпами сокращалась смертность. Факторы этого сокращения: первые, пока еще скромные, успехи в деле формирования в нашем крае сети образовательных и медицинских учреждений, активизация культурно-просветительской деятельности общественности, положительные подвижки в развитии благосостояния старожилов. Начала (более медленными темпами, чем смертность) снижаться рождаемость. Увеличивался естественный прирост населения, оставаясь в целом относительно умеренным: демографический «взрыв» в среде старожилов, по-видимому, наступил ближе к завершению начальной фазы транзита – в 1920–1930-х гг.

Уже выходя за рамки специального разговора о динамике общих демографических коэффициентов, отметим и некоторые дополнительные особенности «старожильческой» модели. В многочисленных трудах историков и этнографов (в том числе в ряде моих работ¹¹) отмечались такие особенности демографической ситуации в среде сибиряков-«чалдонов» на рубеже XIX–XX вв.: наименьшая, по сравнению с переселенцами, распространенность эпидемических заболеваний, снижение уровня младенческой и детской смертности, рост модальной продолжительности жизни, уменьшение людности семьи и домохозяйства, упрощение их структуры, оптимизация соотношения мужчин и женщин в населении и т. д. В наибольшей степени «старожильческая» модель отражает особенности демографических процессов, протекавших в тех субрегионах Азиатской России, где в населении доминировали «природные» сибиряки (Иркутская губ., Забайкальская обл. и др.).

«*Переселенческая*» модель начальной фазы демографического перехода выглядит так. В среде недавних переселенцев демографическая модернизация проявлялась, прежде всего, в самом факте добровольной миграции по рациональным соображениям. Характерно, что в случае несоответствия условий поселения в Сибири их ожиданиям многие мигранты были готовы осуществить вторичный переезд в более подходящую местность. Смертность в экстремальных условиях переселения в этой среде была весьма высокой, хотя со временем и сокращалась. Обратите внимание, что во всем населении Сибири (см. табл. 1), в сельском населении Томской губ. (см. табл. 2) всплески смертности происходили именно в 1890-х гг. и в годы Столыпинской аграрной реформы, когда поток переселенцев на восток достигал наибольших масштабов. Большая смертность с лихвой компенсировалась высокой рождаемостью, которая объясняется необходимостью компенсировать демографические потери, обеспечить новое хозяйство в Сибири «земельными душами» и работниками, а также молодым составом миграционной волны. Именно в среде переселенцев прежде всего сложились максимальные показатели естественного прироста населения, достигнув, по данным 1906–1912 гг., 25–30 ‰¹². Затем демографический «взрыв» распространился и на другие категории сибирских жителей.

«Переселенческой» модели присущи также наиболее широкая распространенность эпидемий, экстремально высокая младенческая и детская смертность, редкие семейные разделы, сравнительно большая людность семьи и домохозяйства, более интенсивная брачность, половая дис-

пропорция в населении (преобладание мужчин) и т. д. В максимальной степени этой модели соответствовали демографические процессы в тех субрегионах Азиатской России, которые принимали наибольшее количество аграрных мигрантов – в Томской губ., Акмолинской обл. и др.

Но можно ли развитие демографических процессов в переселенческой среде Сибири увязывать с началом демографического перехода, если в этой среде имелось так много несоответствий с «классической» моделью последнего? Мне думается, что можно, ведь все эти несоответствия существовали только непосредственно в момент переселения и в первые несколько лет после него, когда происходило укоренение «лапотонов» на новых местах. Эти несколько лет заведомо не перекрывали хронологию всей первой фазы демографического перехода, которая длилась несколько десятков лет, по-видимому, до начала 1940-х гг. В процессе своего хозяйственного обустройства и «осибирячивания» в тесном контакте с «чалдонами» переселенцы усваивали новые демографические установки и корректировали свое демографическое поведение, расширяя таким образом социальный и территориальный ареал действия «старожильческой» модели первой фазы перехода.

В конце XIX – начале XX в. процессы, соответствующие обеим моделям, на пространстве Сибири, где переселенцы и старожилы уравнивались по своей численности, накладывались друг на друга. В реальности возникала картина, отличная от теоретического представления о том, как должны выглядеть начальные проявления демографической модернизации. Однако модернизация уже стартовала: стали меняться демографические представления и поведение сибиряков, что нашло отражение и в динамике показателей воспроизводства населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее о теории демографического перехода см.: *Вишневский А. Г.* Демографическая революция. М., 1976; *Chesnais J. C.* The Demographic Transition. Oxford, 1992; *Иванов С. Ф.* Демографический переход // Народонаселение: энцикл. слов. М., 1994. С. 105–112; и др.

² *Миронов Б. Н.* Историческая социология России. СПб., 2009. С. 136. См. также: *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1. С. 209–211.

³ См.: *Вишневский А. Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М., 2006; и др.

⁴ См.: *Зверев В. А.* 1) Воспроизводство сельского населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992. С. 27; 2) Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографического перехода в России // «Сибирь – мой край...»: проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 130–153; 3) Старт модернизации: демографические процессы в городах и селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Сибирь в XVII–XX вв.: демографические процессы и общественно-политическая жизнь. Новосибирск, 2006. С. 57–72; и др.

⁵ См.: *Сагайдачный А. Н.* Демографические процессы в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000. С. 23–37; и др.

⁶ См.: *Скубневский В. А., Гончаров Ю. М.* Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул, 2007. С. 67–93, 27–228; и др.

⁷ *Исупов В. А.* К вопросу о начале демографического перехода в Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 16.

⁸ *Иванов С. Ф.* Указ. соч. С. 108–110.

⁹ См.: *Горюшкин Л. М.* Переселенческое движение и народонаселение Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 1989. С. 7–8, 12.

¹⁰ Там же. С. 12.

¹¹ См.: *Зверев В. А.* 1) Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма. Новосибирск, 1991; 2) Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск, 1993; 3) Самоходы из Расеи: крестьяне в эпоху массовых переселений // Родина. 2000. № 5. С. 127–129; и др.

¹² Подсчитано по источнику: Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. СПб., 1912. Вып. 2. С. 122, 126–128, 132–133; Вып. 3. С. 152, 156–158, 162–164, 168–170, 174–175; Вып. 4. С. 108, 112–113; Вып. 5. С. 173, 194.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА ТОМСКОЙ ЕПАРХИИ ПО УСТРОЙСТВУ ДЕРЕВЕНСКИХ ЯСЛЕЙ-ПРИУТОВ ЛЕТОМ 1915 г.

В конце XIX – начале XX в. ведущие специалисты в области медицины, гигиены и санитарии признавали, что «вопрос о детской смертности в России принадлежит к числу самых основных вопросов общественного здравоохранения»¹.

Наибольший процент смертности приходился на сельских детей грудного возраста, особенно в летние месяцы, возрастая с конца мая – начала июня и падая к концу сентября – началу октября, когда кормящие матери освобождались от полевых работ. В проповедях крестьянам архиепископ Томский и Алтайский Макарий (Невский) говорил о наболевшем: «... если у городского населения, более разумно умеющего кормить детей и иметь надлежащий уход за ними, умирают в течение года из 10 два или три младенца, то у сельских жителей умирает из 10 пять или шесть, то есть половина, а иногда и более, всех родившихся»². Священники называли июль и август «похоронными месяцами».

Основная причина летней смертности – детские эпидемии и поносы разного вида. Эти поносы являлись «бытовой болезнью русского православного населения», так как повсеместно использовались крайне неразумные, рутинные способы вскармливания грудных детей³. Между тем, в «Воззвании для борьбы с детской смертностью в России», опубликованном в 1905 г., сообщалось, что как в Центральной России, так и в Сибири «ни еврейки, ни татарки не заменяют собственного молока соской, это исключительно русский обычай и один из самых губительных»⁴. Кроме того, вымирание новорожденных объяснялось «дурными санитарными и экономическими условиями жизни массы населения»⁵.

Оставление детей без грудного вскармливания и надлежащего ухода способствовало учреждению яслей-приютов, «поставивших своей целью дать правильное питание и уход детям разных возрастов, остающимся без матери в течение рабочего дня»⁶. Первые ясли в России были устроены в Петербурге в 1845 г. К 1906 г. они существовали в 44 губерниях, главным образом в земских, но также и в городах Томской (с мая 1893 г.), Тобольской, Енисейской и Иркутской губерний. В городах и промышленных центрах ясли устраивались как постоянные учреждения, а в деревнях – как временные, в летнюю рабочую пору, в неурожайные годы и во время эпидемий.

Занимаясь изучением роли Русской православной церкви (РПЦ) в развитии санитарно-гигиенической культуры крестьянства Западной Сибири конца XIX – начала XX в., необходимо определить значимость деятельности духовенства по устройству деревенских яслей-приютов. Специальных исследований по данному вопросу нет. В настоящей статье характеризуется деятельность сельского духовенства Томской епархии по устройству яслей-приютов летом 1915 г. как одно из направлений санитарного просвещения населения в борьбе с детской смертностью, против распространения сифилиса, защиты от пожаров, возникавших вследствие шалости оставленных без присмотра детей, и пр.

В качестве источников используются, прежде всего, неопубликованные материалы Государственного архива Томской обл. (ГАТО): указы и предписания Синода и Томской духовной консистории (ТДК), рапорты благочинных в ТДК и епископа Томского и Алтайского Анатолия (Каменского) в Синод об организации яслей-приютов для сельских детей. Рапорты являются ценным источником, так как в них представлены отчеты об устройстве яслей на всей территории епархии. Кроме того, востребованы публикации официального журнала РПЦ «Томские епархиальные ведомости» (ТЭВ), труды Первого съезда врачей Томской губ. и пр.

Законодательные и нормативные акты того времени свидетельствуют, что православное духовенство активно вовлекалось в санитарно-просветительскую и медицинскую деятельность⁷, в том числе и по устройству яслей-приютов. Активная деятельность духовенства на территории Томской губ. в этом направлении объясняется во-первых, осложнившейся жизненной ситуацией в условиях Первой мировой войны, когда мужское население было призвано на фронт, а женский и подростковый труд

стал более длительным и интенсивным, не оставляя времени на уход за малолетними детьми. Вторых, духовенство активно привлекалось к устройству яслей-приютов в связи с отсутствием земств и мизерностью медицинского персонала, особенно в сельской местности⁸. Важно отметить, что в губерниях Европейской России деревенские ясли активно открывались по инициативе земств уже в конце XIX в.⁹, а в пределах Томской губ. их устройство впервые было осуществлено священнослужителями только летом 1915 г., являясь, как и везде в Сибири, делом «небывало новым».

Немаловажное значение в организации яслей-приютов в томских деревнях имели распоряжения и предписания Св. Синода и ТДК. Синод определением от 8 апреля 1915 г. за № 2585 призывал сельское приходское духовенство к устройству на время полевых работ детских приютов-яслей, в которых грудные и малолетние «могли бы получать и необходимую пищу, и добрый уход, пока матери их работают в поле»¹⁰. Синод приказал: «1) призвать всех, по приходам, лиц женского пола, имеющих возможность посвятить себя уходу за детьми (жен и дочерей священно- и церковнослужителей, землевладельцев, учительниц и пр.), приступить к устройству на предстоящее лето яслей; 2) общее попечение об устройстве и содержании яслей возложить на приходские попечительные советы; 3) в тех приходах, где попечительные советы не учреждены, организация яслей поручается приходскому духовенству; 4) епархиальным начальствам оказывать попечительным советам и другим местным приходским учреждениям по устройству яслей всяческое содействие; 5) епархиальным архиереям доставить Синоду сведения о том, сколько именно яслей было учреждено во введенных им епархиях, какое число детей было призывается в этих яслях, и в чем вообще в этом деле выразилась работа приходских учреждений»¹¹. В свою очередь ТДК 5 мая 1915 г. предписала епархиальным благочинным немедленное исполнение синодального указа с представлением сведений «о числе “яслей”, которые будут учреждены в приходских округах, о лицах и приходских учреждениях, потрудившихся в этом святом деле, и о числе детей, бывших в попечении»¹².

У сельского духовенства, на которое возложили обязанности по организации яслей, возникала масса вопросов. Например, благочинный 44 округа Барнаульского уезда Е. Смирнов после получения указа Синода от 8 апреля об оказании особой помощи по уходу за детьми обратился в ТДК с просьбой предоставить практическое руководство. Следует сказать, что ТДК имела опыт организации яслей и их устройства в санитарном отношении, так как впервые в Томской губ. они были учреждены церковно-приходским попечительством Христорожественской церкви Томска в мае 1893 г. по инициативе святителя Макария (Невского). До 1902 г., пока ясли-приют не были выделены в самостоятельное учреждение, их деятельность попечительство осуществляло так, чтобы «представлять для родителей живой и наглядный пример правильного ухода и воспитания детей»¹³, и занимало «передовую позицию в деле местной борьбы с детской смертностью»¹⁴. Санитарно-гигиенические мероприятия и оказание врачебной помощи в яслях проводились благодаря привлечению епископом Макарием квалифицированных специалистов. Кроме того, в 1915 г. санитарное бюро Пермского губернского земства издало пособие врача И. К. Курдова с «краткими практическими указаниями и советами, как устраивать ясли, оборудовать их, питать детей, и какой установить внутренний распорядок в яслях»¹⁵. Здесь были напечатаны примерные сметы по оборудованию и содержанию яслей, правила для разведения и стерилизации молока, приготовления отваров и пр. Данное руководство распространялось ТДК среди сельского духовенства.

В ГАТО в сохранившихся отчетах благочинных и причтов в ТДК и епископа Анатолия в Синод, написанных в сентябре-октябре 1915 г., имеются сведения об открытии в Томской губ. 14 яслей-приютов. В них в течение летне-осеннего периода находилось 5313 детей¹⁶. Приводили и приносили детей в ясли во всех приходах в 5 часов, а забирали с 20 до 22 часов. Благодаря настойчивым требованиям и объяснениям руководителей, дети всех возрастов приводились «чистыми и опрятными». Для грудных детей родители приносили пеленки и на смену чистое белье. При необходимости использовалось и казенное белье. Помещениями для приютов-яслей служили здания церковно-приходских и министерских школ. Например, в с. Тисульском Мариинского уезда ясли с 1 июля по 13 сентября размещались в «обширном училищном здании в двух просторных и светлых комнатах, одна из них служила для спальни, а другая для игр. Имелась отдельная кухня. Для гулянья и игр детей использовался просторный чистый двор и небольшой садик»¹⁷. В Мариинском приходе Мариинского уезда приюты-ясли были открыты в двух деревнях – Больше-Антибесской в здании церковно-приходской школы (с 8 июня по 15 августа) и Раевской в здании двухклассной министерской школы¹⁸. В связи с тем, что в наиболее подходящих школах на летнее время размещались лазареты для выздоравливающих и увечных воинов, ясли-приюты приходилось устраивать и в наемных помещениях¹⁹.

Работа духовенства и приходских учреждений при открытии яслей заключалась в изыскании средств на приобретение продуктов питания, при недостатке пожертвованных натурой (молока, яиц, круп и пр.), необходимой обстановки и утвари. Кроме того, они наблюдали за хозяйственной частью, режимом дня, по возможности привлекали медицинский персонал для осмотра детей при приеме в ясли и оказания помощи.

Грудных детей кормили одинаково во всех яслях – кипяченым молоком и манной кашей. Питание детей старшего возраста различалось в зависимости от возможности попечительств. В статье сельской учительницы С. Дыбовской, опубликованной в ТЕВ, описан рацион питания, организованного в яслях под руководством священника А. Владимиров в с. Петуховском Томского уезда: «Все дети в приюте пользовались ... пищей, приготовленной соответственно их возрасту. Совсем крошечные получали молоко с отваром, постарше – цельное молоко с желтком яйца и манную кашу, большие – завтрак из яйца всмятку, каши (картофельной, манной, пшеничной), яичницы или молочной лапши. На обед и ужин давался мясной суп с лапшой, яйцом или свежими овощами, каша или молочный кисель и порция молока. Изредка давались мясные котлеты»²⁰. Но не во всех яслях питание было централизованным. Так, в с. Тисульском Мариинского уезда «дети старшего возраста приносили еду с собой, а в яслях три раза в день им давался только чай с молоком, сахаром и хлебом»²¹. Хотя важно отметить, что «надзирательницы» яслей контролировали качество приносимых продуктов. Питание ягодами и кореньями не допускалось. Несмотря на различия в организации питания, а также на то, что детский понос в летнее время был явлением обыкновенным, а смертность значительная, во всех яслях летом 1915 г. «детей, страдающих поносом, не наблюдалось, не было и смертных случаев»²².

Отсутствие смертности в яслях можно объяснить не только правильно организованным питанием, но и соблюдением санитарно-гигиенических норм при содержании ясельных помещений и уходе за детьми. Благодетельный 11 округа Мариинского уезда протоиерей В. Поливанов в рапорте в ТДК писал: «Главное условие содержания яслей – самая простая и безукоризненная чистота помещения»²³. Необходимо сказать, что крестьянкам, отдававшим детей в ясли, «особенно нравилась чистота и порядок во всем»²⁴. Грудных детей купали во всех яслях без исключения. Были приюты-ясли, например, в с. Петуховском Томского уезда, где все дети пользовались ванной.

Существенным недостатком некоторых яслей было отсутствие собственных кроватей и прочих принадлежностей детского обихода. Это объясняется нехваткой средств у попечительств, так как с начала войны на их попечении находились сироты и жены воинов. В таких случаях на время работы яслей обстановка предоставлялась местными жителями. Например, в с. Тисульском Мариинского уезда население предоставило «четыре качалки-люльки, три железные кровати, ушайку оцинкованную для воды, самовар, чайную посуду на двенадцать детей, ванну железную крашеную для купания детей и корыто для мытья детского белья и пеленок»²⁵.

Изучая архивные и опубликованные материалы по устройству яслей в сельской местности, можно отметить факт взаимодействия священно- и церковнослужителей с учителями, попечителями церковно-приходских и министерских школ, медицинскими работниками, сельскими обществами. Так, устроителями яслей в с. Тисульском были: председатель попечительства протоиерей В. Поливанов, священник П. Хвалынский, причт местной церкви, жители села – П. П. Цветаев и отставной канцелярский служащий К. В. Семенов, учителя двухклассного училища. Тисульский участковый врач В. Г. Бржезинский, фельдшеры и акушерка местной лечебницы наблюдали за состоянием здоровья детей и оказывали необходимую медицинскую помощь. Все работали безвозмездно, кроме няньки, нанятой за 15 р. в месяц²⁶. В некоторых яслях медицинская помощь оказывалась учительницами церковно-приходских школ, возможно, изучившими курс гигиены во время учебы в Томском епархиальном женском училище²⁷ или на педагогических курсах²⁸, проводимых ТДК ежегодно с 1898 г. С. Дыбовская, описывая работу в яслях Томского уезда, сообщала, что в с. Нагорном «заболевших [детей] лечила дочь священника, учительница церковно-приходской школы Ольга Павловна Меньшенина, лекарствами, выписанными из Томска»²⁹. Кроме того, ею констатировался факт привлечения к работе в яслях дачниц в качестве дежурных дам и городских врачей, отдыхающих в сельской местности, которые оказывали медицинскую помощь как детям в яслях, так и сельскому населению. В с. Петуховском Томского уезда безвозмездно лечил и следил за здоровьем детей томский врач В. К. Мясников. Под его наблюдением также была аптека, лекарствами из которой пользовались и взрослые – больные из крестьян. После закрытия яслей аптека перешла к церковно-приходскому попечительству. В отличие от яслей-приютов, организованных в других приходах, в петуховские принимались больные дети, только с незаразными болезнями. С. Дыбов-

ская сделала вывод, что они поправлялись благодаря «получению своевременного докторского лечения и диете, за которой строго следили дежурные дамы»³⁰.

Изучение материалов позволяет утверждать, что несмотря на первый положительный опыт организации яслей в сельской местности Томской губ. летом 1915 г., радикально не решалась проблема детской смертности, так как охват приходов был незначителен. В 844 приходах³¹ было открыто всего 14 яслей-приютов. Их мизерное количество объяснялось рядом причин. Епископ Анатолий в рапорте от 21 октября 1915 г. за № 544 писал в Св. Синод, что духовенство и попечительные советы вверенной ему епархии при выполнении указа об организации приютов-яслей на время полевых работ «не встретили сочувствия от населения и, главным образом, со стороны матерей, предпочитавших оставлять своих детей с девочками-подростками или старушками, не способными к полевым работам»³², а не отдавать их в «неведомые ими приюты»³³. И хотя в некоторых приходах, например, в Воронихинском Барнаульского уезда попечительствами были открыты ясли, жены и дочери клириков приняли на себя обязанности по уходу за детьми, но прихожане отказывались пользоваться их услугами³⁴.

Крестьяне сами искали пути выживания если не на все время войны, то, по крайней мере, на время летних работ, чтобы «с бедой и нуждой бороться не в одиночку»³⁵. Так, некоторые семьи объединялись для проживания в одном доме, перевоза пожитки и перегоня в одну усадьбу скотину. Таким образом, рабочая сила увеличивалась, и всегда было кому присматривать за детьми. Прихожане высказывали мнение, что «при открытии приюта "Ясли" хотя и небольшие, но деньги нужны, а при объединении никаких денег не нужно»³⁶. Очевидно, что явным недостатком совместного проживания крестьянских семей являлось ухудшение санитарно-бытовых условий, которые и без того были неудовлетворительными³⁷.

Отказ крестьян открывать приюты-ясли летом 1915 г. объясняется недородом хлебов и трав в значительной части Томской губ., вследствие чего матери малолетних детей не были заняты на полевых работах³⁸. Например, в селах Итатском и Тяжиновершинском Мариинского уезда хотя и были учреждены ясли для солдатских детей, но матери предпочли помощь деньгами, которые выдавались на наем няnek. Всего в благочинии № 12 Мариинского уезда на эти нужды было выдано 315 р.³⁹

Необходимо сказать еще об одной причине, препятствовавшей открытию яслей, – это эпидемии. Так, благочинный 52 округа Кузнецкого уезда священник Д. Палухин сообщал в рапорте в ТДК, что «вследствие появления детского поноса и дизентерии, дабы не создавать очагов для распространения заразы, приюты-ясли открыты не были»⁴⁰. В с. Чистюньке Барнаульского уезда ясли были открыты, но вследствие сильной детской эпидемии (в страдную пору в селе умерло 100 детей) функционировать им не пришлось. Собранные деньги для устройства яслей (29 р. 60 к.) были выданы бедным семействам прихожан, призванных на войну⁴¹. Важно отметить, что приходские попечительные советы по возможности оказывали помощь в содержании и уходе за детьми выдачей денег на наем няnek, на покупку хлеба и на наем рабочих для уборки хлебов.

Изученные материалы позволяют сделать вывод о том, что духовенство Томской епархии в 1915 г. в условиях Первой мировой войны было инициатором и внесло почин в устройство яслей-приютов как одного из санитарно-гигиенических мероприятий, которое в то время «во всех странах света выдвинулось на первый план в борьбе с детской смертностью»⁴². Организация деревенских яслей имела немаловажное значение для распространения санитарных норм в крестьянской среде, давая наглядный пример соблюдения личной гигиены детей, правильного питания, режима дня, содержания одежды и пр. Эффективность деятельности яслей подтверждается тем, что во время их работы не умер ни один ребенок, а дети с незначительными расстройствами здоровья быстро поправлялись.

Важно отметить, что духовенство, осуществляя организацию деятельности деревенских яслей, активно взаимодействовало с учителями, попечителями церковно-приходских и министерских школ, медицинскими работниками, сельскими обществами, чем привлекало общественность к решению социальных проблем – сокращению детской увечности и смертности, предупреждению пожаров, санитарному просвещению сельского населения, и создавало основу для совершенствования жизнесохранительного поведения сибиряков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кудрявцев П. Ф. О детской смертности в населении Тверской губ. и борьбе с ней при помощи яслей-приютов. Тверь, 1900. С. 7.

- ² [Макарий (Невский), архиепископ]. Полное собрание проповеднических трудов (слов, бесед, поучений, посланий, воззваний и наставлений) преосвященного Макария, архиепископа Томского и Алтайского, за все время его служения в архиерейском сане (1884–1910 гг.). Томск, 1910. С. 802.
- ³ Кудрявцев П. Ф. Деревенские ясли-приюты в Симбирской губ. летом 1899 г. Сызрань, 1900. С. 23–24; Зверев В. А. Медико-санитарные условия жизни сельского населения Сибири (1861–1917 гг.) // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1992. С. 51; и др.
- ⁴ Никитенко В. П. Воззвание для борьбы с детской смертностью в России // Томские епархиальные ведомости (ТЕВ). 1905. № 23/24. С. 65.
- ⁵ Новомбергский Н. А. О социальных задачах медицины // Труды Первого съезда врачей Томской губ. Томск, 1917. С. 125; Зверев В. А. Указ. соч. С. 46–49; и др.
- ⁶ Делекторский Н. И. Смертность детей за границей, в России и в Томске, и «капля молока». Томск, 1910. С. 10.
- ⁷ Караваева Е. В. Законодательные и другие нормативные акты – основа для просветительской и медицинской деятельности православного духовенства в конце XIX – начале XX в. // Сибирский медицинский журнал. 2009. № 3. С. 48–56.
- ⁸ Караваева Е. В. Подготовка священнослужителей к оказанию санитарной и медицинской помощи сельскому населению в конце XIX – начале XX в. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2009. № 4/1. С. 96.
- ⁹ Ясли-приюты, организованные в виде опыта Самарским губернским земством за лето 1898 г. Самара, 1899; Деревенские летние ясли-приюты в Воронежской губ. летом 1900 г. Воронеж, 1901; и др.
- ¹⁰ Государственный архив Томской обл. (ГАТО). Ф. 170. Оп. 4. Д. 542. Л. 3.
- ¹¹ Определение Святейшего Синода // ТЕВ. 1915. № 11. Ч. офиц. С. 320–321.
- ¹² ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 542. Л. 5–5 об.
- ¹³ Вновь открытый дневной детский приют «Ясли» при попечительстве градо-Томской Христорождественской церкви // ТЕВ. 1893. № 12. Ч. неофиц. С. 5.
- ¹⁴ Делекторский Н. И. Указ. соч. С. 14.
- ¹⁵ Курдов И. К. Как открывать и содержать дневные летние ясли-приюты в деревнях. Пермь, 1915. С. 2.
- ¹⁶ ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 542. Л. 10, 11 об., 13, 17, 30, 37 об.; Дыбовская С. История двух яслей для солдатских детей // ТЕВ. 1916. № 2. Ч. неофиц. С. 56–61.
- ¹⁷ ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 542. Л. 17–17 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 13.
- ¹⁹ Там же. Д. 521. Л. 57–57 об.
- ²⁰ Дыбовская С. Указ. соч. С. 59.
- ²¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 542. Л. 17 об.
- ²² Дыбовская С. Указ. соч. С. 59; ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 542. Л. 17 об.; и др.
- ²³ ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 542. Л. 18.
- ²⁴ Дыбовская С. Указ. соч. С. 61.
- ²⁵ ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 542. Л. 17 об.
- ²⁶ Там же. Л. 17–17 об.
- ²⁷ Караваева Е. В. Формирование санитарной культуры учащихся духовного ведомства в конце XIX – начале XX в. // Сибирский медицинский журнал. 2008. № 3. Вып. 2. С. 118–125.
- ²⁸ Отчет о летних учебных курсах Томской епархии в 1898 г. // ТЕВ. 1899. № 2. Ч. неофиц. С. 36–57; Мироносицкий В. Краткосрочные педагогические курсы для учителей церковно-приходских школ Томской епархии в 1899 г. Томск, 1899. С. 9; Краткосрочные педагогические курсы в Колывани для учителей и учительниц школ грамоты в 1901 г. // ТЕВ. 1902. № 10. Ч. неофиц. С. 38; и др.
- ²⁹ Дыбовская С. Указ. соч. С. 57.
- ³⁰ Там же. С. 59.
- ³¹ Справочная книга по Томской епархии за 1914 г. Томск, 1914. С. 585–586.
- ³² ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 542. Л. 37.
- ³³ Там же. Л. 13 об.
- ³⁴ Там же. Л. 33.
- ³⁵ Там же. Л. 28 об.
- ³⁶ Там же. Л. 29.
- ³⁷ Зверев В. А. 1) Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск, 1998. С. 70; 2) Семейное крестьянское жилище в его культурно-санитарном измерении // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX в.: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 17–19; и др.
- ³⁸ ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 542. Л. 19, 21, 24, 31, 33.
- ³⁹ Там же. Л. 19–19 об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 34.
- ⁴¹ Там же. Л. 31.
- ⁴² Делекторский Н. И. Указ. соч. С. 10.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор В. А. Зверев.

Н. А. РАДИЩЕВ И А. П. ЧЕХОВ – ПУТНИКИ СИБИРИ

Записки о путешествиях в русской литературе всегда, начиная с литературы древнерусской, были одним из самых популярных жанров. Для исследователей Сибири такие произведения – полноценный источник информации. Писатель-путешественник дает обобщенные или индивидуальные характеристики объектов путешествия. А кто такой путешественник? Это человек, отражающий предметы восприятия во время путешествия и дающий им описание. Это наблюдатель, создающий обобщающие образы, откликающийся на животрепещущие проблемы страны в целом. Общественный деятель, ставящий проблемы, которые необходимо решать всей стране. И это не только проблема извечно актуального для российского путешественника дурного состояния дорог, но и оценка социального положения населения, описание геополитического статуса территорий, по которым совершается путешествие, и т. п.

Один писатель делает обобщения, создает образы, становящиеся или являющиеся таковыми (обобщенными, типическими), в то время как другой только фиксирует объекты, мимо которых проезжает, дает им краткую характеристику. В свете такого различия путевые заметки путешествовавших по Сибири двух русских писателей – А. Н. Радищева и А. П. Чехова – представляют несомненный интерес для исследователей Сибири.

А. П. Чехов к поездке готовился чрезвычайно серьезно. Первоначальный список заказанной им литературы составил 67 названий. Затем, во время более тщательной подготовки к путешествию, он вырос вдвое¹. Таким образом, знаток-путешественник в своих репортажах мог не только описывать свои дорожные впечатления, но и быть аналитиком, сравнивая Сибирь с Европейской Россией. Кроме того, Чехов, живший в эпоху развитой периодической печати и телеграфа, имел возможность во время путешествия писать письма, посылать их по почте, телеграфировать, редактировать свои литературные наработки, оставлять информацию в письмах к родным, знакомым, писателям, а затем эти заметки переносить в свои «Очерки».

А. Н. Радищев, являясь путешественником поневоле, Сибири не знал, да и литературных источников, в которых в то время этот край описывался, было не так уж много. Русская литература развивалась, но, к сожалению, Сибирь не была тем местом, которое привлекало к себе взоры и мысли российских писателей и поэтов. Поэтому записки Радищева о Сибири носили в целом описательно-дневниковый характер, хотя писатель постоянно пополнял свои знания о крае, выписывая туда литературу, прося А. Р. Воронцова прислать ему ту или иную книгу. Письма Радищева испещрены названиями научной литературы о Сибири, ее истории и мемуаров путешественников. Широко и неограниченно он пользовался по пути довольно богатыми частными библиотеками сибирских старожилов².

Итак, Радищев описывает Сибирь конца XVIII в., а Чехов – конца XIX в. Впоследствии труды Чехова были основательно изучены, прокомментированы и изданы в 14 и 15 томах полного собрания сочинений. Дневники Радищева тоже изданы с должными комментариями. Объем путевых заметок примерно одинаков. У Чехова – 30 страниц «Очерков». У Радищева – 50 страниц, включая путешествие по Европейской России. Изъяв европейские материалы, получаем 27 страниц «Записок» и «Дневника»³.

Попытаемся сравнить «Записки» и «Дневник» ссыльного писателя с «Очерками из Сибири» человека, сознательно решившего ехать в Сибирь и на остров Сахалин для изучения ссылки.

1. Время и условия путешествия.

А. Н. Радищев и А. П. Чехов осуществили свои путешествия с разницей в 100 лет. Путешествие приходится у Радищева на различные времена года. Автор в своих записках фиксирует места – откуда и куда он передвигался, и даты, но не всегда регулярно. Например: «Выехал из Казани 11 ноября, в Екатеринбург прибыл 7 декабря 1790 г. 15 декабря выехал из Екатеринбурга, прибыл в Тобольск, миновав Тюмень». «Записки путешествия в Сибирь», действительно, выдержаны в жанре записок. Так, приехав в декабре 1790 г. в Тобольск, путешественник следующую запись сделал 30 июля 1791 г., описав отрезок пути от Тобольска до Тары. Обрато поехал Радищев через 7 лет, в 1797 г. Выехал из Илимска 20 февраля вместе с семьей. Возвраща-

шение стоило жизни его жене Е. В. Рубановской, простывшей во время переезда 10 марта по Барабе и умершей в Тобольске 7 апреля.

У Чехова путешествие приходится на май-июнь 1890 г. От Тюмени до Иркутска добирался месяц: торопился, но из-за погодных условий ехал медленно (обычно курьеры доезжали от Санкт-Петербурга до Иркутска за 20 дней, почта доходила за 30 дней). 20 июня писатель уже сел на пароход в Сретенске, т. е. проехал весь Сибирский тракт с его забайкальским ответвлением за 1,5 месяца.

2. Описываемый маршрут. Систематичность описания.

Оба автора писали письма или делали записи с дороги либо с места отдыха, т. е. оттуда, где имели остановку. У Радищева описан весь путь до места ссылки (Илимского острога) и от него до Европейской России включительно на обратном пути. Записки велись не ежедневно, даже не еженедельно. Встречаются временные разрывы до недели и более. Хотя в начале пути в Европейской России с 11 по 19 ноября 1790 г. он ежедневно вел записи. Затем пыл угасает или мешают обстоятельства, и он начинает вести записи через 10 дней.

От Перми до Кунгура описание дается за временной отрезок от 19 по 28 ноября. Следующая запись делается 4 декабря, т. е. через пять дней, путешественник описывает путь от Кунгура до Екатеринбурга. Прибытие в Екатеринбург 7 декабря – это в описании от 8 декабря, через четыре дня после предыдущей записи. 15 декабря – запись в Тобольске о пути из Екатеринбурга до Тюмени и Тобольска. 30 июля – запись о пути из Тобольска до Тары. Наверное, в Таре и сделана эта запись. 9 августа прибывает в Томск. 12 сентября запись о пути из Томска в Ачинск. 16 сентября – о пути из Ачинска до Красноярска. 22 сентября – о пути от Красноярска до Иркутска. 20 декабря выехал из Иркутска по ответвлению Сибирского тракта – Якутской дороге, отказавшись ехать по Илимской, которая, «по уверению ехавших прямою Илимскою дорогою, была чрезмерно худа, узка и гориста»⁴.

Записи в «Дневнике путешествия из Сибири» начинаются 20 февраля, а 28 апреля, через 67 дней, Радищев покинул пределы Сибири, въехав в Пермскую губ.⁵ Первую неделю поездки по Сибири записи велись традиционно ежедневно. Но уже в марте автор не обращается к своим записям 11 дней, а в апреле – 24 дня.

А. П. Чехов не хотел описывать путь от Тюмени до Томска, считая его описанным «тысячу раз». Но не удержался, и шесть из девяти очерков, посланных в газету «Новое время», посвящены пути до Томска. Седьмой и восьмой – Восточной Сибири и тракту. Девятая глава послана из Благовещенска 20 июня. Обещанных листков о Байкале, Забайкалье и Амуре Чехов так и не послал, потому что на амурских пароходах мешала писать ему тряска, а на Сахалине отвлекли от окончания сибирских очерков новые сильные впечатления и напряженная трехмесячная работа⁶.

Таким образом, «Записки» и «Дневник» Радищева и «Очерки» Чехова описывают Сибирский тракт в той его части, где они его проезжали.

3. Социальный статус путешественников.

Радищев отбывал в Сибири наказание за «Путешествие из Петербурга в Москву», в котором он смог проявить себя как независимый мыслитель и революционер, оказавший огромное влияние на русскую общественную мысль своим вольнодумством и независимым характером, призывавший к свержению самодержавия как тирании. Он был государственный преступник. И хотя «Путешествие» находилось под запретом цензуры до 1905 г.⁷, Радищев был хорошо известен в демократических кругах. А. С. Пушкин в поэме «Бова» в 1815 г. написал: «Петь я тоже вознамерился, // Но сравняюсь ли с Радищевым?»⁸. Пушкин знал «Путешествие» и был о нем невысокого мнения. В 1836 г. он писал: «Мы никогда не почитали Радищева великим человеком. Поступок его всегда казался нам преступлением, ничем не извиняемым, а “Путешествие в Москву” весьма посредственною книгою; но со всем тем не можем в нем не признать преступника с духом необыкновенным; политического фанатика, заблуждающегося, конечно, но действующего с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарской совестью»⁹. Но Радищев «сидел» в Пушкине. И при написании стихотворения «Памятник» 21 августа 1836 г. одна из строк, оставшаяся в черновиках, выглядела так: «... вслед Радищеву восславил я свободу»¹⁰. Двойственность русского человека проявилась и в Пушкине – с одной стороны – остепенившийся, законопослушный человек, с другой – бунтарь. Либо призыв к революции, либо – к внутренней свободе. Комментаторы считают, что статья о Радищеве была подготовлена Пушкиным для «Современника» и преследовала цель снять запрет с

имени Радищева и ознакомить читателя с его произведениями, но министр народного просвещения С. С. Уваров запретил ее печатать. Ранее, в 1823 г., в одном из писем Пушкин писал: «Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будем помнить? Это умолчание непростительно...»¹¹.

Сибирские записки А. Н. Радищева Пушкин охарактеризовал с помощью уничижительного «пр.» (прочее). Он пишет: «В Илимске Радищев предался мирным литературным занятиям. Здесь написал он большую часть своих сочинений; многие из них относятся к статистике Сибири, к китайской торговле и пр.»¹². И действительно, после расправы Радищев уже не волен высказывать «крамольные» мысли. И может быть только в статусе человека, познающего проездом Сибирский край, продолжая оставаться внутренне вольным человеком.

А. П. Чехов же, довольно известный молодой писатель, в Сибирь ехал по доброй воле – по заданию газеты «Новое время» и ее редактора А. С. Суворина.

Очерки писал с целью заработать двугривенный за строку, т. е. попутно решал финансовые вопросы.

4. Цель написания произведений.

Радищев в Сибири ведет дневник, возможно, для дальнейшей литературной обработки, так как некоторые заметки в дневнике наводят на мысль, что беллетрист собирался их оформить в какой-либо иной литературной форме. Писателя он в себе не заглушил. Просто ведение дневника? Во всяком случае, содержание записок свидетельствует о том, что автор, скорее всего, имел какую-то цель в дальнейшем для описания сибирской жизни, описания возможностей Сибири для будущего России.

Цель Чехова – исследование Сибири и сибирской дороги. «Очерки» – промежуточный вариант конечной цели – описания сахалинской ссылки. Но сюжеты очерков и книги «Остров Сахалин» взаимосвязаны. Еще не добравшись до Сахалина, за тысячи верст от сахалинской ссылки, в Иркутске, писатель дает негативную оценку ссылке в Сибирь вообще. Что на него произвело такое впечатление? Сибирский тракт, на котором он встретил ссылных? Прочитанная им литература по этому вопросу? Ясно одно – писатель ехал на Сахалин, скорее всего, для подтверждения своего мнения, возможно, сложившегося еще в Европейской России, закрепленного в Сибири на тракте и затем окончательно описанного в книге, создаваемой на Сахалине и во время возвращения.

5. Структура произведений.

У Радищева это два дневника: в одном описана дорога в Сибирь, а в другом – из Сибири. Первый называется «Записки», второй, который велся более регулярно, – «Дневник». У Чехова – несколько очерков, объединенных одним сюжетным стержнем – дорогой. Очерки или главы имеют разное тематическое содержание.

6. Характеристика Сибири и Сибирского тракта.

Радищев характеризует дорогу, по которой он едет, по сути, описывая то, что видит (табл. 1).

Таблица 1

Примеры описания в «Записках» А. Н. Радищева*

Тема 1	Содержание описания 2	Страницы 3
Природа	Горы от Урала становятся все менее, особенно от Екатеринбурга, поля с перелесками	710–711
Население	«По селениям около Тюмени даже верст за 50 живут мещане, которые пашут и промышляют». «Народ в Сибири приветлив. Бледен. Язвы. Ходят в лохмотьях»	712
	В слободе Викуловой живут купцы, «мужики бойкие»	713
	В Становке живут поселщики, они беднее старожилов. В Аевской слободе, «езде, как и в Таре, все почти раскольники»	713
	Будаково, село на Иртыше. Мужики все зажиточные, пашут, торгуют скотом, бьют зверей, ездят в извоз. Во многих селениях живут стрельцы и конфедераты	713
Тракт и сооружения на тракте. Заселение тракта. Качество земли	От Кусеряка до Голопузова лежит волок, т. е. пустое место, где могут сидеть 2000 душ, на полянах начинают строиться мужики из-за Ишима. От Ачимовой до Зудиловского погоста идет волок болотами и низкими полями. За Рыбиной, выехав на р. Аев, едешь вниз до Аевской слободы. Радищев является свидетелем строительства новых участков Сибирского тракта: «От Тары до Тобольска делают новую дорогу по Иртышу». 560 верст	713

1	2	3
	Из Тобольска вдоль Иртыша за Абалак места прекрасные, от Старого Погоста до Вагая не столь хороши, по Вагаю места хороши. Крестьяне мало имеют земли, лучшая – у татар. Земля расчищена по реке	713
	От Кусеряка места становятся выше, по Ишиму очень хорошие. У Викуловой «земля черная». По Ишиму земля – чернозем	713
О населенных пунктах	После Голопупова только одна деревенька Чистякова о пяти дворах. По речке Баруку селений много. Викулова сидит на прекрасном месте – на Ишиме и заливе	713

* Составлено по источнику: *Радищев А. Н.* Записки путешествия в Сибирь // Избр. соч. М., 1949. С. 710–713.

Таким образом, Сибирь по большой дороге предстает у него как край развивающийся, заселяемый, обустройстваемый земледельцами и промысловиками. Через несколько лет он сравнивает бывших нищими поселщиков с уже обустроившимися, окрепшими благодаря тяжелому труду. Содержание «Записок» и «Дневника» не дает нам представляемого в научной литературе со ссылками на Радищева образа Сибири как «страны-тюрьмы, пустынной и холодной»¹³. На самом деле Сибирь в его дневниках – это не «страна ужасна, хладна», которую Радищев описывал после возвращения из ссылки в 1798–1799 гг. в поэме «Бова»¹⁴, а страна, населенная переселенцами, ссыльными, старожилами, аборигенами, занимающимися своими делами. Где-то им отмечена зажиточность, где-то бедность, где-то сочетание и того и другого. Фактически Радищев ведет записи экономического содержания. Как писал Пушкин – занимался статистикой.

Кроме дневников, Радищев писал письма своему покровителю А. Р. Воронцову. В них он предстает как основательный знаток Сибири, ее географического районирования. Например, в седьмом письме из Тобольска он сообщает: «Время моего здесь пребывания я, по возможности, стараюсь употребить себе в пользу приобретением беспристрастных о здешней стороне сведений... Но трудно уловить истину, когда к оной ведут одни только разногласные повествования, изрекаемые обыкновенно с пристрастием, огорчением и всеми другими страстями, сердце человеческое терзающими». И далее: «Как можно говорить о земле, которой физическое положение представляет толико разнообразностей ... где подле дикости живет просвещение, подле зверства мягкосердие... Крестьянин заводской есть совсем другой человек, нежели земледелец Тарской и Ишимской округи, и если Сургут, Туруханск избобилуют соболями, то почто дивиться, что в Ялуторовске их нет? А обыкновенно говорят: соболи рождаются в Сибири. Если березовский житель кормится от табуна оленей, а томский уездный крестьянин может только успевать в земледелии, то хотя оба они сибиряки, однако же во многих вещах между собою толико различаются, как англичанин от француза...»¹⁵.

Таким образом, Радищев пополнял свои знания о Сибири, находясь в ней, читая литературу в Тобольске. Зная размеры Сибири, он предлагал ее разделение по естественно-экономическим и административным зонам, предвосхищая М. М. Сперанского: «Передо моими глазами на стене прибита генеральная карта России, в коей Сибирь занимает почти $\frac{3}{4}$. Хорошо знать политическое разделение государства; но если бы весьма учебно было в великой России сделать новое географическое разделение, следуя в том чертам, природою между народами назначенным, гораздо бы еще учебнее и любопытнее было, если бы Сибирь разделена была (на карте, разумеется) на округи, естественностию означенные. Тогда бы из двух губерний вышла иногда одна, а из одной пять или шесть. Но к сочинению таковой карты не исправниково искусство нужно, но голова и глаза Палласа, Георги, Лепехина, да без очков, и внимания не на одни цветки и травы»¹⁶.

В письмах Радищева больше эмоций, аналитических умозаключений, так как они пишутся близкому покровителю. Если возвратиться к словам поэмы «Бова» о «стране ужасной, хладной», то не надо забывать, что Радищев пишет их в контексте личной трагедии – смерти жены в Тобольске при возвращении из Сибири. Станет после этого все и ужасно, и хладно. «В той стране, где я средь бедствий, но на лоне жаркой дружбы был блажен и где оставил души нежной половину»¹⁷.

Поскольку А. П. Чехов подготовился заранее к путешествию, то его «Очерки» частично выстроены тематически. В первом очерке автор описывает дороги, встреченных ссыльных и переселенцев, работающих на тракте (паромщиков, ямщиков), трактовые сооружения (паромы). «Он (паром. – О. К.) имеет вид небольшой баржи; на нем человек пять гребцов, и их два длин-

ных весла с широкими лопастями похожи на рачьи клещи»¹⁸. Давая характеристику образной речи паромщиков из ссыльных, интеллигентный Чехов пишет: «Слушая их отборную ругань, можно подумать, что не только у моего возницы, у лошадей и у них самих, но и у воды, у парама и у весел есть матери. Самая мягкая и безобидная ругань у гребцов – это “чтоб тебя уязвило” или “язвина тебе в рот!”».

Во втором очерке Чехов рассказывает про ночную езду, горящую степь с прошлогодней травой и столкновение со встречной тройкой. В третьем очерке дается описание трактовых сел от Тюмени до Томска. Горница в жилище вольного ямщика представляется писателю «светлой, просторной комнатой, с обстановкой, о какой нашему курскому или московскому мужику только мечтать. Чистота удивительная: ни соринки, ни пятнышка». Автор понимает сам и рассказывает своему читателю, каким трудом все это доставалось сибиряку, который «девять месяцев не снимает рукавиц и не распрямляет пальцев; то мороз в сорок градусов, то луга на двадцать верст затопило, а придет короткое лето – спина болит от работы и тянутся жилы»¹⁹. В этой же главе дано описание пищи трактовых жителей и проезжающих. «К чаю мне подают блинов из пшеничной муки, пирогов с творогом и яйцами, оладий, сдобных калачей... Хлеб везде по сибирскому тракту пекут вкуснейший». В каждой избе много дичи – уток, которых на Барабе было огромное число. Однако 9 мая 1890 г. писатель записал об утиной похлебке: «Невкусно и смотреть тошно».

Четвертый очерк посвящен описанию пути во время дождя, мостов через речки в районе Иртыша и перевоза через эту реку. Перевозчики были не ссыльные, а свои крестьяне-подрядчики, о которых Чехов говорит: «Народ добрый, ласковый». В пятом очерке ведется о диалог с зажиточным сибиряком о смысле жизни в Сибири. В шестом повествуется о проезде от Дубровиной до Томска, когда на переправе через р. Томь писатель едва не перевернулся с лодкой и попутчиками. В седьмом очерке автор рассуждает о бессмысленности и жестокости сибирской ссылки и последствиях ее для ссыльных, которые, по оценке журналиста, спивались, страдая от пожизненности наказания и бессмысленности существования в Сибири, вдали от родины.

В восьмом очерке писателем дана оценка пути: «Сибирский тракт – самая большая и, кажется, самая безобразная дорога во всем свете. От Тюмени до Томска, благодаря не чиновникам, а природным условиям местности, она еще сносна; тут безлесная равнина; утром шел дождь, а вечером уже высохло... От Томска же начинается тайга и холмы; сохнет почва здесь нескоро, выбирать окольный путь не из чего, поневоле приходится ехать по тракту... Представьте вы себе широкую просеку, вдоль которой тянется насыпь в сажени четыре ширины, из глины и мусора, – это и есть тракт... По обе стороны его – канавы. Вдоль вала тянутся колеи глубиною в пол-аршина и более, эти перерезываются множеством поперечных, и, таким образом, весь вал представляет из себя ряд горных цепей, среди которых есть свои Казбеки и Эльбрусы; вершины гор уже высохли и стучат по колесам, у подножий еще хлюпает вода... Тяжело ехать, очень тяжело, но становится еще тяжелее, как подумаешь, что эта безобразная, рябая полоса земли, эта черная оспа есть почти единственная жила, соединяющая Европу с Сибирью!»

Чехова понять можно. Человек приехал из цивилизованных мест, где не одно десятилетие были железные дороги, в столицах имелись шоссированные участки трактов. Но, надо отметить, что писатель выбрал не самое лучшее время для путешествия – распутицу. Он добирался почти месяц сухим путем, в то время как путники это же расстояние в другое время года преодолевали за несколько дней со скоростью 200–300 верст в сутки. Он же ехал по 30–40 верст, а то и менее, со скоростью обозного ямщика.

В девятом (последнем) очерке Чехов делает пейзажные зарисовки, восхищаясь красотой природы на Енисее и восточнее его, рассказывает о занятиях трактовых жителей-охотников, восхищается умельцами-самородками, повествует о мастерстве кузнеца.

Таким образом, два типа источников – дневники-записки Радищева и очерки Чехова – представляют несомненный интерес своей насыщенностью сибирским материалом, одновременностью, дающей возможность сопоставить Сибирский край в конце XVIII и в конце XIX столетий. В пору путешествия Радищева Сибирский тракт еще продолжает формироваться, заселяться, устраиваться. Через 100 лет это уже наезженная дорога со своими традициями и нравами, с устоявшимся образом жизни, быта, жилища, пищи и т. п. А проблемы неустроенности и зависимости от природно-климатических условий имели место не только двести или сто лет назад...

Путевые заметки писателей, побывавших в Сибири, наряду с иными типами источников, позволяют исследователям создавать комплексную картину развития огромного региона в разные периоды его существования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Список книг, статей, газетных корреспонденций, связанных с работой А. П. Чехова над очерками «Из Сибири» и книгой «Остров Сахалин» // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. М., 1987. Т. 14/15. С. 87–179 (указано 179 названий).
- ² *Радищев А. Н.* Письма из сибирской ссылки // Избр. соч. М., 1949. С. 796.
- ³ *Радищев А. Н.* Записки путешествия в Сибирь. Дневник путешествия из Сибири // Там же. С. 712–737.
- ⁴ Там же. С. 704–716.
- ⁵ Там же. С. 719–737.
- ⁶ *Чехов А. П.* Из Сибири // Полн. собр. соч. и писем. Т. 14/15. С. 760 (прим.).
- ⁷ *Макогоненко Г.* Александр Радищев // Радищев А. Н. Избр. соч. С. LVI.
- ⁸ *Пушкин А. С.* Бова: (отрывок из поэмы) // Собр. соч. М., 1981. Т. 1. С. 44.
- ⁹ *Пушкин А. С.* Александр Радищев // Там же. Т. 6. С. 234.
- ¹⁰ *Макогоненко Г.* Указ. соч. С. LVII.
- ¹¹ *Пушкин А. С.* Александр Радищев. С. 429 (прим.).
- ¹² Там же. С. 235.
- ¹³ *Родигина Н. Н.* «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 2006. С. 80.
- ¹⁴ *Радищев А. Н.* Бова // Избр. соч. С. 310.
- ¹⁵ *Радищев А. Н.* Письма из сибирской ссылки. С. 534–535.
- ¹⁶ Там же. С. 535.
- ¹⁷ *Радищев А. Н.* Бова. С. 310.
- ¹⁸ *Чехов А. П.* Указ. соч. С. 9.
- ¹⁹ Там же. С. 14–15.

УДК 338.981

И. И. Кротт

Омский государственный педагогический университет

«ЧУЖАКИ» В СЕЛЬСКОМ СООБЩЕСТВЕ. К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ЗЕМЕЛЬНЫХ ЗАХВАТОВ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СИБИРИ*

В современной отечественной историографии неоднократно высказывалась мысль о том, что в период аграрной революции в России стихийный «черный передел» не имел единого социального вектора. Почувствовавший свободу крестьянский мир, особенно после 1917 г., спешил решить свои материальные проблемы за счет «чужаков», в разряд которых попадали все, кто не являлся частью общинной экономики. Чем менее земледелец-«чужак» был инкорпорирован в общинную структуру, тем жестче относился к нему крестьянский мир¹.

Аналогичные процессы наблюдались и в сибирской деревне, которая особенно в годы революции и Гражданской войны переживала сложные социально-экономические процессы. В сибирском локальном сообществе, так же, как и в Европейской России, были распространены земельные захваты².

Причины такого поведения крестьянской массы необходимо искать в особенностях региона. Сибирь всегда была районом империи, отличающимся от других локальных пространств укладом жизни, социально-экономическим, административно-управленческим, этническим своеобразием. Именно эти социокультурные характеристики и определили специфику модернизационных изменений в Сибири.

Модернизация регионального пространства в конце XIX – начале XX в. открывала широкие возможности для социальной мобильности населения, делала подвижными границы социальных групп, приводя к образованию новых сообществ, а значит, создавались и новые основания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект МК-3011.2009.6).

для идентификаций, отождествления индивида с какой-либо социальной группой или общностью. Отметим, что применительно к Сибири процесс идентификации и самоидентификации групп регионального общества очень важен в силу того, что он определял выбор стратегий поведения, следование тем или иным культурным практикам.

Следует подчеркнуть, что специфика Сибири, как, впрочем, и других окраин империи изначально определялась тем, что здесь формировался и функционировал переселенческий социум, выступающий как цельное и стабильное образование³.

Массовые переселения в регион породили ситуацию фронта и своеобразного противостояния между старожилами и новоселами⁴. Современники неоднократно указывали на наличие в сибирских деревнях определенных границ между переселенческим («российским») и старожильским («сибирским») сообществами, обращали внимание на тот факт, что под влиянием переселений в регионе наблюдалось деление крестьянского мира на составные части⁵.

Первоначально, пока миграционный процесс только набирал обороты, старожилы были заинтересованы в причислении новоселов к своим сельским обществам, поскольку это создавало рынок дешевой рабочей силы. Порожденное массовыми миграциями землеустройство с ограничением наделов сельских жителей способствовало эскалации противостояния между старожилами и новоселами⁶. Так, в источниках говорится о враждебном отношении сибиряков к украинским «самоходам» в Томской губ.⁷ Это было вызвано тем, что украинские переселенцы, образуя целые поселки, покушались при этом на земли, находившиеся в пользовании у старожилов. Враждебность эта принимала такие резкие формы, что прозвище «хохол» в устах старожилов превратилось в синоним чего-то презренного⁸.

Реалии модернизационного развития Сибири в конце XIX – начале XX в. позволяют охарактеризовать ситуацию, сложившуюся в регионе, как потенциально конфликтную. Современная гуманитаристика позволяет рассматривать конфликт как обострение противоречий между старыми нормами жизни, ценностями, стратегиями поведения и новыми ментальными представлениями людей, распространяющимися на все сферы жизни. При этом отмечается, что в локальном, замкнутом обществе (а сибирское общество до строительства железной дороги и массовых аграрных миграций было именно таковым) конфликт возникает как следствие нарушения традиций, как наказание за нововведения. В тесном мире традиционного сообщества нет места для чужих. Как только чужой появляется, конфликт неизбежен, так как «пришелец» представляет опасность. Он воспринимается как причина конфликта, как разрушитель социальной действительности, то есть установленного порядка. Характерное для традиционализма «монохромное» видение мира позволяет рассматривать в качестве чужака любого, кто так или иначе отличается от принятого стандарта поведения или мышления⁹. «Пришлые» в Сибирь переселенцы из Европейской России играли как раз роль таких чужаков, которые своей деятельностью непосредственно изменяли социальную реальность в регионе, сибирскую повседневность в целом.

Безусловно, применительно к Сибири конфликт разворачивался в области взаимодействия культурных и социально-экономических отношений. Нам представляется справедливым утверждение омского историка К. В. Скобелева о том, что старожилы хотя и были терпеливы к чужакам, так как они привыкли часто видеть их у себя в деревне и постоянно с ними общаться, но для их менталитета, собственно, как и для менталитета крестьян любой этнической принадлежности, была свойственна такая черта, как локальность, основанная на автохтонности. При этом свое место в мире крестьянин понимал буквально как «территоризацию», занятие конкретного пространства¹⁰. Как нельзя лучше крестьянский локализм характеризовало высказывание: «Что нам до России, если мы псковские»¹¹. Данный факт неоднократно отмечался крестьяноведами: «Деревня не любит чужаков. Она примет потомков тех людей, которые здесь жили прежде, – такова деревенская традиция. А с новоселами из других мест могут быть серьезные конфликты»¹². Крестьянская логика выводила на первый план принадлежность к территории, проживающие в границах которой дифференцировались на «своих» и «чужих», причем в отношении к последним «свои» проявляли полное отсутствие общественного чувства.

Необходимо учитывать тот факт, что в конце XIX в. переселенцы легче инкорпорировались в сельские общества. Но со временем, в связи с наплывом мигрантов и обострением вопроса о землеустройстве, граница между старожилами и переселенцами в Сибири стала более жесткой, и наметившаяся в конце XIX в. новая идентичность «переселенческого» социума вновь подверглась серье-

езному испытанию и размыванию. «Сибирские отголоски» в 1908 г. открыто писали о вражде между местным населением и переселенцами, неоднократно сообщали о прямых столкновениях между старожилами и новоселами: «Сибирский крестьянин, с детства привыкший к заимочному хозяйству, теперь принужден переходить к другим, ему чуждым, формам землепользования. Виновником этого он считает “лапотников”, которые являются на насиженные места, получают участки земли, врываются своим взглядом на вещи в установившееся мирозерцание сибиряка»¹³.

Процесс формирования сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири во многом был связан с крестьянской колонизацией. В общероссийском миграционном потоке направлялись в Сибирь и сельские предприниматели, оставив свои хозяйства в Новороссии, Крыму и других районах Европейской России.

Железная дорога открывала Сибирский регион для Европейской России двойкою: крестьянство стремилось найти здесь массу плодородной земли и условия свободного хозяйствования на ней, сельские предприниматели – возможность организовать дело так, чтобы получать большую, нежели ранее, прибыль¹⁴. В Сибирь сельскохозяйственных предпринимателей влекли, прежде всего, близость железной дороги и наличие непаханой земли, которую можно было купить или арендовать по «мизерным», в отличие от Европейской России, ценам¹⁵.

В силу всех вышеперечисленных моментов, характеристика сибирским обществом сельскохозяйственных предпринимателей, так же как и крестьянства, в основном формировалась в результате процесса идентификации «себя» и «других», осознания собственной «самости» и чужой «инаковости».

Страницы сибирской прессы конца XIX – начала XX в. пестрят свидетельствами, указывающими на широкое распространение в области аграрного производства «капиталов», «знаний и предприимчивости»¹⁶. Подчеркивается, что сельскими предпринимателями в регионе были «крупные сельские хозяева из пределов Европейской России»¹⁷, «вездесущие во всех русских степях тавричане, херсонцы и кубанцы – тип разбогатевших крестьян, подражающих во многом колонистам-немцам»¹⁸. При этом отметим, что немецкий элемент составлял значительную долю предпринимательского сообщества в Сибири¹⁹.

Указанные факты приводили к постепенному формированию со стороны сибирского общества в отношении сельских предпринимателей – мигрантов из европейской части империи бинарной пары «мы – сибиряки» и они, другие – «несибиряки». В частности, фактор увеличения в регионе пришлого населения в начале XX столетия у сибиряков-крестьян вызывал чувство недовольства, стесненности и, соответственно, усиливал единство, защиту традиций и своего «Мы».

У предпринимателей в аграрной сфере этап переселения явно сопровождался кризисом идентичности данной социальной группы. Подобные сообщества, возникшие на основе миграционных процессов, демонстрировали особый набор отличающих их социотипических черт. Ядром данной социальной модели являлся переселенец, по определению несущий в своем сознании черты дуализма. Идентифицируя себя с «российской» общностью, конкретизировавшаяся в сознании до определенного культурного поля, откуда вышел каждый предприниматель-переселенец, в то же время он, с той или иной долей уверенности, начинал со временем ассоциировать себя с неким региональным сообществом – «мы – сибиряки». Процесс перестройки сознания на «мы – сибиряки» был сложным и многоуровневым. Кроме того, возможно предположить наличие кризиса и общей идентичности, связанного с трансформацией сибирского общества в результате модернизации в конце XIX – начале XX в.

Революционные изменения только усложнили ситуацию, так как они имели деструктивный характер, который жестко навязывал участникам событий определенные направления деятельности, методы борьбы и стереотипы отношений. Но, вместе с тем, революционный процесс сохранил в себе колоссальные социально-инновационные потенциалы. Пока революция не началась, жизнедеятельность человека была подчинена обычным нормам и происходила под контролем давно сформировавшихся социальных институтов. Но как только «механизм» революции был запущен, привычные законы человеческой жизнедеятельности или работали «вхолостую», или подвергались отрицанию, деформации. В ситуации революционного кризиса большинство социальных институтов разрушалось, вера в прежние ценности ослабевала, как и контроль над соблюдением социальных норм. Более того, людьми овладевало желание отказаться или изменить прежнюю систему любой ценой, а новизна, независимо от того, вела она к лучшему или худшему, превращалась в самоценность и обретала неодолимую притягательность. В этих условиях и формировалась принципиально новая социентальная система.

На наш взгляд, рассмотренные выше особенности сибирского локального пространства привели к тому, что сельские предпринимательские хозяйства, представленные в основном выходцами из других районов империи, и пострадали от земельных захватов в период аграрной революции. Многочисленные источники подтверждают данный тезис. Так, земельный отдел Томской губернской земской управы в 1918 г. указывал, что в Кузнецком уезде «с весны 1917 г. начались захваты крестьянскими обществами и отдельными группами крестьян арендных участков у коневодов и коннозаводчиков. Первоначально в некоторых местах крестьяне травили своим скотом выгоны и покосы коневодов, а в случаях возражений со стороны владельцев они грозили насилием и убийством, иногда разрушали поскотины и другие сооружения коннозаводчиков, и некоторые из этих последних вынуждены были уехать и бросить свои хозяйства. Захваты эти производились частью совершенно самостоятельно, частью были оформлены постановлениями волостных сходов...»²⁰. От этих незаконных действий сельского населения Кузнецкого уезда пострадали предпринимательские хозяйства Ф. С. Пьянкова, Н. А. Цевловского, Н. П. Ермолаева, С. Здорика и др.²¹ Аналогичная картина наблюдалась и в других районах Западной Сибири. В апреле 1917 г. арендатор земель Сибирского казачьего войска в Омском уезде И. К. Ларкин в заявлении на имя войскового правления указывал на захват его земли со стороны крестьян соседних поселков и отмечал, что «не в силах сам справиться с такой массой беспорядочных людей», претендующих на его земли²². Это были не единичные примеры захватов как частновладельческих земель, так и арендуемых сельскими предпринимателями.

При всем этом следует указать, что частные земли не были основной «жертвой» земельных переделов в регионе. Причиной тому была как незначительность размеров частных владений, так и последующие установки советских земельных органов на превращение конфискованных имений в культурные хозяйства. Так, по данным Н. Ф. Иванцовой, в декабре 1917 – мае 1918 г. из общей массы земель, полученных от советских земельных органов или самовольно захваченных крестьянством Алтайской губ., 60 % приходилось на казенные, монастырские, церковные и школьные земли, 31 % – на частные, 19 % – на надельные земли²³. Приводимые автором данные о соотношении различных категорий земель, подвергнутых революционному переделу, говорят о том, что крестьяне ограничивались только частичным отчуждением земель владельцев, захватывая сенокосные поляны или неиспользуемую пашню. Таким образом, частные земли не составляли основы земель, самовольно захватываемых населением.

Положение осложнялось тем, что советские земельные органы активно способствовали передаче земельных и лесных угодий в распоряжение общинному крестьянству, несмотря на их юридический статус, тем самым подстегнув новую волну самостийных земельных захватов. Советы активно распределяли землю между безземельными и переселенцами, отменили аренду, приступили к разделу сельскохозяйственных машин и инвентаря, семян. Более того, на базе некоторых предпринимательских хозяйств ими создавались коммуну, колхозы и совхозы.

В результате развернувшихся революционных аграрных преобразований в сибирской деревне наблюдалось усиление социального напряжения, общей конфликтности, что проявлялось, в том числе, в захватах сельскими обществами земельных угодий друг у друга, в разделе земли некрестьянского пользования (казенной, монастырской, причтовой, частной, городской, земельных угодий опытных станций и полей)²⁴. По сведениям комиссара земледелия и землеустройства Омской обл. за май 1918 г., в областной земельный отдел поступила масса ходатайств отдельных обществ о присоединении к их наделу казенно-оброчных статей, лесных дач, войсковых участков Сибирского казачьего войска и даже частей наделов соседних обществ. При этом нередко данные ходатайства заканчивались угрозой самовольных захватов в случае «их неудовлетворения в первую очередь»²⁵. В августе того же года, выступая перед депутатами Сибирской областной думы, П. В. Вологодский особо подчеркивал: «Как известно, в период большевистской власти начались усиленная раздача и самовольный захват земель. Именно в это время были заняты и вырублены некоторые лесные дачи, роздан весь свободный колонизационный фонд вблизи железных дорог и захвачены почти все частновладельческие имения»²⁶.

Таким образом, конфликтные ситуации в поземельных отношениях между крестьянским населением и сельскими предпринимателями в определенной степени являлись показателем осознания данными социальными сообществами новых условий жизни, необходимости приспособиться к ним так, чтобы иметь возможность участвовать в их использовании. Действуя в

различных социокультурных пространствах, представители этих сообществ активировали различные сценарии социальной репрезентации с варьирующимся радиусом действия.

Предприниматели-мигранты и представители сельского локального общества выступали носителями конфликтного сознания, специфика которого заключалась в понимании противоположности своих ценностей, интересов, целей и превращения их в мотивацию активности. Сельскохозяйственным предпринимателям были свойственны нормы поведения и идеи, отличные от существующих в рамках культуры сибирского общества до начала модернизационных процессов. Не находя себе места в системе отношений, типах деятельности в Европейской России, они являлись носителями конфликтных тенденций и новаторства, конфликтной логики мышления и поведения. Приехавшим в Сибирь предпринимателям были свойственны новые, отличные от местных, ментальные представления, в том числе и в аграрной сфере. Поэтому они и начали «борьбу» за ценности и претензии на определенный социально-экономический, культурный статус, за недостаточные для всех материальные и духовные блага. Революционные перемены в аграрной сфере, как в стране в целом, так и в рамках локального пространства, еще сильнее запутали и усложнили процесс взаимоотношений.

Анализируемая ситуация общей конфликтности на региональном уровне, с одной стороны, приводила к значительным необоснованным затратам различных ресурсов, а с другой – являлась тем механизмом, который сплачивал социальные группы в напряженной борьбе за удовлетворение своих потребностей. Таким образом, конфликт нес в себе не только деструктивную функцию, в нем был заложен и большой позитивный потенциал, социализирующая сила.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бухараев В. М., Люкин Д. И. Российская смута начала XX в. как общинная революция // Историческая наука в меняющемся мире. Казань, 1994. С. 154–157; Люкин Д. И. 1917 г. в деревне: общинная революция? // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1996. С. 115–141; Булдаков В. П. Красная смута. М., 1997. С. 105.

² Рынков В. М. Между Сциллой и Харибдой: аграрное законодательство антибольшевистских правительств на востоке России (лето 1918 – 1919 г.) // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX вв.). Новосибирск, 2001. С. 99–137; Шереметьева Д. Л. Аграрный вопрос в Сибири в идейно-политических дискуссиях периода «демократической контрреволюции» // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2009. С. 167–169.

³ Подробнее см.: Рабинович В. Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. Красноярск, 2002.

⁴ Козлова Е. М. Проблема социальной адаптации крестьян-переселенцев на территории Алтайского горного окр. во второй половине XIX в. (по материалам народнической историографии) // Алтайская деревня во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2004. Вып. 2. С. 139–141.

⁵ Овсянкин И. Материалы по переселению в Алтайском горном окр. 1888–1892 гг. // Алтайский сборник. Томск, 1892. Вып. 1. С. 246.

⁶ Государственный архив Томской обл. (ГАТО). Ф. 3. Оп. 44. Д. 20. Л. 6–7; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 161; Дорофеев М. В. Переселение и земельные отношения на рубеже XIX–XX вв. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2006. Ч. 1. С. 210–211.

⁷ Круковский М. Положение самовольцев в Западной Сибири (Томский р-н) // Известия Областной земской переселенческой организации. 1911. № 45. С. 60–63.

⁸ Литин А. М. Переселение украинцев в Западную Сибирь и земские учреждения во второй половине XIX – начале XX в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2000. С. 304.

⁹ См. подробнее: Макарьева Н. В. Формирование образа конфликта в традиционном менталитете // Социальные конфликты в истории России. Омск, 2006. С. 17–19.

¹⁰ Скобелев К. В. Социальные конфликты в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. (социально-психологический аспект) // Социальные конфликты в истории России. С. 204.

¹¹ Чуркин М. К. Взаимоотношения переселенцев и старожилов Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. в природно-географическом, социально-психологическом, этнопсихологическом аспектах: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2000. С. 117.

¹² Современные концепции аграрного развития: (теорет. семинар) // Отечеств. история. 1993. № 2. С. 21.

¹³ Сибирские отголоски. 1908. 7 окт. С. 3.

¹⁴ Чуркин К. А. Природа и крестьянство Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Омск, 1995. С. 30–35; Исторический архив Омской обл. (ИАОО). Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 742. Л. 8–9 об.; Ф. 67. Оп. 2. Д. 2408. Л. 8 об.; Д. 2855. Л. 68; Российский государственный исторический архив. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1641. Л. 4.

- ¹⁵ Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России. СПб., 1913. С. 70–153, 209–225.
- ¹⁶ Сибирские известия. 1905. № 6. С. 2; Степной край. 1905. № 133. С. 3; Омский телеграф. 1909. № 33. С. 2; Омское слово. 1909. № 88. С. 2; и др.
- ¹⁷ Степной край. 1905. № 136. С. 2–3.
- ¹⁸ Сибирское слово. 1911. № 151. С. 2.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 363. Л. 1–3.
- ²¹ Там же.
- ²² ИАОО. Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 1а. Л. 85–86.
- ²³ *Иванцова Н. Ф.* Западносибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 г. М., 1992. С. 199.
- ²⁴ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 363. Л. 1–3; ИАОО. Ф. Р-1706. Оп. 1. Д. 247. Л. 24–30 об.; Омский вестник. 1917. 14 (27) июля. С. 3; Сибирская земская деревня. 1918. 15 (28) марта. С. 17; *Кротт И. И.* Сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири в период революционных аграрных преобразований 1917 – первой половины 1918 г. // Актуальные проблемы исторической науки: общее и уникальное в истории. Омск, 2009. С. 105–117.
- ²⁵ ИАОО. Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 20. Л. 43.
- ²⁶ Там же. Ф. Р-1507. Оп. 1. Д. 2. Л. 30.

УДК 94(47) + 930 + 39

Г. В. Любимова

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Новосибирск)

КУЛЬТ МЕСТНЫХ СВЯТЫНЬ В КОНТЕКСТЕ СОБЫТИЙ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ. ПАРАДОКСЫ НАРОДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ*

Одним из отличительных свойств народной исторической памяти, как показали проведенные в 1980–1990-е гг. исследования, является ее избирательность, когда одни события исторического прошлого актуализируются, а другие, напротив, игнорируются. Особую значимость при этом приобретает та информация о прошлом, которая наиболее тесно связана с настоящим и будущим¹. Рассмотрим некоторые особенности восприятия и оценки сельским населением Сибири тех событий отечественной истории, которые по тем или иным причинам (прежде всего, идеологического характера) «не вписались» в официальный исторический дискурс. Вместе с тем, память об этих событиях нашла определенное отражение в народных религиозно-обрядовых практиках, связанных с почитанием местных святынь.

Несмотря на долгие годы запретов и борьбы с местными культурами, почитаемые места, как отмечается во многих современных публикациях, «продолжают оставаться актуальным явлением повседневной жизни»². Более того, наблюдаемое сегодня повсеместное возрождение традиции почитания святых мест происходит при самом активном участии Русской православной церкви, хотя почитание местных святынь (священных камней, родников, деревьев, каменных или деревянных крестов и прочих ландшафтных объектов природного или искусственного происхождения) никогда прежде не предусматривалось каноническим церковным обиходом³.

Изучение современного состояния сибирской народно-православной традиции показало, что почитание святых мест связано, как правило, с регулярным проведением крестных ходов и возведением культовых сооружений (деревянных крестов, часовен или храмов) в непосредственной

* Работа выполнена в рамках тематического плана (НИР 1.5.09) и АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» (проект РНП.2.2.1.1/1822) Рособразования, программы фундаментальных исследований Президиума РАН (проект РАН № 25, направление № 5), при поддержке РГНФ (проект № 08-01-00333а).

близости от того или иного объекта природы, наделенного сакральным статусом. В большинстве случаев подобным природным объектом оказывается водный источник (родник или ключ), отмеченный, согласно народным воззрениям, символикой женского плодородящего и исцеляющего начала. Указанная символика поддерживается бытующими вплоть до настоящего времени преданиями о так называемых явленных (приплывающих по реке или всплывающих время от времени из родника) иконах («божественных ликах»), большая часть из которых относится к богородичному типу⁴.

Существенное влияние на характер почитания одного из наиболее почитаемых мест Алтайского края – святого ключа, расположенного в Первомайском р-не возле с. Сорочий Лог, оказали события местной истории периода Гражданской войны. Место расстрела «контрреволюционных повстанцев» (говоря языком официальной историографии) или *«мучеников за веру»* (как обозначены погибшие в народной интерпретации) стало со временем почитаемым объектом природы, наделенным, в глазах местного населения, сакральным статусом.

Отметим, что современные жители Сорочьего Лога слабо представляют себе, кто именно пострадал в кровавых событиях начала 1920-х гг. Большинство из них могут лишь сообщить, что расстрелянные *«то ли за советскую власть шли, то ли против – теперь не поймешь»*. И этот пример не является единичным. Как показывает экспедиционная практика последних десятилетий, пожилые информаторы нередко затрудняются определить политическую принадлежность участников событий тех лет, обозначая их *«то ли белыми, то ли красными»*. Таким образом, в современном народно-историческом сознании Гражданская война воспринимается как особый, трагический период отечественной истории, в котором нет ни правых, ни виноватых.

Барнаульские историки реконструировали события, происходившие в Сорочьем Логу в начале 1921 г., когда недовольные политикой продразверстки – и левые («бывшие партизаны»), и правые («остатки колчаковцев») – перешли к активным действиям против новой власти. «Контрреволюционеры», как пишут авторы книги по истории села, «решили захватить власть через выборы», чтобы установить «Советы без большевиков». Вовремя раскрыв «заговор», коммунисты, по версии авторов, вначале «позволили» оппозиции прийти к власти, а затем арестовали весь новый состав волостного Совета народных депутатов. Часть «заговорщиков» была расстреляна сразу, «других вывели за село и порубили шашками». В этой связи следует подчеркнуть, что легитимный приход к власти путем выборов вряд ли можно расценивать как «захват» или «заговор». Наряду с этим, нельзя не согласиться с общей оценкой событий как «кровавой трагедии гражданской войны», исключавшей всякую возможность какого бы то ни было компромисса⁵.

Согласно полевым материалам, вскоре после подавления заговора на месте гибели «контрреволюционных повстанцев» стали происходить разные «чудеса»: «пение невидимых певчих», появление свечек, которые «горели сами собой» и пр. Все это продолжалось до тех пор, пока сквозь землю не «проступила кровь» и не «пробился родник», находившийся ранее «совсем в другом месте»⁶.

Общественное мнение, таким образом, было подготовлено к восприятию очередного «чуда», которое не заставило себя долго ждать. Матери одного из расстрелянных, каждый день ходившей на место гибели сына, привиделся в ключевой воде лик, будто бы сообщивший ей о том, что все погибшие «признаны Богом невинными мучениками», что возникший на месте их гибели родник – это «слезы матерей по невинно убиенным»⁷. Церковь способствовала распространению новой легенды, объявив ключ в овраге за селом «святым», а традиционные обходы полей в случае засухи стали включать в себя обязательное посещение новообретенной святыни (записано от П. П. Выходцевой, 1920 г. рождения).

Широкая популярность ключа, связанная с распространением преданий о явлении «божественных ликов», пришлась на 1920-е гг., когда паломничество охватило буквально всю страну. «Бесперывные вереницы народа, – писал корреспондент губернской газеты «Красный Алтай» летом 1925 г., – текут к ключу за исцелением, святой водицей и песочком» (17.07.1925). Ежедневная посещаемость святого места составляла не менее 500 человек, а в иные дни, судя по донесениям местных властей, встревоженных «контрреволюционным характером» происходившего, доходила до 2 тыс. «По всем данным, – сообщалось в донесении в НКВД от 2 июля 1925 г., – наплыв паломников имеет организованное начало... Это носит несомненно политический характер»⁸.

Всегда популярная у православных тема чудесных исцелений у святых источников неожиданным образом оказалась в поле зрения старообрядцев. Составной частью Урало-Сибирского

патерика – капитального рукописного труда по истории часовенного согласия – явилась «Повесть о святом ключе», в которую вошли рассказы «об известном алтайском источнике близ с. Сорочий Лог»⁹. Период Гражданской войны характеризуется в ней как «зима безбожия», когда «восташи брат на брата и сын на отца со оружием», о чем, как подчеркивается в тексте, было предречено еще в Библии («якоже во Святем Писании предречеся о сем») ¹⁰.

Сами события рисуются в Повести как кровавое «междуусобие», когда «несколько человек истинно верующих православных христиан» были замучены «единоплеменными, но отступившими в безбожие народами». И хотя расстрелянные и зарубленные шашками «заговорщики» не были старообрядцами, автор повествования описывает их как последователей «истинной веры»: «Свидетельствуют, что они были христиане и пострадали за веру Христову»¹¹. Своеобразная «приватизация исторической памяти» в данном случае проявилась в том, что погибшие в борьбе с «антихристовым государством» в старообрядческом мировоззрении превратились не только в мучеников за веру, но еще и единоверцев.

Текст Повести позволяет в мельчайших деталях восстановить, каким образом место гибели участников «контрреволюционного заговора» приобрело сакральный статус. Тела замученных, говорится в повествовании, пролежали невредимо всю зиму, божьим промыслом сохранившись «от зверей и птиц плотоядных и от истления» вплоть до весны, пока во сне не явился «сын своей матери» и не попросил перенести останки на другое место. Когда же старушка-мать «с великим трудом» осуществила перезахоронение мощей, то у нее «под ногами нача являтися вода, аки источник помалу теци начинаше»¹².

Подтверждением сакрального статуса пробившегося источника стали также зафиксированные в Повести предания о регулярном явлении в воде «божественных ликов», а также многочисленные рассказы о случаях чудесного исцеления: «... тако потече целебный источник воды, не глубок ... но вельми прозрачен... И в воде видяхуся лики или образы Пресвятыя Богородицы и святых угодников Божиих»¹³. В описании А. Г. Мурачева «божественные лики» заменены тщательно выписанными образами «погибших страдальцев»: «... сперва вышел один разноцветный радужный [венец], и в нем три человекка ... в рубашке, в поясочке, в штанах босые ... проплыли по дну вниз по ручью ... и невидимы стали. Через несколько минут вышел второй [венец] ... [а потом] третий». «Тамошние жители, – подчеркивает автор, – этих страдальцев знают на имя», поскольку недалеко от ручья находятся их могилы, куда люди ходят молиться и поминать убитых¹⁴.

Среди множества описанных в Повести случаев исцеления выделяется рассказ о чуде, произошедшем в семье «безбожного коммуниста», у которого был «глухонемой детище». Жена его, дождавшись отлучки мужа, отправила сына на святой ключ, где он успешно исцелился («нача глаголати добре здраво и слышати»), а вернувшийся домой муж не только не наказал жену «за ослушание», но и сам уверовал в Бога¹⁵.

Несмотря на все усилия со стороны властей, полностью «закрыть» источник в Сорочьем Логу так и не удалось. Дважды в год (7 июля и 11 сентября) в память о расстрелянных и порубленных шашками «мучениках за веру» к святому ключу совершается крестный ход, причем в данном случае нельзя не заметить аналогии между названием христианского праздника и характером почитаемого события. День Усекновения главы Иоанна Предтечи (11 сентября по «новому стилю») в церковном календаре посвящен, как известно, памяти убитых на поле брани воинов. При этом сам образ святого, считает историк Т. А. Бернштам, чрезвычайно важен для православной идеи мученичества, поскольку именно Иоанн Креститель в свое время «возглавил формирующийся на Руси пантеон мучеников ... из популярных общехристианских и православных святых»¹⁶.

Несколько лет назад в Сорочьем Логу появился женский Богородице-Казанский Иоанно-Предтеченский скит, по инициативе Барнаульской епархии ведется строительство храма, разбит цветник. Приезжая из ближних и дальних мест в надежде получить исцеление, люди увозят с собой воду в пластиковых бутылках и глину с песком в больших стеклянных банках¹⁷.

Аналогичный характер носит почитание источника в пос. Ложок Искитимского р-на Новосибирской обл. Подобно тому, как история святого ключа в Сорочьем Логу возводится к событиям Гражданской войны, возникновение источника в Ложке относится к другому не менее трагическому периоду. Считается, что подземный ключ пробился здесь на месте массовой гибели заключенных, с 1929 по 1956 г. отбывавших наказание в особом лагерном пункте № 4, входившем в систему Сиблага. По свидетельству очевидцев, это был один из самых жестоких

каторжных лагерей бывшего Советского Союза. В течение полугода неотвратимый силикоз убивал работавших в известковых карьерах людей. Вместе с уголовниками и штрафниками в особой зоне лагеря помещались политические заключенные, многие из которых страдали за веру. На стенде с информацией об историческом прошлом поселка так и говорится: «... там, где когда-то царили страдания, и проливалась кровь человеческая, начинают бить родники». Местное население и приезжающие паломники также воспринимают данный культовый комплекс как «памятник безвинно пострадавшим за веру»¹⁸.

Таким образом, народная память о трагических событиях местной сибирской истории XX в. – таких, как расстрел участников «контрреволюционного заговора», а также массовая гибель заключенных лагеря особого режима – получила отражение в преданиях и религиозно-обрядовых практиках сельского населения Сибири, связанных с почитанием местных святых. Сами участники исторических событий, не нашедших места в официальной советской историографии, приобрели в сознании современников статус «безвинно пострадавших мучеников за веру». Занимая особое место в народно-православной картине мира, почитаемые места и связанные с ними поверья и ритуалы не только формируют специфику местного ландшафта и определяют локальные особенности народного календаря, но и аккумулируют народную память о событиях местной истории, связанных с общехристианской идеей мученичества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14.

² Виноградов В. В. Почитаемые места, конец XX в. // Христианство в регионах мира. СПб., 2002. С. 239.

³ Панченко А. А. Исследования в области народного православия: деревенские святые Северо-Запада России. СПб., 1998. С. 12–14.

⁴ Любимова Г. В. Почитаемые места в народно-православной картине мира сельского населения Сибири // Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX–XX вв. Новосибирск, 2006. С. 33–34.

⁵ Строчков П. И., Строчков И. П., Рассыпнов В. А. Сорочий Лог: история села. Барнаул, 2001. С. 57, 62 и др.

⁶ Полевые материалы автора (ПМА), 2004.

⁷ Строчков П. И., Строчков И. П., Рассыпнов В. А. Указ. соч. С. 65.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-393. Оп. 43а. № 1038. Л. 183, 185 об.

⁹ Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. С. 356. Публикацию текста и комментариев к «Повести о святом ключе» см.: Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1999. Т. 1. С. 140–147.

¹⁰ Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Указ. соч. С. 146. Особенность народного исторического сознания, связанная со стремлением рассматривать события современной жизни в качестве свершившихся пророчеств, предреченных еще в священных книгах древности, была названа А. А. Панченко «парадоксом псевдокнижной атрибуции». См.: *Panchenko A. Eschatological Expectations in a Changing World: Narratives About the End of the World in Present Day Russian Folk Culture*. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ranchenko2.htm> (дата обращения 01.06.2008).

¹¹ Духовная литература староверов... С. 147.

¹² Там же. С. 141–142.

¹³ Там же. С. 142.

¹⁴ Там же. С. 147.

¹⁵ Там же. С. 142–143.

¹⁶ Бернштам Т. А. Локальные группы Двинско-Важского ареала: духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север: к проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 240.

¹⁷ ПМА, 2005.

¹⁸ Любимова Г. В. Указ. соч. С. 47.

КНИГА И ЧТЕНИЕ В ВОСПОМИНАНИЯХ О ДЕТСТВЕ (НА МАТЕРИАЛАХ СИБИРСКОЙ МЕМУАРИСТИКИ XIX в.)

Проблема чтения вообще, детского чтения в первую очередь – ибо именно с него все и начинается, – в начале XXI в. стала одной из наиболее острых. Она волнует не только педагогов и образованных родителей. Книга и чтение имеют огромное значение для трансляции культуры и сохранения ее традиций, и это обстоятельство стало особенно заметно в XIX в.

Многие аспекты предложенной темы уже не раз рассматривались в работах по истории культуры, особенно по истории книги¹. Феномен воспоминаний о детстве изучается представителями педагогической антропологии². В настоящей статье, основанной на материалах сибирской мемуаристики XIX в., ставятся два взаимосвязанных вопроса: 1) какое место отводили мемуаристы чтению и книге в своих воспоминаниях; 2) как они понимали значение книги и чтения в своем становлении и развитии, вообще в своей жизни. Сам феномен чтения, его роль в социализации и жизни человека не является сейчас предметом рассмотрения. Из всего обширного массива автобиографий, воспоминаний, дневников и путевых записок, созданных в течение XIX в. и описывающих природу, население, социально-экономические, политические и культурные условия Сибири³ (а таких сочинений выявлено более 1150), выбрано только несколько автобиографий и воспоминаний собственно сибиряков, т. е. людей, выросших и проживших в регионе большую часть жизни.

Современные исследователи мемуаристики выделяют особую группу автобиографий детства как особого периода в жизни автора, который он специально рассматривает. Интерес к детству историчен, как и все иные наши мысли. Далеко не всегда рассказ о детстве был допустим, в некоторые эпохи – в частности, в традиционных обществах – он считался выходящим за рамки приличествующего⁴. Период детства все чаще включается в жизнеописание, начиная с XVIII в. Это связано с возрастающим в это время интересом к частной жизни человека и особенно с эмансипацией личности – ростом индивидуального начала. С точки зрения историка воспоминания о детстве показывают общество с несколько иной стороны, нежели источники о взрослых. Например, в воспоминаниях о детстве социальный фактор не играет роли единственного и даже главного, определяющего. На истории жизни детей гораздо более сильное воздействие оказывала та непосредственная среда, в которой они жили, – дом, семья, отношения между родителями и иными родственниками, соседи, село или город, школа⁵. Ряд историков выделяет в воспоминаниях о детстве конкретные эпизоды, в том числе являющиеся типичными, часто встречающимися.

На мой взгляд, к таким знаковым сюжетам в русской мемуаристике XIX в. относится сюжет о чтении. Особую и очень важную подтему представляет чтение религиозной литературы. На нем я сейчас не буду останавливаться, скажу только о чтении гражданской книги. В XVIII в. образование в России стало престижной ценностью, сначала только для дворянства, а затем и для других неподатных сословий, что определялось, прежде всего, влиянием эпохи Просвещения. В Новое время одной из доминирующих тем в воспоминаниях о детстве стала учеба⁶. В это время появляются автобиографии образования, в них авторы повествуют о том, как они приобрели тот «стартовый капитал», который позволил им стать тем, кем они стали. Но о своем детском чтении, детских книгах не вспоминал никто из русских мемуаристов XVIII в.⁷ В XIX в. ситуация резко изменяется, причем об образовании и чтении все больше пишут не только дворяне, но и представители иных неподатных сословий, все больше и чаще пишут провинциалы, в том числе и сибиряки.

Почти все мемуаристы-сибиряки, писавшие о своем детстве, непременно уделяли внимание образованию. Не употребляя научных терминов, некоторые из них понимали значение не только образования вообще, но и чтения как ресурса для повышения собственного социального статуса. Отдельные авторы видели в чтении также компенсаторный и рекреационный ресурсы. При этом чтение чаще всего выступает как часть образования.

Мелкий чиновник Т. П. Калашников, отец писателя И. Т. Калашникова, в своем сочинении под характерным названием «Жизнь незнаменитого Тимофея Петровича Калашникова, простым слогом описанная» (написано на переломе между XVIII и XIX вв.), рассказав о своей учебе (в это время, в 70-е гг. XVIII в., образование чиновников сводилось к обучению чтению и письму) и до-

вольно успешной служебной карьере, подчеркивает: брат его оставлен был почти без учения, а дальше глухо говорит о неудавшейся карьере этого брата⁸. Здесь автор скорее стремился вписать себя в нормативный контекст, подчеркнуть свое соответствие приобретенному статусу.

Как правило, главную роль и в образовании детей, и в приучении их к чтению играла семья. При этом почти всегда родители, особенно отцы, понимали значение образования и чтения, прежде всего, для мальчиков. Педагог В. Н. Виноградский вспоминал, что отец еще до гимназии познакомил его со стихами своего любимого Пушкина, массу их мальчик уже в раннем детстве знал наизусть, как и басен И. А. Крылова, как «Конька-горбунка» П. П. Ершова и т. д.⁹ Публициста С. С. Шашкова, одного из идеологов сибирского областничества, грамоте учила мать, затем сам он учился по книгам, которые давал отец¹⁰. Литератор и издатель Н. А. Полевой вспоминал: «Я почти не помню себя неграмотным, потому что лет шести был я, когда старшая сестра выучила меня читать, лет восьми я уже читал вслух – матери моей романы, отцу же Библию и “Московские ведомости”, а десяти перечитал уже все, что было в шкапе у отца моего»¹¹. То же мы видим в автобиографии писателя Н. И. Наумова: «Читать меня научила еще мать с 5 лет»¹². Сын казака, ставший крупным деятелем горного ведомства, Т. С. Бурнашев тоже писал в своей автобиографии: «С пяти лет начал я обучаться русской грамоте у дяди моего... Отец ... приучал меня к чтению церковных книг»¹³. Рассказ знаменитого купца из крестьян Н. М. Чукмалдина о чтении в юности книг из библиотеки весьма образованного мещанского старосты г. Тюмени В. П. Шмурыгина не случайно заканчивается словами: «Я подрастал и развивался умственно, насколько позволяли служебные занятия» в лавке¹⁴.

В середине столетия уже и девочкам старались дать образование. Дочь учителя Томского народного училища Н. Ф. Сиязова в старости рассказывала сыну о том, как отец с ранних лет учил ее читать, но сначала только сказки и детские журналы. Подростком она стала потихоньку читать романы из материнского шкафа. Отец хотел, чтобы дочь стала учительницей – это была одна из немногих, если не единственная профессия, доступная девушке из небогатой семьи. Его мечта исполнилась, Надежда Федоровна преподавала в частном пансионе, а позже помогала мужу – преподавателю семинарии¹⁵. Е. О. Дубровина (урожденная Дейхман), дочь горного инженера, начальника Нерчинского горного окр., вспоминала о том, как жила в гостях у находившегося в политической ссылке поэта М. Л. Михайлова. Сам он и приехавшая к нему Л. П. Шелгунова читали «классиков, переходили к Гончарову и Тургеневу, завершали Белинским ... и затем ... [читали] Гюго, Шиллера и Гейне – в подлинниках»¹⁶. Очевидно, что и в том, и в другом, как и во многих других случаях, чтение было частью образования.

Итак, наиболее часто встречалось понимание роли образования вообще и чтения в частности как ресурса повышения социального статуса. Чтение рассматривалось, прежде всего, как часть самообразования.

Несколько реже встречалось понимание роли чтения как компенсаторного механизма. Наумов вспоминал, как в гимназии рассказы о прочитанном обеспечивали ему любовь и уважение товарищей: «Я вошел в гимназию весьма развитым ребенком... С первых же дней я приобрел не только любовь товарищей, но и почти неограниченную власть над ними. <...> Я увлекал их, рассказывая им все прочитанное мною»¹⁷. Историк и литератор В. И. Вагин тоже подчеркивал, что благодаря своей начитанности он стал выше других товарищей по уездному училищу¹⁸. Для подростка, пришедшего в новую школу, это важное обстоятельство в жизни. В этом случае чтение играет тоже компенсаторную роль, но не в образовательной, а в досуговой сфере. Хотя события происходят в стенах учебного заведения, они не связаны непосредственно с учебным процессом.

У получивших систематическое образование мемуаристов часто повторяющийся мотив – противопоставление самостоятельного чтения гимназическому образованию (реже – начальной школе). Наиболее четко эту мысль сформулировал Н. М. Ядринцев. В одном своем мемуарном сочинении он написал: «В то время, когда казенная наука ровно не давала нам ничего, в нас пробудилась страсть к чтению и любознательность»¹⁹. В другом: «Из занятий по желанию в свободное время я всегда более почерпал, чем из уроков, довольно незанимательных, моих учителей»²⁰. С. С. Шашков не противопоставлял внеучебное чтение официальному образованию, но подчеркивал его важность. Лучшие преподаватели Иркутской семинарии – такие, как М. В. Загоскин, «кое-что почитывали» учащимся, «в классе и под секретом от начальства давали читать светские книги, исторические, русских авторов и т. д., но давали не всем, а только одному-двум лучшим ученикам, которые и развивались»²¹. Менее четко, чем Ядринцев, сформулировал эту же мысль В. И. Вагин: «Это чтение, разнообразное и частью отрывочное, давало

мне множество понятий»²². Таким образом, самостоятельное чтение восполняло пробелы официального преподавания.

Реже всего встречается понимание рекреационной роли чтения, хотя в неявном виде о ней пишут очень многие. Н. И. Наумов писал, живо ощущая прошлое: «Мне было восемь лет, когда мне попал один том стихотворений Пушкина. Я, как водится, до того зачитывался им, что выучил наизусть “Полтаву”, “Братьев-разбойников”, “Бахчисарайский фонтан”, “Кавказский пленник”, все стихотворения, заключенные в этом томе, и, бегая по двору летом или зимой, под вой вьюги декламировал их. Я и теперь еще знаю их и без ошибки декламирую целые страницы». Читал мальчик басни Крылова, «Юрия Милославского» М. Н. Загоскина и все, что попадало под руку, читал с утра до ночи, не сходя с места, забывая еду и сон²³. Кстати, Н. М. Чукмалдин тоже вспоминал, что первым романом, который он прочитал, был тот же «Юрий Милославский». Но впервые увлечен он был, как и почти все дети, сказкой – известным лубочным романом «Еруслан Лазаревич». Правда, произошло это довольно поздно – подростку было уже 12 лет. «Вот было радости-то у меня прочесть первую книжку гражданской печати, какая мне попала! Нетерпение знать, что в ней содержится, так было велико, что зимою на ходу по улицам ... прочитал ее от первого листа до последнего. Потом привез ее домой и часто вечерами перечитывал опять, волнуясь и любуясь героем сказки, с полным увлечением»²⁴. И. Т. Калашников, в молодости чиновник, а потом известный писатель, в своих воспоминаниях коротко говорит об Иркутской гимназии. Упоминает он и о детском чтении: гимназисты, «начитавшись какого-то старинного романа, где героем был разбойник Ринальдо Ринальдини», подражали подвигам его в своих шалостях²⁵. И Чукмалдин, и Вагин, и другие упоминают: читать было интересно, чтение уносило в иной мир. Ядринцев привлек воспоминания о чтении в детстве для доказательства тезиса о доступности сибирякам любви к природе, поэзии и искусству²⁶. Наиболее четко сформулировал мысль Н. А. Белоголовый. Вспоминая о своих воспитателях-декабристах, он, в частности, писал: «Я пристрастился к чтению, и эта страсть, только возрастая с годами, доставила мне в жизни самые чистые и высокие наслаждения, а потому я не могу не вспомнить с благодарностью, что этой страстью я в значительной степени был обязан времени, проведенному у А. В. Поджио»²⁷.

Об интересе местного общества к чтению писали многие мемуаристы-сибиряки. Е. А. Авдеева (сестра Н. А. Полевого), женщина не только грамотная, но и образованная, ставшая известной писательницей, замечала: нигде она не видела «такой страсти читать», как в Иркутске²⁸. Но ни она, ни прочие мемуаристы-сибиряки, за исключением тех, кто описывает собственное детство, не упоминают о детском чтении. По всей вероятности, это умолчание не случайно. Если речь идет о собственном детстве, то автор рефлексировал и по поводу того, как, благодаря или вопреки чему он стал тем, кем стал. Почти все автобиографии, в которых говорится о детском чтении, написаны представителями интеллигенции. В зрелые годы или на закате жизни, подводя ее итоги, они сознательно репрезентируют определенные сюжеты. И тогда тема чтения почти неизбежно появляется в тексте мемуариста, осознающего ценность исторического и индивидуального жизненного опыта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Очерки русской культуры XIX в. М., 2001. Т. 3; Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2000. Т. 1.

² Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях / В. Г. Безрогов, О. Е. Кошелева [и др.]. М., 2001; Кошелева О. Е. «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI–XVIII вв.). М., 2000; Память детства: западноевропейские воспоминания о детстве от поздней Античности до раннего Нового времени (III–XVI вв.). М., 2001; Память детства: западноевропейские воспоминания о детстве эпохи Рационализма и Просвещения (XVII–XVIII вв.). М., 2001.

³ Полный перечень выявленных сочинений см.: Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX в. Новосибирск, 2010. Прил. (в печати).

⁴ Безрогов В. Г. Виды коллективной памяти в автобиографиях // Сотворение истории: Человек. Память. Текст. Казань, 2001. С. 39, 40, 41.

⁵ Там же. С. 45.

⁶ Дмитриева О. Воспоминания о детстве в XVIII в. // Память детства: западноевропейские воспоминания о детстве эпохи Рационализма и Просвещения. С. 15.

⁷ Кошелева О. Е. Указ. соч. С. 26, 38.

⁸ Жизнь незнаменитого Тимофея Петровича Калашникова, простым слогом описанная с 1762 по 1794 г. // Рус. архив. 1904. Кн. 2, вып. 10. С. 152.

- ⁹ *Виноградский В. Н.* Записки // Рус. старина. 1916. Т. 167, № 9. С. 442.
- ¹⁰ *Шашков С. С.* Автобиография // Вост. обозрение. 1882. № 30. С. 12.
- ¹¹ *Полевой Н. А.* Автобиография // Полевой Н. А. Очерки русской литературы. СПб., 1839. Ч. 1. С. 83.
- ¹² *Наумов Н. И.* Автобиография // Сиб. огни. 1963. № 9. С. 177.
- ¹³ История Т. С. Б[урнаше]ва // Краеведческие записки. Барнаул, 1959. Кн. 2. С. 260. Прил. к ст.: *Савельев Н. Я.* Автобиография исследователя Средней Азии на рубеже XVIII и XIX вв. Тимофея Степановича Бурнашева.
- ¹⁴ *Чукмалдин Н. М.* Мои воспоминания. Тюмень, 1999. С. 93.
- ¹⁵ *Сиязов М. М.* Из автобиографии сибирского натуралиста // Сиб. архив. 1915. № 7/9. С. 375–378.
- ¹⁶ *Дубровина Е. О.* Памяти М. И. Михайлова // Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания. М., 1967. Т. 2. С. 472.
- ¹⁷ *Наумов Н. И.* Указ. соч. С. 178.
- ¹⁸ *Вагин В. И.* Мои воспоминания // Мемуары сибиряков, XIX в. Новосибирск, 2003. С. 62.
- ¹⁹ *Ядринцев Н. М.* Воспоминания о Томской гимназии // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979. Т. 4. С. 278.
- ²⁰ *Ядринцев Н. М.* Детство // Там же. С. 257.
- ²¹ *Шашков С. С.* Указ. соч. С. 12.
- ²² *Вагин В. И.* Указ. соч. С. 64.
- ²³ *Наумов Н. И.* Указ. соч. С. 177.
- ²⁴ *Чукмалдин Н. М.* Указ. соч. С. 36.
- ²⁵ *Калашиников И. Т.* Записки иркутского жителя // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 339.
- ²⁶ *Ядринцев Н. М.* Воспоминания о Томской гимназии. С. 272.
- ²⁷ *Белоголовый Н. А.* Декабрист А. В. Поджио, 1859–1873 // Знаменский М. С. Исчезнувшие люди; Белоголовый Н. А. Воспоминания сибиряка. Иркутск, 1988. С. 284.
- ²⁸ *Авдеева Е. А.* Воспоминания об Иркутске // Записки иркутских жителей. С. 55.

УДК 39 + 930 + 94(47)

А. А. Овчинников

Купинский краеведческий музей (Новосибирская область)

ИМЯ НА КАРТЕ КУПИНСКОГО РАЙОНА

Обращаясь регулярно к некоторым наименованиям в повседневной жизни, мы часто и не задумываемся об их значении. Как правило, незнание смысла и происхождения названий природных объектов и ближайших населенных пунктов – одно из наиболее слабых мест знаний школьников: этим вопросам уделяется мало внимания в рамках школьных курсов истории и географии. Топонимика родного края – одно из перспективных направлений просветительской деятельности краеведческих музеев.

Знания топонимики своей «малой Родины» расширяют наши знания об ее истории. Названия тех или иных мест, при их правильной расшифровке, позволяют узнать много интересных фактов о том, кто был первым жителем села, откуда взято его название, когда и по каким причинам оно менялось и т. д.

Купинский район находится в Кулундинской степи, и ее коренными жителями были казахи и сибирские татары. Само название «Кулундинская степь» восходит к казахским словам «кулун» – жеребенок и «дала» – степь, т. е. Кулунда буквально – степь для выпаса жеребят. В XVII–XVIII вв. этот регион начали осваивать русские переселенцы; для названия своих сел они часто использовали уже существующие обозначения географических объектов.

Одним из старейших поселений Купинского района является с. Яркуль, раскинувшееся на берегу одноименного озера. Слово «Яркуль» пришло из тюркского языка. Оно образовано от слов «яр» – крутой берег и «куль» – озеро, и означает «озеро с крутым берегом».

В конце XVIII в. беглые пугачевцы основали деревню и назвали ее Ключи, потому что вокруг нее было несколько родников (ключей). В последующее столетие число жителей в Ключах сильно увеличилось, и им пришлось вырубать окружающий деревню лес для строительства до-

мов. В результате вырубки возник котлован, посреди которого стал бить горько-соленый ключ, а село вскоре было переименовано в Новые Ключи.

Село Киргинцево было основано в 1855 г. Антоном Чумакиным, пришедшим с женой и трехлетним сыном Осипом из Смоленской губ. В последующие два-три года рядом с ними поселились семьи Кукушкиных, Нольфиных, Темниковых, Квашниных и Шулаевых. На новом месте переселенцы размечали наделы вокруг деревни. В память об этом остались названия угодий вокруг Киргинцева: Чумакина грива, Темников лес, Квашнина заимка, Шулаево озеро, Нольфин островок... Происхождение названия с. Киргинцево объясняется тем, что первопоселенцы увидели на берегу пресного озера стада скота и юрты казахов. Для русских переселенцев в XIX в. все коренные жители тюркского происхождения были «киргинцами», отсюда название села и озера.

Село Новоселье было основано летом 1907 г. Первым его жителем был Прокоп Анисов, крестьянин Орловской губ. Он был ходоком, направленным своим сельским обществом на поиск удобного места для основания деревни в далекой Сибири. Вслед за Анисовым в 1908–1910 гг. из Орловской губ. прибыли еще 19 семей: Гришечкиных, Саможеновых, Фоменко, Скопенко, Утниченко, Крамаренко, Бурунчуков, Костачевых, Безлуцных, Прохорченко, Копейко, Антоновых, Яхновских, Максименко, Касьяновых, Дмитрачковых и др. В 1910–1911 гг. в Новоселье прибыли 18 семей переселенцев из Воронежской губ.: Бебешко, Бутенко, Мартыненко, Черевко и др. Переселенцы приезжали по железной дороге до станции Татарск, а дальше – до Купино и Новоселья – на лошадях. Первоначально поселение называлось Ободранкой, по названию переселенческого участка, но в 1910 г. на сельском сходе было утверждено новое наименование деревни – Новоселье.

В 1886 г. на берегу оз. Мохового выходцами из с. Купино Карочинского уезда Курской губ. было основано с. Моховое, получившее свое название по имени озера. В 1909 г. по инициативе старосты Стефана Купина Моховое было переименовано в с. Купино, ставшее впоследствии центром района.

В 1897 г. появилось с. Чаинка, его первыми жителями были пять братьев Расторгуевых. Село было основано на возвышенности возле озера, куда слеталось много чаек, поэтому его так и называли – Чаинка.

Деревня Вороновка получила свое название по фамилии первого переселенца Ивана Воронова, до сих пор многие жители этого села носят фамилию Вороновы.

В период Столыпинской аграрной реформы выходцами из Курской, Орловской, Смоленской и иных губерний были основаны наши села Рождественка, Копкуль и др.

В 1907 г. переселенцы из Орловской губ. начали строить новую деревню, названную вскоре Качулино, так как рядом располагалась заимка жителя с. Заозерное Качулина. Вскоре, через полгода, деревня была переименована в Рождественку, потому что первый ребенок у «новых сибиряков» родился под самое Рождество Христово. Поселившиеся в это же время у нас выходцы с Урала заняли урочище, которое коренные жители казахи называли Копкуль. В буквальном переводе Копкуль означает «высохшее озеро», так как «коп» по-казахски – сухое, а «куль» – озеро.

В 1907–1908 гг. в Кулунду прибыло несколько больших групп переселенцев из Украины, в результате чего практически одновременно возникли села Митрофановка, Алферовка и Березовка. Первоначально Митрофановка называлась Окунихой – в честь ее первого жителя Митрофана Окунихи. В дальнейшем сам Митрофан Окуниха предложил на сходе более благозвучное название – Митрофановка, которое осталось до сих пор. Соседнее село украинские переселенцы называли Кочубей – по имени казаха, пасшего свой скот на этом месте. К 1914 г. здесь остро стоял вопрос о внутринадельном межевании, разрешить который удалось землемеру Алферову. Вскоре на сельском сходе крестьяне дали своему селу новое название – Алферовка, в честь благодетеля-землемера. Деревня Васильевка также получила имя по фамилии землемера, нарезавшего землю для крестьян.

Еще одна рядом расположенная деревня, напротив, ни разу не меняла свое первое название – так и осталась Березовкой. Название свое она получило от густых березовых колков, окружавших первые дома. Село Благовещенка было также основано в период Столыпинской аграрной реформы. Ходоки достигли нового места накануне праздника Благовещенья, по которому село и получило свое название.

В начале XX в. выходцами из Тамбовской губ. и других южных регионов России было основано с. Стеклянное. Озеро, возле которого обосновались переселенцы, называлось Стеклянным – настолько чистой в нем была вода. Село Стеклянное получило по названию озера, возле которого оно было расположено.

История возникновения названия с. Лягушье, несмотря на ее подлинность, имеет характер байки или анекдота. В период с 1868 по 1879 г. семья Поляковых, переселенцев из Курской губ., положила начало селению Поляковка. В 1888 г. в Поляковку приехал из с. Юдино волостной писарь, чтобы переписать всех жителей и их наделы для начисления налогов. Застолье в честь «высокого гостя» затянулось, и пьяный писарь записал село как Лягушье на том основании, что вокруг действительно было много лягушек.

Изучение названий населенных пунктов, расположенных на территории Купинского района, позволяет сделать следующий вывод: они возникли или вследствие заимствования у коренных жителей, или отразили имя и фамилию первого жителя, а в некоторых случаях зафиксировали местные природные особенности. Первые названия сел часто менялись на более благозвучные, или замена названий происходила вследствие какого-либо важного события в селе (землеустроительные работы, рождение первого ребенка и т. д.).

УДК 930 (571.1/.5)

Е. С. Пономарёва

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ТЕАТР В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СИБИРСКОГО ГОРОЖАНИНА (НА ПРИМЕРЕ ОМСКА 1920–1930-х гг.)

В последние годы история повседневности относится к числу направлений, которое активно разрабатывается учеными. В исторической науке сложился ряд школ, изучающих повседневную жизнь. Немало внимания уделяется исследователями и городской повседневности, появились работы и сибирских авторов¹. Однако театр в контексте истории городской повседневности еще не рассматривался. Цель предлагаемого сообщения сделать шаг в этом направлении на материалах Омска.

В сферу культурного досуга горожанина и в 1920–1930-е гг. входило посещение театра. Горожане сибирских городов не исключение. Стоит согласиться с мнением историков², что театр уступал по популярности кино, но так или иначе он играл свою роль в жизни городского жителя. Театр не просто продолжал действовать – после 1919 г. в городах начинается театральная бум. Как мы видим на примере такого крупного центра, как Омск, в этот период возникает более десятка новых театров и театральных трупп. Между активным творческим меньшинством сибиряков и пришлыми из Центра культурными силами, поток которых во время Гражданской войны захлестнул Сибирь, в том числе Омск, происходило тесное сотрудничество, которое во многом обогатило культуру региона³. Но многие из появившихся в начале 20-х гг. театров оказались недолговечными: уже к 1927 г. по всей Сибири существовало только 7 постоянно действующих театров. Большинство городов обслуживались силами гастролирующих трупп и местными любительскими театрами.

Для горожанина изучаемой нами эпохи наличие в городе профессионального театра – залог больших возможностей культурно провести свой досуг. Отсутствие же театра – свидетельство отсталости, ограниченности. Это можно подтвердить словами инженера из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»: «Квартира – свинойник, театра нет, оклад... Извозчик! Пошел на вокзал»⁴. В городе, котором еще и театра нет, задерживаться нет смысла.

В Омске театр стал неотъемлемой частью городского культурного пространства с конца XIX в. Специальное кирпичное здание было построено еще в 1904 г. В постоянной продаже находилось 814 мест зрительного зала. Вся жизнь театра напрямую зависела от публики, потому необходимо было привлекать ее. Для организации зрителя практиковались выезды работников театра на предприятия: проводились беседы, делались доклады о спектаклях. Сюжеты, связанные с деятельностью театров Сибири в годы Гражданской войны и послевоенный период уже привлекали внимание историков культуры (например, В. Л. Соскина, П. Г. Маляревского)⁵.

Администрация театра стремилась, используя печать и радио, сообщать о постановках, премьерах. Афиши театра можно было увидеть в городе не только у театра, но и в витринах магазинов, на проходных заводах. Во многих предприятиях располагались кассы-передвижки. Желающие посмотреть спектакль могли купить билеты и в кассе самого театра. В программах спектаклей, хранящихся в архивном фонде Омского драматического театра, содержится информация о расписании работы касс. На утренние спектакли билеты продавались с 10 часов, на вечерние – с 15. Районные кассы по продаже билетов работали в управлении Омской железной дороги с 10 до 13 часов, кроме выходных дней; в магазине Омторга № 19 на Тобольской улице – с 11 до 14 ежедневно⁶. Купив билет на предстоящий спектакль, будущему зрителю следовало не опоздать на начало утреннего спектакля к 12 часам, к 8 – на вечерний, так как после третьего звонка вход в зрительный зал был запрещен.

Оказавшись в зрительном зале, можно было увидеть детали внутреннего пространства: в партере установлены «специальные театральные места с локотниками и часть приставных стульев», в ложах располагались «стулья (приставные)», на балконе – «места без спинок». Внутри здания Омского драматического театра имелись магазины Книгоцентра и Горпотребсоюза (до 1935 г.), было размещено два буфета. Из протоколов заседания коллегии управления театрами можно узнать об ассортименте буфета. Например, в 1921 г. предлагались: какао – за 4000 р. (стакан), молоко – за 1500, кофе – за 2500, чай – за 1500, вода фруктовая – за 4000 (бутылка), пирожное – от 2500 до 3000 р. (штука), бутерброды – за 2500–3000, папиросы – за 2000–4000, спички – за 1500 р.⁷ Для того, чтобы оставить верхнюю одежду в гардеробе, нужно было заплатить (в 1921 г. цену за хранение верхнего платья подняли до 1500 р.).

Несомненно, что в театре на спектакле зритель следил за игрой актеров, развитием сюжета. Порой случалось наблюдать проявление на сцене людских слабостей, например, исполнение роли в пьяном виде. Обнаруженные в архиве документы свидетельствуют об этом. Так, во время постановки пьесы «Бедность не порок» артисты ТЮЗа Виноградов и Рыбина оказались в нетрезвом виде, в силу чего ценность спектакля снизилась, и у зрителя осталось неприятное впечатление «по адресу ТЮЗа»⁸.

Городские жители, которые интересовались театром, могли не только наблюдать за театральной постановкой, но и влиять на происходящее на сцене. Осуществлялось это благодаря различным дискуссиям и конференциям зрителей, которые проходили и в 20-е, и в 30-е гг. Например, обсуждая спектакль «Платон Кречет» в мединституте, участники дискуссии внесли предложения по оформлению спектакля и разработке творческих образов⁹. Журналисты не только могли высказываться на страницах изданий, но и полностью изменять направление творческой работы театра. Так случилось во второй половине 1930-х гг., когда газета «Омская правда» начала кампанию против постановки музыкальных спектаклей, в результате чего синтетический театр стал драматическим.

На примере Омска можно сделать вывод, что театр был не только центром культурной жизни, но и ключевым связующим звеном в городской инфраструктуре. Первые автобусы, которые появились в 1924 г., курсировали от железнодорожного вокзала до театра. Чуть позже появились и другие автобусные линии, также соединяющие театр с городскими окраинами. Когда в городе, выражаясь словами тех лет, открылось «таксомоторное движение», машины стояли у вокзала и театра. Таким образом, благодаря расположению в центре города, кассам, которые находились на предприятиях, афишам, расклеенным по городу, а также сведений в газетах, театр, как некий маяк, обращал внимание и заставлял проявлять к себе интерес горожан, организовывая городскую жизнь.

Изучая роль театра в структуре городского повседневного пространства, хотелось бы составить представление о том, как выглядели разные типы горожан-театралов. Исследователю еще предстоит найти источники информации, позволяющие реконструировать портрет зрителя периода становления советской культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Красильникова Е. И. Жизнь в городе-акселерате: обеспечение потребностей новосибирцев в межвоенное время (конец 1919 – первая половина 1941 г.). Новосибирск, 2008.

² Алисов Д. А., Литвинова О. А. Театр и организация досуга в Западной Сибири в дореволюционный период и в годы нэпа // Народная культура Сибири. Омск, 2002. С. 51–53; Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920–1930-е гг. СПб., 1999. С. 25.

³ Рыженко В. Г., Быкова А. Г. Культура Западной Сибири: история и современность. Омск, 2001. С. 43.

⁴ Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. М., 1982. С. 8.

⁵ Соскин В. Л. 1) Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск, 1965; 2) Культурная жизнь Сибири в первые годы нэпа. Новосибирск, 1971; *Маляревский П. Г.* Очерк из истории театральной культуры Сибири. Иркутск, 1957.

⁶ Исторический архив Омской обл. Ф. 1203. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–98.

⁷ Там же. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1213. Л. 29.

⁸ Там же. Ф. 1839. Оп. 1. Д. 3. Л. 43.

⁹ Рабочий путь. 1926. 9 февр.; Омская правда. 1935. 14 окт.

УДК 94.57

И. Ф. Рудакова

Новосибирская государственная академия водного транспорта

СУДЬБА СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ СЕМЬИ ТРЕТЬЯКОВЫХ

Коллективизация сельского хозяйства и те последствия, которые она принесла, являются одним из трагических моментов отечественной истории, оставившим глубокие изменения в общественном сознании народа, его взглядах, идеях, чувствах. Руководству страны удалось в рекордные сроки провести индустриализацию, привести южные районы к ситуации массового голода и получить плюс к этому особую категорию населения – спецпереселенцев. Все произошло за какие-то 10 лет, но последствия этой политики растянулись на длительный срок. И сегодня еще живы те, кто помнит страшные годы сталинской «революции сверху», последствия которой им пришлось пронести через всю жизнь.

Тема коллективизации в отечественной и зарубежной историографии рассматривается довольно подробно. В советский период работы, посвященные коллективизации, поверхностно затрагивали вопрос о спецпереселенцах, чаще всего и вовсе обходили его стороной. Как правило, советские историки не освещали истинную судьбу раскулаченных, бытовала концепция о гуманном отношении к бывшим кулакам, а выселение их в отдаленные районы страны и расселение в спецпоселках были представлены как необходимая мера и средство трудового перевоспитания антикоммунистического элемента.

В настоящее время условия позволяют по-новому взглянуть на вопрос о судьбе раскулаченных. Большое количество изданных источников, которые раньше находились под грифом «Совершенно секретно», дают возможность изучить проблемы, ранее запрещенные для исследования, а также пересмотреть выводы по уже изученным вопросам, не отражающие действительной картины происходившего. При этом следует опираться на появившиеся в 1990–2000-х гг. фундаментальные исследования Н. Я. Гущина, Н. А. Ивницкого, С. А. Красильникова и их коллег, где по-новому характеризуется история сплошной коллективизации русской (в частности, сибирской) деревни и немалое внимание уделяется проблеме раскулачивания, насильственной депортации раскулаченных, условиям обустройства и проживания спецпереселенцев в спецпоселках¹.

В настоящей статье рассматривается судьба одной из многочисленных репрессированных в 1930-е гг. крестьянских семей, проживавших в Чулымском р-не Новосибирского окр. Семья Третьяковых была раскулачена в 1930 г. и сослана на поселение в Нарымский край. На основе ценных архивных данных, которые содержит личное дело М. А. Третьякова, на примере одной семьи мы стремимся представить трагические последствия коллективизации и раскулачивания. История каждой пострадавшей от сталинской политики семьи уникальна и трагична. Но в основе трагедии всех крестьянских семей, пострадавших в период коллективизации, лежит факт их наказания за верность ценностям и поступки, которые они и их предки считали своим долгом, достоинством и благом (забота о благосостоянии семьи, любовь к труду, вера во власть от Бога).

Личное дело спецпереселенца Парабельской комендатуры М. А. Третьякова хранится в Государственном архиве Томской обл. в фонде земельного отдела Каргасокского райисполкома и включает в себя всего 16 листов. Тем не менее, для историка-исследователя даже столь не-

большое по составу дело представляет значительную ценность, в первую очередь по той причине, что личные дела спецпереселенцев длительное время находились под грифом «Совершенно секретно», и даже после их официального открытия редко удается получить разрешение с ними ознакомиться.

Дело Третьякова включает в себя личную карточку главы семьи, в которой специально отведенная графа содержит перечень всех сосланных вместе с ним членов семьи и их возраст. Помимо этого, в карточке подробно описано социально-экономическое положение Третьякова. На отдельном листе содержится характеристика Максима Афанасьевича и постановление о лишении его избирательных прав с последующим выселением в Нарымский край. Оставшиеся листы дела содержат многочисленные ходатайства и заявления его сына и невестки с просьбой об их реабилитации, каждое из которых оканчивалось неудачей, что подтверждают соответствующие выписки из протоколов.

В период коллективизации и раскулачивания, а затем и массовой ссылки раскулаченных в отдаленные районы страны, в частности, в Нарымский край, подобная участь постигла множество семей. Ссылке подвергались в основном кулаки первой и второй категорий, основным признаком которых являлось использование в своем хозяйстве наемного труда. Тем не менее, архивные данные и воспоминания участников этого процесса красноречиво свидетельствуют о том, что не всегда в категорию раскулаченных попадали крестьяне зажиточные и, тем более, использовавшие в своем хозяйстве труд батраков.

Семья Третьяковых, не в пример традиции сибирских крестьян, была небольшой: на момент высылки она состояла из главы семьи, его жены, двух сыновей и невестки. Позже, уже в ссылке, у молодой четы родился ребенок мужского пола, вопреки всем невзгодам и высокой детской смертности выживший в суровых условиях.

В этом отношении семье Третьяковых, можно сказать, повезло. Как правило, крестьянские семьи были большими. Помимо родителей, они включали в себя от четырех до шести детей разного возраста. Нужно также учесть, что, согласно постановлению о выселении, ссылке подлежала вся большая патриархальная семья – престарелые родители, их взрослые дети со своими женами и детьми. То есть нередко семья насчитывала человек 15–20. Условия перевозки раскулаченных были нечеловеческими. Будущих спецпереселенцев, как правило, перевозили в вагонах для скота, которые на всем пути следования ни единого раза не открывались. По окончании этапирования по железной дороге раскулаченных грузили на баржи и в столь же стесненных условиях отправляли по реке. До места поселения они были вынуждены еще десятки километров пройти пешком. Столь длительное и тяжелое путешествие сильно сокращало численность крестьянских семей, подвергнутых репрессии. Отсутствие при этом медицинского обслуживания и организованного питания приводило к высокой смертности среди выселяемых, особенно среди стариков и малолетних детей. Нередко в семье умирали все дети.

Семья Третьяковых не отличалась какими-либо особыми «заслугами», может быть, за исключением того, что, по сведениям Парабельского РИКа, глава семейства попытался скрыться от властей, будучи признанным кулаком, и, бросив хозяйство, скрылся в Барнауле, где и был найден достаточно быстро.

Но в изучаемый период подобное явление было нередким. Многие зажиточные крестьяне, не желая вступать в колхоз, в особенности после выхода постановления, по которому в колхозы их принимать запретили, продавали, а нередко просто бросали свое имущество и бежали в города, где пытались скрыться у родственников или устроиться на работу на какой-нибудь завод. В отличие от крестьянства, к рабочим советская власть относилась с доверием, и некоторым крестьянам, таким образом, удавалось избежать трагической участи.

В личной карточке Максима Афанасьевича Третьякова, 1851 г. рождения (на момент высылки ему было уже 79 лет) значит, что он причислен к категории кулаков Чулымской районной комиссией Новосибирского окр. Западно-Сибирского края, постановлением сельского комитета бедноты лишен избирательных прав, подлежит экспроприации, в армии не служил, в бандформированиях не состоял, в колхоз не вступал, суду не подвергался². Вместе с ним к категории кулаков была отнесена, как уже упоминалось, вся его семья. Жена Екатерина, 50 лет от роду, проходит по делу весьма безлико – в бумагах нет даже ее отчества. В дальнейшем, в одном из заявлений ее невестки с просьбой о реабилитации, упоминается, что Екатерина Третьякова умерла, будучи в ссылке, в 1935 г., как и ее муж. Очень мало сведений сохранилось и о младшем сыне – Макаре Максимовиче Третьякове, которому на момент ссылки было 9 лет.

Наибольшее количество сведений сохранилось в документальном материале относительно молодой семьи, состоявшей из Петра, Анастасии Третьяковых и их сына Алексея, родившегося в ссылке. По сохранившимся сведениям, судьба молодой семьи оказалась весьма печальной.

Безликое, безразличное отношение к членам семей раскулаченных, которые также причислялись к данной категории, было повсеместным в спецпереселенческих комендатурах. Подсчет высылаемых крестьян чаще всего велся не по количеству людей, а по числу семей. Именно в связи с этим точный численный состав высланных кулаков не представляется возможным восстановить.

Родственники Анастасии Ивановны Третьяковой, урожденной Быковой, были не согласны с постановлением о причислении ее к категории кулаков и высылке в Нарым, в связи с чем писали многочисленные ходатайства о пересмотре дела и возвращении Анастасии с сыном из ссылки, о чем свидетельствуют материалы дела. Писала жалобы и сама Анастасия, по воле судьбы оказавшаяся в негостеприимном Нарымском крае.

Чулымская районная комиссия определила М. А. Третьякова как крупного кулака-эксплуататора, с 1927 г. имевшего в хозяйстве несколько батраков и крупных сельскохозяйственных машин. В 1930 г. с началом проведения коллективизации и политики раскулачивания Третьяков бежал в Барнаул, где, по определению властей, «скрывался от налогового обложения»³. Третьяков был достаточно быстро найден и со всей семьей отправлен в отдаленный район страны как кулак второй категории.

Сведения родственников Анастасии Третьяковой (Быковой) расходятся с официальной точкой зрения, они не подтверждают зажиточность хозяйства Третьяковых. Родная тетка Анастасии – Агрипина Дмитриевна Михайлова, которая, собственно, и занималась вызволением ее из ссылки, в своем заявлении в Барабинскую прокуратуру с просьбой о пересмотре дела племянницы говорит о весьма скромном достатке. По ее сведениям, М. А. Третьяков использовал труд наемного работника только в связи с нуждой, так как являлся инвалидом (у него не было левой руки). Работника он держал временно, лишь в период сезонных работ. Когда подрос его старший сын, Максим Афанасьевич перестал пользоваться наемным трудом. Для помощи семье он женил 16-летнего сына на 15-летней Анастасии Быковой, родители которой были колхозниками. После четырехмесячной совместной жизни молодая семья была выслана в Нарым вместе с М. А. Третьяковым, где глава семьи с женой Екатериной умерли⁴.

Подобное отношение властей к молодым членам семей раскулаченных было обусловлено опасениями относительно того, что они, будучи воспитанными своими родителями, станут проповедовать их взгляды, оказывая влияние на колхозное крестьянство. Политика «сын за отца не отвечает» не имела права на существование в эпоху Сталина. Зажиточные крестьяне, особенно в сибирской среде, где процент крестьянской бедноты был низким по сравнению с Европейской Россией, пользовались значительным авторитетом и влиянием на селе. Сибирские крестьяне справедливо полагали, что достигнуть благосостояния можно только тяжелым трудом и природным умом. Советская же власть старалась их всячески в этом переубедить, и для установления своего окончательного влияния на крестьянские умы ликвидировала конкурентов.

Семья Третьяковых была выслана в Нарымский край, Каргасокский район, Парабельскую комендатуру и заселена в Новаковскую поселковую комендатуру на участок № 6 в с. Косиха. Парабельская комендатура, в отличие от ряда других комендатур Нарымского края, была относительно благополучной в плане снабжения ее продуктами питания и строительными материалами. Новаковская поселковая комендатура располагалась на базе уже существовавшего местного поселения, благодаря чему пути сообщения с ней были налажены. Тем не менее, семья Третьяковых не избежала необходимости участвовать в строительстве поселка, налаживала быт практически заново.

В 1935 г., когда у молодой семьи уже родился сын Алексей (ему было полтора года), Анастасия и Петр были восстановлены в избирательных правах в связи с их ударной трудовой деятельностью, о чем свидетельствует постановление Каргасокского РИКа, подшитое к делу Третьякова. Тем не менее, они по-прежнему не имели права покидать спецпоселение. На этот момент они уже проживали одни, после смерти родителей. О младшем брате Петра – Максиме – никаких сведений в деле больше не содержится. Возможно, он скончался. В связи с высокой детской смертностью, вследствие неублаженности спецпоселков и отсутствием здесь медицинского обслуживания, учет умерших детей велся весьма недобросовестно, поэтому свидетельство о смерти Максима могло затеряться.

После восстановления в избирательных правах местными властями был поставлен вопрос о службе Петра в Красной Армии. Вопрос этот был решен положительно, и в 1937 г. Петр под-

лежал призыву. В связи с этим, тетка Анастасии и сама Анастасия просят о пересмотре дела с целью реабилитации их семьи и выдачи разрешения вернуться на родину. Анастасия мотивировала просьбу тем, что в связи с уходом Петра в армию она остается одна, с малолетним ребенком на руках, а выезд за территорию комендатуры без особого разрешения спецпереселенцам запрещен.

В период 1935–1937 гг. президиум Нарымского окрисполкома дважды рассматривал ходатайства Анастасии и ее тетки, и в обоих случаях они получили отказ. Семье Анастасии Третьяковой (Быковой) было разрешено покинуть спецпоселение, в котором она проживала, только после смерти Сталина, в связи с реабилитацией раскулаченных в 1956 г., но покинуть спецпоселение смогли уже только ее дети.

Таким образом, семья Третьяковых является ярким примером того, насколько трагично складывалась судьба раскулаченных крестьян, оказавшихся в суровых условиях Нарымского севера. Многие из них так и не сумели вернуться из места ссылки, на протяжении долгих десятилетий осознавая несправедливость их обвинения в надуманных властью преступлениях и нередко пытаясь искупить свою несуществующую вину тяжелым трудом, с единственной целью – вернуться на родину к своей прежней жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Гущин Н. Я.* «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996; *Ивницкий Н. А.* Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004; *Красильников С. А., Салматова М. С., Ушакова С. Н.* Корни и щепки: крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск, 2008; и др.

² Государственный архив Томской обл. Ф. Р-588 (Земельный отд. Каргасокского райисполкома). Оп. 7. Д. 255. Л. 1.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 10.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор Е. И. Соловьева.

УДК 947(571)

А. М. Хламова

Новосибирский государственный педагогический университет

«ШТРАФНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СИБИРИ». ВЫСШАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. О КОЛОНИЗАЦИОННОМ ПОТЕНЦИАЛЕ УГОЛОВНОЙ ССЫЛКИ

Н. М. Ядринцев выражением «штрафная колонизация» очень точно обозначил особенности государственной политики по освоению восточной окраины и включения ее в общеимперское пространство с помощью уголовной ссылки. Двойственный характер ссылки в Сибирь уголовных преступников, а именно – сочетание ее колонизационного и карательного потенциала – существовал с момента возникновения данного вида пенитенциарии в Российской империи¹. Позиция власти по проблеме колонизационного потенциала существования института уголовной ссылки в Сибирь позволит выяснить образ «штрафного колонизатора» Сибири у власти и определить степень внимания представителей власти к проблемам «штрафной колонизации» региона. Основными источниками реконструкции представлений администрации о проблеме, вынесенной в заголовок данной статьи, являются материалы официального делопроизводства (преимущественно отчеты сибирских генерал-губернаторов и губернаторов, записки, журналы Советов Главного управления Западной и Восточной Сибири), а также отдельные очерки, ис-

ходящие от государственных ведомств или частных лиц, имевших отношение к структуре управления институтами уголовной ссылки.

Градация уголовных ссыльных на ссыльнокаторжных и ссыльнопоселенцев предопределяла особенности их существования на новой Родине. Так, законодательство определяло ссыльнокаторжных в тюремное заключение, каторжные работы, по истечению которых преступник переходил в разряд поселенца и должен был заниматься экономической колонизацией восточной окраины империи. Преступники же, осуждаемые на поселение в Сибирь, в соответствии с буквой закона, являлись основными колонизаторами.

К 50-м гг. XIX в. общее расстройство и децентрализация ссыльного управления, имевшее влияние, в том числе, и на неудачи колонизационного назначения ссылки, стало очевидным в кругах высшей центральной и региональной администрации. Уже на заседаниях Второго Сибирского комитета вопросы хозяйственного водворения ссыльнопоселенцев в Западной Сибири стали предметом пристального внимания. Ключевую роль в этом сыграла ревизия Западной Сибири генерал-адъютантом Н. Н. Анненковым в 1851 г., который сделал вывод о неравномерном распределении ссыльных по огромному пространству Сибири².

Главноуправляющий II отделением императорской Канцелярии статс-секретарь граф Д. Н. Блудов, полностью разделяя тезис о провале колонизационного назначения уголовной ссылки, представлял возможным разрешить проблему путем расширения ссыльного района за счет поселения ссыльных к рассеянным «инородческим» деревням³. Признание на высшем государственном уровне дальнейшей невозможности колонизации региона ссыльными не разрешало проблему массового скопления данной категории населения в сибирских населенных пунктах.

Сибирские администраторы в течение всего рассматриваемого периода конструировали негативный социальный портрет уголовных ссыльных.

Тобольский губернатор генерал-майор П. В. Чебыкин в отчете о состоянии губернии за 1868 г. так характеризует нравственный облик «штрафных колонизаторов» Сибири: «... люди с испорченной нравственностью, привыкшие во время тюремного заключения и продолжительного пути до места ссылки к праздности и порокам»⁴. Призванные способствовать экономическому освоению Сибири, ссыльные переходили с одного места на другое, не находя заработков, совершали преступления и вели скитальческий образ жизни. Губернатор заключал: «Беспечность, развившаяся в них во время заключения в тюрьме, делает неспособными их к постоянному и усидчивому труду. С такими рабочими частная предприимчивость, конечно, не может заняться устройством и усовершенствованием мануфактурных произведений, которые могли бы вполне удовлетворять. Ссыльные составляют самый непроизводительный элемент сельского населения губернии»⁵.

Генерал-губернатор Восточной Сибири П. А. Фредерикс, размышляя о причинах подобного образа жизни невольных колонизаторов в 1874 г., апеллировал к самому «характеру» ссыльных, влекущему их к беспорядочному образу жизни, что неминуемо сопровождалось бродяжничеством⁶.

Всепоподданнейший отчет восточносибирского генерал-губернатора Д. Г. Анучина демонстрирует механизм водворения ссыльнопоселенцев по прибытии в Сибирь: «По прибытии в назначенную для ссылки местность ссыльные распределяются главным образом по волостям и отчасти по городам. Получив в губернском городе проходной вид, одни вовсе не доходят до места причисления, другие разбегаются ... и только немногие водворяются в волости. Но здесь их встречают, с одной стороны, недоброжелательство местного населения, с другой – затруднения в приобретении заработков»⁷.

Западносибирский генерал-губернатор Г. Х. Гасфорд указывал, что ссыльные по прибытии в Сибирь распределяются в волостях, имеющих избыток земли с целью приучения их к занятиям земледелием. Однако эта мера не достигает желательных результатов – большинство ссыльных отправляется в города «на заработки»⁸. Данные Гасфорда дополняет генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков: «Поселенцы из внутренних губерний и перешедшие в то состояние из разряда каторжно рабочих за весьма малым исключением остаются бездомными и бессемейными и приобретают себе средства наймом в работы преимущественно на частные золотые прииски или ведут в полном смысле бродячую жизнь. Плохое, а иногда и совершенно необеспеченное существование поселенцев и развившаяся в них склонность к бродяжничеству и беспорядочной жизни делают то, что этот класс населения Восточной Сибири, хотя и увеличивает число рабочих рук для золотых промыслов, но, с другой стороны, обременяет край

большим, сравнительно со всем прочим населением, количеством ежегодно совершаемых преступлений и государственных недоимков»⁹.

Представления высшей имперской администрации о проблемах экономического водворения уголовных ссыльных в Сибири во второй половине XIX в. формировались под влиянием нескольких тесно взаимосвязанных между собою факторов. В начале периода идея колонизации региона ссыльным элементом являлась преобладающей, однако материалы отчетов сибирских губернаторов и генерал-губернаторов, ревизии представителей центральной власти начала 50-х гг. XIX в. подтвердили утопичность замысла уголовной колонизации восточной окраины Российской империи. К концу 1850-х гг. преобладающее влияние на формирование образа экономического быта уголовных ссыльных оказывали реалии положения ссыльных в регионе, опровергающие представления о высоком колонизационном потенциале уголовной ссылки.

Подчеркнем активную позицию высшей западносибирской и восточносибирской администрации, которая из года в год поднимала проблемы экономического неустройства ссыльных в регионе. К началу 1870-х гг. провал попыток экономического водворения ссыльных в Сибири стал очевиден. Представители власти осознавали невозможность быстрого решения проблемы и находились в постоянном поиске новых форм экономического стимулирования ссыльных (казенные поселения, рабочие роты, Дом Трудолюбия), расширили район каторжных работ.

Признание абсолютного провала всех попыток прикрепления ссыльного элемента к сибирской земле, зафиксированное в представлениях высшей администрации в 1890-х гг., послужило одним из факторов, ускоривших изменение законодательного регулирования проблемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дмитриев Д. И. Политика самодержавия в каторжных тюрьмах Сибири (конец XIX в.) // Сибирь и ссылка. Иркутск, 2003. Вып. 2. С. 224.

² Прутченко С. Сибирские окраины: областные установления, связанные с Сибирским Учреждением 1822 г. в строе управления русского государства. СПб., 1899. С. 352.

³ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 637. Д. 203. Л. 1.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1281. Оп. 7. Д. 105. Л. 40.

⁵ Там же. Л. 12.

⁶ Государственный архив Иркутской обл. Ф. 24. Оп. 9. Д. 713. Л. 16.

⁷ Всеподданнейший отчет и. д. генерал-губернатора Восточной Сибири за 1885–1886 гг. СПб., 1886. С. 29.

⁸ РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 236. Л. 16 об.

⁹ Там же. Оп. 7. Д. 106. Л. 14 об.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор Н. Н. Родигина.

УДК 94(47)

Н. В. Ляшевская

Омский государственный педагогический университет

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК «МЕСТО ПАМЯТИ» РУССКОГО ОБЩЕСТВА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

В последние десятилетия «память» стала предметом интереса историков, и ее изучение превратилось в мощное историографическое направление. С начала 1990-х гг. оно влилось в общее русло наук о культуре, в частности, в историю памяти. Не стоит забывать, что память – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и поэтому она находится в процессе постоянной эволюции, способна длительно хранить информацию, она может забываться и многократно использоваться, она чувствительна ко всем отображениям, запретам. Память сама превратилась в предмет возможной истории. По выражению П. Нора, «игра памяти и истории формирует места памяти»¹. «Местами памяти» могут стать люди, события, предме-

ты, здания, книги, песни, которые «окружены символической аурой»². Согласимся с Ф. Б. Шенком, что «места памяти» призваны создавать представления общества о самом себе и своей истории. Важной характеристикой мест памяти является то, что они могут нести разные значения, и эти значения могут меняться. Шенк заметил, что «исследователи “мест памяти” изучают не столько материальную или историческую стороны “места памяти”, сколько отражение в сознании и формы его восприятия»³.

Так может ли Московский университет выступать «местом памяти» русского общества конца XIX – начала XX в.? Ведь Московский университет стал неотъемлемой составляющей духовной жизни московского общества. Университет стал одним из центров духовной жизни России, много сделавшим для создания новой русской культуры, в которой формировалась атмосфера творчества, познания, уважения.

Воспоминания выпускников Московского университета, написанные в конце XIX – начала XX в., дают основания выявить следующие образы Московского университета.

Во-первых, Московский университет – символ науки России. Во второй половине XIX в. Московский университет утвердился как главный форпост отечественной науки. О высоком научном авторитете Московского университета свидетельствуют факты избрания его представителей почетными членами других университетов и международных организаций. Выпускники университета отдавали дань уважения и признательности «храму науки» за возможность обучения и получение новых знаний, что нашло выражение в многочисленных воспоминаниях. Например, в воспоминаниях о студенческой жизни А. А. Кизеветтер писал: «Я ощущал в себе непреодолимую страсть к научным знаниям <...> я прежде всего сбегал в Московский университет и подал прошение о зачислении меня в студенты...»⁴.

Во-вторых, Московский университет в воспоминаниях современников выступает как символ общественного движения, общественной борьбы. Если в Западной Европе университеты – это хранители науки, то в нашей стране университеты были не только учебными и научными заведениями, но и важными центрами культурной и общественной жизни. Вот что писал о значении университетов известный деятель народнического движения XIX в. С. М. Степняк-Кравчинский: «Русские университеты занимают своеобразное и совершенно исключительное положение. В других странах – это учебное заведение и ничего больше... В России дело обстоит иначе. Здесь университеты – центр самой бурной и страстной политической жизни»⁵. Студенчество в конце XIX в. выступает как отдельное, своеобразное общественное движение со своими особенностями, чертами, которое активно принимает участие в политических событиях России.

Кроме того, образ Московского университета у современников мог воплощаться в его преподавателях. Порой многие студенты оказывались в стенах высшей школы только лишь потому, что там преподавали известные ученые, например, историки В. О. Ключевский, П. Г. Виноградов, В. И. Герье. А. А. Кизеветтер вспоминал: «К Москве меня притягивало, словно магнит, имя Ключевского»⁶. В своих воспоминаниях П. Н. Милоков назвал преподавателей Московского университета так: «настоящие святыня учености и таланта»⁷.

Московский университет воспринимался молодежью и как новый жизненный этап, рубеж, как возможность выхода в другую социальную группу. С университетом было связано много надежд, мечтаний, возможность начать новую успешную жизнь. Но не каждому это удавалось. Вот что писал русский политический деятель, историк и публицист П. Н. Милоков после окончания университета: «Я счастливо перешагнул границу от ученика к ученому. Этим было закреплено и мое социальное положение в московском обществе, где, в противоположность военному и чиновному Петербургу, университетский круг по традиции стоял на первом плане»⁸.

Необходимо отметить, что к рубежу XIX–XX вв. Московский университет воспринимался его выпускниками как и научный, и культурный, и общественный центр. Стоило сказать – «Московский университет», и этим всё было сказано, не требовалось пояснений, само название становится символичным. В воспоминаниях студенты с гордостью пишут об университете. И. А. Каблуков после окончания высшей школы написал следующие слова: «Когда я первый раз шел в Московский университет, я считал, что все встречные должны мне завидовать, потому что я студент Московского университета, и я не ошибался»⁹.

Таким образом, Московский университет воспринимался его выпускником конца XIX – начала XX в. как важный этап собственной жизни. Во время обучения в стенах высшей школы в его сознании формировался определенный образ Московского университета, но этот образ не был единым. Почему же выпускники, образованные люди, вспоминали о студенческой жизни?

После окончания Московского университета у выпускников сложилась разная судьба, казалось, произошел разрыв с прошлым, но сохранилось еще достаточно воспоминаний для воскрешения памяти. Нежелание прерывать дорогу для человека память находит свое убежище в «месте памяти», в Московском университете. Именно в стенах университета шло осмысление и создание важнейших идейных понятий, новых ценностей жизни, здесь произошло становление человека, и поэтому выпускнику дороги воспоминания о студенческой жизни, об университете. Московский университет становится «местом памяти», которое в себе объединило воспоминания множества студентов из различных социальных групп, из различных регионов России, хотя для каждого были характерны особые условия жизни, труда и быта, политические и научные взгляды. Выпускники университета заявили о себе как о новой социальной группе – интеллигенции, создавая свою историю в биографии Московского университета.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999. С. 39.

² Шенк Ф. Б. Концепция «lieux de memoire», Берлин. URL: <http://www.hist.vsu.ru/cdh/Articles/02-11a.htm> (дата обращения: 06.04.2010).

³ Там же.

⁴ Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий: воспоминания, 1881–1914. М., 1997. С. 400.

⁵ Степняк-Кравчинский С. Сочинения. Т. 1: Россия под властью царей. Подпольная Россия. URL: http://az.lib.ru/s/stepnjakkrawchinskij_s_m/text_0010.shtml (дата обращения: 06.04.2010).

⁶ Кизеветтер А. А. Указ соч. С. 400.

⁷ Милуков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 351.

⁸ Там же. С. 366.

⁹ Каблуков И. А. Из воспоминаний о химии в Московском университете с 70-х гг. XIX в. // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 507.

ОБРАЗЫ РОССИИ, ЕЕ РЕГИОНОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ

УДК 94(47) + 37.0

Ю. С. Аристов

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
Средняя общеобразовательная школа «Диалог» (Новосибирск)

ОБРАЗ СИБИРИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ПРИ ВВЕДЕНИИ НОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

Модернизационная волна, накрывшая с неизбежностью «девятого вала» и российскую школу, серьезно меняет приоритеты и ориентиры исторического образования. Это со всей очевидностью продемонстрировали опубликованные стандарты второго поколения применительно к программам по истории для основного общего образования. Сердцевиной подхода, на наш взгляд, является синтез компетентностного и деятельностного подходов в обучении, ориентация на достижение не только предметных, но и личностных и метапредметных результатов¹.

Одним из важнейших личностных результатов изучения истории в основной школе становится осознание своей идентичности не только как гражданина страны, но и члена семьи, этнической и региональной группы, локальной и региональной общности. Такой подход определил и многоуровневый анализ образов России: государство, народ, регион, город, село, семья. Причем замечательно то, что разработчики примерной программы, подчеркивая большую эмоциональность, выразительность региональной истории, оставляют определенный объем часов для изучения развития локальной территории². Само понятие региональной, или локальной истории в последнее время привлекает внимание исследователей на различных уровнях³.

Насколько готовы наука и образование, само общество и школа как его часть к реализации именно такой истории? В данной статье мы попытаемся выделить некоторые проблемы, возникающие при внедрении новых стандартов по истории при формировании образа Сибири.

Первая проблема – методологически господствующее в обществе *понимание второстепенности регионов* во всех проявлениях политической организации, отношение к регионам как к «материалу» Центра. Сам процесс формирования цивилизованного сознания требует внимания к неповторимости, уникальности, единичности. Но это совершенно не вписывается в сложившиеся общественные стереотипы, где роль центра вследствие особенностей исторического развития русской государственности сводит на нет значение провинции. Государство всегда в России определяло уровень развития любого региона. Длительное время провинция существует как некое продолжение столицы, в идеале для доиндустриального общества любая территория в рамках организованного только политическими средствами единства должна представлять кальку центра – столицы. В этом случае столица была не только единственным центром «Правды – Закона», но зачастую и *causa causalis*, оправданием существования самой провинции. Следует отметить, что для ментальности российского общества это положение есть традиционное, сложноизживаемое и до сих пор не изжитое представление⁴. Сибирь как часть России на протяжении длительного времени была обречена быть провинцией с такими характерными для этого свойствами, как отсталость и замедленность темпов развития, отсутствие заметного финансового ресурса для внутреннего развития, гигантские отступления от существующих норм,

прав и т. п. Ситуация начала XXI в. незначительно поменяла историческую традицию, сосредоточение в пределах Московской кольцевой автодороги подавляющего финансового ресурса страны с неизбежностью будет только подпитывать такой подход.

Теперь с небес – на землю, т. е. к классной доске. Следующей трудностью следует признать отсутствие *современного во всех отношениях учебно-методического комплекса*, фактического материала, который используется на уроках – того, чего прежде всего и ждет учитель от исторической науки. Сыгравший свою положительную роль учебник⁵ для привлечения внимания учителей к региональной истории, представивший в трех частях впервые сводный материал по всему региону до начала 90-х гг. прошлого века, сегодня уже вызывает немало нареканий. Еще при его написании была замечена «перегруженность» третьей части. В сегодняшних условиях не выдерживает критики и качество иллюстративного материала, отсутствие «интерактивности» учебника. В сложном положении оказались авторы учебного пособия при выборе баланса между историей всего Сибирского региона и его частей. Думается, в рамках ограниченного объема пособия это вообще неразрешимая задача.

Не углубляясь в тему отсутствия единого для всех сибирских территорий учебника по региональной истории (хорошо это или плохо), приходится констатировать, что сам по себе этот факт говорит о признании малой значимости для всего образовательного пространства этого компонента исторического образования. Не претендуя на безупречность своих предположений, рискнем высказать несколько соображений по поводу концепции нового учебного пособия.

Первое. Поскольку Сибирь как географическое и историографическое понятие⁶ не есть неизменная дефиниция и состоит из очень специфичных регионов, следовало бы при построении конструкции учебного пособия придерживаться следующей линии. При рассмотрении любого исторического периода должны гармонично сопрягаться три содержательных контента: 1) *общесибирский* с серьезной научно-справочной и иллюстративной базой; 2) *локальный* – на уровне субъекта федерации, где бы содержались наиболее значимые факты, приводились опубликованные источники и литература, к вариативному изучению предлагались те или иные сюжеты краевой, областной истории; 3) на уровне *места проживания* – самое сложно организуемое содержательное пространство курса, ибо его наполняют под руководством учителя сами учащиеся, здесь максимально реализуются интересы учащихся и задействованы личностно-мотивационные аспекты образования. На этом уровне обучаемые должны стать «сотворцами» учебника. Думается, такой принцип структурирования отвечает «духу» новых государственных стандартов.

Второе. В школу приходит все больше учебников, имеющих электронную версию⁷. Кроме преимуществ использования всех наглядных возможностей такого формата при минимально достаточном уровне оснащения (компьютер в классе с опциями вывода изображения на большой экран), такой вариант учебника задает иной уровень взаимодействия по линии «учитель – учебник – ученик». Это дополнительно заложенные возможности тестирования, просмотра кинодокументов, интерактивные карты и т. п. Содержательная структура, предложенная выше, по необходимости требует максимального использования новой информационной среды. В последнее время в Интернет-пространстве появилось множество оцифрованных источников и научных материалов по сибирской истории⁸. Это сможет составить хорошую основу как для иллюстративного компонента, так и для творческих заданий. Наконец, для информационного обеспечения второго и третьего уровней содержания требуется организация сайта поддержки, где бы проще было организовать широкую и представительную вариативность реализации истории локальной и места проживания. Причем особенности функционирования сайта позволяли бы обновлять разделы с участием широкого круга учителей и самих учащихся. Среди Интернет-сайтов, в той или иной мере содержащих историческую информацию по сибирской тематике, нет репрезентативных и концептуально построенных. Предлагаемый вариант сайта по поддержке учебного пособия мог бы выполнить функцию как организующую, так и информационно-просветительскую.

Понятно, что работа над созданием такого учебного пособия потребует привлечения большого круга ученых и учителей-практиков. Имело бы смысл провести несколько конференций в разных регионах с публикацией предварительных материалов, вокруг этого организовать и работу сайта, концентрирующего все информационные ресурсы проекта. Учитывая сроки внедрения стандартов второго поколения – 2011 г. – следует признать, что времени на реализацию этой задачи не так уж много. Здесь мы упираемся в следующую проблему – организационно-финансовую. Нет официального общесибирского органа, призванного консолидировать эту деятельность. Есть ученые, есть исследования, есть интересные результаты. Соответствующие структуры СО РАН, учитывая сегодняшний уровень финансирования науки, вряд ли смогут

взяться за решение этой задачи. Конечно, можно и не делать этого. Доверить эту работу каждому учителю, который на свой вкус и взгляд будет (если будет) перерывать кучу книг и журнальных статей, сканировать и скачивать Интернет-ресурсы. Но вряд ли это сможет обеспечить качественную реализацию задач исторического образования.

Теперь обратимся к следующей обязательной составляющей исторического образования – внеурочному компоненту. Применительно к региональной истории здесь педагогической практикой наработан определенный опыт. Теперь перечень объектов для проведения экскурсий по истории включен как обязательный компонент требований примерной программы¹. Это, одной стороны, поставит учителя в ответственное положение по выполнению теперь уже обязательного элемента его профессиональных действий, повышая значимость этой формы работы. С другой стороны, не всегда при проведении соответствующих экскурсий, посещений памятников истории и культуры существует научное сопровождение. Наконец, не всегда любая школа может позволить себе посещение того или иного регионального памятника.

Выходом здесь может служить создание виртуальной коллекции исторических памятников по всему Сибирскому региону («Экскурсия по Тобольскому Кремлю», «Архитектура сибирских губернских центров», «Первые каменные храмы Сибири» и т. п.). Причем, при соответствующей организации в создании таких продуктов могут принимать участие и сами учащиеся. Например, в нашей школе в рамках празднования 70-летия Центрального р-на Новосибирска ученики 9 и 8 классов готовят материалы к фильму «10 самых известных зданий Центрального р-на».

Продуктивным видится приобщение школьников и к существующим историко-краеведческим просветительским проектам. С 2009 г. в нашем городе при поддержке целого ряда общественных организаций на базе муниципального учреждения «Новосибирский городской дом учителя» реализуется историко-просветительский проект «Будаговские чтения». Он представляет собой форму совместной деятельности государственных и муниципальных учреждений, общественных организаций, граждан по изучению прошлого города и его исторической округи, активному привлечению к этой работе учителей и учащихся школ Новосибирска, распространению историко-краеведческих знаний. Участие учащихся различных школ города в уроках по истории Сибири в рамках проекта показало востребованность такого рода работы вне рамок своего учебного заведения. Именно в ходе этого проекта оформилась потребность через историю жизни своей семьи, ее нескольких поколений проследить историю своей страны и региона. Работа над созданием такого рода материалов – первый шаг к формированию комплекса по устной истории повседневности.

Формат статьи не позволяет обратиться к оценке всех возникающих вопросов: готовности учителей к восприятию новых подходов, анализу оценки критериев качества обучения и т. д. Вместе с тем, убежденность в первостепенной важности затронутых проблем позволяет надеяться не на самодеятельное и стихийное их преодоление, а осознанное и проектное разрешение с участием широкого числа участников: от управленцев и ученых до учителей и учеников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стандарты второго поколения: примерная программа основного общего образования по истории // Преподавание истории и обществознания в школе. 2010. № 1. С. 14.

² Там же. С. 17.

³ Сибирь в составе Российской империи / отв. ред.: Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. М., 2007; Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004; *Донских О. А.* Провинциальность в российском варианте // Материалы VIII Рериховских чтений «Культура-победительница» (в печати).

⁴ Досадный пример равнодушия к региональной истории продемонстрировали создатели документального фильма о А. Н. Косыгине, показанного по телеканалу «Россия 24». При характеристике деятельности героя в годы нэпа они не сочли важным назвать город, в котором работал Косыгин, применив широкий географический термин – Сибирь. Только при демонстрации фотографии жены Алексея Николаевича с надписью на обратной стороне «Новосибирск» внимательный зритель мог догадаться, что речь идет о нашем городе.

⁵ *Кузнецова Ф. С.* История Сибири. Новосибирск, 1997. Ч. 1; *Зверев В. А., Зувев А. С., Кузнецова Ф. С.* История Сибири. Новосибирск, 1999. Ч. 2; *Исупов В. А., Кузнецов И. С.* История Сибири. Новосибирск, 2000. Ч. 3.

⁶ Дело в том, что последние административные конструкции – федеральные округа – внесли некоторую путаницу в такое географическое понятие, как Сибирь. Огромная часть территории, всегда и исторически, и административно, и экономически относившаяся к Сибирскому региону – Тюменская обл. – теперь входит в Уральский округ. Разрыв исторической традиции в определении пространств Сибири от Урала до Тихого океана, идущей от П. А. Словцова и дожившей до конца XX в., виден и в создании

Дальневосточного округа. Причем в него включена Якутия, которая еще с XVII в. неразрывна была связана административно, хозяйственно, финансово с другими сибирскими территориями.

⁷ История России, 1945–2008 гг. / под ред. А. А. Данилова, А. И. Уткина, А. В. Филиппова. М., 2008.

⁸ См.: Сибирская заимка. URL: www.zaimka.ru (дата обращения: 4.06.2010); Сибирское краеведение: персон. сайт Б. Е. Андюсева. URL: <http://andjusev.narod.ru> (дата обращения: 4.06.2010); Электронная библиотека по истории Алтая / Алт. гос. ун-т, ист. фак. URL: <http://new.hist.asu.ru/library/index.html> (дата обращения: 4.06.2010); и др.

⁹ Стандарты второго поколения. С. 19.

УДК 94(47) + 37.0

В. И. Байтуганов

Новосибирский государственный педагогический университет

ШКОЛА РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ «ВАСЮГАНЬЕ» – СИСТЕМНАЯ МОДЕЛЬ ЭТНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Проблема передачи традиционного духовного опыта или традиционной культуры всегда была одной из главных в воспроизводстве человеческого общества, этноса, нации. В традиционном обществе эта передача осуществлялась естественным путем через механизмы культурной традиции – обычаи, обряды. В современных общественных формациях эту функцию стали выполнять социальные институты – государство, семья и школа. История педагогики знает немало примеров обращения к своему культурному наследию в разные времена и в разных странах для передачи культурного опыта. Однако роль образования как социального механизма в воспроизводстве традиций для России становится актуальной с начала XIX в. В это время обращение к своей истории и культуре мы наблюдаем во всех сферах общественной жизни. Не остались в стороне и ученые-педагоги, воплотившие идею «народности» образования, а значит, и этнопедагогики (народные школы), национального самобытного воспитания (нравственность и православие), культурного развития цельной личности через формирование ее качеств. Выдающийся русский ученый-педагог К. Д. Ушинский, утверждая идею воспитательной сущности народной (этнической) педагогики, писал: «Воспитывать, значит способствовать *развитию*», – и далее: «Воспитание и обучение существуют в народе столько же веков, сколько существует сам народ»; «Педагогика – есть осознание воспитания»¹.

Идею «народной школы» подхватили последователи «народности» в педагогике – С. А. Рачинский, создавший школу средового обучения и воспитания, и Л. Н. Толстой, создавший так называемую «крестьянскую школу».

Этнопедагогическая идея целостного процесса воспитания и обучения как технологии моделирования этнопедагогического процесса нашла свое воплощение в русской педагогической мысли начала XX в. Так ученый педагог-этнограф Г. С. Виноградов утверждал: «Воспитание и обучение существуют в народе столько, сколько существует сам народ»². И далее: «Народная педагогика есть совокупность навыков и приемов, применяемых в целях формирования личности». В это время ученый ставит вопрос об этнопедагогике как научной дисциплине, для которой существуют свои объективные закономерности: 1) построение цельного мира культурных объектов в жизни ребенка через народный православный календарь; 2) использование фольклора как традиционного средства обучения и воспитания, имеющего свою специфику, свою природу и свое влияние на формирование личности; 3) использование игры как адаптивной среды для вхождения детей в мир взрослых.

Идеи Г. С. Виноградова по-разному претворяли в своей деятельности как педагоги-практики, так и ученые-теоретики. Во второй половине XX в. этнопедагогические принципы нашли свое воплощение в реальном педагогическом процессе, связанном с возрождением национальных традиций в обществе. Появились работы Г. Н. Волкова, представившие этнопедагогику как науку о традиционном воспитании и обосновавшие педагогические традиции народов России. Работы по ис-

торической этнологии М. М. Громько и Н. А. Миненко обобщили опыт применения норм и ценностей традиционной крестьянской общины и семьи. В. А. Зверевым, К. Е. Зверевой созданы работы о педагогических традициях крестьянской семьи и традиционном школьном образовании в Сибири. Тема детства в народной культуре описана учеными-фольклористами М. Н. Мельниковым, М. Ю. Новицкой, Г. М. Науменко. Они обогатили знание и понимание этнопедагогических процессов, расширили представление о способах и приемах народной педагогики.

Сегодня в условиях перемен, происходящих в обществе, важно не только осознание традиционных педагогических ценностей народной культуры, но и внедрение предшествующего педагогического опыта в практику школы, в реальный образовательный процесс. К трудам, созданным в этом ключе, можно отнести работы Т. И. Березиной. В них наряду с объективным взглядом на данную проблему и верной исторической оценкой исследований по традиционной педагогике (создания исторической модели педагогической культуры русского народа), обосновываются и предлагаются конкретные рекомендации по применению русской педагогической культуры в современном этнокультурном образовательном процессе.

Возрождение традиционной (этнической) культуры сегодня может идти разными путями. Один из наиболее перспективных – это возрождение культуры отдельных небольших этнографических общностей, являющихся сегодня особо показательными в плане сохранения традиционной культуры, ее целостности на основе сохранения ее целостных компонентов. Для школы русской традиционной культуры именно локальная этническая группа старообрядцев Васюганья явилась основой в построении культурной модели школы «Васюганье».

Обоснуем концептуальный подход к моделированию традиций как воспитательной системы в нашей школе на основе культурных традиций старожилов Васюганья и Сибири. Поскольку главным системообразующим фактором традиционной культуры являются традиции как групповой социально стереотипизированный опыт, включающие в себя воспитание и деятельность (М. Вебер), они (традиции), при их воссоздании, легко укладываются в образовательную и воспитательную деятельность субъектов образовательного процесса педагогов и учащихся. Для верного моделирования традиционной культуры (ТК) в условиях школы русской традиционной культуры дадим ей определение, оно будет следующим: *традиционная культура – это наиболее устойчивая часть культуры общества, передающая этнический опыт жизни и поведения людей через нормы и образцы путем устной вербальной и невербальной коммуникации для его (общества) выживания и воспроизводства*. А затем определим работу механизмов ТК.

Так как традиционная культуры – это система, то для выявления механизмов ее работы на первом этапе необходимо расчленив на элементы эту достаточно целостную систему и выявить свойства и функции всех ее элементов (единиц системы). Данные свойства и функции определяют место элементов в рамках целого во взаимосвязи со свойствами и функциями целого. Например, одно из главных свойств системы – коммуникативность – является доминантным по отношению к остальным. В это доминантное свойство попадает язык, хотя функции языка – не только в коммуникации, но и в трансформации культурных эталонов. О полифункциональности элементов можно говорить и в связи с рассмотрением других составных частей культуры. Например, *миф*: он является и языком культуры, и способом познания действительности, и моделью мира, и знанием, и регуляцией поведения людей. В дальнейшем элементы ТК мы разобьем на классы, выделяя основной доминантный признак элемента, или его доминантную функцию, связывающую его с системой в целом, при этом обращаясь к известным схемам культуры Э. Тейлора, Б. Малиновского и Редклиф-Брауна, а также Ю. В. Бромлея.

Среди классов культурных элементов на основании вышеизложенного можно выделить следующие компоненты ТК: *языковые компоненты (язык, миф, фольклор); традиция и ее компоненты (обряд, ритуал, обычай, искусство); религия (ценности, цели, нормы, образцы); компоненты трудовой деятельности (система хозяйствования, труд, орудия труда); значения; общественные компоненты (социальные институты, община, семья)*. При моделировании нашей школы русской традиционной культуры предметы и предметные циклы будут основаны на вышеизложенной схеме. Механизм функционирования школы при этнокультурном (этническом) моделировании ее воспитательного пространства повторяет механизмы функционирования ТК и ее адаптивной этнопедагогической системы. Основным потребителем традиций выступает сегодня ребенок, так как создаваемая адаптивная среда наиболее комфортна для его развития и включает по возможности наибольшее количество элементов ТК в их взаимосвязи. Схема передачи традиций сегодня может быть такой (рис. 1).

Рис. 1. Схема передачи традиций через посредство этнопедагогика

Механизм передачи традиций в школе «Васюганье» может быть выражен и через предметную деятельность (рис. 2).

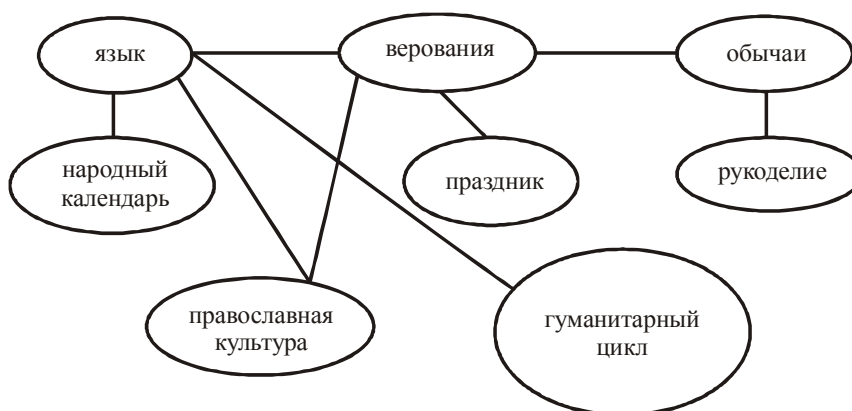

Рис. 2. Схема передачи традиций в ходе предметной деятельности

Среди системных приемов и методов этнопедагогика, используемых при обучении в нашей школе русской традиционной культуры, мы выделяем следующие: 1) взаимодействие детей и родителей; 2) воспитание в разновозрастных группах; 3) взаимосвязь обучения и воспитания; 4) соединение нравственных норм воспитания через школу – семью – храм – общество.

Обучение и воспитание в этнопедагогике неразрывно связаны между собой. Для того, чтобы чему-то научиться или что-то усвоить, необходимо организовать свою учебную деятельность или использовать труд учителя. Организация обучения как деятельности подразумевает воспитательный момент. Поэтому дилемма «обучая – воспитываю» имеет большое значение в современном педагогическом процессе. Воспитание и обучение неразрывны, так как в процессе труда в народной педагогике решались задачи умственного, физического, нравственного развития детей. Поэтому справедливо утверждение о том, что «трудовое воспитание и трудовое обучение взаимосвязаны, являясь двумя сторонами единого процесса подготовки детей к труду»³.

Велика роль обучения в воспитании, так как нельзя приобрести и развить какое-либо качество личности ребенка, не обучая его конкретному делу через опредмеченную деятельность. Создавая школу русской традиционной культуры, мы старались дать ребенку специальность, научить конкретному делу, а это оказалось и воспитанием человека, формированием личности.

Именно через деятельность ребенок научается и делу (предмету), и виду деятельности, и способам деятельности, в том числе духовным, социальным, поведенческим. А вот методы, дидактика обучения в традиционном воспитании связаны с опытом, традициями, а также механизмами передачи этого опыта. Лотар Клинберг в книге «Проблемы теории обучения» утверждает: «Начало дидактики заложено в необходимости передачи опыта поколений», – и далее: «... основная функция обучения есть передача опыта в процессе образования»⁴. В этом смысле этнопедагогика (этническая педагогика) более универсальна, чем педагогика вообще, так как использует разные виды обучения, в том числе средовое обучение, трудовое обучение, социальное воспитание, механизмы обряда, семейное воспитание и т. д. И все это связано как с конкретной образовательной деятельностью ребенка, так и с усвоением им культурных норм, традиций, образцов того общества или этноса, в котором он живет. В том числе и культурных традиций этнографической группы. Вот почему в школе русской традиционной культуры, обучая

ремеслу, мы не забываем и духовный контекст ремесла: «Народная педагогика – совокупность навыков и приемов, применяемых в целях формирования личности»⁵. Обучая творчеству, мы создаем и творим одновременно и духовный мир ребенка через творческую деятельность: «воссоздавая мир из хаоса», проживая вместе с ней ситуации созидания, возделывания, преобразования мира, учим маленькую личность нравственным основам традиции.

Традиционная культура обеспечивает процесс усвоения накопленного опыта через свои органические возможности, связанные с природными и культурными механизмами человека. «Обучать – это значит побуждать ученика к тому, чтобы он научал себя сам, это руководство интеллектуальному воспитанию, это процесс духовной выработки образования» (Дистервег).

Этнопедагогика является синтетической теорией обучения, так как включает в себя: 1) культурное развитие личности; 2) деятельностно-действенное развитие личности; 3) принятие ценностных ориентаций через содержание образования. Сущность культурного развития личности, по мысли Л. С. Выготского, заключается в том, что человек овладевает процессами собственного поведения, но необходимой предпосылкой для такого овладения является образование личности, и поэтому развитие той или иной функции всегда производно от развития личности в целом и обусловлено им⁶. Деятельностно-личностный подход, или «действенное» обучение, является основой воспитания коммуникативных свойств личности, а также приобретения ею умений и навыков в процессе познавательной деятельности. Ценностные ориентации как цели обучения и воспитания являются синтезирующими явлениями процесса «обучения как воспитания»; выбор и приобретение их, а также закрепление их в качестве свойств личности является базой для развития «цельной» личности.

Таким образом, современное обучение можно представить как развитие личности на основе овладения ею знаниями, способами деятельности (навыками, умениями), духовной и материальной культурой. Обучение же в традиционной культуре (в этнопедагогике) есть обучение традициям или нормам, культурным ценностям через практическую и символическую деятельность ребенка. В то же время обучение – это и деятельность, и процесс, направленный на выработку умений и навыков, развитие познавательных способностей. Основным законом обучения – взаимосвязь обучения, воспитания и развития⁷. Усвоение культурных норм, традиционных ценностей, образцов протекает во взаимодействии когнитивных, аффективных и ценностных составляющих личности, поэтому воспитание, развитие и обучение являются равноценными целеполагающими функциями в парадигме «обучение и воспитание».

«Обучение и воспитание» выступает сегодня как главный системный принцип этнопедагогике, а также как ее технология, так как способствует развитию и совершенствованию личности в процессе образовательной деятельности вместе с усвоением культурных норм и ценностей. Этот подход можно охарактеризовать в современной педагогике как «ценностный», по названию доминантной функции в обучении и воспитании – передачи ценностей. Данный постулат предполагает следующий этап в проектировании этнопедагогических моделей – разработку их дидактической основы.

Рассмотрим сквозные отрасли, предметы, дисциплины нашей школы. Сквозными *отраслями образования* в «Васюганье» являются: специальные (музыкальные и художественные); общекультурные (общеэстетические, этноэстетические); допрофессиональные – профильные (ремесло, этнопедагогика); общеобразовательные (художественный труд, технология, словесность). Сквозными *предметами* в предметно-циклической деятельности являются: для музыкального отделения – общее фортепиано, сольфеджио, музыкальная литература, расшифровка народных песен; для художественного отделения – рисунок, живопись, композиция; для всех отделений – введение в этнографию, история языка, мировая художественная культура. Сквозными *дисциплинами* для всех отделений школы «Васюганье» будут: 1) православная культура; 2) художественный труд (рукоделие); 3) основы научно-этнографической деятельности (экспедиционно-краеведческая работа); 4) традиционная культура как дисциплина (народные праздники, народные игры, обряды, фольклор). Все они решают не только свою специфическую задачу, но и вносят вклад в формирование духовных сторон культуры личности. Формируют они и основы знаний о традиционной культуре на разных уровнях образования. Так, для начальной школы (1–4 классы) – это русская традиционная культура, для 5–6 классов – традиционная культура народов России, 7–9 классы – этноконфессиональные традиции народов России.

Особенностью этих отраслей знаний является их цельность, а также взаимозаменяемость и «дополняемость», что положительно сказывается на выборе ребенком своей деятельности. Структурными единицами проектируемой модели образования в Школе русской традиционной культуры будут виды деятельности, курсы, предметные циклы. Каждый из видов деятельности (их в школе

семь: эстетическая, художественная, интеллектуальная, познавательная, коммуникативная – коммуникативно-игровая и обрядово-игровая, трудовая, духовно-нравственная) осуществляется в учении двояко: в виде предмета и в качестве компонента других учебных курсов. Так, предмет «Православная культура» входит как компонент в курс народного пения, церковного пения, музыкального фольклора, художественной лепки, рукоделия, ремесла, народной живописи.

В этнографическом образовании ориентиром для нас является традиционная культура русских переселенцев, проживающих на севере Новосибирской обл., в Васюганье, изучение которой ведется особенно тщательно. На этой культуре и построено обучение детей видам народного творчества. Эта культура выбрана нами не случайно – она представляет собой цельный, уникальный пласт древнеславянской, старообрядческой, а также традиционной культуры народов России, дошедшей до нас через века. Она включает в себя все жанры народного искусства и ремесел в прошлом сильной и развитой культуры Новгородского Севера. Именно на ней легко строится четкая система обучения – от простого к сложному. Действительно, модель культуры определенной компактной группы является моделью всей традиционной культуры этноса. Познавая ее законы, мы познаем общие принципы традиций, в будущем рассчитывая прогнозировать и строить модели традиций.

Выделим *общие принципы ТК, применяемые в школе при обучении*: устность передачи традиций; подлинность традиций, говора, диалекта, манеры, пения, одежды и т. д.; функционирование традиций в системе календарно-обрядового цикла; создание обстановки и атмосферы русского уклада жизни на основе традиционной культуры; синкретизм традиционного искусства (взаимосвязь различных видов искусства); импровизация в передаче народного искусства; коллективность творчества; выработка стереотипов и клише в нравственно-поведенческом аспекте. Отталкиваясь от принципов народной культуры, легко подойти к *методам*, которые следует использовать в преподавании традиционной культуры. Это, прежде всего, создание среды традиционной культуры, или погружение в среду (сверхнормативная норма обучения); целостность обучения и воспитания, использование православного аспекта традиций; многопрофильность и свобода выбора своего вида искусства, идущие от синкретизма фольклора; построение обучения вокруг календарно-обрядового цикла; использование нравственных норм православия в обучении и воспитании; использование семьи как источника традиций; обучение в разновозрастных группах через учащихся; игровая основа преподавания; соединение традиционного и профессионального обучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ушинский К. Д. Педагогическая антропология: человек как предмет воспитания. М., 2002. Ч. 2.

² Виноградов Г. С. Страна детей: избр. тр. по этнографии детства. СПб., 1998. С. 82.

³ Березина Т. И. Педагогическая культура русского сибирского крестьянства (1861–1917 гг.). Новосибирск, 1998. С. 55.

⁴ Клибберг Л. Проблемы теории обучения. М., 1984. С. 21.

⁵ Выготский Л. С. Собр. соч. М., 1983. Т. 3. С. 79.

⁶ Там же. С. 316.

⁷ Хуторский А. В. Современная дидактика. М., 2007. С. 249.

УДК 372.016 : 94(47)

Е. Ф. Бехтенова

Новосибирский государственный педагогический университет

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПУТИ СОЗДАНИЯ МОТИВАЦИОННОЙ ОСНОВЫ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Одной из важнейших задач современной школы является формирование творческого мышления и продуктивной деятельности учащихся как условия свободной реализации возможностей и способностей личности в социуме. Насущным требованием времени становится использование в

обучении приемов и методов, вырабатывающих у учащихся готовность и умение самостоятельно добывать новые знания, собирать необходимую информацию, умение выдвигать гипотезы, а также делать выводы и умозаключения. Решение проблем, связанных с развитием у школьников умений и навыков саморазвития и самостоятельности, возлагается на все учебные предметы.

Роль школы в решении этих задач определена в современных образовательных стандартах и программах основного общего и среднего (полного) общего образования по всем учебным предметам, в том числе и по истории. Сегодня учитель призван не только сформировать у учеников системные знания по различным школьным дисциплинам, но и обеспечить познавательный интерес школьников к предмету, научить применять усвоенные знания и умения в практической деятельности и повседневной жизни. Создать условия для становления у учащихся гражданской позиции, готовности к жизни в поликультурном динамично развивающемся и меняющемся современном мире.

История как школьный предмет гуманитарного цикла имеет большие возможности для формирования у учащихся как надпредметных (общеучебных), так и предметных умений. Немаловажную роль в их формировании играет мотивация к изучению исторического материала на уроках истории. Под мотивацией мы будем понимать «фрагмент, специально вводимый в занятие для стимуляции познавательного интереса учащихся к изучаемому материалу»¹. Приемы мотивации являются неотъемлемой частью вводных уроков, а также тех занятий, где для учащегося не очевиден мотив изучения темы, не ясно, каким образом изучаемый материал может быть ему полезен в различных курсах истории и, тем более, в повседневной жизни.

В качестве одного из педагогических условий мотивации школьников при изучении исторического материала можно выделить наличие социально и/или лично значимой для них проблемы. Рассмотрим данное условие. В педагогической науке существует две плоскости понимания этого условия. Для ученика оно трансформируется в желание решить проблему во что бы то ни стало, понять важность, острую необходимость ее решения для себя лично и для социума. Для учителя – это решение учебно-воспитательных и развивающих задач в учебном процессе².

Предмет нашего внимания – социально и/или лично значимая заинтересованность ученика в учебном процессе. Как учитывать социальный опыт ребенка в привлечении его для изучения нового? Какого рода информация или форма работы будет значима для него и почему, а какие оставят равнодушным, не сыграют мотивирующей роли в изучении исторического материала?

Учеными доказано, что степень эффективности учебного процесса зависит от опоры на личностный и социальный опыт учащегося. М. В. Кларин справедливо утверждает, что личностный опыт может приобретаться в сфере интеллектуально-познавательного поиска, если таковой превращается в поиск знания, наделенного личностным смыслом; в процессе коммуникативно-диалогической деятельности, если таковая ведет к выработке и апробации собственной жизненной позиции; в сфере эмоционально-личностных проявлений при поиске собственных смыслов, выработке и переживании ценностных аспектов различных действий и отношений³.

Важнейшим источником личностного опыта является апробация новых ролей, творчество в сфере выбора жизненных целей, ценностных ориентиров, способов самореализации. Потребности личности в приобретении данного опыта можно реализовать путем организации на уроках истории исследовательско-поисковой, проектной, творческой деятельности. Задача педагога – помочь ученику «обобщить» разрозненный жизненный опыт, адекватно пережить его, извлечь из него уроки, сформулировать собственные жизненные установки. На это и направлены технологии личностно ориентированного обучения (игровая технология, технологии проектного обучения, критического мышления и др.) – выявление жизненных проблем ученика и использование обучения в качестве средства их решения и совместного с ребенком проектирования его жизнедеятельности.

По мнению В. В. Серикова, при личностно ориентированном обучении роль педагога состоит в том, чтобы показать школьникам смысл их учебной деятельности: через нее, через приобщение к культуре, достижение высокого уровня образованности и лежит путь к решению многих личностных проблем. Молодой человек должен понять, что учеба формирует его конкурентоспособность, готовность к целеустремленной, волевой, высокоорганизованной и продуктивной жизни⁴. Это особенно важно для адаптации в обществе нестабильном, с неравными возможностями. Ученик при таком типе обучения предстает перед учителем, самим собой и своими одноклассниками не только как субъект, изучающий историю, но и как целостная личность, реализующая серьезную социальную функцию.

Проектирование педагогического процесса в сфере личностного подхода происходит «от ребенка», от насущных проблем, которые его волнуют больше всего на данный момент. Такой подход определяет моделирование содержания образования. В проектирование содержания об-

разования вовлекаются не только ученые-методисты, учителя, но и сами учащиеся, приходящие на урок со своими замыслами, проблемами, интересами. «Соавторство» учащихся в этом процессе может иметь различные формы. Так, тема урока может быть невольно «подсказана» кем-то из учеников, личными переживаниями, проблемами ребенка; она может «родиться» во время спора, диалога на уроке и быть сформулированной вместе учителем и учениками. Еще одним вариантом «соавторства» является предоставление ученику возможности вести диалог, высказывать собственное мнение, собственную позицию, стать «героем урока» (Е. Н. Ильин).

Педагоги-исследователи говорят о содержании образования как о совокупности различных видов опыта, приобретаемого учениками. И. Я. Лернер, кроме традиционных элементов содержания образования (знания, умения), включает в эту совокупность «опыт творческой деятельности», который можно приобрести лишь в процессе реального поиска решения новых проблем. В ходе поиска требуются осуществление переноса уже имеющихся знаний и умений, преобразование способов деятельности, мобилизация опыта эмоционально-ценностного отношения к миру⁵. Н. Ф. Голованова выделяет «социальный опыт», под которым понимается «результат активного взаимодействия с окружающим миром»⁶. Автор обращает внимание на то, что овладеть социальным опытом путем простого усвоения суммы знаний, умений и навыков невозможно. Необходимо овладеть теми способами деятельности и общения, результатом которых является социальный опыт.

Исследователи М. П. Кларин и В. В. Сериков, говоря о «личностном опыте», понимают под этим особую собственную жизнь личности, ее деятельность по самоорганизации, по своеобразному «извлечению» выводов и смыслов из собственных переживаний. По мнению Серикова, этот опыт всегда существует неотрывно от самой личности как опыт выполнения собственно личностных действий – выбора, самооценки, самостоятельного решения, актуализации или подавления каких-либо устремлений и т. д.⁷

Можно заключить, что вышеуказанные исследователи говорят о важности создания в процессе обучения ситуации *развития (востребованности) личностных смыслов* учащихся. Для самих обучающихся эта ситуация характеризуется нацеленностью на поиск смыслов в любом учебном материале. Говоря о специфике уроков региональной истории, выделим важность *эмоциональных переживаний* по поводу исторического прошлого, которые часто выполняют роль мотивационной основы изучения истории России и всемирной истории.

Так, при изучении событий XX в. (строительство Транссибирской железной дороги, российские революции, реформа П. А. Столыпина, мировые и Гражданская войны, сталинские репрессии, коллективизация и др.) целесообразно обратиться к учащимся с вопросом о том, что они знают о своих родственниках и семье в данные периоды времени. И последующие уроки выстраивать таким образом, чтобы теоретический материал дополнялся, иллюстрировался примерами из истории семей учащихся. Это позволяет показать ребятам, что за событиями истории стоят люди, их судьбы, т. е. их близкие родственники. Поэтому при изучении вопросов всемирной истории, истории России целесообразно использовать материал региональной, локальной истории, это приближает историю к ребенку, способствует сопереживанию.

Изучение истории региона позволяет расширить и скорректировать мотивационную основу познавательной деятельности на уроках. В качестве мотива могут выступать желание узнать как можно больше об истории своей семьи, истории школы, родного села, города, края; осмыслить, почувствовать свое место в этой истории, соотнести систему ценностей своих близких людей с собственной и т. д.

В свою очередь, обучение, опирающееся на привлечение *социального опыта* ученика, делает сам процесс познания инструментом «поиска» собственных смыслов и ценностей, а учителя и ученика – «коллегами» в совместной деятельности, позволяет, говоря традиционным языком, «задавать» эти смыслы, т. е. решать образовательно-воспитательные задачи.

Так, на уроках региональной истории при обращении к историческому содержанию, имеющему связь с зоной его ближайших интересов, идет усвоение учащимися в качестве личностно значимых таких социальных ценностей, как толерантность, ценность культуры, образования, общественного труда, любви, милосердия, патриотизма. На уроках истории учащиеся учатся понимать и принимать позицию «другого» – как современника, так и потомка, представителя другой культуры, конфессии, понимать и уважать традиции других народов, что важно ввиду многонационального состава России вообще и Сибири, в частности.

Для примера рассмотрим изучение в рамках курса истории России темы «Наша страна в XX веке» в 9 классе. Для изучения курса целесообразно привлекать материал, связанный с истори-

ей региона, города, а также семей учащихся. Тем самым дается возможность учащимся принять участие в поисково-исследовательской работе по изучению родного края и истории своей семьи. На вводном занятии курса девятиклассники получают задание собрать сведения о жизни своих родственников на протяжении всего XX в.: где они жили, чем занимались, как события всемирной истории, истории страны повлияли на их судьбы.

Наиболее важной частью задания является формирование архивов устной, письменной и вещественной истории семьи. Это создание документов в результате бесед, опроса, интервьюирования или анкетирования своих родственников (участников и очевидцев исторических событий XX в.). Так, при изучении темы «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.» учащимся было дано опережающее задание: создать архив воспоминаний «Моя семья в Великой Отечественной войне». Архив должен был состоять из трех частей: 1) устные источники (записанные на диктофон или видео-воспоминания современников и участников Великой Отечественной войны); 2) подборка письменных источников данного исторического периода (письма, воспоминания, дневники, статьи газет др.); 3) вещи эпохи, хранящиеся дома (фотографии, одежда, предметы быта и т. д.).

Собранный девятиклассниками в комплексе архив помог при изучении одной из важных тем мировой истории. Учащиеся на примере жизни собственных прадедов, которые воевали на фронтах и работали в тылу, смогли более полно, осознанно изучить исторический материал. Эта далекая для них война не стала просто очередной темой по истории, а оказалась прочувствованной на примере жизни самых близких людей. В результате выполнения задания многие ребята сделали для себя личные открытия: «Прадедушка был полковником на войне и защищал Сталинград, другой – награжден орденом Славы за взятие Берлина, прабабушка в 14 лет (!) уже работала на Чкаловском заводе помощником мастера, где выпускали самолеты для фронта...». В воспитательном аспекте самым значимым результатом стало то, что современные школьники попытались соотнести себя современное поколение, свои действия, поступки, взгляды с поступками, подвигами, жертвами прадедов. Появилась возможность понять «другого», человека иного исторического времени, но родного для меня.

В дальнейшем, при изучении последующих тем из истории XX в., учащиеся уже самостоятельно привлекают материал по истории нашего города, своей семьи. Подобная организация изучения нового материала позволяет не только мотивировать учащихся, но и формировать различные умения (сбор источников, их классификация и анализ, фиксация материала в различной форме, представление перед классом, умение вписать самостоятельно полученные знания об истории семьи, города в контекст истории России, всемирной истории).

Ставя поисково-исследовательские задачи перед учащимися, учитель тем самым стимулирует их к актуализации их жизненного опыта, создает условия для реализации их социальных, возрастных потребностей. Ученик в этой ситуации перестраивает прежние представления об истории, своем жизненном опыте, продуцирует новые знания, выходя за границы личного опыта, наделяет их личностным смыслом.

Таким образом, при создании мотивации на уроках истории важно использовать приемы, которые отвечают возрастным и познавательным особенностям ученика, отбирать их для урока с учетом социальных потребностей и интересов. Немаловажным является место мотивации на уроке. Так, при изучении новой темы уместно будет поставить перед учениками «загадку истории» и предложить ребятам попытаться ее «разгадать» в ходе изучения темы; предложить решить проблемную историческую задачу (например, предполагающую сопоставление различных по позиции и жанру точек зрения на одно и то же событие); создать ситуацию «расширения границ урока», когда учащиеся при выполнении домашнего задания осознают необходимость самостоятельного поиска дополнительного материала по изученному на уроке. Особую роль в создании мотива изучения новой темы, участия в процессе поиска будет играть материал региональной, локальной истории, истории семьи, истории повседневности – всё то, что составляет зону ближайших интересов школьника.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Теория и методика обучения истории: слов.-справ. / Э. В. Ванина, Л. К. Ермолаева, О. Н. Журавлева [и др.]. М., 2007. С. 5.

² Пахомова. Н. Ю. Метод учебного проекта в образовательном учреждении: пособие для учителей и студентов пед. вузов. М., 2003. С. 23.

³ Кларин М. В. Инновации в мировой педагогике: обучение на основе исследования игры и дискуссии: анализ зарубежного опыта. М., 1997. С. 68–69.

⁴ Сериков В. В. Личностно-ориентированное образование: феномен, концепция, технологии. Волгоград, 2000. С. 2.

⁵ Лернер И. Я. Развитие мышления учащихся в процессе обучения истории. М., 1982. С. 56.

⁶ Голованова Н. Ф. Педагогические основы социализации младшего школьника: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 1996. С. 20.

⁷ Сериков В. В. Личностно-ориентированное образование: к разработке дидактической концепции // Педагогика. 1994. № 5. С. 16–22.

УДК 371

О. И. Богданова

Волгоградский государственный педагогический университет

СОДЕРЖАНИЕ СОЗДАВАЕМОГО НА УРОКАХ ИСТОРИИ ОБРАЗА ПЕТРА I – ВЫДАЮЩЕГОСЯ ТРУЖЕНИКА

В Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г. обозначено, что развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые могут самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, прогнозируя их возможные последствия. Способные к сотрудничеству, обладающие мобильностью, динамизмом, конструктивностью, развитым чувством ответственности за судьбу страны. В этой связи перед школой ставятся задачи по формированию личности, ориентированной на ценности гражданского общества¹. В современном мире выделяются такие общечеловеческие ценности, как жизнь, человек, красота, Отечество, познание, труд и др. Важная роль в формировании у школьников ценностного отношения отводится гуманитарным дисциплинам². В частности, на уроках истории через раскрытие образов исторических деятелей происходит присвоение ценностей. В данной статье раскрывается содержание образа исторического деятеля – Петра Великого – как самоотверженного российского труженика. Этот образ используется нами на уроках истории в процессе формирования ценностного отношения к труду у старшеклассников.

Приступая к изображению просветительной деятельности Петра Великого, необходимо указать на те цели, которые он преследовал в жизни, на побуждения, руководившие его действиями, на интересы, волновавшие его.

Узким, обыденным пониманием жизни, по которому цель ее – счастье – может быть достигнута присутствием одного только личного «я» или семьи, Петр не довольствовался. Он является провозвестником другой, более широкой идеи, по которой личное счастье может быть вполне достигнуто только, если есть счастье общее. «Государственная польза», «всемирная польза», «всеобщее благо» – вот цели, достойные, по взглядам Петра, лучших, благородных человеческих стремлений.

«Устранить тяжелое экономическое положение государства, народные бедствия, всякого рода разоренья, установить более справедливые отношения между его членами, изгнать из общественной и семейной жизни господство своеволия и самодурства, рассеять темные призраки, что властвовали над умом народа, разрушить темное царство аскетизма и суеверия, пробудить заснувшие силы, приучить общество к более честной самостоятельной жизни – только так – как говорил Петр, – можно прийти к благу народному»³. Успех возможен только при введении в возможно больших размерах двух могучих рычагов общественного развития: всепобеждающего труда и всепросвещающего знания. Великими средствами для устранения разных зол русской жизни Петр не без основания почитал знание и труд. Он при всяком удобном случае указывал то на недостаточность их в современной ему России и окружающем его обществе, то на неуважение к ним и даже презрение, на вредные последствия всего этого, на значение труда и знания в народной жизни.

Научные знания собирались Петром по всей Европе. Это были первые переходные шаги русского общества от полного невежества к знакомству, правда, поверхностному, с наукой.

Кроме того, избавление общества от невежества происходит с помощью труда. На каждого члена общества должна быть возложена какая-нибудь работа на благо всего общества – будет ли он совершать далекие походы, будет ли строить корабли, рыть каналы, пахать землю, отыщет ли руду, построит ли завод, переведет ли книгу, будет ли заведовать распорядком и собирать денежную казну – только труд, непременно труд. На знатность рода, на породу не следует обращать внимания. Чем больше труда вложит член общества в свое дело, чем больше знаний и честности покажет он, тем более высокое место он займет в обществе. Вот крайний предел тех начал, которые стали вводиться Петром в русскую жизнь.

Сам государь, по мнению Петра, во имя общего блага должен служить государству, народу. Свое служение он начинает с низших ступеней, неся на себе определенные обязанности. Образование, труд, заслуги, признанные другими, дают ему право подниматься на высшие ступени общественного положения.

Петр был единственным в российской истории царем-тружеником, досконально освоившим многие ремесла. Он хорошо знал столярное, токарное и плотницкое дело, умел строить корабли и управлять ими, блестяще знал математику, навигацию, фортификацию, военно-инженерное и артиллерийское дело. Его рабочий день обычно начинался затемно и продолжался до позднего вечера. Царь Петр был первым, да, пожалуй, и единственным царем, не столько правившим Россией, сколько служившим ей. И хотя после Петра русские монархи традиционно были военными и числились в списках элитных столичных полков, никто из них не служил России так, как Петр I.

Петр, прежде всего, стремился поднять в глазах общества труд, какого бы рода он ни был, труд чернорабочего или ремесленника, торгового, служилого человека или ученого, причить словом и примером окружающих к работе. Предпринимались даже попытки сделать труд обязательным для всех. В русском дворянстве укоренился взгляд, что самым приличным занятием должно быть хождение на войну, сиденье по воеводствам и по приказам и особенно служба при дворе. Чтобы показать белоручкам-боярам, что нечего стыдиться чернорабочего физического труда и питать презрение к занимающимся таким трудом, представитель Романовых, царской крови, выковывает определенное количество пудов железа, покупает на заработанные деньги башмаки, носит и показывает многим, рассказывая, что выработал он их сам своими руками.

С замечательной смелостью стали делаться при Петре нападения на тунеядство монашества и духовенства. «Нищим по улицам, – говорит один указ, – милостыни не просить, и никому не давать, и по улицам им не шататься, понеже в таковых многие за леностями и молодые, которые не употребляются в работы и в наймы, милостыни просят, от которых ничего доброго, кроме воровства показать не можно ... а кто пожелает милостыню давать, и им давать в гошпитали и в другие таковые подобные места»⁴. Магистратам, коммерц-коллегии, помещикам, старостам крестьянским и сотским поручено выводить ленивцев и нищих, посылать их на работу, принуждать к трудам и честному промыслу.

Но особенно резко нападал на тунеядцев Духовный регламент: «Многие бездельники при совершенном здравии за леность свою пускаются на прошение милостыни и по миру ходят бесстыдно, а иные же в богадельни вселяются посулами у старост, что есть богопротивное и всему отечеству вредное»⁵. Что ленивые попрошайки и подающие им милостыню противны Богу, грешат этим, доказывается тем, что Бог повелевает в поте лица есть хлеб, а праздному человеку совсем запрещает есть.

Император ставил высоко труд вообще и в частности один из видов его – службу обществу, государству, на это указывает та мысль, которую он с настойчивостью проводил в своей переписке, указах, в особенности в известной «Табели о рангах», и которой придерживался в отношении к окружающим. Человек трудящийся, а тем более оказавший уже своею деятельностью услуги стране, имеет всегда полное право на пользование благами жизни, на уважение других; труд вместе со знанием и честностью указывают положение в обществе, а по окончании деятельности дают право труженику быть обеспеченным на общественные средства. Например, в инструкции Трубецкому Петр замечает, чтоб он, приводя в порядок кавалерию, имел труд несусыпный, чтоб «надлежащее за приложенные к тому труды благополучие следовать могло». Вам нужно трудиться изо всех сил, пишет царь к Матвееву, «и понеже сие дело великое вручено вам, то немалого и воздаяния уповати можете, ежели оно с помощью Божию управите». Губернаторам и воеводам поставлялось в обязанность смотреть за посланными в учителя арифметических школ, чтобы «без дела даром жалованья не получали». Труды, заслуги и образование постепенно возводят служащих, «хотя бы и низкой породы они были», на высшие сту-

пени общественного положения, дают преимущества, которыми до сих пор пользовалось только привилегированное сословие, дворянство.

Таким образом, проповедуя уважение к справедливости, труду и знанию, Петр учил ценить людей за их достоинства: храбрость, а главное – честность, трудолюбие, опытность и образование, устраняя значение кровного происхождения. Тем самым он возвышал личность человека, развивал в ней сознание человеческого достоинства, веру в собственные силы, самостоятельно-независимое отношение к жизни, – словом, вводил те начала, которые составляют необходимое условие прогрессивного развития общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. М., 2002.

² *Разбегаева Л. П.* Ценностные основания гуманитарного образования. Волгоград, 2001. С. 36–37.

³ *Соколовский И. В.* Петр Великий как воспитатель и учитель народа. Казань, 1973. С. 35–56.

⁴ Цит. по: *Павленко Н. И.* Три так называемых завещания Петра I // *Вопр. истории.* 1979. № 2. С. 17–21.

⁵ Цит. по: *Князьков С.* Очерки из истории Петра Великого и его времени. Пушкино, 1990. С. 113–128.

УДК 930

Н. О. Бунина

Курский государственный университет

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ РОССИИ. МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ РУССКОГО НАРОДА В КУРСЕ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА В 10 КЛАССЕ

История Российского государства, как и само государство, имеет древнюю и поучительную историю своего возникновения, становления и развития. Она богата не только именами знаменитостей, создателями и носителями материальных и духовных ценностей, но и своими устойчивыми традициями, духовной зрелостью, истинно народными чертами. Среди вечных проблем культуры русского народа следует выделить проблему духовности как особенную, национальную, традиционную, исторически устойчиво сложившуюся сущность. Феномен духовности неотвратимо предстает перед человеком как проблема в самые драматические периоды развития истории, так как именно в духовности общества в наиболее концентрированной форме сосредоточены коренные человеческие чувства.

Проблема нравственного воспитания подрастающего поколения, приобщения его к духовным ценностям русского народа нашла отражение в исследованиях методистов-историков. В настоящее время возникли уникальные перспективы реконструкции содержания исторического образования, так как ушла в прошлое жесткая ориентация на идеологические установки. Однако вызывает тревогу приверженность прагматической модели гуманитарного образования, что таит в себе угрозу выхолащивания духовно-ценностного содержания. Ведущая роль формирования духовности принадлежит урокам истории и внеклассной работе по предмету. Духовная культура в них раскрывается как компонент общественной жизни. Однако большинство авторов современных учебников, и, следовательно, учителей мало внимания уделяют материалу о духовной жизни народа. Тем не менее, он вызывает устойчивый интерес у учащихся, способствует воспитанию уважения к традициям своего народа, чувства гордости и любви к прошлому, патриотизма и гражданственности, восхищения человеческими ценностями, воплотившимися в богатой духовной жизни русского народа.

Рассмотрим приемы создания исторических образов прошлого, а также некоторые аспекты духовного воспитания учащихся 10 класса при изучении вопросов культурного развития Древнерусского государства. На интегративный урок «История одного шедевра», посвященный творчеству Андрея Рублева, приглашаются учителя мировой и художественной культуры

(МХК) и рисования. Используются мультимедийная технология – виртуальная экскурсия по залам Третьяковской галереи; интерактивные приемы изучения темы – описание, беседа, самостоятельная работа учащихся с документальными источниками, дискуссия и др. Учитель истории зачитывает отрывок из стихотворения А. С. Пушкина «Возрождение», который выступает эпиграфом к теме урока:

*Художник-варвар кистью сонной картину гения чернит,
И свой рисунок беззаконный на ней бессмысленно чертит.
Но краски чуждые, с летами, спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами выходит с прежней красотой.*

Затем педагог обращает внимание учащихся на план, записанный на доске:

1. Иконопись – искусство, преданное забвению. 2. Как смотреть икону. 3. Перед рублевской «Троицей». 4. Два мнения...

Учитель истории в своем вступительном слове отмечает, что в летописях мы находим много свидетельств того, как ценились иконы в Древней Руси, как их собирали, как хвалились обладанием особенно замечательными по письму. Потемневшими или записанными до неузнаваемости, на три четверти скрытыми под тяжелыми металлическими окладами дошли иконы до потомства. И оттого еще несколько десятилетий тому назад многим из нас они казались всего лишь предметом суеверного поклонения богомольных старушек, со свечой в дрожащей руке опускавшихся на колени перед сумрачными, закоптелыми образами. Но вот теперь, когда эти образа выставлены в былой красе, древнерусская живопись является нам в совсем ином свете.

Нам важен не назидательный смысл этого искусства, а смысл более глубокий, истинно человеческий. Глядя на эту красоту, в которой предки наши искали утешение от своих тревог и невзгод, в которой древние мастера выражали их раздумья и упования, мы как-то по-новому воспринимаем наше далекое прошлое. Ведь она, эта красота, действительно входила в тогдашнюю каждодневную жизнь. В своих ритмических сочетаниях звучные краски и тончайшие контуры иконописного образа радовали русского человека и под величественными сводами белокаменного собора, и в деревянной церквушке, срубленной деревенским плотником.

Затем преподаватель живописи продолжает рассказ о том, что было время, когда мы не знали, что у нас есть наша прекрасная древняя живопись. В самом деле, XI и XII столетия оказались записанными живописью XIII в. XV в. не мог увидеть XIII в. по той же самой причине. XVI столетие становился недоступным XIV в. К концу XVII в. был надежно упрятан под новую живопись XV в. В XIX столетии русские люди могли видеть на иконах только ближайший XVIII в., да и тот был загорожен медными, серебряными и золотыми окладами. Дело в том, что икону покрывали олифой, чтобы предохранить краски и чтобы вся она ярче сияла. Но через 80, много – через 100 лет олифа темнеет. Настолько, что изображение уже только угадывается. Такую почерневшую икону в старину «подправляли», мало заботясь о воссоздании первоначальной живописи, которая фактически записывалась новой, отвечавшей новому, тем временем народившемуся вкусу.

Учитель МХК добавляет: икона (от греческого слова «изображение») возникла до зарождения древнерусской культуры и получила широкое распространение во всех православных странах. Иконопись нигде не достигла такого развития, как на Руси, нигде не создала столько шедевров и не стала на протяжении столетий столь излюбленным видом изобразительного искусства целого народа. Властно приковывая к себе взоры молящихся, иконы превращали даже самую убогую церквушку в сказочную сокровищницу линейных ритмов и звонких красочных сочетаний. И так же засияли они при свете лампы в крестьянской избе, просветляя каждодневную жизнь русского человека.

Образность и чувственность органически входили в искусство иконописи. Целью художника было изображение не единичного явления, а лежавшей в его основе идеи; к этой идее можно было лишь приблизиться, но ее нельзя было запечатлеть. Художник изображал фигуры или предметы не так, как он их видел (их размеры не зависели для него от расстояния), а согласно тому, что он знал о них, изображал с разных точек зрения (например, одновременно сверху и сбоку). При этом – с точек, наиболее для них выгодных, такими, какими их могли бы видеть те или иные персонажи иконы, а не мы с вами, находящиеся вне иконы. Благодаря этому почитаемая святыней икона являла собой как бы замкнутый, ей только присущий мир. Все это относится и к древнерусской иконописи, с той лишь очень существенной разницей, что в ней отразилось мироощущение русских мастеров, светлой радостью и жизнелюбием утепивших музы-

кальную живописность иконы. Завершая раскрытие первого пункта плана, учитель истории проводит беседу, преследующую цель закрепления изученного.

- С чем было связано забвение древнерусской иконописи?
- В чем красота и величие древнерусской иконы?
- Какие чувства вызывает икона у молящихся?

Раскрывая второй пункт плана, учитель истории демонстрирует на интерактивной доске изображение двусторонней иконы Донской Богородицы, написанной в 70–80-х гг. XIV в. Феофаном Греком. Проникнуть в замысел иконописца, увидеть красоту материнства, полюбоваться образами-символами учащимся поможет описание и объяснение учителя живописи. В ходе объяснения учитель обращается к лицевой стороне иконы – «Умиление», и анализирует обратную ее сторону – «Успение». Зритель, если только он сведущ в искусстве, чтобы различить в красоте вчерашнего дня красоту немеркнущую и ныне, залюбуется в «Умилении» образами-символами той великой идеи, что выражена в органическом единстве фигур Богородицы и Младенца, и сам умилится, глядя на них. Мы проникнемся тем теплом, что исходит от их неразрывности, от плавной округлости их силуэтов. А когда после лирической поэмы материнской нежности и детской доверчивости перед нами предстанет «Успение» на обратной стороне иконы, мы увидим как бы обратную сторону жизни – смерть. Смерть, предчувствие которой в печальных глазах юной матери. И опять-таки трагедия смерти выступит особенно четко в строгости композиции, равно как и в насыщенном траурном колорите одной из самых волнующих композиций во всей древнерусской живописи¹.

Третий вопрос плана является ключевым на уроке, поэтому рассматривается более подробно. Учитель организует виртуальную экскурсию по залам Третьяковской галереи, на экран проецируется икона А. Рублева «Троица». Заранее подготовленный учащийся сообщает биографические данные о Рублеве (если есть возможность, используется кинофрагмент из художественного фильма «Андрей Рублев»). Затем учитель приглашает школьников в залы Третьяковской галереи. Письменные источники говорят о том, что Андрей Рублев, бывший прежде в послушании у Никона, игумена Троицкого монастыря, «писал многие святые иконы, чудны зело» и что Никон «повеле ему при себе написать образ Пресвятые Троицы в похвалу отцу своему, святому Сергию чудотворцу». Хотя текст этот создан в XVII в. и, значит, мог вызвать сомнения, достоверность авторства Рублева как-то сразу стала очевидной. Ибо только гениальный художник мог создать эту икону, и слава, которой удостоился Рублев, ореол, окружавший его имя, находили исчерпывающее объяснение в ее несравненных художественных достоинствах.

Хотелось бы, чтобы вы не только у входа в музейный зал, где выставлены иконы, но и перед самой рублевской «Троицей» отделились непосредственному зрительному впечатлению, не задумываясь о ее сюжете, о том, как этот сюжет, очень древний и уже много раз использованный, был переработан Рублевым. Поглядите на икону как люди, ничего не знающие о христианской легенде, о символическом значении трех ангелов и их трапезы, отрешась от возможно прочитанных вами исторических или философских толкований «Троицы», воспримите ее как некое сочетание живописных образов, составляющих особый, замкнутый в себе мир, так сотворенный художником, чтобы своим внутренним строем тронуть и обворожить зрителя. «Троица» Рублева – произведение живописи столь ясное, столь цельное, столь убедительное и столь безусловно прекрасное, что даже высказывалась мысль, что именно этот рублевский шедевр вернее всего дает ключ к пониманию красот всей древнерусской иконописи.

Что же это за мир, в который нас погружает созерцание «Троицы»? Искусствоведческую оценку иконе даст преподаватель живописи, а учитель МХК расскажет о сюжете. Это мир согласия и взаимной любви. Посмотрите, как все три ангела тем же чувством, той же думой объединенные, так расположились по воле Рублева, чтобы зримо перекликаться друг с другом не взорами, не посылами, а сокровенной сосредоточенностью, душевной лаской и чистотой. Да, это мир глубокого, неразрывного единства, которое воспринимается нами как завершение всех человеческих устремлений. Сияют пронизанные светом нежные краски: чудесен рублевский «голубец» – чистейшая ляпис-лазурь. И как играют, ласково согласуясь друг с другом, все цвета рублевской палитры! В глазах ангелов – мечта, кроткая взаимная преданность, предчувствие неотвратимой печали и сознание важности, священности их союза; силуэт каждого совершенен в истинно кристальной своей чистоте, а как упоительно музыкальны линии их плеч, рук и складок их облачений!

Эти чувства, эта радость возникает при созерцании «Троицы» Рублева, даже если не знаешь, в чем, в сущности, ее сюжет. Скажем о нем вкратце. К библейскому патриарху Аврааму

явилось трое прекрасных юношей, и он заклал тельца и пышно угостил их, угадав в дивных странниках воплощение извечного во многих религиях троичного начала божества. Византийские художники передавали легенду во всех подробностях – со сценой заклания и со столом, уставленным яствами. Рублев все сосредоточил на главном. В чаше, вокруг которой восседают три ангела, – голова жертвенного тельца, прообраза евангельского агнца, символа жертвенности Христа во имя любви и спасения человеческого рода. Для современников Рублева все это было догмой, выражало сущность той веры, в которой они были воспитаны. Но вот такова сила искусства, что уже вне зависимости от этой веры внутреннее содержание рублевской «Троицы» понятно нам, как оно будет понятно и тем, кто придет после нас. Ибо в этом содержании художник выявил то, что вечно: добро, жертвенность и любовь².

Урок завершается дискуссией по проблеме: можно ли расцвет древнерусского искусства, с которым неразрывно связано имя Рублева, считать Предвозрождением, так как хронологически он совпадает с ранним итальянским Возрождением. Учитель делит класс на две группы, раздает заранее распечатанные материалы: мнение академика Д. С. Лихачева о месте древнерусского искусства и прямо противоположное ему суждение В. Н. Лазарева – искусствоведа, исследователя культуры Древней Руси.

Д. С. Лихачев: «Могучие токи нового предвозрожденческого движения захватили собою не только всю Западную Европу, Византию, но также Псков, Новгород, Москву, Тверь, весь Кавказ и часть Малой Азии. На всем пространстве этой колоссальной территории мы встречаемся с однородными явлениями, вызванными развитием демократической жизни в городах и усиленным культурным общением стран. Многие черты этого предвозрожденческого движения сказались на Руси с большей силой, чем где бы то ни было... Предвозрождение резко изменило культурное лицо Средневековья, принесло огромное тематическое обогащение искусству. Выдвижение на первое место чувств, чувственного опыта, внутренней жизни человека и первые проблемы индивидуализма имели очень большое значение для всего европейского искусства и, в частности, для поразительного по силе изобразительного искусства Новгорода XIV в. Исследователи сравнивали Андрея Рублева с Беато Анжелико, с Чимабуэ, с Перуджино, с Джорджоне, с мастерами сиенской и умбрийских школ, с мастерами античности, с Рафаэлем и Леонардо да Винчи. И действительно, в творчестве Андрея Рублева есть нечто, что роднит его с лучшими мастерами человечества: глубокий гуманизм, высокий идеал человечности, отличавший и гениев античности, и гениев Возрождения...»³.

В. Н. Лазарев: «XIV в. на Руси никак не может приравниваться к Предвозрождению. Не говоря уже о том, что за ним не последовало никакого Возрождения, а наоборот, ясно наметилась тенденция ко все большему закреплению личности; сама эта эпоха, по общему своему характеру, не имеет ни одного опознавательного признака Проторенессанса. В ней нет и намека на появление нового класса и на разложение старых, феодальных отношений, в ней церковное начало, хотя и смягченное, продолжает господствовать в жизни, в ее литературе отсутствует гуманистическое течение, в ее быте не складывается новый индивидуалистический стиль жизни, ее искусство остается чуждым реализму... Между тем, для ренессансного мастера типичны иные черты: смелый разрыв с традицией, победа светского духа над церковным ... подчеркивание в образе человека всего земного, настойчивые поиски новых средств художественного выражения – перспективы, светотеневой моделировки... Вот почему совершенно неправомерно применять термин «Предвозрождение» к древнерусской культуре рублевской и предрублевской поры. Это было время великого расцвета русского искусства, но отнюдь не эпохи Проторенессанса»⁴.

Задание учащимся: проанализировать предложенные материалы, аргументировать свою точку зрения. Подводя итог урока, учитель предлагает учащимся в качестве домашнего задания написать небольшое эссе, заголовком к которому может выступить высказывание В. Гюго: «Поэзия – взмах крыльев... Шедевр искусства рождается навеки. Данте не перечеркивает Гомера».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Семенова М. Мы – славяне: попул. энцикл. СПб., 1997. С. 223.

² Терещенко А. В. История культуры русского народа. М., 2007. С. 94–95.

³ Любимов Л. Искусство Древней Руси. М., 2005. С. 238–240.

⁴ Там же.

ПОТЕНЦИАЛ ШКОЛЬНОЙ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРОЦЕССЕ КУЛЬТУРНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Одной из актуальных проблем современного образования является проблема культурного самоопределения личности. Необходимость решения данного вопроса вызвана риском утраты идентичности с ценностями родной культуры.

Культурное самоопределение – это процесс и результат определения личностью своего места в многообразии культур посредством присвоения культурных ценностей собственного народа. В основе культурного самоопределения личности лежит механизм культурной идентификации, в ходе которой происходит процесс выбора и приобщения к тем или иным культурным ценностям, которые отражают материальную и составляют духовную культуру определенного народа¹. В результате человек начинает осознавать культурную принадлежность к группе через принятие культурных ценностей и норм, самоотождествлять себя с культурными образцами определенного общества². В этой связи особое значение приобретает изучение предметов гуманитарного цикла (в частности, истории), в основу отбора содержания которых положены ценностные картины мира, которые являются своеобразным универсальным кодом, позволяющим школьникам сравнить, осознать и понять ценности своей и иных культур³.

Основным источником таких знаний для учащихся является школьный учебник истории, одним из содержательных компонентов которого является материал по вопросам культуры. Рассмотрим, насколько школьная учебная литература ориентирована на формирование культурного самоопределения у учащихся.

Наиболее сензитивным для культурного самоопределения личности является старший школьный возраст, или время ранней юности. Старший школьный возраст – период активного формирования мировоззрения (Л. И. Божович, И. В. Дубровина, И. С. Кон, Д. И. Фельдштейн, Э. Эриксон). Присвоение тех или иных жизненных ценностей является одной из составляющих этого процесса. Именно в старшем школьном возрасте проблема самоопределения возникает впервые как актуальная и поэтому начинает играть роль важнейшего фактора психического развития. В связи с этим нами были проанализированы учебники по истории России с древнейших времен до конца XIX в. для старших классов (10 класс) следующих авторов: Н. С. Борисов; В. И. Буганов и П. Н. Зырянов; А. А. Левандовский; Н. И. Павленко и И. Л. Андреев; Н. И. Павленко, Л. М. Ляшенко и В. А. Твардовская; А. Н. Сахаров и В. И. Буганов; А. Н. Сахаров и А. Н. Боханов⁴. Данные учебники включены в федеральный перечень учебников истории, рекомендованных к использованию в общеобразовательных учреждениях. Анализ проводился по следующим критериям: 1) структура изложения культурологического материала; 2) содержание; 3) представленная наглядность; 4) наличие словаря понятий и терминов; 5) система вопросов и заданий по урокам русской культуры.

1. Материал по культуре, как это делалось и раньше, обычно выделяется в самостоятельные параграфы. Как правило, параграфы по культуре помещают в конце больших разделов. Некоторые учебники имеют целые самостоятельные главы, например, «Культура России в первой половине XIX века» (авторы – Павленко, Ляшенко, Твардовская). Вместе с тем, трудно себе представить учебник по истории России, который весь был бы построен по такой схеме: один раздел посвящен исключительно внешней политике, другой – внутренней, третий – только социальным отношениям, четвертый – экономическим и т. д. Профессиональные историки, создающие учебники, прекрасно понимают, что все эти сферы взаимосвязаны между собой, отрывать их друг от друга нельзя. Исключение делается только для культуры. По всей видимости, люди, пишущие учебники, не считают культуру такой же органичной частью человеческой истории, как, например, политику или экономику. Она представляется им чем-то обособленным. На наш взгляд, не следует отрывать культуру от остальной истории. Наоборот, необходимо «вживлять» материал по культуре в ткань социально-политической истории как ее составную органичную часть.

2. Как правило, историческое содержание всех учебников практически одинаково. Все авторы начинают характеристику культуры того или иного периода с выяснения особенностей ее

развития. Наиболее четко, логично и последовательно это делают, на наш взгляд, Павленко и Андреев. Остальные же ограничиваются небольшими экскурсами в историю описываемого периода, не выделяя характерных черт именно культурного развития данной эпохи. Далее обычно раскрываются вопросы просвещения, науки, общественной мысли и литературы. Последним, по нашему мнению, слишком много времени уделено в учебниках Левандовского и Борисова. Учитель истории должен лишь подчеркнуть место и роль литературы в широком контексте культуры, показать, как отражались те или иные исторические события в литературных произведениях. Именно такой вариант представлен во всех остальных учебниках.

В учебниках Левандовского и Борисова не освещаются вопросы быта русского народа, а ведь быт – важнейшая и интереснейшая сфера культуры. Обращение к нему позволяет воссоздавать живые и наглядные картины прошлого, что особенно важно в школьном обучении. Достаточно подробно представлена данная область культуры в учебниках Сахарова и Буганова, Сахарова и Боханова, Павленко.

Особого внимания требует к себе художественная культура. Однако вопросы архитектуры, живописи, скульптуры, музыки и театра рассмотрены практически во всех учебниках схематично. Учебники Сахарова и Буганова, Сахарова и Боханова, Левандовского в порядке перечисления называют памятники архитектуры, живописи, музыки, скульптуры, не создавая яркого образа русской художественной культуры у учащихся. Более детальное рассмотрение памятников архитектуры, живописи, скульптуры представлено в учебниках под редакцией Павленко, Борисова.

Таким образом, содержание разделов культуры школьных учебников требует внесения существенных корректив. Необходим отход от схематизма при изучении прежде всего вопросов художественной культуры: рассказ о художественной жизни того или иного времени не должен сводиться к кратким биографическим сведениям о деятелях искусства и простому перечислению важнейших памятников культуры. Требуется освещение всех областей и сторон культуры, в том числе и быта.

3. Известно, что без наглядности изучать историю, а особенно культуру, трудно. Если в больших городах на уроках можно активно применять средства мультимедиа, демонстрировать альбомы с репродукциями, то в глубинке, тем более в сельской местности, сделать это трудно. Поэтому иллюстрации в школьном учебнике являются важнейшим, а для многих учащихся – единственным средством наглядности на уроке. Практически все рассматриваемые учебники имеют иллюстративный материал хорошего качества (цветные иллюстрации, как правило, выделенные в отдельное приложение). Лишь учебники под редакцией Павленко содержат небольшое количество наглядного материала, причем плохого по качеству полиграфического исполнения (черно-белые изображения очень малого размера). Но весь наглядный материал, представленный в учебниках, посвящен архитектуре, живописи, скульптуре. Иллюстраций же, отражающих бытовую культуру русского народа, ни в одном из рассматриваемых нами учебников нет. Авторам данных школьных учебников по истории следовало бы более ответственно отнестись к подбору и использованию иллюстративного материала, который по своему значению должен быть приравнен к тексту.

4. Тщательная работа с историческими понятиями и терминами требует введения культурологического словаря. Ни в одном из анализируемых учебников этого нет. По ходу изложения материала термины никаким образом не выделяются и не раскрываются (видимо, авторы рассчитывают на то, что с данными терминами и понятиями учащиеся были ознакомлены в первом концентре обучения). Только в учебнике Левандовского в начале параграфа имеются вопросы следующего содержания: «Вспомните, что такое классицизм, барокко, реализм?» Но в дальнейшем по ходу изложения материала автор не раскрывает эти термины. Такой вариант работы с искусствоведческими понятиями и терминами, на наш взгляд, непродуктивен, так как в старших классах понятия формируются на более высоком уровне, обогащаются новыми признаками, и одного только воспоминания или перечисления в назывном порядке тех или иных терминов недостаточно.

5. Все анализируемые учебники содержат вопросы и задания, ориентированные на формирование образа русской культуры у учащихся. В учебниках под редакцией Павленко, Сахарова и Буганова система вопросов и заданий носит в основном репродуктивный характер («назовите», «расскажите» и т. д.). Кроме того, в учебниках Сахарова и Буганова, а также Сахарова и Боханова присутствуют задания, ориентирующие учащихся на прослеживание причинно-следственных связей, установление закономерностей культурно-исторического развития России и Западной Европы. Задания творческого характера достаточно широко представлены в учебнике под редакцией Левандовского (написание эссе, дискуссии, коллективные и индивиду-

альные презентации и т. д.). Вопросы и задания данного учебника позволяют также установить межкурсовые и межпредметные связи с другими дисциплинами (например, с всеобщей историей и литературой). Из всех рассматриваемых учебников только этот предлагает учащимся провести анализ музыкального произведения. В то же время ни один из анализируемых нами учебников не содержит систему вопросов и заданий по работе с наглядным материалом, даже если таковой достаточно хорошо представлен в учебнике. Все это ложится на плечи учителя. Два из рассмотренных нами учебников имеют фрагменты произведений общественной мысли, литературы и соответствующий набор вопросов и заданий к ним. Это учебники под редакцией Левандовского и Борисова. Таким образом, можно сказать, что система вопросов и заданий по истории культуры требует определенных доработок в каждом из рассмотренных учебников.

Итак, школьная учебная литература играет значительную роль в процессе культурного самоопределения личности. Однако проведенный анализ школьных учебников истории свидетельствует о том, что необходимо внесение существенных корректив в разделы, посвященные изучению вопросов культуры. Прежде всего, необходимо «вживлять» материал по культуре в ткань социально-политической истории как ее составную часть. Наряду с этим, необходим отход от схематизма при изучении вопросов художественной культуры, более широкое представление иллюстративного материала, который по своему значению должен быть приравнен к тексту, введение словаря искусствоведческих понятий и терминов, увеличение доли вопросов и заданий частично-поискового и творческого уровней.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Антонова Н. В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // *Вопр. психологии*. 1996. № 1. С. 130–143.

² Русанова А. Г. Особенности культурной идентификации студентов в областном центре России: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007.

³ Разбегаева Л. П. Ценностные основания гуманитарного образования. Волгоград, 2001.

⁴ См.: Борисов Н. С. История России, XVIII–XIX вв.: учебник для 10 кл. общеобразов. учреждений. М., 2008; Буганов В. И., Сахаров А. Н. История России с древнейших времен до конца XVII в.: учебник для 10 кл. общеобразов. учреждений. М., 1998. Ч. 1; Боханов А. И., Сахаров А. Н. История России XVII–XIX вв.: учебник для 10 кл. общеобразов. учреждений. М., 2006. Ч. 2; Левандовский А. А. История России, XVIII–XIX вв.: учебник для 10 кл. общеобразов. учреждений. М., 2006; Павленко Н. И., Андреев И. К. История России с древнейших времен до конца XVII в.: учебник для 10 кл. общеобразов. учреждений. М., 2007. Ч. 1; Павленко Н. И., Ляшенко Л. М., Твардовская В. А. История России XVIII–XIX вв.: учебник для 10 кл. общеобразов. учреждений. М., 2006. Ч. 2.

УДК 372.016 : 94(47)

И. П. Ивайкина

Муниципальное бюджетное образовательное учреждение «Гимназия № 4» (Новосибирск)

ПРОЕКТ МОДЕЛИ САМОРАЗВИТИЯ ГИМНАЗИСТА-СТАРШЕКЛАСНИКА В КОНКРЕТНОЙ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Мир вступил в третье тысячелетие. В окружающей жизни произошли огромные изменения, и человечество начинает новый век с весьма существенными достижениями, причем практически во всех направлениях: политике, социальной сфере, экономике, образовании и культуре.

Всем известно, что в средней школе России в 90-х гг. XX в. изменилась парадигма образования. Теперь учитель не является единственным источником знаний, как это было раньше, а действительно стал организатором познавательной деятельности учащихся. Все более сильные позиции в обучении занимает теория деятельности, самостоятельная работа учащихся. А за последние 10 лет произошли изменения в мировоззрении юношества.

Социологи называют юность завершающим этапом первичной социализации. И хотя социальный статус юношества неоднороден, большинство ребят являются учащимися, а, значит, находятся в том возрасте, с которым связана наша педагогическая деятельность.

Для юности типично появление чувства своей неповторимости, непохожести на других, но наряду с этим может иметь место ролевая и личностная неопределенность. Типичная черта этой фазы развития ролевой моратории заключается в том, что диапазон выполняемых ролей расширяется, но старшеклассник не усваивает эти роли всерьез и окончательно, а как бы пробует, примеряет их на себя.

В связи с возрастной задачей «доформирования» возрасту свойственен ряд противоречий: стремление к самовоспитанию сопровождается отрицательным отношением к призывам взрослых на этот счет, чуткость к нравственным оценкам сочетается с внешним равнодушием к ним («сам знаю», «сам разберусь»).

Сегодня на развитие наших старшеклассников влияют следующие факторы: юношеское самоопределение, без которого невозможно формирование целостной личности; возрастная сегрегация – отдаление старшеклассников, как от младших, так и от взрослых; влияние средств массовой информации.

Главное внимание ребят, находящихся в юношеском возрасте, сосредоточено на развитии мотивационной сферы: определение места в жизни, формирование мировоззрения, самосознания, познавательности. Значит, сегодня требуется, чтобы гимназист сам владел методами самостоятельной работы, был инициативной, творческой личностью. Помогает ему в этом учитель. Однако с учетом индивидуальных занятий учебная нагрузка гимназиста возросла – примерно до 40 ч в неделю. С таким учебным планом речь о самостоятельной работе ученика может идти только при наличии определенных предпосылок. В этих условиях было решено создать новую модель организации учебного процесса, так как именно здесь были найдены резервы и разумное решение проблемы.

Побудительным мотивом, определившим выбор модели саморазвития гимназистов-старшеклассников, стал результат исследования, проведенного в 2007 г. в МБОУ «Гимназия № 4» по теме «Профессиональные качества педагога в представлении обучающихся и самих учителей». Наше исследование показало, что представление самому старшекласснику возможности саморазвития, то есть открытие своего внутреннего психологического потенциала, реально осуществимо через увеличение объема самостоятельной работы гимназиста. И это необходимо, так как школьная нагрузка возрастать не может (это ухудшает учебный процесс), да и не должна, а значит, надо организовать условия для самостоятельной работы школьников. В нашей гимназии эти условия включают библиотеку и читальный зал, газеты и журналы для источниковедческих и лабораторных работ в кабинете истории, компьютерные классы (их у нас четыре) с соответствующим программным обеспечением и др. Кроме того, условиями являются и домашние библиотеки самих гимназистов, наконец, широкий современный книжный рынок.

Кроме перечисленных условий, в рамках модели самообразования гимназиста мы создали систему самостоятельных видов работ. Эта система реализует педагогическую цель – использовать активные формы познания и включать старшеклассников в роли обучающихся для формирования у гимназистов ответственности за знания. Данная цель осуществляется через следующие задачи.

1. Обеспечить непосредственное участие старшеклассников в приобретении и углублении знаний.
2. Формировать критическое отношение к источникам информации (сравнивать, анализировать, давать оценку источнику, осознавать проблему, выбирать пути ее решения). Другими словами, развивать способности юношества работать с информацией самостоятельно, делая соответствующие выводы.
3. Развивать умение соотносить модель поведения человека в обществе в далеком и недавнем прошлом с моделями его поведения в настоящем времени. Данная мыслительная деятельность направлена на умение делать правильный выбор в сегодняшней и завтрашней жизни гимназиста.

В реализации этих задач помогает такая форма самостоятельной работы, как лабораторное занятие. Вот некоторые примеры модели саморазвития старшеклассника-гимназиста в коллективной учебной деятельности.

Тема «Говорят люди XVII в.» (лабораторная работа в 11 классе с углубленным изучением истории) предполагает самостоятельную работу в шести мини-группах по фрагментам документов истории России XVII в. и подготовку отчетного выступления. Каждая мини-группа получает лист с фрагментом исторического материала. При этом внешняя деятельность учителя сведена к минимуму: постановка цели урока, распределение и разъяснение заданий, проведение

консультаций и подведение итогов работы. В рамках данной модели учитель выступает в качестве управленца образовательного процесса.

Лабораторное занятие состоит из двух частей, поэтому деятельность обучающихся старшеклассников дифференцируется на два этапа. На первом этапе гимназисты в подгруппах получают карточки с фрагментами документов. После самостоятельного чтения они составляют вопросы к прочитанному источнику, которые записывают в специальную матрицу их же одноклассники-консультанты. Цель деятельности ученика: сформулировать гипотезы причин возникновения предлагаемых документов. Так учащиеся развивают в себе умение анализировать источник по «внешним» признакам или «внутренним» – сущностным. Консультанты записывают их вопросы в специальную схему.

На данном этапе одновременно учитель, старшеклассники-консультанты и гимназисты-одноклассники решают несколько задач: 1) консультанты помогают своему же товарищу (отвечают на вопросы, корректируют его формулировку); 2) консультанты сравнивают свои собственные вопросы к данному фрагменту с вопросами патронируемой ими мини-группы; 3) гимназисты в подгруппах активно участвуют в самостоятельной деятельности; 4) в это время учитель анализирует динамику изменения количества вопросов, относящихся лишь к репродуктивной (внешней) стороне источника по сравнению с количеством вопросов, выделяющих проблему или классифицирующих факты на основании разработанной нами схемы.

На втором этапе урока консультанты предлагают вторую карточку – инструкцию с фрагментами тех же документов, но уже с заданиями, разработанными учителем. Каждая подгруппа коллективно обсуждает вопросы и готовит ответы, записывает их и определяет того, кто будет выступать. Его ответ может быть дополнен членом его группы. При этом весь класс тоже участвует в обсуждении.

Заканчивая урок, учитель предлагает учащимся придумать другие названия темы урока, исходя из содержания выполненных ими заданий. Это позволяет перевести аналитическую деятельность гимназистов на обобщение, осмысление рассматриваемых материалов с других точек зрения. В конечном счете, эта образовательная модель обеспечивает более полное видение изучаемого материала.

Реализация создаваемой автором модели образования помогает реализовать личностно-деятельностный подход на уроках истории и получать следующие результаты: 1) учащиеся видят и осознают проблему (вопросы в матрицах); 2) школьники выбирают пути решения проблемы, используя разные средства (обсуждение в мини-группах, выступления, дискуссии); 3) они сопоставляют свое и другое решение проблемы, учатся критически и корректно относиться к разным решениям; 4) консультанты, подготавливая гимназистов, воспроизводят еще раз историческую информацию, отслеживают ее содержание, применяют свои знания в мини-группах, тем самым облегчают будущую предэкзаменационную подготовку по курсу истории Отечества; 5) история для всех обучающихся становится личностно окрашенной, индивидуальной.

Обобщая результаты деятельности в рамках проекта, отметим, что главный лозунг нашего учебного заведения «Гимназист, учись сам» реализуется через создание такой атмосферы и психолого-педагогических условий на уроке, которые подготавливают обучающихся к учебе в вузе. Суть такого процесса обучения заключается в формировании условий для активной познавательной деятельности школьников и реализации специального подхода на уроках истории.

При помощи данной образовательной модели решается такой сложный вопрос, как перенесение исторического опыта на современную действительность путем моделирования, использования знаний при решении проблемных ситуаций, поиска выхода из ситуации выбора и прогнозирования развития ситуации.

Следует отметить, что такая модель универсальна для изучения разных хронологических периодов отечественной истории (в данной статье представлена одна тема, однако автор использует модель при изучении разных эпох). Она адекватна возрастным возможностям школьников и способна обеспечить различные варианты, позволяющие решить разные задачи. Она гибко реализуется как в темах целых блоков (например, в теме «Общественно-политическая мысль России в первой половине XIX в.»), так и в рамках одного урока. Модель может быть использована независимо от предмета и квалификации учителя, что расширяет ее практическое использование и обеспечивает достижение более высокого качества обучения школьников.

При работе в мини-группах гимназисты фактически используют технологию группового решения проблемы, приобретают важный коммуникативный опыт и развивают разнообразные способы мышления, которые необходимы им при адаптации в социуме.

ГРАЖДАНСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Воспитание гражданственности личности в значительной степени определяется объективным состоянием государства, уровнем развития демократии и гуманности в обществе, востребованностью гражданских качеств его членов. В свою очередь, уровень развития общества во многом зависит от позиции каждого человека.

В. А. Караковский отмечает, что «воспитание юного гражданина – это социальный заказ, вызванный объективными потребностями нашего общества...»¹. По его мнению, гражданское воспитание – это, прежде всего, социальная ориентация личности. При этом перед каждым воспитателем, учителем, родителем стоит задача воспитать ребенка в уважении и преданности основным нравственным идеалам, которые определяют всю жизнь нашего общества (любовь к Родине, стремление к миру, уважение к человеку, труд на благо общества, отношение к знаниям как средству совершенствования жизни). Самым главным и трудным Караковскому представляется воспитание в каждом ребенке обостренного чувства Родины, пронизанного беспокойными думами об ее завтрашнем дне, подкрепленного искренним желанием все свои силы отдать процветанию страны (в качестве одного из важных качеств он выделяет действительный патриотизм). Всякая личность, особенно формирующаяся, должна обладать определенной долей самостоятельности, степенью свободы своего развития. Только эту самую степень свободы, меру самостоятельности точно определить невозможно. Это величина переменная и сугубо индивидуальная. Ежедневно и многократно перед каждым человеком возникают ситуации выбора: сказать или смолчать, поработать или развлечься, поспорить за правду или слухавить. И человек делает выбор. Выбор, подчеркивает Караковский, не зависит от инструкции или приказа, он диктуется гражданскими ценностями человека, его личной смелостью, его порядочностью. Человек не боится взять ответственность за дело, за товарищей, за коллектив. Он самостоятелен².

В современных условиях важным гражданским качеством становится способность к самоопределению, благодаря которому человек получает возможность разумно существовать в условиях выбора.

Понятие «самоопределение» нередко рассматривается в связи с процессом определения человеком своего места, назначения, отношения к миру, обществу, где осуществляется переход возможности в действительность.

Самоопределение личности трактуется через понятия «жизненные планы», «позиция», «выбор». С позиции связи с ценностями рассматривают самоопределение М. И. Гинзбург, П. Герстманн, понимая под ним определение человеком себя в обществе как личности относительно социокультурных ценностей. Основными характеристиками самоопределения личности выступают: связь с ценностями; необходимость в самоопределении как потребность в формировании некой смысловой системы, в которой центральным моментом является представление о смысле собственной жизни; устремленность в будущее к определенным целям, которые представляют собой идеалы, понимаемые как ценности³.

Механизмом самоопределения личности выступает «социальная идентичность» (Э. Эрикссон). В поисках личной идентичности человек решает, какие действия являются для него важными, и вырабатывает определенные нормы для оценки своего поведения и поведения других людей.

Главной задачей, которая встает перед индивидом в ранней юности, по Эрикссону, является формирование чувства идентичности в противовес ролевой неопределенности личностного «я». Молодой человек должен ответить на вопросы: «Кто я?» и «Каков мой дальнейший путь?» В поисках личной идентичности человек решает, какие действия являются для него важными, и вырабатывает определенные нормы для оценки своего поведения и поведения других людей. Этот процесс связан также с осознанием собственной ценности и компетентности.

Важнейшим механизмом формирования идентичности является, по Эрикссону, последовательная идентификация ребенка с взрослым, которая составляет необходимую предпосылку развития психосоциальной идентичности в подростковом возрасте. Чувство идентичности

формируется у подростка постепенно; его источником служат различные идентификации. Подросток уже пытается выработать единую картину мировосприятия, в которой все эти ценности, оценки должны быть синтезированы. В ранней юности индивид стремится к переоценке самого себя в отношениях с близкими людьми, с обществом в целом в физическом, социальном и эмоциональном планах.

Главной опасностью, которой, по мнению Эриксона, должен избежать молодой человек в этот период, является размывание чувства своего «я», вследствие растерянности, сомнений в возможности направить свою жизнь в определенное русло⁴.

Высокая степень сформированности гражданственности и гражданского самоопределения как социальной идентификации человека с Отечеством возможны только при наличии развитого гражданского общества, которое выполняет функцию связующего звена между личностью и государством. Гражданское общество – это особая сфера социума, область частной жизнедеятельности, совокупность внесударственных общественных отношений и институтов, выражающих разнообразные ценности, интересы и потребности относительно независимых друг от друга членов общества⁵.

Идея гражданского общества имеет свое практическое воплощение в системе устойчивых, общепринятых представлений об этом обществе, которые понимаются и разделяются большинством его членов. На современной стадии развития гражданского общества усиливаются такие его признаки и факторы, как рационально-критическое отношение к социальной реальности, плюрализм идей, мнений, гражданская ответственность и др. «Целью гражданского общества является не экономика и не политика, а сам социум. <...> Это общество, в котором граждане имеют возможность реально воздействовать на социальные процессы и тем самым разделять ответственность за то, что происходит в обществе⁶. Наличие развитого гражданского общества предопределяет наличие «гражданственности» личности, которая позволяет человеку выработать свое отношение к явлениям общественной жизни (В. Крысяк).

Важными признаками гражданского общества являются:

1. Наличие граждан как суверенных, активных, свободных, универсальных личностей. Наличие у них и в обществе идеалов и навыков, стимулирующих и позволяющих использовать имеющуюся свободу для самостоятельного или коллективного (без помощи государства) удовлетворения своих разнообразных потребностей, не вступая при этом в противоречие с общественными потребностями.

2. Наличие демократического государства как необходимого условия, предоставляющего возможность гражданам лично или опосредованно, в том числе через свои гражданские союзы, участвовать в принятии значимых для его жизни решений. Наличие политической активности и культуры.

3. Наличие развитого этико-правового сознания граждан, реализуемого в этико-правовом поведении⁷.

В гражданском обществе связующим фактором выступают признание, обеспечение и защита естественных и приобретенных прав человека и гражданина. Гражданское общество поддерживает идеи о свободе и благополучии личности. Оно развивается вместе с государством. Правовое государство можно считать результатом развития гражданского общества и условием его дальнейшего совершенствования.

Таким образом, можно говорить, что необходимым условием существования гражданского общества является готовность личности к самоопределению. Полагаем, что самоопределение личности происходит через осознание, осмысление и принятие ценностей. Его механизмом выступает «социальная идентичность».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Караковский В. А. Воспитай гражданина. М., 1987. С. 17.

² Там же. С. 10.

³ Гинзбург М. Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема // Вопр. психологии. 1988. № 2. С. 36–52.

⁴ Эриксон Э. Детство и общество. М., 2000. С. 78.

⁵ Кочетков А. П. Проблемы формирования гражданского общества в России. М., 1994. С. 98.

⁶ Апресян Р. Г. Толерантность и ценности гражданского общества // Ценности гражданского общества и личность. М., 2001. С. 71.

⁷ Чевозерова Г. В. Средства массовой информации как фактор формирования гражданского общества в России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. С. 12.

ШКОЛЬНЫЕ КУРСЫ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ – СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ К ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМОЙ ЦЕННОСТИ

Возрастающая значимость толерантности в современном мире обусловлена рядом факторов, среди которых – беспрецедентная вооруженность человечества, усиление интеграционных процессов в обществе, увеличивающаяся многомерность человеческой культуры, нерешенность ряда экономических и социальных проблем, развитие институтов демократии и плюрализма. Требование толерантности связано сегодня с развитием форм толерантности в обществе, государстве, на уровне личности.

С этих позиций, толерантность есть социально значимая ценность. Толерантность проявляется в межсубъектных отношениях и является следствием существования в мире неодинаковых субъектов. Она представлена следующими компонентами: терпимость (неприменение насилия по отношению к Другому), понимание Другого на основе общечеловеческих ценностей и признание за ним права на существование; критический (осмысленный) диалог. К числу важнейших ценностных функций толерантности относится обеспечение существования, развития и взаимного обогащения различных людей, сообществ, общества в целом. Границы допустимости толерантности определяются нормами цивилизованного общежития, основой которых, по самым широким критериям, является добро как отсутствие зла.

Одной из задач современного школьного образования является формирование у учащихся отношения к толерантности как к социально значимой ценности. Реализация этой задачи связана, прежде всего, с возможностями гуманитарного образования, так как логика присвоения личностью ценности «толерантность» соотносима со спецификой гуманитарного познания, нацеленного на ценностно-смысловое освоение человеческого бытия.

Представленные ниже учебные задачи личностно-смыслового характера ориентированы на содержание учебных курсов второго образовательного центра – «История России», «История мировых цивилизаций», «Человек и общество». Предлагаемые задачи выступают основой для организации, обобщающей эвристической беседы, дискуссии, проблемное изложение, сочинения-размышления, имитацию жизненных ситуаций, и могут быть использованы на различных этапах урока.

Учебные задачи личностно-смыслового характера применительно к каждому из этапов формирования у старшеклассников отношения к толерантности имеют свою специфику и связаны с разрешением конкретной социально-ценностной проблемы.

Задачами *первого этапа* являются актуализация представлений учащихся о том, что есть добро/зло, ценность/неценность; формирование представления о том, что многообразие человеческого мира есть благо для человечества, так как оно источник развития и взаимного обогащения людей, оно возможно на основе опоры на общечеловеческие ценности и осознания принадлежности к человеческому роду; формирование представлений о терпимости, понимании, диалоге между людьми как важных факторах существования, развития и взаимообогащения общества и человека. Учебные задачи на этом этапе ориентированы на разрешение социально-ценностной проблемы: «Многообразие человеческого мира – это благо или зло для человечества?», а также ее отдельных аспектов: «Что отличает людей разных эпох, цивилизаций, что общего между ними?», «Что есть добро и зло?», «Что такое ценность?», «Значимо ли для людей взаимодействие друг с другом?»

Опорные содержательные темы этапа: «Общество как динамическая система», «Деятельность в жизни человека и общества» в курсе «Человек и общество»; «Начало Руси», «Русь в XI–XII вв.», «Русь в XIII–XV вв.», «Россия в XVI в.» в курсе «История России»; «Мир накануне возникновения древних цивилизаций», «Цивилизации Древнего мира», «Духовное и материальное развитие общеевропейской цивилизации в V–XIII вв.», «Великое Возрождение XIV–XVII вв.» в курсе «История мировых цивилизаций». Примеры задач:

- * *Охарактеризуйте систему ценностей древневосточной цивилизации.*
- * *Каково значение древневосточной цивилизации для человечества?*

* Каково влияние древнегреческой цивилизации на цивилизацию Древнего Рима? Какие идеи, традиции были переняты Римской цивилизацией? Приобрела или потеряла от греческого влияния Римская цивилизация?

* Охарактеризуйте систему ценностей античной цивилизации.

* Почему мировая империя, созданная А. Македонским, оказалась только идеей великого полководца?

* Каково значение античной цивилизации для человечества?

* Каковы отличительные черты древневосточной и античной цивилизаций? Как вы полагаете, какие факторы определили различия в развитии восточной и западной цивилизаций? Есть ли сходство между этими цивилизациями?

* Приведите примеры межцивилизационного обмена между цивилизациями античной и древневосточной. Каково значение этого обмена? (Курс «История мировых цивилизаций».)

* Европейский путешественник Марко-Поло свидетельствует о преемнике Мангу-Хубилае (Кублае): «В день Пасхи, зная, что это один из главных праздников, великий хан велел всем христианам явиться к нему и принести с собой то священное писание, в котором заключается четвероевангелие; окурив торжественно ладаном эту книгу, он благоговейно поцеловал ее, то же должны были сделать по его приказанию и все тут бывшие вельможи; это у него всегдашний обычай при всяком большом празднике у христиан, в Рождество и в Пасху. То же соблюдал он в праздники сарацин, иудеев и язычников». Каким предстает здесь отношение монголов к христианству и другим религиям? Какова ваша оценка данного исторического факта?

* Как вы полагаете, каким образом соотносились веротерпимость монголов и их намерение собрать все народы в единую монархию?

* «Может ли кто-нибудь заимствовать чужую цивилизацию частично, не рискуя быть постепенно втянутой в принятие ее целиком и полностью?» – спрашивал историк А. Тойнби. Как вы ответите на этот вопрос? (Курс «История России».)

* Сравните точки зрения итальянского мыслителя Н. Макиавелли и русского писателя Н. Р. Лескова на соотношение целей и средств деятельности. Какая из позиций представляется вам оправданной? Приведите примеры из истории, подтверждающие правоту этой позиции.

* Прокомментируйте слова Марка Аврелия: «Люди существуют друг для друга».

* К числу общечеловеческих ценностей некоторыми исследователями относятся Жизнь, Человек, Познание, Красота, Труд, Отечество. Как вы полагаете, каковы критерии определения общечеловеческих ценностей?

* Сопоставьте два высказывания и определите в них общее и различное: Д. И. Писарев: «Когда у человека есть действительно какие-нибудь убеждения, то ни сострадание, ни уважение, ни дружба, ни любовь, ничто, кроме обязательных доказательств, не в состоянии изменить в этих убеждениях ни одной мельчайшей подробности»; Ф. М. Достоевский: «Недостаточно определять нравственность верностью своим убеждениям. Надо еще беспрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения?» Какая из позиций представляется вам более толерантной? Какая позиция ближе вам? Почему? Могли бы вы включить эту позицию в число ваших жизненных принципов? Почему? Какие выводы вы можете сделать из данных идей? (Курс «Человек и общество».)

На втором этапе работы над ценностной значимостью толерантности решаются следующие задачи: формирование у старшеклассников понимания ненасилия, терпимости, диалога как необходимых качеств существования и развития общества и отдельного человека, в том числе каждого конкретного учащегося. Соответственно, и учебные задачи ориентированы на разрешение следующей социально-ценностной проблемы: «Многообразие человеческого мира важно для человечества, но иногда это многообразие становится источником многочисленных проблем для людей. При каких условиях возможно многообразие?» Обсуждать следует также отдельные аспекты проблемы: «Что такое насилие и ненасилие?», «Что такое терпимость и нетерпимость?», «Что такое понимание и непонимание?», «Что такое диалог?», «В чем ценность терпимости, понимания, диалога для общества, человека, конкретно для Вас?» Опорные темы этапа: «Россия в XVII в.», «Россия в конце XVII – XVIII в.», в курсе «История России»; «Цивилизационные типы и их развитие в странах Востока в доколониальную эпоху (V–XVI вв.)», «Выделение восточно-христианского типа цивилизации. Восточные славяне, Византия. Источники» в курсе «История мировых цивилизаций». Примеры задач:

* *Вспомните, как представлял Иван Грозный отношения между властью и подданными. Объясните значение «крестоцеловальной записи», данной В. Шуйским. Как вы полагаете, могло ли измениться развитие российского государства, если бы крестоцеловальная запись сохранила свое действие на длительное время? Почему? Могло ли это отразиться на вас лично?*

* *Какие новые представления о природе царской власти породила Смута? В чем их значение?*

* *Каковы итоги Смутного времени для внутривнутриполитического развития государства?*

* *Охарактеризуйте смысл «Кондиций» как попытки создания возможностей диалога между самодержавием и частью общества. Как диалог между властью и обществом соотносим с терпимостью и стремлением к пониманию?*

* *Проследите отношения власти и общества во второй и третьей четвертях XVIII в. Предпринимались ли попытки установления диалога между ними со стороны власти, со стороны общества? В чем суть дела А. П. Волынского? Как данное дело характеризует отношение власти к обществу, к человеку? Как на примере этого дела раскрывается связь терпимости и диалога власти с обществом?*

* *Какими виделись отношения между властью и обществом И. И. Шувалову? В чем значение этих идей? Какими их представляла Екатерина II? На чьи идеи она опиралась? В чем значение полемики между журналами «Всякая всячина» и «Трутень»? Когда и почему изменились взгляды Екатерины II?*

* *Как вы полагаете, значимо ли осмысление характера отношений между властью и обществом XVIII в. для сегодняшнего российского общества? Почему? Что важно лично для Вас? (Курс «История России».)*

* *Константинополь – перекресток Востока и Запада, “золотой мост” между Европой и Азией. Это символ Византийской истории. Как вы понимаете, в чем заключается эта символичность? Какие торговые пути пролегали через Византию? Каково значение “перекрестности” Византии в цивилизационном аспекте? Может быть, это значимо как-то лично для Вас?*

* *На материале Византийской истории приведите примеры межцивилизационного диалога между Западом и Востоком. Каково его значение в историческом аспекте? (Курс «История мировых цивилизаций».)*

Задачей *третьего этапа* является формирование понимания личностной и социальной значимости ценности «толерантность» на основе осознания невозможности существования и развития человека, общества, человечества в целом вне данного ценностного контекста. Учебные задачи на третьем этапе ориентированы на разрешение социально-ценностной проблемы следующего содержания: «Мир многолик. Чтобы он существовал, развивался, обогащался, необходимо проявление людьми толерантности по отношению друг к другу. К сожалению, так бывает не всегда. Каким может быть мир без толерантности?» Могут обсуждаться также отдельные аспекты проблемы: «Что такое толерантность?», «В каких сферах жизни общества толерантность имеет наибольшее значение?»

Опорные темы этапа: «Общественные движения второй половины XIX в.», «Гражданская война в России» в курсе «История России»; «Цивилизации прошлого», «Глобальные проблемы современности», «Цивилизация и социальное развитие» в курсе «Человек и общество». Примеры задач:

* *Используя содержание учебника, хрестоматий, дополнительной литературы, приведите различные точки зрения относительно возможности допущения революционного насилия. На чем основаны убеждения авторов? С какими из доводов вы считаете возможным согласиться, а с какими нет? Каково Ваше отношение к данной проблеме?*

* *Прочитайте рассказ М. Шолохова «Родинка». Какие чувства вызвал у вас этот рассказ? Узнали ли вы что-то новое из него о гражданской войне? Каким образом в рассказе отражена гражданская война? Как вы думаете, можно ли согласиться с мнением, что самая страшная война – гражданская? Почему?*

* *Обсудите следующие вопросы: Что такое гражданская война? Были ли «правые» в Гражданской войне в России? Каковы истоки гражданской войны? Нужен ли сегодня в России памятник жертвам Гражданской войны 1918–1920 гг.? Если да, то кому, почему, зачем? Каким он должен быть? (Курс «История России».)*

* *Обсудите приведенные ниже высказывания. Выразите собственное отношение. «Величие нации вовсе не измеряется ее численностью, как величие человека не измеряется его ростом» (В. Гюго). «Оценка человека не может зависеть от того, что от него не зависит (от цвета волос, формы носа, расы, происхождения и т. д.)» (Т. Котарбинский).*

* Протопоп Аввакум и патриарх Никон – мордвины, Пушкин – «из арапов», Фонвизин – немец, Жуковский – «из турок», Левитан, Рубинштейн, Пастернак – евреи, Куприн – татарин, Вахтангов и Хачатурян – армяне. Все они – представители русской культуры. Попробуйте охарактеризовать русскую культуру без этих имен. Так что же такое русская культура? В чем вы видите ее значение для себя? Какой смысл имеют для вас названные имена?

* Известный российский исследователь В. А. Тишков, занимающийся проблемами этнических конфликтов, отмечает: «В силу полиэтничного состава населения бывшего СССР и нынешних новых государств, фактически любой внутренний конфликт, социально-экономический или политический по своей природе, обретает этническую окраску, что, как правило, углубляет и осложняет возникающие противоречия, придавая конфликту дополнительный эмоциональный фон». Прокомментируйте эту мысль. Приведите конкретные примеры.

* Даже семейный конфликт может приобрести этническую окраску, если муж и жена имеют разную национальность и один из них в пылу ссоры прибегнет к последнему аргументу: «Все вы, русские (татары, грузины и пр.), такие – ленивые, глупые, жадные» и т. д. Приходилось ли вам наблюдать подобное? Какие выводы вы можете сделать для себя?

* Какую проблему отношений между этносами высвечивает описываемая ниже ситуация? Преодолимы ли эти проблемы? «Экие чудачки эти ханты, – удивился главный архитектор Сургутского р-на Тюменской обл. – Мы им такой поселок отгрохали, в красивейшем месте, а они по тайге разбежались» (Литературная газета. 1988. 17 авг.).

* Каковы последствия межэтнических конфликтов для общества? государства? отдельного человека? для семьи? Отразились ли каким-то образом кризисные явления в национальных отношениях в бывшем СССР и регионах России на судьбе ваших знакомых, близких, вашей семьи, Вас лично? Каким образом? Какие это имело последствия? Какие выводы вы можете сделать для себя?

* Объясните, почему проблема войны и мира приобрела сегодня характер глобальной? Что означает высказывание: «Ветеранов третьей мировой не будет» (Уолтер Мондел)? Какое отношение это имеет именно к вам? Чем опасны сегодня локальные войны? Имеет ли эта опасность отношение именно к вам? Приведите примеры. Можно ли сегодня предотвратить войны? Каким образом? Как вы полагаете, почему глобальная проблема войны и мира привела человеческое сообщество к осознанию значимости толерантности в современном мире?

* Попробуйте обосновать, что толерантность сегодня является той ценностью, осознание и принятие которой значимо как для человечества в целом, так и для каждого отдельного человека, для Вас лично. (Курс «Человек и общество».)

Задачами четвертого этапа работы со старшеклассниками в предложенном направлении являются содействие формированию собственной оценки и отношения к различным явлениям действительности на основе отношения к толерантности как ценности; определение границ допустимости толерантности. Учебные задачи ориентированы на разрешение социально-ценностной проблемы: «Каковы границы допустимости толерантности?» В контексте данной проблемы рассматриваются ее отдельные аспекты, а также обсуждаются вопросы, связанные с оценкой различных явлений истории и современности. Опорные темы этапа: «Тоталитарный режим в СССР», «Крах советской системы», «Постсоветская Россия» в курсе «История Отечества»; «Вторая мировая война» в курсе «История мировых цивилизаций»; «Экономическое развитие современной цивилизации», «Современная цивилизация и политическая жизнь», «Духовные ценности современной цивилизации» в курсе «Человек и общество». Примеры задач:

* Дайте оценку идеологии фашизма. Как вы полагаете, может ли фашизм предполагать толерантность? Возможно ли толерантное отношение к фашизму? Почему? Каково ваше отношение к войне против фашизма? Как вы думаете, чем определяются границы допустимости толерантности? Почему фашизм выходит за эти границы? (Курс «История мировых цивилизаций».)

* Охарактеризуйте различные типы экономических систем. Вы знаете, что одной из характерных особенностей командно-административной экономики в Советском Союзе являлась «уравниловка» в оплате труда. Поразмышляйте над понятием «равенство» в данном контексте. Справедливо ли, с вашей точки зрения, материальное равенство? Не является ли подобное равенство всех насильем над отдельной личностью? Как вы полагаете, какая из экономических систем предполагает наибольшую толерантность по отношению к человеку? Почему?

* *Представьте ситуацию: ваш знакомый, в данный момент оказавшийся в незавидном материальном положении, ругает сегодняшний экономический порядок, считает его несправедливым и призывает громить всех коммерсантов. Каково ваше отношение к данной позиции? Смогли бы вы возразить своему знакомому? Какие у вас есть аргументы?* (Курс «Человек и общество».)

* *Выделите основные черты тоталитарного политического режима. Охарактеризуйте отношения при тоталитаризме к инакомыслию, человеку, обществу. Совместимы ли тоталитаризм и толерантность? Почему? Хотели бы вы жить в тоталитарном обществе? Почему?*

* *В СССР была предпринята попытка создания «новой исторической общности – советского народа» и «социалистической» единой для всех культуры. Дайте оценку данному факту с точки зрения толерантности по отношению к народам СССР. Какова ваша оценка национальной политики СССР в целом?*

* *В СССР сложилась командно-административная экономика, основанная на государственной собственности, распределительных отношениях, идее равенства. Дайте оценку данному типу экономики. Насколько, на ваш взгляд, командная экономика предполагает толерантность по отношению к человеку?*

* *Какие идеи выдвигали диссиденты? Что имел в виду Ю. Даниэль в повести «Искушение», говоря о «тюрьме внутри нас»? В чем выражалась деятельность диссидентов? Какой способ общественного поведения был избран диссидентами? Дайте оценку деятельности диссидентов с точки зрения толерантности по отношению к человеку, к обществу. Соотнесите деятельность диссидентов с проблемой границ допустимости толерантности.* (Курс «История России».)

УДК 372.016 : 94(47)

Ф. С. Кузнецова

Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования

ОБРАЗЫ СИБИРИ И ЕЕ НАРОДОВ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ ИСТОРИИ

Образ родного края в контексте исторических знаний притягателен для учеников, он возбуждает интерес и повышает мотивы изучения предмета. Его познавательные и мировоззренческие свойства вносят вклад в духовно-нравственное и мировоззренческое становление личности. «Кто я, кто мы, как связаны прошлое и современность?» Такие вопросы подростки, ученики 5–9 классов, не могут понять без опоры на близкие и понятные образы прошлого. Условия для их осмысления создают региональная история и краеведение, прочно занявшие свое место в структуре общего образования. В примерных программах по истории для основной школы, сопровождающих разработку стандартов второго поколения, закладывается идея более тесной интеграции региональной и локальной истории с общим курсом. «Следует подчеркнуть, что речь идет о *многоуровневом* рассмотрении истории государства и населяющих его народов, истории региона, города, села, семьи»¹.

Предстоит создание «вертикали»: история России – история Сибири – краеведение – как дидактической основы для более глубокого анализа историко-культурного наследия и социального опыта прошлого. При этом отдельные сюжеты, факты, персоналии локальной истории (краеведения), станут основой детального рассмотрения тех или иных проблем родного края в контексте региональной истории и истории страны в целом. Все три уровня в единстве формируют историческое сознание ученика, в котором человек существует не отдельно в федеральной, региональной и местной истории, но «во всех историях» одновременно. Особенно актуальна такая структура исторического курса в основной школе. Она дает возможность находить ответы на существенные вопросы миропонимания, вырабатывает умение соотносить общие исторические процессы и отдельные факты.

Предстоит сделать отбор наиболее значимых этапов из региональной и локальной истории и провести основные линии их интеграции с федеральным курсом. Одна из таких линий связа-

на с тем, что Россия – евразийская страна, в составе которой народы Сибири уже 400 лет. Их культурно-исторический путь в Древности и Средневековье был иным, чем у славян. Одни – земледельцы, другие – кочевники; их хозяйственная деятельность, быт, менталитет, ценностные приоритеты были настолько разными, что многие тысячелетия, казалось, не могло быть между ними мира и дружбы. Традиционно образ кочевых соседей во многих федеральных учебниках представлен в негативном аспекте: нападали на поселения славян, грабили и сжигали их, угоняли пленных. Сегодня, когда среди целей в программах исторического образования звучит новое направление: «воспитание гражданственности, национальной идентичности, патриотизма, уважения к истории и традициям, толерантности и мира между людьми», необходим иной подход. Это не значит, что следует исключить факты конфликтности, но они не должны быть единственными знаниями о мире кочевников. Региональная история призвана предъявить знания об уникальности культуры тех этносов Сибири, которые сегодня – в составе нашего многонационального российского общества.

История Древнего мира знакомит пятиклассников с ранними цивилизациями. «А что было в нашем крае в это время?» – часто слышим типичный вопрос любознательных детей. Линией связи с региональной историей становится наличие в федеральном учебнике 5 класса карты «Цивилизации древнего Востока», где обозначена территория нашего края с истоками рек Оби, Иртыша, Енисея. Ее анализ создает пространственные представления как основу понимания взаимосвязи ранних цивилизаций с историей региона и родного края, которая осуществлялась через Центрально-Азиатский регион, а с ним были тесно связаны судьбы народов Сибири. Для этого урока учителю необходимы материалы, позволяющие обсудить с пятиклассниками следующие вопросы: «Чем отличались природные условия жизни народов нашего края? Как человек сумел приспособиться к жизни в условиях Сибири? Могли ли существовать связи южных народов Сибири с древними цивилизациями? Что об этом говорят археологи? Знаете ли вы памятники культуры III–II тыс. до н. э. в Сибири?» При изучении истории Греции возможен другой экскурс в прошлое региона. Упоминание о скифах, с которыми греки знакомились в Причерноморье, позволяет провести линию связи с процессами, происходившими в Сибири, и познакомиться с памятниками уникальной скифо-сибирской культуры. «Что узнали о скифах сибирские археологи? Жили ли скифы в нашем крае?» Два урока в курсе истории Древнего мира 5 класса уже представят учащимся Сибирь в контексте мировой истории. Безусловно, эти уроки должно сопровождать наглядное предъявление памятников материальной культуры народов Сибири III–I тыс. до н. э., вещественные памятники местных музеев, отражающие образ жизни народов в то время. Опыт нашей работы показал, что игнорирование пройденного сложного пути народов Сибири до вхождения в состав России граничит с пренебрежением, поскольку невольно создает представление о культуре региона как застойной и неразвитой. В дальнейшем при изучении освоения Сибири русскими всё затмевает история России и русского народа. К этому еще добавляются выводы о положительном влиянии российской колонизации. В результате школьный курс истории сформировал у многих поколений выпускников высокомерный взгляд на историческое прошлое и культуру якобы «примитивных» аборигенных этносов Сибири.

При изучении истории Древней Руси в 6 классе программа предлагает осмысление проблемы «Русь и народы Степи». Однако в федеральных учебниках эта тема пока не нашла места, и не удивительно, ибо она требует иных, более взвешенных подходов. Это проблема взаимоотношений земледельцев и кочевников, которая традиционно освещалась как конфликтная, в которой страдающей стороной представлены восточные славяне. Кульминацию этих страданий выражало понятие «татаро-монгольское иго».

Сегодня уровень развития общества и исторической науки ставит в центр внимания проблему объективного и субъективного в жизни общества и человека. На смену упрощенному пониманию взаимоотношений между людьми разных культур, общества и человека пришел более тонкий подход: нужно рассматривать социальную реальность с точки зрения интереса субъективности, с позиций взаимодействия «Я» и «Другого». В мире и в каждом обществе множество «Я», каждое неповторимо и субъективно, задача воспитания толерантности стала особенно актуальной. В практике преподавания истории Сибири сложился первый опыт изучения культурного взаимодействия русских с аборигенным населением в процессе ее колонизации, в основе которого лежит многоуровневый анализ документов, позволяющий проследить, как решались разные случаи конфликтных ситуаций в процессе освоения края. С одной стороны, это пути их решения властью, с другой, в ходе межличностных контактов².

В федеральных учебниках образ Сибири и ее народов представлен один раз, в теме «Россия в XVII веке». Присоединение Сибири – значимое событие в истории не только ее народов, но и России, изменившее геополитическое и социально-экономическое развитие страны. Сегодня тема дополняется региональными материалами, что расширило ее образовательные возможности.

При изучении истории России XVIII–XX вв. в федеральных учебниках образ Сибири отсутствует, даже большинство карт Российской империи ограничивает ее территорию европейской частью страны. Возникают вопросы: «А был ли этот период значимым этапом истории Сибири? Что представляла Сибирь для России в эти века? Российские императоры (Петр I, Екатерина II, Александр I и др.) уделяли ли Сибири какое-то внимание в своей политике? Какой путь прошла Сибирь и ее народы в составе СССР? Как изменялся образ жизни аборигенов края? Каким был раньше и каков сегодня образ Сибири в глазах россиян и мировой общественности?» Поставленные вопросы отражают интересный и выразительный пласт знаний региональной и локальной истории. Это длительный путь освоения огромной окраины, который не пройден и поныне, это процесс социально-культурного развития народов в составе Российской империи и СССР, это надежды, связанные с будущим.

Отбор и структурирование региональных знаний, включаемых в образовательное пространство школьников, требуют решения ряда проблем. С одной стороны, предстоит учитывать мировоззренческое звучание тех или иных общественных процессов и явлений, их значимость в истории края и взаимосвязь с процессами российской истории, что повлияет на решение вопроса о выделении части учебного времени для изучения региональной и локальной истории (это решение вариативно, оно происходит на уровне региона). С другой стороны, это вопрос о методическом сопровождении процесса изучения региональных и локальных материалов. Региональный материал должен способствовать решению приоритетных образовательных и воспитательных задач. В-третьих, необходимо подумать о включении краеведческих материалов в контекст российской истории, которое тоже должно быть обоснованным и направлено на решение задач исторического образования. Пока же использование краеведческих материалов во многих случаях остается случайным, непродуманным.

Как бы мы ни любили родной край, но отдельное конкретное событие, происходившее на его территории, не должно закрыть собою весь процесс, в ряду которого оно находится. С другой стороны, события из истории родного края и семьи нельзя понять без опоры на знания истории Сибири. Например, до сих пор можно встретить факты неверной датировки времени возникновения отдельных населенных пунктов Новосибирской обл., противоречащей научным исследованиям. Без всяких объяснений неверные даты фиксируются в районных музеях; равняясь на них, общественность отмечает юбилеи сел, районных центров. Причина ошибок банальна: краеведы используют «Список населенных мест Западно-Сибирского края» (Новосибирск, 1928). Из него следует, что некоторые деревни нашего края возникли еще в XV в., другие – в XVI в. до похода Ермака. Позже эти материалы были некритически использованы краеведом К. А. Нечаевым, подготовившим для учителей истории «Материалы из истории населенных пунктов Новосибирской обл.». Столь ранняя датировка основания населенных пунктов в указанных изданиях ничем не обоснована, она давно опровергнута в научных исследованиях сибирских историков на основе архивных данных³. Ошибка имеет давнюю историю, она свидетельствует об отсутствии опыта осмысления краеведческих фактов в свете региональной истории, хотя учебные пособия по истории Сибири в достаточном объеме предъявляют материалы о том, что до конца XVII в. вся территория современной Новосибирской обл., степи Алтая и Кулунды находились вне зоны русской колонизации. Попытки русских продвинуться в лесостепную зону встречали противодействие со стороны кочевников.

В краеведческой литературе, изданной в районах нашей области, можно встретить преувеличение значимости отдельных событий родного края. Например, в процессе присоединения и освоения Западной Сибири на территории нашей области 20 августа 1598 г. в районе р. Ирмень происходил один из актов драмы «войны с Кучумом». Историк-краевед из Ордынского р-на О. М. Лыков характеризует этот бой как «единственное историческое событие всероссийского масштаба, которое произошло на территории Ордынского района»⁴. Далее отмечается: «Подчеркнем еще раз – это событие всероссийского масштаба, и именно так оно может и должно восприниматься всеми россиянами. Добавим – именно так битва на Ирмени и воспринимается всеми грамотными людьми со времен Карамзина»⁵. Однако придавать Ирменскому сражению столь большое значение, утверждать, что оно положило конец военным дей-

ствиям на юге Западной Сибири, – значит, противоречить историческим фактам. Окончательной победы не было, после смерти Кучума его сын Алей продолжил активные военные действия и доставил немало тревог сибирским воеводам. Кучумовичи продолжили борьбу за власть в первые десятилетия XVII в.

Посмотрим на эмоциональную сторону предъявления краеведческого факта из «Ордынской хроники». Картина Ирменского боя представлена выразительно: внезапный удар и стремительный разгром деморализованного противника. Цитирование многочисленных описаний битвы, сделанных разными историками, сопоставление их оценочных выводов, – всё направлено на воссоздание героического образа воеводы Воейкова, умелых действий его отряда и на культивирование отрицательного образа Кучума. «Сибирский салтан», – так «со скрытой насмешкой», как считает О. М. Лыков, называли Кучума его противники. Четко противопоставлены победители и побежденные, ярко и эмоционально описан разгром татарского воинства Кучума, в логике «образа врага» создано представление о татарах, потомки которые и поныне проживают в нашей области⁶. Опять возникает вопрос, насколько это соответствует действительности. Следует ли так однозначно, как врагов, противопоставлять русских и татар в XVII в.?

Российское правительство сразу же после похода Ермака начало активно проводить в Сибири политику привлечения на свою сторону татарской знати, а в дальнейшем – «князцов» и других народов. Это было одним из направлений продуманной политики, которой правительство следовало затем 300 лет на окраинах многонациональной державы. История Сибири предъявляет немало фактов для того, чтобы учащиеся поняли смысл этой политики.

При анализе краеведческого факта «Ирменский бой» нужен взгляд и с другой стороны. О. М. Лыков в «Ордынской хронике» мимоходом упомянул, что первыми атаковали Кучума «служилые татаровья». Но кто они такие и почему состоят в отряде Воейкова? – ответа на эти вопросы, к сожалению, нет. Факт требуется объяснить, используя прием конкретизации. Правительство Бориса Годунова, возведя остроги Тюмень и Тобольск, сразу же сделало ставку на татарскую знать, предлагая службу. Так появились первые служилые татары. Самых знатных пленников из татар отправляли в Москву, там они получали достойное вознаграждение и почетные должности. В 1590-е гг. и Кучуму предлагали остаться на Сибирском «царстве», но уже в роли московского наместника. Кучум не захотел править от имени «крестьянского царя». Обосновавшись в южных степях Сибири, он приступил к затяжной войне. Предложения правительства и отказы «сибирского салтана» цитируются в «Ордынской хронике», но лишь для отрицательной характеристики Кучума. А почему только так? Пусть учащиеся задумаются над словами Кучума: «Не поехал я к государю и по государевой грамоте своею волею, в свою пору я был совсем цел, а за саблю (т. е. насильно, в качестве побежденного. – Ф. К.) мне теперь ехать к государю не по что...», – это ответ на предложение последовать вместе с плененной семьей в Москву, где ему гарантировались жизнь, богатство и почетная служба. Что означает выражение «теперь ехать к государю не по что»? Как этот ответ характеризует «салтана»? Обратим внимание на судьбу семейства Кучума. В Москве по приказу Бориса Годунова 17 января 1599 г. был организован торжественный въезд пленных сибирских «цариц», «царевичей» и «царевен». Они были наряжены в достойную царскому роду одежду. Один перечень парадного одеяния старшего из сыновей, Асманака, занимает несколько строчек. Женщины красовались в дорогих шубах. Кorteж в расписных санях чинно следовал по улицам Москвы в сопровождении свиты. Запряженных цугом лошадей вели специальные проводники. Поставим перед школьниками вопросы: «Какой смысл придавало правительство Бориса Годунова организации столь торжественного въезда? Хотели показать народу значимость победы или здесь нечто иное?»

Отрывки из документов следует анализировать с разных точек зрения, только тогда образ «Другого» предстанет в более объемном звучании и становится понятнее историческое время, в котором происходили эти события. История Сибири имеет немало примеров разрешения конфликтных ситуаций, знакомит учащихся с опытом общения в прошлом в сфере межнациональных отношений, формирует понимание исторической обусловленности ситуаций, в каждой из которых отражен конкретный факт отношений между «коренными» и «пришлыми», а не общая норма. Региональная история и краеведение создают возможности для решения приоритетных задач – воспитания школьников, развития их способностей, формирования умений применять исторические знания для осмысления сущности многих явлений в современном поликультурном и полиэтничном мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Примерные программы по учебным предметам: история, 5–9 кл. М., 2010. (Стандарты второго поколения). С. 10.

² Кузнецова Ф. С. 1) Роль национально-регионального компонента в формировании этнокультурной компетентности учащихся // Преподавание истории и обществознания в школе. 2006. № 5–6; 2) Народы Сибири: встреча миров (XVI–XIX вв.): программа элективного курса для профильной школы (10 кл.) // История и традиции народов России. М., 2007. С. 188–219.

³ Булыгин Ю. С. К истории возникновения городов Новосибирской обл. Бердска и Тогучина // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978. С. 313.

⁴ Лыков О. М. Ордынская хроника. Новосибирск, 2007. Кн. 1. С. 80.

⁵ Там же. С. 105.

⁶ Там же. С. 94–102.

УДК 947(571)

Н. Н. Лазукова, Ван Цзяцзы, Ли Наньнань

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РОССИИ В ШКОЛАХ КИТАЯ

С конца 90-х гг. XX в. студенты и магистранты кафедры методики обучения истории и обществознания РГПУ им. А. И. Герцена работают над проектом «Школьное историческое образование в зарубежных странах». В частности, собраны данные о том, как зачастую неоднозначно, тенденциозно и фрагментарно даются сведения по истории России в учебниках истории разных стран. Но нам представляется целесообразным, в первую очередь, не обратиться к негативным фактам трактовки российской истории в учебниках зарубежных стран, так как это усугубляет конфронтацию между народами, а показать позитивный опыт в изложении истории России, который важен для взаимопонимания и сотрудничества между людьми. Поэтому мы находим, что интересно обратиться к анализу того, как создается образ России в современных школьных программах и учебниках КНР.

Школьное историческое образование в Китае – одно из самых древних, его возникновение уходит во времена до нашей эры. Оно рождалось под влиянием идей Конфуция, философа и педагога, оказавшего определяющее влияние на гуманистический характер просвещения в Китае в период его многовекового существования как закрытого традиционного общества¹.

В начале XX в. развитие исторического образования выходит за рамки конфуцианских идей, и в школах появляются учебники всеобщей истории, рассказывающие о прошлом человечества. Они создаются как китайскими историками, так и авторами из стран Запада.

После Народной революции и провозглашения в 1949 г. КНР содержание школьного исторического образования начинает развиваться под существенным влиянием марксистской концепции прошлого, заимствованной в СССР. Выпускаются переведенные с русского языка учебники истории советских авторов. В том числе, для 11 (последнего) класса издается учебник истории СССР А. М. Панкратовой². В СССР, начиная с 1940 г., учебники этого автора были основными пособиями советских старшеклассников. У китайских школьников формировался образ России как самой передовой страны мира, народ которой вел многовековую борьбу с эксплуатацией и одержал в ней убедительную победу. Подробно освещались роль КПСС в государстве и вопросы борьбы с оппортунизмом. Во времена дружественных отношений между странами марксистская трактовка истории нашей страны должна была способствовать становлению нового, классового подхода китайских школьников к освещению прошлого, формированию у них коммунистической идеологии. Соответственно, методика обучения истории в Китае также испытывала существенное влияние советской педагогической мысли.

В период «большого скачка», культурной революции советская интерпретация истории СССР и других стран исчезает со страниц школьных китайских учебников.

В ходе политических и социально-экономических изменений в КНР на рубеже XX и XXI столетий возникает новая педагогическая концепция «социалистической системы образования с китайской спецификой», провозглашается принцип «демократического массового характера образования»³. Сохраняется главная функция истории – идеологического воспитания молодого поколения. В программе по предмету, одобренной Государственной комиссией по образованию КНР, указывается, что история должна раскрываться «на основе диалектического материализма и исторического материализма»⁴, в соответствии с китайской трактовкой марксистского учения. Ставятся задачи воспитания «патриотизма, интернационализма, уважения к революционным традициям народов», нравственного воспитания. Вместе с тем, изменяется направленность воспитания, теперь изучение истории должно готовить школьников «к участию в социалистической модернизации Китая и всего мира»⁵. Программы по истории ориентируют также на развитие способности учащихся к историческому познанию, на формирование умений познавательной деятельности.

Преподавание предмета в современных школах КНР начинается с 7 класса. В 7 и 8 классах излагается история Китая (по 60 ч в год). В 9 классе школьники изучают всемирную историю (60 ч). Этот курс призван раскрыть этапы исторического пути человечества с древнейших времен до наших дней, при этом изучение истории XX – начала XXI в. занимает половину всего времени, отводимого на данный курс. Преобладают темы социально-политического, экономического содержания, истории революционных и национально-освободительных движений, определенное место уделяется вопросам мировой художественной культуры. Содержание курса охватывает историю стран Европы, Америки, Азии и Африки. Значительное место в курсе отводится изучению истории России.

Рассмотрим, что и как узнают китайские школьники о России из современного школьного учебника всемирной истории. Он создан авторским коллективом авторов под редакцией Чэнь Ци, соответствует вышеназванным программам, рекомендован Государственной комиссией по образованию КНР⁶.

Методическое решение пособия свидетельствует о высокой педагогической культуре его авторов: учебник четко структурирован и хорошо отформатирован (в среднем параграфы по 5–7 страниц). Тщательно отобраны, информационно насыщены основные единицы учебных знаний. Помимо основного текста, в параграфах содержатся выделенные различным цветом поясняющие тексты, определения понятий, тексты для дополнительного чтения, лаконичные фрагменты первоисточников (в основном, цитаты). На страницах учебника действуют виртуальные герои – мальчик и девочка, которые высказывают альтернативные суждения по поводу излагаемого материала, ставят проблемные вопросы. Учебник снабжен тестами, репродуктивными и проблемными вопросами, заданиями, в том числе для исследовательской деятельности, а также хронологической таблицей, списком литературы, перечнем имен исторических деятелей, понятий, географических названий на китайском и английском языках. Пособие богато оснащено наглядными материалами: репродукциями картин, портретами, аппликационными схемами, таблицами, картами и т. п. Оформление пособия эстетично, выполнено на хорошем полиграфическом уровне. Учебник располагает четким символьным аппаратом ориентировки.

Первая часть учебника освещает всемирную историю с древнейших времен до конца XIX – начала XX в. Истории России посвящены отдельные фрагменты параграфов, целые параграфы, тексты для дополнительного чтения (исторические экскурсы). Прослеживается стремление авторов обозначить важнейшие вехи русской истории. Так, из текстов первой части учебника школьники могут узнать об основании Москвы, о создании Русского централизованного государства, о закрепощении крестьян, о реформах Петра I (с иллюстрацией мозаичного портрета императора М. В. Ломоносова), о нашествии Наполеона на Россию в 1812 г. (с иллюстрацией «Бегство Наполеона из России»). Далее тема России возникает в параграфе, посвященном реформам в России и в Японии во второй половине XIX в. Перечисляются причины, основное содержание крестьянской реформы в России 1861 г., подчеркивается, что она осуществлялась «сверху», «носила буржуазный характер, способствовала развитию капитализма»⁷.

При изучении истории Первой мировой войны школьники узнают об участии в ней России на стороне Антанты. В разделе «Культура Нового времени» (XVIII – начало XX в.) один из подразделов посвящен характеристике «одного из величайших русских писателей» Л. Н. Тол-

стого (иллюстрация – портрет писателя). Подчеркивается гуманистическая и социальная направленность его произведений, приводится ленинская оценка творчества Толстого «как зеркала русской революции».

Более подробно освещается советский период истории России. На обложке второй части учебника («Всемирная история XX–XXI вв.») изображена фотография крейсера «Авроры» как символа Новейшего времени. Первый раздел пособия открывают два параграфа, посвященных истории России в 1917 – 1930-х гг. В первом параграфе сообщается о Февральской революции и событиях весны-лета 1917 г. (с иллюстрацией «Выступление В. И. Ленина на Финляндском вокзале в апреле 1917 г.»), об Октябрьском вооруженном восстании (с картой «Восстание в Петрограде» и иллюстрацией «Штурм Зимнего»), об установлении советской власти и ее первых декретах (с репродукцией картины В. Серова «Ленин провозглашает советскую власть»). Повествуется о создании первого в мире правительства трудящихся (с карикатурой В. Дени «Ленин очищает землю от нечисти»), о Гражданской войне и иностранной интервенции (с репродукцией полотна П. Васильева «В. И. Чапаев в бою»), о политике «военного коммунизма».

События трактуются с позиций китайской концепции марксизма: «Победа Октябрьской революции нанесла тяжелый удар по господству империализма, способствовала развитию международного социалистического движения», подъему национально-освободительной борьбы колониальных и полуколониальных народов⁸. В качестве оценки событий приводятся слова Мао Цзэдуна «Рев пушки Октябрьской революции (имеется в виду выстрел «Авроры». – *Авт.*) принес нам марксизм-ленинизм»⁹.

В следующем параграфе последовательно рассказывается о нэпе, образовании СССР (с картой союзных республик), излагается план построения социализма, характеризуются процессы индустриализации и коллективизации (с фотографиями Днепро ГЭС и записи крестьян в колхоз), сообщается о Конституции СССР 1936 г. В тексте приводится цитата Дэн Сяопина, положительно оценивающего ленинский этап развития страны.

Строящееся в СССР в 30-е гг. общество характеризуется как «сталинская модель социализма», с высокой степенью централизации экономической и политической систем. Авторы учебников положительно оценивают сам факт строительства социализма в СССР, создание национальной экономики и культуры. Однако в учебнике дается и анализ недостатков сталинской модели социализма, к которым авторы относят преимущественное развитие тяжелой промышленности в ущерб легкой промышленности и сельскому хозяйству, чрезмерность планирования хозяйства, не оставляющего места для рыночных отношений.

Содержание основного текста подкрепляется словарной справкой о понятиях «Советы», «советская власть», дополнительным текстом «Великие сталинские чистки», где излагаются факты репрессий в СССР (начиная с 1934 г.), которые расцениваются как «великое зло», нанесшее ущерб как нашей стране, так и Коминтерну¹⁰.

В разделе, посвященном Второй мировой войне, преимущественно излагаются события в Азиатском регионе, связанные с военными действиями на Тихом океане. Также освещаются военные действия на советско-германском фронте: начало войны СССР с гитлеровской Германией, битва за Москву, сражение за Сталинград (оно оценивается как «важный поворотный пункт во Второй мировой войне»)¹¹, взятие Берлина советской армией. Изложение событий дополняется картой военных действий, портретом И. В. Сталина, фотографией битвы за Сталинград, иллюстрацией с картины П. А. Кривоногова «Победа! (“Рейхстаг взят!”)».

Послевоенному внутривнутриполитическому развитию СССР отводится отдельный параграф. В нем рассказывается о смерти Сталина, восстановлении хозяйства и освоении целины (фотография «Отправка молодежи на целину»), о резолюции XX съезда КПСС «О культе личности» и периоде пребывания у власти Н. С. Хрущева (фотография – Хрущев с кукурузой в руках), об экономических реформах конца 60-х гг., о продовольственном кризисе 80-х гг. (фотография очереди за хлебом). Завершается изучение истории России изложением фактов перестройки, прихода к власти Б. Ельцина (фотографии М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина), событий 8 августа 1991 г., распада СССР, создания СНГ (приводится карта современной РФ).

Вопросы внешней политики СССР (России) аспектно отражены в параграфах и разделах по международной тематике. Например, в них рассматриваются проблемы существования первого в мире социалистического государства в условиях капиталистического окружения в 20–30 гг. XX в., участие СССР в антигитлеровской коалиции, роль Советского Союза в образовании социалистического лагеря. Сообщаются факты участия СССР в событиях 1956 г. в Венгрии и

1968 г. в Чехословакии, рассказывается о Карибском кризисе и т. д. Внешняя политика 60–70 гг. XX в. трактуется в контексте борьбы СССР с США за мировую гегемонию в условиях существования биполярного мира (текст сопровождается карикатурой на Н. С. Хрущева и Д. Кеннеди, состязующихся в армрестлинге), отмечается факт утраты Россией своих международных позиций после распада СССР и социалистической системы.

Вопросы советской культуры находят свое отражение в параграфе, посвященном мировым культурным достижениям XX в.: в первую очередь сообщается о литературе и кинематографии в Советском Союзе. Вызывает удивление отсутствие внимания к освоению СССР космического пространства.

Следует отметить направленность методического аппарата учебника на осознанное и прочное освоение истории России. В нем содержатся задания для закрепления знаний, например, по составлению хронологической таблицы событий в Республике Советов. Встречаются задания, требующие анализа (например: «Определите причины Октябрьской революции»), задания на сопоставление альтернативных точек зрения («Произошел бы распад СССР, если бы не было событий 18 августа 1991 г.?»).

В целом со столь развернутым и многоаспектным освещением истории России нам не приходилось встречаться в школьных учебниках крупных зарубежных стран Запада. Исторические ошибки почти не встречаются, по крайней мере, их не больше, чем в современных российских учебниках.

Авторы учебника обходят спорные оценки событий и явлений советского периода, существующие в современной российской исторической литературе, они ближе к освещению прошлого в советской историографии. Не прибегают создатели учебника истории и к тенденциозному отбору содержания и оценкам событий в России, характерным для учебников Запада. Изложение событий в России и их оценки даются, исходя из официальной идеологии, интерпретации марксистского учения в Китае.

Идеологизация в освещении российской истории в школьных учебниках характерна для любой страны. Намного важнее, что китайские школьники имеют возможность составить представление о России практически на всех основных этапах ее развития, узнать о разных сторонах жизни страны: о ее экономике, политическом устройстве, социальных отношениях и культуре. Это позволяет надеяться, что такой подход поможет взаимопониманию между молодым поколением наших стран. Остается только пожелать, чтобы и российские учебники истории уделяли больше внимание изучению прошлого Китая.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об этом: *Боревская Н. Е.* Очерк истории школы и педагогической мысли в Китае. М., 2002.

² 陈辉. 中国初中历史教学大纲和教科书的演变和发展 (*Чэнь Хуй.* Китайские программы и учебники по истории для средних школ: эволюция развития). URL: <http://www.docin.com/p-7879502.html> (дата обращения: 14.12.2009). В тексте данной статьи и в примечаниях перевод с китайского языка цитат и библиографических описаний выполнен авторами статьи Ли и Ван.

³ *Боревская Н. Е.* Указ. соч. С. 106–113.

⁴ 历史教学大纲7-9年级. 国家教育部通过审核. 北京人民教育出版社. 2001. 页99 (История: учебная программа: 7–9 кл. / Государственная комиссия по образованию КНР. Пекин, 2001). С. 99.

⁵ Там же. С. 119. Курсив авторов статьи.

⁶ 世界历史. 9年级. 1, 2. 主编: 陈其. 北京人民教育出版社. 2006 (Всемирная история: 9 кл. / под ред. Чэнь Ци. Пекин, 2006. Ч. 1–2).

⁷ Там же. Ч. 1. С. 118.

⁸ Там же. Ч. 2. С. 5.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 11.

¹¹ Там же. С. 40.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ТИПОЛОГИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ЗАДАНИЙ ДЛЯ СТУДЕНТОВ НЕИСТОРИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ

Актуальность обращения к художественной литературе при изучении исторического прошлого не вызывает сомнения. Несмотря на несомненную субъективность подачи исторического материала, художественные произведения обладают большой эмоциональной силой воздействия на читателя и передают духовный мир их авторов. В связи с этим, приступая к изучению художественной литературы, необходимо помнить, что то или иное творение должно изучаться с учетом тех исторических воззрений, которые свойственны данной эпохе, и не предписывать ему тех, которые либо устарели, либо еще не возникли.

В существующей педагогической практике преподаватели чаще обращаются к художественным источникам, авторы которых являются непосредственными свидетелями или участниками описываемых событий («Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», военные повести и рассказы участников Великой Отечественной войны и т. п.), а историческую беллетристику – художественные произведения об определенной эпохе, созданные писателями более позднего времени – в основном используют для цитирования или пересказа отдельных сюжетов, т. е. для литературной иллюстрации, а не в качестве самостоятельного источника для комментирования и интерпретации студентами. В нашем четырехлетнем опыте работы с первокурсниками неисторических факультетов НГПУ апробирован иной вариант работы с литературными произведениями, в основу которого положен критический анализ художественных текстов. В данной статье мы представляем комплекс авторских заданий, нацеливающих студентов на работу с художественными произведениями отечественных авторов, а также рекомендации по их выполнению. Сами художественные тексты, ввиду их широкой известности в профессиональных кругах, опускаются.

Традиционно в основе изучения курса «Отечественная история» лежит хронологический принцип изучения событий и, соответственно, художественные произведения подбираются преподавателем в соответствии с той эпохой, отражением которой они являются. Однако в данной статье комплекс заданий с художественными произведениями будет представлен в соответствии с теми приемами, которые предстоит освоить студентам в рамках лекционной, семинарской и самостоятельной работы, с учетом типологических особенностей этих источников.

В процессе педагогической деятельности со студентами неисторических факультетов привлекались разные виды литературных текстов. Во-первых, *стихотворения и поэмы*, авторская позиция в которых представлена в виде символических (поэтических) образов. Это самый востребованный вид художественных произведений в курсе «Отечественная история», поскольку он не отнимает у студентов много времени на чтение, но при этом четко передает отношение автора к описываемым им историческим событиям или явлениям.

В *прозаических* литературных произведениях содержатся характеристики исторических личностей, а также сюжетные и картинные описания, которые предоставляют собой подробный и зачастую увлекательный материал. На основании этих материалов студенты имеют возможность познакомиться с портретами представителей той или иной эпохи, с обычаями и особенностями, свойственными определенному социальному или национальному кругу, о котором идет речь в произведении. Соответственно, привлечение этого материала возможно при обращении к личности тех или иных исторических персонажей, а также к особенностям жизни определенных национальностей и народностей или слоев общества.

Отдельно хочется заметить, что есть определенные периоды в истории нашего государства, исторические деятели которых оставили столь заметный след, что это нашло отражение в многочисленном ряде художественных произведений разных лет, большинство из которых мы относим к классическим образцам жанра. К таким периодам, на наш взгляд, относятся правления Ивана Грозного и Петра I, а также различные этапы истории XX в. Обращение к исторической беллетристике при изучении этих периодов не может ограничиваться одним произведением и

должно предусматривать работу с целым комплексом разножанровой литературы. Особый интерес у студентов вызывает работа с современными художественными произведениями (детективами и романами), которые являются наиболее популярными в молодежной среде. В связи с этим *современную беллетристику* также необходимо задействовать в ходе изучения нашего исторического прошлого.

Предложим типологию заданий, направленных на критический анализ художественных произведений, в основе которой лежат процедуры (этапы) изучения исторических источников всех типов.

1 этап – чтение текста – включает в себя работу с повествовательными особенностями произведения (в какой манере автор ведет повествование?) и эмоциональным контекстом (какие эмоции вызывают у читателя описываемые в произведении события? чем они объяснимы?), разбор незнакомых терминов (какие незнакомые вам термины использует писатель? что они обозначают?). На этапе чтения литературного текста, но только в том случае, если они работают с его распечатанной копией или электронной версией, студенты могут делать собственные пометки (подчеркивать незнакомые термины, маркировать фрагменты произведения по степени их эмоционального накала и т. д.). Это поможет им лучше вникнуть в повествовательные особенности данного произведения.

2 этап – составление собственного комментария к тексту, т. е. вписывание текста в исторический контекст эпохи, в которой жил и творил писатель, с учетом фактов его личной биографии и системы ценностей, оказавших влияние на появление рассматриваемого художественного произведения. На этом этапе можно предлагать студентам выполнять задания по определению положения автора произведения в обществе, выявлению его профессиональных качеств и круга интересов, определению в тексте стереотипов, связанных с общественным мнением того исторического периода, в котором жил и творил писатель. Также на данном этапе можно предлагать студентам задания, призывающие их самостоятельно озаглавить текст или угадать персонажа (событие) по ряду признаков.

3 этап – интерпретация художественного произведения – предполагает переосмысление текста источника с позиций собственного понимания и построение собственного исторического описания и объяснения. Для облегчения процесса интерпретации художественного текста преподаватель может предложить студентам систему ориентировочных вопросов. «Каким образом на основе данного произведения вы можете судить о системе ценностей его автора? Какую оценку дает автор описываемым им личностям и / или событиям? Какой способ раскрытия причинно-следственных связей он выбирает? В чем заключается авторское видение описываемых писателем событий, с которым вы не встречались ранее? В чем отличия данной оценки от иных известных вам взглядов на данные события? Соотносятся ли убеждения автора с вашей системой ценностей? Что общее, а что различное в ваших взглядах?» Таким образом, самые востребованные методы работы на этапе интерпретации художественных текстов – сравнение и сопоставление (друг с другом, с историческими фактами, учебными текстами, собственными представлениями). Студентам может быть предложено представить результаты сравнительного анализа в виде таблицы, развернутого аргументированного устного ответа или эссе.

В завершение курса необходимо провести обобщающую работу по всем изученным литературным произведениям. В нашем опыте – это организация коллоквиума по теме «Особенности отражения исторической действительности в художественных произведениях разных лет».

Формат данной статьи не позволяет нам привести весь комплекс заданий, направленный на критический анализ художественных произведений, который был разработан в процессе нашей педагогической деятельности, поэтому ограничимся лишь теми, которые задействуют вышечисленные приемы работы студентов с различными видами художественной литературы. Однако стоит учитывать, что при выполнении некоторых заданий совмещается сразу несколько исследовательских процедур, их мы систематизировали на основе доминирующего приема работы. Внутри каждой, выделенной нами, группы заданий тексты представлены в порядке хронологии тех событий, о которых в них идет речь.

Задания, направленные на чтение художественного текста.

1. При изучении событий периода монгольского нашествия целесообразно познакомить студентов с портретом монгольских воинов для того, чтобы они смогли понять, с каким сильным врагом встретились русские князья в их лице, сделать вывод о дисциплине в армии Чингисхана. С этой целью мы рекомендуем ребятам обратиться к отрывкам из произведения В. Г. Яна «Чингисхан».

По предложенному фрагменту текста студенты могут предположить, о ком идет в нем речь и сделать вывод, дают ли честь персонажу сравнения с перечисленными животными:

«Он высокого роста, и хотя ему уже больше шестидесяти лет, он еще очень силен. Тяжелыми шагами и неуклюжими хватками он похож на медведя, хитростью – на лисицу, злобой – на змею, стремительностью – на барса, неумолимостью – на верблюда, а щедростью к тем, кого он хочет наградить, – на кровожадную тигрицу, ласкающую своих тигрят. У него высокий лоб, длинная узкая борода и желтые немигающие глаза, как у кошки. Все ханы и простые воины боятся его больше пожара или грома, а если он прикажет десяти воинам напасть на тысячу врагов, то воины бросятся, не задумываясь, так как они верят, что победят».

Обычно первокурсникам не составляет труда понять, что речь идет о Чингисхане, и пояснить лестность подобных сравнений.

Другим вариантом работы с данным художественным произведением может быть составление словаря терминов по теме или разбор встретившихся в тексте незнакомых понятий – «кумыс», «такыр», «аркан», «иноходец», «каган», «войлок», «юрта» и т. п.

Таким образом, на основании произведения В. Г. Яна студенты узнают много нового об обычаях монгольского народа, об армии Чингисхана и личности ее предводителя.

2. Марина Цветаева – яркая представительница поэтов-символистов, чьи произведения вошли в золотой фонд русской культуры. Они не обошли своим вниманием знаковые события той эпохи, в которой жили и творили. При чтении произведения М. И. Цветаевой «Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь!» студентам необходимо определить историческое событие, о котором в нем идет речь, обратить внимание на то, какую оценку описываемым событиям дает поэтесса, и при помощи каких образов она обозначает трагедию обеих сторон, втянутых в войну. Студенты должны промаркировать в тексте слова-символы.

О том, что в стихотворении речь идет о событиях Гражданской войны, студентам помогают догадаться следующие слова, которые вместе образуют однозначную логическую цепочку: «Русь», «кровь», «рана», «солдат», «свой», «чужой», «белый», «красный». Образами же, при помощи которых Цветаева показывает трагедию обеих сторон, втянутых в войну, являются мать Русь и ее дети – солдаты разных армий (красные и белые). Символические слова и словосочетания в тексте, которые могут быть промаркированы студентами: «Причитает в поле – Русь!», «И каждая рана: / – Мама!», «Все рядком лежат – / Не развесть межой». Ярче всего общность и родство враждующих солдат, на чем хочет заострить внимание читателей поэтесса, видны из следующего четверостишия:

*Белый был – красным стал:
Кровь обагрила.
Красным был – белый стал:
Смерть побелила.*

Особое внимание студентам стоит обратить на дату написания стихотворения – декабрь 1920 г. Таким образом, М. Цветаева передает свои чувства как современник происходящих в стране событий.

Задания, направленные на составление комментария к художественному тексту.

1. При изучении темы «Образование Древнерусского государства. Норманнская теория» на семинарском занятии студентам предлагается обратиться к стихотворению М. Бацера «В истории царил предвечный хаос» и обсудить, какой теории возникновения Древнерусского государства придерживается автор данного стихотворения. Студенты должны привести аргументы в пользу своего мнения и придумать свой заголовок данному стихотворению.

В доказательство того, что автор придерживается норманнской теории, студенты находят в тексте следующие подтверждения факта призвания варягов: «Мы, как везде, начнем теперь сначала, / Промолвил викинг, стоя у руля», «Толмач гостей *варягами* назвал», «Вокруг земля богата и обильна. / Казалось им – *приди и володей*», «Рюрик своенравно указал» (курсив мой. – Е. Л.). Также студенты доказывают, что ко времени прихода варягов в древнеславянском обществе уже появились признаки государственности. В стихотворении М. Бацера также содержатся указания на это: «Они (варяги. – Е. Л.) не знали, сколько было сильных / В рубахах белых пашенных людей», «Ряды с князьями на Руси не диво», «Государства древняя печать / Лежала на днепровском коромысле».

Среди вариантов заголовков стихотворения чаще всего фигурируют: «Призвание варягов», «Начало Древнерусского государства», «Приход Рюрика в Новгород», «Варяги и славяне: встреча, преопределившая последующий ход истории».

2. Личности выдающихся военачальников вызывают интерес у студентов, особенно у мужской части аудитории. Поэтому при изучении темы «Внешняя политика России во второй половине XVIII в.» можно обратиться к описанию А. Штейном адмирала Ушакова в одноименном произведении, и попросить студентов объяснить, почему этот адмирал заслужил всемирную славу.

Далее преподаватель спрашивает студентов, согласны ли они с высказыванием А. С. Пушкина о XVIII столетии: «Громкий век военных споров, свидетель славы россиян! Россия вошла в Европу, как спущенный корабль – при стуке топора и громе пушек». Аргументы для своего ответа студенты ищут в тексте книги «Адмирал Ушаков».

Обычно в доказательство своего согласия с Пушкиным студенты приводят примеры из произведения А. Штейна, а именно: «У турка командир Гуссейн, по кличке – “Крокодил морских сражений”, а у нас Федор Федорович Ушаков – медведь русский! А куда крокодилу супротив медведя!» или «В бою под Тендрой Ушаков окончательно разгромил турецкий флот. Потери турок: две тысячи убитых. Потери русских: 21 убитый». Еще: «После Тендры самое имя Ушакова наводило ужас на турок. Они прозвали его “Ушак-паша”» и т. п.

3. После знакомства студентов с поэмой Сергея Есенина «Гуляй-поле», написанной в 1924 г., студенты выполняют следующее задание: «Найдите в данном стихотворном отрывке места, где зашифрованы те или иные исторические события, определите, какие именно? Определите, какая оценка личности В. И. Ленина и его деятельности дана поэтом в данном стихотворении. Какова оценка деятельности его последователей? Объясните, чем была вызвана данная оценка. Проследите в биографии поэта, как написание поэмы “Гуляй-поле” сказалось на его судьбе».

В поэме речь идет о событиях, связанных с Октябрьской революцией и Гражданской войной. Об этом студенты могут догадаться, отталкиваясь от следующих фраз в тексте: «Хлестнула дерзко за предел / Нас отравившая свобода», «Отряды скачут за отрядом», «Все спуталось...», «Страну ... / Междоусобный рвет раздор», «Берите всё в рабочие руки», «ваша (рабочих. – Е. Л.) власть и ваш (рабочий. – Е. Л.) Совет» и др.

Личность и деятельность Ленина оценивается Есениным неоднозначно, в большей степени негативно, что видно из примеров по тексту: «Душа сжимается от боли», «Наш тихий быт / Утратил мирные глаголь», «Откуда закатился он, / Тебя (Россию. – Е. Л.) встревоживший мятежник?», «Суровый гений!», «Он с лысиною, как поднос, / Глядел скромней из самых скромных», «Он вроде сфинкса предо мной» и т. д.

Оценка деятельности последователей Ленина ясно звучит у Есенина в следующем четверостишии:

*«Ленин умер».
Их смерть к тоске не привела.
Еще суровой и угрюмой
Они творят его дела...*

Задания, направленные на интерпретацию художественного текста.

1. Часто сочетание слов «Россия XVI в.» подменяется другим: «Россия в эпоху Ивана Грозного». Фигура царя, полвека занимавшего трон, стала символом эпохи. Наше восприятие событий XVI столетия обусловлено мощнейшим планом художественных образов. Мы помним «удалого купца Калашникова» у Лермонтова, мужественного князя Серебряного А. К. Толстого, противоречивый образ Грозного в драме А. Н. Толстого – и это только литературные образы! Изучение подобных тем требует обращения сразу к нескольким литературным произведениям с целью осуществления их сравнительного анализа. В нашем опыте это произведения М. Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», А. К. Толстого «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» и А. К. Толстого «Князь Серебряный».

Задачей студентов является маркирование в текстах данных художественных произведений мест, касающихся описания внешности царя Ивана IV и его характера, а также сравнение их с собственными историческими представлениями. Также студентам может быть предложена работа по выявлению причинно-следственных связей в текстах предложенных произведений.

Например, ответить на вопрос «Чем А. К. Толстой объясняет злодеяния Ивана IV в период опричнины?» студентам помогает следующий монолог царя: «Не для того поставил я на Руси опричнину, чтобы слуги мои побивали людей безвинных. Поставлены они, аки добрые псы, боронить от пыхающих волков овцы моя, дабы мог сказать я на Страшном суде божием по пророческому словеси: се аз и дети, яже дал ми бог! <...> Проливая кровь, я заливаюсь слезами! Кровь видят все; она красна, всякому бросается в глаза; а сердечного плача моего никто не зрит; слезы бесцветно падают мне на душу, словно смола горячая, проедают, прожигают ее насквозь по вся дни!»

2. Для сопоставления исторических событий, представленных в литературном произведении и учебном пособии, уместно составление сравнительных таблиц. Так, в рамках изучения темы «Смутное время в России в конце XVI – начале XVII в.» преподаватель может предложить студентам сравнить характер описания событий Пушкиным в поэме «Борис Годунов» с тем, что предложен авторами любого учебного пособия, и записать результаты сравнения в виде таблицы 1.

Таблица 1

**Отражение исторической действительности
в поэме А. С. Пушкина «Борис Годунов»**

Фрагменты из поэмы А. С. Пушкина «Борис Годунов»	Реальные исторические события, отразившиеся в поэме
1. «Возри с небес на слезы верных слуг и ниспошли тому, кого любил ты, кого ты здесь столь дивно возвеличил, священное на власть благословенье; да правлю я во славе свой народ, да буду благ и праведен, как ты»	1. 1598 г. – избрание Бориса Годунова на царство на Земском соборе
2. «Я знаю, только что в Кракове явился самозванец, и что король и паны за него»	2. 1602 г. – появление в Литве первого самозванца в лице Григория Отрепьева, выдавшего себя за чудесно спасшегося царевича Дмитрия
3. «Нет, мой отец, не будет затрудненья, я знаю дух народа моего; в нем набожность не знает иступленья: ему священ пример царя его»	3. 1604 г. – пересечение войсками Лжедмитрия российско-польской границы
4. «Подите все – оставьте одного царевича со мною. Умираю, обнимемся, прощай мой сын: сейчас ты царствовать начнешь... о боже, боже!»	4. Апрель 1605 г. – внезапная смерть Бориса Годунова, восшествие на престол Федора Годунова
5. «Бояре идут. Зачем они пришли? А верно приводить к присяге Федора Годунова. В самом деле? – слышишь, какой в доме шум! Тревога, дерутся...»	5. Июнь 1605 г. – вступление войск Лжедмитрия I в Москву, убийство 16-летнего царя Федора Борисовича Годунова и его матери

Формулировка задания: «Найдите в учебном пособии описания исторических событий, соответствующие фрагментам произведения Пушкина «Борис Годунов», и заполните правый столбец таблицы (см. вариант заполнения в таблице). Определите моменты совпадений и расхождений в исторических описаниях. Прокомментируйте результаты вашего сравнительного анализа».

Таким образом, после заполнения таблицы студенты убеждаются в совпадении художественного и учебного текстов, в первую очередь, по таким параметрам, как хронология и «фактология» событий. Однако существует множество вариантов оценок исторических событий периода Смутного времени, версия А. С. Пушкина является одной из таковых.

3. Одним из ярких представителей жанра современного исторического романа-детektива является Б. Акунин. Поскольку в своих произведениях этот писатель дает яркие и подробные характеристики историческим деятелям, можно обратить внимание студентов на эти описания и предложить составить их с собственными представлениями о правителе той или иной эпохи. К примеру, об Алексее Михайловиче Романове как ярком представителе «Бунташного века» идет речь в романе Б. Акунина «Алтын Толобас».

Задание: «Сравните описание, данное Алексею Михайловичу писателем Борисом Акуниным с высказыванием историка В. О. Ключевского: “Одной ногой упирался в православную старину, а другую уже занес за ее черту”. На ваш взгляд, эти характеристики дополняют друг друга или противоречат друг другу? Какими поступками царя было спровоцировано подобное мнение о нем?».

В тексте романа студенты находят сведения, свидетельствующие одновременно и о склонности Алексея Михайловича к европейским увлечениям (шахматам, пению, театру), и о сохра-

нении им верности основным русским православным обычаям (хождение в церковь, соблюдение постов, ношение неудобной одежды). Таким образом, студенты делают вывод, что оценка Б. Акунина не противоречит, а скорее, дополняет высказывание В. О. Ключевского.

4. Невозможно не обратиться к стихотворению М. Ю. Лермонтова «Бородино» при изучении событий Отечественной войны 1812 г. Многие студенты помнят отрывки из этого произведения еще со школьной скамьи. Однако для оценки итогов этого боя ближайшими потомками события, одним из которых является сам М. Ю. Лермонтов, стоит напомнить первокурсникам его окончание. А далее выстроить обсуждение с опорой на следующие вопросы: «Какая оценка исхода Бородинской битвы дана поэтом – ближайшим потомком событий? Совпадает ли она с официальной версией? Чем, на ваш взгляд, объясняются эти различия?».

Студенты приходят к выводу, что М. Ю. Лермонтов оценил итог Бородинского боя как одностороннюю победу русской армии, на основании следующих строк:

*Вот смерклось. Были все готовы
Завтра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрепали барабаны –
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.*

Первокурсники могут привести иные оценки исхода сражения, представленные в исследовательской и учебной литературе. Несовпадение этих оценок может быть объяснено патриотическим подъемом в русском обществе, который последовал сразу после победы в Отечественной войне 1812 г. Примеры восхваления русской армии студенты также с легкостью могут найти в тексте стихотворения: «Вам не видать таких сражений!», «Изведал враг в тот день немало, / Что значит русский бой удалый», «Да, были люди в наше время, / Могучее, лихое племя: / Богатыри – не вы», «Когда б на то не божья воля, / Не отдали б Москвы!» и др.

5. Для фиксации внимания студентов на различных оценках события 14 декабря 1925 г., сложившихся в разные исторические эпохи, можно использовать стихи участников (К. Рылеев), современников (Ф. Тютчев), а также потомков события (О. Мандельштам, А. Марков, Б. Окуджава). Студентам будет необходимо определить, поэтами каких эпох написаны стихотворения, посвященные декабристам и их выступлению, назвать направление и особенности творчества, выделить основные тенденции в оценках этого события поэтами разных эпох, а также определить, каким образом изменение исторической обстановки в стране меняло отношение общества к декабристам.

После прочтения нескольких стихотворений студенты видят, что это событие вызвало самые разные отзывы у его современников и их потомков. Они выделяют следующие тенденции в его оценках: 1) готовность к жертве и наказанию за свой поступок ради будущего народа у декабриста К. Ф. Рылеева: «Известно мне: погибель ждет», «Судьба меня уж обрекла», «Но где, скажи, когда была / Без жертв искуплена свобода?»; 2) убежденность в бессмысленности и безрассудности этого поступка у современника события Ф. И. Тютчева: «Народ, чуждаясь вероломства, / Поносит ваши имена – / И ваша память от потомства, / Как труп в земле, схоронена», «О жертвы мысли безрассудной», «И не осталось и следов»; 3) напротив, уверенность в бессмертии и необходимости дела декабристов у поэта начала XX в. О. Э. Мандельштама: «Сии дела не умирают!» «Сказавших правду в скорбном мире...»; 4) идеологическая окраска в стихотворении советского поэта А. Маркова «Декабристы»: «Обиды и тяжкие слезы / Разоренных дотла деревень / Собирала грядущие грозы, / Приближали возмездия день»; 5) наконец, перенос акцентов с оценки события к оценке личности его участников у поэта второй половины XX в. Б. Окуджавы в стихотворении «Лунин в Забайкалье»: «О вы, неудачник опасный», «Отвага нас детская мучит», «А чем же вы это опасны? / Наверное, тем, что прекрасны, / и тем, что, наверное, пристрастны / в любви к отчизне своей».

В завершение курса со студентами проводится коллоквиум по теме «Особенности отражения исторической действительности в художественном произведении». Первокурсники заранее получают список художественных произведений, рекомендованных преподавателем для самостоятельного изучения. Представим общие рекомендации по анализу художественного произведения исторической тематики:

1) Прочитав текст, определите, о каких исторических событиях идет речь в данном художественном произведении. Было ли это понятно из названия произведения?

2) Дайте краткую характеристику исторических условий появления этого произведения. Обратите внимание на год издания.

3) Познакомьтесь с биографией автора произведения (его профессией, образованием, статусом в обществе). Определите, каким образом она повлияла на появление данного текста.

4) Найдите в тексте основные акценты автора, выявите его симпатии и антипатии, определите, чьи интересы он представляет. Какую позицию автор занимает по отношению к описываемым событиям: современник, участник, потомок? Стремится ли он быть объективным в своем описании исторической действительности? Удастся ли ему это?

5) Составьте план-конспект произведения, ориентируясь на основное содержание, главные идеи, ключевые слова, на действующих лиц, главные события.

6) Сопоставьте описываемые исторические события с явлениями современной жизни, определите, в чем их основные сходства и различия.

7) Дайте собственную оценку данному художественному произведению. Что особенно понравилось в произведении (сюжет, образы главных героев, язык описания)? Что осталось непонятным, неинтересным?

На коллоквиуме происходит обмен мнениями между преподавателем и студентами. В процессе совместной работы выделяются особенности отражения исторической действительности в художественном произведении.

Обращение к литературным произведениям в рамках курса «Отечественная история» помогает сформировать у студентов исторические образы прошлого, повысить уровень интереса к предмету.

УДК 947(571)

Е. А. Мацефук

Волгоградский государственный педагогический университет

ЭТИЧЕСКИЕ СМЫСЛОВЫЕ КОНСТРУКТЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ПРОШЛОГО В ОБУЧЕНИИ ИСТОРИИ

Система школьного исторического образования через элементы содержательных линий «человек в истории – развитие человека в различные исторические эпохи», «история человеческих общностей в разные эпохи», «история отношений между народами, обществами, цивилизациями, проблема войны и мира», а также на основе создания образов прошлого способствует приобщению школьников к ценностям национальной и мировой культуры, развитию их гуманитарной культуры. Одно из наиболее эффективных средств создания у старшеклассников образов прошлого в процессе обучения истории – этические смысловые конструкты. Данное средство является системообразующим элементом проблемной личностно-значимой педагогической ситуации, понимаемой как совокупность условий, стимулирующих активность ученика по присвоению ценностей, поиску смыслов и проектированию собственной деятельности в соответствии с ними. Такая ситуация рассматривается в качестве варианта организации аксиологической среды гуманитарного образования¹.

Основными составляющими проблемной личностно значимой педагогической ситуации являются: 1) фрагмент содержания гуманитарных дисциплин как проекция социокультурной реальности, организованный на основе социально-ценностной проблемы; 2) этические смысловые конструкты как дидактическое средство организации проблемной личностно значимой педагогической ситуации, учебные задачи ценностно-смыслового характера, позволяющие старшекласснику выстраивать (конструировать) собственную деятельность на основе осознанного нравственного выбора; 3) Другой – субъект, с интересами, смыслами и ценностями которого учащийся соотносит результат решения этических смысловых конструктов (под Другим в данном случае

подразумевается не только отдельно взятая личность, но и социальные группы, человечество в целом); 4) педагог – организатор проблемной личностно значимой педагогической ситуации, одновременно являющийся Другим, хранителем опыта, посредником в передаче социально значимой информации, связывающим прошлое, настоящее и будущее, активным субъектом ценностно-смысловой коммуникации в познавательной деятельности; 5) ученик, обладающий потребностями в самоактуализации и саморазвитии, а также потребностью «быть личностью», стремящийся реализовать их в познавательной деятельности и, в силу этого, воспринимающий решение этических смысловых конструктов в единстве личностного и социального значения. Специфика рассматриваемого дидактического средства определяется особенностями гуманитарного познания. Основной целью этических смысловых конструктов является извлечение школьниками смысла из представленного в учебной задаче содержания ценностно-смыслового характера.

В результате разрешения этического смыслового конструкта порождается потребность внутренней неистребимой жажды смысла, постоянного стремления к его открытию. В. С. Соловьев, рассматривая смысл как феномен субъектной деятельности, принадлежащей внутреннему миру человека, данный ему в его отражении, отмечает: «Кто хочет принять смысл ... как внешний авторитет, тот кончает тем, что за смысл принимает бессмыслицу своего собственного произвола. Между человеком и тем, в чем смысл его ... не должно быть внешнего, формального отношения»². «Смысл ... не может действовать как материальная сила, но меняет тотальный смысл бытия и действительности, не меняя ни йоты в их бытийном составе; всё остается как было, но приобретает совершенно иной смысл, осуществляется смысловое преобразование бытия»³. Логика смысла задает направленность и формирует характер педагогического процесса, оказывая непосредственное влияние на выбор учителем смысловых доминант при построении содержания этого процесса.

Содержание этических смысловых конструктов, преломляясь «через ... эмоциональную сферу личности, становится внутренним требованием личности к самой себе, приобретает личностный смысл»⁴. Собственно «личностный смысл» возникает на основе понимания не только самого факта, но и его субъективного значения. В. С. Библер отмечает, что с начала XX в. в сфере искусства и педагогики существует общая тенденция качественного роста субъекта: «В искусстве начала века резко, качественно возрастает творческая роль читателя, слушателя, зрителя, который должен – каждый зритель по-своему – вместе с художником формировать, доводить, завершать полотно, гранит, ритм, партитуру до целостности навечного свершения. Такой “дополнительный” читатель или зритель проектируется автором, художественно изобретается, предполагается»⁵. Приобретение личностного смысла предполагает возникновение личностного отношения. Таким образом, представляется возможным говорить о личностно значимом характере этических смысловых конструктов, характеризовать их как задачи «на смысл».

Коллизийность материала, характерная для предметов гуманитарного цикла, обуславливает различную степень «регулярности», четкости условия задания в содержании этического смыслового конструкта: условие может быть задано непосредственно, может быть ориентировано на содержание текста учебника, документа, художественного произведения и т. д., что усиливает проблемность конструкта, стимулирует поиск учеником дополнительных данных.

Отбор содержательных доминант для каждого этического смыслового конструкта в рамках конкретно-исторической проблемной личностно значимой педагогической ситуации способствует эффективному использованию ценностного потенциала гуманитарных дисциплин при формировании у старшеклассников исторических образов.

Решение этического смыслового конструкта представляет собой ряд последовательных действий (алгоритм): 1) восприятие проблемы; 2) актуализация необходимых знаний, установление ассоциаций между сущностью предлагаемой проблемы и ранее изученным материалом, при этом актуализация представляет собой действия ученика по выбору нужных в новой ситуации знаний, результатом которых является переход имеющихся знаний в состояние готовности к применению⁶; 3) обобщение знаний, оценка рассматриваемых явлений действительности и деятельности личности, переосмысление и включение в новую систему связей, получение новых знаний; 4) применение знаний и умений ценностного характера в новых ситуациях; 5) личностное осмысление и присвоение нового знания и действий.

Этические смысловые конструкты можно классифицировать по нескольким основаниям: по содержанию, по форме отражения «ценностной» реальности, по характеру искомого, по форме заданности искомого, а также по уровню сложности. Например, по уровню сложности выделяют конструкты низкого (репродуктивного) уровня сложности, для решения которых доста-

точно действий на уровне репродукции, т. е. стереотипных; среднего (аналитического) уровня сложности, при решении которых преобладают аналитические действия; высокого (творческого) уровня сложности, при решении которых преодолевается разрыв интеллектуального и личностного планов мышления. Высшая степень творческого уровня – «задачи на личностный смысл»⁷, не поддающиеся конструированию извне. Каждый последующий по уровню сложности конструкт включает элементы предыдущего.

Целесообразно привести следующие примеры этических смысловых конструктов, формирующих представления об исторических персоналиях российской истории:

* Согласно «Повести временных лет», князь Владимир имел достаточно альтернатив в выборе веры. С предложениями своего вероисповедания к нему приходили и «болгары магометанской веры», и христиане из Рима, и «хазарские евреи», и греческий философ. В результате Владимир принял решение о принятии православия. Каково значение решения князя Владимира? Какие факторы способствовали принятию такого решения? Было ли данное решение свободным ответственным выбором?

* Согласно «Повести о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра», однажды пришли к нему послы от папы из великого Рима, два «умнейших кардинала» с предложением принять католичество. Князь Александр, подумав, ответил, что «от вас учения не примем». С тем кардиналы «возвратились восвояси». Как вы думаете, о чем свидетельствует этот факт? Было ли данное решение князя Александра Невского свободным ответственным выбором? Назовите его возможные последствия для Новгорода.

* Московский князь Иван Данилович Калита, разгромив антиордынское восстание в Твери в 1327 г., получил ярлык на великое княжение. Как вы считаете, можно ли назвать поступок князя предательством? Чем руководствовался, по-вашему мнению, князь Иван при принятии решения? Назовите последствия данного решения для Московского княжества.

* В XVIII столетии российский престол занимали девять человек, из них за 37 лет от смерти Петра I до воцарения Екатерины II трон занимали шесть монархов, получивших престол в результате сложных дворцовых интриг или переворотов. В. О. Ключевский назвал этот период нашей истории «эпохой дворцовых переворотов». Решения каких правителей Российской империи XVIII в. оказали наибольшее влияние на ход развития страны? Что это были за решения? Возможно ли развитие и существование страны без ответственности правителя? Возможно ли существование государства без личной ответственности его правителя? Приведите примеры ситуаций, когда выбор отдельно взятого человека повлиял на ход истории России.

* Дайте нравственную оценку типичной для военного времени военной операции: пуск под откос вражеского эшелона с оружием и военной техникой, следствием чего становился захват и расстрел фашистами заложников из числа мирного населения. Как данная ситуация соотносится с ответственностью как нравственной ценностью?

Таким образом, этические смысловые конструкты как дидактическое средство создания образов прошлого в обучении истории характеризуются проблемностью, смысловой направленностью, неоднозначностью решений, интегративностью содержания и диалогичностью, способствуют актуализации потенциала аксиологической среды гуманитарного образования. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что этические смысловые конструкты создают возможности порождать потенциальную способность личности ученика самостоятельно осмысливать и оценивать все проявления окружающего мира с этической точки зрения, способствуют приобретению опыта ценностного самоопределения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Разбегаева Л. П. Ценностные основания гуманитарного образования. Волгоград, 2001.

²Соловьев В. С. Оправдание добра. М., 1996. С. 52.

³Там же. С. 367.

⁴Рувинский Л. И. Нравственное воспитание личности. М., 1982. С. 64.

⁵Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в XXI в. М., 1991. С. 274.

⁶Рубинштейн С. Л. Избранные философско-психологические труды. М., 1997.

⁷Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГУМАНИТАРНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Педагогическая технология – это системный метод создания, применения и определения всего процесса преподавания и усвоения знаний с учетом технических и человеческих ресурсов и их взаимодействия, ставящий своей задачей оптимизацию форм образования¹.

Педагогическая технология как системный метод субъект-субъектного взаимодействия в образовании приводит к оптимизации не только преподавания, но и усвоения знаний, предложенных ранее человечеством.

Педагогическая технология – это система осмысленных методов и приемов взаимодействия между преподавателем и студентом, включающая также интеграцию знаний из различных областей науки, способствующих вхождению студентов в гуманитарное пространство и расширению субъектного опыта.

Гуманитарный характер учебного процесса делает его пространством субъектного становления студента. Гуманитарное пространство учебного процесса в контексте становления субъектной позиции студента понимается как структурированная система осознанных отношений в диалогическом (субъект-субъектном) взаимодействии педагога и студентов, направленном на трансляцию культуры в процессе духовно-практической деятельности по самостроительству (самосовершенствованию) взаимодействующих субъектов.

В своем исследовании мы опирались на идею Н. М. Борытко о том, что последовательное совершенствование педагогической деятельности в направлении ее технологизации проходит четыре этапа, которые присущи становлению всякой целостности: 1) применение отдельных элементов технологии; 2) группировка освоенных элементов, применение их на уровне фрагментов технологии; 3) последовательное применение всей технологии в целом, восстановление логики, заложенной в ней; 4) творческое применение технологии, адаптация ее к особенностям своего стиля работы, усовершенствование отдельных элементов². Объединяя эти положения с выводом В. В. Серикова о логике развития педагогических условий как ступеней развития ситуации на основании уровней субъективации (гуманистической ориентировки) участников педагогического общения³, мы смоделировали четыре фазы становления дидактической среды в целостное гуманитарное пространство учебного процесса. При этом под фазой понимается «определенный момент в ходе развития какого-либо процесса», «отдельная стадия в ходе развития и изменения чего-нибудь, а также само положение, форма в этот момент»⁴.

Первая фаза – *информационная*. Строго говоря, на этой фазе не востребуются никакие аспекты субъектности студента. Она имеет пропедевтическое значение и характеризуется индифферентным отношением студентов к изучаемому материалу. Вместе с тем, эта фаза имеет свое особое значение в создании дидактической среды. Дело в том, что многие отношения подростка носят автоматический, неосознанный характер, следовательно, не являются компонентами его позиции. Заучивание социально-педагогических и социально-психологических готовых понятий не развивает мышление студента, не помогает глубокому осознанию явлений действительности. Эти понятия должны как бы вырастать в его сознании. Систему понятий необходимо формировать в аспекте социального развития подростка, где теория связывается с эмпирикой. Процесс формирования понятий о социальном развитии человека включает в себя овладение понятийным арсеналом на системном, а не спонтанном уровне.

На этой фазе реализуются такие дидактические условия, как ситуация успеха и возможность проявить себя, которые способствуют устойчивости самооценки студента и формированию «образа Я». Это происходит благодаря применению репродуктивных методов обучения. Эмоциональность восприятия при этом намеренно снижается, что особенно важно в начале первого курса, поскольку при меньшей эмоциональности происходит более быстрая и уверенная адаптация к новым условиям обучения и новому коллективу однокурсников.

Для стимулирования интереса мы создавали ситуации успеха, субъективного переживания удовлетворения от процесса и результата (целиком или какой-то части) самостоятельно выполненной деятельности. Технологически эта помощь обеспечивалась рядом операций, которые осуществляются в психологической атмосфере радости и одобрения, создаваемой вербальными и невербальными (мимико-пластическими) средствами. Подбадривающие слова и мягкие интонации, мелодичность речи и корректность обращения, а также открытая поза и доброжелательная мимика в сочетании создают благоприятный психологический фон, помогающий студенту справиться с поставленной перед ним учебной задачей. Например, начиная урок, мы говорим: «Я очень рада нашей встрече и должна сказать, что сегодня у нас особенный день, поскольку нам предстоит интересная работа, и каждый из вас сможет сделать для себя небольшое научное открытие...».

Система дидактических игр «Заморочки из бочки», конкурсы летописцев, эрудитов, ораторов, хронистов, знатоков, игра «Знаешь ли ты исторических деятелей?» позволяют каждому студенту в той или иной мере проявить себя, свои знания и умения по предмету, найти свою ситуацию успеха, а их быстрая сменяемость препятствует закреплению комплексов. На таком уроке, как показала наша опытно-экспериментальная работа, снимается эмоциональное напряжение, внимание студентов обращается на необходимость приведения имеющихся знаний в систему для анализа и объяснения исторических закономерностей.

На этой фазе развития учебного процесса выполняется требование В. В. Серикова о непосредственной природной ориентировке студента, когда предмет (человек, явление и т. п.) обладает первой и простейшей ценностью – новизной. Только новизна обнаруживается не в новых фактах и положениях, а в системных свойствах уже имеющихся знаний, в наполнении новым содержанием уже известных фактов и теоретических положений. Ситуация воспитания здесь развивается от первого чувственного общения с понятием к разумному оцениванию его значимости в соотношении с системой категорий данной науки. Такой подход укрепляет веру студентов в себя, закладывает основы для формирования самопонимания, самооценки, побуждает к саморазвитию. «Оказывается, я это знал, только не умел использовать эти знания», «я и сам не знал, что я это знал», – типичные высказывания студентов на этой фазе. Преподаватель уже воспринимается не как человек, выявляющий пробелы в знаниях, недостатки подготовки, а как человек, умеющий обнаружить в студенте «знание о неизвестном». Информационная фаза соответствует первому шагу конструирования гуманитарного пространства.

Вторая фаза развития учебного процесса в дидактическое пространство – *мотивационная*. Она характеризуется эмоциональной вовлеченностью студентов в процесс обучения, сопереживанием, увлекательностью предлагаемых методов и форм обучения, направленных преимущественно на актуализацию эмоционально-смысловой составляющей субъектной позиции и, соответственно, ее функции самопонимания через оценочную деятельность студента (совместно с преподавателем). Простейшим проявлением является оценка непосредственной полезности изучаемого явления, факта или свойства, отношения для значимой, актуальной в данный момент цели, оценка самого себя через сравнение с другим.

Уроки по истории Великой Отечественной войны всегда интересны и увлекательны. Для усиления их воспитывающего влияния мы проводим часть из них в виде экскурсий, встреч с ветеранами. Другие уроки посвящены работе с документами, картами, в том числе и контурными, таблицами, компьютерным учебником. При этом предлагаются проблемные вопросы, логические задания, задания на анализ и сравнение текстов, документов, таблиц. Так, на уроке по теме «Все для фронта, все для Победы!» изучение вопроса «Партизанская война в тылу врага» мы организовали мини-конференцию с обсуждением небольших выступлений студентов.

Начинается урок с рассказа преподавателя о военных и трудовых подвигах советских людей, прославленных земляках: «Люди сугубо мирной профессии, работники кооперации вступили в народное ополчение, участвовали в строительстве оборонительных сооружений. Многие работники кооперации с оружием в руках защищали Родину, совершали ратные подвиги, сражались с фашистами, не щадя своей жизни. Среди них студентка Московского института советской кооперативной торговли Вера Волошина. Она добровольно вступила в партизанский отряд и осенью 1941 г., выполняя боевое задание в тылу врага, героически погибла – в один день с Зоей Космодемьянской. Разведчице Вере Волошиной присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Ее именем названы улицы, новая планета и морское судно».

Гуманитарное пространство представляет одну из весьма продуктивных моделей образования – трансляцию, помимо чисто предметного содержания, культурных норм и ценностей

(в данном случае – ценностей профессионального сообщества) от старшего поколения к младшему. Субъектная позиция участника образовательного процесса в условиях учреждения находит воплощение в его социальной роли в нем. Даже если ориентироваться на трансляцию именно традиций науки, основной целью остается создание средового контекста для становления позиции, что подразумевает создание как можно более разнообразных ситуаций социокультурного взаимодействия, в которых студенты играют активные роли.

В таком развитии учебного процесса через интересные для студентов формы проведения занятий актуализируется их интерес к процессу деятельности, а через увлекательную перспективу – интерес к результату, что как раз и отличает студентов колледжа. Важно, что у студентов создается целостный образ учебного процесса, представление о месте каждого урока не только в изучении темы, раздела, но и в жизни. На этой фазе происходит формирование определенного стиля деятельности на уроке, в котором преобладают позитивные ценности, мажорный тон, динамизм, чередование различных жизненных фаз (событийность и повседневность, праздники и будни), закладывается гуманистический характер межличностных отношений (не только между преподавателем и студентами, как на первой фазе, но и между самими студентами). Диалогичность сознания М. М. Бахтин связывал с вопросом пребывания личности в бытийном пространстве и рассматривал, прежде всего, как процесс становления души, когда человек начинает осознавать себя, делая себя и субъектом, и объектом самопостроения, самоформирования.

Под диалогом мы понимаем пространство становления и самообоснования личности в условиях множественности культур⁵. Фактически это и есть способ организации пространства учебного процесса. Диалог стимулирует саморазвитие студента, что, в свою очередь, востребует деятельностно-ценностную составляющую субъектной позиции. Ценностно-смысловой характер диалог приобретает тогда, когда он стимулирует поиск человеком смыслов собственной жизни, когда за каждой вещью, явлением, событием, законом, нормой поведения видится человек, который предстает как высшая ценность, как «мера всех вещей», а за внешней формой отношений и поступков предстают смыслы бытия человека в мире.

Специальные задания на установление логики и причинно-следственных связей помогают перейти к следующей фазе. Это задания типа «найди в тексте ошибки», «вставь в текст термины, понятия или определения по смыслу», «соотнеси определения и понятия». Предлагаются кроссворды, головоломки по изучаемому материалу. На этой фазе происходит возрастание познавательной активности и любознательности, сензитивности для возникновения познавательных интересов, которые, в свою очередь, определяются субъектной позицией студента.

Третья фаза – *диалогическая*. Ее содержательной характеристикой является ускоренное развитие деятельностно-ценностной составляющей субъектной позиции студента в процессе многоаспектного учебного взаимодействия студента с однокурсниками в группах переменного состава. Такая деятельность в процессе обучения побуждает студента к многократному сопоставлению мнений, оформлению смыслов в ценности, их отстаиванию в дискуссиях, к поиску компромисса. Учебный диалог переходит во внутренний план благодаря систематической работе с первоисточниками. Групповая работа с первоисточником и обсуждение выводов, сделанных в процессе предварительного анализа, позволяет каждому студенту не только проявить себя, но и осмыслить изучаемый материал.

В процессе диалогической фазы реализуются такие значимые для становления субъектной позиции студента дидактические условия, как мнение референтной группы и взаимодействие с ней, демократический стиль ведения занятий. Они стимулируют зависимость от обстоятельств (для студентов на стадии идентификации), сопоставление личностных ценностей с ценностями окружения (на стадии индивидуализации), рефлексивное самоопределение (на стадии социализации) и творческий характер учения (на стадии интеграции).

Исследовательская деятельность – высший уровень, предполагающий отталкивание от проблем конкретного учебного заведения, овладение основными правилами и процедурами действий, а также способами оценки своих действий⁶. Таким образом, исследовательская деятельность позволяет рассматривать профессиональные знания в контексте общечеловеческих и придавать всей поступающей информации объективное звучание.

Четвертая фаза – *проективная*. Ее содержательным наполнением является стимулирование поведенчески-нормативной составляющей субъектной позиции и связанных с нею функций самореализации и самоутверждения. Основу методики обучения на этой фазе составляет ситуация признания значимости студента со стороны группы, что в равной степени является зна-

чимым для студентов всех стадий становления позиции. Показателем является чувство защищенности студента, проявление им свободы и достоинства.

Субъект формирует систему представлений о цели, плане и средствах осуществления предстоящего или выполняемого действия, определяет оценочную деятельность. Именно устойчивые ценности человека выражают ориентацию и характеризуют его в личностном плане. Отношения субъекта основаны на понимании человека как высшей ценности и направлены на удовлетворение его потребностей: познавательных, эстетических, практических, оценочных.

Воспитанник желает выяснить объективные, социальные последствия возможных вариантов своей деятельности, понять, что может дать эта деятельность ему лично, насколько соответствует она его позиции: каково именно его место в этом мире, в какой деятельности в наибольшей степени раскроются его индивидуальные способности. Субъект, овладевая целостным представлением о мире, где его система взглядов опирается на единство сознания, переживания, осуществляет выбор поступка, той или иной линии поведения. Механизм регуляции имеет несколько фаз: возникновение побуждения и постановка цели; стадия обсуждения и борьбы мотивов; принятие решения; исполнение. Побуждение желания действовать порождает борьбу мотивов (если желания непомерны) и приводит к принятию решения. Для принятия решения субъекту необходимо наличие разумных оснований для осуществления акта, сила внешних обстоятельств, определяющих шкалу мотивов, темперамент. Завершением данного процесса является исполнение. Принять решение – это не значит сиюминутно исполнить действие.

Подобные ситуации создаются в групповой проектно-исследовательской работе, в выполнении творческих работ, в проведении фрагментов уроков самими студентами, в сотворчестве с преподавателем по подготовке и проведению урока. При этом учебный процесс в большей мере соответствует индивидуальным запросам студента, его потребностям в подготовке к профессии, в ценностно-смысловом самоопределении, которое и составляет процесс становления позиции.

Учебный процесс, выражаясь словами В. В. Серикова, становится для студента познанием своих сил и возможностей, рефлексией, самоосознанием, актуализацией сил саморазвития. Личность преодолевает зависимость от среды и, в том числе, от педагогических воздействий. Такой представляется нам логика развития учебного процесса по направлению к целостному гуманитарному пространству становления субъектной позиции студента.

Мы полагаем, что важнейшими системными свойствами гуманитарного пространства учебного процесса являются выделенные авторским коллективом под ред. Н. Е. Щурковой⁷ три признака современной технологии урока: 1) урок становится открытием истины, поиском истины и осмыслением истины в совместной деятельности студентов и преподавателя; 2) урок становится частью жизни студента, и проживание этой жизни совершенствуется на уровне высокой человеческой культуры; 3) человек в качестве субъекта осмысления истины и субъекта жизни на уроке становится наивысшей ценностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шамова Т. И. Управление образовательным процессом в адаптивной школе. М., 2001. С. 245.

² Борытко Н. М. Воспитание профессионально-трудовой направленности учащихся старших классов гимназии: дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 1994. С. 18–19.

³ Сериков В. В. Образование и личность: теория и практика проектирования педагогических систем. М., 1999. С. 166–168.

⁴ Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия, 2000: мультимедиа-энцикл. М., 2000; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.

⁵ Борытко Н. М. В пространстве воспитательной деятельности. Волгоград, 2001. С. 98.

⁶ Герасименко С. В. Организация исследовательской деятельности в педагогическом колледже. Волгоград, 2000. С. 66–67.

⁷ Щуркова Н. Е. Воспитание: новый взгляд с позиций культуры. М., 1997.

О КУЛЬТУРОЛОГО-КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТА НА ОСНОВЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ-КОМПЕНДИУМА «ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ТАМБОВСКОГО КРАЯ»

Современное социокультурное пространство отличает противостояние глобального (всемирного, всечеловеческого) и регионального (локального, краеведческого, уникального), решение которого сопряжено с культурологизацией образования, что предполагает создание кода нравственного совершенствования общественных отношений, формирование условий интерпретации феноменов культуры, разработку основ инновационных педагогических проектов и др. Проблема взаимосвязи глобального и регионального как смысловое ядро гуманитарных учебных дисциплин обучающимися постигается в предметном поле «Культурология», играющем роль теоретико-методологической базы культурно-ориентированного образования. Мы принимаем видение культурологии как способа интегрирующего познания мира культуры, его социокультурной динамики, как междисциплинарного анализа, модернизации методики изучения «областных культурных гнезд», перехода к интенсивному изучению «местной культуры» в локальных версиях с использованием краеведческих форм.

В процесс культурологизации образования органично вписывается краеведение. Наряду с приобщением к ценностям мировой культуры, обучаемым необходимо углубленное изучение отечественной культуры (с учетом освоения регионального компонента), овладение краеведческим знанием, что соответствует ментальности народов России. Поэтому «Культурология» широко использует краеведческий подход, еще раз подтверждая эффективность локального метода обучения в формате «от простого – к сложному».

Культуролого-краеведческое образование активно влияет на формирование регионального социокультурного пространства. В ряде регионов осознана значимость культуролого-краеведческой подготовки специалистов, в учебных заведениях введены специальные программы. Такая практика подтверждает правомерность создания учебных культуролого-краеведческих курсов как инновационных, занимающих «стыковое» положение между традиционными способами исторического изучения региона и осмыслением современных проблем его развития. Таким образом, культурологическая подготовка специалиста предполагает развитие краеведческого образования.

Краеведческое образование есть совокупность систематизированных знаний и навыков, полученных в результате обучения краеведению; это процесс развития и саморазвития личности, связанный с овладением социально значимым опытом, накопленным жителями отдельных территорий страны, воплощенным в знаниях, умениях, творческой деятельности и эмоционально-ценностном отношении к природе, человеческому сообществу, государству в лице местных властных структур; это необходимое условие сохранения и развития материальной и духовной культуры.

В определении «краеведческого образования» мы не только подчеркиваем культуроформирующую роль краеведения в качестве одной из практик освоения культурного и природного наследия данного региона, но и указываем на воплощение этого опыта через диалог культур в творческой деятельности и эмоционально-ценностном отношении к природе, обществу, государству. Через краеведческое образование (в силу комплексности краеведческого знания и благодаря вековому опыту адаптации молодых поколений к жизнедеятельности россиян через краеведение) успешно решаются многие воспитательные задачи, лучше видится проблематика взаимодействия природы, бытия и человека в контексте культуры. Это повышает роль краеведческого образования в становлении специалиста как профессионала и гражданина.

Уровень краеведческого образования находится в прямой зависимости от подготовки преподавателя, который досконально знает предмет, научно компетентен, обладает гражданской позицией, нравственным кредо, ориентирован на гуманистические ценности и активную общественную деятельность.

Исследователи Тамбовского центра краеведения при Тамбовском региональном отделении Российской академии естественных наук (ТЦК) уделяют пристальное внимание изучению постановки краеведческого образования как составляющей культурологической подготовки специалиста. Предпринятая попытка есть стремление привнести лепту в обстоятельство обучения краеведению, обозначить региональный, исторический и культурологический аспекты краеведческого образования. Анализ аксиологических оснований обучения краеведению, сделанный с учетом диалектической природы его ценностей и особенностей в ряде учебных заведений, подвел к выработке практических рекомендаций по оптимизации краеведческого образования. Изыскания подтвердили, что это возможно лишь при активном приобщении обучающихся к пространственно-временному континууму местной, региональной, национальной и мировой культуры. Для этого необходима основательная подготовка учителей культурологов-краеведов в вузах. ТЦК как научное сообщество с многогранной практикой направляет всю деятельность – научную, издательскую, просветительскую – на создание нового знания и включение его в образовательно-воспитательный процесс. Инновационными стали некоторые проекты Центра краеведения, осуществленные в ряде учебных заведений. Практика ТЦК подтверждает важность привлечения общественных организаций к подготовке культурологов-краеведов.

Идея расширения образовательного пространства и включения учебных видов деятельности в контекст местной культуры подкреплена реализацией долгосрочного культурно-образовательного проекта «Краеведение в документационном, библиотечном, музейном и архивном образовании». По этому проекту в качестве важнейшего компонента учебного процесса был проведен цикл городских экскурсий – культурных путешествий, «погружение» в сферу местной культуры и искусства, что синтезировало теоретические знания о них с эмпирическим опытом. Положительные результаты эксперимента подвели к разработке педагогической программы-компендиума «История и культура Тамбовского края».

Базовые принципы программы-компендиума.

1. Краеведение традиционно рассматривается как изучение природы, населения, хозяйства, истории и культуры какой-либо части страны, административного или природного района, населенных пунктов, главным образом, силами местного населения. В настоящее время оно утверждается как самостоятельная комплексная научная дисциплина, необходимое средство образования и воспитания, подготовки специалиста, которому предстоит жить и работать на территории, изучаемой краеведением. В этом смысле краеведение – и наука, и практика, и способ преобразования края. Единство достигается при правильной организации краеведческого образования.

2. Культурологизация образования в свою очередь требует совершенствования краеведения, которое разрабатывает широкий круг проблем, связанных с поиском эффективных средств воздействия на материальное производство и культуру региона. Эта наука причастна к решению и таких вопросов, как укрепление российской государственности. Значима она и как форма гражданского воспитания.

3. Развитие культурологии, нарастающее внимание к краеведческой деятельности, всплеск интереса к проблемам локальной истории и культуры расширяют феноменологическую характеристику краеведения и концептуальные основы краеведческого образования. Краеведческая наука, практика и образование, занимая соответствующее место в образовательной политике каждого региона, способны в конечном итоге оптимизировать культурологическую подготовку специалистов.

4. Краеведческое образование решает некоторые задачи единства общества и природы в силу комплексности краеведческого знания, векового опыта социокультурной и этноэкологической адаптации молодежи через краеведение. Оно помогает увидеть природу, бытие и человека в контексте культуры («природа – культура мировая, национальная и культура родного края – я как творец культуры»), обуславливает решение задач через культуру, с опорой на традиции и исторический опыт лишь при сбалансированном соединении составляющих обучения – адапционной и технологической.

5. Генетическая связь человека с ландшафтом, климатом, этнопсихологическими корнями позволяет ему обобщить индивидуальный жизненный опыт и вписать его в опыт общечеловеческий, а главное – ощутить себя уникальным субъектом мировой культуры и осмыслить себя как действующее лицо мировой культурной истории. Гуманитарно-философскую парадигму, внутреннюю динамику культурно-ориентированного образования можно выразить логической цепочкой: «я и родные места – я и моя Родина – я и мир».

6. Культура – мир подлинников: уникальные памятники, хранящие энергию поколений, текст, который надо научиться читать, понимать и создавать самому... В современном обществе ценностное отношение к подлиннику сильно девальвировалось: человек получает информацию в основном из косвенных источников – печатной продукции, телевидения, Интернета и др. Действительно, электронная репродукция картины выглядит качественнее оригинала, но это все же копия. Именно культуролого-краеведческий подход позволяет противопоставить тотальной виртуальности истинные гуманистические артефакты в их оригинальном виде. С одной стороны, происходит закрепление и расширение универсальных, архетипических представлений о культуре, с другой, – в общую концепцию привносится региональный, местный компонент, идея культуры конкретизируется, приближаясь к человеку.

Тематический код программы-компендиума «История и культура Тамбовского края» обусловлен наличием в крае памятников природы, истории и культуры, мест, связанных с деятельностью известных людей. Основа компендиума – культурные универсалии в их глобальном, региональном и местном значении: город, село, улица, площадь, дом, река, лес, парк, памятник природы, истории, культуры и др. Это символы и места памяти родного края, то, что должна сохранить историческая память.

Особое место в программе отводится людям, Человеку. Образам исторических деятелей и наших современников принадлежит существенная роль в конструировании национальной и региональной идентичности, что требует от преподавателя использования современных педагогических технологий, основанных на новой методике создания образов прошлого при изучении истории и культуры России и ее регионов.

В основе конфигурации программы-компендиума краеведческие объекты, изучение которых позволяет конкретизировать теоретические положения, изучаемые в курсе «Культурологии». Мы исходим из того, что в культурном облике любого поселения отражен макрокосм цивилизации, присутствуют элементы культурных традиций и духовного опыта человечества в управлении, ремеслах и зодчестве, архитектурных стилях и деятельности ресурсно-информационных учреждений, в судьбах исторических деятелей и др.

Каждый житель Тамбова не раз побывал в старом парке в южной части города у памятника природы – «дуба-патриарха», который, по заключению специалистов, старше их город-крепости. Через историко-культурные аспекты концептов «памятник природы» и «город» обучающиеся находят ответ на вопрос: «Когда, как и зачем возник Тамбов?» (он основан как город-крепость на южной границе Русского государства в 1636 г.). Так современный молодой человек представляет город не только как символ урбанистической цивилизации, но и как область зарождения культурных традиций, впитавших условия бытования и ответы первопоселенцев края на вызовы природы; территорию, на которой люди, пришедшие из центра России, мирно ассимилировали аборигенов – мордву и мещеру, породнились с ними в войнах со степняками, научились жить в условиях «разноплемянья» соседей, в переплетениях обычаев и обрядов; место, персонифицированное именами культурных героев – известных градостроителей и воинов, писателей, художников, музыкантов, общественных деятелей и др.

Культурологический подход позволяет осмыслить основные семантические компоненты концептов «город», «село», «деревня» как место на земле, находящееся в оппозиции остальному пространству; вид человеческого сообщества, где живут соотечественники, может быть, родные люди, родственники и т. д.

Историко-культурный, краеведческий и культурологический подходы к осмыслению таких концептов, как «архитектура малых городов», «культура архитектуры», «реки Цна, Ворона, Польной Воронеж, Лесной Воронеж», позволяют создать образы России, Черноземного края, выявить предметы социокультурного дискурса в историческом прошлом и настоящем Тамбовской губ. (Тамбовской обл.). Молодой человек получит ответы на такие важные вопросы: «Что значит река для людей?», «Почему первым строением на освоенной его предками территории возводился православный храм, а затем уж строились жилые дома?» и т. п.

Архитектура, заполнившая пространство поселений, – это застывшее время, материализованная культура, политика, идеология. Единицами измерения городских и сельских культурных пространств являются площади и скверы, улицы и дворы, здания, парки и другие элементы архитектурного творчества. Если учесть, что отечественная система образования предполагает уроки литературы, музыки, изобразительного искусства, но за ее скобки вынесено изучение архитектуры как вида искусства, то подобные культурные путешествия по городам и селам

края обещают дать основательные позитивные результаты. Дело в том, что вся жизнь человека вписана в определенный архитектурный контекст, который эстетичен или вульгарен, радует глаз и душу, либо воспитывает безвкусицу, создает благоприятный микроклимат или угнетает психику. В процессе образования человек должен приобрести некий минимум знаний о теории и истории архитектуры, научиться воспринимать художественные стили не только на интеллектуальном, но и на чувственном, эмоциональном уровне, отличать подлинные образцы от подделок. Экологией окружающей среды может заниматься только компетентный человек с развитым художественным вкусом.

Предметом гордости жителей Тамбовского края являются многие памятники архитектуры: купеческие особняки и доходные дома, которые имеются в каждом городе края, знаменитый особняк купцов Асеевых и кинотеатр «Модерн» в Тамбове, Дом-музей И. В. Мичурина и архитектурный комплекс в рахманиновской Ивановке. Известно, что многие исторические здания постепенно разрушаются, некоторые сознательно сносятся, а на их месте появляются внешне похожие, но по своему статусу не являющиеся памятниками культуры, «новоделы». Такие факты – предмет обсуждения в студенческой среде в рамках культуролого-краеведческой проблематики. Особое место в культурном краеведении занимает культовая архитектура: католический собор и православный храм как центры духовной религиозной культуры и памятники истории края.

Интересный материал для исследования культуры в ее всечеловеческом и локальном аспектах дает постижение таких объектов культуры, как театр, музей, кинотеатр, дом культуры, клуб, изучение традиций садово-паркового искусства, ремесел.

В постсоветский период активно идет переименование городов, сел, улиц, площадей – им возвращаются исконные имена. Известно, что любое название связывает тот или иной объект с опытом и традициями не только местной, региональной, национальной, но и мировой культуры. Поэтому вопросы местной топонимики имеют глубокий мировоззренческий характер, важны для культурной самоидентификации личности. В этом программу-компендиум дополняет учебное пособие автора «Топонимия Центрально-Черноземного края (проблемы и методы изучения)» (Тамбов, 1996).

Таким образом, учебные курсы культурологии и краеведения обладают мощным образовательно-воспитательным ресурсом, дают возможность преподавателю и студенту проявить свои креативные способности, попытаться решить задачу формирования «человека культуры». Сегодня культуролого-краеведческое образование выступает мощным интегративным фактором, связывающим интеллектуальные, духовные, эмоциональные ресурсы человека и общества с конкретной средой обитания. Программа-компендиум «История и культура Тамбовского края» как пример демонстрации диалектики глобального и регионального может рассматриваться в качестве перспективной формы интеграции образования в культурную среду и занять заметное место в структуре культурно ориентированного образования.

УДК 947(571)

О. В. Садовникова

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

ИСТОРИЯ РОССИИ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ПРОГРАММАХ БЕЛОРУССИИ

В Интернете появилась сообщение, что по заказу Национальной лаборатории внешней политики учеными МГУ было проанализировано 187 школьных учебников истории 12 государств бывшего СССР и сделан вывод: у учащихся этих стран формируется искаженный и во многом негативный образ России¹. Публикация вызвала широкий резонанс в Интернет-пространстве, появились заметки, что подобное изложение прошлого нашей страны – часть информационной и психологической войны².

Для студентов и магистрантов факультета социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена факты политизированного освещения нашей истории в других странах не являются новостью. Более 10 лет на кафедре методики истории и обществознания будущие учителя истории работают над проектом «Зарубежное школьное историческое образование». Ими проанализировано более 40 стандартов, школьных программ и учебников ближнего и дальнего Зарубежья. Это позволило осознать, сколь неоднозначный образ России возникает у учеников разных стран мира.

Вместе с тем, изложение и обсуждение только негативных сторон освещения другими странами нашей истории вряд ли улучшает взаимопонимание между народами бывшего СССР. Целесообразнее шире освещать позитивный опыт изучения прошлого нашей страны, имеющийся в историческом образовании других государств. С этой целью обратимся к тому, как формируется образ России в школах Белоруссии. В силу ограниченности рамок данной статьи здесь будет рассмотрен только вопрос о том, как ориентируют на познание прошлого нашей страны нормативные документы школьного исторического образования Республики Беларусь.

Образовательные стандарты по истории в этой республике³ предписывают линейное, последовательное, с 5 по 11 класс, изучение курсов всемирной истории и истории Беларуси. На тот и другой курс в каждом классе отводится по 35 ч в году (история изучается два часа в неделю).

Согласно нормативным документам, история своей страны изучается после всемирной истории, в контексте восточнославянской, общеевропейской и всемирной истории с учетом создания единого образовательного пространства Союза Беларуси и России, стран СНГ⁴. Эта установка предопределяет отбор учебного предметного содержания и трактовку исторических фактов, явлений и процессов.

Белорусские государственные учебные программы предусматривают изучение прошлого России в курсе всеобщей истории⁵. С этой целью определены единицы знаний о нашей стране в разделах, посвященных истории славянских народов, а также выделены целые специальные разделы, посвященные России.

Впервые история нашей страны начинает изучаться в VI кл., в разделе «Славяне в раннем и высоком Средневековье» (V–XIII вв.). В VII кл. российской истории отводится место в разделе «Славяне в позднем Средневековье» (XIV–XV вв.). В VIII кл. существует специальный раздел «Россия в XVI–XVIII вв.». Далее также выделяются отдельные разделы для изучения российской истории: в IX кл. – «Российское государство и славянские страны в XIX – начале XX в.», в X кл. – «История советского общества. 1917–1939 гг.», в XI кл. – «История СССР и Российской Федерации. 40-е гг. XX в. – начало XXI в.»⁶.

На изучение тем российской истории отводится по 7 ч – в VI–VIII классах, до 8 ч – в IX и XI классах. Это 26 % от всего времени, отводимого на курс всемирной истории. На знакомство с другими странами, например, на изучение истории Германии и США, отводится по 10 % времени курсов всеобщей истории⁷. Благодаря такой структуре учебного содержания курса всеобщей истории прошлое России представлено на всех основных этапах развития нашей страны, в то время как факты истории других стран даются аспектно, отражаются только узловые моменты их прошлого.

В силу общности судеб русского и белорусского народов на многих этапах исторического развития, многие страницы нашей истории освещаются не только в рамках всеобщей истории, но и в курсе истории Беларуси. Уже в программах по истории Беларуси для 6 кл. закладывается идея единства происхождения и общности судеб русского и белорусского народов, единых корней нашей государственности. При последующем обучении предмета рекомендуется «изучение истории Беларуси с конца XVIII в. до 1991 г.» «тесно связывать с изучением истории России и СССР. С этой целью целесообразно использовать межкурсовые связи, предвзяв изучение отдельных аспектов социально-экономического, общественно-политического и культурного развития Беларуси соответствующим учебным материалом по истории России и Советского Союза»⁸.

В соответствии с данными установками в курсе всеобщей истории 6 кл. школьники изучают вопросы расселения и занятий восточных славян, возникновения Древнерусского государства, культуры Киевской Руси, приобретают знания о периоде раздробленности, о монгольском нашествии, о борьбе с крестоносцами. Заметим, что практически отобраны к изучению те же единицы знаний, которые характерны для учебных программ по истории России в РФ, только в белорусских учебниках эти темы даются в более свернутом виде.

Далее в курсе истории Беларуси 6 кл. школьники закрепляют знания об этом периоде нашей совместной истории, конкретизируют представления о расселении и занятиях славянских племен на территории современной Белоруссии, углубляют знания об истории Полоцкого княжества и т. д. В итоге ученики подводятся к выводу: «Древняя (Киевская) Русь – общее государство восточных славян».

В курсе всеобщей истории 7 кл. школьники узнают о возвышении Московского княжества, о первых московских князьях, о битве на Куликовом поле, о создании единого Российского государства и деятельности Ивана III. При изучении в этом классе истории Беларуси главное внимание отводится вопросам отношений белорусского народа и Польши.

В курсе всеобщей истории 8 и 9 классов идет дальнейшее изложение истории нашей страны. Смутное время. Начало правления Романовых. Эпоха Петра I и Екатерины II. Отечественная война 1812 г. Реформы Александра II. Революция 1905–1907 гг. В соответствующих курсах отечественной истории сведения о прошлом своего народа белорусские школьники приобретают в контексте нашей совместной истории.

В 10–11 классах ученики узнают о единой истории наших государств после 1917 г., в составе СССР: об Октябрьской революции, Гражданской войне, периоде нэпа, процессах индустриализации и коллективизации, о Великой Отечественной войне, восстановлении страны после войны, о событиях в период пребывания у власти Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева, о распаде СССР.

В курсе истории Беларуси БССР рассматривается как равноправная республика, со своим правовым суверенитетом, с отличительными чертами своей нации. Подчеркивается братство и единство народов в борьбе с фашистской Германией в годы Второй мировой войны. Важное место отводится изучению истории создания СНГ, вопросов российско-белорусской интеграции на современном этапе.

Такой подход к российской истории в нормативных документах исторического образования Белоруссии находит отражение в содержании соответствующих школьных учебников истории. Это создает основу для формирования у белорусских школьников ценностного отношения к нашей совместной истории, уважения к традициям дружбы и братства между нашими народами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ученые МГУ проанализировали учебники истории «соседей» и ужаснулись. URL: <http://zarusskiy.org/russia/2009/12/01/history> (дата обращения: 15.01.2010).

² *Вассерман А.* Школьные учебники – часть психологической войны. URL: <http://www.oko-planet.su/politik/politikdiscussions/25260-uchenye-mgu-proanalizirovali-uchebniki-istorii.html> (дата обращения: 20.01.2010).

³ Образовательный стандарт учебного предмета «Всемирная история. История Беларуси» (5–11 кл.): утверждено Министерством образования Республики Беларусь 29.05.2009 № 32. URL: <http://www.adu.by/modules.php?name=News&file=article&sid=2212> (дата обращения: 14.02.2010).

⁴ См.: Инструктивно-методическое письмо «О преподавании всемирной истории и истории Беларуси в 2009/10 учебном году». URL: <http://www.minedu.unibel.by/sm.aspx?guid=4503> (дата обращения: 7.02.2010).

⁵ Учебные программы для общеобразовательных учреждений с русским языком обучения: Всемирная история. История Белоруссии, V–XI кл. Минск, 2009.

⁶ В 2009/10 учебном году происходил переход к новой структуре исторического образования, в связи с этим хронологические рамки изучения всеобщей истории и истории Беларуси в каждом классе изменены. См.: Инструктивно-методическое письмо...

⁷ Там же.

⁸ Инструктивно-методическое письмо «О преподавании всемирной истории и истории Беларуси в 2008/09 учебном году». URL: <http://academy.edu.by/news/hist.doc> (дата обращения: 15.01.2010).

АСПЕКТНЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕЙ УРОКА ИСТОРИИ

Известно, что перед каждым учителем истории стоит сложная задача: найти средства для реализации обучающих, развивающих и воспитательных целей на каждом уроке. Следует отметить, что в современном школьном историческом образовании особое внимание уделяется реализации воспитательных целей. С позиции ценностно-коммуникативного подхода в образовании¹ воспитательные цели предполагают, прежде всего, формирование у школьников системы ценностных отношений к миру и к себе в этом мире. В связи с этим усиливается значение ценностной компоненты содержания образования.

Необходимо отметить, что формирование у школьников того или иного ценностного отношения происходит постепенно, в этом процессе должен найти отражение каждый его компонент. Соответственно компонентам ценностного отношения определяются и этапы его формирования.

Представляется, что адекватным средством реализации всех целей урока, и, в частности, воспитательных выступают аспектные ценностные проблемы.

В целом, проблема – это теоретический или практический вопрос, требующий разрешения, исследования. В основе проблемы всегда лежит противоречие. Это противоречие носит объективный характер. Следует обратить внимание на то, что лишь осознанное противоречие побуждает учащихся к деятельности.

В обучении, как правило, используются учебные проблемы – сложные вопросы, построенные на несоответствии наличного уровня знаний и умений ученика и уровня, требующегося для решения поставленной задачи. «Учебная проблема может быть представлена в виде задач и вопросов»².

Понятие «аспектная проблема» появилось в 1980-х гг. в дополнение к объектным проблемам (И. Я. Лернер, В. В. Краевский). Проблемы, посвященные отдельным объектам исторического процесса, называют объектными. Проблемы, решаемые «в связи и в отношении каждого или подавляющей массы исторических явлений, называются аспектными. Эти проблемы являются сквозными для исторического познания, они отражают отдельные стороны или аспекты исторического процесса и потому названы аспектными»³. В каждой области гуманитарных знаний имеется небольшое число типов проблем, которые могут быть отнесены к аспектным, так как они сквозные для своей дисциплины и применимы при анализе всех или больших совокупностей явлений, изучаемых данной наукой. Их общий смысл состоит в рассмотрении не отдельных фрагментов учебных предметов, а в выявлении их целостных единиц на основании достоверных научных исследований. Целесообразно использовать выделение значимых научных аспектов содержания темы для раскрытия основных связей между изучаемыми явлениями. В данном случае предлагаемое педагогом содержание полностью соответствует потенциалу человеческого мышления. Раскрывая связи между явлениями, событиями ученик наиболее полно реализует свои интеллектуальные способности. Познавательная деятельность не ограничивается восприятием, представлением о событии. Мышление ученика «работает» согласно своей сущности, согласно своему предназначению⁴.

При использовании такого типа проблем появляется возможность совершенствования содержания образования и обучения в плане более экономного движения к целям обучения. Выделив типы аспектных проблем, можно определить ориентир для отбора содержания образования и деятельности.

И. Я. Лернер выделил следующие типы аспектных проблем при обучении истории: «установление причинно-следственных связей исторических событий и явлений, осознание процесса исторического развития и его механизма, установление общих и частных закономерностей общественного развития, определение преемственности между фактами, событиями, явлениями и эпохами, определение тенденций развития данного общественного явления или их совокупности, определение степени прогрессивности исторического явления, определение классовой сущности событий или явлений, выяснение структуры социального объекта и выявление взаи-

моотношений между его элементами, соотнесение явления, факта и эпохи, частного факта и общей закономерности общественного развития, определение этапов и периодов развития явления, эпохи, определение типичности единичного и массового явления, выяснение и осознание специфики общественного явления и эпохи, установление различного социального смысла сходных явлений в разные эпохи»⁵.

Такой подход, несомненно, важен, но недостаточно полно отражает закономерности исторического процесса, а также не в полной мере способствует общению школьника с представителями других эпох, культур во времени и пространстве. Считаем, что важным компонентом аспектной проблемы выступает ценностный.

Сегодня к составлению аспектных проблем необходимо подходить, прежде всего, с позиций культурологического и цивилизационного подходов. Кроме того, целесообразно формулировать аспектные проблемы, интегрирующие содержание различных гуманитарных дисциплин.

Так, на материале учебных курсов «История России», «Всеобщая история», «Обществознание», «Мировая художественная культура» возможно решение следующих аспектных ценностных проблем:

1. Общение представителей различных культур во времени и пространстве.
2. Общение представителей различных религий во времени и пространстве.
3. Роль личности в организации общения различных культур во времени и пространстве.
4. Взаимоотношения представителей различных культур во время военных конфликтов.
5. Взаимоотношение традиций и новаций как диалог.
6. Проблема преемственности культур.

Представляется, что систематизация учебного материала возможна на основе сформулированной проблемы, которая способна охватить содержание учебного материала различных культурно-исторических эпох, и которая актуальна в действительности. Содержание обучения подбирается таким образом, чтобы показать, как та или иная проблема решалась представителями различных эпох, культур. Решение этих проблем в разные эпохи обусловлено ценностными картинами мира.

Кроме того, необходимо рассмотреть аспектные проблемы в тесной взаимосвязи с деятельностью исторических личностей. Человек предстает в данной ситуации не как абстрактная модель, но как личность со своей неповторимой судьбой. Его деятельность изучается не в отвлеченных рассказах из жизни или оторванных от нее социологических моделях и абстракциях, а в непосредственных связях со временем, в котором он жил. Особым предметом анализа становится сопереживание человеком прошлого своей роли и ответственности в деле решения аспектной проблемы. Таким образом, особенностью аспектных ценностных проблем является их одновременная актуальность, как для человека прошлого, так и для современных школьников. При этом неразрешенность данных проблем и их влияние на функционирование общества обеспечивают активность человека как преобразующего субъекта.

Главная идея аспектных ценностных проблем заключается в выделении в учебном материале некоего теоретического «зерна» ценностного содержания, которое создает основу для систематизации многообразного разнопланового учебного материала. При обучении акцент делается, прежде всего, на объяснении стержневой идеи, которая «нанизывает» все основные события, передавая их смысл и характер.

Содержание проблемы становится значимым для ученика в процессе непосредственного отражения деятельности исторического субъекта по решению данной проблемы, особенно в ходе анализа ее результатов, их значения для дальнейшего развития человека, взаимосвязи с другими эпохами. Актуальность является важной характеристикой аспектной проблемы. Переживание актуальности проблемы обеспечивает ее ценностную значимость. Переживания выступают как внутренние сигналы, посредством которых осознается личностный смысл происходящих событий. Актуальность понимается как воздействие на внутренний мир человека, на его практическую преобразующую деятельность. Осмысление проблемы с одновременным осознанием себя рискующим и сопричастным тому, что происходит в мире «здесь и сейчас» подсказывает человеку необходимость дополнить гносеологический аспект изучения проблемы аспектом аксиологическим.

Именно поэтому аспектная ценностная проблема рассматривается в тесной взаимосвязи с субъектом, который рискует решить проблему и берет на себя за это ответственность. Под

субъектом в данном случае понимаем как ученика, учителя, так и представителя определенной эпохи, культуры.

Аспектные ценностные проблемы классифицируются соответственно их уровню сложности и целесообразности использования на том или ином этапе формирования какого-либо ценностного отношения. Необходимо выделить аспектные ценностные проблемы первого (репродуктивного), второго (частично-поискового) и третьего (творческого) уровня сложности, которые используются соответственно на различных этапах процесса формирования ценностных отношений. Усложнение происходит по нескольким направлениям: соотношение косвенной и прямой информации в формулировке проблемы относительно раскрытия степени абстрактности противоречия; разнообразие подходов к решению данной проблемы; количество информации о результатах решения проблемы; происходит формирование умений от более простых к сложным. Следует отметить, что конкретным способом выражения аспектной ценностной проблемы служат проблемные задачи и проблемные вопросы.

Кроме того, аспектные ценностные проблемы правомерно классифицировать по содержанию. В связи с этим можно выделить следующие типы: ретроспективные, реальные, перспективные или другими словами, аспектные ценностные проблемы транспективного характера.

Содержание аспектных ценностных проблем ретроспективного типа способствует формированию у школьников знаний о способах решения проблемы людьми в различные эпохи. На основе проблем этого типа выявляется отношение представителей различных культур к содержанию проблемы. В связи с этим важное значение приобретает осознание различий в ценностных картинах мира представителей различных эпох.

Содержание аспектных ценностных проблем реального типа способствует пониманию школьниками сходства и отличий способов решения проблемы людьми в предыдущие эпохи и в настоящее время.

Содержание аспектных ценностных проблем перспективного типа позволяет школьникам выбрать наиболее оптимальный вариант решения проблемы и на его основе спрогнозировать свою деятельность. Следует отметить, что такое решение должно быть оптимальным не только для самого школьника, но и для окружающих его людей.

Аспектные ценностные проблемы транспективного характера целесообразно использовать на различных этапах формирования у школьников ценностных отношений.

Следует особо отметить, что эффективность аспектных ценностных проблем в обучении гуманитарным дисциплинам будет наиболее высока, если они составляют систему. При этом постепенно вопросы должны приближаться к формулировкам самой типологии, поэтому необходимо неоднократно обращаться к одной и той же проблеме (И. Я. Лернер).

Таким образом, аспектные ценностные проблемы имеют значительный потенциал при реализации воспитательных целей урока истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Разбегаева Л. П. Ценностные основания гуманитарного образования. Волгоград, 2001.

² Загвязинский В. И. Теория обучения: современная интерпретация. М., 2004. С. 84.

³ Лернер И. Я. Развитие мышления учащихся в процессе обучения истории. М., 1982. С. 106.

⁴ Теоретические основы содержания общего среднего образования / под ред. В. В. Краевского, И. Я. Лернера. М., 1983.

⁵ Лернер И. Я. Указ. соч. С. 105–106.

ИСТОРИЯ РОССИИ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ СЕРБИИ

Историческое образование в современном динамично изменяющемся обществе имеет большое значение – оно может объединять или разъединять людей, в зависимости от того, как изучает прошлое народов молодое поколение. Образ России, создаваемый при изучении истории в школах Сербии, ранее не рассматривался в отечественной литературе. Но прежде чем подойти к данному вопросу, охарактеризуем систему современного исторического образования в этой стране.

В настоящее время в Сербии проводятся реформы школы, направленные на унификацию системы образования. Сложилась многоуровневая система обучения, состоящая из низшей (для детей 6–10 лет), основной (10–14 лет) и высшей (14–18 лет) школы. Преподавание истории рассматривается государством как средство формирования исторической памяти и национального сознания. В Сербии изучается единый курс всеобщей истории и истории своей страны. В основной школе история («Историја») изучается с 5 по 8 класс, по 72 ч каждый год. Изучение истории в высшей школе позволяет ученикам расширить и закрепить ранее полученные предметные знания. Правительство обращает особое внимание на качество издаваемых учебников, тем более, что в стране пока недостаточно средств на развитие компьютерных технологий. За два последних десятилетия учебники истории в Сербии переписывались четыре раза: впервые они были написаны во время правления С. Милошевича (1993 г.), затем – после падения этого режима (в 2000 и 2002 гг.). Сейчас действуют учебники, созданные после выхода Черногории из Союзной Республики (комплект учебников 2005 г.). На 2009 г. перечень учебников по истории выглядел следующим образом. 5 кл. История (история Древнего мира). Авторы – С. Ферьянчич, Д. Стефанович, З. Неделкович; 6 кл. История (история Средних веков до XV в. включительно). Автор – Р. Михальчич; 7 кл. История (история Нового времени, XVI–XIX вв.). Автор – Н. Льюшич; 8 кл. История (Новейшая история. Согласно периодизации сербских историков, новейшая история страны начинается с 1878 г., когда Сербия стала независимой). Авторы – С. Райич, К. Николич.

Авторы учебников отводят существенное место освещению истории России. О внимании к этой теме свидетельствуют публикации, например, статья М. Йовановича¹. В ней дается сравнительный анализ освещения русской истории в учебниках 1992–1993 и 2002 гг.

В современных учебниках Сербии впервые Россия упоминается в учебнике 7 кл. как империя, вышедшая на мировую арену и участвовавшая в европейских конфликтах (сообщается о Северной войне, русско-турецких войнах XVIII в., Отечественной войне 1812 г.). Приводятся сведения о Петре I и Екатерине II, об Александре I и Николае I, в период правления которого Россия характеризуется как жандарм Европы.

Рассмотрим особенности изложения прошлого России на примере анализа обязательного для школ учебника – Истории для 8 кл.² Учебник имеет четкую структуру, снабжен методическим аппаратом. Помимо основного текста, присутствуют дополнительные справочные материалы (биографии исторических личностей, определения понятий и т. д.), а также вопросы и задания, в основном репродуктивного характера. Документы к курсам истории издаются отдельно, в специальных хрестоматиях по предмету, там же содержатся задания по работе с источниками³. О внимании к прошлому России свидетельствует факт изображения Юрия Гагарина на обложке учебника, символизирующего содержание этого периода истории. Практически в каждой главе пособия аспектно излагаются важнейшие страницы прошлого истории страны. Отбор содержания и трактовки событий в стране даются с либеральных позиций. Так, период начала XX в. представлен текстом «Николай Второй – последний русский царь», в котором рассказывается о судьбе этого императора вплоть до 1918 г.⁴

В содержание учебного курса вводятся сведения об участии России в Первой мировой войне, о ее помощи Сербии. В контексте мирового революционного процесса излагаются сведения о Февральской и Октябрьской революциях. Эти события расцениваются как антигосударственный факт. Вместе с тем, авторы далее отмечают, что изменение государственного строя в России было необходимым по причине слабой монархической власти. Приводятся факты из исто-

рии Гражданской войны в России. Авторы учебника осуждают братоубийственное гражданское противостояние и отмечают бесперспективность такого решения внутривластных споров. Даются краткие биографические сведения о В. И. Ленине, в них указывается, что вождь большевиков находился под покровительством Германии. Этим авторы и объясняют факт заключения Брестского мира⁵.

События 20–30-х гг. в СССР освещаются односторонне. Практически не рассматриваются вопросы превращения СССР в индустриальную державу, не освещаются культурные достижения. Главное внимание авторы уделяют объяснению однопартийной политической системы, дают характеристику И. В. Сталина, подчеркивая его неограниченную власть. Школьникам разъясняется, что «от его имени произошло слово сталинизм, означающее террор, убийства и переселение миллионов людей в Сибирь»⁶, приводятся факты сталинских чисток 1930-х гг. В том числе отмечается, что жертвами репрессий стали югославские коммунисты⁷. В контексте освещения событий мировой истории авторы учебника задаются вопросом: в чем различие между коммунизмом и нацизмом? Их сопоставительный анализ приводит к упрощению исторических трактовок: нацизм – это Германия, коммунизм – это СССР, капитализм – это США.

Наиболее развернуто предстает история России в теме «Вторая мировая война». Главное внимание отводится изложению событий на Восточном фронте: битве за Москву, обороне Ленинграда, сражению за Сталинград (оно расценивается как перелом во Второй мировой войне⁸). В учебнике также рассказывается об освобождении стран Восточной Европы от нацистов, о совместных военных действиях югославских партизан и сил Советской армии по освобождению Белграда в 1944 г.⁹ Отмечается, что народ нашей страны героически отстоял свою Родину и освободил половину Европы. Такое развернутое освещение событий на Восточном фронте позволяет предположить, что история Второй мировой войны будет ассоциироваться у сербских школьников преимущественно с военными действиями между СССР и Германией.

При изложении послевоенных событий введены сведения о разрыве отношений СССР с Югославией, об участии СССР в деятельности ООН и о международных отношениях периода холодной войны. Далее в целом положительно оценивается роль М. С. Горбачева как первого руководителя, осознавшего кризисное положение СССР и потребовавшего проведения реформ¹⁰, ему ставится в заслугу диалог с государствами Европы и Америки. История перестройки оценивается авторами учебника как событие мирового масштаба, изменившее ситуацию в мире: с ней связывают окончание борьбы двух сверхдержав, крушение восточного блока, объединение Германии. На этом заканчивается изложение истории России.

В понятийном аппарате учебника даются разъяснения ряда терминов, относящихся к истории России (например, «большевики», «диктатура пролетариата»). Прошлое нашей страны предстает перед сербскими школьниками в образах исторических деятелей. Помимо уже названных имен, в учебнике содержатся сведения об А. А. Брусилове, А. Ф. Керенском, Л. Д. Троцком, Б. Л. Пастернаке, Г. К. Жукове, Н. С. Хрущеве, Ю. А. Гагарине. Благодаря иллюстративному материалу создаются образные представления о прошлом нашей страны: в учебнике приводятся фотографии, в первую очередь, событий Великой Отечественной войны, портреты исторических личностей и т. д.

Авторы учебника приоритетно излагают вопросы внутренней и внешней политики России (СССР). При этом зачастую выбираются только политически ангажированные аспекты русской истории (по образцу освещения нашей истории в учебниках западных стран). Вряд ли у школьников сложатся четкие представления об экономическом и культурном развитии нашей страны.

Вместе с тем, удельный вес сведений по истории России существенно больший, чем при изложении нашей истории в учебниках многих других стран. В этом проявляется стремление авторов способствовать большему пониманию молодым поколением нашего прошлого и настоящего.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Йованович М.* Россия (СССР) в сербских учебниках. URL: <http://www.historia.ru/2004/01/serbia.htm> (дата обращения: 20.09.2009).

² *Рајић С., Николић К., Јовановић Н.* Историја-8: за 8. разред основне школе. Београд, 2005.

³ *Бечановић Б., Стојановић Б.* Историјска читанка. Београд, 2005.

⁴ *Рајић С., Николић К., Јовановић Н.* Историја-8. С. 79.

⁵ Там же. С. 80.

⁶ Там же. С. 104.

⁷ Там же. С. 103–104.

⁸ Там же. С. 129–130.

⁹ Там же. С. 130.

¹⁰ Там же. С. 166.

УДК 371

А. П. Спирин

Волгоградский государственный педагогический университет

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ УЧИТЕЛЯ ИСТОРИИ

В последние десятилетия наблюдается стремительное развитие и распространение новых информационных и телекоммуникационных технологий. Это явление, а также общественные процессы, вызванные им, позволили многим ученым говорить о происходящей в настоящий момент информационной революции, о становлении новой информационной цивилизации. В процессе становления информационного общества происходят значительные изменения в экономике, политике, науке, культуре, а также в сфере образования. Несмотря на определенную консервативность образования как общественной системы, новые информационные технологии внесли определенные новации в образовательный процесс.

Внедрение компьютерных технологий в образовательный процесс является на сегодняшний день важнейшим стратегическим направлением информатизации общества. При этом особенно необходимо отметить, что компьютерные технологии активно используются не только на уроках информатики или на уроках естественнонаучных дисциплин, но и в обучении гуманитарным дисциплинам. Названные процессы приносят существенные изменения и в педагогическую теорию, и в педагогическую практику¹. Все большее внимание педагоги уделяют формированию у учащихся творческой инициативы, самостоятельности, умений работы с информацией, гармоничному вхождению ребенка в современное информационное общество, формированию ценностной картины мира в этом обществе. Развиваются дистанционное обучение, мультимедиа-технологии, активно реализуется принцип постоянного повышения квалификации учителей в сфере применения компьютерных технологий.

Однако на практике процесс информатизации образования сталкивается с определенными трудностями. В качестве одной из основных можно назвать методическую и психолого-педагогическую неподготовленность учителей и преподавателей к эффективному использованию нововведений. В результате новые информационные технологии не только не способствуют повышению уровня преподавания, но и значительно снижают его. Перед педагогической наукой стоит задача устранить названные трудности, сделать процесс использования компьютерных технологий в обучении эффективным. Одним из возможных путей решения поставленной задачи является формирование у учителей отношения к компьютерным технологиям как к профессиональной ценности. Необходимо отметить, что компьютерные технологии являются профессиональной ценностью не только для преподавателей информатики, но также и для преподавателей гуманитарных дисциплин, в том числе для учителей истории.

Под компьютерными технологиями мы понимаем новые (современные) информационные технологии, использующие совокупность средств и методов сбора, обработки и передачи данных (первичной информации) для получения информации нового качества о состоянии объекта, процесса или явления (информационного продукта), основанные на использовании персональных компьютеров².

Компьютерные технологии представляют ценность для специалиста любой профессии, связанной с работой над информацией. Благодаря своим возможностям, современные информационные технологии становятся источником необходимого знания, позволяя оперативно получать информацию, эффективно ее использовать, выполняя различные операции, а также оперативно передавать и обмениваться ею. Компьютерные технологии могут быть использованы на всех

этапах практической деятельности учителя: от постановки целей обучения и процесса подготовки к проведению уроков до диагностики результативности процесса обучения.

При подготовке к проведению урока учителю истории постоянно приходится работать с большими объемами информации (монографии и научные статьи, посвященные исторической проблематике, учебники по истории, исторические источники и пр.). Необходимо постоянно отслеживать информацию о политической, социально-экономической, культурной ситуациях в современном обществе. Компьютерные технологии позволяют учителю истории пользоваться значительными массивами информации, отбирать необходимую, с точки зрения содержания предмета, информацию, адаптировать ее к образовательному процессу в школе. «При использовании компьютерных технологий возрастает доступность к текстовым источникам информации учителя и учеников, повышается возможность расширения количества и видового разнообразия текстовых средств обучения (периодическая печать, труды ученых-историков, исторические документы, художественная литература, вариативные учебники по истории и т. д.). Также расширяются возможности для использования большего разнообразия форм и приемов работы с текстами, в первую очередь, для самостоятельного изучения источников школьниками (уроки на основе организации работы учащихся с компьютерными мультимедийными программами, уроки с использованием компьютерных презентаций, работа учеников с Интернет-ресурсами); оптимизируются существующие приемы работы с текстами, приемы библиографического поиска литературы, работы с альтернативными источниками»³.

Одним из важных достоинств компьютерных технологий, которое может быть использовано учителем на уроке истории, является их мультимедийность. Под мультимедиа (англ. multimedia, от multi – много и media – носитель, среда) понимается возможность компьютерных технологий воспроизводить одновременно все виды информации – текст, фотографию, аудио, видео, анимацию, рисунки, таблицы. Мультимедиа позволяет оптимально реализовать принцип наглядности обучения и способствовать реализации одной из целей школьного исторического образования – формированию у школьников исторических представлений.

С помощью специально разработанных компьютерных учебных программ учитель истории может организовать систематическую работу учеников с историческими понятиями. Например, используя словарь из электронного учебника по истории России XX в. (авторы – Т. С. Антонова, А. Л. Харитонов, А. А. Данилов, Л. Г. Косулина), ученик может не только узнать подробное определение интересующего его понятия, но также сопоставить его с другими понятиями, выявить сходство и различия между ними. Использование компьютерных учебных программ на уроках истории также способствует подведению учащихся к пониманию закономерностей исторического процесса: предъявление наглядного материала, теоретического материала, заданий, позволяющих проследить последовательность или одновременность происходящих событий, процессов, определить их взаимосвязь, выявить причинно-следственные связи между ними⁴.

Большую значимость компьютерные технологии имеют при организации самостоятельной деятельности учеников. Это может быть как подготовка ученика к уроку (например, выполнение творческого задания), так и самостоятельная работа непосредственно на уроке. Применение компьютерных технологий способствует формированию специальных исторических умений у школьников. Формируются хронологические умения (специальные задания для работы с датами), умения работать с исторической информацией, анализировать исторические источники и др. Работа с электронной интерактивной картой способствует формированию картографических умений.

Цели, которые ставятся сегодня перед историческим образованием, не замыкаются на формировании исторических знаний и умений школьников. Одной из основных целей гуманитарного образования называется создание условий для формирования личности социально грамотной, приобщенной к базовым жизненным ценностям, ориентирующейся в цивилизованном времени-пространстве⁵. Формирование ценностных отношений школьников, т. е. воспитательные цели также могут быть реализованы с использованием компьютерных технологий. Мультимедийные возможности компьютера служат мощным средством эмоционально-образного воздействия на зрителя. Кроме того, компьютерные технологии позволяют использовать в учебном процессе любые виды изобразительной и условной наглядности: от воспроизведения памятников культуры изучаемой эпохи до демонстрации динамических схем и документальных кинокадров. Это повышает эффективность решения задач формирования у школьников ценностных отношений на когнитивном и эмоциональном уровнях.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что компьютерные технологии постепенно становятся неотъемлемой частью школьного образовательного процесса. Компьютерные технологии несут в себе значительный обучающий потенциал. Их правильное использование на уроках способствует повышению эффективности реализации как обучающих, развивающих, так и воспитательных целей исторического образования. Поэтому все чаще в научной литературе говорится о значимости и профессиональной ценности компьютерных технологий для современного учителя истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Зайцева С. А. Иванов В. В.* Современные информационные технологии в образовании. URL: <http://sgpu2004.narod.ru/infotek/infotek2.htm> (дата обращения: 19.01.2009).

² Понятие информационные технологии: Informatic & Inform Technology. URL: <http://synopsis.kubsu.ru/informatic> (дата обращения: 15.02.09).

³ *Иванов О. В.* Методические основы разработки и использования компьютерной обучающей программы по истории: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2005. С. 38.

⁴ Там же. С. 39.

⁵ *Разбегаева Л. П.* Ценностные основания гуманитарного образования. Волгоград, 2001. С. 5.

Научный руководитель: д-р пед. наук, профессор Л. П. Разбегаева.

УДК 371.3

Т. А. Трунова

Владимирский государственный гуманитарный университет

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В МЕТОДИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ В СВЕТЕ РЕКОМЕНДАЦИЙ СОВЕТА ЕВРОПЫ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

Складывание качественно новой политической и социокультурной ситуации на рубеже XX–XXI вв., а также обновление методологического арсенала исторической науки не могли не повлиять на изучении истории как на школьном, так и на вузовском уровнях. Одним из требований времени стало формирование национальной и этнической идентичности школьников и студентов, и в связи с этим приобрел особую актуальность вопрос изучения региональной истории.

Еще в 1971 г. на межправительственном симпозиуме «Преподавание истории в старших классах средней школы», проведенном Советом Европы в Страсбурге, был поднят вопрос о необходимости преподавания предмета с учетом комбинирования разных уровней истории (всемирного, национального, локального) и разных ее аспектов (политического, экономического, социального и культурного)¹. На семинарах и конференциях, проведенных под эгидой Совета Европы в последнее десятилетие, были предложены разнообразные подходы для изучения регионального компонента, а также его сочетания с национальным, европейским и мировым в процессе преподавания предмета. Например, британский эксперт Совета Европы Р. Страдлинг предлагает учителям использовать методический подход, получивший название «кросс-национальная перспектива»: учителю рекомендуется раскрывать влияние общемировых или европейских событий на события, процессы и явления, относящиеся к национальной или местной истории². О. Ю. Стрелова рекомендует, во-первых, использовать интегрированный подход, который направлен на рассмотрение влияния глобальных и национальных исторических событий на определенный регион³, во-вторых, ориентироваться на гуманистические цели и ценности при раскрытии вопросов региональной и национальной истории⁴.

В свое время Советом Европы был провозглашен принцип проекции целей, задач и содержания школьного исторического образования в содержание вузовского образования и переподготовки учителя⁵, следовательно, представленные выше подходы являются своеобразными ориентирами в профессиональной подготовке студента-историка. В данной статье предпринята попытка представить возможности использования региональной истории в процессе методической подготовки будущих учителей на историческом факультете Владимирского государственного гуманитарного университета.

Важность изучения региональной истории обусловлена общностью исторических событий, происходивших в соседних регионах в определенные периоды. Представляется необходимым уточнить смысл понятия «региональная история», поскольку в современной методической науке оно рассматривается в двух аспектах. С одной стороны, это может быть история достаточно обширного региона, включающего ряд государств (например, история Ближнего Востока, история Европы); с другой стороны, это может быть история определенного региона в пределах одного государства (например, история Сибири, история Западной Украины). В рамках данной статьи будет рассматриваться региональная история во втором значении.

В связи с этим хотелось бы отметить, что в последние десятилетия в нашей стране появился целый ряд отечественных учебников по региональной истории. Их комплексному анализу посвящена отдельная глава в работе О. Ю. Стреловой и Е. Е. Вяземского «Учебник истории: старт в новый век»⁶. Однако, несмотря на позитивные сдвиги в изучении региональной истории, учителя сталкиваются с определенными сложностями. Например, по мнению И. Мишиной, иногда авторские концепции региональных курсов истории противоречат общим целям исторического образования, общероссийским ценностям и приоритетам. Автор обращает внимание, что в отдельных региональных учебниках этническая идентичность школьников формируется за счет неуважительного отношения к соседям, путем подчеркивания достоинств только своего народа. Региональная история не всегда органично интегрирована в федеральную и всемирную историю. И. Мишина отмечает, что «не всегда в курсах региональной истории содержится материал о социальных, экономических, культурных и повседневных взаимодействиях, об истории миграций, совместных браков, роли женщин и меньшинств, взаимопонимания на уровне семьи, норм и ценностей мирного совместного проживания»⁷.

Говоря о подготовке студентов исторического факультета ВГГУ к преподаванию региональной истории, следует отметить два ее аспекта – содержательный и методический. В содержательном аспекте это, прежде всего, изучение отдельного курса «История Владимирского края», археологическая практика в историческом центре Владимира, индивидуальная работа в Государственном архиве Владимирской обл. при написании выпускных квалификационных работ.

На наш взгляд, не менее важным является методический аспект подготовки студентов к преподаванию региональной истории. Он реализуется, главным образом, в курсе «Теория и методика обучения истории» и включает в себя ряд компонентов.

Во-первых, вопросы региональной истории рассматриваются в качестве примеров в рамках изучаемых тем по методике преподавания истории. Так, при изучении темы «Методика использования художественной литературы на уроках истории» студентам предлагаются задания методического характера с фрагментами из ряда литературных произведений, где упоминаются события, явления, исторические персоналии, связанные с историей нашего края (фрагменты из романа Ф. Соллогуба «Тарантас», в котором дано описание Присутственных мест, из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», где под вымышленными названиями упоминается ряд населенных пунктов и под вымышленными именами – реально существовавшие исторические деятели, и пр.). При изучении темы «Проблемное обучение на уроках истории» студенты работают с образцами проблемных вопросов, заданий и познавательных задач на основе краеведческого материала. В этом случае целесообразно показать саму методику конструирования подобных заданий разного уровня. При изучении темы «Методика работы с картографической наглядностью на уроках истории» студентам предлагаются вопросы и задания, связанные с заимствованием киевских и московских топонимов, с этимологией географических названий. Широкие возможности для использования краеведческого материала, безусловно, дает тема «Методика использования межпредметных связей на уроках истории». Здесь можно привести многочисленные примеры взаимосвязи истории с изобразительным искусством, музыкой, точными науками путем использования материала о деятелях науки и культуры, которые были уроженцами Владимирского края. Работая над темой «Методика работы со статистическим материалом»,

можно с успехом использовать местный материал. Будущие учителя с удовольствием выполняют задания творческого характера на базе краеведческого материала. Например, при изучении темы «Методика разработки, подготовки и проведения игр на уроках истории» студентами была составлена дидактическая игра «Алфавит Владимира».

Во-вторых, будущие педагоги осваивают методику сочетания различных уровней истории в процессе преподавания предмета. Студенты в течение семестра на лабораторно-практических занятиях проводят пробные уроки с последующим анализом и самоанализом. Одним из требований, предъявляемых к данным урокам, является обязательное использование краеведческого материала при раскрытии событий национального масштаба. На наш взгляд, целесообразно акцентировать внимание студентов и на ценностных ориентирах при изучении вопросов региональной истории. В качестве самых ярких примеров можно привести прозвище первого владимирского губернатора Р. И. Воронцова – «Роман – большой карман»; перевоз смертельно раненого на Бородинском поле П. И. Багратиона в имение его друга князя И. А. Голицына, расположенное в с. Симу Владимирской губ.; очистку вручную, водой и мылом, знаменитого Успенского собора в ходе реставрации в 60-х г. XX в.

В-третьих, при изучении темы «Методика подготовки и проведения учебной экскурсии» студенты выполняют групповой проект «Подготовка и проведение экскурсии по историческому центру г. Владимира». Суть проектной работы заключается в следующем. Студенты каждой академической группы проводят учебную экскурсию по историческому центру Владимира (обычно одна из групп идет по маршруту от Театральной площади до Соборной площади, а вторая группа – в обратном направлении). Каждый «экскурсовод» готовит сообщение (не более 5–7 мин) об одном из объектов указанного маршрута. Выбор объектов осуществляется по желанию студентов с учетом их интересов и предпочтений. На установочном занятии определяется конкретный срок работы над проектом (как правило, около месяца), включая его защиту и оформление результатов. Защита проекта проходит в форме экскурсии. Для оформления результатов координатор каждой группы формирует общую сводную папку или составляет компьютерную презентацию.

С одной стороны, студенты знакомятся с организационными аспектами проектной деятельности, что впоследствии помогает им разрабатывать и реализовывать проекты, как в ходе прохождения педагогической практики, так и во время работы в школе после окончания вуза. С другой стороны, ребята осваивают методику работы над проектом в качестве исполнителей. Они приобретают навыки постановки целей и задач, распределения ролей и заданий, групповой работы, оформления ее результатов и оценки успешности. Подобный опыт позволяет будущим педагогам увидеть потенциальные сложности, с которыми могут столкнуться при работе над проектом его участники – как школьники, так и сам учитель, если он является организатором, координатором или просто вдохновителем проекта.

Вообще данный проект является полифункциональным. Его реализация не только знакомит студентов с историческим прошлым нашего города, но и помогает формировать их коммуникативную компетенцию, предусматривая связное монологическое выступление, а также ответы на возможные вопросы «экскурсантов»-однокурсников. Как показывает практика, проект оказывает влияние и на формирование личностных качеств студентов, поскольку в их итоговых анкетах в качестве позитивных моментов работы над проектом часто отмечаются рост уверенности в себе и снижение страха публичных выступлений.

Как видим, вопросы региональной истории могут успешно использоваться для формирования профессиональных компетенций будущих педагогов и являются достаточно эффективным инструментом в методической подготовке студентов-историков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Against bias and prejudice: The Council of Europe's work on history teaching and history textbooks: Recommendations on history teaching and history textbooks adopted at the Council of Europe conferences and symposia 1953–1995. Strasbourg, 1995. P. 47–48.

² *Stradling R.* The European Content of the School History Curriculum: Report. Strasbourg, 1995. P. 38.

³ *Стрелова О. Ю.* Преподавание истории в поликультурном обществе и пограничных территориях // Преподавание истории в поликультурном обществе и пограничных территориях. Хабаровск, 1999. С. 81.

⁴ Там же. С. 139.

⁵ Андрюхина Л. М. Результаты, достигнутые за период с 1996 г., и последующие шаги в подготовке и переподготовке учителей истории в Российской Федерации // Преподавание истории в Российской Федерации. СПб., 1999. С. 95.

⁶ Стрелова О. Ю., Вяземский Е. Е. Учебник истории: старт в новый век. М., 2006. С. 119–139.

⁷ Мишина И. Процессы адаптации детей мигрантов в процессе обучения истории через осуществление сотрудничества между учителями, учениками и их семьями // Семинар «Поликультурное измерение в преподавании истории в современной школе: сотрудничество учителя, учеников и семьи как условие воспитания толерантного сознания молодежи». Страсбург, 2008. С. 72.

УДК 94(47) + 39 + 37.0

О. М. Хлытина

Новосибирский государственный педагогический университет

**«ИСТОРИЯ ВОКРУГ».
ВАРИАНТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОШЛОГО
НА ОСНОВЕ ИСТОЧНИКОВ,
ХРАНЯЩИХСЯ В СЕМЬЕ ШКОЛЬНИКА**

Воспитание личности, способной к выстраиванию своей идентичности в историческом пространстве, к познанию себя и окружающей действительности в преемственной связи прошлого, настоящего и будущего, рассматривается сегодня в качестве одной из приоритетных задач изучения истории в школе¹. Значимую роль в обретении учениками ориентиров для социально-культурной идентичности, а также для обогащения опыта изучения истории по памятникам, окружающим человека в его повседневной жизни («истории вокруг») способно сыграть привлечение на школьный урок исторических источников, сохранившихся в семье. Это такие памятники и атрибуты исторических эпох и событий, пережитых ближайшими родственниками ученика, как монеты и денежные купюры, грамоты и удостоверения, медали и ордена, коллекции значков и марок, предметы быта и домашняя утварь, игрушки, прописи, первые школьные дневники и пр.

В методической литературе описан опыт привлечения на уроки документов семейного архива, сохранившихся старинных вещей, воспоминаний родственников о событиях, записанных школьниками², однако вести речь о том, что в практике работы современных учителей имеет место система работы с комплексами исторических памятников эпохи, «осевших» в семьях учеников, пока преждевременно. На уроках истории такая работа ведется лишь некоторыми учителями и крайне эпизодически³, а навыки изучения «истории вокруг» получает лишь небольшая часть учеников школы и преимущественно во внеурочное время – при подготовке работ к ученическим научно-практическим конференциям.

Вместе с тем, педагогический потенциал работы с хранящимися в семье памятниками различных исторических эпох огромен. Кроме усвоения новых знаний по истории России, ученики смогут расширить свои представления о круге исторических источников, принципах и методах научного исторического познания, научиться комментировать и интерпретировать исторические сведения, представленные в исторических источниках различных типов и видов. Такая работа способствует воспитанию чувства сопричастности истории, развитию интереса к изучению прошлого своей семьи, своей страны, своего и других народов, воспитанию готовности к межпоколенному и межкультурному диалогу, становлению уважительного отношения к предшествующим поколениям – к их труду, их достижениям в познании окружающего мира и самих себя, к созданным ими произведениям декоративно-прикладного, литературного, художественного творчества.

Наш практический опыт преподавания убеждает, что привлекать на уроки истории «осевшие» в семьях учеников памятники истории можно и нужно при изучении предмета на всех этапах школьного исторического образования. Так, в начальной школе при изучении в рамках курса «Окружающий мир» рассказов об историческом прошлом России объектами внимания могут стать отдельные или вовсе один какой-либо атрибут (памятник) прошлого, обнаружен-

ный ребенком у себя дома. Задача учителя истории заключается не только в воспитании ценностного отношения к памятникам прошлого, но и в том, чтобы помочь ученику осознать, как памятник определенной исторической эпохи в руках историка становится историческим источником и может «рассказать» много интересного о жизни людей в прошлом.

Например, тема «Мир глазами историка»⁴ знакомит четвероклассников с типами исторических источников. К данному уроку ребятам может быть предложено такое опережающее задание: «С согласия родителей принесите в школу самую старую вещь, которая хранится в вашем доме, либо ее фотографию. Подготовьте краткий рассказ об истории этой вещи – когда и кем она была изготовлена, как она появилась в семье, кто был ее первым хозяином, для чего и как использовалась, кто сегодня является хозяином вещи, почему именно эта вещь сохранилась в семье». Фактически ученикам предлагается осуществить «внешний» анализ источника, конечно, без введения самого этого термина.

На уроке все предметы, которые принесли ученики, становятся объектами их пристального внимания, разглядывания, удивления и изучения. Чаще всего ребята приносят монеты, денежные купюры, игрушки, старые книги, письма, фотографии, ордена, значки, серебряные ложки. Бывают и уникальные вещи – выписки из метрических книг, переселенческие свидетельства, а также утюги, которые грелись раскаленными угольками, арифмометры, первые фотоаппараты и т. п. Поскольку нередко вещи, принесенные одноклассниками, являются действительно уникальными и весьма хрупкими, а другие ученики, как правило, стремятся поддержать их в руках, целесообразно предложить ребятам организовать в классе «музей» – разместить экспонаты на специально подготовленных столах и предложить ученикам выступить в роли экскурсоводов, рассказав подготовленную дома историю той или иной вещи.

После завершения экскурсии необходимо предложить ученикам выполнить ряд заданий, значимых для формирования знаний об историческом времени и начальных представлений об историческом познании. Например: «Расположите экспонаты музея в хронологической последовательности их изготовления и, тем самым, найдите самую «старую» вещь. Отметьте даты изготовления экспонатов на ленте времени, представленной на доске». Если в экспозиции много однотипных источников, например, денежных знаков, можно организовать такую работу только с ними.

Создать у ребят первоначальные представления о классификации исторических источников позволяет обсуждение результатов выполнения школьниками такого задания: «Разделите все экспонаты музея на несколько групп и поясните свое решение». Как правило, ученики предлагают классификации по различным основаниям, нередко далеким от научной классификации исторических источников, например, по времени создания (старинные – старые – современные), по материалу, из которого они изготовлены (бумажные, металлические, пластмассовые, деревянные, стеклянные). Поэтому в ходе обсуждения важно акцентировать внимание учеников на том, откуда и каким образом они получили сведения о том или ином экспонате, с помощью каких источников информации реконструировали историю принесенных ими вещей. Ребята называют надписи на монетах и фотографиях, сами изображения прошлого на фотографиях, иллюстрациях книг, рассказы родителей о вещи и др. Ответы учеников целесообразно фиксировать на доске, а затем, выделяя ключевые слова в ответах, подвести ребят к выводу, что в исторической науке принято выделять четыре группы исторических источников, различающихся способом кодирования (сохранения) ими информации о прошлом – письменные, устные, вещественные, визуальные.

Итоговое задание «Какой экспонат выставки тебе особенно запомнился? Поразмышляй, о чем этот экспонат может “рассказать” тебе как историку?» позволяет стимулировать размышления ребят о путях извлечения явной и скрытой (неочевидной) информации источников. Возможен вариант, когда учитель сам выбирает один из экспонатов и предлагает ученикам класса сформулировать возможные выводы о жизни людей той эпохи, в которую была создана эта вещь.

На основе устных воспоминаний ближайших родственников в начальной школе может быть построен урок о Великой Отечественной войне. Предложив ученикам записать воспоминания старшего поколения о войне (об участии в сражениях – на каких фронтах воевали близкие родственники, в каких войсках служили; о работе в тылу – в городе и в деревне; о жизни детей – об учебе в школе, помощи старшим) и заранее познакомившись с содержанием воспоминаний, учитель может полностью построить урок на основе их выступлений. Как правило, ребята сопровождают свои выступления показом фотографий, наград, писем с фронта. Итогом такого урока-воспоминания может стать подготовленная учителем и учениками мультимедийная пре-

зентация, обобщающая собранный учениками материал, или брошюра, или стенная газета. Они могут быть презентованы на родительском собрании и подарены ветеранам и детям войны, чьи воспоминания звучали на уроке.

Таким образом, кроме решения задач воспитания историей, обращение к «осевшим» в семье атрибутам прошлого позволяет учителю уже в начальной школе на близком и понятном материале начать обучение школьников приемам анализа исторических источников. В контексте трехуровневой модели анализа исторического источника, включающей этапы чтения, комментирования и интерпретации, задача начальной школы состоит в обучении учеников одному из основных приемов анализа исторических источников – *чтению*. Данный прием представляет собой начальный этап изучения и истолкования содержания исторического источника исследователем и включает такие операции, как первичное знакомство с его содержанием; перевод и составление глоссария; извлечение явных фактов; извлечение «скрытых» (неочевидных) фактов; первичная систематизация собранного исторического материала. Итогом освоения данного приема при изучении истории в начальной школе выступает способность школьников «пересказывать» содержание источника, извлекать явные факты и систематизировать их в форме рассказа-повествования об исторических событиях и их участниках, о повседневной жизни людей в прошлом.

При изучении истории в **основной школе** объектами историко-познавательной деятельности школьников могут выступать *комплексы источников* по изучаемой теме школьного курса истории. В последние 10–15 лет комплекс источников, которые хранятся в современных российских семьях, существенно изменился. Уходят из жизни ветераны Великой Отечественной войны, а вместе с ними – атрибуты военного и послевоенного времени. Определенная стабилизация экономической жизни населения страны в последнее десятилетие позволила семьям улучшить жилищные условия и, как следствие, обустроить новые интерьеры в новых квартирах, избавившись от многих атрибутов эпохи Хрущева, а также «периода застоя» и дефицита товаров, когда многое хранилось в надежде: «А вдруг пригодится». Ввиду этого собрать полноценный комплекс источников на уроке можно лишь при изучении периода «развитого социализма» и эпохи перестройки, т. е. фактически при изучении времени взрослой жизни бабушек и дедушек или времени детства и юности родителей современных школьников. Примечательно, что с позиции своего относительно небольшого личного жизненного опыта школьники воспринимают время молодости своих бабушек и дедушек, своих родителей как достаточно далекое от современности, как уже «завершившееся» прошлое, а вещи, которые сохранились в семье с тех времен, оценивают как диковинные или, напротив, как ненужные и порой искренне не понимают, почему старшие родственники никак не хотят от них избавиться, зачем хранят то, что уже не один год не используется.

Познавательная деятельность девятиклассников, изучающих историю России XX в., должна быть ориентирована на дальнейшее освоение приемов анализа источников, при этом доминантой выступают приемы *чтения и комментирования*. В отличие от учеников начальной школы, ученики 9-го класса имеют определенный запас исторических знаний, которые могут выполнить роль контекстных (внеисточниковых) сведений, необходимых для извлечения «скрытых» фактов при чтении источника, а также для его *комментирования*, предполагающего вписывание установленных исторических фактов в событийный и мировоззренческий контекст той эпохи, в которую был создан источник (какие исторические события предшествовали созданию источника, в чем состояло его предназначение, какие ценности и представления о мире, характерные для данной эпохи, воплотились в источнике), а также в личную биографию автора.

Ввиду того, что для комментирования источника необходимо владение контекстными знаниями, наибольшие возможности для освоения данного приема анализа создаются на итоговых уроках по тематическим разделам. Накануне таких уроков по периоду «развитого социализма» или по эпохе перестройки ученикам предлагается найти дома атрибуты соответствующей эпохи и, с согласия родителей, принести их в школу.

При изучении собранных учениками памятников эпохи как вещественных источников ключевое место на уроке займет разглядывание предметов и обсуждение таких вопросов: «Из чего сделана вещь?», «Для чего и как она использовалась?», а иногда и вопроса «Что это?» (Например, в нашем опыте школьники затруднялись в назывании таких атрибутов эпохи «развитого социализма», как арифмометр, логарифмическая линейка, компостер, термобигуди, вероятно, потому, что не видели примеров использования этих вещей.)

При изучении памятников эпохи в качестве письменных или визуальных источников также обсуждается их предназначение: «В каком году создан источник и какова цель его создания?» (например, создания надписи на фотографии, выписки удостоверения или членской книжки, фотографии передовиков производства и т. п.). Актуален также вопрос о содержании и характере той информации, которую автор источника, в том числе коллективный, стремится передать читателю и зрителю о конкретном человеке, об эпохе (о ключевых исторических событиях, повседневной жизни людей, об идеологических и культурных символах эпохи и т. д.), о самом себе.

При изучении истории в **старших классах** комплексы «осевших» в семьях источников могут стать основой реализуемого в рамках урока учебного исследовательского мини-проекта. В процессе его выполнения ученики осваивают и совершенствуют все основные приемы изучения исторических источников – чтение, комментирование, интерпретацию. При этом доминантами выступают приемы комментирования и *интерпретации*, под которой понимается переосмысление источника в свете выдвинутой гипотезы и задач исследования; теоретическое осмысление установленных фактов на основе применения избранных при определении замысла работы общенаучных и собственно исторических методов исследования; объяснение прошлого в контексте избранного методологического подхода; создание исторических описаний и объяснений.

Например, комплекс собранных учениками исторических источников по периоду «развитого социализма», как правило, позволяет охарактеризовать особенности экономического развития страны (промышленность – ее отрасли, технологии, организацию труда рабочих и методы его стимулирования; сельское хозяйство – отрасли, организацию труда сельчан, соотношение стоимости промышленной и сельскохозяйственной продукции; торговля и финансовая сфера – денежную систему, цены на товары, уровень инфляции и др.). Объектами внимания становятся политическая сфера – политические и общественные организации, существующие в стране; система центральных и местных органов власти; люди и события, определявшие в те годы национальную идентичность; система образования – учебный план школы, школьная форма, школьные мероприятия и досуг учеников и пр., а также достижения в науке и искусстве.

Возможны несколько вариантов организации работы школьников. При изучении предмета на профильном уровне ее целесообразно организовать по группам, каждой из которых предстоит исследовать один из названных аспектов темы. В этом случае все атрибуты эпохи выступают экспонатами музея, а группам на их основе предлагается выполнить задания: 1) «Сформулируйте исследовательскую проблему в виде вопроса или нескольких вопросов, на которые вы будете искать ответ в ходе работы с источниками»; 2) «Подберите источники, позволяющие решить данную исследовательскую проблему»; 3) «Сделайте все возможные выводы по данной проблеме на основе подобранного комплекса источников»; 4) «Оформите результаты проведенного исследования в виде исторического текста, содержащего (в зависимости от исследовательской проблемы) *описание* реконструированных вами картин жизни людей в эпоху “развитого социализма”, *ИЛИ повествование* о разворачивании событий во времени, о поступках людей, *ИЛИ рассуждение*, в котором объясняются причины, сущность и последствия произошедших событий, либо предлагается ваше понимание целей и намерений их участников. Не забудьте сделать указания на источники, на основе которых вы пришли к таким выводам».

В конце урока каждая группа представляет свою версию жизни людей в эпоху «развитого социализма». В зависимости от замысла урока выступление групп может быть организовано в варианте презентации самостоятельно подобранной тематической экспозиции, сопровождаемой рассказом экскурсовода-исследователя, или в варианте выступления одного из участников группы на научной конференции с докладом, или в виде прочтения созданного группой научно-популярного, публицистического или художественного текста.

При изучении предмета на базовом уровне может быть реализован иной вариант. Учитель сам предлагает ученикам аспекты темы, которые могут быть изучены на основе анализа принесенных из дома исторических источников, и они фиксируются на доске. В порядке очереди каждый ученик, работая со своим атрибутом эпохи, презентует его одноклассникам, делает на его основе выводы о жизни людей в изучаемую эпоху и тем самым вносит свой вклад в изучение темы. Все выводы учеников фиксируются на соответствующей части доски.

Как правило, один предмет, одна вещь могут поведать о разных аспектах жизни людей. Например, почетные грамоты, которые в большом количестве приносят ребята, могут «рассказать» и об официальной идеологии той эпохи (ребята обращают внимание на лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», на портрет и подпись В. И. Ленина, на названия органов вла-

сти, выдавших грамоту), и о том, какие заслуги человека признавались социально значимыми (за что награждали), и о развитии некоторых отраслей промышленности (химической – цветные краски, использованные при печати, полимерная обложка; бумагоделательной и др.), и о системе управления хозяйством страны. Для того, чтобы научить старшеклассников более глубокому прочтению и интерпретации источников, учителю необходимо в ходе их выступлений обращать внимание ребят на зафиксированные на доске аспекты темы (вопросы) и нацеливать учеников на извлечение из источников самой разнообразной информации.

При таком варианте анализа источников старшеклассники сталкиваются с ситуацией некоторого повтора своих выводов с суждениями ребят, выступивших ранее (например, ученики обнаруживают лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и на комсомольском билете, и на грамотах, и на газетах и, соответственно, делают вывод об идеологическом контексте эпохи). Эти ситуации важно прокомментировать как свидетельства правомерности сделанных ранее выводов, ибо они подтверждаются в ходе сопоставления разных источников.

После того, как информация собрана и зафиксирована на доске, учитель может организовать работу в тематических группах, которые обобщат этот материал, например, в варианте ключевых выводов по теме урока.

В качестве домашнего задания ученикам предлагается задание сопоставить самостоятельно установленные факты и выводы с материалами учебника, либо ознакомить с выводами, полученными на уроке, своих старших родственников и предложить им, опираясь на свои воспоминания и опыт, оценить степень их достоверности, т. е. подтвердить их или опровергнуть.

Предложенная система работа с памятниками прошлых эпох, сохранившимися в семьях современных школьников, может совершенствоваться и обогащаться новыми методическими приемами и формами работы. Однако принципиально важно, чтобы «история вокруг» стала неотъемлемой частью уроков истории в школе, стремящейся стать современной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Алексаикина Л. Н.* Концепция исторического образования в средней школе // Преподавание истории и обществознания в школе. 2009. № 6. С. 21; Примерные программы по учебным предметам: история: 5–9 кл... М., 2010. (Стандарты второго поколения). С. 5.

² *Троцкий Ю. Л.* Имя и родословная: (эпизоды истории Отечества). М., 1995; *Лейбова Е. К.* Методика обучения старшеклассников приемам работы с устными историческими источниками (на примере курса истории России XX–XXI вв.): дис. ... канд. пед. наук. Новосибирск, 2006.

³ По данным педагогического наблюдения, проведенного студентами-историками НГПУ в 2008/09 учеб. году в 15 школах и гимназиях Новосибирска, вещественные памятники эпохи на уроки истории практически не привлекаются, в том числе и при изучении истории России второй половины XX в.

⁴ *Плешаков А. А., Крючкова Е. А.* Мир вокруг нас: учебник для 4 кл. начал. школы. М., 2007. Ч. 1. С. 35–41.

УДК 371

О. А. Чернуха

Волгоградский государственный педагогический университет

ПРОФИЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Переход к профильному обучению на старшей ступени средней школы является одной из приоритетных целей развития современного отечественного образования, поэтому изучение основных тенденций развития данной реформы является особенно актуальным. Введение профильного обучения началось в 2005/06 учебном году, поэтому в настоящее время уже имеется возможность проанализировать успешность данной школьной реформы, выявить основные проблемы и противоречия, которые существуют на практике.

Реализация современного профильного обучения на старшей ступени общего образования регламентируется действующими законами и нормативно-правовыми актами в области образования. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. и Концепция профильного обучения на старшей ступени общего образования являются программными документами, определяющими стратегические линии развития образования и раскрывающими механизмы их реализации. Концепция профильного обучения определяет содержательный аспект введения профильного обучения на старшей ступени общего образования. Хронологические рамки были указаны в Плане-графике мероприятий по подготовке и введению профильного обучения. Данные документы не регламентируют слишком жестко соответствующую работу в регионах, которые имеют право переходить на профильное обучение, учитывая свои условия, особенности и возможности развития образования.

В нормативных документах, регулирующих подготовку и введение профильного обучения на старшей ступени средней школы в регионах, уделяется достаточное внимание таким аспектам, как функции органов управления образовательного учреждения при подготовке и введении системы профильного обучения, этапы реализации профильного обучения. В связи с этим имеется возможность проследить специфику развития профильного обучения в различных регионах. В целом данные нормативные документы освещают содержание изменений в педагогической системе регионов при переходе к профильному обучению, что позволяет выявить основные тенденции развития данной реформы.

В ходе реализации федерального эксперимента муниципальные органы управления образованием уделяли значительное внимание вопросам сетевой организации профильного обучения. В целях создания широкого информационного пространства для родителей и учащихся общеобразовательных учреждений экспериментальных территорий были выпущены информационные карты профильного обучения, основная задача которых – помочь учащимся выбрать маршрут получения среднего образования с учетом дальнейшей профессиональной перспективы.

Ежегодно в регионах Российской Федерации увеличивается количество образовательных учреждений, имеющих право на реализацию программ профильного уровня. Наиболее ярким примером выступает Сибирский федеральный округ, в котором значительно шире, чем в среднем по стране, представлены инновационные модели профилизации – сети профильного обучения (в них включено 33,2 % школ) и профильного обучения с элементами дистанционного (20,3 %) ¹.

В Волгоградской обл. по сравнению с 2006 г., когда по профильным программам обучались 748 (4 %) старшеклассников из 33 классов 21 общеобразовательного учреждения региона, в 2007 г. программы профильного уровня реализовывали уже 93 образовательных учреждения из 21 муниципального района и городского округа. В 2008 г. учебные предметы на профильном уровне изучали 25 % старшеклассников (7428 человек), при этом количество образовательных учреждений, имеющих право на реализацию программ профильного уровня, увеличилось почти в два раза и достигло 142 ².

Для того, чтобы открыть профильные классы, учебные заведения направляли в комитет по образованию Администрации области заявления с обоснованием целесообразности введения профильного обучения. Эти заявки содержали данные о мониторинге образовательных потребностей учеников, сведения о кадровых, учебно-дидактических, программно-методических ресурсах учреждения, перечень программ образовательных спецкурсов и другие документы. Отбор претендентов для реализации программ общего образования профильного уровня осуществляла специальная комиссия. Педагоги, которым предстояло работать по программам профильного уровня обучения, прошли профессиональную переподготовку.

Анализируя нормативные документы, регламентирующие подготовку и введение профильного обучения в Волгограде и Волгоградской обл., можно выявить следующие тенденции развития данной реформы: за 2008/09 учебный год в регионе значительно увеличилось количество школ, реализующих преподавание предметов на профильном уровне, в то же время определенное количество учебных заведений в силу различных причин утратило эту возможность. Во многих школах наблюдается сокращение количества учебных предметов, реализуемых на профильном уровне, т. е. существует тенденция сделать профилизацию учебных заведений более узкой. Значительно возросло количество школ, в которых профильными предметами являются русский язык (на 10 %), биология (на 57 %), химия (на 38 %), иностранный язык (на 53 %), обществознание (на 37 %), экономика (на 50 %), математика (на 2 %). Уменьшилось количество школ с профильным преподаванием истории и литературы (на 25 %), информатики (на 13 %),

права (на 75 %), ОБЖ (на 71 %), физической культуры (на 50 %). Без изменения осталось число школ с преподаванием на профильном уровне физики и географии³.

Профильное обучение и предшествующая ему предпрофильная подготовка – это две главных части одной системы подготовки школьника к осознанному выбору своего профессионального пути. Они становятся главными, поскольку определяют конкретику профессионального выбора. Остановившись на том или ином варианте обучения, старшеклассник направляет основные образовательные усилия на освоение тех дисциплин, которые определяются как профильные. В теоретическом плане эта система не представляет собой принципиально нового типа образования. Однако как практика она требует ответа на конкретные вопросы, которые возникают у любого руководителя образовательного учреждения сразу после ознакомления с общим определением. По итогам мониторинга профильного обучения в регионах Российской Федерации, проводившегося в октябре-декабре 2009 г. Институтом управления образованием РАО, отмечается тот факт, что во многих регионах страны полноценно созданы оба главных условия для успешного самоопределения школьников – подготовка к выбору и реальность выбора профиля обучения.

Перечисленные особенности современной профилизации следует считать позитивными результатами федерального эксперимента по введению профильного обучения в экспериментальных муниципальных территориях. В то же время реализация профильного обучения в отечественной средней школе на сегодняшний день сталкивается с целым комплексом проблем, которые не способствуют эффективной организации целенаправленной работы в данном направлении школьного реформирования. На практике возникают значительные трудности относительно управленческого аспекта организации профильного обучения, подготовки педагогических кадров к введению предпрофильного и профильного обучения, обеспечения профильного обучения научно-методической литературой, психолого-педагогического сопровождения предпрофильной подготовки и профильного обучения, профориентационной работы.

Вопросы перехода к профильному образованию в старших классах еще недостаточно разработаны как в дидактическом аспекте, в целом, так и в конкретно-методическом, в частности. Конструирование нового содержания образования является сложным процессом. Многие вопросы перехода к профильному обучению решаются опытным путем, путем поиска и апробации конкретных мер по становлению структуры и содержания профильного обучения. Основные направления совершенствования проекта профилизации школьного образования должны учитывать те проблемы и противоречия, которые уже возникли на практике профильного обучения, и соответствовать уровню их решения в педагогической науке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Аналитическая записка по итогам мониторинга профильного обучения в регионах РФ (окт.-дек. 2009) / Сергеев И. С. [и др.]; Ин-т управления образованием РАО. URL: <http://www.profile.edu.ru> (дата обращения: 11.02.2010).

² В Волгоградской обл. продолжается развитие сети профильного обучения старшеклассников. URL: <http://www.volganet.ru/one-news.php?par=11&par1=16865&data=2008-12-02> (дата обращения: 11.02.2010).

³ Приказ комитета по образованию Администрации Волгоградской обл. от 21.03.08 № 511 «О введении в 2008/09 учебном году профильного обучения в общеобразовательных учреждениях Волгоградской обл.». URL: <http://www.vlgregedu.ru> (дата обращения: 12.02.2010).

Научный руководитель: д-р пед. наук, профессор Л. П. Разбегаева.

Н. И. Красняков

Сибирская академия государственной службы (Новосибирск);

Сейит Сертчелик

Анкарский университет, Турция (Prof. Dr. Seyit Sertçelik,

Ankara Üniversitesi DTCF. Tarih Bölümü)

ФОРМА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ КАК ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА ПРИСОЕДИНЕНИЕ КАВКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.

Расширением изучения имперской российской тематики, современными дискуссиями о месте общественно-государственных институтов в функционировании политической сферы, о накопленном отечественном опыте организации управления территориями продолжаются исследования места и роли государства в обществе, его перспектив как главного регулятора политико-правовой системы общественных отношений. В этой связи целесообразно обратиться к истории присоединения Кавказа к Российской империи, исследуя становление и эволюцию в Кавказском регионе системы административного управления. Следует учесть ценный опыт законодательно-территориальных преобразований XVIII – начала XX в., которые не только помогли сохранить Кавказ в составе России, но и сыграли значительную роль в истории местных народов, сохраняя их юридический быт и этнокультурные традиции, способствуя скорейшему вхождению в политическое и правовое пространство Российской империи, приобщению к общероссийским правовым ценностям. Важным фактором подобных исследований в последнее время стало появление новых научных версий государственно-правовых процессов в империях, связанных с осмыслением межнациональных, межрелигиозных отношений на Кавказе в контексте мировых цивилизационных процессов. Таково мнение специалистов в сфере политологии, юриспруденции, социальной психологии и социологии.

Как известно, период с конца XVIII до начала XX в. характеризовался активным процессом становления имперской российской государственности, который шел в сложных условиях тесного взаимодействия геополитического, этноконфессионального, военного и административно-политического факторов. Соответственно, на Кавказе также происходили значительные перемены, направленные на преодоление феодальной структуризации общества и укрепление единой государственной власти. Заметим, что к концу XVIII в. Кавказ становится зоной непосредственных интересов Ирана и Турции, ведущих между собой нескончаемые войны, и в этот же период закрепляются позиции России в Предкавказье. грузинские правители, чтобы освободиться от влияния Ирана и Турции, более активно направляют свои взоры на Россию, к своим единоверцам. Хотя надо отметить, что впервые к подобной помощи Грузия прибегла еще в XVI в., когда шли войны между Оттоманской империей и Ираном за влияние в кавказских землях. Грузинские правители, до этого поддерживающие то одну, то другую сторону, в 1491 г. впервые обратились за поддержкой к России: правитель Кахети Александр I отправил делегацию в Москву, чтобы получить помощь¹.

Для Российского государства проблемы, сосредоточенные по преимуществу в европейских владениях Османской империи, являлись главным содержанием восточного вопроса на всем его протяжении. Сюда включались балканский вопрос, проблема черноморских проливов, покровительство России православным подданным султана как элемент политического воздействия на Порту – собственно русско-турецкие отношения. Тем не менее, по мнению представителей научной школы Н. С. Киняпиной, политика России на Кавказе имеет самостоятельное научное значение и не является составной частью восточного вопроса². И в то же время есть убеждение, что она учитывается при анализе русско-турецких отношений, в частности, в период войн, когда Закавказье и Анатолия становились ареной военной и дипломатической борьбы³. Соответственно, в имперском срезе регионального управления России в очередной раз обнаруживаем значимость различного рода геополитических влияний на государственное строительство. Впрочем, опыт учета такого фактора правительственными учреждениями уже был наработан в Малороссии, Прибалтике, западных губерниях, Царстве Польском, Великом княжестве Финляндском, Сиби-

ри⁴. А потому деятельность верховной власти, государственного аппарата и его основных структур в кавказских территориях была, в частности, подчинена задаче создания наиболее гибкого государственного устройства этой полиэтничной части империи. По данному вопросу известный исследователь начала XX в. Ю. Новоселов отмечает: «Нет другой местности на земном шаре, где на сравнительно небольшом пространстве сгущалась бы такая масса разноплеменных и разноязычных народов. Этнографический состав населения в общей оценке включает: 1) средиземную расу – арийцы, картвелы, горцы, семиты; 2) монгольскую расу – тюркские народы и монголы»⁵, что и приходилось учитывать в политике самодержавной России.

Исходя из обобщенных в европейской и российской историко-политической науке свойств абсолютистского государства, в нашем исследовании необходимо учитывать его сущностные естественно-общественные признаки. Это, в частности, особый статус монарха в политической системе государства вследствие концентрации в его руках всей полноты исполнительно-законодательной и судебной власти, передаваемой по наследству, т. е. фактически и юридически оформленный самодержавный характер верховной власти; формирование политико-государственных институтов, обеспечивающих функциональность государственной власти – регулярной армии, полиции, судебных органов, бюрократии, упорядоченной фискальной системы, централизованного государственного аппарата, организованного по принципу систематического и иерархического разделения труда, церкви как части государственного механизма; обязательное государственное регулирование (регламентирование) всех сфер общественной жизни, возведенное до степени «полицейского государства». При этом следует учесть социально-экономический контекст, в качестве которого следует назвать также аграрную экономику, единую систему феодального землевладения и развитый сословный строй. Созданное Петром I государство к концу XVIII в. характеризуется переходным состоянием к абсолютизму, ввиду присутствия лишь некоторых или не вполне сформировавшихся параметров абсолютизма, в том числе: самодержавной верховной власти; регулярной армии и флота; централизованной и унифицированной системы финансов; четырехзвенной сословной структуры; частично огосударственной церкви; основанной на «личном начале» и потому неразвитой государственной службы; несложившейся политики управления регионами империи; не соответствующей объективным общественно-экономическим и противоречащей показателям сословной мобильности сложной судебной системы. Стоит принять точку зрения, что XVIII в. являлся эпохой генезиса абсолютизма, а начало XIX в. – заключительной фазой его формирования и, одновременно, расцвета⁶.

Обозначенная не в полном смысле сформированная абсолютистская стадия российской государственности, совершенно естественно, находила соответствующее закрепление в административной деятельности правительственных учреждений на окраинах, проявлением чего стали свидетельства поливариантности государственной инфраструктуры в управлении различными регионами имперского политико-правового пространства. Его административная система по своей внутренней характеристике представляла собой асимметричную иерархию управленческих форм и соответствующих уровней власти, различия между которыми были детерминированы принципиальными основами формирования, предметами ведомства и пределами власти, субординационными отношениями управляющих инстанций. Тем не менее, в конечном итоге, механизм их взаимоотношений и содержание деятельности, основанные на традиции или же новации, в значительной мере направлялись на функциональность политической общественной надстройки государства. Управленческая деятельность определялась тремя элементами: ретрансляцией общегосударственных и местных правил; организацией и надзором круга вопросов, составляющих компетенцию; реализацией официальных узаконений. Характерной для центрального управления чертой являлась концентрация властных полномочий и функций, а для местных органов – распределение их по вертикалям учреждений и ведомств.

Государственное устройство на периферии, в силу перенасыщенного комплекса факторов его эволюции, выражалось в различных формах: от прямого ведомственного подчинения до основанного на свободных выборах общественно-территориального или корпоративно-производственного самоуправления, причем в сочетании со сложившимися общеимперскими особенностями (надведомственным, функциональным) и особым (в отношении различных регионов) компонентами системы государственного управления. А потому следует считать недостаточными данные характеристики, и внутри государственно-бюрократического механизма важно, кроме того, найти модели регионального управления с учетом историко-политического сочетания следующих

категорий: централизация и автономизация (административная, территориальная, политическая), децентрализация и деконцентрация, и, возможно, деволюция. Предлагается исходить из того, что имперская форма государственного устройства создается и развивается как органический способ реакции государств-лидеров на вызовы времени, а централизация имеет положительное значение для сосредоточения ресурсов в управлении общественными процессами, особенно в переходные периоды становления государственно-правовой системы, к каковым относятся и период XVIII – начала XIX в. (как отмечено выше). При абсолютистском правлении децентрализация в пределах полиэтничного, многоконфессионального, природно-климатически неоднородного, хозяйственно различного имперского пространства будет иметь следствием разрыв имеющихся связей и кризис политико-административной системы.

Применительно к России конца XVIII – начала XIX в. можно утверждать, что естественно сложившиеся и для удобства управления производно созданные государством территориальные единицы составляли устойчивое государственное устройство в результате осуществления политики гибкого сочетания централизации и деконцентрации властных полномочий. Историко-юридические исследования последнего времени позволяют ясно представить, что российская власть в условиях расширения территориальных границ, усиления административной составляющей государственного управления, социокультурной интеграции населения империи и формирования унифицированной системы государственного управления функциональным образом осуществляла выбор субъектов, направления и виды политико-территориальных отношений в системе координат «империя – регионы», проводя значительную динамичную деятельность по приданию системности сложившейся форме единства Российского государства. Определенное влияние на трансформацию государственно-правовой системы самой империи оказывал фактор наличия или отсутствия государственного прошлого присоединяемых территорий и степень его совпадения с уровнем государственно-правового развития России, детерминированным устоявшимися тенденциями государственно-автономистской традиции в управлении крупными этносами.

Основываясь на высказанных выше методологических посылах, используя формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-политический способы работы с законодательными материалами, обратимся к рассмотрению условий возникновения, механизма формирования и направлений деятельности имперских государственно-правовых институтов на территориях Кавказа. В соответствии с указанной целью решим следующие исследовательские задачи: проанализируем основные административно-правовые явления, лежащие в основе формирования и развития системы управления Российской империи в регионе; выделим этапы процесса становления системы государственно-административных органов власти в кавказских территориях, их основные характеристики; обобщим механизмы деятельности российской власти на Кавказе.

Международные условия вхождения Кавказа в состав России связаны с тем, что по условиям Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. Османская империя не только согласилась с фактическим сокращением сферы своего политического и экономического влияния на северо-западном Кавказе, но и утратила контроль над Крымом, разоренными войной таманскими пунктами, обширными районами Приазовья, Прикубанья и Кабарды. Более того, Порты признала право России иметь военный и торговый флот на Черном море, а также приняла на себя капитуляционные обязательства. В итоге она в значительной мере подорвала свое торгово-экономическое и политическое могущество на Кавказе. Такой успех позволил в 1785 г. создать на юге России кавказское наместничество из Кавказа и Астрахани. Причем в один и тот же день Кавказская губ. в указах императрицы называется то областью, то губернией, что только подтверждает уже устоявшееся мнение о внедрении здесь общеимперской системы управления, без особого учета местных условий⁷. В екатерининский период были установлены нормы-принципы, которые сформировали дальнейшую перспективу судеустройства в крае: «Родовые суды и расправы могут судить тяжёбые их дела и малые проступки по их обыкновениям; но важные преступления, как-то: измена, убийство и разбой, должны рассматриваться быть в пограничном суде по законам Нашим, и со мнением его представляемы к генерал-губернатору», и лишь в случаях неудовлетворенности сторон решением дела первым судом «могут они просить в пограничном суде, который по тому в обязанности будет рассматривать таковые дела и доставлять тяжущимся справедливое и безволочитное удовлетворение»⁸.

В 1791 г. грузинский царь Ираклий просит амнистии у Порты за сношения с Россией, заявляя, что народ Тифлиса является подданным Оттоманской империи, и Стамбул не должен счи-

тать его своим врагом. Порты выставляют встречное условие, согласно которому от Ираклия требуется разрушение стратегической военной дороги в Дарьяльском ущелье, чтобы русские не могли ей воспользоваться при проходе с Северного на Южный Кавказ. Ираклий дал согласие, при этом уточнив, что работы по разрушению должны быть выполнены турецкой стороной. Но поскольку Османская империя не хотела дальнейшего углубления конфронтации с Россией, она не пошла на эти условия, настаивая на выдвинутых ранее, что приводило к дальнейшим переговорным действиям⁹.

Мирная передышка на Кавказе была временной, и 11 сентября 1795 г. персияне, напав на Грузию, разорили Тифлис. Скрывавшийся в горах тогдашний царь Ираклий, не договорившись с Портой и оказавшийся в безвыходном положении, вынужден был послать письмо генералу Гудовичу с просьбой помощи от России. Иначе ему пришлось бы подчиниться иранскому шаху¹⁰. В ответ Екатерина II направила графа Зубова с войсками на выручку Ираклия, который просил императрицу принять в свое подданство Грузию. Когда позже император Павел повелел войскам выйти из Грузии, в ней поднялись «такие беспорядки и междоусобные битвы между владельцами разных княжеств, загорелась такая кровопролитная война с турками, что царю Георгию XII снова пришлось молить о помощи. С той поры русские уже не оставляли Грузию»¹¹. Важно учитывать местоположение Кавказского края и его геопространственное значение для Российской империи, для чего воспользуемся характеристикой начала XX в.: Кавказ «лежит на крайнем юге России, между морями Черным и Каспийским, там, где кончается Европа и начинается другая часть света – Азия. <...> Закавказьем называют те земли, что лежат по южным склонам гор Главного Кавказского хребта, который отделяет Европейскую Россию от южно-азиатских ее владений»¹². Вследствие этих факторов важность южного направления развития пределов империи отмечается указом Павла I: «Для отправления дел, касающихся до азиатских народов, как в подданстве Нашем состоящих, так и тех, с коими по соседству торговые и другие сношения производятся, повелеваем учредить в Коллегии иностранных дел особый департамент или экспедицию»¹³.

Присоединение Грузии первоначально оформилось Манифестом 18 декабря 1800 г., который был прочитан народу на двух языках – русском и грузинском. Согласно акту верховной власти империи, Грузия на вечные времена присоединялась к России, было закреплено обещание сохранить ее жителям все права, преимущества, полное обеспечение собственности каждого и оградить народ от всяких внешних нападений и внутренних неурядиц¹⁴, то есть содержались традиционные в ситуации присоединения новых территорий формулы манифестов. Всей Грузинской губ. по указу 1801 г. должен был управлять генерал-губернатор, «под ним губернатор», а во главе двух провинций стояли вице-губернаторы. Главным присутственным местом назначено губернское правление с теми же функциями, как в остальной империи. Правлению подчинялись провинциальные канцелярии в Тифлисе и Телави, с разделением их дел на два департамента: суда и расправы; камерального, или казенных палат. Канцелярии руководили деятельностью уездных судов и земской полиции всех уездных городов. Все магистраты городов уездных и ратуши городов безуездных определялись в ведомство ратгаузов, находящихся в двух провинциальных городах¹⁵.

Хотя состоялся манифест, было утверждено Положение об управлении Грузией, тем не менее, 11 апреля 1801 г. Александр I предложил государственному совету вопрос: «Принятием Грузии в подданство России не будет ли поступлено несправедливо относительно наследников престола того царства?» В результате обсуждения, «отвергнув вовсе цели корысти, государственный совет признал, однако, необходимым удержать страну под скипетром русских императоров. Три основания... Первое – то, что несогласия царского дома грозят слабому царству пагубным междоусобием. Второе, что покровительство, оказываемое Грузии с давних пор Россией, требует, чтобы для собственного достоинства империи царство Грузинское сохранено было в целости, и, наконец, третье основание то, что с присоединением страны обеспечивается спокойствие собственных границ России и приобретает полное удобство к обузданию своевольства горских народов». Далее, основываясь на этих аргументах, государственный совет решил: «1) оставить в Грузии все наши войска, которые там уже находились, 2) учредить в стране временное русское управление, разделив всю страну на семь уездов. Для управления гражданской частью отправить в Грузию губернатора, который бы соединял в себе власть гражданскую и военную». Таким образом, павловский период принятия Грузии не был механическим присоединением: очевидно, сохранялись колебания правительственных кругов относительно целесо-

образности присутствия России как верховной власти в Грузии. А при новом императоре решение было принято уже и законосовещательным учреждением по итогам открытого обсуждения и пересмотра всех аргументов «за» и «против».

Вскоре манифестом была провозглашена воля российской верховной власти: «Единое достоинство, единая честь и человечество налагают на Нас священный долг, вняв молению страждущих в отвращении их скорбей, учредить в Грузии правление, которое могло бы утвердить правосудие, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона». Подчеркивалось, что «все подати с земли вашей повелели Мы обращать в пользу вашу, и что за содержанием правления оставаться будет, употреблять на восстановление разоренных городов и селений»¹⁶. Практически законодательными средствами в лице генерал-лейтенанта Кнорринга была соединена власть военная (инспектор Кавказской линии)¹⁷ и гражданская. В рескрипте Александра I главнокомандующему Грузии Кноррингу от 12 сентября 1801 г. указаны необходимые меры по установлению российской власти в Грузии. В частности, большое внимание уделяется налаживанию контактов с местным населением: «... ради собственного его блага устроить правление и порядок». Населению должны были сохранить все права и привилегии, закрепленные за ними ранее; предписывалось исследовать возможности роста сельскохозяйственной отрасли экономики региона с целью повышения ее доходности; рекомендовалось обеспечивать потребности русской армии в регионе, не нанося ущерба бюджету региона и местному населению¹⁸. Здесь же подчеркивалось, что через Кнорринга же происходило обращение населения и различных местных корпораций к императору¹⁹.

Учреждалось верховное грузинское правительство и новое деление края на пять уездов. Правление делилось на четыре экспедиции: дел исполнительных, или правления; дел казенных и экономических; дел уголовных; дел гражданских; а также создавалась медицинская управа. В итоге отмечалось, что «правитель Грузии, начальники и советники экспедиций суть члены верховного грузинского правительства». В каждом уезде назначался уездный суд и управа земской полиции в составе капитан-исправника и «двух заседателей, или эсаулов из дворян грузинских той округи». В городах назначены казначеи, или хазнадары, коменданты, а в помощь им – полицмейстеры, или нацвалы; первые назначены из русских чиновников, последние – из дворян грузинских. Решение исков гражданских должно было производиться по законам царя Вахтанга, а для иноплеменных народов устанавливалось «в разбирательстве по части дел гражданских быть на прежнем их положении», в делах же уголовных предусматривалось поступать по общим для грузинского народа правилам, т. е. согласно имперскому законодательству. Высшей инстанцией для апелляции выступало верховное правительство, имевшее к тому же право вносить изменения в те законы, которые, по его мнению, не соответствовали местным условиям.

Следовательно, система гражданского управления в основном соответствовала российскому губернскому учреждению 1775 г., за исключением учета некоторых местных особенностей. Высшая местная власть концентрировалась в руках главнокомандующего, в структуру управления входили экспедиции по аналогии с губернскими палатами – они ведали исполнительными, финансовыми, судебными делами. Начальники и советники экспедиций составляли общее собрание, которое принимало жалобы и процедурой голосования выносило по ним окончательное решение. Административное управление на местах было организовано также по подобию российской губернии: в каждом уезде были учреждены суды и управы земской полиции – аналоги низших земских судов. Для разрешения гражданских и уголовных дел применялось смешанное судопроизводство: использовались грузинское уложение царя Вахтанга VI, местные обычаи, российское уголовное право. По этой причине следовало предвидеть неразбериху и недовольство местного населения, привыкшего к немедленному вынесению приговоров и приведению в исполнение наказаний.

Таким образом, российское подданство в Грузии было оформлено манифестом верховной власти и присягой населения императору. Однако и нормы законодательства, и практика его исполнения на месте оказались с самого начала малопривлекательными для кавказского населения, тем более, что «злоупотребление чиновников доходило до крайних пределов. Общее ослабление и несостоятельность тамошнего правительства все более и более обнаруживалось»²⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Guniava Gela. Türk-Rus İlişkileri ve Gürcistan (XX. Yüzyılın ilk Çeyreğinde)*, (Yayımlanmamış Yüksek Lisans Tezi). Ankara, 2007. S. 1.

² Россия в XVIII–XX вв.: страницы истории. М., 2000.

³ Восточный вопрос во внешней политике России, конец XVIII – начало XX в. М., 1978. С. 5–6.

⁴ См. подробнее: *Красняков Н. И.* 1) «Сибирский формат» регионального управления в Российской империи (XVIII – начало XX в.). Екатеринбург, 2006; 2) Западные национальные регионы в системе государственного управления Российской империи в XVIII – начале XX в.: закрепление автономистской традиции в российской государственности. Екатеринбург, 2009.

⁵ *Новоселов Ю.* Кавказ: извлечения из трудов Г. Абиха, В. Миллера, А. Иностранцева, А. Краснова, С. Григорьева, В. Меркулова, В. Корсакова, Г. Мерцбахера и др. Рига, 1912. С. 7–8.

⁶ *Чернов С. Л.* К вопросу о времени возникновения абсолютизма в России // Россия в XVIII–XX вв. С. 32–50.

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1 (ПСЗ-1). Т. 22. № 16 193, 16 194.

⁸ Там же. Т. 23. № 17 025.

⁹ *Başbakanlık Osmanlı Arşivi Cevdet Tasnifi Hariciye № 7253/1, 7253/2 ve BOA Hatt-ı Hümayun Defteri № 10667'den nakleden, Bilge M. Sadık, Osmanlı Devleti ve Kafkasya, Eren Yayıncılık. İstanbul, 2005. S. 162–163.*

¹⁰ *Bilge* (указ. соч.). С. 163.

¹¹ *Желиховская В.* Кавказ и Закавказье. М., 1901. С. 5.

¹² Там же. С. 6.

¹³ ПСЗ-1. Т. 24. № 17 844.

¹⁴ *Дубровин Н. Ф.* Георгий XII, последний царь Грузии, и присоединение ее к России. СПб., 1867. Упомянутый акт при инкорпорации, очевидно, не вошел в печатный вариант ПСЗ-1.

¹⁵ ПСЗ-1. Т. 26. № 19 770.

¹⁶ Там же. № 20 007–20 009.

¹⁷ Там же. Т. 27. № 20 511.

¹⁸ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1866. Т. 1, ч. 2. № 548. С. 433–436.

¹⁹ *Дубровин Н. Ф.* Георгий XII... С. 207–208.

²⁰ *Дубровин Н. Ф.* Закавказье от 1803–1806 гг. СПб., 1866. С. 50–53.

ОБРАЗЫ ВОЕННОЙ И ПОСЛЕВОЕННОЙ СИБИРИ В МЕМУАРАХ ВЕТЕРАНОВ (НОВЫЕ ЗАПИСИ СТУДЕНТОВ-ИСТОРИКОВ)

УДК 94(47) + 39

Т. П. Власенко

Новосибирский государственный педагогический университет

«МЕНЯ ГОСПОДЬ БЛАГОСЛОВИЛ». ЭПИЗОДЫ ЖИЗНИ С ВЕРОЙ ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Е. Д. ВЛАСЕНКО)

Здесь приводятся воспоминания моего деда – Власенко Евгения Демьяновича, записанные мною 24 декабря 2007 г.

Дедушка родился в 1923 г. в Новосибирске. Воспоминания представляют собой рассказы об отдельных эпизодах его жизни и не являются целостным повествованием. Публикуемый текст создавался на основе диктофонной записи, которая осуществлена и расшифрована мною. В текст внесены незначительные изменения упорядочивающего характера.

Тимофей Власенко

Хочу здесь воспроизвести воспоминания по просьбе Тимы.

Одно воспоминание такое: я учился уже в 10 классе и немножко запустил, однажды, урок по химии. Там тема называлась «Альдегиды и кетоны». А надо было сдать вовремя, и сидел я, помню, до часу ночи – зубрил, зубрил, чтобы этот пропущенный материал воспроизвести. Ну, конечно, я его сдал в то время. Помню, это был, значит, 41-й год.

Закончили 10-й класс мы в начале июня, а 22 июня началась война, и в этот же год я оказался на фронте под Москвой. Вспомнил такой эпизод: иду в селенье (или в городе каком мы были?). Зашел в разбитую школу, на второй или третий этаж поднялся. С автоматом я был, вооруженный... Иду по коридору, смотрю: разбросанные книги, учебники разбросанные. Я подхожу к одному учебнику, поднимаю, а это был учебник химии. Поднимаю его и смотрю на страницы – «Альдегиды и кетоны». Прошло что-то около года, и как-то меня это за сердце схватило – вот в прошлом году только я сдавал экзамен, а вот теперь вижу эту же книгу, эти задания – «Альдегиды и кетоны».

После ранения я приехал в Новосибирск. Никакой профессии у меня не было, окончил, правда, до этого 10 классов. Куда идти, что делать? Меня хотят послать куда-то на вспомогательный завод (потому что время было еще военное), чтобы я отрабатывал чего-то. Мне хотелось поступить в какой институт, а военкомат меня не отпускал – хотел послать на какой-то завод. В это время встречаю свою одноклассницу – Володину Аню, помню. Она говорит: «Женя, а ты поступай на подготовительное отделение». Написал заявление в подготовительное отделение, поступил, получил справку и принес в военкомат: «Вот я поступил на подготовительное отделение». Меня отпустили, и таким образом я проучился месяц или два на подготовительном отделении и поступил в институт. В Железнодорожный институт, он назывался НИВИТ – Новосибирский институт военных инженеров транспорта.

Проучился я около года – узнали, что я верующий. Начальник института как-то недоброжелательно посмотрел и говорит: «Ты на дипломе будешь должен написать: “Делу Ленина-Сталина

предан”. Он мне [таким образом] сделал намек: “А ты кто такой?” А я был предан не делу Ленина-Сталина, а Христу был предан. Короче говоря, пришлось мне просто оставить этот институт.

Я начал искать родственные институты, по справочнику узнал, что таких институтов двенадцать. И один из них есть в городе Ташкенте. Я решил тогда поехать в Ташкент и поступил на 2 курс. Там тоже была община евангельских христиан-баптистов. У них не было места, где собираться. И они стали молиться о молитвенном доме, чтобы дали участок. И меня подключили (я ходил на собрания): «Евгений, мы хлопочем, чтобы нам разрешили молитвенный дом построить». Я как участник войны подписался на прошение. В институте узнали и стали меня, так сказать, «исповедовать». В общем, длилось это так, что пришлось мне и этот институт оставить.

Приехал я опять в Новосибирск, стал молиться: «Куда же мне теперь идти?» Пошел на Завод полупроводниковых приборов, недалеко от площади Калинина. На меня посмотрели: «А, ты со 2 курса». Там организовывалось конструкторское бюро, послали меня в это бюро, я сел за стол. Слева сидит молодой человек, моложе меня, и перед ним какой-то чертеж, сложный чертеж. Я посмотрел на этот чертеж – ничего в нем не понимаю. Думаю: «Какой я болван: этот человек что-то понимает, а я нет». Но он техникум, правда, кончил, а я думаю: «Как я буду работать?».

Но, оказывается, меня Господь благословил. Я не только стал эти чертежи понимать, а сам создавать их. Короче говоря, стал конструктором и простоял у конструкторской доски 30 лет. Так закончил, заочно уже, институт машиностроительный в Москве – [по специальности] «Металлорежущие станки и инструменты». В это время и женился, и приобрел себе жену и детей.

[Помню из довоенного детства]. К нам на квартиру [в Новосибирске] поступил один брат – бывший комиссар [Губанов], который организовывал советскую власть [в своей деревне]. Когда он уверовал, тогда пришел в сельсовет, вытащил свой наган, кобуру, португую, положил на стол и говорит: «Вот ваша дуга, вот вам ваша кобура, я вам больше не слуга!» И со своими детьми был у нас на квартире. А я ему пропел песню, которой нас научили в 1 классе (это был 1 или 2 класс). Песня так звучала:

– *«Ай, вы, пионеры,
Богу малoverы,
Где же ваша Троица?»*
– *«Наша троица
В три шеренги строится,
Вот где наша троица».*
– *«Ай, вы, пионеры,
Богу малoverы,
Где же ваша Пасха?»*
– *«Наша пасха –
Выдумана сказка,
Вот где наша пасха».*

«Женя, что ты поешь? Женя, что ты поешь? Посмотри на мир другими глазами, – Губанов Георгий говорит. – Женя, может быть, ты доживешь до того времени, когда этот коммунизм развалится». И прочитал мне 1 главу от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков». И тогда я, действительно, посмотрел на мир другими глазами. Пожелал найти верующих, стал ходить в церковь.

Мои дедушка и бабушка – из Могилевской губернии. Они поехали на Дальний Восток на своих лошадях, потому что там давали больше земли. Из Могилевской губернии они доехали до Хабаровска, там приобрели дом и какое-то время жили. Но дедушке что-то там не понравилось, и тогда он повернул оглобли и поехал обратно в Могилевскую губернию, вместе с моей мамой, которая там родилась. Доехали до Новониколаевска, а тут революция... Бах, революция – и деньги у них пропали. У них деньги какие-то были, керенские, что ли (они там [в Хабаровске] дом продали), и деньги пропали. И они осели тут.

Осели, осели, осели, и до сих пор так. Тут моя мама выросла, тут и мой папа оказался, тут и я родился. Вот таким образом я не могилевский, но бабушка у меня из Могилевской губернии. Вот таким образом я оказался сибиряком. Она [бабушка] говорила по-белорусски. И недавно послал я письмо в Минск и написал: «Моя бабушка, белоруска, записала железным резцом в меня песни, которые она

пела мне по-белорусски, но у меня нет Библии на белорусском языке. Я прошу вас, пришлите мне Библию на белорусском языке. Я хочу получить Библию именно на белорусском языке».

А то, что я знаю маленько немецкий язык, это достоинство Лоттера Больца. Он сбежал [из фашистской Германии] ... или как-то по-другому, но оказался в России. Он был коммунист. Восьмой, девятый, десятый классы, 55-я школа. Заходит в кабинет Лоттер Больц, открывает дверь – и по-немецки сразу... У нас сразу такая мысль – в уме мужик или нет, что он бормочет по-немецки. А он, оказывается, в уме был! Три года только [преподавал], по два раза в неделю, и всё только по-немецки.

Потом уже, после войны, читаю в немецкой газете поздравление Лоттера Больца с 80-летием. И я решил ему написать письмо. А он мне отвечает: «О, Евгений, как у тебя судьба сложилась? Пиши по-немецки или по-русски». Письмо я ему написал, что у меня трое детей (или двое у меня было тогда?), что я фронтовик, и в конце написал: «А с 1945 г. я являюсь членом новосибирской общины евангельских христиан-баптистов». Ответа нет и нет. Я думаю: может, на границе письмо не пропустили. Я попросил нашу сестру, которая жила в Германии, и она опустила это письмо в Германии, так что оно не могло не дойти до него. Ответа нет и нет.

Не захотел Лоттер Больц заться с верующим. А он в то время был министром иностранных дел Германской Демократической Республики. А через три года встречаю тот же портрет в газете, только обвит рамочкой – похороны... Лоттер Больц умер.

Учителем всех моих пятерых детей был Русаков Борис Александрович, кандидат педагогических наук. Он нам сначала не говорил, а оказывается, у него папа и мама были верующие-баптисты. Он написал стихотворение, называется «Черточка». [Стихотворение приводится в обработке Е. Д. Власенко].

Черточка

*На плите могильной, где венок истлевший,
Год стоит рождения, год, когда почил.
Как итог всей жизни, быстро пролетевшей,
Черточку меж ними кто-то прочертил.*

*В черточке той много бурного веселья,
Шум аплодисментов и восторгов гром,
Важных и великих в мире этом целей –
То, что ныне густо поросло быльем.*

*Но один вопрос тут мне хочется задать:
Сколько время жизни отдал суете?
Время краткой жизни ты на что потратил?
Знал ли ты надежду вечную в Христе?*

*На плите могильной, где венок истлевший,
Год стоит рождения год, когда почил,
Как итог всей жизни, быстро пролетевшей,
Черточку какую ты жизнью прочертил?*

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор В. А. Зверев.

**«РАБОТАЛИ, КАК БЫКИ».
И ЖИЗНЬ, И СЛЕЗЫ, И ЛЮБОВЬ А. С. БАЖЕНОВОЙ**

Жительнице с. Мироновка Чистоозерного р-на Новосибирской обл. Баженовой Анне Степановне 92 года. По состоянию здоровья бабушка проживает в семье своего младшего сына Николая. Ее считают старожилом села – она здесь единственный человек, доживший до такого глубокого возраста. Односельчане привыкли называть Анну Степановну Галиной, так как в ее семье было две Анны. Из девяти ее детей в живых осталось всего четверо. Две дочери, Людмила и Александра, умерли взрослыми, трое не выжили в детстве.

Во время беседы бабушка чувствует себя бодро, беспокоил только шум в голове, а вот всю жизнь она помнит до мельчайших подробностей. Рассказывает с удовольствием, всё ей хочется упомянуть, даже не знает, с чего начать. Я задавала наводящие вопросы, на которые бабушка по возможности давала ответы, хотя часто уходила в сторону, начинала сравнивать нынешние и былые времена. Сама задавала мне вопросы личного характера, также с целью сравнения. Зафиксировать дословно ее речь мне, к сожалению, не удалось – она несет ярко выраженный и не всегда понятный украинский акцент. Поэтому в публикации я веду повествование от своего лица, вставляя, однако, в текст обработанную речь автора воспоминаний.

Беседа длилась больше часа. Под конец Анна Степановна перешла на личную тему, спрашивала о новостях, рассказывала, о чем осведомлена сама. Женщина достаточно свободно ориентируется в проблемах современного общества. Основным источником информации является телевидение и, конечно, родная газета, с которой она не расстается с молодых лет.

Свое значение для истории Анна Степановна понимает без подсказки. Говорит, что никто не знает, как раньше было, кроме тех, кто видел это своими глазами, испытал всё на себе. Заметно, что есть темы, которые тяжело затрагивать. Воспоминаний из детства осталось меньше, чем из взрослой жизни. «Рассказать всё невозможно, не переслушаешь всего. Да и кому это интересно сейчас», – сетует бабушка. Становится больно на душе оттого, что мало таких людей, которые не в силу своей профессии, а из собственных интересов и побуждений ценят и хранят в памяти волнения и переживания, радости и печали тех, кому мы обязаны жизнью.

Лилия Клименко

Родилась Галина 1 марта 1917 г. в с. Мироновка в семье середняка Степана Гундаря, который вместе со своей семьей в 1910 г. пришел в деревню из Полтавской губ.

«Люди тогда землю любили, она их кормила, вот и шли за тысячи километров в поисках лучшей доли. А в Сибири земли вольно было – бери, сколько обработать сможешь. Мужики сначала сами отправлялись – место обустроивали, а потом за семьей возвращались. Тяжело и страшно было, шли-то пешком, редко у кого кони были. Много так и не дошло – померли в дороге от холода да от голода. А еще и убивали часто, деньги отбирали. Помню, кто-то рассказывал, как шли два мужика, и напал на них мошенник, деньги хотел отобрать. А те слова какие-то знали, шепнули их, так он как пустился в пляс, упал на колени, да давай молить, чтоб отпустили, так и ушел восвояси! Хоть и трудно было, а людей пришло много, целая деревня образовалась из переселенцев. А до этого здесь чалдоны жили.

Пришла и наша семья, землю стали делить. Выходили в поле, делили и землю, и леса, так они и до сих пор называются по фамилиям хозяев. Как землю получили, стали хату строить из пластин (верхнего слоя земли). По тем меркам мы жили неплохо. Хозяйство тогда было единоличным. Держали лошадей, коров, свиней, овец, птицу всякую. Без коровки прожить было невозможно. Правда, раскулачивали часто: если два коня держишь, значит, кулак (смеется. – Л. К.).

В Мироновке я закончила 4 класса, а дальше училась в Романовке, там было семь классов. Каждую зиму пешком туда ходили, а чтоб не заблудиться, делали из камыша вешки и ставили их в снег, они и спасали.

Ой, тяжело было раньше жить, как вспомнишь – не дай Бог такой жизни никому! Работали, как быки! Всё делали сами, в магазине ничего не покупали, только сахар. Одежду ткали, тулу-

пы да жакетики мужикам. На зиму валенки катали тоже сами, а летом босиком ходили. Воспитывали нас строго, но бить – никогда не били. А меня жалели даже, как самую меньшую.

Работать я в 12 лет пошла – на гребки в колхоз. Ох, и не хотели люди в колхозы идти, бо всю скотину приходилось отдавать, даже кур. А кто не хотел, того насильно гнали. Сопротивлялись люди, прятались и в погреб, и куда только можно. Помню, соседу нашему ногу прострелили из-за того, что в колхоз не хотел идти. А сколько партия людей стугбила! Ходили прям по дворам, в партию людей заставляли вступать, допрашивали: если верующий человек, в партию нельзя. Многие отрекались от Бога, лишь бы на хорошую должность назначили.

Раньше ж люди в Бога верили, не то, что сейчас. В деревне у нас молебный дом был, баяшка к нам из района приезжал. На праздники божественные строго молиться ходили. Готовились к ним, праздновали. Чтоб в праздник работать – Боже упаси! У нас мать была очень набожной женщиной и нас к Богу приучила. А что советская власть натворила: церквушку разгромила, иконы попалаила, отлучила, проклятая, людей от Бога! А мы, дурные, ей потакали, собирались, плакали, что Сталин заболел.

В 18 лет меня замуж выдали. Муж мой Николай сам был из-под Ленинграда. Разница в годах у нас в 11 лет с ним, и ничего – жили! Свадьбы, правда, у нас с ним не было, сошлись так. Жили с его матерью до самой ее смерти. Она была очень хорошей женщиной, детишек наших сильно любила. У нас первые двойняшки были, так она им и рубашечки одинаковые шила. Только умерли они маленькими от скарлатины. Тогда от нее много людей умирало. Так свекровь моя больше нас за мальчиками переживала.

А потом мы уже свой дом из самана построили. Саман делали из белой глины, ее за озером да в колках брали. Хатки раньше небольшие были, пол земляной, потолок из соломы. Бедно люди жили, страшно сказать. Хотя не все одинаково – кто лучше, кто скромнее. Мы не голодовали, еда у нас была: борщ варили каждый день, картошку тушили, вареники лепили.

Культуры не было никакой. Корова с теленком всю зиму в хате стояла, тут и мы ее доили, и теленок сосал. Дойки коровьи делили: две теленочку, две нам. Вши да клопы покоя не давали, заедали страшно. Клопы в кроватях деревянных заводились, от вшей отбою не было. А выводить нечем было, кроме керосина. Бывало, в поле на привал сядем и друг до друга: “А ну, подывься до мэну у голову!” Одна отрада была – баня. Мылись регулярно.

Топили соломой да кирпичами из навоза. Мыло сами делали из мяса, непригодного для еды; варили его до кипения, а потом нарезали кубиками. В каждом дворе был колодец, только вода была в нем солоноватая. За водой для питья ходили с коромыслом на ферму.

Женщинам раньше трудно было, работали они и в колхозе, и дома. Мужики-то скотину управят, да и ладно, а женщины и варили, и стирали, и убирали, и за детьми глядели. Ночами и то работали, пряли да ткали.

А детей рожали, сколько Бог даст, об абортах и понятия не имели. Я сама девятерых родила. А были семьи – и по 10, и по 15 детей имели. Роды принимали бабки, их повитухами звали. Они, бывало, и крестили на месте. Только выживали детки не все, медицина-то какая была? Фельдшеры были, да толку от них мало, лекарств вечно не было. Лечили, чем придется. Помню, от простуды хорошо помогал сок муравьиный.

А краситься мы понятия не имели, из косметики одна пудра была. И платье на выход одно было. Придешь, было, с гулянки, снимешь его, спрячешь и до следующего раза не досташь. И валенки одни были на всю семью.

Молодыми были, на Святки гадать любили: и петухов в хату заносили, и валенки за ворота бросали, и в зеркало смотрели. Весело, интересно было. Как бы тяжело ни было, а гулять любили. Свадьбы гремели по селу, не умолкая. По вечерам с гармошкой да с песней ходили по улицам. Без песен не отдыхали и не работали. На работу с песней, с работы – тоже. То ли жить она нам помогала – не знаю... Но без нее никуда! И выпивали тоже, как же без этого?! Только меру знали, не было таких, чтоб запивались.

Работа не давала расслабляться. Помнится мне, раньше столько самолетов над нами кружило, прямо спать не давали, высматривали всё, где полезные ископаемые в земле есть. Раньше как-то всё на быках делали: и пахали, и сеяли, тракторов не было. Помню, как первые тракторы пришли в деревню, вся молодежь на коней, да за деревню – со свистом встречали!».

О войне Анна Степановна вспоминает не очень охотно. Опускает голову и утирает платком наполненные слезами глаза.

«Ой, война – страшно, не доведи Бог ее когда-нибудь еще увидеть. Хоть что, только б не война, а всё остальное пережить можно. Много беды она принесла. Семьдесят душ мужиков из Мироновки забрали, а вернулось человек пять, не больше. Военкомат и сам не знает, сколько их вернулось, да кто их тогда считал!

И моего Колю забрали в 41-м году. Помню, как провожали... Ездил в Татарск встретиться с ним, сумку отвозила. Там эшелон шел с военнослужащими. Приехала на вокзал. Там ни души, одна я сижу на бревнах, жду поезд. Ох, и сумно было, когда эшелон проходил. Картина эта до сих пор перед глазами. Коля выпрыгнул из вагона, сумку подхватил – и обратно.

Хлебнула я тогда горя. Пошла почтальонкой работать. Конь у нас был, он и выручал. Днем почту развозила, а деревня раньше большая была, все газету выписывали да вестей с фронта ждали. Похоронки каждый день шли, как меня за них только ни кляли. С утра на лошадь, запряжешь, сумку большущую в руки, и до позднего вечера.

А как развезу всё, телегу на ферме беру и за соломкой да за сеном на поля (там снопа стояли). Волков в войну шибко много было... То ли война их нагнала? Как свечереет, так они бегут в село, в сарай через крышу залазили да овец воровали, и свиньями не брезговали. Поросят уводили легко: один за ухо из сарая вытаскивает, другой сзади подгоняет. Поехала раз за сеном, да вернулась, в лес глянула, а там только глаза их сверкают. Они хоть людей и не трогали, все равно страшно было. Что от них от голодных ждать можно?

Настрадались за войну все, не только мужикам досталось. Всё на женские плечи легло. Всё, что было, на фронт сдавали. Яйца, молоко, мясо, хлеб отправляли, одежду шили. Дети сызмальства работали: никто их не принуждал, жизнь заставляла.

Колю моего сначала на восток отправили, а потом на запад перекинули. Письма были нечастыми. Через некоторое время раненый пришел, побыл полгода дома, чуть поправился и обратно на фронт. Да, что пережили – не дай Бог никому.

Холода раньше сильные были, людей замерзло много. А снега сколько, задувало так, что из хаты не выйдешь. Чтоб до сарая дойти или на дорогу выйти, туннели рыли. Женщина одна поехала на быках в лес за дровами, метель сильная ее застала, так и замерзла вместе с быками, нашли только по весне. Но ничего, войну прошли. В 45-м году Коля вернулся, правда, контуженный.

Детки у нас после войны пошли: Люда, Толя, Шура, Ваня, Коля. Жить стали, детей растить. От войны стали помаленьку оправляться. И всё бы хорошо, только контузия о себе не давала забыть. В 1958 г. не стало мужа, самому маленькому сыночку два годика было.

Осталась я одна с пятью детишками на руках, мал мала меньше. Пуще войны мне это время запомнилось. Чуть с ума не сошла, до сих пор не пойму, как всё пережить смогла. Теперь поняла, что Господь помог. Да и люди не меньше Его. Благо, раньше жили меж собой дружно. В беде никого не оставляли. Помогали, кто чем мог. Если кто-то картошку не успел докопать или еще что. Помочь надо обязательно. Да родня Колина хорошо выручала, спасибо им всем. Так и подняла детей на ноги. Все людьми стали.

А теперь жизнь не такая, как раньше. Жить надо и радоваться. Куда еще лучше жить-то? Если б сейчас мертвые встали да посмотрели, какая нынче жизнь, то сказали бы, что мы в раю живем (смеется. – Л. К.)! Только вот в Бога верить надо, молитвы читать, Он всегда поможет. У нас хоть Библии раньше не было, зато мы так молитвы знали. Как иду куда-нибудь, или за дело какое берусь, всегда говорю: “Господи, благослови!” – и всё получается!

А о прошлом я не жалею – прожила жизнь, как знала. Менять бы ничего не стала. Теперь осталось только жить да смерти ждать. Как говорится: “Двум смертям не бывать, а одной не миновать!”».

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор В. А. Зверев.

СУДЬБА НЕМЕЦКОЙ СЕМЬИ ПО РАССКАЗАМ БАБУШКИ ГИЛЬДЫ

В этой работе представлены воспоминания моей бабушки Гильды Карловны Кравченко. У бабушки были нелегкие детство и молодость, но благодаря железной воле и крепкой выдержке она шагала вперед. Ее не сломали ни война, ни голод, ни холод, ни унижения. И она добилась уважения и почета со стороны друзей и врагов!

Если судить о ней объективно, то это добрый и ранимый, но строгий человек. Многие восхищаются умом и силой духа моей любимой бабушки! Я считаю, что надо прислушиваться и принимать пережитый опыт наших бабушек и дедушек. Очень жалею, что у меня осталась только одна бабушка. Все то, что она говорит и советует, всегда стараюсь слушать и запоминать.

На сегодняшний день моей бабушке 71 год, она всего год на пенсии, до которой 53 года работала в школе учителем немецкого языка. В ходе моих расспросов и записей бабушка часто не могла говорить и много плакала, поэтому моя работа не совсем складно изложена.

Первые записанные данные о семье бабушки известны с 1813 г. Прадед бабушки Яков Бард переехал из города Марбаха в немецкое поселение Гильдендорф, что расположено недалеко от Черного моря. Это место было песчаным и не приспособленным к жизни, но, как утверждают записи, немцы засадили эти места красивыми деревьями и виноградниками.

У моей прабабушки Паулины Даниловны было три сестры и трое детей, одним из которых был отец моей бабушки. Она работала поваром в колхозе, муж погиб в 1914 г. на войне. Еще прабабушка была народной целительницей, она лечила многих людей. Она знала польский, украинский, немецкий и русский языки.

Бабушкин папа Карл Христофорович служил на Дальнем Востоке в 1930-х гг., работал в колхозе столяром и резчиком по дереву. Мама Эмма Адамовна работала швеей, и у бабушки были самые нарядные платья.

Итак, моя бабушка родилась в 1938 г. в семье Соммерфельдов. Деревня Гильдендорф (в настоящее время – Красноселка) находится в 8 км от Одессы. Деревня разделена речкой на две части (названия у реки не было). Дом, в котором жила семья, построил бабушкин отец на берегу реки. Маленькая Гильда часто оставалась с бабушкой и помогала заниматься хозяйством: пасла гусей, убиралась в доме, помогала готовить еду и т. д.

Хозяйство – две лошади, корова, свиньи, куры, гуси, яблоневый сад, огород и бахча, или баштан с арбузами. Семья каждое воскресенье ходила в деревенскую церковь, соблюдали все религиозные праздники. Когда ее бабушка охраняла арбузы на бахче, маленькая Гильда везла ей обед на лошади и возвращалась тоже самостоятельно.

Когда началась в 1941 г. война, люди в деревне этому не верили, но после первой бомбежки сомнений уже не осталось. Сначала все укрывались в катакомбах и погребах, маленьких детей прятали в сундуки. Но вскоре возвращаться стало некуда, и люди решили эвакуироваться. Все собрали свои вещи на телеги и поехали к поездам, но по дороге приходилось бросать телеги, тут же вязать узелки и двигаться дальше.

Потом всех посадили в вагоны, в которых перевозят скот – теплушки. Повезли вглубь страны, но вскоре поезд отбили немцы (при этом разбомбили два последних вагона, и родители моей бабушки погибли). Поезд тронулся теперь в сторону Германии. Ехали через Польшу, Болгарию, Сербию. В вагонах было ужасно холодно, и был сильный голод. При переезде через каждую границу проводился тщательный осмотр. Всех заводили в баню, раздевали, мыли, и на выходе была уже новая одежда. Но были и такие бани, где вместо воды пускали газ, и люди погибали там. Также был жестокий отбор людей по цвету глаз и волос. Бабушка вспоминает, что во время досмотров усиленно искали евреев. Всех мальчиков отбирали независимо от национальности, и поэтому маленький брат бабушки Витя всю войну проходил в девичьем платье.

Когда приехали в Германию, сначала жили в городе Бухенвальде в трехэтажном доме на первом этаже. Здесь кормили и выдавали одежду. Недалеко от дома был концлагерь, в котором содержались только женщины и дети. Каждый день Гильда с бабушкой кидали через за-

бор продукты заключенным: хлеб, картошку. Однажды их увидел немецкий солдат и чуть не расстрелял обоих.

В 1944 г. переехали в город Гибельрот. В Гибельроте семье дали небольшой домик. В доме было два этажа, на втором этаже находился склад с одеждой, которую разрешили брать семье Соммерфельдов. Кофта, которую взяла моя прабабушка, хранится и сегодня у нас дома. Самое поразительное, что за такой большой промежуток времени она выглядит как новая. Всю войну вся семья спала в одежде – для мобильности, все документы хранились у бабушки в сумке, которая висела на шее. В Гибельроте у них был очень интересный дедушка-немец, который развлекал маленьких детей фокусами и шутками. Бабушка вспоминает, что он угощал их хлебом и яйцами.

В 1945 г. рядом появился лагерь советских солдат, к которым ходили Паулина Даниловна с Гильдой. Русские солдаты сказали, что война кончилась, и всех ждет свой дом на родине.

9 мая 1945 г. семью вызвали в комендатуру и поставили перед выбором: остаться в Германии или ехать в Советский союз. Семья Соммерфельдов решила ехать домой. До Польши ехали на телегах, но по дороге телега сломалась, и пришлось идти пешком до поездов, которые отправлялись на Родину. Поезда украсили, всех посадили в уже знакомые теплушки и повезли.

Вскоре все поняли, что в Одессу их никто не привезет. И к декабрю поезд приехал в Томск. В Томске их определили на лесозаготовку (на 86 участок). Жить пришлось в бараке, где была одна печь в углу. Семье достались самые крайние нары. Спали в одежде, наутро волосы примерзали к стене. Есть было нечего, и все обменивали одежду на картошку, репу, тыкву. Всех, кто мог работать, отправляли на лесозаготовку. Многие умирали от голода или замерзали. Выживали за счет леса: ходили за ягодами, грибами, щавелем, луком. С семи лет моя бабушка работала нянкой за еду, первый раз попробовала молоко только в 12 лет.

Моя бабушка научилась читать еще до школы и всегда стремилась к знаниям. Все отговаривали ее идти в школу, но она все же пошла. В школу надо было ходить за 4 км по шпалам. С собой ей бабушка давала две картошки.

В декабре 1951 г. семья переезжает в Новосибирскую обл., в Искитим, где приходилось жить восьми людям на 9 квадратных метрах. Моя бабушка окончила семь классов и пошла работать в детский сад нянечкой, параллельно училась в вечерней школе. После окончания школы поступила в педагогический институт по специальности «Иностранный язык». С отличием окончив институт, начала работать учителем. Вскоре вышла замуж за отставного моряка, моего будущего деда Ефима Ефимовича Кравченко, который трагически погиб в 1977 г.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор В. А. Зверев.

УДК 94(47) + 39

М. Н. Макаров

Новосибирский государственный педагогический университет

**«ПРАВДА – ОНА ВСЕГДА ПОБЕЖДАЕТ».
РАССКАЗЫВАЕТ В. М. НАДЕЛЯЕВА**

Вера Максимовна Надеяева (девичья фамилия – Ладыжец), моя бабушка, родилась 8 сентября 1924 г. в с. Чесноковка Томской обл. Человек она деятельный, почти до 80 лет работала. С 1944 г. живет в Новосибирске, лишь несколько лет назад стала жить на пенсию, а до этого работала. Много всяких историй, с ней происходивших, мне рассказывала. Весной 2010 г. я записал некоторые из них, сохранив определенные бабушкины особенности повествования.

Семья

Мой прадед Максим Федорович Ладыжец приехал в Сибирь из Черниговской губернии. Был он человек образованный, бухгалтер. Прабабка Мария Дмитриевна Сторожева была из местных, сибирская. Работала домработницей у профессора Томского университета. Заработала

себе приданое: швейную машинку «Зингер» (вещь по тем временам очень ценную), да платьев несколько. Поженились Максим и Марья и поселились в селе Чесноковка (села уже нет, оно располагалось недалеко от Асино в Томской области). Жили небедно: прадед завел лавку, торговал, в доме только у них во всей деревне пол деревянный был, а не земляной. (Судя по всему, в селе жили переселенцы с Украины и юга России.) Родилось у них восемь детей, выжили пятеро: два брата и три сестры. Максим Федорович умер в 1936 г., Мария Дмитриевна пережила его на 40 лет, вырастила детей и воспитывала внуков.

Болезнь

Когда бабушке было 8 лет, она тяжело заболела то ли тифом, то ли малярией. Докторов тогда мало было, болели часто и умирали, особенно дети. Вот и она уже при смерти была. Прадед ей гроб заказал, платье купил новое, красивое – чтобы в гроб положить. Оплакали ее всей семьей, а она взяла да выздоровела. Сказали ей люди: «Долго жить, Верка, будешь!» А про гроб стали говорить, что это не к добру: есть гроб, значит, скоро покойник в семье будет. И верно – прадед через некоторое время умер (все мы смертны, так что подобные приметы всегда сбываются). А бабушка с тех пор серьезно не болела.

Автомобиль

Первая машина появилась в деревне в конце 30-х гг. Это было выдающееся событие, так как машины до этого никто не видел. Грузовик на огромной скорости, весь в дыму и пыли, въехал в село. Все дети бежали за ним, нюхали необычный дым – тогда ведь и керосинку не все видели, в деревнях лучиной да салом освещались. Вся деревня вышла поглазеть на это чудо. Приехавшие агитаторы сказали, что скоро появятся и автомобили, и трактора, и комбайны, будет проведено электричество (электричество так и не провели, комбайны там были не нужны, так как хлеб сеяли только для себя, и то не все). Многие даже не представляли, что это такое.

Курица

Бабушка рассказывает: «Было это в 1942 г. зимой. Время было голодное, пахали без выходных, без зарплаты, кормились со своего хозяйства. Как-то в начале зимы пришли милиционеры, сказали, что за неуплату налогов будет произведена частичная конфискация имущества. Налогами тогда давили еще сильнее, чем сейчас. Конфисковали всю скотину, почти все зимние запасы. Мы все в слезы: как жить дальше, нам зиму есть нечего. Никто нас не слушал. Я написала брату, что произошло. Он сказал, что это не по закону, так как мать из-за инвалидности освобождена от налогов. Стали мы ходить, доказывать свою правду, а нас никто и слушать не хотел. Как поступить, не знали: грамотные только я была да Василий (брат), только вся моя грамота – 8 классов, а Васе не до того было.

Решила я тогда Сталину написать про это. Написала, но ответа не получила. Кое-как зиму прожили, – спасибо добрым людям. И вот что по весне случилось. У нас из скотины уцелела курица (спряталась где-то, пока конфискация шла), так вот однажды утром курица эта начала кричать пестухом. Мы все переполошились: “Что еще за напасть?”, приметы всякие страшные вспоминаются. Но произошло чудо, – письмо мое дошло до Сталина, и из Москвы пришел приказ всё наше добро вернуть. Скотина наша вернулась с приплодом, да еще отъевшаяся на казенных харчах».

Николай чудотворец

Бабушка продолжает рассказ: «Случилось это уже после той истории с курицей. У матери после смерти отца стали иногда случаться эпилептические припадки, а после конфискации случались почти каждый день. Мы, дети, боялись этих припадков, не знали, что делать, и только плакали. Однажды летом работала я в огороде, вдруг появился незнакомый мужчина и попросил попить. Я провела его в дом, мать подала ему кружку молока, и тут у нее начался припадок. Мужчина взял ее за руку, она успокоилась, и он ей сказал: “Ты, Мария, больше болеть не будешь”. Сказал он это и ушел. В деревне его никто не видел. У матери с тех пор припадков не было. Она была женщина верующая, сказала мне тогда, что это был святой Николай, а я потом в церкви его образ увидела».

Новосибирск

И еще одно повествование: «Приехала я после войны в Новосибирск, как сейчас говорят, нелегалом, – паспортов колхозникам не давали, и жила я по “филькиной грамоте”. Устроилась работать на Горمولзавод, угол снимала. Мечта была в своем доме жить. Тут история с братом моим приключи-

лась. Наклепали на него донос, что он, мол, за взятку военному комиссару уклонился в войну от фронта. Тогда за такое и его, и военкома могли под высшую меру подвести. Посадили его в тюрьму, и военкома тоже. А я знала, что Василия еще до войны инвалидом признали. Стала все справки его старые добывать, хлопотать, чтоб всё расследовали. Слава Богу, на свидания пускали. Василий попросил, чтоб я к семье военкома ходила, помогла, если надо. Я пришла к ним: жена его с ребенком грудным в каморке в бараке жили, поесть у них было только хлеба кусок да немного картошки; как жить дальше, она не знала – испуганная была. Я им кое-каких продуктов дала, сказала, что брата и ее мужа выгашу. Дело я выиграла, и их через полгода освободили. Потом узнали, что хотели Василия убрать, так как он кое-кому мешал, но не на тех напали. Правда – она всегда побеждает».

Мечту свою бабушка исполнила: скопила денег на дом (брат помог), купила домик в центре города. Потом вышла замуж за Петра Яковлевича Надеяева. Деду тогда 40 лет было, бабушке – 30. В домике-развалюшке родилась моя мама (точнее, родилась в роддоме, а в домик ее принесли).

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор В. А. Зверев.

УДК 94(47) + 39

С. Ю. Минина

Новосибирский государственный педагогический университет

«КАЖДУЮ КРОШКУ – НА ВСЕХ».

В. П. МИНИН О ЖИЗНЕННЫХ ИСПЫТАНИЯХ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Когда я увидела сборник «Родные голоса. Сибирь, XX век»¹, где собраны рассказы людей о своей жизни, мне очень захотелось опубликовать и историю моего дедушки. Я вспомнила, что у нас в семье хранятся тетради, в которых он оставил воспоминания о своей жизни и жизни своего отца. Благодаря этому повествованию я теперь знаю историю своего рода. Видимо, дедушка начал свой труд в годы перестройки, во второй половине 1980-х гг., дважды, так как к общей тетради в кожаном переплете прилагалась маленькая тетрадь, где написано только начало. Дедушка писал четким и разборчивым почерком, но с ошибками – он окончил всего 5 классов.

Мой дедушка Минин Виктор Петрович (1935–1995) родился в Новосибирске, но жил до 11 лет в Купинском и Ордынском районах Новосибирской обл. Окончил фабрично-заводское училище и всю жизнь проработал на Заводе буровой техники слесарем-сантехником и газосварщиком. Избирался депутатом городского совета Новосибирска.

Помещенный здесь отрывок из его воспоминаний относится к годам Великой Отечественной войны. При подготовке рукописи к печати исправлена орфография и пунктуация, проведено осторожное редактирование, но сохранены все особенности авторского языка и стиля изложения. В прямых скобках добавлены вставки для лучшего понимания текста. В примечаниях сделаны разъяснения слов, непонятных большинству современных читателей.

Светлана Минина

[...] В 1939 г. отец с семьей уезжает в Купинский р-н, село Октябрьское, вновь построенное. Там он получил домик пятистенный, где мы и проживали. Красивое село, речка Жужолка, где можно было и порыбачить, и искупаться. Здесь у нас прибавилась семья: [к трем старшим детям добавились младшие] – Рая и Володя. Отец возил зерно в Баган на элеватор и выполнял разные работы на машине-полуторке². Вечером обычно подъезжает к дому, насадит кузов детворы и прокатит по деревне. Нам всем казалось, что лучше нет радости, как прокатиться на машине. Мать сидела дома с детьми, а вскоре [стала] работать в яслях.

Но вся наша радость длилась недолго. В 1941 г., в июне месяце, 22 числа началась война. Это горе потрясло как всю Россию, так и нашу деревню, плач женщин охватил все село. 24 ию-

ня отец получил боевую повестку. На шести машинах, в том числе на отцовской, собрались на фронт мужики. Стон и рев по всему селу: дети, жены провожали кормильцев, оставаясь почти сиротами. Отец пропел со слезами песню, которая запомнилась мне на всю жизнь:

*Прощайте, кустики таловы,
Прощай, любимый мой гараж,
Прощай, жена, прощайте, дети,
Быть может, не увижу вас.*

В свою машину вместе с [призванными на фронт] мужиками насадил детей, и с тревожным сигналом все шесть машин, с сигналом сирены, тронулись из родного села, оставив там самое дорогое; многие прощались навсегда. Высадив всех детей в конце деревни, тронулись со слезами и долго-долго махали руками, пока не скрылись вдали от села. Остались в селе старики, женщины и дети.

Все заботы домашние и полевые легли на плечи женщин и подростков. Пришлось собирать урожай... Стали женщины и механизаторами, и комбайнерами. Помню, при уборке в поле моей матери затянуло руку в цепи. Выдернули руку женщины – ободрана была, болела долго, а болеть некогда. Топились зимой кизяками, так как в Купинском районе в основном степи, леса совсем мало, поэтому приходилось готовить кизяки, готовить самим из коровьего помета с добавлением мелкой соломы, опилок. Готовили как густую смесь и трамбовали в деревянные формы, затем сушили, складывали в высокие [штабеля], типа поленицы, и зимой топили русские печи.

Помню случай: на сенокосе женщины копнили сено, затем скирдовали, и наверху завершала стог Дарья Шишина. При завершении стога она сбросила вилы, которые воткнулись вниз черенком, и она при спуске со стога всем телом насадилась на вилы. Повезли в больницу в Баган и не довезли – она скончалась. Осталось трое детей, которые попали в детский дом.

Наступила зима. Наши отцы писали письма с фронта, [их] читали всем селом, как мать рассказывала. Иногда приходили похорожки, которые сразу в дом не попадали: вызывали [адресата] в правление колхоза и сначала всячески успокаивали, а затем вручали в руки все горе и печаль. И каждая [женщина] боялась, как бы ее не вызвали – это было самое страшное для каждой семьи.

[Брат] Гриша в нашей семье был старшим, но каким-то ненадежным: он почти не помогал матери, убежал из дому, часто дома не ночевал. Хлеб стали давать по карточкам невкусный, с добавлением сои. Черный, твердый, но мы уже были и этому рады. Однажды Гриша не ночевал дома, и к утру они со своими сверстниками обокрали пекарню, домой притащил булок 20 хлеба. Мы этого не понимали и были рады, что столько хлеба, но утром мать весь хлеб отправила на пекарню. Всех подростков, которым было 14 лет, отправили в Купино в ФЗО³, в том числе попал и наш Гриша, [хотя] ему только шел четырнадцатый год.

Помню, как зимой мы катались на лотках, изготовленными старшими братьями. Лотки делались так: берется дощечка [длиной] сантиметров 85–90, ширина – 25 см; отступая от одного края сантиметров 20, крепились две стойки, друг от друга сантиметрах в 12-и, высота – сантиметров 60; сверху на обе стойки [помещалась] перемышка, сантиметров 40, – она служила рулем. Лоток снизу обмазывался коровьим пометом, обливался водой, обмораживался. Он хорошо катился с горок с двумя ребятами. Таким образом катались малые и взрослые.

Еще один эпизод запомнился мне с детства... Однажды зимой (видимо, был выходной день) мать решила накормить нас бубликами. Они готовились так: с вечера заводилась квашня, утром мать их скручивала, как большие каральки, затем они заваривались в кипятке и садились на солому в русскую печь, еще горячую. Они подрумянивались и с молоком очень вкусные. В то время, пока [мама] пекла эти бублики, мы с Гришкой и Валей находились на печи. Там мы отыскивали мешок, затолкали Валю в мешок и завязали, затем ее толкнули с печи, она ударилась зубами и губами об козырь койки, и из мешка потекла кровь. Раздался крик, и нам с Гришей попало [от матери] сковородником.

Помаленьку зима подходила к концу, и когда подошла весна, подошла большая вспышка брюшного тифа, которая охватила маленьких детей. А врачей не хватало (их забирали на фронт), и поэтому дети стали умирать. Ничего сразу не могли сделать, нам тоже пришлось проститься с Раей и Володей: Рае было 3 года, а Володе – 1 год 4 месяца. Горько досталось матери – потерять двух детей.

Отец в письмах советовался с дедом, чтобы он перетащил нас к себе в Петровский совхоз, и дед согласился, начал звать мать, чтобы приехали к нему. 6 июля 1942 г. мы собрались, и на корове, запряженной в легкую телегу, тронулись в путь (расстояние – 530 км). Ехали в день километров 20–25 – от села до села, маршрут у матери был весь записан. Путь оказался не совсем легким.

На пути нам попала речка небольшая, через которую ездили на лошадях, но [у нее были] болотистые топкие берега, и мы на корове застряли, и корова у нас до половины утонула. Мать в деревне нашла каких-то двух дедов, которые распрягли корову и помогли вытащить корову и телегу. Как сейчас помню: едем, увидим хорошую лужайку, корова попасется, мать сварит на походном таганке варёху, подоит корову, накормит нас и – дальше. С продовольствием было очень туго, поэтому мать в дороге продала крепдешинное новое платье за ведро муки, из которой нам варила варёху.

К деду мы приехали на 29-й день. Сколько было радости, когда мы увидели лес, пруд, дружную деревню, других друзей, с которыми так быстро познакомились, у которых отцы и старшие братья тоже оставили свои семьи и ушли на защиту Родины.

Время проходило быстро, хотя оно и было трудным: не хватало хлеба и других основных продуктов, на все продукты выдавались карточки, которые были ограничены до предела. На всех колхозных работах работали женщины и подростки, они сеяли, пахали, убирали. Рабочий день был не нормирован – начинали работать рано и возвращались поздно, выходных почти не было. [...] Деда Степан (так мы его звали) старик был хороший, содержал всю нашу семью в совхозе Петровский, в который мы переехали... Старший брат Гриша весной и осенью уже помогал в работе совхоза в посевной и уборочной. В то время подростки с 14 лет уже работали...

Пруд, на котором наш дед проводил летнее время, находился в 6 км от совхоза Петровский. Дед заключал договор по сдаче рыбы совхозу, и все лето проходило на пруду. Он сам подкармливал рыбу, ставил сети, самодельные корчажки и, как правило, два раза в сутки вынимал рыбу и сдавал в совхоз. Его отоваривали мукой, яйцами и другими продуктами, которые помогали нам в пропитании. Был у деда самодельный обласок – это маленькая долбленая лодочка, на которой нам дед разрешал покататься с сестрой Валею в определенное время, чтобы не пугать рыбу.

Расскажу интересный эпизод, он принес нам большой страх в то военное время. Два раза в неделю мы ходили к деду специально за рыбой с котелком, [вместительностью] примерно 5–6 л. Дед положит нам рыбы – карасей, гольянов, мы вставляем в середину палку, беремся каждый за конец и таким путем несем этот котелок. И вот однажды мы шли на полпути через березник, увидели у дороги ягоду клубнику и немного приостановились. Вдруг увидели: через дорогу метрах примерно в 100 от нас волки переходят дорогу, увидели нас и остановились. Какой испуг мы перенесли в то время! Мы быстро приняли решение влезть на березу. Я посадил Валю до первых сучков березы, сказал ей, чтобы она лезла выше, и начал забираться сам. В то время волков было много, их никто не уничтожал. Примерно через полчаса мы услышали гул трактора, на котором ехала женщина. Услышав гул, волки ушли, мы закричали, женщина остановилась, мы слезли, всё ей рассказали, и она привезла нас домой.

Случаев почти не было, чтобы волки кого-то задрали, поэтому мы вскоре снова стали ходить [к деду], но уже более осторожно. Мне очень нравилась рыбалка, поэтому ничто не могло остановить мое желание. Когда подходила осень, становилось холоднее, дед готовил чучела, ставил [их] на березы, часами просиживал в шалаше, ожидая прилета косачей. [...] Зимой дед ходил на охоту: на зайцев ставил петли, на зверей, таких как волки, лисы и еще какие-то наподобие лис, ставил капканы, часто приходил с добычей. Мы провожали деда, натирали лыжи каким-то жиром, у него был специальный костюм безо всяких посторонних запахов.

В 1943 г. мама, Анна Степановна, работала продуктовозом – возила обрат с маслозавода телятам (молодняку) на быках, запряженных в ярмо. Жизнь казалась уже какой-то привычной, только как получит письмо любая женщина, я слышал, как перечитывали его несколько раз и все надеялись на что-то хорошее. Тяжело было тем, кто больше никогда не получают писем с фронта, а таких было много: они обычно и собирались как-то вместе, и разговор у них был свой. Какие бы ни были на душе горести, но приходили праздничные дни, женщины и наплачутся, и напоятся, – [кто] как смог, тот так свое горе и утешит.

Помню, как женщины собирались по несколько человек, возили в город продавать мясо за 120 км на санках. Ходили по неделе, потом покупали нам обновы, которым мы были так рады.

Радио, которое состояло из картонных тарелок, никогда не выключалось... Собирались все – взрослые и дети, старики и старухи, все слушали, как идут дела на фронте, а после делали выводы – каждый соображал и думал по-своему. [...]

И вот наступили первые майские дни 1945-го, все чаще произносились слова, что наша Армия на пороге победы – той самой, которой ждал весь мир. И он наступил, тот самый день, который записан золотыми буквами в историю, это был день 9 мая. Мне в то время шел 10-й год, и вот именно этот день, который прозвучал Днем Победы, на всю жизнь остался в моей памяти,

и никогда я не испытывал столько радости, сколько было в этот радостный, навсегда праздничный день. По радио стали слышать уже не военные, а веселые песни...

Начали возвращаться фронтовики с медалями, орденами, из которых еще не выветрился запах [войны], и с каждым днем их шло все больше и больше. Вначале демобилизовывали тех, кто был с ранениями, затем по возрасту. Ждали и мы своего отца, ждали ночью и днем. Где что-то скрипнет, нам казалось, что сейчас откроется дверь, и он появится на пороге – красивый, в военной форме, с большим количеством боевых наград.

И вот этот день настал – это было часов в 6 вечера 26 декабря 1945 г. Мать наша еще была на работе, дома находились мы с Валею и дед Степан: он как чистил мелкую картошку, так и выпал ножик из рук. Отец был не один – с другом, который уехал на второй день. Какими-то мы были при встрече растерянными, но отца сразу узнали. Он поцеловал нас, сел на стул, и хотя мы были уже большими (мне 10 лет, а Валя на два года младше), отец нас обоих посадил на колени. Как сейчас помню, [он] с минуту помолчал, как бы готовился к какому-то выступлению. И вдруг запел песню, которую пел со слезами, но это были слезы уже радости. Вот эта песня. Отец ее спел для нас, а я ее оставляю от покойного деда и прадеда внукам и правнучкам:

Песня Победы

*Ветер победную песню поет,
Море приветно рокочет.
Город родной из тумана встает
И сердце обнять его хочет.*

*В бурю и зной, ты повсюду со мной,
В битвах военных тревог.
Помни, родная, – навеки я твой,
Я не вернуться не мог.*

*Пусть потемневшие стены стоят,
Пусть почернел потолок,
Пусть ослепительно окна горят,
Но я не вернуться не мог.*

*Пусть покосился от времени дом,
На бок свалилась ограда,
Я возвратился – я дома теперь
И лучшего счастья не надо.*

Пришли с работы мама с Гришей, и слезы и радость – всё смешалось в одно целое, но быстро всё встало на свое место, и начался праздничный вечер по случаю возвращения отца с войны. Пока мать собирала на стол, отец подарил мне полевую сумку – сколько было радости, особенно при ее открытии. В сумке было три отделения: одно из них было заполнено тетрадами, карандашами и блокнотами, второе отделение было заполнено пиленным сахаром-рафинадом, в третьем отделении в байковой теплой фланели были завернуты яблоки. Когда я их развернул, то спросил отца: «Что это такое?» Отец от обиды, что я до сих пор не знаю, что это такое, вытер слезы и сказал: «Это яблоки, кушай». Их было штук 7–8, точно не помню. Вот когда я узнал, что такое яблоки, даже попробовал и разделил на всех (так научила нас война: [каждую] крошку на всех). [...]

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Родные голоса. Сибирь, XX век: мемуары из коллекции кафедры отечественной истории НГПУ. Новосибирск, 2008. Вып. 1.

² Машина-полупортка – обиходное наименование грузового автомобиля ГАЗ-АА с кузовом грузоподъемностью 1,5 т.

³ ФЗО – школа фабрично-заводского обучения, или ремесленное училище – низший тип профессионально-технической школы в 1940–1963 гг.

Научный руководитель, автор примечаний: д-р ист. наук, профессор В. А. Зверев.

«БОЛЬШЕ ВСПОМИНАЕТСЯ ТЯЖЕЛОГО».
Л. А. ПИВЧЕНКО О ВОЕННЫХ ГОДАХ В СИБИРИ

Сначала напишу немного от себя. Чтобы составить этот текст, мне пришлось приехать к моей бабуле и расспросить ее о молодости. Сейчас ей 82 года. Раньше я никогда не интересовался тем, как она жила во время войны. Даже не знаю, почему. Знал, что было тяжело, но, как оказалось, имел довольно смутное впечатление. Во время бабушкиного рассказа я слушал, записывал и довольно ярко представлял все описываемое. Уже на обратном пути обобщил услышанное и понял, что выжить в те годы и остаться человеком – уже было подвигом.

Сегодня моя бабушка на заслуженном отдыхе. Она является ветераном труда, тружеником тыла. Часто вспоминает пережитое. Внимательно следя за сегодняшней жизнью (прежде всего, по газетам и телевизору), она оценивает нынешний период критически. Хотя в годы молодости жизнь была суровой, но, по ее мнению, порядка было больше, отношение к настоящим труженикам и героям справедливее. И некоторые ценности советского времени, на которое пришлась большая часть бабушкиной жизни, надо любой ценой сохранить.

Илья Пивченко

Я, Лидия Алексеевна Пивченко, урожденная Моисеева, родилась 6 мая 1927 г. в городе Камень-на-Оби Алтайского края. В семье нас было трое детей: брат Виктор (младше меня), я и сестра Нина (старшая). Отец, Алексей Андреевич Моисеев, 1894 г. рождения, работал на Каменском элеваторе техноруком, специалистом по зерну, его приемке и хранению. Мать Агрипина Петровна не работала, занималась нами.

Я окончила неполную среднюю школу. После начала войны в Камень были переведены несколько среднеспециальных и высших учебных заведений из-за Урала. В их числе был Моздокский элеваторный техникум. Время было голодное, а студентам техникума полагался продуктовый паек. И я пошла учиться в данный техникум фактически из-за этого пайка. В то время на каждого иждивенца выдавалось по 200 граммов хлеба, а учащимся техникума полагался рабочий паек – 500 гр. Хотя было и некоторое влияние моего отца – он ведь был специалистом именно в этой области. А вообще я жалею, что не пошла учиться на педагога – в Камне тогда можно было получить и такое образование.

Отец работал, насколько я понимаю, очень хорошо. До войны в Москве был организован Первый Съезд стахановцев. И отец был одним из делегатов этого съезда. Он привез оттуда большой альбом с фотографиями, и каждый лист был переложен папиросной бумагой. Привез патефон и много пластинок – в основном, с классической музыкой, ариями из опер (помню, там была и ария Снегурочки из соответствующей оперы). Мы, конечно, ничего не понимали в этой музыке, и мать посмеивалась над отцом. А тот говорил: «Все покупали, ну, и я купил...». Привез и нам, детям, какие-то подарочки.

Начало войны я помню хорошо. В этот день, 22 июня, мы с подружкой отправились гулять в городской парк. День был ясный и солнечный. В парке было много народу. И когда мы возвратились домой, стало известно, что по радио сообщили о начале войны. Паники не было, но настроение у людей изменилось сразу: появились напряжение, боязнь за близких. Вскоре объявили мобилизацию, и мужчин стали призывать в армию, отправлять на фронт.

Отец, в силу важности своей работы, имел освобождение от призыва – бронь. Скоро его перевели работать по той же специальности в с. Тюменцево – это в 77 км от Камня. Он там работал на элеваторе и жил на квартире. Мать и мы остались в Камне.

Бедствовали мы сильно. Ели в основном картошку с собственного огорода, нередко приходилось питаться и картофельными очистками. Каждый плод был на счету, и никто не знал, на какое время еще хватит продуктов. Едоков ведь в семье было четверо, а кормилец один. У нас была корова, она нас сильно выручала. Мы с матерью на ней ездили в лес заготавливать дрова. А зимы были в те годы очень суровые, и надо было много топить печь.

Летом заготавливали сено для коровы. Я косить не умела, и меня учил один из косарей: «Держи косу крепче, направляй ее и злись на траву, злись!» А уж злости и так хватало.

Отправляли нас также по дворам собирать продукты для фронта. Почти ничего ни у кого получить не удавалось. А то, бывало, дадут в каком-то доме морковку или картофелину; мы за угол зайдём, да сами и съедим.

Учебы в техникуме в военные годы фактически никакой не было. С сентября до января участвовали в сельскохозяйственных работах: на волокушах вывозили сено с полей, помогали в уборке урожая. Помню, как однажды уже зимой отправили в поле убирать подсолнухи. Снега было – по пояс. И мы, пробираясь по нему, срезали торчащие головки подсолнухов. Ночевали в какой-то избушке, и вся еда была – жареные на печке семечки.

Косили сено для колхозных коров, спали здесь же, в поле, в стогах или в наспех сделанных шалашах. Однажды я проснулась в таком шалаше среди ночи. Лежу в луже воды: прошел дождь и промочил всех до нитки. В общем, хватили лиха – мерзли, мокли, голодали. О здоровье думать было некогда, а сейчас, в старости, всё это и сказывается.

Народ от голода просто зверел. Отец иногда привозил нам по десятку кило мучного отсева, из которого мать стряпала хлеб. Этот отсев она хранила под своей кроватью. Однажды ночью в наш дом стали ломиться какие-то люди, они кричали: «У вас, значит, мука есть, вы жить хотите?! А нам что, с голоду подышать?» Кое-как они ушли. Может быть, наши соседи их спугнули, не помню уже.

У соседей, кстати, корова, чтобы ее не украли, зимовала прямо в сенях. И однажды среди ночи они проснулись от ударов: это злоумышленники просто проламывали стенку сеней, чтобы увести корову. Подняли шум, стали звать на помощь, и корова была спасена.

Отец, как я уже говорила, был «забронирован», однако до поры до времени. Тогда действовало следующее предписание по приему зерна: засоренность могла быть не более 5 %, а влажность не более 16 %. Конечно, всё это соблюдать было почти невозможно: не было ни достаточного времени, ни механизации труда. Поэтому везли зерно 30 % влажности, да и засоренность толком никто не измерял. А отец, кстати, был профессионалом: он мог эти показатели определять точно без всяких приборов, на ощупь. И почти не ошибался.

Несколько раз отец отказывался принимать зерно из-за заметного превышения показателей: зерносушилки нет, и в этих условиях зерно обязательно сгниет. Однако начальство настаивало, обвиняя отца в саботаже зернозаготовок и угрожая тюрьмой. А он понимал: что так, что по-другому, – тюрьмы вряд ли можно избежать. И отказался принимать очередную партию зерна. После этого с него по-быстрому сняли бронь, и году в 1943–44-м, точно не помню, отправили на фронт, хотя возраста он был непризывного. Проводили мы отца на фронт и остались.

В Камне базировались, помимо уже названного техникума, Воронежский сельхозинститут и Барнаульский пединститут. И вот летом всех студентов отправили на строительство шоссейной дороги Барнаул – Чесноковка. Обещали, что мы пробудем там несколько дней, а растянулось это на полтора месяца. А по Камню пронесся слух, что нас отправили на фронт.

Работали очень тяжело, кормили нас как попало. Недоедали страшно. Стояла сильная жара, и за это время умерло от напряжения и солнечного удара три человека. Зато прислали нас веселить цыганский театр «Ромэн» из Москвы. Утром нас поднимали под музыку, и в перерывах цыгане играли.

Помню хорошо такой эпизод. Начальник строительства по фамилии Капуста проверял качество работы. Подошел к группе рабочих и стал давать указания: «Надо чаще тромбовать, тромбовать!» (именно так и говорил – «тромбовать»). А на строительстве были не только студенты, но и взрослые рабочие, которые за словом в карман не лезли. И одна женщина закричала ему в ответ: «Мы сейчас тебя за ноги возьмем и твоей лысиной будем “тромбовать”! Ты нас накорми сначала, а потом требуй! Кормят какой-то бурдой, в которой картошка за картошкой с дубинкой гоняется!»

Пробыли мы на строительстве полтора или два месяца (точно не помню), и отправили нас на пароходе обратно в Камень. Подходим к пристани, и заиграл оркестр «Прощание славянки». И со всего города стали на пристань сбегаться люди, которые не чаяли уже увидеть своих родных. Столько было слез, просто не высказать!

Отец на фронте служил в действующей армии, в аэродромной службе в подразделении знаменитого нашего Покрышкина. Ему довелось общаться с Покрышкиным в основном в пределах летного поля. Поскольку отец был уже «в возрасте», Покрышкин его спрашивал: «Ну что, дед, как дела, как служба?» Я хорошо запомнила, как отец вспоминал об этих разговорах.

Отец в составе этого воинского подразделения освобождал Европу, дошел до Германии. Вернулся он домой в 45-м или 46-м году. Идет, помню, по улице, пилотка надета почему-то поперек, а не как положено. Радости было! Он привез с фронта кое-какие трофеи: часы настен-

ные немецкие (они до сих пор целы), ложку какую-то большую (она тоже у меня хранится). Как демобилизованным, им дали по отрезу шелка, метров 5, наверное. Мать нам сшила с сестрой по платью из этого шелка: носить к тому времени было совершенно нечего.

После окончания техникума я по распределению попала в Казахстан, работала на станции Шубар-Кудук. Приходилось очень тяжело: ездили по отдаленным точкам, проверяли качество зерна. Бывало так холодно, что ноги буквально примерзали к сапогам. Вскоре я вернулась к родителям в Камень-на-Оби, работала какое-то время вместе с отцом, также очень много ездила по «глубинкам» (так официально назывались отдаленные пункты приема и хранения зерна). В связи с тем, что отец очень много перемещался по району, коллеги дали ему прозвище Неуловимые Отходы.

В начале 1950-х гг. отца перевели в Тюменцево уже начальником местного элеватора, и мы переехали туда на постоянное место жительства. С этим селом и связана большая часть моей жизни.

Конечно, пережитое в военные годы врезалось в мою память, просто «въелось» в нее навсегда. Больше, конечно, вспоминается тяжелого. Но молодость все равно брала свое: было и смешное, и хорошее – всякое было. Много пережито, но мне за прожитые годы не стыдно.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор В. А. Зверев.

УДК 94(47) + 39

Т. Е. Рехтина

Новосибирский государственный педагогический университет

ИЗ ГИТЛЕРОВСКОГО ЛАГЕРЯ В СТАЛИНСКИЙ: СУДЬБА МОЕГО ПРАДЕДА НА ФОНЕ ЭПОХИ

Нам сейчас легко рассуждать: многие наши проблемы решаются очень просто. Нам не нужно топить печь, чтобы приготовить еду, не нужно с весны до осени заниматься сельским хозяйством, чтобы было из чего готовить, мы не умираем от кори или гриппа, потому что достаточно принять таблетки и пилюли, и ты снова здоров. Мы можем спокойно учиться, выбирать свой путь, и уже не действует старая поговорка про то, что где родился, там и пригодился. Конечно, и в современной жизни много ограничений: мы так зависимы от окружающих нас вещей, от материальных средств.

В каждой эпохе есть и минусы, и плюсы. Кроме времени, когда идет война – тут плюсов нет. Война меняет абсолютно все в жизни человека – от быта до мировоззрения. Война ломает, скручивает и испытывает на прочность.

В данной работе я буду рассказывать о своем прадеде, которого никогда не видела. Прадеда звали Петр Иванович Загородников. О нем мне рассказывала в детстве любимая бабушка Рехтина Раиса Петровна.

Родился он в 1902 г. в д. Сычевка Смоленского р-на Алтайского края. Рос в многодетной семье (у его матери было пятеро детей), был младшим ребенком и единственным мальчиком. Отец его умер уже через год после его рождения, поэтому Татьяне Васильевне – маме моего прадеда – приходилось очень непросто. Хорошо, что старшие сестры моего деда были взрослыми и помогали матери справиться с хозяйством и младенцем.

Татьяна Васильевна умерла, когда моему деду исполнилось 10 лет, тогда все хозяйство и заботу о младших взяла на себя его старшая сестра Марина. Трудно сказать, насколько тяжело или легко они жили – сведений об этом мы не имеем. Как говорит моя бабушка, когда Петр Иванович рассказывал о своем детстве, был не очень эмоционален и никогда не жаловался. Известно, что две старшие сестры прадеда вышли замуж и взяли на воспитание своих младших брата и сестру. Прадед остался с Мариной – своей старшей сестрой.

Через некоторое время мой прадед женился, супругу звали Наталья. Как выяснилось позже, она страдала нервными расстройствами: тяжелой формой шизофрении, постоянной манией преследования. Ей казалось, что ее все хотят убить, даже родные и соседи. Как говорит моя ба-

бушка Раиса Петровна, у деда остался давний шрам на ноге: ночью Наталья чего-то испугалась, схватила острый предмет (он лежал под подушкой, без него она не могла заснуть), закричала на спящего мужа и поранила его. Кроме подобных случаев, она была очень талантливой художницей: картины и наброски ее до нашего времени хранит моя бабушка. У прадеда и Натальи родилось двое детей – Михаил и Анна. Дети были еще подростками, когда их мать покончила с жизнью. Что было потом, история умалчивает.

Хочу рассказать про ее младшего сына. Дядя Миша – это отдельная история. Более умного и талантливого человека найти трудно, невозможно было от него устать, невозможно было оторваться от разговора с ним. Он был геологом и профессиональным шахматистом, все свое свободное время проводил за шахматным столом. Играл, как правило, сам с собой: сначала с одной стороны подходит – делает ход, потом идет вокруг стала и думает (выражение лица суровое, глаза отсутствующие), садится на место своего оппонента, делает ход... И так все выходные. Смеялся он очень заразительно, никогда не забуду. (Конечно, данные факты исторической ценности не имеют, но удержаться и не вспомнить о них просто невозможно.)

Единственное, что настораживало всю нашу семью – это то, что дяде передалась болезнь его матери – шизофрения. До 30 лет болезнь себя не проявляла; толчком стала геологическая экспедиция в конце осени, где за ним гнался старый, больной и очень голодный медведь. Дядя Миша залез на дерево. Медведь, в силу своей старости и слабости, на дерево залезть не смог, но караулил около суток его с земли. Другие два члена экспедиции искали Михаила Петровича, через некоторое время нашли. Застрелили медведя, с трудом сняли с дерева моего двоюродного деда. Но с убийством медведя преследования не закончились, медведь всю оставшуюся жизнь находился где-то рядом, за углом, в ночных кошмарах. Постоянная мания преследования, унижительные лечебные палаты, жизнь рядом с обезумевшими людьми... Он умер в 2008 г. (не буду говорить, как). Для меня он всегда останется самым лучшим собеседником, другом и замечательным человеком.

Итак, вернемся к прадеду Петру Ивановичу. После смерти своей жены он женился вторично, жену звали Ксения. Она взяла на воспитание обоих детей мужа от первого брака (Михаила и Анну), через некоторое время родилась моя бабушка Раиса Петровна. Казалось бы, все хорошо, но в 1941 г., как всем известно, изменилась не только жизнь моего прадеда, но и всех без исключения. Война коснулась каждого.

Как говорит моя бабушка, ее отец без энтузиазма воспринял призыв воевать за советскую власть – она ему опостылела. Потеряв всё ради «советского благополучия», нужно еще и жизнь отдать на благо того, во что не веришь... Но война не спрашивает никого, на войну он все же поехал. Жена Ксения пообещала: если он вернется, она родит ему сына.

Прадеда направили сначала на обучение в Подольск. По окончании курсов снайперов отправили работать на благо партизанского движения: доставлять грузы партизанам, налаживать коммуникации. Позже все же он попал на фронт. Несколько раз был ранен, потом снова воевал на фронте, выжил, но попал в плен.

Его пытали, надеясь получить ценную информацию. Моя бабушка утверждает, что ее отец, даже когда говорил про пытки, всегда находился в стабильном эмоциональном состоянии. Рассказывал, как его били горячими цепями, выдирали ногти...

Он пытался бежать из лагеря три раза. Первый раз немцы так отомстили за попытку бегства: избили, искололи все тело, облили спиртом и на неделю посадили в камеру с холодной водой по колено. Вторая попытка бегства сразу окончилась неудачей. Ноги Петра Ивановича снова были изранены острым предметом вроде шила и политы уксусом, – немцы смеялись. Дед никому не говорил, как его пытали после третьей попытки побега. Однако, по словам моей бабушки Раисы Петровны, рассказывал, что одежду было трудно снять. Это можно было сделать только с кожей и спекшейся кровью, под которой – гниющие раны и гнойные нарывы. В последнее время пребывания в лагере у него не оставалось надежды, он просто хотел умереть. Хотел, чтобы боль закончилась, и вместе с ней закончилась для него эта война. Уже было все равно, что станет со страной, с семьей... Всё равно, кто победит, и что будет дальше.

Именно когда исчезла надежда, дверь в камеру открыл человек в советской форме. Казалось бы, всё, – на этом уже завершится невеселая эпопея нашей семьи, но из фашистского концентрационного лагеря прадеда отправили в лагерь советский. Еще около десяти лет, выброшенных из жизни... Те люди, которые забрали его из гитлеровского лагеря, объяснили, что теперь он «враг народа», ибо настоящий солдат в плен не сдается: для него лучше умереть, чем попасть в плен к этим «собакам».

Никогда особо не быв патриотом, он действительно стал врагом, только не народа, а советской власти. Только со смертью главы этой власти, под амнистию, его выпустили, еще почти через год он вернулся домой. Бабушка Ксения выполнила свое обещание и родила ему сына Александра. Через три года после рождения сына мой прадед Петр Иванович умер во сне по неизвестной причине.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор В. А. Зверев.

УДК 94(47) + 39

Ю. А. Сырохватова

Новосибирский государственный педагогический университет

«КАК СЕЙЧАС ПОМНЮ...». С. П. СЫРОХВАТОВА О ДЕТСТВЕ В РОДНОМ НОВОСИБИРСКЕ

Я давно интересуюсь историей своей семьи. Столько интересного можно узнать от дедушек и бабушек! Ведь у них было другое детство, другая юность и молодость. Но, к несчастью, круг лиц, способных мне рассказать о прошлом, очень мал. Одним из главных информаторов для меня является бабушка по отцу, Светлана Петровна, много сил вложившая в мое воспитание и обучение.

Бабушка прожила нелегкую, но интересную жизнь. Родилась она в 1939 г. в Новосибирске и здравствует поныне. Семья ее родителей была бедная, но интеллигентная. Бабушка окончила школу, Институт связи. Вышла замуж, родила сына Александра – моего отца. Но брак оказался несчастливым и распался.

Публикуемые здесь материалы были получены в результате бесед с бабушкой и последующей их записи несколько лет назад. Перечитывая эти воспоминания, я узнала много нового о жизни и быте моих предков. Жаль, что дом, о котором рассказывала бабушка, был снесен, а семья бабушки получила квартиру в Ленинском р-не, где мы живем до сих пор. В историческом центре города жить гораздо интереснее! А еще жаль, что я не застала живыми прадедушек и прабабушек...

Юлия Сырохватова

Место, где прошли мое детство и юность

Я, Сырохватова Светлана Петровна (в девичестве Терентьева) родилась в Новосибирске в роддоме № 1, что находится по адресу: ул. Урицкого, 1. А жила я на этой же улице в доме 5б. Дом был двухэтажный, коридорной системы. Мы вчетвером жили в однокомнатной квартире, которая изначально предназначалась для общей кухни. Окно выходило на северную сторону – на ул. Журинскую (дом наш был угловой).

Бабушкину кровать отделяла фанерная заборка. В другом углу тоже за заборкой была маленькая-премаленькая кухонька, в ней были печка и маленький столик.

По одну сторону стояла кровать родителей, а на противоположной – диван, на котором спала я. У окна стоял письменный стол. Слева от окна – комод. В углу за диваном стояла этажерка. У перегородки, которая отделяла кухню, стоял буфет. Шифоньера не было. Кроме большой вешалки, которая была совсем близко от бабушкиной кровати, по другую сторону перегородки была маленькая вешалка для костюмов.

На стене висел портрет Сталина. Над диваном – картина, пейзаж. За печкой стояло ведро под помой и умывальник. Спать меня укладывали и зимой и летом в 9 часов. А утром, когда все дети спали, я выносила из ведра и шла по воду на водокачку на ул. Енисейской. Ведра носила на коромысле. Не без труда я поднималась с ними на второй этаж, так как ростом была невеличка. Уголь и дрова приносила из сарая.

По коридору располагались еще три квартиры: две двухкомнатные и одна однокомнатная. Наша была под номером 9, а другие – 10, 11 и 12. В нашем дворе располагался флигель, в котором проживало еще три семьи. Напротив нашего крыльца жил начальник почтамта. Дома наши стояли напротив сегодняшнего ЦУМа.

Словно лучики, разбегались улицы от нашего дома. Выходишь из ворот – твой взор падает на Комсомольский проспект, где располагался пединститут. А на углу ул. Бурлинской и Комсомольского проспекта находился детский дом № 2, в котором мне посчастливилось поработать. Его хоздвор выходил на Енисейскую. Дальше параллельно шли улицы Омская и Томская.

Слева от Журиной шла ул. Фрунзе, а справа – ул. Романова. Дальше параллельно им шли Потанинская, Трудовая и ул. Ленина. В мои школьные годы мостили ул. Советскую. Асфальта не было, а были деревянные тротуары.

Напротив нас жили татары и лезгины. Неподалеку стояла татарская мечеть, а перед ней располагалось овощехранилище, где мы часто играли.

Дети нашего двора, или Все мои друзья и соседи

В нашем коридоре жила девочка по имени Неля, в квартире 11, а в 12-й – моя тезка Света. Она была приемной дочкой, и хотя я это знала, так никому и не сказала, а другие это сделали.

Света Быкова была опрятной, аккуратной и прилежной ученицей. С мелком в руке на печке, обшитой железным черным листом, она учила английские слова. В классе они соревновались между девочками по учебе. У Светы велась тетрадь с оценками своих одноклассниц, некоторых я помню до сих пор – Стела Фастович, Люда Лебедева. У Светы был отличный почерк. И вообще она была девочкой без вредных привычек. Я не помню, чтобы мы из-за чего-нибудь ссорились.

Неля жила с тетей Марусей, женщиной крупных габаритов и очень, как мне казалось, суровой. Однажды в ее отсутствие я зашла поиграть с Нелей. И вдруг возвращается эта тетя. Так я со страху забралась под кровать. А со Светой тоже был смешной случай. Я пригласила ее к себе и угостила вареньем из смородины. В банке заметно поубавилось, а чтобы это не обнаружилось, я в банку с вареньем налила сырой воды.

Любила бывать в гостях у Нины Плюсниной, которая жила напротив, во флигеле. Там было две проходных комнаты (одна побольше, другая поменьше) и большая кухня, а также сенки и кладовая. Здесь всегда было тепло, светло и уютно.

Ее мама, тетя Лена, была рентгенологом, а папа – инженером. Но он за что-то отбывал срок. Жили здесь две бабушки (одна из них – прабабушка), был и дедушка-охотник. У него были чучела птиц. Сам он был красавец. Нина училась и в музыкальной школе. Когда я приходила, то просила сыграть полонез Огинского. Это была очень славная девочка!

Соседи менялись. В квартире № 11 поселился директор М-в Михаил Терентьевич. Его жена вторая – Елена Абрамовна. Он литератор, а она – историк. У каждого было по сыну – Валерий и Шурик. Я восхищалась этим Шуриком. Он водился с младшими погодками Мишей и Игорем, учился хорошо, занимался уборкой. Все они (дети) большими умниками стали. Валера, которого воспитывала бабушка, теперь профессор. Лидия Ефимовна, мать Михаила Терентьевича, дожила почти до 90 лет. Она успела поводить и с правнуком. Очень эмоциональная женщина. Частой гостьей была она у нас. И каждый раз восклицала на моего сына: «Это чудо! Что за ребенок!», – за то, что он уже в 9 лет умел и блины печь, и кашу варить. Шурик окончил Томский университет. Один из погодков (кто – не помню) школу закончил на золотую медаль. Примерно с 7 класса я мечтала о сыне по имени Шурик.

А когда подросли Сережа Ж-в, Тамара Багина и Наташа Хаханова, я их водила в кино, гуляла с ними.

Тетя Алла, которая жила на первом этаже, была моей портнихой – шила платья из штапеля, шотландки и шерсти.

Частым гостем в нашем доме был внук семьи Начаровых Юра, который при сносе нашего дома выдал нам ордера в дом на ул. Блюхера. Он вызывал у меня жалость. Рано он лишился родителей, которые были учителями. А с ним приключилась трагедия. Будто бы он упал с качели, повредил позвоночник. При операции повредили нерв, и руки его стянуло на груди. Штаны носил на резинке, а на плечах была накидка. Ел он языком. Но был умненьким. На удивление, он сумел получить диплом юриста, получил квартиру. Учась в институте, был корреспондентом газеты «Молодость Сибири». Но в 27 лет он умер в своей квартире.

Борис Иванович Ж-в из квартиры 11 (это последние наши соседи из этой квартиры) был человеком замечательным: красивым, без вредных привычек, скромный. Они часто с моим отцом играли в шахматы. Еще дядя Костя, который жил со своей семьей под нами, тоже был заядлым шахматистом и часто играл с моим папой.

Забыла упомянуть еще об одной девочке-соседке – Мирре Драницкой, которая жила в соседнем коридоре. Она жила со своими папой, мамой и младшей сестренкой Раечкой. Они были евреи, но очень славные люди. У Мирры я любила рассматривать книгу «Круглый год». Она примерно была по объему, как энциклопедия «Кто это? Что это?». Там же я «познакомилась» с Самуилом Яковлевичем Маршаком – «Мистер-Твистер», «Сказка о глупом мышонке», «Кошкин дом». Позднее Драницкие уехали жить в Москву.

Военные годы выпали на мое детство

Без малого мне было два года, когда началась Великая Отечественная война.

Помню, для маскировки стекла обклеивались бумажными лентами. По радио (в виде большой тарелки), что висело по правую сторону от окна, слушали сводку информбюро. Юрий Левитан передавал ее каждый день. Однажды помню голос Иосифа Виссарионовича Сталина, авторитет которого был так велик, как ни у кого другого из последующих политиков. Помню, при словах по радио «Воздушная тревога» я пряталась за калитку.

Приходилось носить марлевые сарафанчики. В детский сад зимой ходила в комбинезоне, сшитом бабушкой большими стежками. Вши, клопы нас одолевали. Белье приходилось сдавать в дезокамеру на обработку.

На площадке Комсомольского проспекта перед нашими воротами проходили строевые подготовки.

В детском саду помню групповые комнаты, где мы играли и ели. Как сейчас помню, на стене висела картина «Мальчик на коне в буденовке». Воспитатели делали нам посуду для кукол из папье-маше. Я считала, что в куклах течет кровь. Музыкальные занятия проходили в зале, где стояло пианино. Из диафильмов запомнила сказку «Три поросенка». Очень понравился мальчик Сеня. Будто бы они были эвакуированы с Украины. Так он врезался в память, что до сих пор стоит в моих глазах.

Рахит был у меня. Помню, поили меня рыбьим жиром, к которому надо было долго привыкать. Но потребовалось маме везти меня в совхоз, где она, видимо, работала раньше, – там овощей всяких было вдоволь. Помню, как я причитала: «Хлебушко-батюшка, как тебя много». Еще помню, как меня повалил теленок и как на тачке катал брат.

Летом мы, дети, играли «в домику», ставили спектакли, собирали красивые стеклышки, играли в вышибалы, прятки, догоняшки, в испорченный телефон. После дождя носились по лужам. Ловили стрекоз, которых было видимо-невидимо. Отгадывали загаданное кино по одной букве из каждого слова. Играли в песочке, кувыркались на зеленой траве, прыгали на скакалках. С бабушкой, когда оставались одни, играли в дурака, хотя отец этого не позволял. Еще играли в домино, в лото, а с папой – в шахматы.

В школьные годы в летнюю пору ходила на оздоровительную площадку на конце ул. Фрунзе. Помню, инсценировали мы песню на слова А. С. Пушкина «По дороге зимней скучной тройка борзая летит». А через дорогу располагался госпиталь на территории школы.

В зимнее время с троюродным братомлевой катались на санках во дворах, а еще на коньках-дутьшах, что крепились на валенки. Я была страшной трусихой и только завидовала Нине Плюсниковой, которая наравне с мальчишками прыгала в сугробы с сараев, которые окаймляли наш двор. Однажды и я попыталась залезть на крышу, но спрыгнуть... Страх одолевал, и тогда мальчишки меня подтолкнули, но больше я не забиралась.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор В. А. Зверев.

**«НЕМЦЕВ ВЫСЫЛАТЬ – НЕУЖЕЛИ ПРАВДА?»
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ М. С. МИРУК**

Речь пойдет о жительнице Усть-Таркского р-на Новосибирской обл. Марии Соломоновне Мирук (ее девичья фамилия Лис). Она родилась 16 января 1927 г. в с. Филипповка Маркшадтского (ныне Марковского) р-на Саратовской обл. Семья ее родителей с началом Великой Отечественной войны была депортирована с территории Поволжья по указу от 28 августа 1941 г. Такая же участь постигла всех немцев Поволжья.

К 1947 г. семья переехала в Усть-Тарку. Сейчас эта бабушка уже на пенсии, но, несмотря на свой возраст, помнит многое до мельчайших подробностей. Мария Соломоновна является крестной моей мамы, и поэтому мое предложение поделиться детскими воспоминаниями о военных годах она приняла с удовольствием. Такое предложение я сделала потому, что собирала материал для выпускной квалификационной работы об истории и культуре российских немцев в Усть-Таркском р-не. В частности, мною проводился опрос среди немцев нашего района. Мне удалось некоторые беседы записать на видеокамеру, включая и интервью с Марией Соломоновной. Видеозапись позволяет наиболее точно учитывать тонкости излагаемой респондентом информации. К тому же такая запись более качественна, чем на диктофоне, где многое можно не расслышать.

Наша беседа продолжалась в течение 33 минут, за это время Мария Соломоновна рассказала о том, как их деревню застала война, как они жили до нее, об адаптации на новом месте в Сибири, о послевоенной жизни. В тексте, который здесь публикуется, представлены яркие фрагменты беседы.

При просмотре видеозаписи становится очевидным, что за все годы проживания в Сибири бабушка так и не избавилась от акцента. Этот момент нужно учесть при чтении текста.

Сегодня М. С. Мирук живет одна, но не чувствует себя одинокой. Она регулярно посещает собрания сверстников для чтения Библии и пения молитв, ее навещают дети, близкие родственники и подруги. Каждый раз, когда к ней приходят, она очень радуется тому, что о ней не забывают.

Елена Барышникова

Война когда начала, мне было 15 лет, я кончила шесть классов на немецки. Жили мы недалеко, шесть километров от Маркс [г. Маркс], Саратов был 60 километров от нас.

Только надо в сентябре идтить в школу, а тут, значит, 22 июня начала война. Я как сейчас помню, в воскресенье принесли газета из района, что немцев Поволжья всех выселать. Родители погоревали... Боялись: неужели правда? Все руководители молчат. Сказали: «Давайте быстрее собирайтесь...».

Вечером, когда война началась, мы все [жители Филипповки] пошли в ограду – в контору. И нам объявили, что война... Все плакали...

28 августа пришли люди из города и сказали немцев выселать. Неужели правда? Правда! [В этом все убедились, когда раздали газеты]. Тут все бросили работать, давай готовить... [Мария Соломоновна говорит о заготовке еды, которую люди собирались взять с собой].

Примерно 11-го или 13-го сентября приехали к нам, заранее сказали: «Завтра ваша деревня...» [всем жителям села необходимо было заранее собираться к отъезду у берега Волги]. И везли нас шесть километров, и около Волги разгрузили в тиски. Без палатки, безо всего, и трое суток мы там лежали. И когда подогнали баржи (три-две баржи друг за друга сцеплены), и нас давай грузить. Целый день грузили – до вечера. Трое деревень сгрузили.

Приехали мы в Саратов, и нас в Энгельс погрузили в телячьи вагоны... Мы все держались, как родственники... А везли нас от Саратов до Уральска. С Уральска нас везли не прямой дорогой, нас везли – нижней – до Чимкент. А в Чимкент нам первый раз есть давали – рисовую кашу с зуруком [возможно, с урюком – сушеными абрикосами]. И вот приехали от Чимкент до Новосибирск, а по дороге оцепливали до станций. Нас уже до Татарска... а в Татарске грязи было навалом...

На лошади привезли. На лошади шорки [шляя, часть кожаной сбруи], а у нас этого не было. Крыши крыты пластами [дерна] – вот вам оладушки! И когда мы приехали сюда, и нас отправили в Тихоновку. Черноклеев, я как сейчас еще помню, председатель... Привезли нас вечером, разгрузили нас. Нас разместили в детском садике... Мы зашли, а там пахло от детей... А я сижу – плачу. Отец говорит: «Хоть бы две комнаты!». Какой тут, у нас дома – четыре. Мы думали [что нам] всё дадут – ничего нам не дали.

Первое время мы получали по восемь килограмм зерна, но это было первые годы, а после – ничего не давали. Как хочешь...! А картошку еще воровали у всех, потому что она не возле дома. Люди выходили от голода. Вырвут крупные кусты – наберут, а мелкие оставят.

А в 48-м позвали нас в клуб, здесь, в Усть-Тарку [и сообщили]: «Вы поняли – вы навек сослатье, вы не имеете права в соседнее село идтить – вы стоите под комендатурой. Чтобы вы знали: если вы пойдете в соседнее деревня, хоть в Щербаки, хоть в Богословку – вам 20 лет тюрьмы...». Если тебе уже 14 лет – ты иди отмечайся [в милиции каждый месяц третьего числа, а в праздники – по три раза в день].

А в 51-м я была беременна Валерой [младший ребенок Марии Соломоновны], и у меня заболело воспаление среднего уха, и мне надо было в милиции разрешение взять ехать в Новосибирск. Я приехала в Новосибирск с одной женщиной, здесь, из Усть-Тарки, и в типографии на бумаге [мы] спали. И мне надо было обязательно идтить в милиции отмечаться, что я прибыла в Новосибирск. Я поехала туда, в завод Чкалова, весь день простояла в очереди, и меня послали на второй этаж. Я зашла, а он [начальник] сидит в кресле. Как швырнул мне бумаги и говорит: «Это не ко мне – на Октябрьский». А я рядом, через два дома там спала... А на второе утро пошла в это [на Октябрьский], и он [другой начальник] на меня так накричал: «Почему ты не пришла сразу? Прошло сколько дней, ты только явилась!» [Так М. С. Мирук и не положили в больницу].

– Расскажите о жизни до войны. Как был устроен быт на родине, в Поволжье?

Мы жили же хорошо, конечно. Голод был в 33-м, а после, когда уже [наступил год] 37-й – был урожай ужасный. Всё уже было. Колхоз машины купил. Папа наш был первым шофером в деревне. У нас уже диван мягкий был, у нас уже и пианина своя была – всё было. Уже и шкаф был – это у нас было на родине, конечно.

– И всё вы это потеряли?

Всё-всё, сумки не было, только мешочки... Ну что ты можешь взять, [если] три семьи на один фургон! Там было ужасно, около Волги, – маленькие грудные дети, по дороге рожали, умирали...

– Вас на Волге размещали в вагоны по семьям?

По семьям... Ну, сказали – сколько в вагоны человек зашли, столько и зашли. Нас было много... Наверное, семей восемь или девять... У всех же детей помногу было. Куда нас везут – мы ничего не знали, только нам дали какие-то бумаги, записали, что дом, оценили мало-мало [имущество].

[Далее Мария Соломоновна с грустью сказала, что их семье после войны дали 8347 р. за имущество, оставленное на родине. Этих денег хватило только на покупку дивана и кресла. За 13 голов скота им дали 600 р., когда один килограмм масла стоил 500 р.]

– Была ли у вас церковь в Филипповке?

У нас в деревне церковь была хорошая, три захода было в церкви, двери со всех сторон. У нас пять улиц было в деревне... Ну, казенных домов не было – все свои. И скотину мы, две коровы держали. Даже 13 скотины мы сдавали, даже поросят они не писали, только большие свиньи, и всё вот. А зерно – мы даже и мука всякая оставили, пшено два центнера было, фляги с маслом постным было – всё было, вот! Всё остался! И даже ничего мы не могли взять. Собрали вот шмутки свои, и маленько детей одели, и всё!

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор В. А. Зверев.

**«ХОРОШО БЫЛО, ВЕСЕЛО!»
ВОСПОМИНАНИЯ Г. П. ПОЧТАРЬ О СЧАСТЛИВОЙ МОЛОДОСТИ**

Галина Петровна родилась в 1940 г. в Татарске Новосибирской обл., у нее было два брата и одна сестра. Она была очень красивой девушкой, веселой хохотушкой. С мужем, Почтарём Фёдором Егоровичем, она живет до сих пор, 20 марта 2009 г. они сыграли золотую свадьбу!

Поделиться воспоминаниями и сняться на камеру Галина Петровна охотно согласилась. Будучи по природе открытым и веселым человеком, со смехом рассказывала о своей прошлой жизни, точно помня некоторые детали, но иногда путаясь в повествовании. Рассказчик она интереснейший. Широко жестикулировала, перескакивала с одной темы на другую, но затем связывала все в единую цепочку.

Сейчас Галина Петровна на пенсии. Она до сих пор остается веселой в общении, заботливой мамой и бабушкой. Фёдору Егоровичу с ней не соскучиться! Именно начало их совместной жизни Галина Петровна и решила вспомнить. Память о событиях молодости является дорогой для нее.

Я думаю, что эти воспоминания можно использовать при изучении истории повседневности, так как в них содержится детальное описание жизни молодежи 1950-х гг.: чем занимались молодые люди, как развлекались... Также эти воспоминания можно положить в основу художественного романа, если их детально обогатить.

Алина Сычёва

Детство у меня было... знаешь, вообще ничего не помню. Играли мы «в войну»: одна сторона ребятшек и другая сторона прячутся, как казаки-разбойники. Запрячусь так, а приду домой – вся мокрая, вся в снегу. Мне кажется, раньше снега больше было. Лазали по огороду по пояс в снегу, а сейчас как-то не так. Да и вообще, раньше как-то интереснее было. Как пацан была! Играли «в жёстку». Это такой как бы свинец, пинали его, как мяч. Набивали. Ходули были, высокие-высокие! Как вспомню, хулиган была! Качели были деревянные, крутились на них!

В Татарске у нас был большой котлован. Туда гулять ходили летом. А у меня мама строгая. Гоняла меня за чистоту. Попробуй плинтуса не помой, заставит перемывать. Ну, и всё сделаю, воды натаскаю, всё полью, а как на улицу, так: «Не ходи!». Сбегала, короче!

В шестнадцать лет уехала в училище в Новосибирск – в строительное. Он [муж, Ф. Е. Почтарь] каменщик, а я штукатур. В квартире у себя сами всё делали, и плитки клали. Пригодилось, короче.

Федя вперед меня закончил училище и уехал в Мильтюши¹ свои. А потом (его мать рассказывала) сидит он, о чем-то задумался. Жениться собрался. А мать ему говорит: «Тебе же еще в армию», – стала ругать. А он сам не свой сидит. Мать посмотрела на него, посмотрела и сказала: «Ну, езжай за своей Галочкой». Это она мне потом рассказывала.

И приехал он, а я на квартире жила у дяди Васи и тети Маши, а они любили (бьет указательным пальцем по горлу. – А. С.) это дело. Две кровати стояло. Мы там с Тamarой Журковой спали в одной комнате. Я им там концерты такие устраивала! То пела, то еще что-нибудь!

А с дедом (своим мужем) мы познакомились на танцах. Устраивало наше училище 13-е. Ходили танцевать. А он высоко-о-кий такой был, какой-то неуклюжий! А я танцую, и мне он что-то не очень нравится, честно говоря. А потом стал провожать, и я стала привыкать к нему.

Потом с этой квартиры я ушла на другую, на [ул.] Горской. А Федя уже на стройке работал. И вот придет, а ночь-полночь, а он ко мне. Темно уже. На крылечке сядем и сидим с ним. А там кладбище недалеко было. Через кладбище идет, даже раза три ночевал там, на кладбище!

Ходил-ходил, а потом Федя уехал к брату двоюродному, Серёжкой его звали. А там Федя попал в какую-то передрагу. Судили их. А мой знал там что-то, а в компании не был. Короче, брата посадили, вызвали мать. Приехала свекровь, ей сказали, чтобы он уехал. Он ведь всё знал, но ничего милиции не сказал. Дали ему условно или просто предупредили. Не помню! И уехал он в деревню. А я осталась.

Потом лежу я. Темно-темно было. Наверное, в 12-м часу. Лежу, вижу сон. Голубое море, и я в нем купаюсь. До того запомнила! Хорошо мне! Потом подходит ко мне дядя Вася и будит. Я: «Что такое?». А я настолько уже заснула... Он говорит, что меня там кто-то спрашивает. Федя приехал!

Темно, а он в майке, в костюмчике. Я когда вышла, ничего не пойму. Говорю: «Батюшки, откуда ты?». А он: «Я приехал за тобой». А куда? Я же еще не закончила учиться! Это было... в марте. А он: «Я договарюсь».

Правда, сходил он в училище, с завучем поговорил. А она: «Ну, ладно. Потом приедет, сдаст экзамены, и мы ей аттестат выдадим». Вот и всё.

В Новосибирске, в Кировском районе, мы зарегистрировались и поехали к нему в деревню [Мильтюши]. С его родителями я знакома еще не была. Приехали мы туда, захожу, а домик небольшой. Захожу, и: «Здрасьте, мама!». Сразу назвала ее мамой, и всё. А потом в мае они устроили праздник, мой отец приезжал. Гуляли мы. Ничего у меня такого не было. Платье темное было с цветами, без фаты. Какая там фата? Жили мы вместе-то уже сколько? Март, апрель, май! Погуляли.

А в армию Федю осенью забрали, на флот на четыре года. На машине его увезли, а я всё окошко проглядела, думала, что вернется. Осталась одна в деревне. А мы там больницу штукатурили, память хорошую оставили! И деньги по 1000 р. зарабатывали в то время. Пальто тогда купила себе с песцом! Сшили мне!

В деревне еще Федины братья младшие оставались: Паша, Лёня и Петя. Они тоже работали. А Паша большой был, он меня охранял, когда я на танцы ходила. Танцевали мы там с одной Сашей. Она говорила, что я стилига! Это даже до свекрови дошло. А она мне говорит: «Галья, ты знаешь, говорят, чтобы ты там сильно не стилияла!». А мы же по-городскому приехали! А Паша ходил за мной, как телохранитель, чтобы я нигде и ничего!

А свекровь всем рассказывала, что я всегда всё чищу. Ребятишки же с грязными ногами приходят, а потом на постель. Я вымою всё тут. Она хвалила меня! А остальные снохи обижались.

А потом я пожила примерно с год, а потом подумала, что же я буду тут делать? Написала родителям в Татарск, а они сказали приезжать, и я уехала.

А Федя был минером. Он там что-то разминировал, и ему через девять месяцев дали на побывку. И тут-то я Юрой и забеременела. Федя обрадовался и сказал: «Это чтобы ты меня дождалась!». Юра родился, и Федя опять приехал. И мы поехали в Мильтюши опять, с ребенком маленьким. Там погостили и уехали в Татарск. А потом я его еще три года ждала!

У-у! Как тяжело было ждать! Молодая была, хочется погулять. Пошла один раз с Иринкой Шастаковой на танцы, а там к нам солдаты привязались! Мы пошли домой, а они за нами! Что делать, чтобы им свой дом не показать? А там на этой же улице жила моя двоюродная сестра. Мы туда с Иринкой забежали, калитку закрыли. А они стоят поодаль и никуда не уходят! Мы стояли-стояли, но идти-то надо. Иринка недалеко здесь жила, а мне туда дальше бежать! Наверное, метров 50!

В следующий раз пошли на танцы, встретили их. А они шутят: «Видели мы, где вы живете!». Кстати, танцевали мы под пластинки. Были и танго, и фокстрот, и вальс, – я его очень красиво танцевала! (А Федя танцевал нескладно. Не могу с ним танцевать! Сама по себе!)

Один раз пошла в кино, и какой-то там увязался за мной! Провожать меня собрался. Я ему говорю, что замужем, а он: «Где твой муж?». Я от него убежала. А я что хочу сказать? Очень тяжело ждать. Даже плакала дома, что годы молодые летят, а я сижу и жду.

Федя когда приехал, мы поехали в Бердск – его тетя Тося здесь жила. Он устроился масте-ром, а я, помню, захожу к тете Тосе, а у нее собака такая большая была! Она на меня рычит, а я боюсь в квартиру зайти. Медленно прошла мимо нее, села на диван, да так и не встала, пока тетя Тося не пришла с работы. А у тети сын был, Коля, так Федя меня всё ревновал к нему! Но жили мы у них недолго. Я им помогала белить.

Мы потом переехали на улицу 8 марта, жили на квартире, а потом устроились на БЭМЗ². Кстати, я еще до этого официанткой работала! Когда приехали, невозможно же было найти работу, даже прописаться нельзя было. А у Феде родственник был – Иван Почтарь, гаишник, так его тут все боялись! Заместитель его «Почтарёнок» звал. Он нас и прописал, а то мы бы сюда вообще не попали. В 1965 г. мы квартиру получили, вот как! А в 1967 г. родился у нас Толян!

А еще, помню, 7-го [ноября] ходили на демонстрацию. Хорошо было, весело! Пляшем и танцуем!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мильтюши – возможно, Верх-Мильтюши – селение на территории современного Черепановского р-на Новосибирской обл.

² БЭМЗ – Бердский электромеханический завод.

Научный руководитель, автор примечаний: д-р ист. наук, профессор В. А. Зверев.

УДК 94(47) + 39

О. А. Тарасенко

Новосибирский государственный педагогический университет

«БЫТУЕТ ТАКОЕ ПОВЕРЬЕ...». ПЕЧАЛЬНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ П. С. КОШЕУТОВОЙ

Я записала воспоминания моей бабушки Кошеутовой Полины Степановны (в девичестве Кириенко). Родилась она в 1932 г. в д. Верх-Мильтюши Черепановского р-на Новосибирской обл., сейчас проживает в Новосибирске, пенсионерка.

Бабушка Полина – отзывчивый, целеустремленный, эмоциональный, гостеприимный человек. Досуг проводит, читая книги (любит Пушкина и Есенина), смотрит развлекательные программы. В выходные дни готовит что-нибудь вкусное: испечет пирог, настряпает блинчиков, пирогов с картошкой. У бабушки всегда полон дом гостей. Любит она пригласить подруг и устроить чаепитие в уютной домашней обстановке. Она говорит: «Пока все не съешь, домой не пойдешь». Думаю, что это связано с памятью о собственном голодном детстве.

Несмотря на материальные трудности, она воспитала своих детей, племянников (ее сестра рано умерла, и баба взяла на воспитание несовершеннолетних детей), а внушек и сейчас воспитывает. Это говорит о том, что у нее доброе сердце. Не каждая бабушка взялась бы воспитывать детей, иная просто отдала бы их в детский дом.

Бабушка охотно согласилась поделиться своими воспоминаниями. Она считает, что семейная память должна передаваться из поколения в поколение. Хочет, чтобы ее внуки и правнуки в дальнейшем, в пожилом возрасте, тоже писали такие воспоминания.

Воспоминания записаны мною почти дословно. Бабушка согласилась на их публикацию, сказала так: «Пусть печатают – жалко, что ли. Если надо, мы еще вспомним что-нибудь!» Я очень люблю свою бабушку и желаю ей здоровья и долгих лет жизни.

Оксана Тарасенко

Голодное детство в деревне

Бытует такое поверье: если человек первую половину своей жизни проживет плохо, то вторую половину – обязательно хорошо, счастливо. Но в моей жизни такого не случилось. У меня и первая половина жизни тяжелая, а вторая еще тяжелее.

Я родилась шестым ребенком в семье. Было нас девять человек: четыре брата, три сестры, отец да мать. Родители – Кириенко Степан Петрович, мать Кириенко Ирина Сафроновна – были батраками, затем работали в колхозе день и ночь. Оплаты за свой труд почти не получали. По силе возможности держали свое хозяйство. Налоги были ужасными. От коровы надо было отдать государству 500 л молока при жирности 4 %. В колхозе у нас была молоканка, куда мы носили это молоко. Если в молоке не было 4 % жирности, то надо было нести 600 литров. И поэтому почти всё молоко отдавали государству, мы его почти не видели. От курицы отдавали 500 яиц за лето. Так и отдавали все продукты государству. Поднимали советскую власть. Сами помирали с голоду.

Война забрала всё наше детство. Был страшный голод. Вся деревня жила очень бедно. Картошки в огороде не народило, а хлеба мы в глаза не видели. Опухали с голоду! Не знаю, как мы выжили! Как только сходил снег с земли, мы всей ребятней шли в лес и целый день питались в лесу. Ели всякую траву: саранки, медунки, пучки, слезунки. Собирали колоски на выжженном жнивье. Они поджаренные на солнышке, мы их нашелушим и едим эту пшеничку. Это был наш хлеб. Домой такую пшеницу нести было нельзя – за горсточку пшеницы сажали в тюрьму.

В школу я почти не ходила: из-за войны голодовали мы, какое мне было ученье, да и не в чем было. Была у нас одна фуфайка на семерых человек и одна пара сапог на разную ногу. Так и жили, ходили в этой одежонке все по очереди. Может, кто из начальников жил хорошо, кому хлеб был доступнее, но вся наша деревня жила плохо – бедно, голодно. Избушки у нас были все одинаковые, да какие там избушки, одно название – так, землянки. Спали на соломе около печки, чтобы не замерзнуть. Ужасная была беднота!

На фронт из нашей семьи ушло четыре человека: отец и трое старших братьев. Израненные, но всё же живые, вернулись домой. Тяжело нам жилось без отца и братьев, вся тяжелая работа доставалась маме, мне и сестрам.

Закончила я школу в 17 лет, потому что в годы войны не ходили учиться. У меня была мечта: научиться шить. И эту мечту я осуществила в Новосибирске.

Жизнь в Новосибирске

В 1950 г. поехала я в Новосибирск. Поступила в швейный техникум. Уж очень хотелось мне научиться шить. После сдачи экзаменов мы с моей подругой поехали со студенческими листами домой в деревню. Директор школы очень был удивлен и обрадован, вертя в руках мой студенческий лист.

В то время из колхоза было не выбраться, но нам с подругой по нашим документам дали справку из колхоза. Мы получили паспорта и вернулись обратно в Новосибирск. Но учиться дальше в техникуме я не смогла, не было материальной возможности. И я пошла работать. Устроилась работать на жиркомбинат. Проработала я там до 1995 г., 45 лет день в день, и не жалею об этом. Ушла на пенсию. Имею две награды. Работала на разных должностях: и на руководящих (бригадир туалетных мыл), и простой рабочей.

И вот пошла моя жизнь по руслу. Вышла замуж, родила двоих детей: мальчика Виктора и девочку Ирину. С мужем мы познакомились летом 1954 г. Я шла с работы с ночной смены, а напротив проходной был гараж жиркомбината. На лавочке сидело двое мужчин – один пожилой, другой молодой. Пожилого я знала, он был другом моего брата – Григорий Алексеевич. Так вот, Григорий Алексеевич и говорит моему будущему мужу Роману: «Женись, Ромка, на этой девчонке, хорошая она, не пожалеешь!». Я в молодости была красивая – высокая, стройная, чернявая с голубыми глазами. Послушал он совета своего старшего товарища и стал за мной наблюдать. Встречались мы два года, потом сыграли свадьбу. Я была активной комсомолкой, и поэтому свадьба у нас была комсомольской.

Прожили мы с ним 46 лет. Построили сами дом, не очень большой. Забрали родителей мужа к себе из деревни, они прожили с нами 22 года, пока не похоронили. Жили не богато и не бедно. Голодными не были: было, на что лечь спать и чем укрыться, крыша над головой. Держали двух свиней и семь кур. Осенью муж с товарищами заколют их (полные сенки мяса было), я на жарю свежей свинины, бутылку поставлю мужикам, они сидят, обмывают. Вот такой у нас был праздник. И я часто вспоминаю свою маму! Как же ей было тяжело, как не разорвалось ее сердце на куски, что семеро детей голодных сидят, и нечем их было накормить. Это же такая боль нечеловеческая, не свойственно ее вынести, а всё пережили.

Жизнь шла потихоньку. Подрастали дети, пошли учиться в школу. Учились хорошо. На родительское собрание ходила, как на праздник. Учителя детей хвалили и говорили, что моим детям прямая дорога в вуз. Но в вуз мои дети не попали, пошли работать, женились, завели свои семьи.

И вот моя жизнь перевернулась с ног на голову. Осиротели дети дочери. Оксане было тогда два года, а Марине десять лет. Пошла у меня черная полоса в жизни. Оформила я опекунство и взялась растить и воспитывать внучек. Очень трудно приходилось, и возраст уже не тот. Когда муж был живой, было легче – как-никак, две пенсии, да пока я работала, он сидел с внучками дома. Муж умер 9 лет назад, осталась я одна с двумя внучками. Было тяжело. Да и

здоровье сильно пошатнулось – отказали ноги, еле-еле передвигаюсь по дому на костылях. Несмотря на трудности, вырастила я внучек без вредных привычек. Старшая Марина работает, живет отдельно от нас, младшая Оксана учится в университете. Живем мы с ней вдвоем, живется нам с ней хорошо!

Весь мир поведала!

Когда мне было 45 лет, у меня пропал голос, я совсем не могла разговаривать. Обратилась в больницу, по всем врачам наш лор меня водил. В одной из клиник я у очередного врача спрашиваю: «Что Вы у меня ищите?». Врач говорит: «Ищем туберкулез горла! Но туберкулез горла не может быть без туберкулеза легких, а легкие у Вас чистые».

Ну, тогда было советское время – свои профсоюзы, свои завкомы. Можно было взять путевки куда угодно. И мне дали путевку в Ялту на Черное море. Это был конец мая – начало июня, я поехала в Ялту. Покупалась я в Черном море, принимала хорошие ингаляции эвкалиптовые, и домой я приехала уже говорящей. Кроме лечения, были и экскурсии, я, конечно, на все экскурсии записывалась. Было очень познавательно и интересно! Запомнилась мне больше всего экскурсия в городе Севастополе. До сих пор остались в памяти диорамы, панорамы и памятник погибшим солдатам. Севастополь же был разрушен в годы войны почти полностью, нам показывали одно-единственное здание, которое уцелело. И ведь отстроили же новый город, да еще какой красивый!

Потом мне дали путевку в Геленджик. В Геленджике мне запомнился бюст Ленина, выложенный из камня на горе. И в какую бы сторону не пошел, Ленин как бы смотрит на тебя. Нам рассказывали, что этот бюст якобы сделал один заключенный, и его за это освободили. Насколько это правда, не знаю. Ездили еще в Новороссийск, на родину шампанского и вина.

Также по туристической путевке я ездила в Киев, всего за 30 р. туда и обратно. Каждый день ходила на экскурсии, а то и по два раза в день. Киев, конечно, город чистый, красивый. Мы были в начале мая, там уже вовсю на клумбах цвели тюльпаны. Спускались в Печерские Лавы (правильно: пещеры Киево-Печерской лавры. – *О. Т.*). Нас, сибиряков, что удивило: изобилие всевозможных продуктов в магазинах. Это и колбасы разных сортов, и живая рыба на твой вкус, и тушенка, и сгущенка – ну чего там только не было. У нас в Сибири это редко где увидишь. А какая там посуда – глаз не оторвать. Я как зашла в магазин с посудой – не знала, на что мне смотреть, что купить: глаза разбегаются. Я домой привезла 36 бокалов, каждый бокал сам по себе хорош.

Была в Ленинабаде. Моя подруга уехала туда жить и все писала письма, звала в гости. Вот я с детьми и поехала. Купались в Сыр-Дарье, загорали. Увидели, как растет хлопок. В Ташкент приехали утром, пошли на базар. Такого я нигде не видела: каких фруктов там только не было, всё такое вкусное – не знаешь, что брать. Я очень люблю вишневое варенье, пошла за вишней. Смотрю, женщина вишню продает – 5 р. одно пятилитровое ведро. Я ей говорю: «Что так дешево продаешь? Поезжай к нам, у нас вишня 5 р. за килограмм». Она спрашивает: «А где это у вас?». Я отвечаю: «В Сибири, в Новосибирске». Она: «Ой! Там так холодно». Я: «Ну, сейчас не холодно, сейчас там лето». Она мне и говорит: «Нам никогда там не побывать, может, дети наши в армию пойдут и попадут в Сибирь».

И я вот сейчас думаю: как же жизнь-то переменялась, сколько же «иностранцев» в нашу страну понаехало. Может, и женщина эта где-нибудь у нас на рынке вишней да разными фруктами торгует.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор В. А. Зверев.

«ЖИВУ ОДНИМИ ВОСПОМИНАНИЯМИ». ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА М. С. МАЛОВОЙ

Я приглашаю читателей в мир человека, для которого любовь превратилась в трагедию. Выношу на ваш суд исповедь женщины, прожившей трудную жизнь. На ее пути было много испытаний, но она смогла вынести всё и не растеряла силы духа и разума. Таков удел сильных женщин. Сильная женщина – это моя бабушка.

Малова Мария Семеновна родилась в 1930 г. в пос. Колывань нынешней Новосибирской обл. Точного дня своего рождения бабушка не знает. Ее мама рассказывала, что она родила ночью в Крещенские морозы. Весь поселок отмечал праздник, и было совсем не до нее. Только значительно позже ребенку поставили дату рождения – 23 января.

Проработав всю жизнь на почте, бабушка оставила добрый след в душах людей. В трудовой книжке у нее одни отметки о награждениях, много почетных грамот. Сейчас ей 78 лет, но она не утратила своей активности. Живет в частном доме в с. Мочище. Бабушка топит печь, ходит в магазин, варит, стирает, убирается и не клянет судьбу, а радуется каждому дню.

Наша беседа проходила в очень дружеской обстановке. Я приехала к ней в гости и весь день мы разговаривали. Бабушка напекла беляшей, и за чашкой чая мы начали беседу. Было безумно интересно ее слушать, я как будто сама окунулась в ту жизнь, в те нелегкие времена. Узнала много нового, интересного.

Бабушка поразила меня своей открытостью и яркой памятью. Про свое детство рассказывала без остановок, вспоминала смешные моменты и хохотала. Про военные годы решила написать сама: сказала, что ей тяжело об этом вспоминать. Она помнит все до мельчайших подробностей, но ведь это было так давно... Особенно меня поразила жизнь моего деда. Дедушка отслужил Родине 7 лет, но погиб в мирное время. Это был добрый и любящий жизнь человек, который трагически погиб. А я бы так хотела увидеть его... Но, увы, судьба распорядилась иначе.

Я рада, что мне выпала такая возможность пообщаться и еще больше полюбить свою бабушку. Порой мы забываем, что рядом с нами родные люди, которым надо дарить как можно больше тепла души. Ведь они так ждут, чтобы с ними просто поговорили, пошутили, да просто попили чайку. Ведь жизнь такая короткая, и старые люди считают каждый прожитый день подарком судьбы.

Спасибо преподавателю, который дал нам такую интересную тему для размышлений. Я обогатила свою душу и порадовала бабушку.

Оксана Трампольцева

Детские годы

Родилась я 23 января 1930 г. в Колывани. Отец до революции батрачил, а мама была крестьянка. После революции отец работал в колхозе, а с 1931 г. – в отделении связи до ухода на пенсию. У нас был свой дом в Колывани. По тем временам – хороший, с подвалом, в котором можно было жить. Были большой огород, свой колодец. Хозяйство – корова, свиньи. Этим и жили.

Семья была дружная. Детей нас было шестеро: четыре сестры и два брата. У нас в семье нет неграмотных. Две сестры работали главными бухгалтерами, одна – товаровед, а я пошла по отцовской линии, всю жизнь на почте. Один брат – шофер, второй получил высшее образование, работает до сих пор начальником цеха в г. Волжском.

В военные годы я училась в школе в Колывани. Жизнь была очень и очень трудной. Бумаги, чернил, ручек, книг не было, и зимы были очень холодные, а ни обуви, ни одежды нечего. Пальтишки-зипунишки застегнем ремнем потуже, валенки на босу ногу – и в школу. На улице в лютый мороз изучали военное дело: строем ходили, противогазы надевали. Учились стрелять, даже винтовку нам давали подержать. Сумки были сшиты у кого из штанов, у кого из кофт. Холод в школе был жуткий. Для того, чтобы хоть чем-то топить печку в школе, нас вывозили рубить тальник.

Помню всех своих учителей. Алексей Андреевич Теребин пришел преподавать нам немецкий язык с войны, его комиссовали после ранения и контузии (он был на войне разведчиком). Мы часто срывали уроки, задавали нелепые и глупые вопросы. А он простодушно на всё отве-

чал и рассказывал про войну. Целый урок мог показывать нам свои часы немецкие. А на следующий день все начиналось сначала. Гавриил Никифорович преподавал физику и математику. Мы все списывали друг у друга, а он всё видел и молчал, а потом вызывал и объяснял. Время было страшное, тяжелое, но мы все были какие-то дружные, радостные. Я с удовольствием ходила в школу и хорошо училась.

Придешь из школы – голодно, холодно. Идешь с мамой собирать колоски, а Галя – старшая – с маленькими нянчится. Насобираем колосков, придем, кашу наварим и лепешек напечем, всех накормим. Мама, бывало, картошку варит и муки туда добавляет, чтобы сытнее было. Из овса кисель варили. Наверное, и выжили потому, что овощи ели – лук, чеснок, картошку, капусту, брюкву, редьку.

Поешь лепешек, попьешь воды из колодца и ложишься на печку. Зимой на печке спали, а летом на полу. Залазишь на печку, лежишь и мечтаешь, как кончится война и все будет хорошо, все будут сытые, счастливые. Играли в куклы: в магазине продавали резиновые головы, а туловище мы с Галушкой пришивали сами. Так и играли, как придумаем.

Папа у нас работал всю жизнь один, денег ни на что не хватало. Иногда он приносил нам с полочки леденцы, конфеты «Дунькина радость», и это было настоящее счастье. На войну папу не взяли, потому что у него была бронь: он разговаривал по телефону, и трубку пронзила молния, он почти оглох. Папа до пенсии проработал заместителем начальника линейного узла связи почти глухим. Мужиков-то почти не было, всех на фронт забрали. Нашей семье повезло, что был работник.

История семейных отношений

Закончив 8 классов, я поехала в Новосибирск учиться дальше. Родители очень хотели, чтобы мы получили образование и были грамотными людьми. В Новосибирске мы с подружкой снимали квартиру. Поступила в медицинское училище, отучилась там год и сбежала – не понравилось. Как только практику стали отрабатывать, стали в морг ездить, там нам всё показывали, вот я и бросила училище. Потом шла мимо почтамта, увидела объявление о приеме на курсы телеграфисток-морзисток и с радостью пошла учиться.

Отучилась, работала на Центральном телеграфе, но жить на квартире было тяжело, денег не хватало, и уехала опять в Колывань. Там я устроилась по специальности и стала работать телеграфисткой-морзисткой. Именно здесь я и познакомилась со своим будущим мужем Александром Маловым, он работал монтером радио.

Родился он в 1926 г. На фронт его взяли, когда ему еще не было 18 лет. Их учили на сержантов в Омске, после месяца обучения повезли в телятниках на фронт в Венгрию (это был уже 1944 г.). Условия были ужасные, кормили плохо: утром сухарь, в обед два сухаря, водой дадут запить, и всё. Из Омска их было 127 человек, после первого же боя осталось только двое.

На войне его ранила разрывная пуля: попала в автомат и перебила руку. Он чудом остался жить. Саша рассказывал: «Сам не знаю, как выжил. Дают приказ лежать – и лежали пять суток в промозглой ледяной земле». Так он отморозил палец на ноге. Пока он лежал в госпитале, война на западе закончилась, немцы капитулировали.

После этого их послали на восток. Япония все время хотела открыть второй фронт. Наши солдаты перешли степь и горы Хинганы. Японцы не ожидали, что кто-нибудь перейдет эту степь, это могли только русские солдаты. После наши войска ввели в Китай, в том числе и Сашу. До 1950 г. он был в Китае. Не суждено ему было погибнуть на войне. Он имел девять или десять медалей, две из них – за героизм.

Мы с ним после войны и встретились. Очень долго дружили, могли весь вечер просидеть на лавочке. Саша меня очень любил, всегда приходил на работу, а в руках цветы (пока идет на работу, нарвет ромашек или других полевых цветов). Только я почему-то не нравилась его родителям.

Поженились, когда ему было 32 года, а мне – 28. Была небольшая свадьба, если можно так сказать. Какое было платьишко, то и надела, ведь денег не было совсем. На свадьбе были мои родители, Сашины родители и гостей человек 15 (сестры, братья, друзья). Сашины друзья играли на гармонии, все танцевали, пели песни. Кто бы знал, как мы были счастливы! Сначала мы пожили у Сашиних родителей, но так как я не нравилась его родителям, мы в скором времени ушли на съемную квартиру.

Позже Саше, моему мужу, дали от работы дом – купеческий дом. По тем временам, это было чудо. Какой он был красивый, залюбуешься! Стоял в центре Колывани. Весь фасад и фронтоны, наличники были ручной работы. Кругом резьба необыкновенной красоты. В доме были огромные окна, высокие потолки. Как нам рассказывали, в нем жил купец, который выделявал

кожи и продавал в Москву. На крыше была большая голубятня, и наши ребятишки нашли там небольшую кружечку хрустальную, инкрустированную камнем, необыкновенной красоты. Но она не сохранилась – ребятишки игрались и разбили. Может, на чердаке и было что-то спрятано, да никто не искал. А в подвале дома были фюзеляжи, крылья и другие детали от самолетов, потому что раньше этот дом отдавали ДОСААФ. Теперь этот дом снесли. Очень плохо, была бы память, история...

Так вот, в этом доме нам было дано прожить несколько лет счастья. За эти годы я родила троих детей. Саша детей очень любил, я не встречала больше в жизни человека, так любившего своих детей. И всегда говорил, что нет счастливей его на свете. Но слишком мало было отмерено ему и мне этого счастья.

Сашка всегда все делал сам, он был очень работающий. Не мог усидеть без дела. В 1966 г. ему исполнилось 40 лет, а на следующий день его вызвали на работу. Случилась авария, и его убило током на столбе. Вот и всё: я думала, жизнь на этом закончилась. Зачем жить? Ведь я рожала детей для нас двоих. А теперь что? (Бабушка заплакала. – *О. Т.*).

Воспоминания о любимых детях

Меня спасли мои же дети, со своим неумным характером, фантазиями, жизнелюбием. Они любили жизнь и радовались мне, когда я приходила с работы. Все время спрашивали, когда папа вернется с работы. Старший сын Гена (ему тогда 10 лет было) не мог поверить, что папку больше не увидит. Он Наташе и Вите сказал: «Будут чужого дядьку завтра хоронить. Вы не верьте, что это наш папка. Завтра мы спрячемся в сарайке и будем там сидеть, пока дядьку чужого не похоронят». Когда Сашу стали на улицу выносить, нужно было прощаться, я смотрю – а детей нигде нет. Мы стали звать их, я пошла искать, кое-как вытащили из сарая – не хотели дети выходить. Всё кричали, что ты обманываешь, это не наш папка. Страшно все это вспоминать, как начинаю вспоминать, так сердце сразу болеть начинает.

Страшный удар был нанесен судьбой по Наташе. Ей было 7 лет, когда умер отец. В страшный день похорон я оставила ее со своей сестрой, а Аня пошла вещи относить в морг и зачем-то взяла с собой Наташу. Сказала ей, чтоб она не заходила, подождала ее. А Наташа долго тетю ждала и зашла туда, чтобы позвать. Увидела там своего папу – черного, обгоревшего. После этого она целый год не могла учиться, долго не разговаривала.

Через два дня после похорон я повела ее в школу в 1-й класс. Все дети в школу нарядные пошли, а Наташе не в чем было, так в старом платьишке и пошла. Она совсем ничего не видела перед собой. Когда учитель спрашивал, что на доске написано, она говорила, что там папка ее. Мне даже некогда было с детьми заниматься. Я не знала, как дальше жить, как я без Саши смогу детей растить.

Детишки помогали мне во всем. Хозяйство, огород – всё это было на них. Ведь я работала целый день, нужно было на что жить. Прихожу с работы – всё прибрано, скотина накормлена, огород полит. Скотины в то время у нас много было: корова, телок, свиньи.

Все трое моих детишек умными были. Я гордилась ими. Старший Гена был вообще разносторонне талантлив, учился на одни пятерки. Жалко только, что он был слаб характером. Витька был весельчак и балагур. В нем было столько жизнелюбия и энергии. Наташа росла доброй и послушной девочкой. Дети были моя надежда и опора.

Через три года после смерти мужа я встретилась с мужчиной... (Наверное, меня никто не поймет. Но мне нужно было как-то жить дальше. В то время было очень тяжело растить детей одной. Конечно, мне помогали все понемножку, спасибо им огромное.) Сейчас, спустя годы, я все перебираю в памяти и думаю, права ли я была тогда, выбрав Михаила в мужья, не слишком ли много заплатила за эту «любовь». Но выбор тогда был сделан. Мне казалось, что нам станет легче жить с ребятишками.

Мы уехали в д. Черемшанку, и, наверное, я сделала большую ошибку, оставив свой дом в Колывани. А в Черемшанке мы пришлось не ко двору. Хозяйство, заведенное там, не велось. Телок постоянно кружился и падал, потом умер. Собака днем и ночью выла. Дети боялись оставаться в этом доме одни. Как будто предвещало все это беду скорую.

Весной, когда была посевная, убили моего сына Витю. Просто! Нечаянно! Мальчишка такого же возраста выстрелили «играючи» в Витю. И убил. Сразу же умер, даже до больницы не успели довести. Мальчишки всей гурьбой прибежали к нам (мы с Наташей пирожки с ливером жарили) и стали кричать: «Тётъ Маш, Витьку застрелили!» Я как была босиком, так и побежала

ла. Прибжав вместе с Наташей, увидела, что уже поздно, положила голову Вити на колени к себе и стала кричать.

Я думала, после смерти мужа ко мне не придут больше напасти. Оказалось, это совсем не так. Начался отсчет кругов ада на этой земле. Жизнь преподнесла мне страшный урок. Я все время спрашивала у Бога – за что? Сначала похоронила мужа, а теперь схоронила сына. Ведь ему было всего 13 лет, он пожить совсем не успел. Сразу же я переехала в Колывань к своему отцу, похоронила там Витю.

А потом мы переехали во Вьюны Колыванского р-на. Там купили дом, и через год я родила Ольгу, еще одну дочь. Я родила Олю в 40 лет, роды были очень тяжелыми. Я кое-как выкарабкалась.

Начался этап новой жизни – такой страшной и трагичной, что и рассказывать не хочется... Но ведь это тоже жизнь, и ее не вычеркнешь. Мой гражданский муж Михаил оказался очень жестоким человеком. Он просто стал издеваться надо мной и моими детьми. Идти нам было некуда, и жить не на что. Жили – одному Богу известно как!

Вспоминать те годы тяжело и больно (бабушка плачет. – *О. Т.*), но было и много радостных дней, опять же благодаря детям. Наташа всегда нянчилась с маленькой Олей. Воспоминания сохранились и хорошие, там жили хорошие люди, сельчане, которые помогали друг другу и в горе, и в радости. Было много раз, когда соседи приютили моих детей. Михаил приходил пьяный домой и выгонял их на мороз ночью. Я пыталась его остановить, но удары получала сразу же. Наташа с Геной бежали, раздетые, в мороз по сугробам через огороды к соседям. Я не знала, что мне делать, как быть: и свою жизнь гублю, а самое главное, детей.

Я сейчас смотрю на иных ребяташек и поражаюсь их невоспитанности, вседозволенности. Мне и воспитывать своих было особенно некогда, всё шло своим чередом – работа, хозяйство. Они у меня были патриоты, я гордилась ими. Когда горела школа, напротив нашего дома, все мои ребяташки первыми бросились в пекло и вытаскивали школьное имущество. Тащили в дом раненых бездомных собак, кошек и делили с ними каждый кусочек хлеба. Зимой ребята играли в войну, строили пещеры, но это были хорошие игры, они воспитывали себя сами – были храбрыми, смелыми, справедливыми, никогда не обижали младших, себя в обиду тоже не давали. У них была своя школа выживания. Мне никогда не стыдно было за своих детей. Это была моя гордость.

После пяти лет жизни во Вьюнах моему гражданскому мужу дали квартиру – частный дом в с. Мочище, куда мы и переехали, где и сейчас я живу. Гена стал работать начальником почтово-багажного вагона, женился, у него родилось двое детей. Мальчик и девочка, Саша и Наташа. Однажды (это был 1989 г.) он уехал в очередную поездку по маршруту Новосибирск – Чита, и уже не вернулся. А привезли его через семь дней в большой «посылке» из Читы. Он умер в возрасте 33 лет в кардиологическом центре Читы от воспаления легких: произошла остановка сердца. Сердце у него было слабым. А мог ведь остаться жить, если бы не этот «патриотизм», как я это называю. Ведь скорая приезжала на станцию в Уфе, в Иркутске, но он не соглашался на госпитализацию. Просто потому, что был очень ответственным и добросовестным работником. Как парни потом рассказывали, всё говорил: «Ну, на кого я это оставляю – столько документов, ценных писем, бандеролей».

Вот так я похоронила второго своего сына в 33 года. Очень мне было тяжело, ни в каких словах и речах не опишешь и не передашь материнское горе. Похоронить двух сыновей и остаться жить самой! Но надо жить для того, чтобы жить. Хочется сказать всем людям: будьте терпимее друг к другу, учитесь ценить и понимать, любить и прощать. Ведь всё в жизни коротечно, а мы всё куда-то бежим, забывая сказать кому-то доброе слово. Иногда вспоминаем с теплом о человеке, когда его уже нет.

Вот так и я, простая русская женщина, живу теперь одними воспоминаниями, о том, как прожила эту жизнь. Мысленно разговариваю со своим первым мужем, с сыновьями, и часто задумываюсь над своим предназначением в жизни. Никогда не теряйте силы духа, выстаивайте в любой ситуации, какой бы тяжелой она ни была.

Мне в январе 2009 г. исполнится 79 лет, буду ждать в гости своих дочек и внучек. Хочу, чтоб все они были счастливы и не забывали меня.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор В. А. Зверев.

**«ЖИЗНЬ СВОИМ ЧЕРЕДОМ».
ВОСПОМИНАНИЯ А. К. ГЛУЩЕНКО
О ДЕРЕВЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

Моей бабушке Глущенко Александре Константиновне 84 года. Проживает она в райцентре Краснозерское Новосибирской обл. Вот уже почти 25 лет – пенсионерка. Бабушка живет одна: один ее сын – в Ямало-Ненецком автономном окр., другой – в Новосибирске, а дочь (моя мама) живет хоть и в Краснозерском, но отдельно, с мужем, моим отцом. Мама часто навещает бабушку, сыновья приезжают летом во время отпусков. Когда я на каникулах, часто бываю у бабушки, так что без присмотра она не остается. Бабушка очень любит читать книги. Даже сейчас, несмотря на плохое зрение, каждый день прочитывает по несколько страниц.

Когда мы получили задание записать воспоминания своих пожилых родственников, я позвонил бабушке в Краснозерское: она единственная осталась в живых из моих бабушек и дедушек. Это было в декабре 2009 г., но приехать удалось только в январе 2010-го после сдачи сессии. Бабушка показала тетрадь, в которой исписала всего три листа. Естественно, этого было мало. Тогда я, используя функцию «Диктофон» своего мобильного телефона, взял интервью у бабушки, задавая ей вопросы, чтобы легче было вспоминать.

Работа продвигалась медленно, так как у бабушки серьезные проблемы со здоровьем, и необходимо было время для отдыха. К тому же объем карты памяти мобильного невелик, и приходилось прерывать работу, чтобы переписывать сведения в тетрадь. Записанную ранее часть интервью приходилось удалять и записывать уже новую. Способ работы неудачный, но найти профессиональный диктофон в Краснозерском не удалось. Таким вот образом мы старались с бабушкой две недели. В результате собранной информации оказалось больше, но не настолько, чтобы составить полное описание жизни бабушки. Часть рассказов о своей личной жизни она просила не публиковать, о чем я дал клятвенное обещание.

Записанный текст содержит много белых пятен, некоторые из которых, скорее всего, никогда не удастся заполнить, но кое-что можно попытаться раскрыть, привлекая архивные материалы. Например, я обязан выяснить, на каком из фронтов Первой мировой войны воевал мой прадед, имел ли награды за боевые заслуги, в каком именно плену он находился (у австрийцев или немцев), как ему удалось бежать. Можно постараться выяснить и обстоятельства участия моего деда П. А. Глущенко в Великой Отечественной войне. Он тоже участвовал в боях, был в плену у немцев, тоже сумел бежать.

Бабушка не смогла пролить свет на эти сюжеты в силу своей неосведомленности и преклонного возраста. Она говорила мне, что ее отец не любил вспоминать такие моменты, а муж вообще не говорил с ней на военную тему.

Артём Франк

Я родилась 25 марта 1925 г. в с. Луговое Краснозерского р-на. Помимо меня, у моих родителей было уже шестеро детей: Мария (самая старшая), Евдокия, Иван (умер до моего рождения), Михаил (родился в 1914 г., а убит на войне в 1941-м), Мария (которой было на момент моего рождения 4 года), Иван, родившийся в 1923 г. Василий. Константин и Петр родились уже после меня.

Отец мой, Писяч Константин Петрович, 1888 г. рождения, до 1930 г. вел собственное домашнее хозяйство, которое состояло из двух лошадей, двух коров, трех телят, одного поросенка, нескольких десятков курей и гусей, приблизительно 15 овец. Из инвентаря были плуг, сеялка, бороны, бричка (телега для перевозки сена и зерна), косы, серпы и другие предметы. В 1927 г. произошел пожар, который уничтожил все постройки и запасы на нашем дворе. Именно это спасло нас от раскулачивания, потому как нашего соседа Андрющенко, который жил на порядок хуже нас и которого отнесли к разряду кулаков, сослали в Нарым.

Мы стали считаться середняками и в 1930 г. вступили в колхоз. Отцу предложили должность счетовода и отделенщика по перегонке молока (отец считался самым грамотным в поселе-

ке, так как имел три класса образования). На этой должности он проработал до 1955 г., а затем вышел на пенсию, но пенсию стали выплачивать с 1961 г., с момента организации совхоза. Пенсия составляла 30 р. Умер он в 1972 г.

Мама, Писяч Анна Григорьевна (в девичестве Видюк), родилась в 1888 г. на Украине в Полтавской губернии, как и мой отец. В 1898 г. они, не будучи еще знакомы друг с другом, вместе со своими семьями переехали в Сибирь, в с. Мохнатый Лог. Мама не имела образования и помогала родителям по хозяйству. В 1909 г. мои родители поженились. Мама была домохозяйкой, а по вступлении в колхоз стала работать дояркой и на других работах: на сенокосе, постройке хозяйственных сооружений и др. Проработала она в колхозе до 1948 г. В 1969 г. она умерла.

Наш дом в Луговом состоял из двух комнат, кухни и комнаты. На кухне были русская печь, стол, скамейки. Посуда была глиняная, чашки – железные, ложки – деревянные, стаканы из стекла. Еду готовили в чугунах. На окнах висели занавески. Стены, образа и портреты были увешаны рушниками, расшитыми цветами. В комнате и кухне стояли иконы. Спали на деревянных настилах. Имелись гусиные перины, подушки были набиты гусиным и куриным пухом, укрывались люди одеялами из холста.

Для стирки варили мыло, также стирались и мылись щелоком. Щелок делали из древесной золы. Потом открылся магазин. В нем продавали мыло, соль и сахар.

Лечили нас бабки-знахарки. Давали пить травы, читали молитвы, вправляли кости.

С 6 лет я пошла в школу, но так как нас набралось всего два человека в класс, то учить нас не стали. В 8 лет я снова пошла в школу в 1-й класс. Школа была деревянной, в ней было три помещения: кухня, коридор и непосредственно класс. В школе училось два класса: старший (дети 10–11 лет) и младший – с 8 лет. Учитель был один: сначала Полина Алексеевна, потом Мария Федоровна, а в третьем классе стал преподавать мужчина. С 1 по 4 класс я училась в своем поселке Луговом, начиная с 5 класса – в с. Петропавловке. С 6 по 7 класс включительно училась в с. Мохнатый Лог, а в 8-м и начале 9-го – снова в Петропавловке.

С первого же класса на летних каникулах мы работали в колхозе: пололи картофель, пшеницу – пололи голыми руками. Месили навоз в деревянных станках, потом его сушили и складывали в кучи, а зимой топили им печь в доме, на ферме, в колхозной канторе. Разбрасывали по полю навоз или перегной для удобрения. И так каждое лето. Когда стали взрослее, работали на сенокосе, сгребали копны, а затем из них складывали стожки.

Еще когда вступали в колхоз, случился неурожай. Кушать было нечего, приходилось стряпать лепешки из лебеды, ели разную траву, чай доставали с трудом, а еще запаривали травы с ягодой. А когда колхоз поднялся, стали давать пшеницу – завели пасеку, и мед давали на трудодни. Давали просо, а уже из него делали пшено, толкли его в ступках. Мяса не давали, но потом разрешили держать корову, курей, овец, одну свинью. Со свиньи брали налог: когда ее зарежешь, необходимо было сдать шкуру. Шкуры забирали также с овец и крупного рогатого скота.

Когда я училась в Петропавловке, то жила на квартире у дальних родственников, в семье Фоменко. На выходные ходила домой в Луговое за 15 км за продуктами, которых набирала на неделю. Ходила осенью, зимой и весной – когда одна, а когда с подружками.

В Мохнатом Логу я жила у родственников, Ивана и Варвары Забейворота. Варвара Григорьевна была родной сестрой моей матери. Домой теперь было немного ближе, около 12 км. В школе Мохнатого Лога я изучала алгебру, геометрию, черчение, русский язык, литературу, ботанику, историю, географию. С 8 класса я снова начала учиться в школе Петропавловки. В нашем классе был 41 учащийся.

Как-то зимой в субботу я рано утром пошла из Петропавловки в Луговое. По пути зашла к родственникам в Мохнатый Лог. Пока была у них, началась метель. Я отправилась дальше в надежде, что метель утихнет. Но не тут-то было. Метель усиливалась, видимость была небольшая, я старалась идти по дороге, чтобы не сбиться с пути, и таким образом дошла до дома, где жила бригада рабочих. Этот дом стоял в 3 км от Лугового.

К этому времени уже было темно, заходить в дом я не стала и пошла дальше. Но до поселка так и не добралась – заблудилась. Сбилась с дороги и зашла на поля, где стояли стога сена, но потом и их не стало. Продолжала идти, не зная куда, пока вдруг не наткнулась на знакомую березку, которая стояла в километре от села. От этой-то березки и пошла прямо в сторону села. Когда шла, а когда и ползла, так как вся одежда на мне обледенела, валенки были полны снега, и идти становилось всё труднее.

Вдруг я наткнулась на крайнюю избушку-пластанку, в которой жила моя двоюродная сестра. Она меня впустила, сняла всю промокшую одежду, загнала на печь, чтобы я отогревалась, так как у меня было сильное переохлаждение. Дала горячей еды, чая, потом дала сухую теплую одежду. И тогда я пошла уже дальше к себе домой. Дошла быстро и дома уже переночевала, а на следующее утро с продуктами снова пошла в Петропавловку. Так я училась до второй четверти 9 класса.

Школу пришлось бросить, так как началась война, и я пошла на работу в колхоз. Сначала возила сено на ферму, а потом стала выполнять и другие работы.

В 1942 г. меня отправили учиться на тракториста в Краснозерскую машинно-тракторную станцию. Проучившись две недели, сдала экзамен на положительную оценку. Мне дали трактор, который после ремонта никак не хотел заводиться. Все лето пыталась его отремонтировать сама. За это время выучила устройство двигателя наизусть, но причину поломки не нашли ни я, ни механики: плавилась подшипники. Зимой я все-таки отремонтировала трактор и весной выехала на посевную.

Так и стала работать на тракторе. Когда еще трактор был в ремонте, мне рукояткой перебило руку (я пыталась его завести), был закрытый перелом. В Кулеме была женщина-костоправ, которая смогла залечить мне руку. На тракторе я пахала, сеяла, боронила, вывозила комбайны на поля, молотилки. Проработала на тракторе до 1946 г., затем меня заменили, и стала работать учетчиком.

В 1947 г. я поехала в районную Краснозерскую школу учиться на счетовода. Училась шесть месяцев, хорошо сдала экзамен и начала работать счетоводом в колхозе.

В 1948 г. вышла замуж за Глущенко Павла Артёмовича в с. Мохнатый Лог. Стали жить у его матери Ирины. С первого же дня он начал пить, и так продолжалось изо дня в день. Родила пятерых детей: Любовь умерла в возрасте 11 месяцев, так как испугалась пьяного отца, Валентина родилась в 1951 г., Иван – в 1952-м, Григорий – в 1954-м, Виктор – в 1955 г.

В 1955 г. из-за невыносимого обращения мужа я ушла вместе с детьми от него жить обратно в Луговое, где купила избушку за 500 р. и стала жить в ней с детьми. Но Павел Артёмович и там не давал спокойно жить, постоянно приходил пьяным, требовал, чтобы я взяла его обратно. Подговаривал других жителей села с тем, чтобы они на меня повлияли, часто требовал денег на выпивку. Так продолжалось до 1974 г., пока мой сын Иван не забрал меня жить в Краснозерское. Павел Артёмович так и умер от пьянки в 1979 г. в Луговом. Люди говорили, что он зашел на свадьбу, где сильно выпил и, не дойдя до дома, упал мертвым.

По приезде в рабочий поселок Краснозерское первое время я жила с сыном Иваном в однокомнатной квартире. Я устроилась работать в рабочком совхоза «Сибирь» бухгалтером. Затем мне дали трехкомнатную квартиру (31 декабря 1975 г.), в которой живу по сей день. В рабочкоме проработала до 1986 г., а после этого еще трудилась на многих работах. И еще 5 лет работала в бане совхоза «Сибирь».

В 2002 г. я окончательно перестала работать и стала заниматься домашними делами: вязать следы, носки, варежки внукам, а затем и правнукам, своим детям. Готовить еду внукам, живущим рядом со мной. Готовить настойку, которую мы пьем с внуком-студентом, когда он приезжает на каникулы. У меня есть небольшой приусадебный участок, выращиваю разные овощи, делаю заготовки на зиму.

В общем, жизнь идет своим чередом.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор В. А. Зверев.

Научное издание

**ОБРАЗЫ РОССИИ, ЕЕ РЕГИОНОВ
В ИСТОРИЧЕСКОМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием,
посвященной 75-летию Новосибирского государственного педагогического университета
(17–19 ноября 2010 г.)

В авторской редакции

На обложке: Свято-Троицкая церковь в с. Красное Ленинск-Кузнецкого р-на
Кемеровской обл. (построена в 1908–1910 гг., реставрирована в 1992–1995 гг.).
Фото *В. Зверева*

Подписано в печать 11.10.10. Формат бумаги 60×84/8.
Печать RISO. Уч.-изд. л. 44,75. Усл. п. л. 41,62. Тираж 200 экз.
Заказ №
ГОУ ВПО НГПУ, 630126, Новосибирск, Виллойская, 28

Отпечатано: ООО «Немо Пресс»
630001, г. Новосибирск, ул. Д. Ковальчук, 1, тел. 226-40-13, 212-40-99
E-mail: nemopress@mail.ru